This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

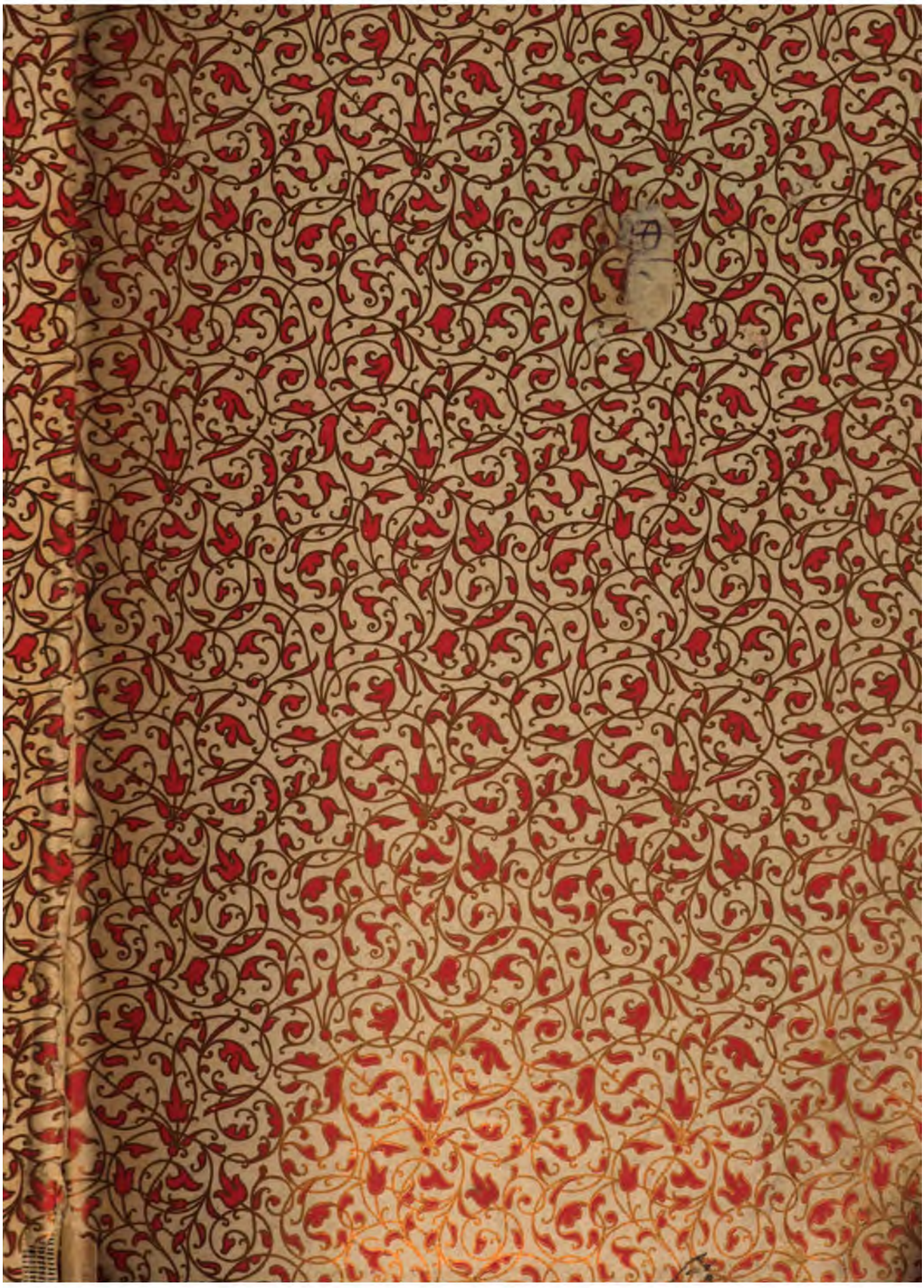
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Путь Христовъ



Con. Tokmanoff
1421 - Madison Ave. E.
Seattle 2, Wash.

Π-19.

ПУТЬ ХРИСТОВЪ.

„Азъ есмь путь, и истина, и животъ“ (Іоанн. XIV, 6).

Рядъ очерковъ, картинъ, разсказовъ и размышленій изъ земной жизни

Господа Нашего Іисуса Христа.

Изданіе Александро-Невскаго Общества трезвости, что при Воскресенской церкви «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви» (С.-Петербургъ, Обводный каналъ, № 116).

ΒΑΣΙΛΕΙΟΝ ΤΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ
ΔΙΟΙΚΗΣΙΣ ΑΓΙΟΥ ΟΡΟΥΣ

εύθερον δι' ἐξαγωγὴν εἰς Ἄλλο-
σαν τὴν Ἔγκρ. Ὑπουργείου Παιδείας
43085/846/1960
Ἐν Καρυαῖς τῇ 27-4-60

ΕΛΕΥΘΕΡΟΝ
ΕΝ
ΕΠΙΣΤΑΣΙΑ ΑΓΙΟΥ ΟΡΟΥΣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.
1903.

Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 27-го августа 1903 г.
Протоіерей **Философъ Орнатскій**.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

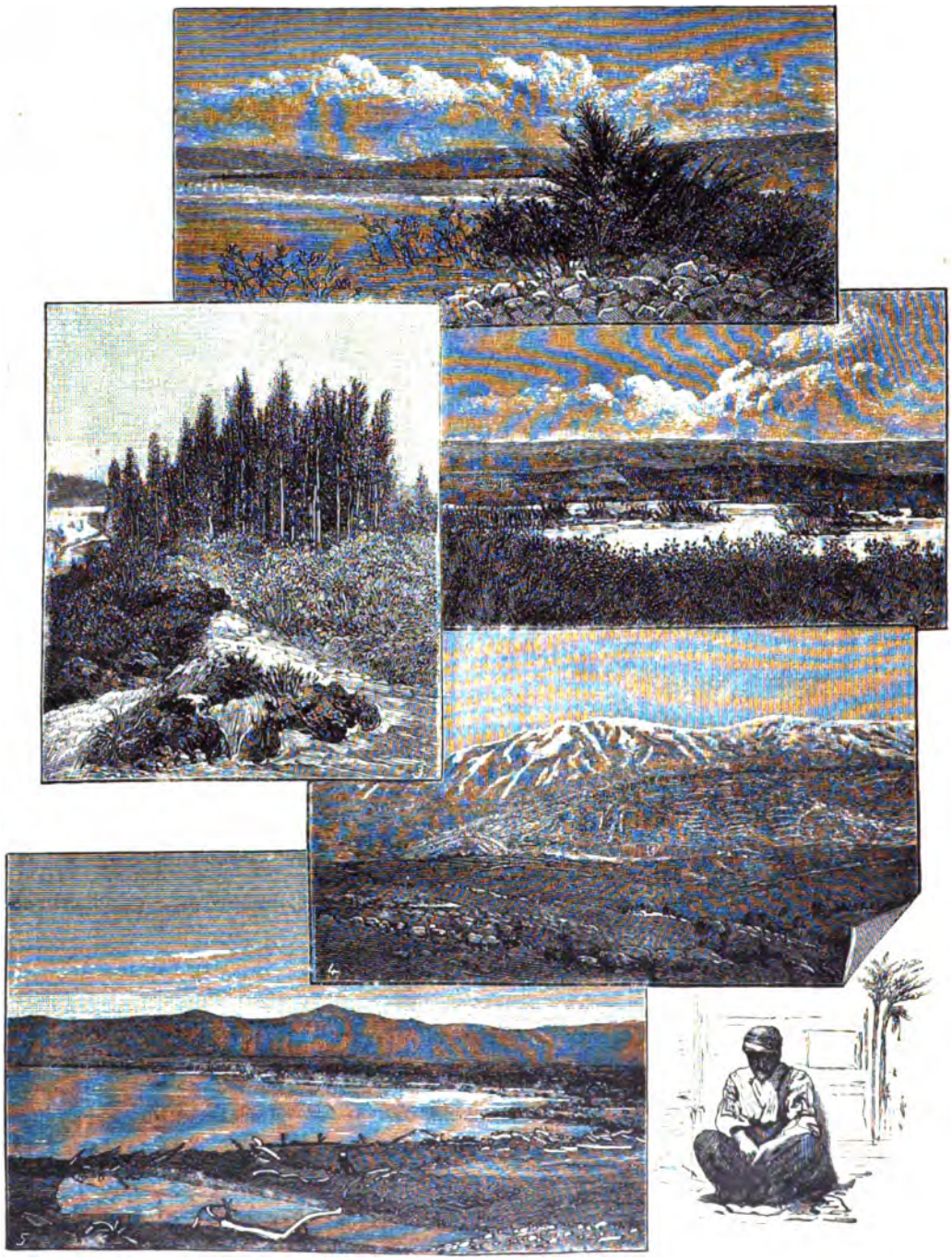
„Богъ многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніе дни... говорилъ намъ въ Сынѣ“ (Евр. 1. 1—2), Который, явившись для сего съ неба на землю *„умаленнымъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ“*, не имѣвшимъ „гдѣ главы подклонити“ (Мѳ. VIII, 20), въ безвѣстной Палестинѣ, изъ конца въ конецъ *„проходилъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя“* (Лук. VIII. 1—2): *„ищите... прежде царства Божія и правды Его и... все приложится вамъ“* (Мѳ. VI, 33).

Конечно, для благоговѣйнаго христіанскаго чувства дорого возстановить во всѣхъ подробностяхъ и земной путь жизни Спасителя,— дорого обозрѣть всѣ мѣста, которыя были освящены стопами Божественнаго Проповѣдника на всемъ протяженіи Его цѣложизненнаго крестнаго шествія — отъ младенческихъ яслей Виѳлеема до кровавой Голгоѳы царственнаго Іерусалима. Но неизмѣримо цѣннѣе для каждаго христіанина напечатлѣть въ своей душѣ самый образъ Іисуса Христа, начертанный на священныхъ страницахъ Евангелія и на несмываемыхъ скрижаляхъ вселенскаго, церковнаго сознанія— ибо только этотъ живоносный образъ, какъ истинное *„Солнце правды“*, среди ночи современнаго лжевѣрія, освѣщаетъ намъ *„узкіе пути, ведущіе въ жизнь“* (Мѳ. VII, 14) и служитъ для всѣхъ чадъ

„новаго Израиля“ огненнымъ столпомъ, путеводящимъ въ обѣтованную землю возвѣщеннаго Христомъ царства, согласно Его неложному изреченію: *„Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“* (Іоан. XIV, 6).

Поэтому, задача издаваемой книги будетъ выполнена, если она заронитъ въ сердце читателя благочестивое стремленіе идти путемъ Христовыхъ заповѣдей и душѣ жаждущей *„да вообразится въ ней Христосъ“* (Гал. IV, 19), съ убѣдительной ясностью покажетъ, что только этотъ путь Христовъ и подводитъ насъ къ дверямъ царства Божія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.



Виды Палестины.

I.

Палестина.

Палестина — это колыбель откровенія. Это — „святое святыхъ“ нашей земли. Это — страна самыхъ дорогихъ и священныхъ воспоминаній для каждаго вѣрующаго христіанина.

Единственный разъ за все время жизни вселенной Божественная Любовь воплотилась въ человѣческомъ образѣ. И это совершилось въ той небольшой странѣ, что узенькой полоской протянулась вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря, отъ горъ Ливанскихъ до Аравійской пустыни на югъ. Тамъ родился Христосъ Спаситель... Тамъ, по словамъ нашего отечественнаго поэта, всю землю „удрученный ношей крестной въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ благословляя“. Потому и порывается такъ во „Святую Землю“ русская вѣрующая душа.

Часто цѣной неимовѣрныхъ трудовъ и лишеній простые русскіе люди покупаютъ себѣ удовольствіе видѣть и цѣловать тамъ самый прахъ земной, освященный Божественными стопами Спасителя.

Роемъ охватываютъ тогда восторженную душу священныя воспоминанія прошлаго... Изъ дали вѣковъ встаютъ предъ нею дорогіе евангельскіе образы, событія и картины. Они будятъ въ ней самыя живыя, самыя святыя движенія. И въ то время, какъ очарованный глазъ благо-

говѣйнаго христіанина — путешественника трепетно перебѣгаетъ съ одного священнаго предмета на другой, его умъ старается запечатлѣть въ памяти малѣйшую подробность палестинскаго быта, палестинской природы и вообще всей той обстановки, среди которой протекала земная жизнь Іисуса Христа.

Не блещетъ Палестина рѣзкими красотами тропическихъ странъ, не поражаетъ она смѣлыми, величественными видами. Но все же этотъ тихій, мирный уголокъ земли, обвѣянный ласками яснаго, голубого неба, не лишенъ своеобразной красоты и прелести. И чѣмъ полнѣе изучитъ вѣрующій христіанинъ внѣшнее строеніе Палестины, чѣмъ всестороннѣе пойметъ ея внутренній бытъ, — тѣмъ ярче и живѣе въ его представленіи встанутъ всѣ картины и событія евангельской исторіи.

Поверхность Палестины возвышенная. Съ сѣвера на югъ сплошной цѣпью тянутся по ней довольно значительныя горы. Онѣ составляютъ продолженіе Ливанскаго хребта. За ними на востокъ разстилаются долины, перемежающіяся грядами холмовъ и плоскогорій. Налѣво спокойно плещутся глубокія воды Средиземнаго моря, — а съ юго-запада обдаетъ страну своимъ мелкимъ и бѣлымъ пескомъ пустыня Суръ. Ниже, къ югу лежитъ другая пустыня — свидѣтельница сорокалѣтняго странствованія по ней еврейскаго народа. Сирія съ востока, Ливанскія горы съ запада дополняютъ границы священной земли.

Палестинскія горы вообще не богаты растительностью. Однѣ изъ нихъ, какъ напр., Іудейскія, покрыты сѣрой известковой пылью, пескомъ и камнями. Точно громадныя волны морскія, мгновенно застывшія и окаменѣвшія, лежатъ онѣ совершенно безплодныя. Лишь гора Кармилъ красиво выдѣляется изъ нихъ своей, вѣчно зеленѣющей вершиной. Даже въ самые знойные мѣсяцы, когда въ другихъ мѣстахъ всякая растительность засыхаетъ и блекнетъ, а листья на деревьяхъ свертываются и желтѣютъ, поверхность Кармила пестрѣетъ пышнымъ ковромъ разнообразныхъ горныхъ травъ и цвѣтовъ. Это — отъ дѣйствія Средиземнаго моря, въ которое такъ смѣло врѣзывается Кармилъ, и которое поитъ и освѣжаетъ его своимъ влажнымъ дыханіемъ.

Больное мѣсто Палестины составляетъ недостатокъ орошенія. Только Іорданъ своими причудливыми изгибами прорѣзываетъ ея поверхность. Но и эта рѣка питаетъ своей влагой одну долину Іорданскую, которая, какъ глубочайшая впадина, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ воды внутренняго бассейна Палестины.

„Іорданъ“ значитъ „низвергающійся“, ниспадающій. Такое названіе эта священная рѣка получила отъ уклона, по которому прорыто ея узкое русло. Оставляя Геннисаретское озеро, Іорданскія воды низвергаются съ крутыхъ высотъ и такъ добѣгаютъ до печальнаго своимъ прошлымъ Мертваго или Соляного моря.

Іорданъ.

Сильное впечатлѣніе производитъ Іорданъ на паломниковъ. Одинъ изъ нихъ такъ изображаетъ картину этой священной рѣки.

„Рано утромъ, пишетъ онъ, я отправился на Іорданъ. Тропинка шла между пышными, густолиственными зарослями, отъ которыхъ вѣяло свѣжестью утра. Капли росы сверкали на солнцѣ, вспыхивали красными, синенькими, золотыми огнями, и вся заросль казалась обсыпанной брилліантами.

Іордана не видно. Священная рѣка скромно прячется въ зелени.

Если смотрѣть съ горы, спускаясь въ долину, вы видите только среди зелени темную, извилистую аллею деревьевъ. Это и есть Іорданъ.

Онъ бѣжитъ и вьется среди густой аллеи плакучихъ ивъ, нависшихъ надъ нимъ и глядящихся въ его мутныя, бѣлыя воды.

Іорданъ недавно вступилъ въ свои берега послѣ весенняго разлива, и приходилось итти по вязкой, топкой, покрытой иломъ землѣ.

Изъ зарослей я вышелъ въ маленькую прогалинку и увидѣлъ священную рѣку.

По преданію, это то мѣсто, гдѣ происходило Крещеніе.

Іорданъ здѣсь дѣлаетъ излучину.

Онъ выбѣгаетъ изъ-за поворота, разливается среди нависшихъ надъ нимъ деревьевъ, плещется объ отлогій берегъ и вновь убѣгаетъ, скрываясь въ темной, густой зелени.

Онъ производитъ впечатлѣніе глухой, маленькой рѣчки, какихъ много въ средней полосѣ Россіи.

Въ первую минуту ка́жется, что вода совсѣмъ не движется. Онъ весь мутный и молочно-бѣлый; состоитъ изъ маленькихъ омутовъ. Всюду, куда ни поглядишь, вертятся маленькія воронки. Отъ нихъ тихо разбѣгаются струйки; бѣгутъ и съ тихимъ плескомъ скрываются у корней нависшихъ надъ рѣкой печальныхъ, задумчивыхъ ивъ.

Солнце, ярко сіяющее, глядитъ въ мутныя воды священной рѣки, и онѣ вспыхиваютъ яркими, золотыми блестками.

Тишина. Только тихій плескъ и журчанье воды у корней береговыхъ деревьевъ, — словно сотни маленькихъ ручейковъ, журчатъ тамъ. Да птицы звонко перекликаются въ густыхъ зарослях.

Глядишь, слушаешь эту тихую музыку—журчанье, и плескъ воды, и свистъ перекликающихся птицъ, и кажется, что стоишь гдѣ-то на родинѣ, въ средней полосѣ Россіи, на берегу маленькой лѣсной рѣчки.

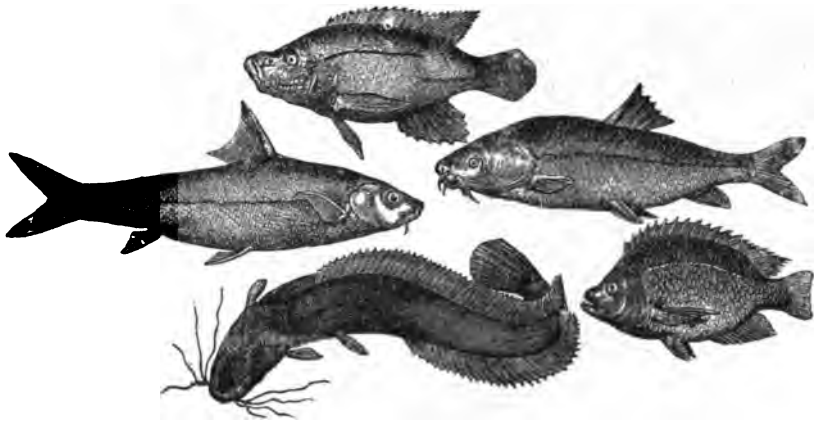
Роднымъ, близкимъ и дорогимъ вѣетъ отъ этой картины, и священная рѣка кажется намъ еще болѣе дорогой и милой...

А вода кругомъ вспыхиваетъ, блещетъ, горитъ золотыми искрами

подъ лучами солнца. Тихо плещется и журчитъ подъ длинными вѣтвями нависшихъ ивъ. Въ зарослях тихимъ свистомъ перекликаются птицы. Гдѣ-то въ зелени заливается малиновка" *).

Не менѣе красивую картину даетъ Геннисаретское озеро. Оно лежитъ въ глубокой впадинѣ, окруженной отлогими холмами.

Точно громадное зеркало, вставленное въ дорогую оправу, блеститъ оно и нѣжится въ зеленой каймѣ своихъ береговъ. Кругомъ всюду цвѣты. Цвѣты по мягкимъ береговымъ скатамъ, цвѣты подъ водой. А голубыя, прозрачныя воды Геннисаретскаго озера буквально кишатъ рыбой. Сотни морскихъ птицъ носятся надъ его поверхностью и своимъ крикомъ еще болѣе оживляютъ картину. Распластавшись въ воздухѣ,



Рыбы Геннисаретскаго озера.

онѣ точно любуются своимъ отраженіемъ въ зеркальной водѣ, то и дѣло стрѣлой спускаясь оттуда, чтобы выхватить себѣ изъ сверкающаго озера серебристую рыбку.

Чуть-чуть потянетъ вѣтерокъ, — и съ берега пахнетъ волной ароматнаго воздуха. Озеро подернется мелкой, едва замѣтной рябью, сморщится... А потомъ, глядишь, опять расправилось и блеститъ уже гладкой лазурью.

Густые кусты олеандръ, усыпанные яркими цвѣтами, лѣниво качаютъ своими верхушками и, наклонившись надъ озеромъ, глядятся

*) В. Дорошевичъ. Въ землѣ обѣтованной, стр. 220 — 223.

въ его спокойную глубь. Въ ихъ вѣтвяхъ ютится цѣлое пернатое царство. Оттуда раздается томная воркотня голубей, слышатся крики дроздовъ. Восторженный жаворонокъ выпорхнетъ часто изъ густой листвы, взовьется высоко, высоко и съ голубой, безоблачной выси просыплетъ на землю свою серебристую пѣсню.

Олеандры.

Но какой контрастъ съ этой, полной жизни картиной представляетъ собой Мертвое море! Отъ Геннисаретскаго озера оно отстоитъ на разстояніи всего пятнадцати верстъ. Между тѣмъ характеръ мѣстности здѣсь рѣзко мѣняется. На всемъ лежитъ мрачная печать смерти. Не только яркихъ цвѣтовъ, красокъ, но и зелени здѣсь нѣтъ и слѣда. Ни кустика, ни травки. Все застыло кругомъ. Само море, будто мертвецъ, вытянулось и неподвижно лежитъ, сдавленное своими берегами. Высокія обнаженныя горы набѣгаютъ на него и кидаютъ вокругъ длинныя, мрачныя тѣни.

Тишь вездѣ нѣмая. Ни звука, ни всплеска. Даже вѣтеръ не тронетъ поверхности этого моря. Невольно приходятъ на память прекрасные стихи нашего Августѣйшаго поэта:

Въ знойной степи, у истока священной рѣки Іордана,
Въ каменныхъ сжато объятіяхъ скалъ, раскаленныхъ полуднемъ.
Чудно синѣя, безмолвно покоится Мертвое море,
Мрачной пустыни безплодная почва безжизненна, скудна.
Издали волнъ заколдованныхъ гладь голубую завидѣвъ,
Въ ужасѣ звѣрь убѣгаетъ; пугливо небесныя птицы
Съ жалобнымъ крикомъ спѣшатъ улетѣть отъ проклятаго мѣста;
Змѣи однѣ обитаютъ въ глубокихъ разсѣлинахъ камней;
Лишь бедуинъ одинокій, копьемъ тростниковымъ махая,
Быстрымъ конемъ уносимый, промчится песчанымъ прибрежьемъ
Тайны зловѣщей печать тяготитъ надъ страною забвенья.
Древнее ходитъ сказанье про это пустынное море:

Мертвое море.

Лишь только звѣзды златыя зажгутся въ безоблачномъ небѣ,
Тьмою огней отражаясь въ заснувшихъ лазоревыхъ волнахъ,
Лишь въ вышину голубую серебряный выплыветъ мѣсяцъ,—
Вдругъ просвѣтляется влажное лоно прозрачной пучины;
Снопъ бѣлоснѣжныхъ лучей всю глубокую бездну морскую
Съ глади незыблемой водъ и до самаго дна проницаетъ.
Тамъ, въ глубинѣ, озаренныя блескомъ полночнаго неба,
Груды развалинъ толпятся въ безжизненномъ древнемъ величьѣ;
Словно какъ трупы недвижные, въ мертвенномъ снѣ цѣпенѣя,
Эти обломки морское песчаное дно покрываютъ...
Это — Содомъ и Гомора... Господь ихъ порочное племя
Въ оные дни покаралъ за великія, тяжкія вины.

Долготерпѣнья Предвѣчнаго Бога исполнилась мѣра:
Огненный дождь ниспослалъ Онъ на царство грѣха и разврата;
Нѣдра земныя разверзлись и тѣ города поглотили;
Бездну провала залили морскія соленыя воды...
Тамъ, гдѣ былъ край многолюдный, подобно великой могилѣ,
Нынѣ, синѣя, безмолвно покоится Мертвое море.

„Какой-то страхъ охватываетъ васъ среди этой глади и тиши", справедливо замѣчаетъ одинъ нашъ русскій писатель. „Это гладкое море похоже на могилу, по которой прошло войско, чтобы сравнять ее съ землей. Что-то стерто съ лица земли, и вмѣсто этого чего-то гладкое ровное мѣсто.

И вамъ вспоминается исторія этой страшной казни, когда съ разгнѣваннаго, пламеннаго неба полились потоки огня, запылалъ воздухъ, и надъ погибшими въ огнѣ городами всплыло молчаливое Мертвое море...

Это море должно быть страшно, когда вѣтеръ вырвется изъ глубины темныхъ синѣющихъ ущелій и ударитъ въ мертвыя воды. Потемнѣютъ онѣ, померкнутъ и всколыхнутся тяжелыми волнами. Запѣнятся волны, заревутъ и разбѣгутся, со стономъ ударяясь о мертвые берега. Рыданія, стоны и вопли раздадутся надъ всколыхнувшимся, разбушевавшимся моремъ. Словно страшныя воспоминанія проснутся въ немъ. И стонетъ, и воетъ оно, безсильно бьется о мертвые берега, словно заживо похороненный о стѣнки гроба".

А тутъ въ него вливается притокъ новыхъ, свѣжихъ силъ — Іорданъ. Но не оживить уже ему бездушнаго трупа. Когда мягкія волны священной рѣки впадаютъ въ это ужасное море, то соленыя воды послѣдняго поднимаются вверхъ. Онѣ какъ бы готовятся къ борьбѣ съ незнакомымъ пришельцемъ, и хлещутъ его, стремясь отогнать назадъ. Однако это — послѣдняя конвульсія умирающаго: Іорданъ побѣждаетъ. Но онъ и самъ замираетъ въ смертоносныхъ объятіяхъ Мертваго моря.

Ничто такимъ образомъ не нарушаетъ печальнаго однообразія безжизненной картины. Ни одна птица не совьетъ себѣ гнѣзда въ голыхъ, обнаженныхъ скалахъ, которыя со всѣхъ сторонъ замыкаютъ собой море. Ни одинъ звѣрь не заглянетъ въ эту безплодную, безлюдную пустыню...

Зловѣще, бѣлыми, какъ снѣгъ, гребнями своими взмываютъ кверху глыбы каменной соли, лежащія на вершинахъ горъ. А надъ ними вьется и поднимается къ небу сѣрый, удушливый туманъ. И кругомъ ни одного свѣтлаго, веселаго тона...

Въ общемъ же Палестина и до настоящаго времени представляетъ собой чудесную страну. Правда, краски ея прежде роскошной природы значительно поблекли, потускнѣли, слиняли. Но перемѣна, постигшая ее, главнымъ образомъ коснулась другой стороны.

Прежде Палестина была мѣстомъ, гдѣ ключомъ била широкая общественная жизнь. Теперь же ее можно назвать страной развалинъ. Но сѣрыя, часто совершенно безформенныя, покрытыя густымъ слоемъ нароста развалины служатъ здѣсь живыми скрижалями исторіи. Вглядитесь въ нихъ, и предъ вами воскреснетъ все царственно-прошлое Палестины.

Въ вашемъ воображеніи встанутъ изъ-подъ этихъ руинъ и роскошные дворцы Іерусалима, когда этотъ городъ былъ столицей могущественнаго Іудейскаго царства, и дивное созданіе древности — Соломоновъ храмъ. и утопающія въ зелени садовъ загородныя дачи и виллы. Но роскошь и могущество, видно, не вѣчно. Все погибло въ волнахъ времени. И только ученый изслѣдователь можетъ читать теперь эти таинственныя письмена далекаго прошлаго. Обыкновенному посѣтителю Палестинскія развалины о былomъ величіи своемъ разскажутъ не много... Не пойметъ онъ ихъ.

Но за то обрызганныя росою поля и виноградники, разбѣгающіяся кругомъ долины, этотъ пестрый, цвѣточный коверъ, въ которомъ серебристый ландышъ мѣшается съ стройной лиліей и скромной маргариткой, — всѣ такія ласковыя, мягкія картинки палестинской природы какъ нельзя живѣе воскрешаютъ въ сердцѣ благоговѣйнаго паломника ту золотую страничку изъ міровой исторіи, — когда на нашей грѣшной землѣ жилъ Христосъ Спаситель.

„То были времена чудесъ,
Сбывалися слова пророка:
Сходили ангелы съ небесъ;
Звѣзда катилася съ востока;
Міръ искупленья ожидалъ

И въ бѣдныхъ ясляхъ Виѳлеема,
Подъ пѣснь хвалебную Эдема,
Младенецъ дивный возсіялъ,
И загремѣлъ по Палестинѣ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ".

Это было время, когда старый міръ умиралъ, а новый только что начиналъ свою жизнь, когда проповѣдь Божественнаго Учителя будила въ сердцахъ людей святыя чувства любви и правды, и образами *„крина сельнаго"*, *„полевой лиліи"*, *„птицъ небесныхъ"*, взятыми изъ міра растительнаго и пернатаго царства Палестины, — укрѣпляла въ нихъ вѣру въ Промыслъ Божій.

Наиболѣе же замѣчательную особенность Палестины составляетъ то, что она въ предѣлахъ своей узкой береговой полосы заключаетъ характеристики всѣхъ обитаемыхъ поясовъ, отъ снѣжнаго сѣвера до тропиковъ. Такимъ образомъ здѣсь на пространствѣ, которое можно окинуть однимъ взоромъ, встрѣчаются всякіе климаты,—отъ холоднаго сѣверной Европы до жаркаго Индіи. Мѣстная же литература по необходимости заимствуетъ для себя краски отъ окружающей природы, и поэтому книга, написанная въ одной странѣ, часто бываетъ непригодна въ другой, гдѣ и жизнь, и природа не одинаковы. Только одно Евангеліе принимается всѣми народами съ одинаковымъ интересомъ и уваженіемъ. Когда было предначертано сообщить истину всѣмъ народамъ, то было существенно важнымъ, чтобы Евангеліе обладало этою всемірною привлекательностію. Но этого не могло бы быть, если бы для сообщенія религіозныхъ истинъ не была выбрана такая страна, какъ Палестина, въ которой каждый путешественникъ чувствуетъ себя, какъ дома, среди родной природы и обстановки. Книга, написанная въ такой странѣ, звучитъ для всѣхъ общими и знакомыми мотивами. (Д-ръ Коннингэмъ Гейки). При свѣтѣ же естественныхъ образовъ и впечатлѣній, родныхъ для жителя всякой страны, понятнѣе становится и вся земная жизнь Богочеловѣка, вызывающая у многихъ болѣе восторга и изумленія, чѣмъ самое сотвореніе міра, для искупленія котораго и потребовалась великая Голгоѳская Жертва.

II.

Въ Назаретѣ.

По своему внутреннему, гражданскому устройству и составу населенія Св. Земля рѣзко дѣлилась на 3 части. Первая, занимавшая сѣверный уголъ Палестины, называлась Галилеею.

Любовь къ свободѣ и независимости отличала жителей этой страны, а земледѣліе и скотоводство составляли ихъ главное занятіе и промыселъ.

Работа на открытомъ воздухѣ, среди простора неоглядныхъ полей, укрѣпляла и закаляла здоровье галилеянъ и потому они всегда замѣтно выдѣлялись изъ толпы остальныхъ жителей Палестины своимъ сравнительно цвѣтущимъ видомъ.

Но удаленные отъ шумныхъ центровъ современнаго имъ просвѣщенія, эти дѣти природы совершенно чужды были тѣмъ запросамъ религіозно-философской мысли, которые волновали и живо чувствовались въ тогдашнемъ обществѣ большихъ городовъ. Здѣсь не было ни

одного Гамаліила или Гиллела, — этихъ великихъ и вдохновенныхъ учителей Іудеи, у ногъ которыхъ собирались цѣлые толпы учениковъ и слушателей. Галилея представляла собой страну, населенную простецами, людьми низшихъ занятій и классовъ, такъ что относительно ея сложилась даже особенная поговорка: „оттуда можетъ-ли что добро быти“,— говорили про Назаретъ или другой какой-либо Галилейскій городъ.

Совершенно иной характеръ имѣла Іудея. Она во всѣхъ отношеніяхъ была значительнѣе и важнѣе Галилеи. Тамъ жилъ царь Іудейскій, тамъ находилась столица всей страны—*Іерусалимъ*, городъ роскошныхъ дворцовъ и многочисленныхъ башенъ. Когда-то украшалъ эту столицу знаменитый храмъ Соломоновъ, весь сіявшій золотомъ и мраморомъ и составлявшій истинную гордость всѣхъ современныхъ ему евреевъ. Тогда, въ гордомъ ослѣпленіи своемъ, іудеи готовы были видѣть въ своей столицѣ не только средоточіе цивилизаціи, но и центръ всего міра. И дѣйствительно, по сравненію съ другими мѣстами Палестины, Іерусалимъ былъ просвѣщеннымъ и богатымъ городомъ: у его населенія рѣзкія, хотя, можетъ быть, и болѣе простодушныя черты естественнаго характера были значительно сглажены образованіемъ. Поэтому галилеянинъ, „въ немъ же льсти нѣсть“, рядомъ съ важнымъ и просвѣщеннымъ жителемъ іудейской столицы производилъ впечатлѣніе дикаря, человѣка, хотя и симпатичнаго, но совершенно нетронутаго цивилизаціей.

Въ самомъ сердцѣ Палестины, между Галилеей и Іудеей лежала третья страна—презрѣнная Самарія. Населеніе ея не пользовалось хорошей славой. Оно состояло изъ язычниковъ,—народа, совершенно чуждаго евреямъ.

Съ теченіемъ времени общественно-бытовыя сношенія между Іудеей и Самаріей оживились, язычники смѣшались съ іудеями, позаимствовали у нихъ нѣкоторыя формы богопочитанія и одно время пытались совершенно объединиться съ своими болѣе богатыми и просвѣщенными сосѣдями. Но потомъ внезапно вспыхнувшая между ними вражда рѣзко измѣнила дѣло.

Теперь отношенія іудеевъ къ самарянамъ были запечатлѣны ненавистью и презрѣніемъ. Самаряне платили своимъ врагамъ тѣмъ же.

А это обстоятельство въ значительной степени затрудняло сношенія Галилеи съ Іерусалимомъ, такъ какъ между ними находилась страна, жители которой если и не были врагами Галилеянъ, то во всякомъ случаѣ не могли считаться и друзьями ихъ.

Назаретъ.

Таково было внутреннее устройство Палестины, когда въ одномъ изъ ея незначительныхъ городковъ—Назаретѣ занималась заря Новаго Завѣта, — когда тамъ явился архангелъ Гавріилъ къ благословенной Дѣвѣ Маріи и благовѣстилъ Ей о рожденіи отъ Нея Спасителя міра.

Небольшой галилейскій городокъ Назаретъ расположенъ у самой подошвы горы. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ засѣянными хлѣбомъ

полями, изумрудная зелень которыхъ то и дѣло перемѣшивается здѣсь то съ бархатной гвоздикой, то съ палестинской красавицей лиліей, то съ другими цвѣтами.

Но самый городъ имѣетъ запущенный видъ. Это ничто иное, какъ груда весьма неизящныхъ по внѣшности лачугъ, раздѣленныхъ узкими улицами, перекрещивающимися по мѣстамъ виноградными давильнями и скотными дворами.

Отъ Іерусалима Назаретъ находится на разстояніи 120 верстъ, а отъ Назарета до Сихаря—первой столицы „Галилеи язычниковъ“ считаютъ только 6 верстъ.

Населеніе города въ числѣ 3-хъ или 4-хъ тысячъ человѣкъ представляло собою энергическій, честный и трудолюбивый народъ. Отъ него такъ и вѣяло заразительнымъ весельемъ и жизнерадостностью тѣхъ полей, среди простора которыхъ протекала его вольная жизнь. Движенія назаретскаго жителя были такъ же свободны и безыскусственны, какъ была проста и патріархальна его самая жизнь. Но они были часто грубы и неуклюжи,—какъ было грубо нарѣчіе назаретянъ и какъ были наивны и простодушны ихъ религіозныя вѣрованія. Поэтому гордые книжники и фарисеи положительно осмѣивали и презирали жителей Назарета, называя ихъ „деревенщиной“.

Вотъ здѣсь-то, въ этомъ маленькомъ, незначительномъ городкѣ отдаленной отъ Іерусалима Галилеи и суждено было явиться на свѣтъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Тихо и безмятежно протекали первые годы Ея ранняго дѣтства подъ бдительнымъ попеченіемъ благочестивыхъ родителей — Іоакима и Анны.

Дитя молитвъ, испрошенное у Бога на старости лѣтъ цѣной великаго обѣта, Марія трехъ лѣтъ была отведена въ храмъ и посвящена тамъ на служеніе Богу. Отсюда, по достиженіи четырнадцатилѣтняго возраста, Она переходитъ въ домъ Назаретскаго „древодѣла“, старца Іосифа.

Не богата была обстановка, среди которой приходилось жить здѣсь Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Да и что могъ предложить Ей бѣдный плотникъ Назарета, кромѣ сердечной преданности и глубокаго благоговѣнія къ Той, Которая должна была въ скоромъ времени сдѣлаться Матерью Жизнодавца?

Одинъ изъ знатоковъ древняго Палестинскаго быта вотъ какъ описываетъ обстановку тѣхъ помѣщеній, какія обыкновенно устраивались въ Назаретѣ во времена земной жизни Спасителя.

„Когда мы войдемъ въ одинъ изъ назаретскихъ домовъ, говоритъ онъ, — то темнота внутренняго помѣщенія на первыхъ порахъ совершенно препятствуетъ намъ разсмотрѣть что либо изъ находящейся здѣсь обстановки. Но мало по малу наши глаза свыкаются съ этимъ полумракомъ, и тогда мы получаемъ возможность разсмотрѣть единственную просторную комнату, имѣющую приблизительно 20 футовъ длины, столько же ширины, и около 10 футовъ высоты. Полъ жилища раздѣляется на двѣ части: первая, въ уровень съ улицей, представляетъ изъ себя направо — мастерскую, налѣво — отгороженное мѣсто, служащее убѣжищемъ для нѣсколькихъ овецъ, двухъ или трехъ козъ и куръ; другая часть, возвышающаяся на два фута, составляетъ нѣчто въ родѣ длинной эстрады и замѣняетъ собою одновременно столовую или спальную.

Въ углу на заднемъ планѣ сложены въ кучу четыре или пять небольшихъ матрацовъ, набитыхъ грубой шерстью, мочалой и луковыми перьями; здѣсь же сгруппирована разная домашняя утварь, земледѣльческія орудія, инструменты для столярныхъ работъ и для плетеныхъ издѣлій изъ испанскаго дрока. У стѣны стоитъ деревянный крашеный сундукъ, служащій вмѣсто „гардероба“, въ которомъ сохраняются цѣнныя вещи въ видахъ предохраненія ихъ отъ пыли и насѣкомыхъ.

Вдоль стѣны, на кольяхъ изъ кедроваго дерева, развѣшена разная одежда, сбруи и бурдюки (козьи мѣха для жидкостей). У самой двери устроенъ *„кираимъ“* (самаго первобытнаго устройства печь) и поставлены два каменные чана, наполненные, одинъ — хлѣбнымъ зерномъ, другой — водою, предназначенною для религіозныхъ очищеній (Іоан. II, 6). Около чановъ три глиняные, обмуравленные кувшина, въ которыхъ сберегается разная провизія, какъ-то: оливковое масло, козій сыръ и т. п.

Плоская крыша обращена по обыкновенію къ востоку. Она сдѣлана изъ брусьевъ и вѣтвей дерева, покрытыхъ густымъ пластомъ глинистаго грунта. Узкая, каменная арка, пересѣкая на двое потолокъ жилища, поддерживаетъ балки ихъ центромъ тяжести. Къ этимъ, грубо отесаннымъ балкамъ привѣшены связки смоквъ, луку и сладкихъ рожковъ, всегда пропитанныхъ копотью, такъ какъ въ домѣ не имѣется печной трубы; худо-ли, хорошо-ли, но дымъ выходитъ черезъ входную дверь, а въ случаѣ холода — черезъ отверстіе, продѣланное вверху въ видѣ косоугольника. Болѣе оконъ не полагается, это считаютъ излишней роскошью; такимъ образомъ внутренняя, домашняя жизнь совершенно ускользаетъ отъ взоровъ нескромныхъ сосѣдей, и домъ сохраняетъ въ себѣ прохладу среди палящаго зноя лѣтняго солнца. Отсутствіемъ оконъ объясняется темнота жилища, и намъ становится понятнымъ почему женщина, имѣвшая десять драхмъ, должна была „зажечь свѣчу“ (Лук. XV, 8), чтобы найдти потерянную монету.

Устройство дома не отличается удобствами, но восточная семья чувствуетъ себя въ немъ очень хорошо: у ней нѣтъ этихъ многочисленныхъ потребностей, которыя бываютъ столь ощутительны при недостаткѣ средствъ — на западѣ.

Это помѣщеніе, въ томъ видѣ, какъ оно намъ представляется, напоминаетъ сотни другихъ въ городѣ, и во всемъ должно быть подобно жилищу плотника Іосифа“. (Виды и нравы галилейскіе во время земной жизни Христа Спасителя. Изд. П. П. Сойкина, стр. 7—9).

Но и среди такой бѣдной обстановки Пресвятая Дѣва съумѣла создать нужный порядокъ. Скромная, добродѣтельная, чистѣйшая въ каждомъ движеніи своей души,— она постаралась съ свойственнымъ Ей самоотверженіемъ окружить трудовую жизнь старца-плотника возможными удобствами. Но въ хозяйственныхъ хлопотахъ Марія не забывала и о своихъ обязанностяхъ къ Богу.

По іудейскому закону, каждый мужчина и каждая женщина — три раза въ день должны были совершать молитву. И это постановленіе закона свято исполнялось Матерью Господа. Рядомъ съ молитвой шло у Нея чтеніе Слова Божія.

Вотъ жизнь, достойная подражанія, особенно для современныхъ женщинъ!

Оторванныя отъ Слова Божія онѣ дѣлаются часто похожими на гибкую и слабую трость. Изъ стороны въ сторону качается она, колеблемая вѣтромъ. У ней нѣтъ силъ противостоять капризу могучей стихіи.

То же бываетъ и съ каждой душой, которая не знаетъ Слова Божія, не питается его живительными соками. Она теряетъ всякую устойчивость въ жизни, вся отдаваясь подъ власть своихъ страстей. Поднимутся, разбушуются онѣ, — и не устоять тогда такой слабой человѣческой душѣ. Какъ былинку въ полѣ, закачаютъ и затреплютъ ее вѣтряныя страсти.

Напитанныя же Словомъ Божіимъ женщины дѣлаются хранительницами и строительницами своихъ семейныхъ очаговъ. Онѣ подобны тогда „дереву, насажденному при источникахъ водъ, листъ котораго всегда зеленъ и свѣжъ и никогда не отпадаетъ, а которое приноситъ плоды свои въ свое время“; никакая буря не сломитъ этого зеленѣющаго дерева!

Внимательно вчитывалась обыкновенно въ священныя строки Пресвятая Дѣва Марія. И вотъ однажды Ее остановили слова пророка Исаіи.

„Вотъ Дѣва зачнетъ и родитъ Сына, котораго назовутъ Еммануиломъ, что значитъ: съ нами Богъ“, — читала Пресвятая Дѣва.

Ожиданія Мессіи въ то время были всеобщими. Какъ будто бы въ самомъ воздухѣ носилось сознаніе того, что жизнь человѣческаго общества идетъ неправильнымъ путемъ, что она выбилась изъ того русла, по которому должна бы течь, и что дальше продолжаться такъ не должно. Долженъ же наконецъ явиться Обѣтованный Искупитель міра!

Но если всѣ ожидали Іисуса Христа, то не всѣ одинаково Его понимали. Большинство хотѣло видѣть въ Немъ могущественнаго завоевателя, который сокрушитъ всѣ существующія государства и на ихъ развалинахъ оснуетъ одно недѣлимое царство еврейское. Только немногіе благочестивые люди ждали Христа, какъ Искупителя отъ грѣховъ, какъ Божественнаго Учителя новой жизни.

Такимъ ожиданіемъ жила и Пресвятая Дѣва Марія. Ея цѣломудренная, чистѣйшая душа живѣе, чѣмъ чья либо, чувствовала всю тяжесть осужденія, тяготѣвшаго надъ человѣческимъ родомъ. А потому Марія по-

стоянно умомъ своимъ обращалась къ тому блаженному времени, когда надъ грѣшной землей должна была заняться заря радостнаго христіанскаго утра. Съ надеждой ждала Она обѣтованнаго Мессію. Вотъ и теперь пророче-

Благовѣщеніе.

скія слова уносятъ мысль Ея въ область грядущихъ обѣтованій... и на лицо Пречистой Богоматери легла тѣнь глубокой задумчивости.

Вдругъ предсталъ предъ Нею Вѣстникъ Неба—Архангелъ Гавріилъ. Онъ подаетъ Ей вѣтку бѣлыхъ лилій—символъ чистоты и цѣломудрія,—а изъ устъ его раздается восторженное привѣтствіе.

— „Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою! Благословенна Ты между женами!"—привѣтствовалъ „честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую серафимъ" небесный посланникъ...

То былъ моментъ, полный глубокаго значенія. Вдохновленный имъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ поэтовъ вотъ въ какихъ краскахъ рисуетъ предъ нами картину благовѣстія, гдѣ въ одномъ удивительномъ образѣ сочетались „Искупленія глашатай, Ангелъ, вѣстникъ торжества, а предъ нимъ — полна смиренья — Дѣва, Матерь Божества".

„Кто сей юный? — спрашиваетъ поэтъ,
Въ ризѣ свѣта
Онъ небесно возблисталъ
И сіяющій предсталъ
Кроткой Дѣвѣ Назарета;
Дышитъ радостью чело;
Вѣютъ благовѣстью рѣчи;
Кудри сыплются на плечи;
За плечомъ дрожитъ крыло.
Кто сія? — Покровъ лилейный
Осѣняетъ ясный ликъ,
Долу взоръ благоговѣйный
Подъ рѣсницами поникъ;
Скрещены на персяхъ руки,
Въ персяхъ сдержанъ тихій вздохъ,
Робкій слухъ пріемлетъ звуки:
„Дѣва! Сынъ Твой будетъ Богъ!"
Этотъ юноша крылатый —
Искупленія глашатай,
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья,
А предъ нимъ — полна смиренья —
Дѣва, Матерь Божества.

Ангельское привѣтствіе смутило „кроткую Дѣву Назарета". Смиреннѣйшая изъ всѣхъ женъ, Она не могла понять словъ Ангела. Его благовѣстіе было выше Ея представленія о себѣ. Кто Она—незнаемая,

бѣдная Дѣва, чтобы называть Ее благословенной между женами. А потому въ Ея сердцѣ возникаетъ тревожный вопросъ: чтобы это за привѣтствіе? Во истину ли оно отъ Бога?

Архангелъ Гавріилъ спѣшитъ успокоить тревогу будущей Богоматери.

— „Не бойся, Маріа! — говоритъ онъ Ей; ибо ты обрѣла благодать у Бога, и вотъ, зачнешь во чревѣ, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Іисусъ. Онъ будетъ великъ, и наречется Сыномъ Всевышняго, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его; и будетъ царствовать надъ домомъ Іакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца". (Лук. 1, 30—33).

Эти слова Архангела приняты были Маріей съ глубокой вѣрой. Но неизмѣнная любовь къ чистотѣ дѣвства побудила Ее спросить Архангела: „какъ будетъ это, когда я мужа не знаю?"

„Чтобы правильно разумѣть сіе слово, поясняетъ нашъ великій святитель, Филаретъ, митрополитъ Московскій, необходимо должно, во первыхъ, предположить, какъ и преданіе сказуетъ, что Маріамъ еще прежде обязала себя обѣтомъ — во всю жизнь свою хранить дѣвство. ибо не обязанная симъ обѣтомъ и обрученная мужу, какую имѣла бы причину вопрошать о возможности родить Сына; како будетъ сіе? Во-вторыхъ, надлежитъ взять въ соображеніе Законъ Моисеевъ (Числъ XXX), по которому обѣтъ дѣвы или жены могъ быть уничтоженъ однимъ словомъ отца или супруга, и только тогда становился твердымъ, когда отецъ или супругъ слышалъ о немъ и не отвергъ онаго. Изъ сего соображенія должно заключить, также согласно съ преданіемъ, что обѣтъ дѣвства, который на предсказаніе о рожденіи сына заставилъ Марію сказать: какъ будетъ сіе? — былъ уже тогда извѣстенъ Іосифу и признанъ имъ, и что онъ обручилъ себѣ Пречистую Дѣву съ тѣмъ, чтобы подъ именемъ супруга быть стражемъ Ея дѣвства, которому нужно было таиться подъ наружнымъ покровомъ брачнаго союза въ такомъ народѣ, который, привлекаясь видимымъ благословеніемъ брака, не постигалъ высоты дѣвства".

Эти-то обстоятельства и вызвали со стороны Маріи безпокойный вопросъ: „какъ будетъ это, когда я мужа не знаю?“

Въ своемъ отвѣтѣ Архангелъ разъясняетъ Ей величайшую тайну воплощенія Бога Слова.

„Духъ Святый найдетъ на тебя, говоритъ онъ Пречистой Дѣвѣ, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыномъ Божіимъ. Вотъ, и Елисавета, родственница твоя, называемая неплодною, и она зачала сына въ старости своей, и ей уже шестой мѣсяцъ. Ибо у Бога не останется безсильнымъ никакое слово“ (Лук. 1, 35—37).

„Я — раба Господня, да будетъ мнѣ по слову твоему“, — въ смиренномъ сознаніи своего недостоинства кротко заключила слова Архангела Пресвятая Дѣва.

Итакъ, теперь предъ Ней открывалась великая будущность. Ей предстояло сдѣлаться Матерью Господа, ублажать которую будутъ отнынѣ всѣ народы.

Что-же, въ виду того высокаго положенія, которое ожидало Ее, измѣнился ли кроткій характеръ Богоматери? Спѣшитъ-ли Она хвастливо разнести полученную вѣсть по сосѣдямъ, дабы разжечь въ нихъ чувство зависти по отношенію къ Себѣ?

Да, спѣшитъ... но только не къ сосѣдямъ, не на просторъ шумныхъ улицъ и площадей, а въ іудейскія горы, въ тотъ скромный, небольшой городокъ, гдѣ живетъ Ея родственница Елисавета. Съ боязливой поспѣшностью собирается Пречистая Дѣва подѣлиться радостной вѣстью съ близкимъ, дорогимъ человѣкомъ.

А Елисавета также не была забыта Богомъ. Ей тоже дано было обѣтованіе о рожденіи сына, который, какъ утренняя заря предъ восходомъ дневнаго свѣтила, долженъ былъ явиться Предвѣстникомъ Христа, — этого Солнца Правды, теперь своими божественными лучами освѣщающаго и согрѣвающаго весь міръ.

Въ домѣ священника Захаріи встрѣтились такимъ образомъ двѣ жены,—великія не только своимъ благочестіемъ, но и каждая—благословеннымъ плодомъ чрева своего.

Радостно привѣтствовала высокую гостью восторженная Елисавета. Едва Матерь Господа успѣла переступить порогъ ея дома, какъ она громко воскликнула:

„И откуда это мнѣ, что пришла Матерь Господа моего ко мнѣ?“

При этихъ словахъ Марія не могла уже долѣе сдерживать охватившихъ Ее чувствъ, и вся Ея радость, весь Ея восторгъ вылились въ той вдохновенной пѣсни, которую мы не перестаемъ повторять доселѣ при церковномъ богослуженіи.

— „Величитъ душа моя Господа,— восторженнымъ голосомъ заговорила Марія, — и возрадовался духъ мой о Богѣ, Спасителѣ моемъ, что призрѣлъ Онъ на смиреніе рабы Своей; ибо отнынѣ будутъ ублажать меня всѣ роды; что сотворилъ мнѣ величіе сильный; и свято имя Его; и милость Его въ роды родовъ къ боящимся Его, явилъ силу мышцы Своей; разсѣялъ надменныхъ помышленіями сердца ихъ; низложилъ сильныхъ съ престоловъ, и вознесъ смиренныхъ, алчущихъ исполнилъ благъ, а богатящихся отпустилъ ни съ чѣмъ. Воспринялъ Израиля, отрока Своего, воспомянувъ милость, какъ говорилъ отцамъ нашимъ, къ Аврааму и сѣмени его до вѣка“.

Живя среди роскошной палестинской природы, которая своими яркими красками не только волновала и возбуждала творческую фантазію народа, но и наполняла ее поэтическими образами, — евреи не мало создали вдохновенныхъ пѣснопѣній. Но ни одно изъ нихъ не могло сравниться по глубинѣ чувства съ ликующей пѣснью Маріи. Никогда еще человѣческій восторгъ и вдохновеніе не поднимались на ту высоту религіознаго воодушевленія, какой достигла благоговѣйная восторженность Богоматери. Потому-то эта пѣснь такъ и трогаетъ нашу душу, каждый разъ вызывая въ ней святое чувство умиленія.

Три мѣсяца прогостила Марія у своей родственницы. Миновали они, и Назаретская Дѣва снова возвратилась въ свой родной городъ и стала поджидать тамъ великаго дня, въ который долженъ былъ родиться отъ Нея Христосъ, Спаситель міра.

III.

Виѳлеемъ.

Рѣзко обозначившіеся признаки новаго положенія Богоневѣсты вскорѣ замѣчены были праведнымъ Іосифомъ. Неожиданное открытіе смутило старца. Онъ не прозрѣвалъ еще въ тайну Боговоплощенія, а потому „буря помышленій сумнительныхъ“ поднялась въ его чистой душѣ. Мучимый ими Іосифъ однако не рѣшался оглашать своихъ подозрѣній. Онъ хотѣлъ съ миромъ и тайно отпустить Марію. Но явленіе Ангела успокоило эту тревогу.

Время шло. Приближался конецъ чревоношенію.

То было во дни кесаря Августа.

Когда-то могущественное государство. Іудея теперь умирала, чтобы

болѣе уже не воскреснуть къ самостоятельной жизни. Она превратилась въ обыкновенную римскую провинцію, которой управлялъ намѣстникъ императора. Правда, жилъ здѣсь и царь іудейскій,— но то былъ Иродъ Идумеянинъ. Онъ ничего общаго не имѣлъ съ царственной династіей дома Давидова и, не смотря на свой почетный титулъ „Великаго“, совершенно не пользовался царскою властію, находясь въ полномъ подчиненіи у императора Августа.

Поэтому, достаточно было послѣднему издать повелѣніе о народной переписи, какъ Иродъ съ рабскимъ усердіемъ принялся приводить его въ исполненіе. Повсюду стали разсылаться приказы, обязывающіе каждаго изъ подданныхъ римской имперіи — немедленно явиться въ свой родовой городъ и внести тамъ въ списокъ свое имя. Такой приказъ

Арабы.

дошелъ и до Назарета, гдѣ проживалъ тогда плотникъ Іосифъ съ своей Обручницей. И имъ пришлось подниматься въ далекое путешествіе.

Дѣло въ томъ, что Іосифъ, подобно Пресвятой Дѣвѣ Маріи, былъ потомкомъ царя Давида, славный родъ котораго начался въ Виѳлеемѣ. Сюда и должно было спѣшить святое семейство.

Предстояла дорога дальняя, по гористымъ и неудобнымъ тропинкамъ. Съ трудностями путешествія нѣсколько мирили чудные ландшафты, которые то и дѣло развертывались по сторонамъ передъ глазами путниковъ.

Вотъ они спустились въ обширную равнину Эздрилонскую. Теперь она, вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ сосѣдняго враждебнаго племени арабовъ, находится въ запустѣніи. Только нѣсколько бѣдныхъ деревушекъ

въ безпорядкѣ разбросано на ея огромной площади. Не то было, когда проѣзжали здѣсь по дорогѣ изъ Назарета въ Виѳлеемъ Іосифъ съ Маріей.

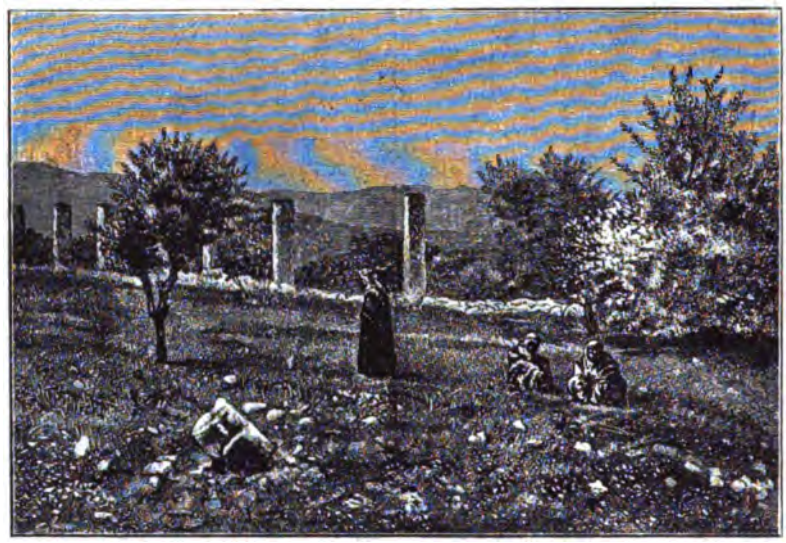
Возсѣдая на ослѣ, подлѣ котораго съ посохомъ въ рукѣ шагалъ хранитель Ея дѣвства, Богоматерь могла любоваться веселыми деревеньками и городами, которыми заселена была Галилея и прилегающія къ

На пути въ Виѳлеемъ.

ней провинціи. И все кругомъ утопало въ зелени фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ, разросшихся по склону Палестинскихъ горъ.

А вотъ и Самарія, — въ то время очень живописная и красивая страна, съ мягкими скатами холмовъ и очаровательными долинами.

Столицей ея былъ Сихемъ *) — довольно большой и благоустроенный городъ. Но жители всей этой провинціи, какъ было уже замѣчено раньше, не отличались дружелюбнымъ отношеніемъ къ іудеямъ. Поэтому и путники, проѣзжавшіе обыкновенно этой страной по дорогѣ изъ Галилеи въ Іерусалимъ, не ожидали встрѣтить себѣ здѣсь хорошаго пріема. Для святаго семейства самаряне тоже, вѣроятно, не сдѣлали исключенія, а потому Іосифъ съ Маріей едва-ли находили здѣсь обычное среди народовъ юга гостепріимство. Они должны были обходить большіе



Развалины въ Самаріи.

города и искать себѣ ночлега въ маленькихъ мѣстечкахъ, гдѣ вражда къ іудеямъ не имѣла такого остраго характера.

Наконецъ показалась гряда холмовъ, которая, изгибаясь кривой линіей, отдѣляла Іудею отъ Самаріи. Здѣсь уже дорога теряла свой прежній живописный характеръ. Но зато путники вступали въ страну съ друже-

*) Евреи называли его презрительнымъ именемъ Сихаръ. Это оскорбительное названіе происходитъ отъ sequer — ложь, или sicor — пьяница. Въ первомъ случаѣ евреи намекали на языческіе обряды, вошедшіе въ богослуженіе самарянъ, а во второмъ — указывали на порокъ, присущій всѣмъ жителямъ горы Ефрема (Исаія XXVIII. 1—3).

ственнымъ населеніемъ, гдѣ всегда могли найти себѣ радушный привѣтъ и гостепріимство. Каждый домъ и палатка открыты были здѣсь для чужеземца. Самъ хозяинъ ласково принималъ гостей, предлагая имъ ночлегъ и пищу. И въ то время, какъ гости располагались на скамьѣ для отдыха, онъ приносилъ свѣжей холодной воды и омывалъ имъ усталыя ноги.

Эта ножная ванна являлась всегда настоящимъ благодѣяніемъ для изнемогшаго и разгоряченнаго путника,— такъ какъ сандаліи *), и доселѣ составляющія очень обычную обувь на востокѣ, были плохой защитой отъ пыли.

Не разъ, вѣроятно, и Пресвятой Дѣвѣ Маріи съ своимъ спутникомъ пришлось воспользоваться гостепріимствомъ здѣшнихъ жителей за время длинной дороги,— пока не показался наконецъ городъ Виѳлеемъ, бывшій конечной цѣлью путешествія.

Виѳлеемъ,— что значитъ *„хлѣбный домъ“*,— никогда не былъ большимъ и значительнымъ городомъ. Отстоящій отъ Іерусалима всего на разстояніи 10 верстъ, онъ расположенъ на вершинѣ и по склону холмовъ. Это — положеніе, излюбленное почти для всѣхъ городовъ въ Палестинѣ. Окружающія его возвышенности образуютъ собою живописныя террасы, покрытыя фиговыми, оливковыми и гранатовыми деревьями. Издали онѣ кажутся исполинскими ступенями одной громадной лѣстницы, спускающейся въ долины. По бокамъ ея свѣшиваются гибкія виноградныя лозы. Своими красивыми листьями и пурпурными кистями онѣ составляютъ пріятный контрастъ съ ослѣпительной бѣлизной известковаго камня, изъ котораго состоятъ Виѳлеемскія горы.

Виѳлеемъ — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Іудеи. Онъ существовалъ еще во времена патріарха Іакова. Но тогда этотъ городъ былъ извѣстенъ подъ другимъ именемъ: „Ефратъ“ или „Ефрата“,— называли его. И только гораздо позднѣе получилъ онъ настоящее названіе. По справедливости называясь такъ, „хлѣбнымъ домомъ“, Виѳлеемъ съ полнымъ правомъ могъ быть названъ и „домомъ пасту-

*) Сандаліи — родъ подошвы, привязываемой къ ногѣ ремнями.

ховъ", — такъ какъ скотоводство было главнымъ промысломъ для его жителей. Всюду, по травянистымъ склонамъ холмовъ и въ глубинѣ зеленѣющихъ долинъ бродили стада, оберегаемыя Виѳлеемскими пастухами.

При видѣ ихъ, невольно рисовались картины мирной, пастушеской жизни, тихое, безмятежное теченіе которой не нарушалось никакимъ безпокойствомъ или волненіемъ. Но такое представленіе объ этой жизни было далеко невѣрнымъ.

Виѳлеемскіе пастухи ничуть не напоминали собой наивныхъ и простодушныхъ дѣтей природы. Это былъ народъ сильный, мужественный,

Виѳлеемское пастбище.

привыкшій вѣдаться съ различными опасностями. Со своими стадами они уходили въ горы, взбирались на крутыя, отвѣсныя скалы, высившіяся между глубокими пропастями, — и не рѣдко съ опасностью для жизни защищали свои стада отъ нападенія грабителей-разбойниковъ. При такомъ образѣ жизни юноша Давидъ и научился владѣть пращей, оказавшей ему огромную услугу въ борьбѣ съ великаномъ Голіаѳомъ. Неудивительно поэтому, что эта полная опасностей жизнь развивала силу и отвагу и у всѣхъ вообще палестинскихъ пастуховъ.

Вотъ сюда-то, въ этотъ городъ съ пастушескимъ населеніемъ и прибыли наконецъ послѣ томительнаго путешествія Іосифъ съ Маріей.

Можетъ быть, они надѣялись безъ труда найти себѣ пріютъ здѣсь. Но къ ихъ приходу всѣ городскія улицы наводнены были пріѣзжими, явившимися сюда для той же цѣли. Не смотря на всеобщую готовность открыть двери дома для чужеземцевъ, — для запоздавшей четы не находилось мѣста: всѣ жилыя и спальныя помѣщенія въ домахъ были заняты и даже переполнены народомъ. Постоялые дворы или гостиницы тоже были набиты людьми.

Не найдя себѣ нигдѣ пристанища, Іосифъ и Марія принуждены были занять одну изъ пещеръ, которыя находились въ горахъ Виѳлеемскихъ и служили иногда мѣстомъ для загона скота въ зимнее или дождливое время. Здѣсь, въ этой бѣдной и темной пещерѣ, при обстановкѣ, не только лишенной всякаго земного блеска, но даже и всякаго удобства, и надлежало родиться Царю царей.

О самомъ рожденіи, свидѣтелемъ котораго не былъ никто изъ смертныхъ, св. Евангеліе повѣствуетъ съ замѣчательной краткостью и величественной простотой.

„Когда же они были тамъ, наступило время родить Ей. И родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его въ ясли; потому что не было имъ мѣста въ гостинницѣ“ (Лука II. 6. 7).

Касаясь обстоятельствъ этого мірового событія, такъ скромно совершившагося въ интимной обстановкѣ маленькой, святой семьи, — одинъ историкъ замѣчаетъ:

„Какъ непорочно зачала Святая Дѣва, такъ же непорочно было Ея разрѣшеніе. Это явствуетъ изъ Евангелія: Она не знала ни страданій, ни слабости нашихъ матерей. Она сама приняла Своего Сына, Сама положила Его въ импровизованную колыбель. Христіанская вѣра стоитъ колѣнопреклоненной предъ этой Женою и Ребенкомъ, Котораго Она держитъ у Своей груди. Взирая на Нихъ, она поучается кротости, нищетѣ, самоотверженію. Изъ этой неизгладимой сцены являются для нея вѣчно-новыя видѣнія, никогда ее не утомляющія, неистощимыя въ своихъ достоинствахъ, прелести и красотѣ“ (R. P. Didon. „Jesus Christ.“, т. I. Переводъ Скроботова. Спб. 1892, стр. 129).

По поводу уничиженія Христа Спасителя при самомъ рожденіи Его прекрасно разсуждаетъ святитель Филаретъ, митрополитъ Кіевскій, слова котораго мы и приводимъ ниже.

„Видите, братіе, какъ въ Пресвятой Дѣвѣ Матери Божіей побѣждаются естества уставы,— восклицаетъ онъ. И зачатіе Ея безъ сѣмене, и чревоношеніе безъ тягости, и рожденіе безъ болѣзни. Рождаетъ Сына Своего Первенца безъ посторонней помощи. Сама пречистыми своими руками повиваетъ Его пеленами, Сама полагаетъ Его въ ясляхъ... Такъ родился Спаситель міра! Какое убогое, но любвеобильное и много назидательное для насъ рожденіе Его! Кто изъ человѣкъ рождался когда либо въ такой нищетѣ и бѣдности? Творецъ и Господь неба и земли рождается внѣ дома Матери Своей. Имѣяй престолъ, небо и подножіе землю (Ис. LXVI, 1), не имѣетъ мѣста въ обители, — рождается въ чужомъ, пастушескомъ вертепѣ. — Нѣжные младенческіе члены свои полагаетъ въ скотскихъ яслехъ и никакого не имѣетъ для нихъ успокоенія, кромѣ сухаго былія; отъ хлада зимы согрѣвается простыми пеленами и дыханіемъ безсловесныхъ животныхъ. Такъ: *лиси язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда. Сынъ же человѣческій неиматъ гдѣ главы подклонити* (Лук. IX, 58). Такъ, — пришедый спасти насъ, Единородный Сынъ Божій, богатъ сый, — обнища насъ ради, да мы нищетою Его обогатимся!—(2 Коринѳ. VIII, 9). Послѣ сего, какая гордая душа не смирится, взирая на безпредѣльное уничиженіе и смиреніе Господа Вседержителя, съ каковымъ Онъ рождается для спасенія нашего? Какое каменное сердце не смягчится безпредѣльнымъ человѣколюбіемъ Его, по которому Онъ, оставивъ престолъ славы своея на небѣ, полагается въ яслехъ? До чего простерлась безпредѣльная любовь Его къ намъ, бѣднымъ и ничтожнымъ тварямъ? Чтобъ совлечь съ насъ оскверненную грѣхами одежду смертной плоти и облечь въ одежду чистоты и безсмертія, Онъ облекается въ бренную и смертную ризу плоти нашей. Чтобы избавить насъ отъ вѣчнаго рабства грѣховнаго, Онъ дѣлается для насъ послѣднимъ рабомъ. Чтобы насъ, заблудшихъ овецъ, ввесть въ блаженныя обители Отца Небеснаго, Онъ рождается

въ простомъ пастушескомъ вертепѣ, не имѣя мѣста въ обители. Чтобы облечь насъ ризами вѣчной славы, Онъ повивается убогими пеленами. Чтобы уготовать намъ въ жилище небо, Онъ полагается въ яслехъ; чтобы привесть насъ въ мѣсто нескончаемой радости, Онъ терпитъ хладъ зимы нощи. Послѣ сего, какъ можетъ преступное сердце наше любить что либо паче Его единаго? Какъ можетъ не возлюбить Его всею силою своею? И въ сей любви какъ можетъ считать для себя тягостнымъ исполненіе заповѣдей любви Его, въ которыхъ заключается все спасеніе наше и вся истинная жизнь наша". (Слова, бесѣды и рѣчи. Изд. 1883, стр. 76—77).

Пастухи.

Всякое рожденіе, всякое появленіе новаго человѣка въ свѣтъ представляетъ собой радостное событіе, такъ какъ оно служитъ расширеніемъ и торжествомъ жизни. Какую же неизмѣримо великую радость должно было доставить міру Рождество Христово! Вѣдь пришелъ на землю Тотъ, Кто былъ чаяніемъ всѣхъ языковъ, Кто—

„Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народъ смиренію училъ,
Кто всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.
Кто не терпѣлъ со гнѣвомъ мщенья,
Кто проповѣдывалъ прощенье,
Велѣлъ за зло платить добромъ...
Какая сила была въ немъ:
Слѣпымъ онъ возвращалъ—всѣмъ зрѣнье,
Даралъ и крѣпость, и движенье
Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ Спасителемъ Онъ былъ,
И всѣмъ простеръ благую руку,
И никого не осудилъ".

Дѣйствительно, явленіе въ міръ Христа Спасителя и доселѣ остается такимъ безпримѣрнымъ событіемъ во всей нашей міровой исторіи, что одно воспоминаніе о немъ волнуетъ и наполняетъ каждое вѣрующее сердце неизъяснимой радостью.

И въ самомъ дѣлѣ, — у кого душа не замирала отъ восторга при наступленіи праздника Рождества Христова, — особенно въ дѣтствѣ, когда всякое чувство святѣе и чище! Кто не трепеталъ отъ сладостнаго благоговѣнія, когда его слуха въ первый разъ касались священныя слова церковной пѣсни: „Христосъ раждается — славите"! Чью душу не чаровали эти чудныя, родныя картины святого праздника?!

Вотъ и теперь предо мной изъ дали прошлаго, встаютъ незабытые еще и дорогіе мнѣ образы...

Убогая сельская церковь... Изъ всѣхъ угловъ ея глядитъ поражающая бѣдность и сѣдая, ветхая старина... Точно про нее сказалъ поэтъ:

„Въ первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стѣны ея деревянныя,
Крышу неровную, сѣрую,
Мохомъ зеленымъ поросшую".

Но какой торжественный, радостный видъ приняла она сейчасъ! Кажется, со всей деревни, отъ каждой избушки снесли сюда люди свои трудовыя, тоненькія, копѣечныя свѣчи. Точно золотыя звѣздочки ярко горятъ онѣ предъ иконами. Кругомъ разливается пріятный свѣтъ, и строгіе лики святыхъ, невидимые въ обыкновенное время, яснѣе и рѣзче выступаютъ теперь изъ своихъ темныхъ кіотовъ.

Я охотно разстаюсь съ своей теплой постелькой и радостно бѣгу въ эту дорогую мнѣ, освѣщенную церковь... Бѣгу встрѣчать Богомладенца — Христа, что нынѣ родился въ Виѳлеемѣ....

Да и одинъ-ли я такъ волновался благоговѣйнымъ восторгомъ предъ наступленіемъ этого праздника? Вотъ въ дѣтской, отзывчивой душѣ поэта рождественская ночь будила бывало такія же сладкія чувства. Объ этомъ онъ такъ вспоминаетъ въ своихъ стихахъ:

„Прозрачной тьмой еще объята даль востока,
Но звѣзды на небѣ становятся блѣднѣй...
Призывный благовѣстъ несется издалека,
Въ морозномъ воздухѣ онъ слышится яснѣй.
И вольною мечтой, которой нѣтъ предѣла,

Я перенесся вдругъ въ родимое село,
Къ тѣмъ днямъ, когда душа сомнѣньемъ не болѣла,
И было на сердцѣ, какъ въ лѣтній день, свѣтло.
Вотъ спаленка моя: подъ пологомъ кроватка,
Лежанка, — и на ней старушка няня спитъ...
Передъ иконою Спасителя лампадка,
Зажженая рукой заботливой горитъ...
Лежу въ кроваткѣ я, — но мнѣ уже не спится,
Я благовѣста жду въ морозной тишинѣ;
Мнѣ наяву вертепъ съ Младенцемъ — Богомъ снится,
И пѣнье ангеловъ я слышу въ вышинѣ.
А сердце у меня такъ сильно, сильно бьется,
И грезы свѣтлыя растутъ въ моемъ умѣ...
Я благовѣста жду... И вотъ онъ раздается
Призывно-радостно въ холодной полутьмѣ.
Онъ няню разбудилъ. Охваченный волненьемъ,
Спѣшу одѣться я, чтобъ съ матушкой скорѣй
Идти къ заутренѣ... Съ какимъ благоговѣньемъ
Молился я тогда Царю земныхъ царей!
Молитвы чудныя я повторялъ за всѣми,
И если смыслъ молитвъ былъ непонятенъ мнѣ,
Я въ этотъ свѣтлый мигъ жилъ мыслью въ Виѳлеемѣ,
И пѣнье ангеловъ я слышалъ въ вышинѣ".

Если только мысленное представленіе обстоятельствъ рожденія Христа Спасителя волнуетъ теперь такъ нашу душу хорошими чувствами,—то сколь сильнѣе должно было дѣйствовать самое событіе на очевидцевъ! И дѣйствительно, послѣдніе, хотя и очень немногіе, съ благоговѣніемъ преклонились предъ величіемъ совершившагося предъ ними таинства!

Палестина, когда родился въ ней Христосъ Спаситель, не представляла собой той мертвой, безжизненной картины, какую обыкновенно наблюдаемъ мы въ праздникъ Рождества Христова въ родной намъ странѣ.

Не вымершія поля, покрытыя,—точно саваномъ, бѣлой блестящей пеленой снѣга, разстилались печально кругомъ въ это время... Нѣтъ! Тамъ былъ міръ, днемъ — полный солнечнаго блеска и роскошныхъ красокъ, а ночью — затканный весь въ тонкую, серебряную паутину луннаго сіянія.

Дѣло въ томъ, что декабрь, на который приходится Рождество Христово, въ Палестинѣ гораздо теплѣе, чѣмъ у насъ. Тамъ нѣтъ тогда голыхъ деревьевъ, свинцовыхъ тучъ, закрывающихъ собою нашъ небосклонъ. Подъ голубымъ, безоблачнымъ небомъ Палестины природа еще не теряетъ въ это время своей зелени. Все кругомъ цвѣтетъ, и шелковистая трава покрываетъ собой холмистые склоны.

И вотъ въ ту ночь, когда долженъ былъ родиться Спаситель міра и все кругомъ уже спало, на поляхъ Виѳлеемскихъ мы видимъ бодрствующихъ пастырей. *„Въ той странѣ были на полѣ пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего“*, — повѣствуетъ св. евангелистъ Лука.

Что же это за „ночная стража?“

Не приходилось-ли тебѣ иногда видѣть, читатель, какъ, разсѣкая своей могучей грудью темную гладь моря, гордо и ходко несется красавецъ — корабль. На немъ тишина. Все погрузилось въ сонъ. Только на палубѣ виднѣется нѣсколько фигуръ: то сторожевая смѣна. Внимательно слѣдитъ она за состояніемъ погоды и вѣрнымъ ходомъ судна. Пройдетъ часъ и взамѣнъ одной стражи является другая.

Обыкновенно такимъ же образомъ и пастухи въ Палестинѣ держатъ ночную стражу при своихъ стадахъ.

И теперь, въ теплую, тихую декабрьскую ночь, въ то время, какъ одни изъ нихъ спали спокойно подъ защитой холмовъ, красивой гирляндой окружавшихъ собой Виѳлеемъ, — другіе дежурили около стада, оберегая его отъ нападенія волковъ и разбойниковъ, часто дѣлающихъ тамъ набѣги на скотъ.

Правда, если наступали дожди, и вѣтеръ страшнымъ ураганомъ проносился въ горахъ, обдавая всѣхъ пронзительнымъ холодомъ, то пастухи спѣшили загнать скорѣе свои стада въ теплыя и хорошо защищенныя отъ вѣтру помѣщенія, которыя нерѣдко устраивались въ горныхъ пещерахъ.

Но въ ту ночь, когда въ одной изъ такихъ пещеръ родился Христосъ Спаситель и положенъ былъ Богоматерію въ обыкновенныя скотскія ясли, выпала хорошая погода, и стада оставались въ полѣ.

Поля-же, окружающія Виѳлеемъ, очень мало напоминаютъ собою наши родные луга или нивы, которыя обыкновенно стелются по ровному и гладкому пространству. Поля Палестины расположены по горнымъ склонамъ, среди ущелій. Покрытыя роскошными травами и цвѣтами, онѣ служатъ дѣйствительно хорошимъ пастбищемъ для скота.

И вотъ, когда на такихъ-то поляхъ прилегли стада, луна и звѣзды тихо свѣтили на небѣ, а пастухи въ благоговѣйномъ безмолвіи созерцали красоту ночи,—„вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень и слава Господня осіяла ихъ; и убоялись страхомъ великимъ".

Неудивительно, что внезапное появленіе Ангела поразило „пастырей", и первое чувство, заговорившее въ сердцахъ этихъ простыхъ людей, былъ страхъ. Онъ такъ ясно отразился на ихъ лицахъ, что Ангелъ Господень нашелъ нужнымъ ободрить ихъ.

— „Не бойтесь!" — сказалъ онъ испуганнымъ пастырямъ.

И дѣйствительно, у нихъ не было никакого основанія бояться, какъ ни поразительно было самое появленіе Ангела. Оно застало ихъ за честнымъ, хорошимъ дѣломъ, на сторожевомъ посту у своихъ стадъ.

„Трудилися они и отдыха не зная,
Судьбѣ покорные трудились день и ночь
И думали: знать, доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена — и горю не помочь!"

Поэтому, могли-ли быть у такихъ простыхъ, безхитростныхъ людей причины для боязни, кромѣ общечеловѣческаго сознанія своей духовной нищеты предъ идеальной чистотою Посланника съ неба?

О, если бы и мы были похожи на эту бодрствующую въ тиши ночной стражу! Если бы и мы, подобно ей, всегда стояли на сторожѣ у своего христіанскаго подвига, слѣдуя въ этомъ Апостолу, писавшему къ Галатамъ: „хорошо ревновать въ добромъ всегда, а не въ моемъ только присутствіи у васъ?" (Гал. 4, 18). Между тѣмъ, не большую-ли часть времени мы отдаемъ на такія дѣла, во время которыхъ для насъ было бы стыдно и страшно встрѣчаться не только съ Ангеломъ, но и съ добрымъ человѣкомъ, мнѣніемъ котораго мы дорожимъ?

Священный трепетъ, охватившій сердца Виѳлеемскихъ пастырей, своимъ источникомъ имѣлъ такимъ образомъ не столько страхъ за собственную безопасность, сколько чувство благоговѣнія къ высотѣ и святости Ангела. Потому послѣдній и спѣшитъ успокоить ихъ тревогу, открывая, что онъ явился къ нимъ вѣстникомъ радости, а не горя.

— „Не бойтеся, говоритъ онъ имъ; я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ: ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь, и вотъ вамъ знакъ: вы найдете младенца въ пеленахъ, лежащаго въ яслѣхъ“ (Лук. 2, 10—12).

И тотчасъ къ Ангелу, возвѣстившему пастухамъ великую радость, явилось множество „вой небесныхъ“; безмѣрный свѣтъ осіялъ землю, и въ воздухѣ раздалось чудное пѣніе:

„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“, — пѣли Ангелы, возвѣщая на весь міръ о примиреніи человѣка съ Божіей правдой. И звуки небесной музыки росли, поднимались кверху и какъ бы таяли въ далекой синевѣ прозрачнаго воздуха.

Не много было словъ въ этой пѣснѣ, огласившей собой поля Виѳлеемскія,— но въ ней выражено было все таинство человѣческаго спасенія. И съ тѣхъ поръ во всѣхъ странахъ, куда только ни проникала христіанская вѣра, постоянно повторялась и эта священная пѣснь. Слышалась она и подъ величественными сводами древнихъ соборовъ, и въ скромныхъ стѣнахъ простыхъ деревенскихъ церквей, и даже на палубѣ корабля, среди безграничнаго простора голубого моря. И доселѣ повсюду раздаются эти торжественные, священные звуки ангельскаго пѣнія.

Но вотъ небесный хоръ смолкъ. Ангелы „отошли на небо“, и пастухи въ одинъ голосъ сказали: „пойдемъ въ Виѳлеемъ и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь“ (Лук. 2, 15).

Такъ непредвзято и глубоко легли благодатныя впечатлѣнія на простую, безхитростную душу!

Ожиданія Мессіи—Избавителя въ то время были всеобщими. Всѣ съ упованіемъ вглядывались въ туманную даль грядущихъ вѣковъ, измученные, утомленные, чающіе „утѣхи Израилевой“. Но если всѣ съ

равнымъ нетерпѣніемъ ждали Христа,—то не всѣ одинаково представляли себѣ образъ Его пришествія. Одни думали, что Онъ родится среди роскоши, въ царскомъ дворцѣ и будетъ проводить жизнь, полную блеска и внѣшняго величія. Іерусалимъ сдѣлается тогда всемірной столицей. Всѣ цари—скипетродержцы сойдутся здѣсь, преклонятся предъ непобѣдимымъ могуществомъ Мессіи, признаютъ надъ собою Его власть, и Онъ тогда съ высоты своего міродержавнаго трона станетъ управлять всѣми народами.

Само собою, люди съ такими грубыми, языческими упованіями не могли бы довѣрчиво отнестись къ вѣсти Ангела и тѣмъ болѣе найти ее для себя радостной. Что имъ „Младенецъ, лежащій въ яслѣхъ", когда они ждутъ царя и владыку земного?

Но не таковы были Виѳлеемскіе пастыри... При первой вѣсти ихъ сердца забились горячей вѣрой въ пришедшаго Избавителя. Охваченные желаніемъ скорѣе увидѣть Его, они „поспѣшивши" пошли въ Виѳлеемъ, ни одной минуты не сомнѣваясь въ томъ, что они тамъ найдутъ Богомладенца. И дѣйствительно, — „пришли и нашли Марію, и Іосифа, и младенца, лежащаго въ яслѣхъ" (Лук. 2, 16).

Зрѣлище, которое открылось здѣсь предъ ними, не могло поразить своимъ внѣшнимъ величіемъ даже ихъ, простыхъ пастырей бѣднаго, захудалаго городка. Пещера, въ дождливое время служившая обыкновенно пріютомъ для стадъ; ясли, изъ которыхъ, можетъ быть, вчера только животныя выбирали себѣ кормъ; бѣдный Іосифъ и св. Марія, съ явными слѣдами утомленія отъ долгой и тяжелой дороги,— все это были картины обыкновенныя, знакомыя для виѳлеемскихъ пастуховъ и потому не поражающія.

Но озаренные Духомъ Божіимъ „пастыри" съ благоговѣніемъ взирали на Богомладенца. Въ Немъ, сейчасъ слабомъ и безпомощномъ, они уже прозрѣвали будущаго Побѣдителя ада и смерти, и потомъ повсюду „разсказали о томъ, что было возвѣщено имъ о младенцѣ семъ" (Луки, 2, 17).

Поклоненіе пастырей.

Виѳлеемъ заволновался. „Всѣ слышавшіе дивились тому, что разсказывали имъ пастухи“ (Лук. 2, 18).

Марія же, вслушиваясь въ рѣчи окружавшихъ ее, смиренно „сохраняла всѣ слова сіи, слагая въ сердцѣ своемъ“ (19). А пастухи возвратились, „славя и хваля Бога за все то, что слышали и видѣли, какъ имъ сказано было“ (20).

V.

Царь Иродъ.

„Іисусъ родился въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, во дни царя Ирода“ (Мѳ. 2, 1).

Исполнялось предсказаніе патріарха Іакова. Предъ пришествіемъ Христа Спасителя скипетръ отъ Іуды отпалъ. На престолѣ іудейскомъ воцарился Иродъ Идумеянинъ. Это былъ умный, но безбожный человѣкъ, хотя исторія и оставила за нимъ прозвище „Великаго“, данное ему льстивыми современниками. Едва-ли кого такой высокій титулъ украшалъ собою болѣе незаслуженно, чѣмъ Ирода!? И едва-ли кому онъ данъ былъ болѣе легкомысленно, чѣмъ ему?!

Обыкновенно, благодарная память народа награждаетъ своихъ владыкъ названіемъ „великихъ“ послѣ ихъ смерти, когда значеніе каждаго историческаго дѣятеля выясняется полнѣе и рѣзче. Не то было здѣсь. Еще при жизни Иродъ назывался Великимъ.

Домогаясь любви своихъ подданныхъ, онъ взялся за возобновленіе и украшеніе Іерусалимскаго храма, который составлялъ національную

гордость іудеевъ. Для этой цѣли ему предстояло разрушить большую часть стараго храмового зданія.

Евреи сначала со страхомъ смотрѣли на его предпріятіе. Они опасались, что, если онъ разрушитъ храмъ, то никогда не будетъ въ состояніи его построить снова. Поэтому Иродъ долженъ былъ обѣщать имъ, что онъ не сдвинетъ съ мѣста ни одного камня изъ зданія храма, пока не будетъ доставленъ весь нужный матеріалъ. Для этого потребовалось два года. Но это время Иродъ постарался употребить самымъ цѣлесообразнымъ образомъ. Онъ не только сдѣлалъ распоряженіе о возможно быстрой доставкѣ матеріала, но и потребовалъ, чтобы тысячи священниковъ и левитовъ учились строительному искусству. Иродъ надѣялся, что впослѣдствіи они, какъ опытные строители, окажутъ большую помощь дѣлу своимъ участіемъ и указаніями.

Портикъ, святилище и Святое Святыхъ, — эти важнѣйшія части храма были закончены въ полтора года. День окончанія постройки ихъ былъ для евреевъ днемъ веселаго праздника. Сооруженныя изъ бѣлаго мрамора, украшеннаго золотыми досками, — онѣ имѣли красивый величественный видъ.

Крытыя галлереи и преддверіе, соединенныя съ верхнимъ городомъ, были возстановлены въ теченіе восьми лѣтъ. Но и послѣ этого требовалось еще много времени на окончаніе работъ по ремонту храма. Работы эти начались еще за девять лѣтъ до Рождества Христова, а когда, сорокъ лѣтъ спустя, посѣтилъ іерусалимскій храмъ Господь,—то онъ далеко еще не былъ оконченъ: каменщики и плотники продолжали въ немъ свои работы. Вполнѣ постройка храма была закончена только черезъ семьдесятъ лѣтъ со дня открытія первыхъ работъ въ немъ, т. е. за пять лѣтъ до его полнаго разрушенія.

Но какъ бы то ни было, а въ главныхъ частяхъ возобновленіе храма завершено было при Иродѣ, что и подало нѣкоторое основаніе его ласкателямъ преподнести ему титулъ Великаго.

Но Иродъ вскорѣ охладилъ зараждающіяся къ нему народныя симпатіи. Желая купить себѣ благосклонность Кесаря Августа, онъ при-

билъ къ дверямъ іерусалимскаго храма золотаго орла — эмблему римскаго могущества. Водрузивъ этотъ знакъ человѣческаго владычества надъ входомъ въ Божію Святыню, онъ этимъ нанесъ страшное оскорбленіе патріотическому чувству евреевъ, которые кромѣ того увидѣли въ томъ и прямое нарушеніе заповѣди закона—гласившей: „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею“ (2 Моис. 20, 4).

Да и вообще Иродъ не любилъ церемониться, когда дѣло касалось его собственныхъ интересовъ. Жестокій, даже кровожадный и безбожный онъ все приносилъ имъ въ жертву, какъ бы жертва эта ни обходилась дорого. Подозрѣвалъ ли онъ измѣну или заговоръ, — онъ не спрашивалъ у подозрѣваемыхъ имъ лицъ, правы они или виновны. Нѣтъ, — онъ имѣлъ обыкновеніе предавать ихъ смерти безъ всякаго суда и изслѣдованія. При этомъ, Иродъ не щадилъ никого, съ одинаковымъ звѣрствомъ обрекая на казнь и чужихъ, и близкихъ людей. Онъ не пожалѣлъ собственныхъ дѣтей, не остановился передъ страстной любовью къ красивой, благородной и мужественной женѣ Маріаннѣ и даже съ особеннымъ наслажденіемъ осудилъ ее на смерть, заподозривъ— въ невѣрности.

Поэтому, несмотря на возобновленіе храма и на всѣ заботы объ украшеніи столицы іудейской—Іерусалима—Иродъ всетаки былъ презираемъ и ненавидимъ евреями. И когда однажды по городу разнеслась ложная вѣсть объ его смерти, пущенная, вѣроятно, самимъ Иродомъ, желавшимъ узнать, какъ приметъ народъ это извѣстіе, — то цѣлыя толпы всякаго люда стремительно направились къ храму и съ радостными криками сорвали здѣсь золотого орла, оскорблявшаго ихъ святыню. Но Иродъ съ свойственной ему жестокостью постарался увѣрить евреевъ въ томъ, что онъ пока живъ и еще въ силахъ подписывать смертные приговоры.

Расправа послѣдовала немедленная и короткая. Первосвященникъ за то, что не съумѣлъ охранить государственнаго орла отъ поруганія, былъ тотчасъ отрѣшенъ отъ должности. Раввины, ставшіе во главѣ

возстанія, съ утонченной жестокостью были живыми сожжены на площади Іерусалима. Такъ безцеремонно раздѣлывался съ бунтовщиками Иродъ! И въ его жестокомъ сердцѣ ни разу не шевельнулось состраданіе ни къ кому изъ несчастныхъ.

Но и жизнь самого Ирода была непрерывнымъ рядомъ мученій. Окруженный общей ненавистью онъ не находилъ любви даже въ собственномъ семействѣ. И здѣсь лесть прикрывала измѣну, страхъ замѣнялъ любовь. Такъ, родной и любимый сынъ Ирода — Антипатръ замышляетъ заговоръ противъ своего отца и за это платится собственной головой. Разсказываютъ, что когда римскій императоръ Августъ услыхалъ, какъ Иродъ казнилъ своего любимаго сына,—то коротко и сухо замѣтилъ: „Лучше быть свиньей Ирода, чѣмъ его сыномъ". Здѣсь разумѣлся еврейскій законъ, по которому никто не имѣлъ права убивать своей свиньи.

Все имѣетъ конецъ. Окончилось и кровавое правленіе Ирода. Предъ смертію его постигла ужасная болѣзнь. Тѣло его постепенно разлагалось, съѣдаемое червями. Всѣ уже видѣли, что здѣсь, во дворцѣ, на богато убранномъ ложѣ лежитъ живой мертвецъ. Да и для самого Ирода не было тайной, что его ждетъ скорая смерть.

Она уже рисовалась ему въ страшныхъ призракахъ. Но не раскаяніе, а одинъ ужасъ наполнялъ его сердце. Въ припадкѣ злобы онъ, безсильный передъ сокрушившей его болѣзнью, ненавидѣлъ весь міръ.

Проявленія его звѣрства и жестокости были сильны особенно въ послѣдніе дни. Они были такъ ужасны, что невольно радуешься сомнѣнію историковъ относительно нѣкоторыхъ фактовъ изъ его жизни именно этого времени. Такъ разсказываютъ, что когда Иродъ, внѣ себя отъ ужасныхъ страданій, понялъ, что жить ему осталось недолго, то издалъ адскій приказъ: онъ распорядился заключить въ тюрьму многихъ знатныхъ евреевъ и въ день своей смерти завѣщалъ убить ихъ. Всѣхъ заключенныхъ было до 6,000 человѣкъ.

Беззаконникъ чувствовалъ, что его смерть вызоветъ взрывъ самаго искренняго восторга въ народѣ. Его честолюбіе не мирилось съ этимъ.

И вотъ безсердечный деспотъ заботится заранѣе приготовить себѣ погребальную помпу.

„Не обо мнѣ, такъ объ убитыхъ родныхъ заплачутъ іудеи, и какъ бы то ни было, а весь Іерусалимъ долженъ будетъ облечься въ глубокій трауръ“,—такъ соображалъ Иродъ, стараясь устроить себѣ если не торжественныя, то хотя бы приличныя похороны.

Но у приближенныхъ этого изверга нашлось всетаки благоразумія настолько, чтобы не выполнить звѣрскій приказъ, и потому слухъ о смерти Ирода былъ встрѣченъ общими ликованіями въ Іерусалимѣ.

„Не нарушить пришель я законъ, но исполнить“. Мѳ. V. 17.

Съ самаго дня рожденія Христосъ Спаситель вступилъ на путь страданій и скорби. Лишенія начались для Него еще въ Виѳлеемѣ, когда Онъ, Владыка неба и земли, принужденъ былъ искать Себѣ пріюта въ убогой пещерѣ. Вскорѣ же Онъ подвергается и еще новому уничиженію, претерпѣвая язву обрѣзанія. Это обрѣзаніе

было видимымъ знакомъ Его земного сродства съ нами, знакомъ того, что Онъ „пріискреннѣ пріобщившись плоти и крови, по всему уподобился братіи“ — кромѣ грѣха. (Евр. 2, 14, 17). „Въ обрѣзаніи, — замѣчаетъ св. Димитрій Ростовскій, — Господь явилъ большее смиреніе, нежели въ рождествѣ Своемъ: въ рождествѣ Онъ принялъ образъ человѣка, а въ обрѣзаніи — образъ грѣшника“ *).

Обрѣзаніе со времени Моисея получило силу обязательнаго закона. (Лев. 12, 3). Оно выдѣляло избранный народъ еврейскій изъ среды другихъ народовъ, указывая ему на необходимость духовной чистоты и святости, какъ обрѣзанія въ высшемъ, нравственномъ смыслѣ. Временемъ для совершенія его обыкновенно назначался осьмой день. Тогда же нарекалось новорожденному и имя. (Луки 1, 59).

Во исполненіе этого закона, осьмидневный Богомладенецъ, претерпѣвъ болѣзнь обрѣзанія, получаетъ и предреченное Ангеломъ имя: „Іисусъ“.

Здѣсь рождается невольный вопросъ: для чего надо было исполнять законъ Самому Законодателю?

Отвѣчая на указанную мысль, св. Амфилохій, епископъ Иконійскій замѣчаетъ: „Іисусъ по закону, Имъ самимъ установленному, обрѣзывается въ восьмый день не для того, чтобы утвердить обрѣзаніе, но чтобы положить ему конецъ; Онъ обрѣзывается, дабы показать недѣйствительность обрѣзанія плотскаго при духовномъ и совершеннѣйшемъ, и открыть важность и силу новаго и спасительнаго таинства крещенія. Ибо Христосъ пришелъ не разорить законъ, какъ нѣчто чуждое, но исполнить (Мѳ. 5, 17), какъ собственное ученіе и заповѣдь Божественную, — пришелъ исполнить письмена закона, а вмѣстѣ возвѣстить законъ духа“ **). Кромѣ того, обрѣзаніе, какъ символъ отреченія отъ служенія собственной личности и похотямъ міра сего, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало самоотверженному служенію Христа Спасителя, проявившаго въ исполненіи воли Отца Небеснаго послушаніе *„даже до смерти, смерти же крестныя“*.

*) Хр. Чт. 1842 г., ч. IV, стр. 408. (Цит. по „Евангел. Ист.“ прот. Матвѣевскаго).
**) Хр. Чт. 1837 г. ч. I, стр. 6, 7.

Но однимъ обрѣзаніемъ подзаконное иго для Іисуса Христа не ограничилось.

Наступалъ сороковой день по рожденіи, когда, по установленію Моисееву (Лев. 12, 2 — 8), каждая мать новорожденнаго младенца мужескаго пола должна была являться съ нимъ въ храмъ іерусалимскій, дабы вознести тамъ очистительную жертву. Качество жертвы не всегда было одинаково. Люди достатка приносили однолѣтняго агнца и голубя или горлицу, люди бѣдные — двухъ горлицъ или двухъ молодыхъ голубей. При этомъ, если принесенный младенецъ былъ первенцемъ, то, кромѣ обряда очищенія матери, совершался другой обрядъ—посвященія младенца Господу Богу. Этотъ обрядъ на крыльяхъ воспоминанія долженъ былъ уносить мысль евреевъ къ ихъ далекому прошлому, къ первымъ шагамъ ихъ самостоятельной жизни. При совершеніи его, въ душѣ вѣрующаго еврея живо вставала обстановка знаменательной египетской ночи.

То былъ поворотный моментъ въ исторіи народа Божія....

Медленно и величественно потухала на небѣ вечерняя заря послѣдняго для евреевъ дня въ Египтѣ. Своимъ кровавымъ полымемъ она, казалось, охватила весь западъ. А почти одновременно съ нею угасало навсегда и тяжелое для еврейскаго народа египетское рабство. Евреи трепетно ждали свободы.

И вотъ, на румяномъ востокѣ радостно занялась другая, утренняя зорька... Ярко брызнули ея дѣвственные лучи... Своимъ огнистымъ поцѣлуемъ они какъ будто разбудили землю... И бѣдные, истомленные неволею евреи, сбросивъ съ себя позорныя, рабскія цѣпи, въ первый разъ свободными сынами вышли изъ Египта: для нихъ занялось утро золотой свободы, утро новой самостоятельной жизни.

Но ужаснымъ событіемъ ознаменовалась эта ночь для самихъ рабовладѣльцевъ. По всему Египту прошелъ Ангелъ смерти. Онъ истребилъ всѣхъ первенцевъ египетскихъ. Только еврейскіе юноши были пощажены. Въ память этого законъ Моисеевъ и постановилъ посвящать Богу все первородное во Израилѣ. При этомъ еврейскіе первенцы предназначались для служенія въ скиніи и храмѣ. Но такъ какъ для этого дѣла

было выдѣлено впослѣдствіи особое колѣно — Левіино, — то съ приносимыхъ въ храмъ первенцевъ обыкновенно полагался выкупъ. Онъ состоялъ изъ пяти священныхъ сиклей серебра. (Числ. 3, 47, 18, 16, Исх. 13, 13, 24, 20) *).

По замѣчанію нѣкоторыхъ наблюдателей, жизнь современныхъ евреевъ настолько мало измѣнилась въ бытовомъ отношеніи, что она доселѣ еще носитъ на себѣ глубокій отпечатокъ древности. Волны времени не успѣли смыть съ нея всѣхъ слѣдовъ старины, — такъ что тѣ обычаи, которые соблюдаются при рожденіи первенца въ еврейскомъ домѣ въ настоящее время, имѣли будто-бы мѣсто и раньше, во дни земной жизни Спасителя. И прежде такъ же, какъ и теперь, при такихъ обстоятельствахъ, отецъ ребенка приглашалъ къ себѣ на домъ десять своихъ самыхъ близкихъ друзей и вмѣстѣ съ ними *„раввина“*.

Слово *„раввинъ“* — означаетъ: „учитель“, „господинъ“. Въ такомъ смыслѣ оно прилагалось къ книжникамъ и законникамъ, какъ къ людямъ почетнаго положенія и сравнительно высокаго образованія. Но раввинъ, который долженъ присутствовать при религіозной церемоніи, совершаемой надъ еврейскимъ первенцемъ въ 40-й день по его рожденіи, теперь называется у евреевъ: *cohen*, — что значитъ „священникъ“.

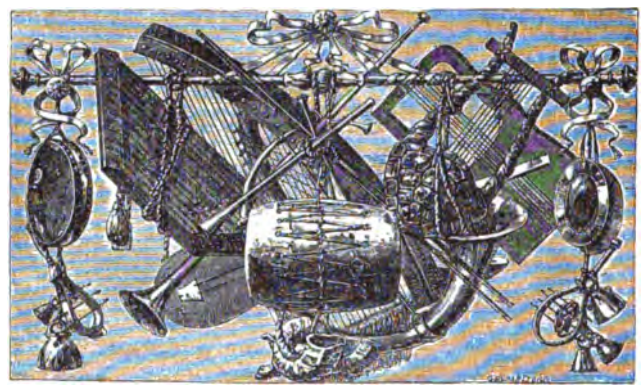
Онъ и приглашенные съ нимъ гости, обыкновенно, разсаживаются вокругъ стола, на срединѣ котораго лежитъ мальчикъ. Рядомъ съ нимъ отецъ кладетъ извѣстную сумму денегъ и говоритъ раввину, что этотъ ребенокъ его первенецъ, что онъ принесъ его сюда, чтобы представить Богу. Когда же раввинъ предложитъ отцу выкупить своего ребенка, то тотъ отдаетъ ему приготовленную сумму денегъ. Раввинъ, взявъ деньги въ одну руку, описываетъ ею кругъ надъ головой ребенка, а другую руку кладетъ на лицо мальчика, со словами: „это вмѣсто того, а то вмѣсто этого“, что, въ переводѣ на болѣе понятный языкъ, означаетъ: „эти деньги я возьму вмѣсто ребенка, а ты возьмешь этого ребенка вмѣсто денегъ“. Далѣе раввинъ, высказавъ новорожденному пер-

*) Священный сикль, отличавшійся отъ гражданскаго, заключалъ въ себѣ 20 мѣдныхъ монетъ. (Числ. 18, 16) или двѣ драхмы (Исх. 30, 13) и равнялся 35 — 40 коп. Странникъ 1863. Библ. метрол. стр. 16. Цит. по „Евангел. Исторіи“. Прот. П. Матвѣевскаго, стр. 203.

венцу пожеланія „страха Божія, навыка въ законѣ и добрыхъ дѣлахъ“, возлагаетъ на его голову обѣ руки свои и торжественно читаетъ надъ нимъ молитву:

„Господь да благословитъ и сохранитъ тебя; Господь да ниспошлетъ на тебя свѣтъ лица Своего и да будетъ къ тебѣ милостивъ; Господь да подниметъ ликъ Свой надъ тобою и да дастъ тебѣ миръ. Многіе дни, милость и миръ да даруетъ тебѣ Богъ, да сохранитъ тебя отъ всякаго зла и сохранитъ душу твою“.

Этой молитвой заканчивается церемонія и мальчикъ снова отдается на руки матери.



Музыкальные инструменты евреевъ.

Возможно, что такой обрядъ существовалъ уже во время земной жизни Спасителя, — но едва-ли онъ былъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе едва-ли онъ совершался надъ Іисусомъ Христомъ. По всей вѣроятности, эта торжественная церемонія, требовавшая значительныхъ расходовъ, имѣла мѣсто въ домахъ однихъ богачей, и бѣдный плотникъ Іосифъ, во всякомъ случаѣ, не въ состояніи былъ устроить ее для сына своей Пречистой Обручницы. Послѣдняя наравнѣ съ другими бѣдными матерями должна была предстать предъ святилище съ парой горлицъ или молодыхъ голубей.

Конечно, ни Неискусобрачная Дѣва, ни Богомладенецъ Христосъ не имѣли нравственной нужды склонять „Свои Пречистыя выи“ подъ

иго закона. Только желаніе „исполнить всякую правду“ (Мѳ. 3, 15) привело ихъ, въ 40-й день по рожденіи, подъ сѣнь Іерусалимскаго храма.

И вотъ, когда звуки священной трубы возвѣстили жителямъ іудейской столицы наступленіе утра, и улицы города, замѣтно, оживились; когда женщины различныхъ возрастовъ, въ особенности же молодыя, на лицахъ которыхъ сіяла еще первая тихая радость материнства, съ новорожденными дѣтьми на рукахъ потянулись по направленію къ храму,—тогда и Пресвятая Дѣва Марія съ Богомладенцемъ, въ сопровожденіи Іосифа, направилась туда же. Она остановилась въ ожиданіи священниковъ около главнаго входа, который назывался „прекрасными вратами храма“. Обшитыя сверху до низу гладко отполированной мѣдью,

Передъ „прекрасными вратами“ храма.

эти врата сверкали и сіяли на солнцѣ, точно золотыя. Римскій двуглавый орелъ, распластавъ свои широкія, отлитыя изъ золота крылья, вѣнчалъ собой вершину прекрасныхъ воротъ. Съ ненавистью взирали іудеи на этотъ символъ римскаго могущества. А когда въ первый разъ на вратахъ іерусалимскаго храма было водружено это украшеніе, то взрывъ народнаго негодованія проявился съ особенной силой. При ликующихъ крикахъ народа, величественный римскій орелъ былъ сорванъ со святилища и преданъ поруганію. Но оскорбленная чернію власть жестоко отмстила за это, и символъ римскаго владычества опять взвился надъ „прекрасными вратами“ храма.

Вотъ здѣсь-то, у этихъ вратъ, гдѣ останавливались обыкновенно всѣ женщины, приносившія своихъ дѣтей ко храму въ 40-й день по рожденіи, съ священнымъ трепетомъ въ душѣ и съ Богомладенцемъ на рукахъ стояла смиренная и Пречистая Дѣва Марія.

Въ это время при храмѣ іерусалимскомъ жилъ праведный и благочестивый священникъ Симеонъ, чаявшій „утѣхи израилевой“. Это былъ совершенно дряхлый старецъ. Слабыя, дрожащія ноги еле его держали и потому онъ не могъ принимать участіе въ общихъ утреннихъ молитвахъ, на которыя обыкновенно собирались усердные чтители Іеговы. Настоящее уже не занимало старца. Его потухающій взоръ весь устремленъ былъ въ даль будущаго, и онъ съ сладостнымъ замираніемъ сердца ожидалъ пришествія Христа Спасителя, видѣть Котораго ему было обѣщано Духомъ Святымъ. По преданію, записанному однимъ историкомъ, побужденіемъ къ этому обѣтованію послужило сомнѣніе, охватившее Симеона при чтеніи пророческаго стиха: „се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына“. Для убѣжденія въ томъ, что „невозможное у человѣкъ возможно у Бога“, ему и было предсказано, что онъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока собственными глазами не увидитъ Христа Спасителя. И вотъ этотъ моментъ насталъ.

Когда отягченный годами и убѣленный сѣдинами старецъ приблизился ко вратамъ храма, желая пройти на мужской дворъ, дабы тамъ отдѣльно вознести свою молитву Богу, — то, по озаренію свыше, въ Младенцѣ, лежащемъ на рукахъ Богоматери, онъ тотчасъ же узналъ Обѣтованнаго Мессію. Священный восторгъ объялъ душу старца и онъ, взявъ Богомладенца на свои старческія руки, съ глазами, загорѣвшимися огнемъ вѣры, вслухъ всѣхъ воскликнулъ:

„Нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ; ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, и славу народа твоего Израиля“.

Эта восторженная рѣчь Симеона должна была сильно подѣйствовать на кроткую и смиренную Дѣву Назарета. Съ священнымъ тре-

петомъ и затаенной радостью вслушивалась она въ пророческія слова. Дивился сказанному и стоявшій рядомъ съ ней Іосифъ... Но вотъ вдругъ тѣнь глубокой грусти легла на пречистый ликъ Богоматери...

Срѣтеніе Господне.

„Се, лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ въ Израилѣ и въ предметъ пререканій, и Тебѣ Самой оружіе пройдетъ въ душу, да откроются помышленія многихъ сердецъ“, — произнесъ праведный Симеонъ, возвращая Богомладенца и благословляя все святое семейство.

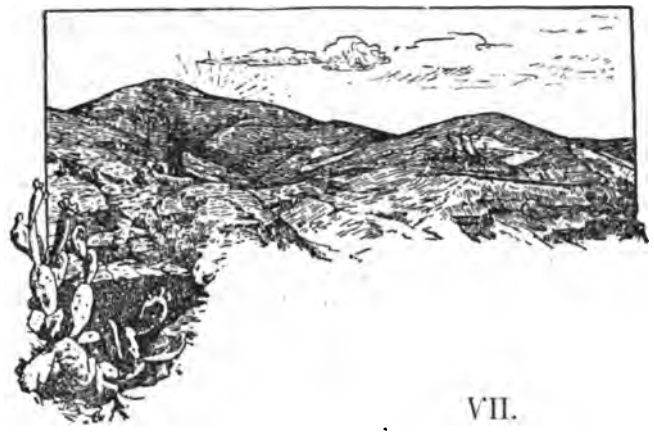
Смыслъ этихъ пророчественныхъ словъ былъ тотъ, что Христосъ Спаситель послужитъ для вѣрующихъ ко спасенію ихъ, а для невѣрующихъ къ ихъ погибели и что „терніе вѣнца, гвозди распятія, копіе прободенія, раны Христа Спасителя, Его болѣзненный вопль и умирающій взоръ, — все это, по выраженію святителя Филарета, сильнѣе всякаго оружія, пронзитъ сердце Богоматери". Тамъ же, на кровавой Голгоѳѣ „откроются помышленія многихъ сердецъ", потому что крестъ послужитъ для однихъ соблазномъ, для другихъ же, званныхъ несомнѣннымъ явленіемъ Божіей силы и премудрости (1 Кор. 1, 23, 24).

Смолкъ Богопріимецъ. Страшное смущеніе читалось во взорѣ Богоматери. Но вотъ подходитъ къ ней престарѣлая, восьмидесятичетырехлѣтняя женщина—Анна. Во вдовствѣ прошла большая часть ея жизни. Еще молоденькой дѣвушкой, тринадцати или четырнадцати лѣтъ вступила она въ бракъ. Семь счастливыхъ лѣтъ брачной жизни съ любимымъ мужемъ пролетѣли для нея незамѣтно. А потомъ настали и черные дни. Безпощадная смерть подкосила молодую жизнь ея мужа. Много было пролито слезъ надъ его безвременной, холодной могилой,—и теперь болѣе шестидесяти лѣтъ, какъ живетъ эта вдова съ своей любовью и печалью. Тихо и безмятежно догораетъ ея жизнь подъ сѣнію Божьяго храма. Она „не отходила отъ храма, постомъ и молитвою служа Богу день и ночь" (Лук. 2, 37). За такую добродѣтельную жизнь Анна пользовалась глубокимъ уваженіемъ всѣхъ, знавшихъ ее, жителей Іерусалима.

Услышавъ пророческую рѣчь старца Симеона, увидавъ его вдохновенную фигуру, всю преображенную огнемъ вѣры и священнаго восторга, — она также подходитъ къ Богомладенцу и начинаетъ *„славить Господа и говорить о Немъ всѣмъ, ожидавшимъ избавленія въ Іерусалимѣ"*.

Какія противоположныя чувства должны были волновать Пречистую душу Богоматери, когда Она оставляла храмъ. Съ одной стороны, торжественныя рѣчи Богопріимца и пророчицы Анны, прославлявшихъ Родившагося Господа, наполняли и Ее восторгомъ, съ другой, —скорбныя,

заключительныя слова старца Симеона давили сердце Богоматери тяжелымъ предчувствіемъ. Она вся ушла въ созерцаніе Своихъ думъ, — и—ни общее великолѣпіе храма, ни роскошныя, мраморныя стѣны его, ни блестящія мѣдныя ворота, ни даже гордыя колонны, отдѣланныя серебромъ и золотомъ,—ничто не могло развлечь сосредоточеннаго взора Богоматери. Но стоило Ей взглянуть на божественныя черты мирно почивавшаго на Ея рукахъ Младенца, о Которомъ Ангелъ предсказалъ Ей, что Онъ послужитъ спасеніемъ для всѣхъ людей,—какъ счастливая улыбка матери опять заиграла на Ея пречистыхъ устахъ, а прежнее безпокойство уступило мѣсто ясному сознанію великаго, мірового призванія Дитяти.



VII.

Мудрецы съ Востока и бѣгство въ Египетъ.

„Оглянись, Іерусалимъ, на востокъ и посмотри на радость, грядущую къ тебѣ отъ Бога“.
Варухъ IV. 36.

На поклоненіе къ лежащему въ ясляхъ Богомладенцу явились не одни Виѳлеемскіе пастыри: новорожденный Еммануилъ, возсіявшій міру, какъ *„Свѣтъ во откровеніе языкомъ“*, бросилъ лучъ вѣры и на далекій, языческій Востокъ. И тамъ появилось на небѣ знаменіе Его рождества—необыкновенная звѣзда. Она и привела къ Виѳлеемскимъ яслямъ изъ далекой Персіи мудрецовъ Востока. На своей родинѣ эти ученые внимательно слѣдили за теченіемъ небесныхъ тѣлъ, разбросанныхъ во множествѣ по необозримому міровому пространству. Они глубоко вѣрили, что между звѣзднымъ міромъ и жизнію великихъ людей существуетъ самая живая и тѣсная связь. Они думали, что рожденіе каждаго героя всегда сопровождается появленіемъ на небѣ соотвѣтствующаго свѣтила, которое съ его смертью гаснетъ, потухаетъ и какъ бы скатывается съ горизонта. Такая вѣра долгое время существовала и послѣ, даже среди христіанскихъ народовъ. Въ грубомъ заблужденіи многіе полагали, что

„Звѣзды за много лѣтъ раньше предсказывали
Смерть Гектора и Ахиллеса,
Помпея, Юлія, до ихъ рожденія,

Борьбу Феба, Геркулеса,
Сампсона, Сатурна и смерть Сократа".

Даже такой широкій умъ, какъ умъ Шекспира, не могъ освободиться отъ предразсудка и раздѣлялъ мнѣніе, что

„Предъ смертью нищихъ мы кометъ не видимъ;
Но небеса, пылая, возвѣщаютъ
Смерть властелиновъ".

Между тѣмъ Христосъ Спаситель дѣйствительно явился на землю „Свѣтомъ во откровеніе языкомъ". Надъ Его колыбелью должна была заняться заря всемірнаго, всенароднаго царства Божія. Наступленія же этого царства ожидалъ не одинъ Израиль. Такимъ ожиданіемъ томились и жили многіе изъ язычниковъ. Вѣсть о рожденіи Мессіи, сдѣлавшагося „чаяніемъ языковъ", была дорога и для нихъ, и потому Іисусъ Христосъ не могъ оставить себя „неявленымъ" имъ. Но, снисходя къ человѣческой немощи, Господь всегда сообщаетъ людямъ свои откровенія наиболѣе понятнымъ для нихъ образомъ. Виѳлеемскимъ пастырямъ, вѣрившимъ въ существованіе блаженныхъ духовъ, Онъ посылаетъ вѣстникомъ великой радости Ангела. Восточнымъ мудрецамъ Онъ сообщаетъ эту вѣсть иначе, приспособительно къ ихъ пониманію.

И вотъ, когда яркимъ метеоромъ загорѣлась на Востокѣ необыкновенная, чудная звѣзда, то ея сильный, блистающій свѣтъ приковалъ къ себѣ вниманіе маговъ, для которыхъ движенія планетъ были небесными откровеніями. Пораженные имъ они обратились къ преданіямъ предковъ и, озаренные свыше, узнали здѣсь знаменіе Мессіи. Горячимъ порывомъ забилось въ нихъ стремленіе идти и повергнуться передъ Тѣмъ, Кто принесъ на землю Божію правду. Тотчасъ составился богатый, блестящій караванъ, а путеводная звѣзда величественно поплыла по небу, показывая мудрецамъ дорогу. Путешествіе было не изъ легкихъ. Но, полные благоговѣнія и неудержимаго желанія скорѣе видѣть Богомладенца, бодро совершали его мудрецы Востока. А вотъ вдали показались неясныя очертанія Іерусалима. Ближе и ближе подходятъ къ святому городу путешественники, и вдругъ разомъ предъ ними, какъ

лучезарное видѣніе, развернулась вся чудная картина іудейской столицы. Вонъ на горѣ Моріа возвышается и блеститъ своей золоченой кровлей іерусалимскій храмъ. Далѣе, на Сіонѣ расположились великолѣпные дворцы Ирода и первосвященниковъ. „Ихъ куполы сверкаютъ яркой бѣлизной въ лучахъ восходящаго солнца. На стѣнахъ красуются

Караванъ восточныхъ мудрецовъ.

шестьдесятъ башенъ; точно шестьдесятъ великановъ сторожатъ городъ великаго Царя. Скопусъ, надъ одной изъ вершинъ котораго находится Наби — Самуилъ, образуетъ скалистый и каменистый полукругъ сѣроватаго цвѣта; пустынныя скалы строгою рамкою замыкаютъ горизонтъ святого города. На западѣ возвышается Масличная гора, поросшая

кипарисами, кедрами и другими деревьями съ сумрачною листвою; на югѣ, на первомъ планѣ видна волнообразная цѣпь Виѳлеемскихъ горъ, а въ туманной дали пропадаютъ легкія очертанія горъ Моавійскихъ". *)

Этотъ видъ Іерусалима, своими гордо выступавшими массивами красиво обрисовавшагося предъ мудрецами Востока, невольно заронилъ въ нихъ мысль: „не здѣсь ли родился Царь Іудейскій? Гдѣ-жъ Ему и родиться, какъ не въ этой славной столицѣ?" Внезапно пропавшая изъ ихъ глазъ, какъ бы скатившаяся съ неба звѣзда, казалось, подтверждала эту догадку. И вотъ, вступивъ въ предѣлы города, мудрецы начинаютъ допрашивать встрѣчающихся имъ на улицахъ жителей столицы:

Волхвы на улицахъ Іерусалима.

„гдѣ родившійся Царь Іудейскій? ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему" (Мѳ. 2, 2).

Богатый, блестящій караванъ заѣзжихъ иностранцевъ, особенно ихъ дивные вопросы сразу же произвели въ Іерусалимѣ большое волненіе. Слухи о нихъ дошли и до Ирода. „Услышавъ это, Иродъ Царь встревожился, и весь Іерусалимъ съ нимъ" (3 ст.). Это было не задолго уже до смерти чудовищнаго правителя. Онъ переживалъ тяжелые дни. Страшная ненависть ко всѣмъ, боязнь измѣны, страхъ за собственную жизнь и безопасность короны, которую такъ страстно хотѣлось Ироду

*) R. P. Didon „Iesus Christ".

упрочить за собой и своимъ родомъ, — все это не давало покоя его мятежной душѣ. Розыски мудрецами новорожденнаго Царя Іудеи послужили новой искрой для Ирода, воспламенившей и усилившей его подозрѣнія. Односторонне направленная мысль забила тревогу. Онъ рѣшился, во что бы то ни-стало, предупредить опасность, которая, какъ казалось ему, грозитъ его коронѣ. Неужели же напрасно обагрилъ онъ свои руки невинной кровью, отважно шагая черезъ трупы къ своимъ завѣтнымъ цѣлямъ? Неужели кто либо осмѣлится вырвать у него царскую власть? — Неожиданная вѣсть застала врасплохъ хитраго злодѣя. Она такъ подавила его, что онъ не можетъ собраться съ мыслями и сразу-же намѣтить твердый и рѣшительный планъ дѣйствій. Казалось, обычная находчивость ему измѣнила.

„Встревоженъ Иродъ; грозное чело
Нахмурили глубокія морщины:
Въ его чертогъ извѣстіе дошло,
Что въ уголкѣ далекомъ Палестины
Мессія — Царь грядущаго рожденъ“...

Для выхода изъ затруднительнаго положенія, растерявшійся правитель наскоро созываетъ верховный совѣтъ.

„И на совѣтъ собрались фарисеи
И книжники по призову царя“..

Этотъ верховный совѣтъ или судилище назывался синедріономъ. Засѣданія его такъ описываются древне—еврейскимъ писателемъ Маймонидомъ:

„Того, кто превосходитъ мудростію всѣхъ остальныхъ, мы выбираемъ главою и предсѣдателемъ собранія. Это тотъ, котораго всюду называютъ *„Нази“*. Онъ сидитъ на мѣстѣ нашего отца Моисея. По правую сторону отъ него сажаютъ того, кто старше всѣхъ. Его называютъ отцомъ судилища. Остальные сидятъ предъ этими обоими, размѣщаясь по степени достоинствъ своихъ и образуя такимъ образомъ полукругъ,—такъ что президентъ и вице-президентъ могутъ всѣхъ ихъ видѣть ясно и отчетливо“.

Конечно, въ наскоро созванномъ собраніи предсѣдательское мѣсто принадлежало Ироду. Здѣсь, предъ первосвященниками и книжниками онъ прямо ставитъ вопросъ: „гдѣ должно родиться Христу?“ Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили ему: „въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ“. Другого отвѣта быть не могло. И писанія пророковъ, и преданіе въ данномъ случаѣ выражались очень опредѣленно. Но едва-ли такое твердое указаніе мѣста, гдѣ долженъ родиться Іудейскій Царь, успокоило Ирода. Неясное гаданіе выростало теперь для него въ фактъ. Медлить опасно. И вотъ престарѣлый тиранъ тайно, съ большими предосторожностями призываетъ къ себѣ во дворецъ мудрецовъ Востока.

„И отъ волхвовъ съ испугомъ слышитъ онъ,
Что на востокъ чудесное свѣтило
Взошло, въ ночи таинственно горя,
Знакъ, что рожденъ царь новый Іудеи“...

Разсказъ восточныхъ гостей приводитъ въ трепетъ коварнаго Ирода,— но онъ не хочетъ обнаруживать предъ всѣми охватившую его тревогу. А въ хитрой головѣ его уже складывается безчеловѣчный, адскій планъ дѣйствій. Тщательно вывѣдываетъ онъ у волхвовъ время, въ которое они увидѣли звѣзду и потомъ, съ притворнымъ чувствомъ почтительности, посылая ихъ въ Виѳлеемъ, говоритъ:

— Пойдите, тщательно развѣдайте о Младенцѣ, и когда найдете, извѣстите меня, чтобы и мнѣ пойти поклониться Ему (8 ст.).

Мудрецы, привыкшіе читать по звѣздамъ, не могли однако прочесть того, что было написано на хитромъ лицѣ Ирода: въ тайну замысла, который сложился въ его кровожадномъ сердцѣ, они не проникли и, ничего не подозрѣвая, отправились въ Виѳлеемъ. И вотъ звѣзда снова загорѣлась на небѣ и снова величественно поплыла предъ путешественниками, озаряя имъ путь. Радостно слѣдили за ней мудрецы. Когда же она привела ихъ въ Виѳлеемъ и остановилась здѣсь надъ пещерой, то они, „вошедши въ домъ, увидѣли Младенца съ Маріею, Матерію Его“.

Можетъ быть, восточные мудрецы предполагали видѣть вокругъ колыбели новорожденнаго Царя Іудеи царственное великолѣпіе и ро-

скошь. Но и убогая обстановка пещеры съ ея бѣдными яслями не уронила, не поколебала ихъ горячей вѣры въ лежащаго здѣсь Богомла-

Волхвы у Ирода.

денца. Душа мудрецовъ истомилась жаждой истины и правды. Имъ нужно было видѣть не мишуру и блескъ внѣшняго могущества, а ве-

личіе святости. Эти дивные люди стояли выше жалкой толпы, готовой раболѣпствовать только передъ золотомъ и вещественной силой. А потому, ничуть не соблазняясь бѣдностью и убожествомъ, окружавшими Іисуса Христа, они приступили къ Нему, по словамъ св. Іоанна Златоустаго, „не какъ къ простому человѣку, но какъ къ Богу и Благодѣтелю“ [1]). Эта вѣра волхвовъ лучше всего выразилась въ ихъ прино-

На пути къ Виѳлеему.

шеніяхъ, съ которыми они, по обычаю своей страны, явились къ Богомладенцу. Въ нихъ былъ скрытъ глубокій смыслъ. Подарки состояли изъ золота, ладана и смирны. Золото посвящалось Новорожденному, какъ Вѣчному Царю славы; ливанъ или ладанъ, какъ Богу и Великому Первосвященнику; смирна же указывала на великое искупительное значеніе смерти Богочеловѣка.

[1]) Св. Іоаннъ Злат. Бесѣды на Еванг. Мѳ. ч. I. стр. 143.

Съ благоговѣніемъ совершивъ поклоненіе Богомладенцу, волхвы готовы были отправиться въ обратный путь прежней дорогой, чтобы

Поклоненіе волхвовъ.

полнотою своихъ радостныхъ впечатлѣній подѣлиться съ Иродомъ. Они, искавшіе высшаго смысла въ жизни и удовлетворенные теперь въ этомъ

чувствѣ посѣщеніемъ Виѳлеема, съ увѣренностью полагали, что и душа Ирода томится такой же жаждою правды, что и для него вѣсть о рожденіи Спасителя міра разрѣшитъ много мучительныхъ сомнѣній и загадокъ жизни. Они совершенно не подозрѣвали, что въ сердцѣ Ирода не осталось и мѣста для какого-либо благороднаго чувства, и своимъ намѣреніемъ идти черезъ Іерусалимъ только открывали ему свободный доступъ къ Виѳлеемскимъ яслямъ. Но коварному замыслу не суждено было сбыться. Мудрецы получили отъ Господа во снѣ предупрежденіе и возвратились на родину другимъ путемъ. Напрасно поджидаетъ ихъ Иродъ:

„Но тщетно все: нѣтъ посланныхъ волхвовъ,
Не знаетъ онъ, гдѣ колыбель святая“...

Однако, обманувшись въ надеждѣ видѣть восточныхъ маговъ и получить отъ нихъ нужныя свѣдѣнія, Иродъ не успокоился. Его смятеніе разгорѣлось въ адскую злобу. Въ страстномъ порывѣ ея, сжигаемый однимъ лишь желаніемъ — во что бы-то ни стало укрѣпить корону за своимъ родомъ, онъ рѣшается на сатанинскую мѣру. Съ быстротой и распорядительностью, — въ чемъ никогда нельзя было отказать Ироду, снаряжается въ Виѳлеемъ цѣлый отрядъ воиновъ, и ему дается наказъ: „избить всѣхъ Младенцевъ... отъ двухъ лѣтъ и ниже“ (Мѳ. 2, 16).

„И въ ярости, тревоженъ и суровъ,
Онъ шлетъ приказъ, избить повелѣвая
Младенцевъ всѣхъ, рожденныхъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Мессія гдѣ предсказанъ, чтобъ съ дѣтьми
Убить Того, Кто пробудилъ въ немъ страхъ.
И льется кровь“...

Не достанетъ воображенія, чтобы во всей живости представить себѣ страшную картину небывалаго еще злодѣянія: 14 тысячъ маленькихъ жизней принесено было въ жертву вздорному опасенію алчнаго деспота. Поражаясь размѣрами преступленія, удивляешься, какъ это въ потокахъ дѣтской крови не захлебнулся безчеловѣчный Иродъ?! Слово Божіе кратко, но очень сильно и выразительно рисуетъ предъ нами эту поистинѣ чудовищную картину, пользуясь при этомъ еще пророческимъ изображеніемъ ея:

„Гласъ въ Рамѣ слышанъ, плачъ и рыданіе, и вопль великій; Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ“ (Мѳ. 2, 18).

Дѣйствительно, холмъ, гдѣ погребена Рахиль, казалось, весь залитъ былъ слезами и кровью. Окрестности огласились отчаянными воплями и жалобами матерей.

„... И съ горькими слезами
Кричатъ толпы несчастныхъ матерей...“

А кругомъ одна за другой развертывались сцены страшнаго насилія и звѣрства.

„Вотъ объ скалу съ жестокимъ ликомъ воинъ
Разбилъ дитя, безтрепетно спокоенъ,
Отнялъ его отъ материихъ грудей,
И ни мольбамъ, ни крикамъ не внимая...
А тамъ, закрывъ дитя свое, другая
Безумная ребячьей пеленой,
Въ отчаяньи вступить готова въ бой...
Но, оттолкнувъ ее безъ сожалѣнья,
Онъ бьетъ дитя объ острые каменья...“

Но Ироду, — можно сказать, удерживая картинный образъ выраженія одного историка (R. P. Didon.), „удалось только озарить кровавымъ ореоломъ колыбель Іисуса“. Спаситель избѣжалъ его ярости. Старецъ Іосифъ снова получилъ отъ Господа откровеніе во снѣ:

„Встань, возьми Младенца и Матерь Его, — внушалъ Господь Іосифу, — и бѣги въ Египетъ, и будь тамъ, доколѣ не скажу тебѣ; ибо Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его“ (Мѳ. 2, 13).

И вотъ святое семейство снова въ дорогѣ. Снова хранитель дѣвства Богоматери съ благоговѣніемъ въ сердцѣ шагаетъ возлѣ осла, на которомъ возсѣдаетъ теперь Пречистая съ Младенцемъ на рукахъ и

„Въ предвидѣньи въ грядущемъ страшныхъ бѣдъ,
Прижавъ къ груди Своей Божественнаго Сына,
Она скорбитъ о томъ, что въ мірѣ правды нѣтъ,
И взоръ туманитъ Ей тяжелая кручина.
А Кроткій Сынъ, любуяся на Мать,
Такъ нѣжно ручками обвился вокругъ шеи,—

Тогда какъ посланы Его уже искать
Жестокимъ Иродомъ коварные злодѣи...“

Бѣгство въ Египетъ.

Итакъ, планъ „злочестиваго мучителя“ не удался, хотя посланные имъ воины и старались самымъ тщательнымъ образомъ исполнить его „безумное велѣніе“.

„И много дѣлъ кровавыхъ свершено,
И много слезъ безжалостно пролито.
Смолкъ дѣтскій крикъ... но лишь дитя одно,
Которое искали, не убито...
Онъ живъ, Онъ живъ, царь будущихъ временъ!
Напрасны крови рѣки пролитыя!
Грядущаго Учитель и Мессія
Отъ палачей и воиновъ спасенъ!“

Однако, гоненіемъ Ирода начался для Господа непрерывный рядъ преслѣдованій, который тянулся на всемъ протяженіи Его земной жизни и завершился потомъ на Голгоѳѣ кровавымъ концомъ. И раньше міръ, полный грѣха и злобы, безъ сожалѣнія гналъ проповѣдниковъ истины. Но еще никогда предъ лицомъ его не появлялось такого чистаго, святого, полнаго воплощенія Божіей правды, какое онъ увидѣлъ въ образѣ Христа Спасителя. Потому-то еще возлѣ колыбели Его зло съ шипѣніемъ змѣи подымаетъ свою голову, въ умопомраченіи своемъ стараясь уничтожить Вѣчную Любовь какъ бы въ самомъ корнѣ и зачаткѣ. И потомъ, чѣмъ ярче разгоралось надъ міромъ это новое „Солнце правды—Христосъ Богъ Нашъ“,—тѣмъ озлобленнѣе и дружнѣе ополчались силы ада, дабы заслонить собою божественные лучи отъ „сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертней“. Никогда еще міръ не былъ свидѣтелемъ такой отчаянной, смертельной и рѣшительной борбы между Добромъ и Зломъ, начало которой занялось здѣсь, у Виѳлеемскихъ яслей! Глухіе отзвуки этой борьбы продолжаются и доселѣ. И доселѣ человѣческая жизнь представляетъ собою обычную исторію постояннаго, неослабѣвающаго нападенія темныхъ силъ на провозвѣстниковъ свѣта и истины... Но чѣмъ яростнѣе нападеніе, тѣмъ сильнѣе долженъ быть и отпоръ. Съ вѣрой въ торжество добра пусть духовныя христіанскія дружины стойко и твердо объединятся на святую борьбу: Христосъ ихъ прибѣжище и сила! Христосъ ихъ Побѣдоносный Начальникъ и Вождь!

VIII.

Дѣтскіе годы.

„Іисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ“.

Луки II. 52.

Ирод скончался. Опасность, грозившая жизни Богомладенца, пока миновалась. Теперь не было болѣе нужды святому семейству скрываться въ Египтѣ, гдѣ оно нашло было на время надежный пріютъ себѣ отъ козней кровожаднаго гонителя. Вотъ почему, „по смерти Ирода, — се, Ангелъ Господень во снѣ является Іосифу въ Египтѣ и говоритъ: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди въ землю Израилеву, ибо умерли искавшіе души Младенца. Онъ всталъ, взялъ Младенца и Матерь Его и пришелъ въ землю Израилеву. Услышавъ же, что Архелай царствуетъ въ Іудеѣ вмѣсто Ирода, отца своего, убоялся туда идти; но получивъ во снѣ откровеніе, пошелъ въ предѣлы Галилейскіе и пришедъ поселился въ городѣ, называемомъ Назаретъ“ (Мѳ. 2, 19—23).

Какъ извѣстно, со смертію Ирода, всѣ области, которыя къ концу царствованія ему удалось стянуть подъ свою власть, распались на три части и были подѣлены между его сыновьями...

Югъ Палестины, въ составъ котораго входили три области: Іудея, Самарія и Идумея,—достался Архелаю. Второй сынъ Ирода—Антипа по-

лучилъ во владѣніе Галилею и Перею — страны, лежащія въ сѣверномъ углу Палестины. А пространство между Геннисаретскимъ озеромъ, горою Ермонъ и Дамаскомъ составило владѣнія третьяго Иродова сына—Филиппа.

Но ни на комъ изъ дѣтей Ирода такъ рѣзко не отпечатлѣлись наслѣдственныя черты его характера, какъ на старшемъ сынѣ—Архелаѣ: онъ былъ живымъ снимкомъ съ отца. Мрачный, подозрительный и жестокій, Архелай менѣе, чѣмъ кто-либо, былъ желательнымъ правителемъ для Іосифа. А потому праведный старецъ постарался избѣгнуть его предѣловъ и направился съ своимъ семействомъ въ мирный уголокъ Галилеи, въ свой родной городъ Назаретъ, гдѣ Богомладенецъ Христосъ могъ находиться въ большей безопасности, чѣмъ въ Іудеѣ. Здѣсь, живописная мѣстность и чудная природа создавали кругомъ ту идиллически нѣжную и мягкую обстановку жизни, которая особенно благопріятно вліяла на развитіе и укрѣпленіе здоровья жителей Назарета. Недаромъ, Назаретская долина, покатые склоны которой сплошь были покрыты зелеными деревьями и роскошными цвѣтами, называлась земнымъ раемъ, а самый городъ сравнивался съ цвѣтущей, благоухающей розой. Чистый горный воздухъ, всегда ласковое, голубое небо и чудные виды, открывающіеся съ вершины горъ, которыя живописной гирляндой окружаютъ Назаретъ,—все это невольно останавливало вниманіе жителей этого города на природѣ и располагало ихъ къ жизни самой простой и естественной. Съ юныхъ лѣтъ назаретяне были на открытомъ воздухѣ и еще дѣтьми любили прислушиваться къ голосу окружающей ихъ природы, разгадывать ея тайны, подмѣчать многочисленныя красоты. И ничто, кажется, не могло дать болѣе богатой пищи, въ этомъ отношеніи, для дѣтскаго ума и впечатлительной дѣтской души, какъ чудныя окрестности Назарета. Съ вершины холмовъ открывалась чудная, манящая даль. Отсюда начиналась равнина Эздрилонская. Она раскинулась по всей ширинѣ Палестины отъ Средиземнаго моря до Іордана, и весной, когда луга были покрыты цвѣтами и вѣтеръ плавными волнами пробѣгалъ по густо поросшимъ полямъ, казалось, что у самаго подножія горъ развернулся безконечный, зеленый коверъ, со-

тканный изъ различныхъ травъ и цвѣтовъ, а надъ нимъ, свившись въ причудливый вѣнокъ, по вершинамъ горъ тянутся дубовые лѣса и распустившіеся кусты сирени.

Къ сѣверо-западу,—переливаясь серебромъ, блеститъ свѣтлая полоса залива, а за нимъ, точно гладко отполированное зеркало, сверкаетъ Средиземное море и своими краями какъ бы сливается съ горизонтомъ. Надъ заливомъ возвышается гора Кармилъ, и издали кажется, будто она выросла изъ волнъ, и теперь величественно царитъ надъ ними, простираясь почти прямолинейно по направленію къ горамъ Самаріи.

Такое живописное положеніе мѣстности для каждаго назаретскаго мальчика дѣлало его родину прекрасной школой: здѣсь любознательный

Въ окрестностяхъ Назарета.

умъ ребенка невольно останавливался на разнообразныхъ явленіяхъ природы, наблюдалъ и изучалъ ихъ. Такъ постепенно, съ годами создавалась привычка къ конкретному мышленію, при чемъ мысль запечатлѣвалась образомъ, взятымъ изъ жизни природы. Эту черту характера, общую почти для всѣхъ жителей Палестины, Христосъ Спаситель, за время Своего Назаретскаго дѣтства, имѣлъ возможность непосредственно наблюдать прежде всего на примѣрѣ Своихъ соотечественниковъ или согражданъ — т. е. назаретянъ. Вотъ почему, примѣняясь къ ихъ привычному способу мышленія, Спаситель и предлагалъ

Свое божественное ученіе въ притчахъ, гдѣ мы встрѣчаемся и съ „птицами небесными“, и съ „лиліями“, и съ „виноградниками“, и съ „смоковницей“, и съ „жатвой“, и съ „вѣтромъ“ и съ „облаками“...

Впитывая въ Свою дѣтскую природу всѣ благороднѣйшія стороны человѣческаго духа назаретянъ, Христосъ Спаситель „преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ“, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе воодушевляясь и разгораясь любовію на предстоящее великое дѣло. А окрестности Назарета, выступавшія изъ туманной дали многочисленными памятниками совершившихся тамъ въ древности священныхъ событій, въ живыхъ образахъ и картинахъ воскрешали предъ взоромъ Отрока Іисуса всю прошлую исторію народа Божія.

Вотъ бывало чрезъ эту равнину Эздрилонскую нескончаемой вереницей тянулись богатые караваны изъ Аравіи въ Тиръ и изъ Дамаска въ Египетъ. Здѣсь же когда то проходилъ караванъ мадіамскихъ купцовъ, купившихъ Іосифа и увезшихъ его съ собою. По ту сторону южной цѣпи Назаретскихъ горъ виднѣются вершины Гевала и Гаризина. Между этими горами Іисусъ Навинъ собралъ однажды сыновъ Израилевыхъ для выслушанія святого Закона.

А вонъ обрисовывается громадная шапка Ѳавора, черезъ который пророчица Девора провела войско Израильское противъ Сисары, убитаго ею у потока Киссона. Гора Гелвуй переноситъ мысль ко временамъ Гедеона, когда этотъ судья народа еврейскаго съ мечомъ въ рукахъ и горстью избранныхъ мужей обратилъ въ бѣгство мадіанитянъ, которые своими полками, точно саранча, наводнили страну. Тамъ вспоминается... какъ не разъ толпы ассирійцевъ и египтянъ разливались по окрестной равнинѣ, подобно грозному наводненію... какъ въ сраженіи съ египетскимъ фараономъ Нехао погибъ здѣсь царь Іудейскій—Іосія... Обрисовывающіеся вдали морскіе берега, по которымъ нѣкогда возвышались во всей роскоши и красѣ гордые финикійскіе города—Тиръ и Сидонъ, приводятъ на память, какъ когда-то стояли здѣсь и грузились корабли, перевозившіе отсюда въ Іерусалимъ разные матеріалы для постройки храма Соломонова. Словомъ,—передъ духовнымъ взоромъ Назаретскаго Отрока

послѣдовательно, одна за другой проходили страницы изъ жизни народа еврейскаго,— то мрачныя, тяжелыя, свидѣтельствующія о страшномъ упадкѣ нравственно-религіознаго духа въ этомъ народѣ,—то отрадныя, свѣтлыя, ободряющія подъемомъ этого духа.... Уже теперь выяснялось, какой великій, безпримѣрный, самоотверженный подвигъ предстоитъ совершить Христу Спасителю, чтобы впослѣдствіи твердо, съ глубокой вѣрой въ значеніе совершеннаго, воскликнуть: „Отче!.. Я прославилъ Тебя на землѣ, совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить“ (Іоан. 17, 1, 4).

Такъ, отчасти подъ вліяніемъ окружающихъ условій жизни, а главнымъ образомъ подъ дѣйствіемъ Духа Святаго, созрѣвалъ для великаго служенія „Сынъ Маріи“, какъ-бы затерявшійся до времени въ тиши Галилейскаго городка Назарета. „Младенецъ же возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняяся премудрости, и благодать Божія была на немъ“,—замѣчаетъ св. Евангелистъ объ этомъ періодѣ земной жизни Христа Спасителя.

IX.

Повседневная жизнь еврейской семьи.

„Учите сыновей своихъ“...
Второз. XI. 18, 19.

Священный лаконизмъ, съ какимъ евангелисты повѣствуютъ о дѣтскихъ годахъ Христа Спасителя и вообще о будничной жизни Его въ безвѣстномъ Назаретѣ, граничитъ почти съ совершеннымъ молчаніемъ. Отрывочныя черты, которыя такъ скудно разсѣяны по евангельскимъ страницамъ, не создаютъ предъ нами цѣлостной и полной картины. Дополнять ихъ воображеніемъ, какъ бы послѣднее ни было благонамѣренно, это значитъ примѣшивать къ правдивѣйшей исторіи совершенно чуждый ей вымыселъ.. Поэтому вмѣсто возможной, но все же неисторической картины тѣхъ подробностей, которыми обставлено дѣтство „Назаретскаго Отрока“ въ апокрифическихъ сказаніяхъ и жизнеописаніяхъ, мы находимъ болѣе цѣлесообразнымъ ознакомить читателей съ бытовой обстановкой и распорядкомъ дня вообще еврейской семьи того времени.

Немногіе народы могли сравняться съ евреями по той строгости и заботливости, въ какихъ они воспитывали своихъ дѣтей, преимущественно мужскую ихъ половину. Дѣти всегда считались въ еврейской семьѣ благословеніемъ Божіимъ и были, такъ сказать, главнымъ жизненнымъ нервомъ ея. Съ ними соединялись у евреевъ самыя завѣтныя надежды и упованія. Потому-то и клалось каждымъ евреемъ столько заботъ на воспитаніе сына. Послѣднее заключалось въ изученіи закона и въ строгомъ подчиненіи всѣмъ постановленіямъ его. Для каждаго мальчика первымъ учителемъ являлся его отецъ, а затѣмъ, по достиженіи имъ шестилѣтняго возраста, дальнѣйшее образованіе его ввѣрялось уже школѣ. Школьную мудрость евреи цѣнили очень высоко. „Мальчикъ, который не посѣщаетъ школы, погибнетъ“,—это замѣчаніе одного ученаго раввина было почти всеобщимъ убѣжденіемъ. Въ виду такого запроса на образованіе, школьное дѣло, если только вѣрить свидѣтельству историковъ, еще „за восемь-десятъ лѣтъ до Рождества Христова процвѣтало по всей еврейской странѣ“. Школы были для всѣхъ даровыя. На воспитаніе смотрѣли, какъ на общественный долгъ, заботы о которомъ должны лежать на обязанности всего народа. Школьный вопросъ былъ разработанъ до того, что существовали особые законы и постановленія объ устройствѣ школьныхъ домовъ, о нормальномъ количествѣ учениковъ у каждаго учителя, о границахъ школьнаго возраста и даже о томъ, какъ родители должны относиться къ школѣ и наблюдать за поведеніемъ и прилежаніемъ дѣтей дома.

Однако школа не была еще необходимымъ достояніемъ каждаго города и деревни, хотя потребность въ ней уже тогда сознавалась всѣми глубоко и живо. Школъ было немало, но онѣ преимущественно устраивались въ многолюдныхъ городахъ. Жители-же деревень и малонаселенныхъ городковъ въ воспитаніи своихъ дѣтей принуждены были ограничиваться домашнимъ обученіемъ. Оно велось сравнительно широко и усердно.

Чуть только ребенокъ становился на ноги, какъ уже родители брали его съ собою въ синагогу, гдѣ онъ долженъ былъ принимать

участіе въ молитвахъ. Первой мудростью, первымъ урокомъ для еврейскаго мальчика было изученіе пятой заповѣди закона: „Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будеши на земли".

Эта заповѣдь постоянно повторялась дѣтямъ, и каждый ребенокъ долженъ быть ее выучить, помнить и исполнять. Она, такъ сказать, всасывалась, впитывалась въ душу ребенка съ молокомъ матери, а потому въ еврейской семьѣ отношенія дѣтей къ родителямъ отличались всегда высокой степенью уваженія и почтительности. Неповиновеніе родителямъ считалось у евреевъ тяжкимъ грѣхомъ и строго осуждалось.

Что касается собственно домашняго поведенія еврея,—то на немъ лежала печать полнаго отсутствія свободы мысли и дѣйствія.

Предъ пришествіемъ на землю Христа Спасителя, внѣшне-обрядовый законъ Моисеевъ стоялъ на самой высшей точкѣ развитія. Онъ выродился въ массу дробныхъ предписаній, которыя, точно цѣпями, сковали повседневную жизнь еврея и какъ бы сдавили ее въ своихъ тискахъ. Каждый шагъ этой жизни былъ предусмотрѣнъ закономъ, и въ послѣднемъ на каждый случай существовало свое особое постановленіе. Иго закона, такъ сказать, тяготѣло надъ каждымъ евреемъ. отъ утра до вечера и отъ вечера до утра опредѣляя образъ его поведенія.

Только что пробуждался еврей отъ сна, какъ долженъ былъ немедленно, не сходя еще съ постели, прочесть утреннюю молитву. И это дѣлалось часто не въ силу внутренней потребности, не изъ сознанія, что утренняя молитва есть самое лучшее начало дня, а исключительно по требованію буквы закона. Затѣмъ начиналась сложная церемонія одѣванія, при чемъ соблюдались особые обряды. Покончивъ съ одеждой, еврей умывалъ лицо и руки. Вода, предназначенная для этого, должна была находиться не далѣе четырехъ шаговъ отъ кровати, потому что законъ воспрещалъ ему дѣлать больше 4 шаговъ не умывшись. Такъ какъ сонъ почитался изображеніемъ смерти, то еврею строжайше вос-

прещалось тотчасъ же послѣ сна прикасаться руками къ какой либо части своего тѣла, прежде чѣмъ изображеніе смерти не будетъ смыто водой. Самое омовеніе совершалось разъ навсегда установленнымъ порядкомъ.

Кувшинъ, — и при томъ непремѣнно съ чистой, холодной водой, должно было поднимать правой рукой и потомъ передать его въ лѣвую для того, чтобы вымыть прежде правую руку. Она должна быть открыта и пальцами обращена къ землѣ. Изъ высоко приподнятаго кувшина еврей обыкновенно три раза поливалъ на свою правую руку, а потомъ тоже самое продѣлывалъ и съ лѣвою рукой. Затѣмъ уже мылось лицо, и тоже троекратно. Послѣ омовенія, руки складывались ладонями вмѣстѣ, пальцы вытягивались, и читалась положенная молитва:

„Подними руки твои въ святости и прославь Господа".

Къ ней прибавлялись и другія молитвы. Кромѣ того, предстояла еще общественная молитва въ синагогѣ. Если же въ силу какихъ либо обстоятельствъ еврей не могъ идти въ синагогу, то всѣ тѣ молитвы, которыя составляютъ главную часть синагогальнаго богослуженія, онъ долженъ былъ прочитать дома. Не прочитавъ этихъ молитвъ, никто не осмѣливался даже прикоснуться къ пищѣ или сѣсть за работу. На молитвѣ съ родителями стояли и дѣти, такъ что еврейскаго мальчика съ юныхъ лѣтъ какъ бы обвѣвала молитвенная атмосфера и тотъ религіозный духъ, который потомъ давалъ извѣстное настроеніе и всей его жизни.

Оставляя въ сторонѣ мелочность и формализмъ внѣшней дисциплины, заплетавшей въ свои узкія сѣти всю жизнь подзаконнаго человѣка, мы должны однако признать въ ней одну очень полезную сторону. Она держала умъ еврея въ постоянномъ напряженіи, направляя его къ благочестивымъ размышленіямъ, оставляя очень мало времени для легкихъ житейскихъ удовольствій. Такой порядокъ жизни, когда онъ соединялся съ искреннимъ стремленіемъ къ внутренному освященію, имѣлъ важное воспитательное значеніе, и въ особенности для молодого, подрастающаго поколѣнія: имъ давалась благопріятная почва для развитія въ дѣтяхъ хорошихъ привычекъ и наклонностей.

Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи совершенно иное положеніе занимаютъ наши дѣти и вообще вся современная молодежь: она не всегда выноситъ изъ своей семьи привычку и любовь къ молитвѣ. Чаще приходится видѣть, какъ родители, иногда сами не замѣчая того, развиваютъ въ своихъ дѣтяхъ не серьезныя стремленія, а лишь вкусъ къ низшимъ, чувственнымъ удовольствіямъ. Молитва какъ бы совсѣмъ изгоняется изъ семейнаго обихода. А между тѣмъ она должна быть колыбелью, кормилицей для души ребенка. Иначе эта душа замретъ, завянетъ, какъ цвѣтокъ безъ воздуха и свѣта. Да и что можетъ быть трогательнѣе и жизненнѣе той картины, когда благочестивые — отецъ и мать, окруженные своей семьей, въ общей молитвѣ прославляютъ Господа и здѣсь, такъ сказать, переливаютъ свою вѣру въ юныя сердца дѣтей. „Молитва — это благоуханный цвѣтъ духовной жизни“, — замѣчаетъ нашъ Кронштадтскій молитвенникъ и пастырь. Она, точно роса благодатная, питаетъ и освѣжаетъ молодую душу. Пусть впослѣдствіи ураганомъ налетятъ на нее житейскія бури,—но не разсѣять имъ добрыхъ сѣмянъ, посѣянныхъ съ дѣтства и глубоко пустившихъ корни въ самомъ сердцѣ человѣка. Здѣсь можетъ повториться лишь то, что выражено въ задушевномъ стихѣ нашего поэта:

„Въ дѣтствѣ мать меня учила
Каждый день читать молитвы...
Но въ соблазнахъ шумной жизни
И въ пылу житейской битвы
Разучился я молиться,
Находить отраду въ храмѣ,
Въ пѣснопѣніяхъ священныхъ,
Въ блескѣ свѣчъ и ѳиміамѣ.

Но посѣянное въ душу
Въ тѣ младенческіе годы
Не погибло и ростками
Показалось въ дни невзгоды;
И душа затрепетала,
И свободная отъ плѣна,
Поняла, въ чемъ сладость жизни,
Поняла, что выше тлѣна.

Полумракъ въ старинномъ храмѣ...
Я молюсь подъ звуки пѣнья,
Полный сладкаго восторга
И святаго умиленья".

Не менѣе поучительной для насъ является и забота ветхозавѣтныхъ евреевъ о воспитаніи безпризорныхъ сиротъ. Для послѣднихъ были устроены особыя школы, гдѣ учитель долженъ былъ замѣнять имъ отца. Обстановка и порядокъ школьныхъ занятій не отличались особой сложностію. Конечно, обученіе велось преимущественно съ голоса,—такъ какъ печатныхъ книгъ и букварей тогда не было. Иногда на свиткахъ или доскахъ писались отрывки изъ закона. Они раздавались на руки ученикамъ и затверживались ими наизусть.

Несомнѣнно, познанія, выносимыя еврейскимъ мальчикомъ изъ школы, должны были впослѣдствіи расширяться и пополняться отчасти чтеніемъ священныхъ книгъ на дому, отчасти въ синагогахъ.

Такимъ образомъ, еврей всю свою жизнь отдавалъ на изученіе и самое строгое исполненіе закона, помня завѣтъ Господа, еще въ древности изрекшаго всему народу израильскому:

„Положите... слова Мои въ сердце ваше и въ душу вашу, и навяжите ихъ въ знакъ на руку свою, и да будутъ они повязкою надъ глазами вашими и учите... имъ сыновей своихъ".

Къ сожалѣнію, основываясь на буквальномъ пониманіи этихъ словъ, большинство евреевъ позаботилось не о внутреннемъ проникновеніи въ духъ и смыслъ закона Господня, а лишь о внѣшнемъ исполненіи его, о томъ, чтобы „расширять хранилища свои", или тѣ кожаные мѣшечки, въ которые вкладывались, обыкновенно, выписки изъ закона и которые приклѣплялись во время молитвы къ головной повязкѣ и къ одеждѣ на лѣвой рукѣ...

Такъ скорлупа плотскихъ воззрѣній, которыми всецѣло проникнутъ былъ еврейскій народъ, скрывала отъ него зерно Божьей истины, сообщенной ему въ законѣ Моисеевомъ.

X.

Двѣнадцатилѣтній Отрокъ въ Іерусалимскомъ храмѣ.

„Онъ пришелъ спасти всѣхъ, младенцевъ и дѣтей; отроковъ, юношей и старцевъ; посему и прошелъ черезъ всѣ возрасты".

Св. Ириней.

Незамѣтно бѣжали въ Назаретѣ счастливые годы материнства для Пречистой Дѣвы Маріи. Съ благоговѣніемъ слѣдила Она своимъ любящимъ взоромъ за тѣмъ, какъ постепенно подрасталъ Ея Божественный Отрокъ, какъ подъ дѣйствіемъ Духа Святаго все болѣе и болѣе созрѣвали и раскрывались въ Немъ святѣйшія стороны Его Богочеловѣческой природы... Такъ иногда благоухающій цвѣтокъ подъ лучомъ ласкающаго солнца раскрываетъ свою ароматную чашечку и расправляетъ бѣлоснѣжные лепестки...

Наконецъ наступилъ и двѣнадцатый годъ со дня рожденія Христа Спасителя въ Виѳлеемѣ. Этотъ годъ былъ полонъ значенія въ жизни каждаго еврейскаго мальчика. Съ этого времени онъ дѣлался „сыномъ закона", выходилъ изъ-подъ родительской опеки и принималъ участіе во всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ Израильской общины, становясь полноправнымъ членомъ ея. Вотъ почему, когда въ этомъ году приблизился праздникъ Пасхи, въ который обыкновенно всѣ мужчины

въ сопровожденіи своихъ женъ, считали священнымъ долгомъ явиться въ храмъ Іерусалимскій, вмѣстѣ съ Іосифомъ и Маріей собрался посѣтить Іерусалимъ и ихъ двѣнадцатилѣтній „Отрокъ".

Многочисленными группами благочестивые паломники двигались по направленію къ священному городу. Въ ихъ рядахъ скромно замѣшалось и святое семейство. Едва-ли кто изъ случайныхъ спутниковъ Іосифа и Маріи сознавалъ въ это время, что — здѣсь, въ толпѣ богомольцевъ, пока въ качествѣ безвѣстнаго поклонника, шествуетъ въ Іерусалимъ и Самъ Спаситель Міра. Глаза всѣхъ были обращены туда, гдѣ въ туманной дали прятались очертанія іудейской столицы. И эта двигавшаяся толпа представляла собой величественное зрѣлище. Здѣсь сошлись люди изъ самыхъ различныхъ мѣстъ, часто совершенно незнакомые другъ другу, но объединенные одинаковыми чувствами и надеждами, горящіе одной любовью къ святому городу, одушевленные общимъ стремленіемъ, общей цѣлью, которая въ настоящую минуту составляла какъ бы душу всей этой разнообразной толпы. По дорогамъ всюду виднѣлись караваны верблюдовъ, лошадей, ословъ. По всѣмъ направленіямъ, съ востока, запада, сѣвера и юга тянулись путешественники, — и пѣшіе, и верховые. Съ дорогъ, которыя проходили вдоль береговъ Средиземнаго моря, можно было видѣть, какъ приливали все новыя и новыя толпы богомольцевъ, высаживавшіяся съ стоящихъ въ гаваняхъ кораблей. И весь этотъ народъ устремлялся къ Іерусалиму, общему центру для разселившихся повсюду евреевъ.

Какъ ни была обширна іудейская столица,—однако она не могла вмѣстить и десятой части прибывавшихъ въ нее посѣтителей. Послѣдніе обыкновенно разбивали палатки или строили шалаши за городомъ и принуждены были ютиться здѣсь въ теченіе всего праздника. Устройство этихъ временныхъ жилищъ было самое первобытное. Онѣ дѣлались изъ ивовыхъ вѣтвей, покрывались рогожами, промежутки между которыми заполнялись свѣжими зелеными листьями,—и въ общемъ представляли довольно сносное помѣщеніе. Для дѣтей же провести нѣсколько дней въ этомъ тѣнистомъ, украшенномъ зеленью шалашѣ было

всегда истиннымъ удовольствіемъ, особенно — когда съ голубого безоблачнаго неба Палестины весело сіяло яркое солнце.

Кромѣ богомольцевъ, которыхъ притягивалъ Іерусалимъ святынями своего храма, сюда стекались со всѣхъ сторонъ люди, гонимые разсчетомъ, стремленіемъ къ наживѣ. Скопленіе въ городѣ народа значительно повышало здѣсь спросъ на всѣ жизненные припасы. Постоянные городскіе торговцы не въ состояніи были удовлетворить повышенныхъ требованій многотысячной толпы. Поэтому на улицахъ, площадяхъ воздвигались временныя лавки, устраивались торжища, и всюду предлагались публикѣ всевозможные товары, начиная отъ различнаго рода матерій, нарядовъ и украшеній и кончая съѣстными припасами въ видѣ рыбы, фруктовъ, виноградnаго сока, травъ и кореньевъ.

Всюду замѣтно было особенное оживленіе и оно поддерживалось въ теченіе всего праздника.

Такъ же было и въ настоящій разъ, когда вмѣстѣ съ своимъ Божественнымъ „Отрокомъ“ заявились въ Іерусалимъ Іосифъ съ Маріею. Если Іисусъ Христосъ еще первый разъ присутствовалъ здѣсь на праздникѣ,—то для Его родителей все это были давно уже знакомыя картины: ибо „каждый годъ, — повѣствуетъ св. евангелистъ, — родители Его ходили въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи“.

Кончались праздничные дни,—и движеніе въ городѣ мало по малу начинало стихать. Палатки разбирались, базарныя площади пустѣли и огромныя толпы народа собирались въ обратный путь. Снаряжались цѣлые караваны, въ которыхъ мѣшались верблюды, лошади, ослы. Около нихъ шагали мужчины и женщины. Здѣсь-же группами тѣснились мальчики, въ первый разъ побывавшіе въ Іерусалимѣ и теперь дѣлившіеся другъ съ другомъ своими впечатлѣніями. Получалась живая, яркая, но очень пестрая картина народнаго возвращенія съ праздника.

Узкія палестинскія дороги препятствовали каравану двигаться общей массой, разливаясь во всю ширь пути. А потому онъ растягивался обыкновенно въ длинную ленту и разбивался на отдѣльныя кучки.

При общемъ смятеніи и суматохѣ, затеряться, опустить своихъ изъ

виду было дѣломъ обычнымъ. Это и случилось съ Іосифомъ и Маріей. Давно уже Пречистая Матерь замѣтила, что изъ Ея глазъ скрылся Божественный Отрокъ. Но Она успокаивала себя мыслію, что Онъ, бывшій *„въ любви у Бога и человѣковъ“* (Луки 2, 52) и привлекавшій всегда къ себѣ сердца всѣхъ своихъ сверстниковъ, идетъ, вѣроятно, и теперь окруженный ими, и гдѣ-нибудь здѣсь же, въ этой спокойно двигающейся громадной толпѣ. Но вотъ „дневной путь“ пройденъ. Караванъ сталъ располагаться къ привалу. Всѣ искали своихъ, такъ какъ каждому путешественнику гораздо удобнѣе было устроиться на ночлегѣ среди родныхъ и знакомыхъ. Но Іосифъ съ Маріей Христа Спасителя не находили. Напрасно они допрашивали всѣхъ встрѣчныхъ: Его никто не видалъ во время дороги. Къ мѣсту ночлега подходили все новыя и новыя толпы народа, но Божественнаго Отрока среди нихъ не было. Понятное безпокойство охватило сердце Богоматери. Ея тревога передалась, конечно, и Іосифу. Праведная чета не могла дальше продолжать свой путь и возвратилась обратно, въ Іерусалимъ, надѣясь отыскать тамъ Своего отставшаго Сына. Можетъ быть, Марія и Іосифъ предполагали встрѣтить Его во дворѣ храма, гдѣ, обыкновенно, останавливался народъ для молитвъ и жертвоприношеній. Однако здѣсь Его не оказалось. Въ какомъ направленіи велись дальнѣйшіе поиски, Евангеліе намъ не сообщаетъ. Но, вѣроятно, они были очень тщательны, и только *„черезъ три дня нашли Его въ храмѣ, Сидящаго посреди учителей, Слушающаго ихъ и Спрашивающаго ихъ“* (Луки 2, 46).

При Іерусалимскомъ храмѣ существовало нѣсколько раввинскихъ школъ. Онѣ помѣщались въ притворахъ или галлереяхъ храма. Всякій, кто хотѣлъ, могъ входить сюда. Здѣсь, обыкновенно, раввины предлагали свои уроки по изъясненію или истолкованію Закона. Способъ преподаванія былъ нѣсколько своеобразный: наставникъ старался рядомъ искусно поставленныхъ вопросовъ навести своихъ слушателей и учениковъ на желанную мысль. Такимъ образомъ, всякому, кто бы хотѣлъ, открывалась возможность завязать съ раввинами живую бесѣду. Иногда эти бесѣды принимали настолько острый, захватывающій

интересъ, что ученики цѣлый день не расходились и проводили ночи въ самыхъ галлереяхъ храма.

Посреди учителей.

Христосъ Спаситель, освятившій Своимъ благословеніемъ всѣ чистыя радости и скромные, честные труды человѣка, не могъ пройти

мимо того мѣста, въ которомъ молодое поколѣніе евреевъ, подъ руководствомъ своихъ знаменитыхъ раввиновъ, получало воспитаніе, изучало законъ, — выражавшій волю *„Пославшаго Его Отца“*.

Вступивъ здѣсь въ бесѣду съ представителями еврейской учености, двѣнадцатилѣтній Отрокъ, не взявшій и одного урока въ которой-либо изъ этихъ знаменитыхъ школъ, поразилъ всѣхъ Своимъ недѣтскимъ глубокомысліемъ и мудростью. „Всѣ слушавшіе Его дивились разуму и отвѣтамъ Его“ (Луки 2, 47).

Между тѣмъ Іосифъ съ Маріей, напрасно проискавъ Христа Спасителя въ другихъ мѣстахъ, заглянули наконецъ въ одинъ изъ притворовъ храма. Картина, открывшаяся здѣсь передъ ними, не могла не поразить ихъ. Іисусъ Христосъ, окруженный сѣдовласыми раввинами, съ огнемъ Божественной мысли въ чистыхъ, ясныхъ очахъ, конечно, прежде всего остановилъ на себѣ взоръ Богоматери. Ея сердце при взглядѣ на Него тотчасъ же успокоилось и, можетъ быть, еще долго Іосифъ съ Маріей стояли, вслушиваясь въ полную величія и мудрости рѣчь Христа Спасителя...

Получалась картина торжественная и умилительная. Этотъ храмъ, съ мраморными колоннами, блещущій золотомъ, драгоцѣнной рѣзьбой и роскошными красками; эти престарѣлые книжники съ длинными, ниспадающими на грудь бородами, съ достоинствомъ сидѣвшіе на своихъ мѣстахъ; наконецъ, эти родители, можетъ быть, запыленные съ дороги, и во всякомъ случѣ усталые и встревоженные, съ изумленіемъ и радостію остановившіе свои глаза на двѣнадцатилѣтнемъ Отрокѣ— Іисусѣ,—все это полно было глубокаго, внутренняго, хотя и скрытаго движенія.

Но вотъ, наконецъ, Марія обращается къ Сыну. Іосифъ стоитъ въ сторонѣ. Онъ только скромный хранитель Ея дѣвства. Онъ никогда не признавалъ за собой отеческихъ правъ.

— „Чадо! что Ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ Отецъ Твой, и Я съ великою скорбію искали Тебя“,—говоритъ Богоматерь, называя Іосифа отцомъ, дабы скрыть отъ непосвященныхъ тайну рождества Іисуса

Христа. Здѣсь не упрекъ, хотя бы и понятный въ сердцѣ любящей Матери... Здѣсь, какъ нельзя ярче; высказалось отношеніе Пречистой Дѣвы къ Своему Сыну. Онъ былъ душой Ея жизни. Безъ Него весь міръ терялъ для Нея свое значеніе... Одинъ день не видать Іисуса, одинъ день не слышать Его голоса было для Богоматери великимъ нравственнымъ лишеніемъ... Точно солнце, освѣщалъ Онъ Ея жизненный путь... Скрылось солнце, и по землѣ побѣжали сумеречныя тѣни... И со всей силой просыпается въ душѣ желаніе скорѣе опять видѣть его ласкающіе лучи, скорѣе опять наслаждаться ихъ теплотой и свѣтомъ... Тоже происходило и въ сердцѣ Богоматери. Но „Онъ сказалъ имъ: зачѣмъ было вамъ искать Меня? Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему".

Въ этихъ таинственныхъ словахъ выразилось сознаніе Іисусомъ Христомъ своего высокаго Мессіанскаго назначенія. Это сознаніе всегда жило въ душѣ Богочеловѣка. Но никогда еще оно не высказывалось съ такой ясностью и рѣшительностью, какъ сейчасъ. Однако Іосифъ и Марія *„не поняли сказанныхъ Имъ словъ"*. Они не постигли еще всей глубины открытой Христомъ о Себѣ истины. *„И Онъ пошелъ съ ними и пришелъ въ Назаретъ и былъ въ повиновеніи у нихъ"*... И снова началась тихая, трудолюбивая жизнь „Сына Человѣческаго" въ безвѣстномъ Назаретѣ. Но на эту пору земной жизни Іисуса Христа евангельская исторія накидываетъ такой покровъ безмолвія,—что не только строчка, но и каждая буква является для насъ рѣдкой, а потому еще болѣе драгоцѣнной жемчужиной. Вдумываясь въ краткія замѣчанія евангелистовъ о земной жизни Спасителя до Его выступленія на проповѣдь, мы невольно, лицомъ къ лицу становимся съ вопросомъ: почему они отмѣтили лишь двѣ черты изъ дѣтства и отрочества Іисуса, именно: Его мудрость, проявившуюся среди книжниковъ, и повиновеніе родителямъ, какое Онъ оказывалъ имъ въ Назаретѣ.

„Очевидно, эти двѣ черты *) имѣютъ особенно важное значеніе для

*) Сборникъ статей по истолковательному и назидательному чтенію четвероевангелія съ библіографическимъ указателемъ. М. Барсовъ. Изд. 2. Т. 1. 253—254 стр.

христіанина, и Евангелисты, указывая на нихъ, хотѣли между прочимъ дать намъ наиболѣе полезный, нравственный урокъ. Указывая на бесѣду Спасителя во храмѣ, когда Онъ привелъ въ удивленіе весь Іерусалимъ своимъ знаніемъ слова Божія, они этимъ самымъ поучаютъ насъ, что нѣтъ знанія выше знанія Слова Божія и что прежде, чѣмъ изучать какія-либо науки, мы должны изучать Слово Божіе, какъ единственное прочное основаніе всѣхъ нашихъ знаній и убѣжденій. Указывая на повиновеніе Іосифу и Маріи, они чрезъ это даютъ намъ и особенно молодымъ людямъ, возрастъ которыхъ былъ освященъ именно этимъ временемъ жизни Спасителя, — даютъ урокъ повиновенія родителямъ и всѣмъ тѣмъ, которые занимаютъ для насъ мѣсто родителей"...

И дѣйствительно: Слово Божіе необходимо каждому для просвѣщенія и освященія въ себѣ внутренняго человѣка. Оно не должно исключать изученія другихъ наукъ... Напротивъ, оно должно содѣйствовать ихъ правильному росту и расцвѣту. Но пусть Законъ Божій будетъ поставленъ *во главу угла* нашей школы. Пусть онъ будетъ путеводной звѣздой для насъ не только въ пору нашей школьной жизни, но и далеко за предѣлами ея...

Современная школа предлагаетъ своимъ питомцамъ, повидимому, богатую трапезу... Пищи для ума здѣсь, кажется, много... Около сотни наукъ вращается на современномъ школьномъ рынкѣ... И съ каждымъ годомъ науки дѣлаютъ все новыя и новыя завоеванія... Кругъ ихъ открытій и знаній расширяется, растетъ... Блага и удобства жизни умножаются... Человѣкъ часто выбивается изъ силъ, чтобы не отстать только отъ вѣка, чтобы поспѣть за такъ быстро двигающейся наукой... Нерѣдко, на нее одну истощаетъ онъ свое тѣло и душу... Но „кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?" Всѣ эти успѣхи знаній, поражающіе насъ своимъ дѣйствительнымъ величіемъ, но не оживляемые христіанскимъ духомъ, дѣлаютъ науку односторонне-практической, чувственной, себялюбивой... Наука не должна исключительно приковывать свое вниманіе къ землѣ и плоти человѣка... Она не должна забывать, что существуетъ еще Богъ и безсмертный

духъ въ человѣкѣ, что надо смотрѣть не въ землю лишь, но и на Небо. „Берегись, наставлялъ молодого ученаго знаменитый математикъ и естествоиспытатель Амперъ, — берегись исключительно заниматься наукой, какъ ты это дѣлалъ прежде. Учись, изслѣдуй земное: это обязанность мужа науки; но на видимый міръ смотри однимъ глазомъ, другой неустанно обращай къ вѣчному свѣту. Одной рукой изслѣдуй природу, а другою, какъ дитя за одежды отца, держись за край Божіей ризы“... „Одна голая наука безъ правды Божьяго закона создастъ только алчныхъ звѣрей, но не человѣка“, — справедливо сказалъ другой извѣстный ученый. Законъ Божій, и только онъ одинъ научитъ юношу той христіанской добродѣтели, которая особенно потребна для его возраста...

Молодость — самая горячая пора въ жизни человѣка. Природа спѣшитъ тутъ развернуться во всей своей красѣ. Юноша чувствуетъ повышенный приливъ жизненныхъ силъ, которыя бродятъ, требуютъ себѣ выхода и примѣненія... И благо ему, если онъ свои порывы склонитъ подъ иго родительской воли: твердая, опытная рука отца или матери направитъ его на спасительный путь. Можетъ быть, они иногда ошибутся, неправильно истолкуютъ тотъ или другой шагъ въ его жизни... Но они съ благоговѣніемъ укажутъ ему на Законъ Божій, въ которомъ онъ всегда найдетъ для себя надежное правило и руководство... „Дѣти внѣ послушанія родителямъ, замѣчаетъ одинъ духовный писатель, подвергаются всѣмъ нравственнымъ опасностямъ молодости, и эти опасности бываютъ тѣмъ пагубнѣе для нихъ, что они не сознаютъ ихъ гибельнаго вліянія на свою жизнь и по неопытности сердца не замѣчаютъ ихъ. Совершенно не то мы видимъ, когда дѣти воспитываются въ любви и послушаніи родителямъ. Подъ руководствомъ этой любви они бываютъ свободнѣе отъ всѣхъ нравственныхъ опасностей, такъ какъ они подчиняютъ въ этомъ случаѣ свое неопытное сердце болѣе опытному и твердому руководительству родителей; а вмѣстѣ съ этимъ они научаются во всей полнотѣ великимъ и основнымъ христіанскимъ добродѣтелямъ—любви и смиренію и, такимъ образомъ, го-

товятъ изъ себя будущихъ лучшихъ гражданъ Царства Небеснаго и Земного"... *)

Дорогія дѣти! Не забывайте же, что сказано въ Евангеліи о двѣнадцатилѣтнемъ Божественномъ Отрокѣ: *„и Онъ былъ у нихъ въ повиновеніи"*... Запомните это евангельское слово... Напишите его большими буквами не только надъ своей постелью, но и на скрижаляхъ своего сердца... и вѣрьте, что только послушное дитя будетъ „преуспѣвать въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ" (Луки, 2, 52).

*) Ibid.

ЧАСТЬ II.

I.

Іоаннъ Креститель.

„Народъ, ходящій во тьмѣ, увидитъ свѣтъ великій“. Ис. IX, 2.

Занималась заря новыхъ дней. Приближалось время, когда *„Солнце правды — Христосъ Богъ Нашъ“* — долженъ былъ показаться на потемнѣвшемъ небосклонѣ человѣческой исторіи во всемъ своемъ нравственномъ величіи и блескѣ, какъ немеркнущее свѣтило вѣчнаго дня. Доселѣ Онъ проживалъ безвѣстнымъ плотникомъ въ глуши Назарета. Теперь же долженъ былъ явить Себя всему міру открыто и гласно, какъ „Ходатай Бога и человѣковъ“.

Но Его выступленіе на общественную проповѣдь совершается не вдругъ: Его предваряетъ „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“, который зоветъ всѣхъ приготовиться къ принятію Мессіи, „правыми сотворить стези Его“.

Этотъ голосъ раздался въ Заіорданской странѣ. Онъ принадлежалъ Іоанну, сыну Захаріи и Елисаветы, который, по выраженію на-

шихъ церковныхъ пѣснопѣній, явился предъ Христомъ, какъ свѣтлая, утренняя звѣзда, предвѣщающая зарю благодатнаго дня *).

Грознымъ обличеніемъ, горячимъ призывомъ къ новой жизни загремѣла вдохновенная проповѣдь пустынника-пророка!

„Покайтеся, приближи бо ся царствіе небесное“ (Мѳ. 2, 2), вѣщалъ онъ всѣмъ,— т. е. „покайтесь, одумайтесь, вспомните о Богѣ, измѣните грѣховныя мысли и дѣла свои“,—вотъ въ чемъ состояла сущность проповѣди Іоанновой.

И дѣйствительно: тогдашній міръ, особенно іудеи нуждались въ покаяніи!

Родина Іоанна Крестителя.

„Смутное время переживала Іудея предъ явленіемъ святаго Іоанна Крестителя. Это время богато было надеждами, ожиданіями и запросами, но бѣдно было средствами удовлетворенія духовныхъ потребностей. Книга откровенія хранила для Іудеевъ дорогіе завѣты Божіи и указывала имъ чистое ученіе вѣры и нравственности. Но при чтеніи ея темное покрывало лежало на глазахъ Израиля, и онъ, видя и слыша, не разумѣлъ завѣщаннаго ему откровенія, и не столько изъ него извлекалъ для себя просвѣтительныя начала, сколько въ него старался влагать свои плотскія воззрѣнія, наросшія на его сознаніе въ теченіе

*) Служб. сент. 23, утр. кан. п. 7, Богород. служб. янв. 7. утр. кан. 3, п. 6, троп. 1 п. 3, троп. 3, веч. стих. слава.

длинной перемѣнчивой его исторіи. Изъ среды его возвышались особенные знатоки и толкователи закона и пророковъ. Но для вѣрнаго толкованія Божественнаго Слова мало одного механическаго знанія; для этого нужно живое дѣйствіе духовнаго чувства Божественной истины, а его-то и не доставало книжникамъ Іудейскимъ, считавшимъ буквы и слова и не умѣвшимъ уловить вложенную въ нихъ силу духа и истины. Божественный законъ у нихъ обезображенъ былъ разными преданіями человѣческими; единая заповѣдь любви, указанная въ немъ Спасителемъ, у нихъ раздѣлялась на множество большихъ и малыхъ заповѣдей, и вмѣсто того, чтобы возбудить и направить къ святымъ цѣлямъ внутреннее расположеніе духа народа, они до мельчайшихъ подробностей росписывали для него правила и формулы внѣшняго поведенія. Храмъ Божій загороженъ былъ множествомъ громоздкихъ человѣческихъ построекъ, совершенно не гармонировавшихъ съ нимъ, и, блуждая по этимъ пристройкамъ, народъ не проникалъ до средины своего святилища. Его руководители духовную силу раздробили на мелкія единицы и не могли составить изъ нихъ цѣлаго,—какъ-бы считали деревья и не видѣли за ними лѣса“ *). Между тѣмъ, въ міръ вступало новое царство, съ новыми началами жизни. Оно требовало отъ человѣка полнаго самоотверженія, отреченія отъ прежней жизни; оно заповѣдывало ему служить Богу „духомъ и истиною“. Вотъ почему для того времени такъ была потребна проповѣдь покаянія.

Строго и сурово звучали грозныя рѣчи пророка. Скорбна и трудна была его жизнь. Этотъ человѣкъ, *„посланный отъ Бога“*, оставилъ общество людей, покинулъ оживленныя улицы города съ его уютными домиками, веселыми садами и воздѣланными полями; рѣшеніемъ могучей воли разорвалъ разъ навсегда со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ пріятность и усладу обыкновенной мірской жизни. Онъ пошелъ въ пустыню, облачился тамъ въ одежду изъ верблюжьей шерсти и проводилъ жизнь строгаго подвижника, питаясь акридами и дикимъ медомъ.

Намъ не трудно представить себѣ обстановку, среди которой

*) Труды К. Д. А. 1868 г., т. I, стр. 4.

упражнялся въ своихъ подвигахъ этотъ „человѣкъ, больше котораго не воста въ *рожденныхъ женами*“ (Мѳ. 11 9, 11).

Дикая, и совершенно голая пустыня, протянувшаяся безжизненной, печальной полосой, на востокъ отъ Іерусалима и до самаго Мертваго моря, послужила той школой, въ которой собирались и крѣпли могучія силы великаго духомъ Іоанна. Неприглядныя картины открывались предъ нимъ. Кругомъ камни, голыя скалы, кремнистые утесы. Вдали, точно вытянувшійся безжизненный трупъ, лежали воды Мертваго моря. Солнце своими лучами калило пустыню и выжигало здѣсь всѣ признаки жизни. Вблизи не было видно ни кусточка, ни хижины, ни одной человѣческой души. Трудно себѣ и представить мѣсто, которое было бы печальнѣе и безотраднѣе пустыни Іоанна.

Кажется, природа нарочито вооружилась всѣми разрушительными силами, чтобы въ конецъ уничтожить здѣсь всякое напоминаніе о жизни. Потоки, которые иногда зимой внезапно срываются и низвергаются съ горъ въ Мертвое море, своимъ стремительнымъ паденіемъ прорыли тамъ огромныя пропасти въ тысячу и болѣе футовъ глубины. И неудивительно поэтому, что этотъ сухой, пустынный и безплодный клочекъ земли, совершенно лишенный тѣни, казался и кажется всѣмъ мѣстомъ, проклятымъ Самимъ Богомъ.

Точно снѣговые гребни высятся известковыя вершины горъ, съ зіяющими ниже пещерами, которыя издали кажутся открытыми ртами страшныхъ чудовищъ. Въ безпорядкѣ набросанные утесы и скалы всѣ изборождены глубокими трещинами. Ужи, коршуны и лисицы находятъ себѣ пріютъ въ нихъ.

Правда, здѣсь же, между горъ пролегали долины. Но и онѣ не радовали взора. Покрытыя вмѣсто травы камнями эти долины не имѣли ни одного холмика, съ верхушки котораго сбѣгалъ бы свѣтлый, освѣжающій ручеекъ. Только „безводныя вершины“, какъ удачно называетъ ихъ псалмопѣвецъ Давидъ, печально возвышались кругомъ.

Такова была пустыня, въ которой въ первый разъ раздался голосъ пророка, возвѣщавшій людямъ приближеніе новаго, небеснаго царства.

Проповѣдь пророка дѣйствовала на всѣхъ неотразимо. Въ его словахъ чуялся божественный огонь вдохновенія. Самая внѣшность Предтечи производила впечатлѣніе: она была необычайна!

Еще до рожденія Іоанна, родители его, Захарія и Елисавета, обѣщали Богу, что сынъ ихъ будетъ назореемъ. Съ этимъ званіемъ соединялись обыкновенно особые обѣты. Бритва никогда не должна была касаться головы и подбородка назореевъ. Законъ предписывалъ имъ воздерживаться отъ опьяняющихъ напитковъ. Не только „вино“ и „сикеръ“, — но даже самый виноградъ былъ для нихъ запрещеннымъ плодомъ. Цѣломудріе и чистота должны были вѣнчать ихъ добродѣтели. Прикосновеніе къ трупу считалось для назорея преступленіемъ.

Обѣты назорейства давались въ Ветхомъ Завѣтѣ на различные сроки. Но иногда они дѣлались, какъ и въ настоящемъ случаѣ, служеніемъ цѣлой жизни. Длинные волосы были главнымъ внѣшнимъ отличіемъ, по которому всегда можно было узнать назорея. Когда срокъ обѣта кончался, эти волосы обрѣзались въ храмѣ и здѣсь же сожигались на священномъ огнѣ.

Во дни Іоанна Крестителя, когда надежды и ожиданія Мессіи получили самый напряженный характеръ и когда даже языческій міръ чувствовалъ, что пришло „исполненіе временъ“, — стремленіе къ суровому отшельничеству особенно усилилось въ народѣ. Многіе искали убѣжища отъ шума суетливой и пустой общественной жизни. Они также шли въ пустыни и здѣсь обрекали себя на разнаго рода лишенія. Іосифъ Флавій такъ описываетъ жизнь одного изъ такихъ отшельниковъ: „Домомъ его была пустыня. Одежда его была сдѣлана изъ листьевъ и древесной коры. Пища его состояла изъ тѣхъ растеній, которыя можно было находить на скудной почвѣ каменистой пустыни. Единственнымъ напиткомъ служила вода, которую онъ бралъ изъ близъ протекавшаго ручья; а главнымъ занятіемъ были ежедневныя, ночью и днемъ, погруженія въ холодную воду“.

Но какъ эта суровая, аскетическая жизнь далека была отъ высокаго, вдохновеннаго служенія Іоанна. Онъ былъ тоже назорей. Его

одежда, сдѣланная изъ верблюжьяго волоса, была такъ же груба и несложна. Его худое, изнуренное постомъ лицо, одинаково со всѣми назореями, было опушено дѣвственной бородой, которая сливалась въ одно съ длинными волосами, красиво падавшими съ головы на самыя плечи. Но вся его фигура дышала такимъ вдохновеніемъ; его острый, проницательный взглядъ горѣлъ такой сосредоточенной мыслію и носилъ на себѣ печать такой глубокой грусти, что въ сравненіе съ нимъ не могъ идти никто изъ современныхъ ему аскетовъ.

Іоаннъ Креститель.

Онъ питался акридами и дикимъ медомъ. „Акриды“ — это особый родъ саранчи, которая летала повсюду большими роями. У бѣдныхъ жителей Іудеи это было обычное кушанье. Но даже и самые бѣднѣйшіе изъ нихъ приготовляли его въ маслѣ и съ солью.

Для такого человѣка, какъ Іоаннъ, пища и одежда, климатъ и обстановка какъ бы не существовали. Онъ ихъ не замѣчалъ и жилъ только для одной завѣтной цѣли: заронить въ сердца людей искру раскаянія и тѣмъ приготовить міръ къ принятію Царствія Божія.

И вотъ наконецъ раздалось его грозное, страшное слово. Оно, какъ громъ, потрясло души слушателей. Это было слово безпощаднаго обличенія тѣхъ пороковъ, въ которыхъ погрязалъ современный Израиль.

Проповѣдь Іоанна разбудила дремавшую народную совѣсть. Выходецъ пустыни привлекалъ общее вниманіе. Со всѣхъ концовъ Палестины потянулись люди въ Виѳавару, на берега

Іордана, гдѣ основалъ теперь пророкъ свое мѣстопребываніе. Сюда приходили жители и изъ Іерусалима, и изъ другихъ городовъ Іудеи, а также изъ всѣхъ странъ, расположенныхъ по ту и другую сторону Іордана. Въ толпѣ, внимавшей Предтечѣ Христову, можно было различить и гордыхъ фарисеевъ, и богачей-саддукеевъ; здѣсь же робко жался презираемый всѣми мытарь; рядомъ съ нимъ виднѣлась статная фигура римскаго воина; а вотъ появляются наконецъ священники и левиты съ тревожнымъ вопросомъ: „кто онъ?“

Пророкъ не взиралъ на лица. Онъ всѣмъ безтрепетно возвѣщалъ Божію правду, бичуя однихъ своимъ огненнымъ словомъ, и, напротивъ, ободряя и наставляя другихъ.

„Порожденія эхиднины!“ — гремѣлъ пророкъ, обращаясь къ фарисеямъ и саддукеямъ; „кто внушилъ вамъ бѣжать отъ будущаго гнѣва. Сотворите же достойный плодъ покаянія“. Онъ говоритъ имъ, что напрасно они уповаютъ на свое происхожденіе отъ Авраама. Это не даетъ имъ преимущества. „Богъ можетъ и изъ камней сихъ воздвигнуть чадъ Аврааму“. Только коренная перемѣна своихъ склонностей и настроеній можетъ спасти ихъ отъ праведнаго гнѣва Божія. А теперь наступаетъ самое благопріятное для этого время. Надо спѣшить. Судъ уже при дверяхъ. Даже „сѣкира при корене древа лежитъ“. Всякое дерево, не приносящее добраго плода, будетъ посѣкаемо и бросаемо въ огонь. Всѣ люди, прекрасно поясняетъ рѣчь Крестителя Христова св. Іоаннъ Златоустъ, „коихъ дѣла свидѣтельствуютъ о нечистыхъ чувствахъ ихъ, будутъ посѣчены, искоренены и сожжены“ [1]).

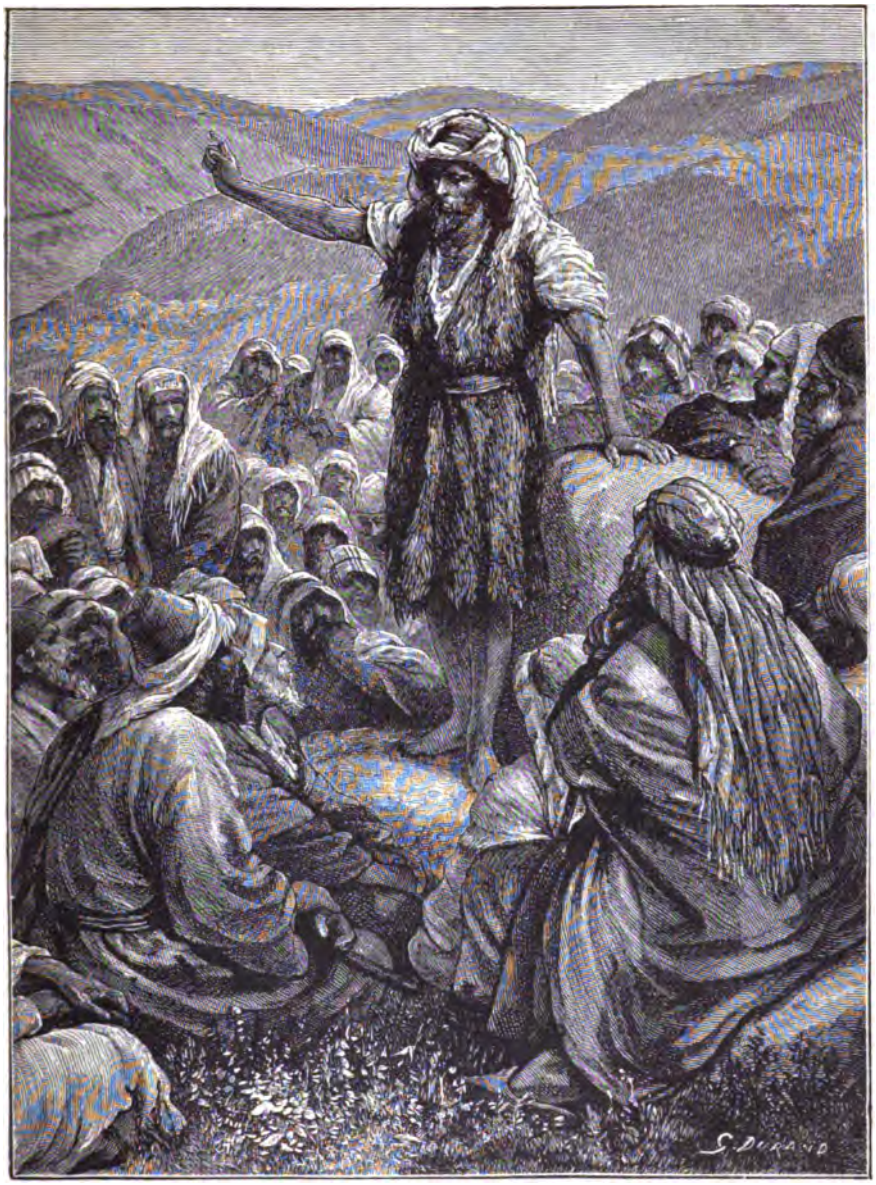
Тонъ грозной рѣчи понижался, она звучала значительно мягче, когда пророкъ обращалъ ее не къ гордымъ фарисеямъ, а къ людямъ хотя и грѣшнымъ, но болѣе смиреннымъ.

Смущенный народъ спрашивалъ его, что надо дѣлать, чтобы быть достойнымъ новаго царства, и Іоаннъ отвѣчалъ въ духѣ Того Небеснаго Учителя любви и милосердія, Коего онъ былъ только Предтечей:

---

[1]) Св. Златоустъ. Толков. на Ев. Мѳ. т. I, стр. 202.

„у кого двѣ одежды, тотъ дай неимущему; у кого есть пища, дѣлай то же“. Это правило совершенно не мирилось съ поведеніемъ мытарей,



„Богъ можетъ и изъ камней сихъ воздвигнуть чадъ Аврааму“.

которые не только не дѣлились своими избытками съ бѣднымъ народомъ, но напротивъ обирали его. Поэтому пророкъ заповѣдуетъ имъ:

„ничего не требуйте болѣе опредѣленнаго вамъ“. Съ требованіемъ той же правды Іоаннъ обращался и къ воинамъ, которые иногда выражали недовольство своимъ положеніемъ и притѣсняли народъ. „Никого не обижайте, — говорилъ онъ имъ, — не клевещите, и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ“.

„Многое и другое благовѣствовалъ онъ народу, поучая его“ (Луки, 3, 18). И народъ всѣхъ возрастовъ и состояній сходился къ берегамъ Іордана, многіе каялись и принимали крещеніе отъ руки Іоанна.

„И было — то было въ Виѳарѣ —
Креститель подъ пальмой стоялъ,
И желтый потокъ Іордана
Кипѣлъ, и шумѣлъ, и сіялъ.

—

Собралося много народу:
И отрокъ, и старецъ сѣдой
Стремились, желая спасенья,
Живою креститься водой.

—

Изъ дальнихъ пустынь на верблюдѣ,
Изъ ближнихъ на статномъ конѣ
И рабъ, и свободные люди
Спѣшатъ къ іорданской волнѣ.

—

Поспѣшно снимая одежды,
Всякъ сердце хотѣлъ обнажать,
А голосъ Крестителя громко
Сердцамъ возвѣщалъ благодать.

—

Какъ многое тутъ пробудилось!
Всѣ тайны раскрылись сердецъ:
То мытарь блѣднѣлъ и молился,
То въ латахъ смирялся боецъ.

—

И слезы текли по ланитамъ,
И вздохи кипѣли въ устахъ,
И всѣ торопились омыться
Въ святыхъ іорданскихъ волнахъ.

Такъ волновала общественную мысль и настроеніе проповѣдь Предтечи. Она несла людямъ слово о правдѣ, о той неодолимой, потрясаю-

щей до глубинъ душевныхъ правдѣ, которая должна всегда выражаться безтрепетно и безъ боязни. Эта правда — непреходящая, вѣчная. Она должна возвѣщаться не только на берегахъ Іордана, но и повсюду; не только во дни Іоанна Крестителя, но и всегда; не только этимъ великимъ пророкомъ, но и всѣми. Словомъ,— правда должна быть постояннымъ правиломъ нашей жизни, неизмѣннымъ закономъ всѣхъ человѣческихъ отношеній, частныхъ и общественныхъ. И горе тому, кто измѣняетъ ей и входитъ въ незаконныя сдѣлки съ своей совѣстью ради мелкихъ житейскихъ интересовъ! Въ этомъ человѣкѣ вымираетъ душа, и онъ постепенно опускается до состоянія „засохшаго, безплоднаго дерева“, дѣлаясь болѣзненнымъ наростомъ на организмѣ общественной жизни.

Церковь Казанской Божіей Матери въ Горней — родинѣ Іоанна Предтечи.

II.

На берегахъ Іордана.

Св. Духъ наитіемъ Своимъ „какъ бы нѣкіимъ перстомъ указалъ Христа всѣмъ“ (Св. Іоаннъ Златоустъ).

Полная святости и внутренней мощи рѣчь пророка продолжала гремѣть и глубоко волновать общественную совѣсть. Его могучіе возгласы, звавшіе всѣхъ къ покаянію, широко разносились по всей Палестинѣ. Пустыня, казалось, полна была звуками обличительнаго голоса Іоанна. Его громовые раскаты достигали далекой Галилеи. Они проникали даже въ тихій Назаретъ... И съ каждымъ днемъ все больше и больше стекалось народу на призывный голосъ пророка. Глухія дороги покрылись толпами пѣшеходовъ, которые нескончаемой вереницей тянулись къ берегамъ Іордана. Молва называла Іоанна Мессіей, и многіе обращались къ нему съ вопросомъ: *не Христосъ ли онъ?* Но съ особенной настойчивостью гремѣлъ отвѣтъ суроваго пророка: „Я крещу васъ водою, но идетъ сильнѣйшій меня, у Котораго я недостоинъ развязать ремень обуви. Онъ будетъ крестить васъ Духомъ св. и огнемъ. Лопата Его въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно Свое, и соберетъ

пшеницу въ житницу Свою, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ“ (Луки 3, 16—18)... „Я — голосъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу“, — опредѣлялъ свое служеніе Іоаннъ... „Посреди (же) васъ стоитъ Тотъ, о Которомъ я сказалъ, что Идущій за мною сталъ впереди меня, потому-что былъ прежде меня“ (Іоан. 1, 15).

И глаза Предтечи въ густыхъ рядахъ народа, приливавшаго со всѣхъ сторонъ къ берегамъ Іордана, искали Искупителя. Ему уже было внушено Духомъ Святымъ: „На Кого увидишь Духа сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ“ (Іоаннъ 1, 33). И вдохновенный отшельникъ, изъ глубины пустыни владѣвшій настроеніемъ народныхъ массъ, смиренно, съ благоговѣніемъ ожидалъ Того, Кому онъ только приготовлялъ и какъ бы пролагалъ дорогу.

И наконецъ знаменательный день насталъ.

Тихая жизнь въ мирномъ уголкѣ Галилеи, среди скромной обстановки Назаретскаго плотника, для Христа Спасителя окончилась безвозвратно. Ему исполнилось тридцать лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ обыкновенно предназначенные къ священству евреи вступали въ отправленіе своихъ обязанностей, и каждый еврей получалъ по закону право объяснять и поучать другихъ Священному Писанію. Нужно было и Христу Спасителю отъ домашнихъ занятій, отъ безвѣстныхъ трудовъ простого „древодѣла“ выходить на широкое поле міровой, общественной дѣятельности... Нужно было не только, подобно Іоанну,

„Глаголомъ жечь сердца людей“...

Нужно было заложить самое основаніе, фундаментъ несокрушимаго зданія Церкви Христовой...

Предстояло дѣло великое. Открывался подвигъ необъятный. Время—начинать его—настало... И вотъ Христосъ, замѣшавшись въ народную толпу, въ качествѣ обыкновеннаго путника направляется въ долину Іорданскую, къ тому самому мѣсту, гдѣ крестилъ Іоаннъ. Мѣсто это было полно священныхъ воспоминаній. Оно напоминало главнѣйшаго изъ судей, а также величайшаго изъ пророковъ Израилевыхъ; въ этомъ мѣстѣ израильтяне, съ Іисусомъ Навиномъ во главѣ, перешли среди Іор-

дана по сушѣ, и вошли въ землю Обѣтованную. Здѣсь же пророкъ Илія, шедшій съ ученикомъ своимъ Елисеемъ, „взялъ милоть свою и свернулъ, и ударилъ ею по водѣ, и раступилась она туда и сюда, и перешли они по суху“.

Въ настоящее время мѣстечко, гдѣ находится бродъ, называется *„Макта“* (мѣсто для перехода), что соотвѣтствуетъ Виѳаніи (домъ корабля) и Виѳаварѣ (домъ перехода) временъ Іоанновыхъ. Оно лежитъ на разстояніи полутора миль отъ Мертваго моря и имѣетъ всего десять метровъ въ ширину. Рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ, омывая своими волнами отвѣсныя скалы восточнаго берега. Противоположный берегъ—ровный, зеленый и тѣнистый, поросшій ивами, тростниками и купами высокихъ тамаринфовъ. Сквозь прозрачную листву этихъ деревьевъ виднѣются пустынныя горы, у подошвы которыхъ лежали Содомъ, Гоморра и цвѣтущій Іерихонъ. Всюду — точно кучи пепла и обгорѣлыя развалины. Даже въ январѣ мѣсяцѣ небо здѣсь остается знойнымъ, атмосфера—палящею. Тишина и безлюдье—полное; изрѣдка быстро пролетитъ стая испуганныхъ голубей, крикнетъ какая нибудь птица; только рѣка шумитъ глухо и однообразно“ [1]).

Здѣсь и произошла знаменательная встрѣча Мессіи со своимъ Предтечей, встрѣча, отмѣтившая собой рѣшительный поворотъ въ судьбѣ Того и другого. „Ему нужно расти, а мнѣ умаляться“,— эти слова Іоанна кратко, но точно опредѣлили дальнѣйшее теченіе жизни какъ Христа, такъ и предуготовившаго Ему путь пророка... „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ“ дѣйствительно, со дня этой встрѣчи, постепенно замолкаетъ... а на смѣну его вскорѣ раздается новый голосъ, который все больше и больше растетъ и своими звуками наполняетъ весь міръ.

Не установлено съ точностью, приходилось-ли когда Іоанну, хотя бы въ раннемъ дѣтствѣ, встрѣчаться съ Христомъ Спасителемъ. Евангелисты совершенно умалчиваютъ объ этомъ. Только въ евангеліи св. Іоанна Богослова Креститель, указывая на Христа, восклицаетъ: „Я не зналъ Его“. Если допустить, какъ многіе думаютъ, что двѣ род-

[1]) R. P. Didon „Iesus Christ“, т. I. переводъ съ французскаго. Стр. 226—227.

ственницы, Марія и Елизавета, могли встрѣчаться въ Іерусалимѣ, куда онѣ приходили въ сопровожденіи своихъ дѣтей на праздникъ Пасхи, то эти слова получатъ иной, болѣе откровенный и духовный смыслъ. Креститель не зналъ Христа, какъ обѣщаннаго Мессію, пока по внушенію Духа Святаго не прочелъ на челѣ Его печати высшаго, мірового служенія. Увидавъ предъ собою въ толпѣ Того, о Которомъ за тридцать лѣтъ передъ этимъ онъ радостно взыгралъ во чревѣ матери своей, Іоаннъ и сейчасъ радостно затрепеталъ своимъ духомъ. Смиреніе Спасителя и сознаніе предъ Нимъ своего недостоинства вызвали съ его стороны какъ бы горячій отпоръ на требованіе Христа крестить Его. „Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ?“ восклицаетъ Іоаннъ. „Я человѣкъ и только причастникъ Божественной благодати,—какъ бы такъ говорилъ Предтеча, а Ты Богъ и вмѣстѣ человѣкъ. Ты ли грядешь ко мнѣ, —столь Великій къ столь малому? Признаю могущество Твоей власти и не таю собственнаго своего уничиженія и недостоинства. Когда я крещаю другихъ, то крещаю въ Твое Имя, дабы они увѣровали въ Тебя, но, крещая Тебя, кого стану я призывать? Въ чье имя буду крестить Тебя? Во имя Отца? но Ты всего Отца имѣешь въ Себѣ Самомъ и Самъ весь находишься въ Отцѣ. Во имя Сына? но, кромѣ Тебя, нѣтъ другого Сына Божія, по естеству. Во имя Святаго Духа? но Онъ всегда съ Тобою, какъ Тебѣ единосущный и единомысленный, единовластный, единочестный и единопоклоняемый отъ всѣхъ. И такъ крести, если благоугодно Тебѣ, Господи, крести меня Крестителя“ (Св. Григорій Неокессарійскій) [1]).

И слышитъ онъ отвѣтъ, въ которомъ слились въ одно и величіе Сына Божія, и смиреніе сына человѣческаго: *„оставь теперь; ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду“*,—„теперь время обнищанія, теперь время снисхожденію, по которому Я воспріялъ на Себя человѣка, и пріемлю крещеніе, чтобы его содѣлать чистымъ отъ преступ-

[1]) Это объясненіе слова Предтечи заимствовано изъ бесѣды св. Григорія Неокессарійскаго на Богоявленіе Господне. Хр. чтеніе, 1838 г., ч. 1, стр. 9—11. Цит. по Еванг. Ист. прот. Матвѣевскаго.

ленія; теперь требуется не власть владычная, но рабское уничиженіе: *остави нынѣ* исполниться милосердію, чтобы не было препятствія къ спасенію человѣковъ; *подобаетъ намъ исполнити всякую правду*, а дѣло правды — безстрастно Пріявшему на Себя человѣческія немощи пріять за людей и крещеніе въ заглажденіе ихъ грѣха и въ знаменіе ихъ во Мнѣ неистлѣнія" (св. Исидоръ Пелусіотъ).

Іоаннъ не рѣшился уже болѣе препятствовать исполненію Божественной правды, и Христосъ погрузился въ воды Іордана. Когда же, выйдя изъ воды, Онъ молился, „се, отверзлись Ему небеса и увидѣлъ Духа Божія, который сходилъ, *какъ голубь*, и ниспускался на Него". Своимъ погруженіемъ Христосъ Спаситель „освятилъ Іорданскія струи," и съ тѣхъ поръ эта рѣка сдѣлалась для христіанъ самой дорогой и священной. Къ ея берегамъ со всѣхъ сторонъ христіанскаго міра тянутся теперь нескончаемыя вереницы паломниковъ. Ежегодно громадные караваны богомольцевъ подъ охраной турецкой конницы, оберегающей ихъ отъ разбойниковъ пустыни—бедуиновъ, проводятъ ночи на берегахъ Іордана, раскидывая здѣсь свои палатки. Съ благоговѣніемъ и священнымъ восторгомъ въ глазахъ они погружаются въ іорданскія волны, когда-то омывавшія святѣйшее тѣло Спасителя, и распѣваемыя богомольцами слова церковной пѣсни: *„Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи..."* торжественно оглашаютъ мѣсто, гдѣ Христосъ Спаситель *„во многотекущихъ водахъ омылъ древній студъ, потопилъ потоки грѣховные водами іорданскими; похоронилъ наши грѣхи во іорданскихъ струяхъ"* (Служб. января 6).

Простое, вѣрующее сердце не знаетъ здѣсь границъ своему восторгу! Вотъ бѣдная крестьянка-старушка, забредшая сюда изъ отдаленной глуши нашей матушки-Руси, стоитъ, вся охваченная священнымъ трепетомъ и умиленіемъ. Ея сухія, безкровныя губы что-то шепчутъ. На глазахъ блестятъ слезы... Не то это—слезы радости, что Богъ сподобилъ увидѣть и искупаться въ священныхъ водахъ Іордана... не то затаенное горе, долго копившееся въ чахлой, истощенной груди, выливается теперь наружу... Не разберешь хорошенько! Но, кажется, тутъ все нашло свое мѣсто: и горе, и радость...

Посмотрите, съ какимъ благоговѣніемъ она почерпаетъ изъ рѣки святой „водицы Іорданской“, той драгоцѣнной воды, которую часто христіанскіе цари и повелители народовъ требуютъ въ свои дворцы, для крещенія въ ней новорожденныхъ младенцевъ Императорской крови.

Взгляните, съ какимъ чувствомъ, крестясь и произнося молитвы, вырѣзываетъ она себѣ на память трость изъ прибрежнаго камыша, достаетъ со дна рѣки камушекъ, чтобы отнести все это на милую,

Крещеніе Господне.

далекую родину... И не разъ, вѣроятно, потомъ ея старческія губы прильнутъ къ этимъ дорогимъ для нея предметамъ, а воспоминанія о священныхъ минутахъ, проведенныхъ на берегахъ Іордана, всегда будутъ стоять въ ея жизни свѣтлой точкой среди безпросвѣтной нужды и постояннаго горя!..

Крещеніе Христа Спасителя обозначило поворотный пунктъ въ Его жизни, открыло наступленіе великаго періода. „Незаконно было бы

видѣть въ этомъ крещеніи противорѣчіе Его совершенной святости. Изъ повѣствованія евангельскаго ясно видно, что этотъ обрядъ былъ облеченъ, по отношенію къ Нему, исключительнымъ характеромъ. Своимъ недоумѣніемъ и робостію Іоаннъ ясно даетъ замѣтить, что ему извѣстно было, что онъ крестить Святѣйшее Существо. Итакъ, зачѣмъ Іисусъ принялъ крещеніе? Этотъ вопросъ рѣшаетъ самъ Креститель въ слѣдующихъ многозначительныхъ словахъ: *„Я для того пришелъ крестить Его въ водѣ, чтобы Онъ явленъ былъ Израилю“* (Іоан. I, 31). Такимъ образомъ, крещеніе Іисуса Христа, прежде всего, было предназначено къ торжественному открытію Его служенія: вотъ почему оно сопровождалось необыкновенными обстоятельствами, показывавшими Его величіе. Видѣть въ немъ только сходство съ обыкновеннымъ крещеніемъ и не обращать вниманія на его отличіе, — значитъ не понимать особенныхъ, отличительныхъ его чертъ и удаляться отъ исторической его дѣйствительности. Іоаннъ, какъ представитель Ветхаго Завѣта, получилъ полномочіе именемъ святыхъ и пророковъ ветхозавѣтныхъ, которыхъ онъ былъ законный наслѣдникъ,—возвѣстить, что начался Новый Завѣтъ и что пришелъ обѣщанный Мессія. Сверхъ того, въ это царство небесное, имѣющееся водвориться на землѣ, вступятъ въ качествѣ подданныхъ нищіе духомъ, сокрушенные сердцемъ, плачущіе. Крещеніе покаянія служитъ трогательнымъ символомъ этихъ душевныхъ расположеній. Развѣ не прилично было, чтобы Царь этого кающагося народа Самъ же проложилъ ему путь къ покаянію? Не есть ли это отождествленіе Его съ тѣмъ народомъ, который Онъ представлялъ Собой? Тотъ, Которому предстояло умереть за свой народъ, развѣ не могъ покаяться за Него и вынести на собственномъ сердцѣ бремя его нравственныхъ бѣдствій? По смыслу установленій Моисея, не одни только прокаженные имѣли нужду въ необходимомъ очищеніи, но и тѣ, которые прикасались къ нимъ. Здѣсь же было не простое соприкосновеніе съ падшимъ человѣчествомъ, а самое полное и тѣсное единеніе съ нимъ. На берегахъ Іордана въ сущности совершалась та же тайна искупленія, что въ саду Геѳсиманскомъ и на крестѣ.

Несправедливо было бы думать, будто Христосъ не получилъ никакой благодати при крещеніи. Онъ поставленъ былъ въ совершенно человѣческія условія, — черпалъ благодать изъ источниковъ Божественной жизни, подобно тому, какъ мы почерпаемъ ее посредствомъ вѣры и молитвы. Въ этотъ торжественный часъ съ новымъ обиліемъ излился на Іисуса Духъ Святый, и это было какъ-бы царскимъ помазаніемъ на предстоявшее Ему дѣло скорби и любви [1]).

[1]) Прессансэ, Іоаннъ Креститель. Пер. съ фр. О. Л. Спб. 1871, стр. 25—26.

III.

Въ пустынѣ.

„Ибо какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ, то можетъ и искушаемымъ помочь“ (Евр. II, 18)

Пустыня всегда неудержимо влекла къ себѣ великихъ духомъ избранниковъ Божіихъ. Она служила для нихъ какъ бы школой, въ которой они приготовлялись къ дѣлу общественнаго, народнаго служенія.

Послѣ крещенія „въ струяхъ Іорданскихъ“, предъ самымъ выступленіемъ Своимъ на проповѣдь, Христосъ Спаситель тоже на время скрывается въ нѣдрахъ Іудейской пустыни или, по сильному и картинному выраженію св. Евангелистовъ, *„возведенъ былъ Духомъ въ пустыню* (Мѳ. IV. 1) *и былъ тамъ... сорокъ дней, искушаемый сатаною,... со звѣрями; и Ангелы служили Ему“* (Мрк. I, 13). Здѣсь, среди дикой и мертвой природы, Христосъ Спаситель весь погрузился въ молитву... Подъемъ молитвеннаго духа при этомъ былъ такъ высокъ; онъ такъ глубоко охватилъ все существо Богочеловѣка,—что потребности тѣла на время какъ-бы замолкли. Онѣ были препобѣждены силой, огнемъ вдохновенной молитвы. Это было состояніе, неизмѣримо высшее того „восхищенія до третьяго неба“, когда св. апостолъ „слышалъ неизрѣченныя слова,

которыхъ человѣку нельзя пересказать“ (2 Кор. XII, 4). Отдавшись внутреннему созерцанію, Христосъ долгое время не чувствовалъ мученій тѣлеснаго голода. Наконецъ... Онъ „взалкалъ“; „Господь противнику доставляетъ Своимъ алканіемъ удобство приступить къ Нему, — замѣчаетъ по этому поводу св. Василій Великій. По высотѣ Божества, Онъ былъ бы не приступенъ противнику, если бы черезъ алканіе не снизошелъ до человѣческой немощи“ [1]). Взалкалъ — „подавая такимъ образомъ случай діаволу приступить къ Нему, дабы Своею съ нимъ борьбою показать, какъ должно преодолѣвать и побѣждать“ (I. Злат.). И коварный искуситель, дѣйствительно, не теряетъ даннаго случая. „Если Ты — Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбомъ“, — внушаетъ могучій, умный духъ пустыни...

Кругомъ въ безпорядкѣ валились темные, точно обожженные солнцемъ, камни. Среди полнаго безлюдья и мертвой, гнетущей тишины эти камни и нагроможденныя другъ на друга зловѣщія скалы очень напоминали собой высохшія, окаменѣвшія сердца людей, дѣло искупленія которыхъ предстояло начать и совершить Христу. Жгучее дыханіе зла, точно вѣтеръ раскаленной пустыни, выжгло изъ этихъ сердецъ, казалось, всѣ зачатки совѣсти, всѣ ростки добра и правды. И эту-то каменистую почву сердецъ человѣческихъ Христосъ пришелъ воздѣлать и оплодотворить. При этомъ Спаситель явился на землю не въ блескѣ царственнаго могущества и силы, а въ видѣ рабскомъ и уничиженномъ. Онъ добровольно отказался отъ проявленія Своей Божественной славы, хотя Свои права на нее хранилъ всегда и неизмѣнно. Но, принявъ въ Себя человѣческую природу со всѣми ея свойствами и ограниченіями, кромѣ грѣха, Христосъ Спаситель несравненно сильнѣе, чѣмъ кто-либо изъ людей, чувствовалъ зло и страданіе міровой жизни, подъ бременемъ которой цѣлые вѣка стонало человѣчество. А потому Ему болѣе, чѣмъ кому-либо, было естественно желаніе явиться въ образѣ обладателя земли, повелителя міра, славнаго и возлюбленнаго

[1]) Вас. Вел. ч. VI. XII—13.

Сына Божія, а не въ убогомъ видѣ безправнаго раба, который въ силу воли Отца Небеснаго, а слѣдовательно и Своей Божественной воли, не долженъ былъ силой внѣшняго могущества избавлять людей отъ этого зла. Лишь свободное, глубокое и живое усвоеніе божественной истины могло навсегда освободить человѣка отъ цѣпей грѣха и рабства діаволу: *и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными*" (Іоан. VIII. 32).

Но прежде, чѣмъ нести эту истину въ міръ, нужно было сильно и горячо повѣрить въ то, что ея кроткій зовъ можетъ еще найти откликъ въ людяхъ, что „голосъ истины святой" затронетъ въ душѣ человѣка лучшія струны, — и тотъ хоть краемъ сердца да почувствуетъ всю сладость евангельской правды, хотя бы эта правда не съ Синая грозно гремѣла, а возвѣщалась міру „Умаленнымъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ".

И вотъ эту-то вѣру въ человѣка пытается поколебать у Христа діаволъ. *„Человѣкоубійца искони"*, *„отецъ лжи издревле"*, — онъ является клеветникомъ на человѣка и въ настоящій разъ. Онъ старается увѣрить Христа Спасителя въ томъ, что проповѣдь Царства Божія для людей безполезна, что въ человѣкѣ вымерло всякое чувство и тяготѣніе къ правдѣ, что человѣка уже нѣтъ на землѣ, а есть лишь одинъ похотливый звѣрь, живущій однимъ только чревомъ... *„ему же, по Апостолу, Богъ чрево, и слава въ студъ его"* (Филип. III. 19). Человѣчество погибло безвозвратно. Оно какъ-бы „приложилось скотомъ безсмысленнымъ". Союзъ съ Небомъ нарушился навсегда. Возстановить его не возможно. Человѣческая природа такъ извращена, грѣхъ такъ глубоко въѣлся въ существо человѣка, — что послѣдній сдѣлался совершенно неспособнымъ къ возрожденію... Какъ-бы ссылаясь на эту крайнюю грѣховность, діаволъ, повидимому, не допускаетъ и самой мысли о возможности соединенія Божества съ человѣчествомъ въ одномъ лицѣ Богочеловѣка.

— „Если Ты Сынъ Божій...", — такъ хитро начинаетъ свою рѣчь коварный искуситель, стараясь поколебать во Христѣ вѣру въ собственное достоинство, а слѣдовательно и вѣру въ возможность возрожденія всего человѣческаго рода...

Могучій духъ пустыни собралъ здѣсь послѣднія усилія коварства и хитрости, чтобы отстоять свою власть надъ человѣкомъ.

Христосъ пришелъ разрушить царство діавола; но безъ борьбы тотъ не хотѣлъ выпускать изъ своихъ рукъ несчастной жертвы... И вотъ онъ какъ-бы предлагаетъ Спасителю отступиться отъ человѣка; старается всячески оклеветать предъ Нимъ послѣдняго, пытаясь доказать, что человѣкъ не способенъ уже къ возрожденію, что все искупительное служеніе Богочеловѣка — одна праздная мечта, одна безполезная работа. И долгій историческій опытъ, повидимому, подтверждалъ слова искусителя. Человѣкъ, дѣйствительно, на пространствѣ всей его многовѣковой жизни, болѣе всего жаждалъ чувственнаго блаженства; именно къ нему болѣе всего простиралъ свои жадныя руки. Даже Искупителя, Мессію, онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ Всемогущимъ Царемъ и Владыкой. Отъ Него онъ ждалъ не евангельской проповѣди, а „благорастворенія воздуховъ, изобилія плодовъ земныхъ", ждалъ богатыхъ вечерей, роскоши, внѣшняго счастья и блаженства...

Да и Христосъ, полный любви къ человѣку, конечно желалъ его счастья. Онъ обладалъ и силами, вполнѣ достаточными для того, чтобы сдѣлать это блаженство всеобщимъ. „Было бы довольно одного слова Христова, — замѣчаетъ одинъ духовный писатель, — чтобы камни пустыни превратились въ хлѣбы и насытили все человѣчество, чтобы прекратились всѣ страданія земной жизни, чтобы стоны и слезы смѣнились торжественнымъ ликованіемъ, жалобы и протесты уступили мѣсто хвалебнымъ гимнамъ. Было бы довольно одного Его слова, чтобы на мѣстахъ безплодныхъ и безжизненныхъ расцвѣла жизнь счастливая и блаженная, чтобы оживленная природа принесла человѣку обильные плоды и вознаградила его тысячелѣтнія стенанія. Одного Его слова было бы довольно, чтобы въ полномъ блескѣ и могуществѣ проявилась Его царственная власть надъ стихіями міра для пользы человѣческой, чтобы облагодѣтельствованное Имъ и благодарное человѣчество признало въ Немъ Сына Божія" [1]).

[1]) См. М. Тарѣевъ. „Искушеніе Богочеловѣка".

Однако, если бы Христосъ сказалъ это слово, то Онъ избавилъ бы человѣка только отъ внѣшнихъ, физическихъ страданій, но не искупилъ бы его, *не сдѣлалъ бы творцомъ собственнаго счастья*, не открылъ бы въ его душѣ неизсякаемаго родника воды живой, текущей въ жизнь вѣчную...

Правда, для большинства современниковъ Христа Спасителя земное благополучіе было дороже внутренней чистоты и святости; хлѣбы казались многимъ нужнѣе непонятнаго и чуждаго имъ Царства Божія. И съ этимъ печальнымъ вымираніемъ благородныхъ порывовъ въ человѣкѣ Христосъ, за время своей земной жизни, встрѣчался не разъ. Преобладаніе же чувственныхъ интересовъ и стремленій, духовная тупость, неспособность къ высшему духовному созерцанію,—все это замѣчалось даже въ избраннѣйшихъ представителяхъ современнаго Христу человѣческаго міра.

Вотъ подъ жаркими лучами палестинскаго солнца, у колодца Іаковлева Христосъ Спаситель встрѣчаетъ женщину самарянку. Онъ ей говоритъ о живой водѣ, „пьющій которую не вжаждается во вѣки“. Эта вода поитъ безсмертный духъ человѣка. Она бьетъ не изъ земли, а изъ озареннаго свѣтомъ Христовымъ сердца. Надо пробить толщу страстей, дорыться до самой глубины этого сердца, чтобы оттуда, подъ дѣйствіемъ благодати Божіей, забила свѣтлая, кристально-чистая струя живой воды; чтобы тамъ открылся неизсякаемый родникъ духовнаго удовлетворенія и блаженства. И это счастье предлагаетъ ей Христосъ Спаситель...

Но бѣдная женщина не понимаетъ своего Собесѣдника. Всѣ ея пожеланія и взоры прикованы къ землѣ. Она никакъ не можетъ подняться своей мыслію надъ кругомъ обыденныхъ нуждъ и вопросовъ. Всѣ ея потребности — одна голая плоть, не прикрытая никакимъ высшимъ порывомъ или стремленіемъ. У ней одна забота: „господинъ! дай мнѣ этой воды, чтобы мнѣ не имѣть жажды и не приходить сюда черпать“. Но то бѣдная непросвѣщенная самарянка. Она въ первый разъ видитъ Христа Спасителя. А вотъ за ней и апостолы, никогда не поки-

давшіе своего Божественнаго Учителя, и многочисленныя толпы народа, такъ часто собиравшіяся вокругъ Него, повторяютъ все тотъ же нищенскій припѣвъ плоти: „дай намъ ѣсть и дай намъ пить, чтобы мы больше не трудились въ потѣ лица своего, и мы признаемъ тогда Тебя Сыномъ Божіимъ...“

Повидимому, люди съ особенной напряженностью мечтали о царствѣ сытости. Въ этомъ кроется разгадка того обстоятельства, что ни одно чудо не произвело такого впечатлѣнія на народъ и не вызвало въ немъ такого энтузіазма, какъ чудо насыщенія хлѣбами. Взрывъ народнаго восторга былъ тогда необыкновенный. Во многихъ сердцахъ воскресли надежды на богатство и изобиліе. Зародилось даже намѣреніе провозгласить Христа царемъ, и о Немъ заговорили: „это истинно тотъ Пророкъ, Которому должно прійти въ міръ“.

Скорбнымъ упрекомъ прозвучалъ отвѣтъ Христа Спасителя народной толпѣ, жадно искавшей Его послѣ этого чуда: „вы ищете Меня не потому, что видѣли чудеса, но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились...“ И когда Онъ вмѣсто хлѣбовъ предложилъ людямъ въ пищу Свою плоть и Свою кровь,—то даже многіе изъ учениковъ Его смутились. Они были разочарованы, обмануты въ своихъ надеждахъ получить отъ Христа земное величіе и сытость. „Съ этого времени, замѣчаетъ св. евангелистъ, многіе изъ учениковъ отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ“. Только двѣнадцать остались вѣрны своему Учителю. Но еще много надо было, чтобы они одухотворились въ своихъ взглядахъ на Него и не причиняли Ему боли своими распрями изъ за вопросовъ о первенствѣ, своими думами „не о томъ, что Божіе, но что человѣческое“.

Всѣ эти картины, до Голгоѳы включительно, предносились предъ взоромъ Христа Спасителя. Но онѣ не поколебали Его вѣры въ человѣка, въ возможность нравственнаго обновленія и блаженства послѣдняго, и въ успѣхъ Царства Божія на землѣ.

Христосъ Спаситель, конечно, хорошо понималъ настроеніе человѣчества. Но Онъ видѣлъ, что откликнуться на вопли голоднаго желудка — это значитъ еще болѣе закрѣпить людей въ рабствѣ плоти.

Конечно, не Богъ боролся здѣсь съ искусителемъ и не мелкая страсть была предметомъ соблазна. Боролось здѣсь человѣчество Христа Спасителя съ понятнымъ въ святѣйшемъ сердцѣ Богочеловѣка желаніемъ спасти всѣхъ людей, хотя бы и силою чуда. Діаволъ рисовалъ предъ Христомъ, повидимому, соблазнительную картину быстраго роста и успѣха евангельской проповѣди.

„Вотъ,—какъ бы такъ говорилъ искуситель,—смотри: съ высоты храмовнаго крыла, на которомъ Ты стоишь сейчасъ, видны всѣ общественныя зданія столицы. Здѣсь и дворъ священниковъ, и зданіе синедріона, и школы ученыхъ раввиновъ, и древній алтарь. Тамъ же, внизу, колышутся громадныя толпы народа. Ихъ Ты хочешь звать къ Богу, къ правдѣ, къ добру... И люди всѣ пойдутъ за Тобой,—если только Ты рѣшишься броситься отсюда внизъ. Вѣдь, Ты Сынъ Божій! Для Тебя не существуетъ ни опасности, ни смерти... Ты величественно и плавно, точно на орлиныхъ крыльяхъ, опустишься на землю, въ сіяніи Божественной славы, окруженный несмѣтными полками небеснаго воинства... Впечатлѣніе получится грандіозное, потрясающее. Весь народъ тогда будетъ Твой! Онъ преклонится предъ Тобою и назоветъ Тебя Своимъ Богомъ!“ И эта возможность явиться къ людямъ не въ уничиженномъ видѣ назаретскаго плотника, а въ дѣйствительномъ образѣ Сына Божія,—могла казаться Христу Спасителю на самомъ дѣлѣ искусительной. Конечно, побужденіемъ къ этому было не простое тщеславіе: оно не сродно было Святѣйшей душѣ.

Мессія шелъ прежде всего къ сынамъ дома Израилева. Израиль же отъ каждаго пророка требовалъ чуда, какъ внѣшняго признака его божественнаго посланничества. Чудомъ обезпечивался, по крайней мѣрѣ, внѣшній успѣхъ проповѣди. И для человѣчества Христа Спасителя являлось вполнѣ естественнымъ желаніе прибѣгнуть къ чуду и здѣсь, чтобы расположить народъ къ принятію Его, какъ Мессіи.

Получался моментъ отвѣтственный и тяжелый. По скрытой въ немъ психологіи, онъ напоминалъ отчасти случай изъ школьнаго міра...

Иногда бываетъ такъ, что предметъ не возбуждаетъ къ себѣ интереса... Имъ занимаются всѣ нехотя и вяло. Но стоитъ лишь указать

на прикладное значеніе науки, на практическую выгоду и пользу отъ нея, — какъ картина можетъ тотчасъ же рѣзко измѣниться.

Правда, внутренній интересъ къ предмету останется все тотъ же, но внѣшній успѣхъ дѣла можетъ тогда значительно повыситься.

И въ сознаніи Христа Спасителя молніей могла промелькнуть мысль о возможности, подъ покровительствомъ чуда и вообще сверхъестественныхъ силъ, утвердить въ Израилѣ вѣру въ Свое Богочеловѣчество. Эта была именно только мысль.

Народъ ждалъ чуда. Онъ прямо таки требовалъ его и совершенно не былъ расположенъ къ вѣрѣ въ Страдальца.

И стоило только Христу Спасителю уступить этимъ требованіямъ отъ Него знаменій и чудесъ; стоило Ему явить Себя въ величіи и могуществѣ божественныхъ силъ, чтобы весь Израиль увѣровалъ въ Него. Но Сынъ Человѣческій, несмотря на всю Свою любовь къ людямъ, не хотѣлъ новое вино—свободный христіанскій духъ—вливать въ старые мѣхи, во внѣшнія формы законнической праведности евреевъ. Дѣйствуя внѣшне на человѣка, чудо не даетъ мѣста свободной вѣрѣ и любви. Оно могло только еще сильнѣе закрѣпить грубыя, показныя стороны іудейской набожности. Рабское преклоненіе предъ Божествомъ не спасаетъ человѣка. Оно не дѣлаетъ его лучше, не возрождаетъ духовно.

Въ Листрѣ ап. Павелъ исцѣлилъ хромого. Чудо поразило многихъ изъ язычниковъ. „Боги въ образѣ человѣческомъ сошли къ намъ“, — раздались голоса, и языческая толпа заволновалась. Приведены были волы, появились вѣнки,— и „жрецъ идола Зевеса... хотѣлъ вмѣстѣ съ народомъ совершить предъ Павломъ и Варнавой жертвоприношеніе“ (Дѣян. XIV, 13). Чудо привело, такимъ образомъ, всѣхъ въ трепетъ. Но отъ того вѣра жителей Листры не сдѣлалась святѣе и чище... Къ Богу простирались руки, но не сердца. Они со всѣми своими заботами оставались на землѣ, попрежнему грубыя, не возрожденныя. Христосъ же искалъ для Своего Царства не рабскаго трепета, а „сокрушеннаго духа“. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ грозно гремѣлъ голосъ Божій, обличавшій мертвое, бездушное, рабское служеніе Іеговѣ.

„Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ? говоритъ Господь. Я пресыщенъ всесожженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота, и крови тельцевъ и агнцевъ и козловъ не хочу. Когда вы приходите являться предъ лице Мое, кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даровъ тщетныхъ: куреніе отвратительно для Меня; новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть: беззаконіе — и празднованіе! Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа Моя: они бремя для Меня; Мнѣ тяжело нести ихъ. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову“ (Ис. I, 11—17). И теперь, въ борьбѣ съ искусителемъ, Христосъ Спаситель, отклоняетъ для Своего дѣла путь чуда и внѣшняго впечатлѣнія, и тѣмъ хочетъ предупредить печальные примѣры такого безжизненнаго, фарисейскаго, грубо-чувственнаго служенія, при которомъ люди часто очищаютъ внѣшность чаши и блюда, а внутри бываютъ полны хищенія и всякой неправды, — даютъ десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставляютъ важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру... Нѣтъ, человѣкъ долженъ свободно полюбить правду и истину въ Богѣ, — а не только изъ рабскаго трепета преклониться передъ сверхъ-естественной силой. И отвергая совѣтъ діавола, Христосъ говоритъ: „написано также: не искушай Господа Бога твоего“, т. е. не требуй для своего спасенія чуда, отдай себя на служеніе Богу всецѣло, безъ сомнѣній и недовѣрія къ Нему, такъ какъ кого любишь, тому вѣришь, не испытывая и не требуя доказательствъ.

Въ третьемъ искушеніи, съ которымъ приступаетъ ко Христу діаволъ, предъ Нимъ проходитъ новая картина. Здѣсь уже не голые камни пустыни, не узкія улицы шумной столицы разстилаются предъ взорами Спасителя. Здѣсь, съ вершины высочайшей горы діаволъ показываетъ „всѣ царства міра и славу ихъ“ и, искушая Христа, говоритъ: „все

это дамъ Тебѣ, если падши поклонишься мнѣ“ (Мѳ. IV, 8—9). „Вотъ смотри“, — какъ бы такъ хотѣлъ сказать искуситель... Отсюда видны всѣ области, покоренныя Римомъ... Могущественный римскій орелъ широко раскрылъ свои крылья. Хищными, цѣпкими когтями онъ захватилъ и держитъ теперь подъ своей властію почти весь міръ. Но свободолюбивые народы съ трудомъ сносятъ ненавистное имъ римское иго... Вотъ, „падши, поклонись мнѣ“, послѣдуй моему совѣту, тому плану, который я сейчасъ передъ Тобой разверну...“

„Евреи давно и страстно ожидаютъ Избавителя, Который помогъ бы имъ освободить родину отъ тяжкой неволи. Встань во главѣ недовольныхъ. Объявись открыто и гласно царемъ... и ты увидишь, какъ возстаніе быстро охватитъ всѣ народы. Грозной лавиной разольется оно по всѣмъ областямъ,—и царству Рима наступитъ конецъ. По одному Твоему слову, позорныя, ненавистныя всѣмъ, римскія цѣпи будутъ разбиты, и на Твоихъ глазахъ оснуется могущественное и несокрушимое царство. Твое имя, какъ избавителя, будетъ у всѣхъ на устахъ, и всѣ поклонятся Тебѣ и подчинятся. Тогда-то Ты и совершишь то дѣло, на которое посланъ. Ты создашь Свое царство, которое будетъ міровымъ и вѣчнымъ...“

„Вѣдь Ты пришелъ спасти и возродить человѣчество? Но это ты можешь сдѣлать не иначе, какъ только подчинивъ его Своей царственной власти... Твой страдальческій образъ смутитъ всѣхъ. Только предъ могуществомъ и властью можетъ преклониться народъ. Отъ безвластнаго же, безоружнаго, хотя и великаго чудотворца онъ отвернется и съ презрѣніемъ скажетъ:

„Это-ль царь нашъ, слабый, блѣдный,
Рыбаками окруженъ?
Для чего Онъ въ ризѣ бѣдной,
И зачѣмъ не мчится Онъ,
Силу Божью обличая,
Весь одѣянъ черной мглой,
Пламенѣя и сверкая
Надъ трепещущей землей?“

„Итакъ, „падши, поклонись мнѣ", воспользуйся моимъ совѣтомъ и „все это" будетъ Твое, свою власть надъ міромъ я передамъ Тебѣ .. Такъ

„Его, взалкавшаго, на темя сѣрыхъ скалъ
Князь міра вынесъ величавый.
„Вотъ здѣсь, у ногъ Твоихъ всѣ царства," — онъ сказалъ,
„Съ ихъ обаяніемъ и славой.
Признай лишь явное. Пади къ моимъ ногамъ,
Сдержи на мигъ порывъ духовный;
И эту всю красу, всю власть Тебѣ отдамъ,
И покорюсь въ борьбѣ неровной".
Но Онъ отвѣтствовалъ: „Писанію внемли:
Предъ Богомъ Господомъ лишь преклоняй колѣни!"
И сатана исчезъ,— и ангелы пришли
Въ пустынѣ ждать Его велѣній".

Такъ здѣсь, въ мрачной, безлюдной пустынѣ безповоротно былъ рѣшенъ и опредѣленъ тотъ путь, какимъ должна была вступить въ міръ и все время идти по нему святая, вѣчная Христова правда. „Отойди отъ Меня, сатана!" — говоритъ Христосъ Спаситель. „Ибо написано: Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи". И этотъ отвѣтъ Христа Спасителя діаволу, исполненный величія и святости, мы должны огненными буквами выжечь на своемъ сердцѣ и помнить всегда.

Современная наука, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, тоже обѣщаетъ человѣку подчинить всѣ силы и законы природы и предлагаетъ создать для него здѣсь, на землѣ царство блаженства и счастія подъ условіемъ, если человѣкъ разрушитъ свои алтари, откажется отъ Христа Богочеловѣка и поклонится силѣ и могуществу разума... „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи," — это единственный отвѣтъ, который мы должны дать современной искусительницѣ, повторяя Божественныя слова Христа Спасителя... Все, что не вѣнчается Крестомъ, на чемъ нѣтъ имени Распятаго,—все „отъ лукаваго".

Христіанство не налагаетъ цѣпей на свободный творческій духъ человѣка. Оно благословляетъ его дѣятельность во всѣхъ областяхъ

науки и искусства, но при этомъ требуетъ, чтобы человѣкъ не создавалъ себѣ кумировъ и божественныя искры святыхъ вдохновеній не

„Отойди отъ Меня, сатана!“

гасилъ въ грязномъ потокѣ грѣховныхъ страстей. Оно, какъ бы такъ, говоритъ намъ: „живите, служите, работайте, обогащайтесь знаніями,

наслаждайтесь искусствами, но пусть при этомъ безцѣнное имя Спасителя не сходитъ съ вашихъ устъ, а, главное, съ вашего сердца. съ

„Написано: Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи".

вашей души; пусть, какъ на лѣсахъ строящагося зданія, св. крестъ Христовъ непрестанно сіяетъ надъ всей вашей жизнію и вашей рабо-

той... Ему одному поклоняйтесь, Ему единому служите, ради Него все стройте и воздвигайте въ своей жизни... Тогда только всѣ созданія творческаго духа въ человѣкѣ проникнутся духомъ Христовымъ... „Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ; и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ. Кто ѣстъ, для Господа ѣстъ, ибо благодаритъ Бога; и кто не ѣстъ, для Господа не ѣстъ, и благодаритъ Бога. Ибо никто изъ насъ не живетъ для себя и никто не умираетъ для себя, а живемъ-ли — для Господа живемъ, умираемъ-ли — для Господа умираемъ, и потому живемъ-ли или умираемъ, всегда Господни... Ибо написано: живу Я, говоритъ Господь, предо Мною преклонится всякое колѣно, и всякій языкъ будетъ исповѣдывать Бога“ (Рим. XIV, 6, 7, 8, 11).

Безъ Христа наша мудрость превращается въ безуміе; наша дѣятельность — въ бездушную промышленность и наживу: наша радость — въ безудержную вакханалію страстей... Пусть же благодать Господа Нашего Іисуса Христа постоянно пребываетъ съ нами, и тогда въ нашей душѣ не будетъ уже мѣста для соблазнительныхъ кумировъ, которымъ мы могли-бы „падши поклониться!..“

IV.

Первые ученики.

„Обрѣтохомъ Мессію“ (Іоан. I, 41).

Предтеча и Креститель Христовъ Іоаннъ, заявившій себя суровымъ проповѣдникомъ покаянія, долженъ былъ послужить для всѣхъ и первымъ Евангелистомъ. Пока тихая, безлюдная пустыня скрывала въ своихъ нѣдрахъ „возлюбленнаго Сына Божія“, голосъ „вопіющаго“ въ ней пророка не смолкалъ, а продолжалъ, какъ будто-бы еще съ большей силой, раздаваться повсюду и свидѣтельствовать о Спасителѣ міра. Но если раньше, до знаменательнаго дня крещенія Іисуса, Іоаннъ пророчествовалъ о Мессіи грядущемъ, то, теперь, онъ благовѣствуетъ всѣмъ Мессію пришедшаго.

Когда же Христосъ Спаситель, побѣдивъ тройственное искушеніе въ пустынѣ, снова появляется на берегахъ Іордана и проходитъ невдалекѣ отъ Іоанна, — то послѣдній съ особенной торжественностью и силой указываетъ всѣмъ на Него, какъ на Искупителя міра.

Въ то время Креститель стоялъ, окруженный народомъ и учениками... Онъ проповѣдывалъ... Каждое слово пророка сильно било грѣшную совѣсть и глубоко ложилось на сердца его слушателей. Очи всѣхъ точно прикованы были къ вдохновенному проповѣднику, рѣчь котораго лилась бурнымъ потокомъ. Но вдругъ она обрывается. Креститель снова видитъ изъ дали Грядущаго Мессію. Спокойно, съ печатью божественнаго величія на Лицѣ проходитъ по берегу рѣки Спаситель.

„Се Агнецъ Божій, вземлющій грѣхи міра", — указывая на Него народу, торжественно восклицаетъ Іоаннъ...

Моментъ былъ сильный и знаменательный... Приведенное изреченіе, несмотря на всю свою краткость, создаетъ предъ нами величественную и живую картину. Неудивительно, что это событіе вдохновило и геній нашего знаменитаго отечественнаго художника Иванова, давъ ему богатую тему для замѣчательной картины: „Первое явленіе Мессіи народу". Здѣсь Іоаннъ Креститель представленъ пламеннымъ отшельникомъ пустыни. Вся его фигура запечатлѣна горячимъ, неудержимымъ порывомъ къ подвигу. Возбужденный, съ горящими глазами показываетъ онъ окружающей его толпѣ на Спасителя... Всѣ лица здѣсь полны жизни и движенія... Въ глазахъ у многихъ сіяетъ трепетная радость.

„И вотъ, вдохновенный Креститель
Вскричалъ громогласно при всѣхъ:
„Глядите! Се Агнецъ Господень,
Отъ міра взимающій грѣхъ!"

И взоры всѣхъ ищутъ кого-то,
Какъ будто видѣніе сновъ,
Глядятъ, вопрошаютъ съ заботой,
Гдѣ-жъ дивный взиматель грѣховъ?

И Путникъ вдали показался
Величественъ, тихъ, сановитъ;
И шелъ Онъ, какъ Божія дума,
Высокою тайной покрытъ.

Такъ ходятъ алмазныя звѣзды
По синимъ своимъ высотамъ,
Сіяньемъ земнымъ обливая,
Не данствуя ихъ суетамъ.

И вспыхнули разныя чувства
На лицахъ людей и въ очахъ:
То вѣра боролась съ невѣрьемъ,
То съ робкой надеждою — страхъ.

Пытливость лукаво глядѣла,
А кротость смиренно ждала,
Что скажетъ Невѣдомый Путникъ?
Какія проявитъ дѣла?

Отъ Путника вѣяло жизнью,
Зане Онъ — и Жизнь, и Любовь, —
И будетъ такъ вѣять доколѣ
Сіяетъ лампада міровъ.

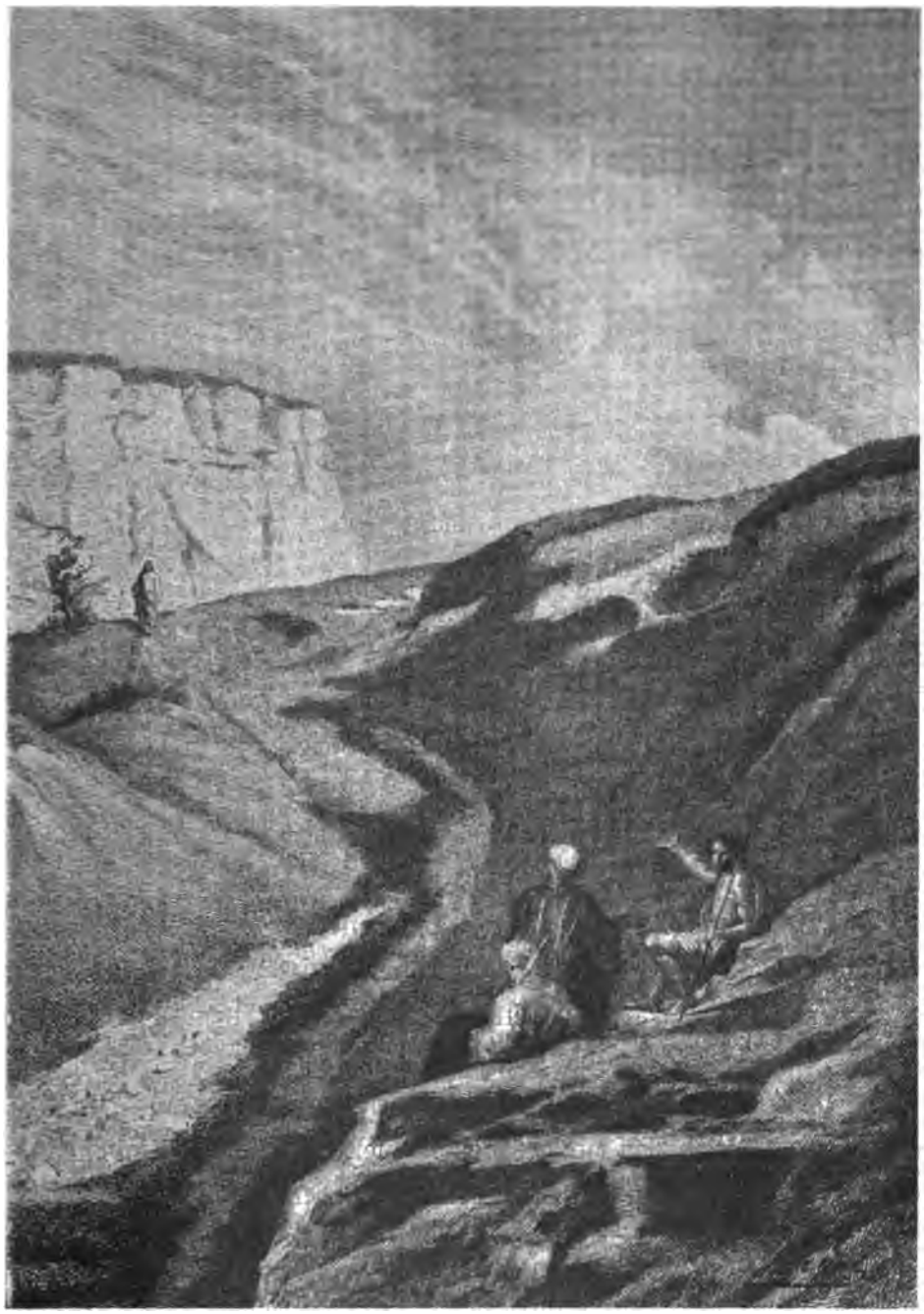
На другой день послѣдовала новая встрѣча Христа Спасителя съ Своимъ Предтечей.

Было далеко уже за полдень. Солнце склонялось къ закату. Вокругъ суроваго отшельника въ этотъ разъ не стояло обычной толпы народа, которая съ жадностью привыкла ловить каждое слово вдохновеннаго пророка...

Здѣсь, на берегу Іордана, находились только два ученика Іоанна. Можетъ быть, они еще наканунѣ слышали свидѣтельство своего Учителя о Христѣ и теперь стояли, полные новыхъ думъ и предчувствій. И вотъ опять, какъ-бы отвѣчая на ихъ сокровенныя думы, является и Тотъ, Кто былъ предметомъ несмолкавшей проповѣди Крестителя. Снова торжественно звучитъ возгласъ пророка...

„Се Агнецъ Божій“,—говоритъ Іоаннъ, указывая рукой на Мессію, величественно шествующаго по береговому откосу.

Здѣсь, въ этомъ краткомъ изреченіи, два раза повторенномъ Іоанномъ, заключалась цѣлая проповѣдь. Она составляла душу всей евангельской исторіи. Въ ней выражена была главная мысль искупительнаго подвига. Именно,—не царственнымъ могуществомъ и властію, а уничиженіемъ, кротостью, смиреніемъ агнца пришелъ Спаситель искупить родъ человѣческій, взявъ на Себя грѣхи всего міра и омывъ ихъ кровію Своею. И не царство меча, насилій, сытости и внѣшняго блеска, а царство „нищихъ духомъ“, смиренныхъ, „плачущихъ“, „кроткихъ“,



„Се, Агнецъ Божій".

царство „алчущихъ и жаждущихъ правды“, „милостивыхъ“, „чистыхъ сердцемъ“, „миротворцевъ“, готовыхъ съ радостью положить за Христа душу свою,— вотъ какое царство явился основать на землѣ Тотъ, Который говорилъ о Себѣ: „научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ“ (Мѳ. XI, 29). Напрасны надежды фарисеевъ на то, что въ изобиліи проливаемая ими кровь жертвенныхъ животныхъ сдѣлаетъ ихъ участниками и „князьями“ въ пышномъ царствѣ Мессіи! Нѣтъ! Только очистительная кровь Голгоѳскаго Агнца можетъ служить залогомъ нашего спасенія, и только тѣмъ, кто съ вѣрой взираетъ на Него, будутъ открыты двери къ Его престолу и славѣ.

Освѣжающимъ миромъ повѣяло на души учениковъ Іоанновыхъ отъ одного вида проходившаго Спасителя. А слова, съ непоколебимой вѣрой и убѣжденіемъ произнесенныя Предтечей, рѣшили ихъ судьбу. Они не могли дольше оставаться вдали отъ этого кроткаго „Агнца!“ Они не могли быть только равнодушными зрителями Его великихъ страданій и уничиженія за грѣшный человѣческій родъ. Они хотѣли быть живыми сподвижниками въ Его трудахъ и ревностными учениками.

И вотъ Андрей и Іоаннъ безъ призыва, но по глубокому влеченію своего сердца, слѣдуютъ за Христомъ, и робко, съ трепетомъ дѣлаютъ свои первые шаги.

„Что вамъ надобно?“ — слышатъ они кроткій и привѣтливый вопросъ Христа Спасителя, которымъ Божественный Учитель хотѣлъ не только ободрить, но и вызвать въ своихъ новыхъ послѣдователяхъ сознательное отношеніе къ дѣлаемому шагу.

Чувствомъ глубокаго почтенія звучитъ отвѣтъ ихъ, выраженный тоже въ вопросительной формѣ.

„Равви, гдѣ живешь?“ — спрашиваютъ робкіе послѣдователи, называя Христа Спасителя почетнымъ именемъ учителя. „Пойдите и увидите“, — съ прежней простотой отвѣчаетъ Спаситель, приглашая ихъ послѣдовать за Нимъ.

Сколько сердечности и умиленія въ этой краткой, но полной необъятнаго смысла и содержанія картинѣ. Сколько снисхожденія и любви

проявилось тутъ къ человѣку! Какъ ясно открылся здѣсь истинный характеръ отношеній Христа Спасителя къ людямъ, Его стремленіе покорять Себѣ прежде всего человѣческое сердце!

Полные священнаго восторга ученики послѣдовали за Христомъ и провели у Него весь конецъ этого дня. „И они въ одну ночь, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ, насладились Его ученіемъ въ такомъ обиліи и съ такою охотою, что немедленно оба пошли привлекать и другихъ ко Христу.

Отсюда научимся и мы, добавляетъ Златоустый учитель, предпочитать всему слушаніе божественнаго ученія, и никакого времени не будемъ считать для того неудобнымъ, хотя бы для этого нужно было войти въ чужой домъ, хотя бы тебѣ, незнакомому, надлежало знакомиться съ знатными людьми, хотя бы и несвоевременно... никогда не будемъ опускать такого пріобрѣтенія. Пища, вечеря, бани и прочія житейскія дѣла пусть имѣютъ опредѣленное для себя время, изученіе-же горняго любомудрія не должно имѣть никакихъ опредѣленныхъ часовъ; ему должно принадлежать всякое время.

Благовременнѣ, сказано, *и безвременнѣ обличи, запрети; умоли* (2 Тим. VI. 2). И пророкъ говоритъ: *въ законѣ Его поучится день и нощь* (Ис. I, 2)...

Дѣла житейскія,—разумѣю бани, вечери,—если и нужны, то, бывая часто, разслабляютъ тѣло; но назиданіе души чѣмъ больше умножается, тѣмъ болѣе крѣпкою дѣлаетъ душу, принимающую его. Нынѣ все время мы проводимъ въ пустомъ и вздорномъ суесловіи, сходимся для того и на разсвѣтѣ, и поутру, и въ полдень, и въ вечеръ, даже назначаемъ для этого особыя мѣста, а божественные догматы слушать однажды или дважды въ седмицу мы тяготимся и устаемъ. Отчего? Оттого, что худо располагаемъ свою душу; мы вовсе уничтожаемъ въ ней охоту и ревность къ такимъ предметамъ. Поэтому въ насъ нѣтъ и стремленія къ духовной пищѣ. Кромѣ другихъ признаковъ болѣзни,—сильно доказываетъ ее и то, когда не хочется ни ѣсть, ни пить, а къ тому и другому чувствуемъ отвращеніе. Если же это, когда случается въ тѣлѣ, служитъ признакомъ тяжкаго недуга и производитъ ослабленіе, то тѣмъ

болѣе, когда случается въ душѣ. Какъ же намъ укрѣпить ее, падшую, изнемогшую? Какими дѣлами? Какими словами?

Обратимся къ словамъ божественнымъ, пророческимъ, апостольскимъ и всѣмъ другимъ. Тогда мы узнаемъ, что гораздо лучше питаться этими словами, чѣмъ нечистыми снѣдями. — такъ надобно назвать безвременныя сходбища и разглагольствія. Что лучше, скажи мнѣ: о дѣлахъ ли народныхъ, судебныхъ, военныхъ бесѣдовать, или о предметахъ небесныхъ и о томъ, что имѣетъ быть по отшествіи нашемъ отсюда? Что лучше: говорить ли о сосѣдѣ и его дѣлахъ и вообще заниматься чужими дѣлами, или бесѣдовать объ ангелахъ и предметахъ, касающихся нашей собственной пользы?

Дѣла сосѣда тебя вовсе не касаются, а предметы небесные относятся и къ тебѣ... Но объ этихъ предметахъ говорятъ еще люди скромные. Болѣе же праздные и безпечные въ своихъ разговорахъ кружатся около шутовъ, плясуновъ, бѣгуновъ, оскверняя свой слухъ, растлѣвая душу въ такихъ разговорахъ, упояя сладострастіемъ свое естество и внося въ свое воображеніе такою бесѣдою всякіе порочные образы. *Какъ только языкъ выговорилъ имя плясуна, душа тотчасъ представляетъ себѣ его лице, волосы, тонкую одежду и его самого, который изнѣженнѣе всего этого.* Другой еще иначе возбуждаетъ въ душѣ пламень, вводя въ разговоръ блудную женщину, ея слова, одежду, распутные глаза, сладострастные взгляды, плетенія волосъ, натираніе лица, подкрашиваніе рѣсницъ. Да не чувствуете-ли вы чего нибудь страшнаго уже при моемъ разсказѣ объ этомъ? Но не стыдитесь и не краснѣйте: это уже неизбѣжное, естественное дѣло, что сила разсказа имѣетъ такое вліяніе на душу. Если же только при моемъ разсказѣ, стоя въ церкви и вдали отъ такихъ предметовъ, вы уже чувствуете нѣчто отъ одного слушанія, то подумайте, что должно происходить съ тѣми, которые сидятъ на самомъ зрѣлищѣ, съ полною свободою, внѣ этого почтеннаго и важнаго собранія, и съ большимъ безстыдствомъ смотрятъ и слушаютъ, что тамъ дѣлается. Да за что-же, скажетъ кто либо изъ невнимательныхъ, за что ты насъ обвиняешь, упуская изъ

вида, что это дѣло, естественное и уже необходимое, какъ ты говоришь, имѣетъ такое вліяніе на душу? Но что слушающій это изнѣживается,— вотъ дѣло естественное; а слушать это—не природы дѣло, а воли грѣхъ. Что приближающійся къ огню долженъ потерпѣть вредъ, это необходимо и это есть слѣдствіе немощи естества, но не самое же естество влечетъ насъ къ огню и вреду, отъ него происходящему: это зависитъ единственно отъ извращенной воли. Вотъ и я хочу, чтобы этого не было, чтобы это было исправлено"... (Твор. Св. І. Златоустаго, т. VIII, кн. І, стр. 123—4).

Эти слова вселенскаго учителя, раздававшіяся нѣкогда съ церковной каѳедры въ Константинополѣ и бичевавшія тамъ развращенныхъ и изнѣженныхъ жителей столицы, не утратили своего живого значенія и доселѣ. И теперь вѣчные вопросы о путяхъ жизни меньше интересуютъ и волнуютъ современное общество, чѣмъ какая нибудь литературная новинка или выступленіе на театральныя подмостки заѣзжей „знаменитой дивы".

И теперь многіе охотнѣе бесѣдуютъ о модной прическѣ и костюмахъ знаменитости, объ очаровательныхъ ноткахъ въ голосѣ любимца тенора, чѣмъ о предметахъ христіанскаго ученія или задачахъ дѣятельности христіанина. Послѣдняя книжка моднаго журнала или любимаго писателя, съумѣвшаго подслужиться къ вкусамъ невзыскательной публики, провозглашается часто чуть не откровеніемъ. Ею зачитываются всѣ. Представленною здѣсь грязью, человѣческою наготою, съ которой такъ безцеремонно сдернуто, сорвано покрывало приличія, откровенно любуются и смакуютъ. Прислушайтесь къ бесѣдамъ, которыя ведутся въ нашихъ гостинныхъ; прислушайтесь къ спорамъ и мечтамъ современной молодежи, — и вы невольно перенесетесь мыслію на улицы древняго Рима, когда тамъ озвѣрѣлая, дикая толпа, съ пробужденными въ ней животными порывами, изо дня въ день оглашала воздухъ безумными воплями, требуя себѣ „хлѣба и зрѣлищъ!" Слово Божіе, Библія святая, заключающая въ себѣ „глаголы живота вѣчнаго", какъ бы выпала изъ рукъ нашего молодого поколѣнія. И при этомъ, чего-либо болѣе грубаго,

легкомысленнаго, несправедливаго, чѣмъ отношеніе нашей молодежи къ этой великой книгѣ, вы нигдѣ не встрѣтите. Люди не только забываютъ, но часто и злобно насмѣхаются надъ ней, не давая себѣ труда прочитать изъ нея хотя бы страницу. Они не хотятъ знать, что эта священная книга была, и на всѣ времена останется для міра неизсякаемымъ родникомъ человѣческаго счастія, будетъ вѣчно служить тѣмъ неисчерпаемымъ источникомъ „воды живой", „піяй отъ котораго не вжаждется во вѣки".

Такимъ же источникомъ „воды живой" была для первыхъ, еще робкихъ послѣдователей Мессіи, и ихъ первая бесѣда съ Христомъ Спасителемъ. Она оставила глубокій, неизгладимый слѣдъ въ этихъ простодушныхъ сердцахъ, жаждущихъ правды. Полные священнаго восторга ученики спѣшатъ подѣлиться своею радостью съ близкими лицами.

И вотъ „первою заботою Андрея было найти своего брата Симона и разсказать ему объ этой необычайной встрѣчѣ. Онъ привелъ его ко Христу, и Іисусъ, окинувъ его тѣмъ царственнымъ взглядомъ, который ясно читалъ самыя затаенныя мысли, и сразу увидѣвъ въ этомъ простомъ рыбакѣ всю слабость, но также и все благородное величіе человѣка, сказалъ ему, называя его новымъ именемъ, которое впослѣдствіи еще болѣе торжественно было утверждено за нимъ: „Ты Симонъ, сынъ Іонинъ, ты наречешься Кифа, что значитъ камень", то-есть: „ты Симонъ, сынъ голубя; послѣ этого ты будешь, какъ скала, въ которой гнѣздится голубь"...

Третій день по возвращеніи изъ пустыни, повидимому, проведенъ былъ Іисусомъ въ бесѣдѣ со своими новыми учениками. На четвертый день Онъ хотѣлъ отправиться въ обратный путь въ Галилею, но на пути встрѣтился съ другимъ молодымъ рыбакомъ, Филиппомъ изъ Виѳсаиды...

Одного слова, одного многозначительнаго призванія: „слѣдуй за Мной"—было достаточно для того, чтобы навсегда привязать къ Іисусу кроткаго и простодушнаго апостола, котораго Онъ, по всей вѣроятности, зналъ раньше.

На слѣдующій день къ этому священному обществу прибавился пятый членъ. Желая подѣлиться сдѣланнымъ открытіемъ, Филиппъ

отыскалъ своего друга Наѳанаила... „Мы нашли Того, о Которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки", — сказалъ онъ своему другу,— „Іисуса, сына Іосифова, изъ Назарета".

На Наѳанаила это произвело своеобразное впечатлѣніе. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на мѣстность и выразилъ сомнѣніе; „изъ Назарета можетъ ли что доброе быти?" презрительно замѣтилъ Наѳанаилъ.

Филиппъ отвѣчалъ на это тѣми же словами, съ которыми Спаситель обратился къ Іоанну и Андрею. Онъ былъ хорошій ученикъ и сказалъ словами Учителя: „пойди и посмотри".

Часто и теперь задаютъ тотъ же вопросъ: „изъ Назарета можетъ-ли быть что доброе?" И единственно удовлетворительнымъ, почти единственно возможнымъ отвѣтомъ на него можетъ быть тоже, что и тогда: „иди и посмотри". Тогда это означало: „иди и посмотри Того, Который говоритъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ; иди и посмотри Того, Который, будучи просто плотникомъ назаретскимъ, наполняетъ священнымъ благоговѣніемъ всѣхъ приближающихся къ Нему; однимъ присутствіемъ Своимъ какъ бы раскрываетъ тайны сердецъ, и однако же влечетъ къ Себѣ даже самыхъ грѣшныхъ съ чувствомъ тоскующей любви; иди и посмотри Того, въ Которомъ все дышетъ неотразимымъ очарованіемъ безгрѣшной чистоты, недосягаемой красотой Божественной жизни".

„Пойди и посмотри", сказалъ Филиппъ, убѣжденный въ своемъ простомъ вѣрующемъ сердцѣ, что увидѣть Іисуса, значило познать Его, а знать Его, значило любить Его; а любить Его, значило боготворить Его. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ больше говорить: „иди и посмотри", потому что съ того времени, какъ закрылись отверзавшіяся небеса для видѣній, которыхъ удостоились св. Стефанъ и ап. Павелъ, Его земной составъ невидимъ больше. Но есть другой смыслъ, въ которомъ можно отвѣчать и теперь съ неменьшею убѣдительностью на всѣ возникающія сомнѣнія: иди и посмотри. „Иди и посмотри, какъ ожилъ умиравшій міръ, возродился разлагавшійся міръ, помолодѣлъ одряхлѣвшій міръ; иди и посмотри, какъ освѣтилась тьма и отчаяніе исчезло; иди и посмотри на человѣколюбіе, принесенное въ темницу заключенному пре-

ступнику, на свободу, данную закованному рабу; иди и посмотри на бѣдныхъ, простецовъ и массу народную, навсегда освобожденныхъ отъ

„Пойди и посмотри"...

угнетенія богатыхъ, ученыхъ и избранныхъ; иди и посмотри, какъ возникаютъ благотворительные госпитали и пріюты рядомъ съ чудо-

вищными развалинами колоссальныхъ амфитеатровъ, которые нѣкогда орошались человѣческой кровью; иди и посмотри, какъ изъ очищенныхъ жилищъ съ негодованіемъ изгнаны постыдные символы всеобщаго развращенія; иди и посмотри, какъ притоны разврата и безчеловѣчія превратились въ счастливые очаги домашней жизни, дерзкіе безбожники—въ вѣрующихъ христіанъ, мятежники въ кроткихъ дѣтей и язычники въ святыхъ мужей. Да, иди и посмотри величественные акты одной великой драмы, которая тянется на протяженіи девятнадцати столѣтій христіанства, и когда ты увидишь, что всѣ они направляются къ одной великой цѣли, давно предопредѣленной въ совѣтѣ божественной воли, когда въ благоговѣйномъ смиреніи узнаешь, что даже то, что кажется случаемъ, въ дѣйствительности есть звено въ цѣпи предвѣдѣнія и совершается по непреложной системѣ предустановленнаго порядка, когда ты услышишь голосъ Спасителя, съ любящимъ сочувствіемъ взывающаго прямо къ сердцу, — тогда ты, можетъ быть, поймешь, какъ жалко сомнѣнье, и въ спокойномъ, блаженномъ упованіи вмѣстѣ съ непорочнымъ и откровеннымъ Наѳанаиломъ воскликнешь: „Равви, Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ“ [1]).

Если мы даже присмотримся только къ ежедневнымъ настроеніямъ своей души, то и тогда убѣдимся, что истина Христова есть великая, могучая сила, и вѣра въ нее необходима для насъ такъ же, какъ для всякаго здороваго человѣка необходимы свѣтъ и воздухъ. Она свѣтитъ незамѣтно для насъ въ нашемъ сердцѣ, въ нашей душѣ; ею дышетъ духъ нашъ. Ученіе Христа Спасителя обновило и перестроило теперь весь міръ нашихъ понятій, сужденій, заключеній. Всѣ совершающіяся въ душѣ различенія добра и зла, правды и лжи, любви и ненависти, честности и обмана, — все это образуется подъ свѣтомъ христіанства. Лишь холодный къ вѣрѣ не хочетъ понять этой нравственной христіанской атмосферы, которою онъ дышетъ, и въ своемъ равнодушіи походитъ на больного глазами, которому непріятенъ свѣтъ. Точно также

[1]) Жизнь Іисуса Христа. Соч. Ф. В. Фаррара. Новый переводъ съ 30-го англ. изд. А. П. Лопухина. Шестое общедоступное изд. Спб. 1893, стр. 86—87.

всѣ наши законы, обычаи, преданія, проявленія общественныхъ настроеній и совѣсти ставятъ своимъ исходнымъ началомъ въ сущности тѣ понятія, которыя принесло съ собою христіанство.

„Вотъ подлинно израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства“, сказалъ Христосъ Спаситель, указывая на грядущаго къ Нему Наѳанаила. „Почему Ты знаешь меня?“ спросилъ удивленный Наѳанаилъ и услышалъ въ отвѣтъ: „прежде нежели позвалъ тебя, Филиппъ, когда ты былъ подъ смоковницею, Я видѣлъ тебя“. Если и въ нашей душѣ нѣтъ того погибельнаго лукавства, которое часто побуждаетъ людей отрицать божественные законы только потому, что они осуждаютъ нашу похотливость и буйство страстей, — то и мы должны повторить за Наѳанаиломъ тоже восторженное восклицаніе, которымъ онъ отвѣтилъ на послѣднія слова Христа Спасителя: „Равви, Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ!“ И тогда мы очами вѣры будемъ видѣть „небо отверстымъ и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну человѣческому“, т. е. получимъ свой жребій въ томъ обѣтованіи, которымъ Господь отвѣтилъ на горячее исповѣданіе простосердечнаго Наѳанаила.

Мы нашли Того, о Которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки.

V.

На бракѣ въ Канѣ Галилейской.

„И явилъ славу Свою“ (Іоан. II, 11).

„На третій день“, послѣ призванія къ апостольству Филиппа и Наѳанаила, *„былъ бракъ въ Канѣ Галилейской“*. Это торжество происходило въ семействѣ, родственномъ дому Іосифа. Такъ какъ, по справедливому предположенію отцевъ Церкви, женихомъ былъ Симонъ Зилотъ, сынъ Клеопы, родного брата святаго Обручника,—то Богоматерь въ числѣ первыхъ гостей приглашена была принять участіе въ этомъ семейномъ, радостномъ праздникѣ. Для этого Ей пришлось сдѣлать небольшой переходъ: Кана,—маленькій городокъ на берегу живописнаго Галилейскаго озера,—лежала въ разстояніи двухъ часовъ пути отъ тихаго Назарета.

Но не одна *„Матерь Іисуса была тамъ. Былъ также званъ Іисусъ и ученики Его“*.

Свадьба, въ древне-еврейскомъ быту, составляла событіе, полное радости и веселья. Здѣсь зачинался новый родъ, новая семья, новый питомникъ будущихъ чадъ Израиля. Дѣти же всегда почитались благословеніемъ Божіимъ въ еврейскомъ народѣ. Они составляли украшеніе, вѣнецъ брачнаго союза, самый дорогой брилліантъ въ его коронѣ, доставлявшій родителямъ, особенно матери—славу. Потому-то на всемъ свадебномъ торжествѣ и лежала печать самаго непринужденнаго, но чистаго, благороднаго веселья. Здѣсь вызрѣвала, выходила наружу вся

сумма упованій и чаяній еврейскаго народа. Эти упованія какъ бы заставляли на время закрывать глаза на тѣ безчисленныя скорби и лишенія, подъ гнетомъ которыхъ протекала вся жизнь ветхозавѣтнаго человѣка. Вниманіе направлялось здѣсь въ другую сторону, болѣе свѣтлую и радостную. Каждая человѣческая жизнь представлялась какъ бы новой ступенью къ той свѣтлой порѣ, которая составляла предметъ страстныхъ, напряженныхъ, трепетныхъ ожиданій для всѣхъ безъ исключенія евреевъ. Каждая,—и только что зараждающаяся и уже распустившаяся въ молодыхъ побѣгахъ еврейская семья жила чаяніями этого времени, когда

Кана Галилейская.

Господь прольетъ „свѣтъ Свой во откровеніе языковъ“ и всѣ увидятъ „Славу людей“ Его — Израиля.

Несомнѣнно, и бракъ въ Канѣ Галилейской, по своему характеру, былъ такимъ же радостнымъ праздникомъ жизни, какъ и всѣ вообще еврейскіе браки.

По обычаю, распространенному даже среди еврейскаго простонародья, свадебный пиръ продолжался въ теченіе нѣсколькихъ дней. При этомъ, восточное гостепріимство не знало предѣла. Всѣмъ гостямъ оказывался самый радушный пріемъ.

Но за брачнымъ столомъ, обыкновенно, возлежали одни лишь

мужчины. Женщинъ здѣсь не было. Онѣ должны были приготовлять кушанья, прислуживать и наблюдать за ходомъ брачнаго пира.

Брачный пиръ.

Такъ было и здѣсь.

Но вотъ въ концѣ вечера всѣхъ, слѣдившихъ за порядкомъ стола, поразилъ неожиданный случай... Не достало вина... Богоматерь прежде

другихъ замѣтила смущеніе хозяевъ. И здѣсь предъ нами открывается во всей прелести и чистотѣ чуткость Ея нѣжной души. Какъ эта святая, высокая Гостья не похожа на обыкновенныхъ гостей! Она не отдается съ беззаботностью и самодовольствомъ веселію пира! Нѣтъ... И въ эту шумную горницу Она принесла свое отзывчивое, любящее сердце! Она старается разсѣять замѣшательство устроителей вечера и спѣшитъ имъ на помощь. Ея мысль прежде всего устремляется къ Сыну... Онъ все можетъ. И вотъ: *„вина нѣтъ у нихъ“*,—говоритъ Богоматерь, обращаясь къ Спасителю...

Присутствіе здѣсь Христа Спасителя не представляетъ чего либо страннаго. Оно можетъ казаться такимъ только для тѣхъ, кто смотритъ на здѣшнюю, земную жизнь, какъ на зло, кто хочетъ набросить темное покрывало на всѣ человѣческія радости. Напротивъ, участіе Спасителя въ брачномъ торжествѣ какъ нельзя прямѣе и естественнѣе вытекало изъ сущности Его мессіанскаго служенія. Христосъ Спаситель пришелъ на землю не для того, чтобы строить новыя формы жизни, а для того чтобы въ эту вымирающую, какъ бы высыхающую жизнь вложить новую сердцевину. влить новый духъ, новое содержаніе, новое начало. Онъ пришелъ замѣшать божественную силу въ человѣческій бытъ, поступки и отношенія, „содѣлавшись Самъ какъ-бы закваскою для цѣлаго смѣшенія“ (Св. Григорій Богословъ). Потому-то Христосъ Спаситель и сравнивалъ Свое Царство съ „малой закваской, вквасившей все тѣсто?!“

Зло заключалось не въ томъ, что люди „пили, ѣли, женились“ и праздновали свадьбы,— а въ томъ, что они нарушили законъ вѣчной правды, отвратились отъ Бога, порвали союзъ съ Нимъ и тѣмъ лишили себя Его благодатной помощи. Отъ того-то внутреннее существо человѣка и извратилось. Отъ того-то вмѣсто Бога онъ сталъ служить своимъ страстямъ, обоготворилъ ихъ, сдѣлавшись богоотступникомъ. Въ Богѣ онъ увидѣлъ не милующую любовь, а врага своего, карающую, грозную силу. Потому-то ветхозавѣтный человѣкъ всегда больше боялся Бога, чѣмъ любилъ Его и искалъ общенія съ Нимъ. „Говори ты съ нами, и мы будемъ слушать, но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть“,—говорилъ народъ Моисею при горѣ Синайской (Исх. XX, 19).

Христосъ и пришелъ въ міръ для того, чтобы примирить Небо съ землей, поставить волю Божію въ самый кругъ, въ самый центръ человѣческой жизни: *„да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ“* (Мѳ. VI, 10), — научилъ Онъ молиться и всѣхъ Своихъ учениковъ. Но, какъ Спаситель, какъ Жизнодавецъ, Онъ не только научилъ, но и далъ силы къ исполненію этой воли. Въ этомъ и состояло главное отличіе Христа Спасителя отъ обыкновенныхъ провозвѣстниковъ нравственныхъ ученій, которые, можетъ быть, тоже очищали иногда сухія, мертвыя вѣтки съ дерева жизни, но не въ состояніи были оздоровить самыхъ корней его, подточенныхъ червемъ грѣха.

Но Христосъ Спаситель произвелъ коренную перемѣну въ человѣческой жизни.

Сбылось грозное слово Пророка... „Сѣкира“ ударила по корнямъ засыхавшаго дерева, и оно рухнуло... Вся фарисейская, законническая праведность осуждена.. Спутавшіяся вѣтви ея безчисленныхъ постановленій посѣчены. Христосъ далъ новый стволъ для дерева жизни, положилъ новую закваску въ три мѣры муки, и изъ горчичнаго зерна выросло мощное дерево—Церковь Христова... Въ нее вложилъ свой духъ Христосъ Спаситель, духъ Богосыновства. А *„идѣ же Духъ Господень, ту и свобода“*. Здѣсь нѣтъ уже рабской зависимости отъ внѣшнихъ положеній и формъ. Предъ Христомъ Спасителемъ все уравновѣшивается: нѣтъ еллина или іудея, раба или свободнаго, обрѣзаннаго или необрѣзаннаго, царя или нищаго, женатаго или неженатаго, — „но всяческая и во всѣхъ Христосъ“. Не уничтожая, не заставляя отрекаться отъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ положеній и вообще внѣшнихъ формъ жизни, Духъ Христовъ однако преобразуетъ ихъ, даетъ имъ новый смыслъ и характеръ. Христіанство требуетъ, чтобы всякій шагъ въ жизни человѣка освящался мыслію о Христѣ, что бы все служило Ему, чтобы надъ всякимъ дѣломъ своимъ христіанинъ ставилъ крестъ Христовъ: „все, что ни дѣлаете, ѣдите ли, пьете-ли — все дѣлайте во славу Божію“ (1 Кор. X, 31). Внося „Духъ Христовъ“ во всѣ уголки своей жизни, христіанинъ тѣмъ самымъ уже изгоняетъ изъ сердца язы-

ческое поклоненіе плоти... Для него становится нравственно невозможнымъ обоготвореніе страстей и какъ нельзя правильнѣе и точнѣе опредѣляется,—не внѣшними предписаніями, а внутреннимъ христіанскимъ чутьемъ,—мѣра отношеній его ко всѣмъ условіямъ здѣшней, земной жизни. Такимъ образомъ, христіанство открываетъ свободный доступъ къ радостямъ жизни, хотя въ тоже время предостерегаетъ: *„попеченія о плоти не превращайте въ похоти“* (Рим. XIII, 13 — 14); изъ своего сердца не дѣлайте кумирни. „Все мнѣ позволительно,—исповѣдуетъ и истинный ученикъ Христовъ, „но не все полезно“; „все мнѣ позволительно, но пусть ничто мною не обладаетъ“ (1 Кор. VI, 12; X. 23). Отсюда само собою понятно, что и бракъ, съ его счастіемъ и радостями, долженъ былъ войти неосужденнымъ въ кругъ христіанской жизни. Мало того: новый стволъ дерева далъ новую жизнь и всѣмъ его развѣтвленіямъ. Бракъ получилъ большую жизнеспособность: Онъ былъ возвышенъ въ образъ таинственнаго союза Христа съ Церковію...

Могъ ли поэтому Христосъ Спаситель отказаться отъ присутствія на бракѣ? Могъ-ли Онъ не озарить свѣтомъ Своей благодати скромнаго торжества, тихой человѣческой радости, полной спасительныхъ упованій?!

Но порывъ Богоматери, такъ близко къ сердцу принявшей горе хозяевъ свадебной вечери, Спаситель съ мягкимъ упрекомъ пока отклоняетъ. „Что Мнѣ и Тебѣ, жено? еще не пришелъ часъ Мой“, говоритъ Онъ Ей. Здѣсь, отъ обыкновеннаго для человѣческаго сердца сочувствія стѣсненному положенію ближняго Божественный Сынъ направляетъ мысль Своей Матери къ представленію великихъ задачъ Его мірового, мессіанскаго служенія.

„Присуствовавшіе на бракѣ еще не знали Христа Спасителя, замѣчаетъ по этому поводу Златоустый Учитель. Потому Онъ и говоритъ: *не у пріиде часъ мой.* Меня еще не знаютъ присутствующіе; они не знаютъ и того, что не достало вина. *Дай имъ сперва почувствовать это.* Да объ этомъ и не отъ Тебя Мнѣ надлежало-бы слышать. Ты Моя Мать и потому Ты самое чудо дѣлаешь подозрительнымъ. А надлежало-бы самимъ нуждающимся обратиться ко Мнѣ съ просьбою; не потому,

чтобы Я въ этомъ нуждался, но чтобы они съ большимъ довѣріемъ приняли этотъ случай. Видящій себя въ нуждѣ, когда получитъ то, что ему нужно, остается послѣ того много благодарнымъ; а кто еще не чувствуетъ нужды, тотъ не почувствуетъ вполнѣ и живо и самого благодѣянія" (Твор. Св. І. Злат. т. VIII, кн. I, стр. 143).

Теперь Богоматерь еще болѣе увѣрилась въ томъ, что Ея желаніе будетъ исполнено и будетъ исполнено именно въ то время, когда наступитъ для того благопріятный часъ. Въ этой увѣренности Она спѣшитъ предупредить прислужниковъ дома:

— „Что скажетъ Онъ вамъ, то сдѣлайте".

Обыкновенно, въ каждой еврейской избушкѣ, у дверей стояли каменные водоносы, служившіе для омовеній. Здѣсь ихъ было шесть. Когда почувствовался всѣми недостатокъ вина, то Христосъ Спаситель повелѣлъ прислужникамъ наполнить эти сосуды водою:

— *„Наполните сосуды водою. И наполнили ихъ до верха. И говоритъ имъ: теперь почерпните и несите къ распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отвѣдалъ воды, сдѣлавшейся виномъ, — а онъ не зналъ откуда это вино, знали только служители, почерпавшіе воду,—тогда распорядитель зоветъ жениха и говоритъ ему: всякій человѣкъ подаетъ сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберегъ доселѣ. Такъ положилъ Іисусъ начало чудесамъ въ Канѣ Галилейской и явилъ славу Свою; и увѣровали въ Него ученики Его"* (Іоан. II, 8—11).

Это „начало чудесъ" какъ нельзя яснѣе предуказывало характеръ всего послѣдующаго служенія Христа Спасителя. Какъ ветхозавѣтный законодатель Моисей своимъ первымъ чудомъ хотѣлъ наказать безбожниковъ и устрашить Іудеевъ, и потому претворилъ воду въ кровь, такъ и Іисусъ Христосъ, по замѣчанію одного благочестиваго писателя, претворяетъ воду въ вино, дабы успокоить и обрадовать бывшихъ на бракѣ. Не есть ли это ясное доказательство того, что главная цѣль пришествія Искупителя на землю не та, чтобы покрыть всѣ предметы траурной одеждой, но та, чтобы возвеселить, обрадовать человѣчество. Вотъ Онъ здѣсь, въ Канѣ Галилейской, принимаетъ близкое участіе въ се-

мейной радости людей бѣдныхъ, неимущихъ и, чтобы помочь имъ, совершаетъ чудо. Но и вездѣ Іисусъ Христосъ ищетъ несчастныхъ, чтобы помочь имъ, чтобы скрасить ихъ жизнь, полную всевозможныхъ лишеній. Онъ возстаетъ противъ пристрастія къ земнымъ удовольствіямъ, доходящаго часто до забвенія Бога, противъ жизни разсѣянной и грубочувственной, но отнюдь не противъ невинныхъ, тихихъ земныхъ радостей, которыя не изгоняютъ, а напротивъ укрѣпляютъ въ сердцѣ мысль о Христѣ. Пусть только христіанинъ дѣлаетъ строгое различіе между удовольствіями. Пусть прежде, чѣмъ принять участіе въ томъ или другомъ увеселеніи, онъ спроситъ себя: не соединяется ли съ нимъ нарушеніе заповѣди Христовой, благовременно ли оно...

Св. Церковь въ своихъ попеченіяхъ о воспитаніи чадъ въ любви и страхѣ Божіемъ заповѣдуетъ намъ освящать молитвою каждый день нашей жизни. Но этого мало.

Съ мудрой предусмотрительностью она устанавливаетъ особенные дни, которые всецѣло должны быть отдаваемы нами на прославленіе имени Божія. Это — церковные праздники. Они, точно спасительные островки, среди разливающагося кругомъ моря житейской сутолоки и будней. Въ ихъ тихой пристани какъ бы отдыхаетъ душа отъ той „бури помышленій суетныхъ“, которую часто носитъ въ себѣ человѣкъ... Остановить на время свою будничную работу, полетомъ свободнаго духа рвануться и воспарить къ Небу, хоть на время согнать съ своего чела мрачную тѣнь суетной заботы и озарить его лучами невечерняго Свѣта Христова, — вотъ смыслъ и назначеніе праздничныхъ дней. Но какъ часто мы отступаемъ отъ завѣтовъ и намѣреній нашей Матери-Церкви. Какъ часто, когда она наканунѣ праздниковъ призываетъ насъ усладить свой слухъ священными словами церковныхъ пѣснопѣній, напоить душу ароматомъ св. Благовѣстія, — мы спѣшимъ въ различныя мѣста общественныхъ увеселеній, гдѣ грязнимъ свое воображеніе нечистыми образами, оскверняемъ свой слухъ страстными мотивами языческихъ пѣсенъ и хоронимъ въ своей душѣ всякую мысль о Христѣ... Такъ постепенно, день за днемъ, „среди житейскаго волненья“ и про-

ходитъ вся жизнь людей, *„осуетившихся помышленіями своими“*,—и въ концѣ концовъ изъ ихъ души совсѣмъ вывѣтриваются святыя истины. „Скучныя пѣсни земли“ заглушаютъ въ человѣческомъ сердцѣ ангельское славословіе, – эту тихую и вѣчную пѣснь Неба...

Но тамъ, гдѣ мысль о Христѣ Спасителѣ не сходитъ съ души,— тамъ всегда: и въ покаянномъ вздохѣ, и въ торжественномъ аккордѣ церковныхъ пѣснопѣній, и въ чистой радости земной, вездѣ звенитъ чудная, священная пѣснь любви къ Богу, какъ къ своему Творцу и Промыслителю. Христіанскій Богъ—не Богъ печали, а Богъ радости,— конечно, святой и чистой.

Вотъ почему и Христосъ Спаситель не отклонилъ приглашенія на бракъ. Онъ не нашелъ въ немъ чего либо несовмѣстимаго со Своимъ служеніемъ. Онъ идетъ въ маленькій Галилейскій городокъ Кану и своимъ присутствіемъ дѣлаетъ здѣсь веселую свадьбу святымъ, радостнымъ праздникомъ жизни. „Своимъ появленіемъ на бракѣ, замѣчаетъ одинъ благочестивый писатель, Христосъ Спаситель показалъ, что бракъ учрежденіе божественное и что всѣмъ брачущимся, которые зовутъ Его, какъ Гостя, въ свой домъ и даютъ Ему мѣсто въ своемъ сердцѣ, Онъ оказываетъ помощь во всякомъ затрудненіи и во всякой нуждѣ. Первое чудо Его освятило невинныя радости и дало намъ примѣръ христіанскаго отношенія къ ближнимъ. Не хотѣвшій для себя обратить камней пустыни въ хлѣбъ, несмотря на страшное томленіе голодомъ, теперь Онъ претворяетъ воду въ вино, дабы устранить замѣшательство смущенныхъ устроителей брачнаго пира... Это первое чудо было только еще зарей открывающейся славы Сына Божія. Въ немъ, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ чудесахъ, ясно сказалась цѣль всего служенія Христова, — это облагораживать пошлое, преобразовывать низкое, обращать земную воду въ небесное вино“.

VI.

Капернаумъ и первая Пасха.

„Внезапно пріидетъ въ храмъ Свой Господь, Котораго вы ищете“ (Малах. III, 1).

Изъ Каны Галилейской, гдѣ Христосъ Спаситель въ первый разъ *„явилъ славу Свою“*, Онъ *„пришелъ въ Капернаумъ, Самъ и Матерь Его, и братья Его, и ученики Его; и тамъ пробыли немного дней“* (Ев. Іоан. II, 12). Воспоминаніе о чудѣ, совершенномъ на бракѣ, было живо еще у всѣхъ его очевидцевъ. Оно не могло не волновать ихъ умовъ. Невольно, самъ собою являлся у многихъ вопросъ: на какой же путь новой жизни пришелъ звать людей Христосъ Спаситель, этотъ неразгаданный пока, таинственный для нѣкоторыхъ чудотворецъ?

И „первое чудо“ какъ нельзя убѣдительнѣе отвѣчало имъ, что Христосъ Спаситель пришелъ „не удалить Своихъ учениковъ отъ міра и ихъ обычныхъ обязанностей, а научить людей жить лучше, благороднѣе и счастливѣе въ мірѣ. Онъ желалъ видѣть людей добрыми супругами, отцами и гражданами, и доказывалъ, что настолько же одобряетъ восторженность отшельника въ пустынѣ, насколько семейныя радости въ семьѣ,

невинную веселость въ общественныхъ собраніяхъ“ [1]). Не гнушаясь общества презрѣнной самарянки, мытаря и блудницы, Христосъ всѣмъ проповѣдывалъ любовь, миръ и прощеніе. Удостоивая своимъ присутствіемъ невинныя собранія, Онъ вездѣ старался зажечь искру Божьей истины и правды, сообщить правильный тонъ вообще всякому,—печальному-ли то или радостному,—настроенію человѣка. „Христосъ явился открыть, говоритъ одинъ извѣстный богословъ, *что вѣчность не есть нѣчто будущее*, а только невидимое. Онъ пришелъ научить, что Богъ не удаленъ отъ людей безконечною высью голубого неба, но что Онъ есть Отецъ, Которымъ мы живемъ, и движемся, и существуемъ (Дѣян. XVII, 28); и что служеніе Ему состоитъ не въ жертвахъ и приношеніяхъ, а въ дѣлахъ милосердія и справедливости, въ смиреніи и любви. Онъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы заглушить всякое ликованіе въ жизни людей, и поднять въ ней смятеніе и бурю, но чтобы настроить каждую струну этой тысячеструнной арфы и привесть ее въ согласіе съ гармоніей небесной. „Въ виду такихъ нравственныхъ правилъ, самая мѣстность, которую Онъ избралъ для первоначальнаго Своего ученія, представляетъ нѣчто знаменательное.

„Потонувшая въ кущахъ роскошныхъ садовъ,
Моремъ пестрыхъ цвѣтовъ облитая,
Золотымъ виноградомъ играя
По смѣющимся бархатнымъ склонамъ холмовъ,
Раскидалась предъ Нимъ Галилея;
Кипарисы повисли тѣнистымъ шатромъ,
Пальма въ небѣ лазурномъ дрожала вѣнцомъ,
Разгорались гранаты, алѣя“.

„Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ среди безмолвія пустыни, при водахъ Мертваго озера; голосъ его разносился по кремнистымъ стремнинамъ. Ближайшіе къ проповѣди города были построены на случай набѣговъ непріятельскихъ. Путь туда былъ залитъ человѣческой кровью. Все вокругъ напоминало близость прошлыхъ преступленій и мертвеннаго запустѣнія. Вода выдѣляла изъ себя смолистый запахъ; плоды при

[1]) І. Х. Сынъ Божій,—Спаситель міра. П. С. Лебединскаго, стр. 259; Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара, пер. Матвѣева. М. 1887 г., ч. I, стр. 89—95.

прикосновеніи, обращались въ пепелъ; горячая, бѣлая пыль поднималась изъ подъ ногъ путника, шедшаго надъ могилой погрязшихъ въ чувственности и схороненныхъ подъ озеромъ городовъ. Вблизи такихъ мертвенныхъ водъ, подъ мѣднокраснымъ небомъ, среди раскаленной пустыни, изрытой оврагами, проповѣдывалъ Іоаннъ крещеніе покаянія.

Сопутствуемый Матерью, братьями и учениками, Христосъ избралъ центромъ первоначальнаго Своего ученія красивый, кипучій дѣятельностью городъ, мраморныя зданія котораго глядѣлись въ свѣтлыя воды находившагося близъ него озера.

Это былъ Капернаумъ, расположенный подъ красивыми склонами холмовъ, окружающихъ мѣстность, которую можно назвать земнымъ раемъ. Во всей Палестинѣ нѣтъ ни такихъ деревьевъ, ни такихъ садовъ, какъ въ странѣ Геннисаретской... Безчисленное множество цвѣтовъ разсыпано по небольшой равнинѣ, которая выглядываетъ изумрудомъ. Нельзя выбрать природы благодатнѣе, мѣстности живописнѣе и соотвѣтственнѣе тѣмъ словамъ благовѣстія, въ которыхъ проповѣдывались человѣчеству самыя утѣшительныя надежды, самыя чистѣйшія удовольствія. И первые звуки этого благовѣстія раздались въ странѣ необычайно красивой, какъ Геннисаретская. Въ обстановкѣ не было ничего пышнаго, ничего колоссальнаго; тутъ нѣтъ ни сумрака горъ, ни ихъ особеннаго великолѣпія; нѣтъ того „страшнаго величія“, которое наполняетъ насъ трепетомъ, когда мы смотримъ на огненныя вершины тропическихъ вулкановъ, или на снѣжныя стремнины сѣвернаго хребта. Мѣстности, которыя вѣчно грозятъ пожаромъ или потопленіемъ, могли быть избраны символомъ нашей жизни только тогда, когда бы ей суждено было проходить постоянно въ убійственныхъ горестяхъ и неотвратимыхъ несчастіяхъ. Но эти зеленыя пастбища и тихія воды; эти весело щебечущія птицы и цвѣтущіе олеандры, эта зыблющаяся поверхность туземнаго озера, своею прохладою умѣряющая знойность страны,—все это какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ жизни простой и невинной, освѣжаемой скромными удовольствіями, которыя, подобно дождю и солнечному свѣту, доступны одинаково всѣмъ.

Въ настоящее время нѣкогда густо населенные берега Геннисаретскаго озера почти совсѣмъ пустынны. На нихъ нѣтъ ни единаго обитаемаго мѣста. Какая нибудь жалкая, заброшенная лодка, — да и той не всегда можно достать,—замѣнила теперь постоянно сновавшій когда-то многочисленный флотъ. Но озеро еще изобилуетъ рыбой. Вода его все такъ же прекрасна, какъ и тогда, когда лодка ап. Петра колыхалась

Геннисаретское озеро.

на его зыблющихся волнахъ и Іисусъ задумчиво смотрѣлъ въ ихъ прозрачную глубь; чашеподобный бассейнъ все еще переполняется потоками солнечнаго свѣта; воздухъ еще дышетъ своимъ естественнымъ благоуханіемъ; горлица еще воркуетъ въ долинахъ и пеликанъ ловитъ рыбу въ волнахъ; повсюду тѣ же пальмы, зеленыя поля и журчащіе потоки; только рядомъ съ ними угрюмо смотрятъ сѣрыя кучи развалинъ...

Но насколько былъ поразителенъ и прекрасенъ видъ этой мѣстности во времена Христа Спасителя, когда она была болѣе обработана и населена,—это видно изъ восторженнаго отзыва Іосифа Флавія. Описавъ восхитительную красоту водъ Геннисаретскаго озера и мягкость воздуха, богатство его пальмъ, виноградниковъ и смоковницъ, апельсинныхъ, миндальныхъ и гранатовыхъ деревъ и его теплые источники, онъ говоритъ, что времена года какъ бы спорили за честь обладанія имъ и природа создала въ немъ какъ бы свое образцовое произведеніе, на которое она потратила всю свою мощь и силу...

Однако, не только по своей красотѣ, но и по своему срединному положенію, а также и по своей оживленной населенности оно удивительно было пригодно для начала того служенія, которое было исполненіемъ древняго пророчества Исаіи, что „земля Завулонова и земля Нефѳалимова, страна заіорданская, Галилея языческая увидятъ Свѣтъ великій", и что на тѣхъ, которые ходятъ „во тьмѣ и тѣни смертной, возсіяетъ Свѣтъ". Христу надлежало быть даже во время своей земной жизни „свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ", равно какъ и „славой народа Своего Израиля". По окрестностямъ озера обитали самые разноплеменные народы, потому что это былъ „приморскій путь". Во времена Христа Спасителя здѣсь находилась по своей населенности и оживленію самая промышленная область Палестины и по водамъ ея озера во всѣхъ направленіяхъ скользили 4,000 судовъ всякаго рода,—отъ военныхъ кораблей римлянъ до неуклюжихъ рыбачьихъ лодокъ Виѳсаиды и золоченныхъ галеръ изъ дворца Иродова. Вдоль всего западнаго берега Геннисаретскаго озера іудеи и язычники жили въ безпорядочномъ смѣшеніи: и дикихъ арабовъ пустыни тамъ можно было видѣть рядомъ съ предпріимчивыми финикіянами, изнѣженными сирійцами, высокомѣрными римлянами и льстивыми, коварными, испорченными греками" [1]).

Но здѣсь, въ красивомъ и оживленномъ Капернаумѣ, Христосъ Спаситель пробылъ недолго. „Пришедши туда, замѣчаетъ св. Іоаннъ

[1]) П. С. Лебединскій. І. Х. Сынъ Божій,—Спаситель міра. М. 1896. 259—261 стр.; Жизнь Іисуса Христа, Ф. В. Фарара, въ переводѣ А. П. Лопухина, стр. 97—102.

Златоустъ, и, пробывъ немного изъ уваженія къ Своей Матери, Онъ оставилъ тамъ Свою Родительницу" (Бесѣда XXIII на Еван. Іоанна).

„Дѣло милосердія, совершенное Спасителемъ въ Канѣ, чему свидѣтелями были пришедшіе съ Нимъ сюда ученики Его, стало извѣстно и въ Капернаумѣ. Потому неудивительно, что Спасителю оказанъ былъ здѣсь пріемъ, полный восторга и уваженія. А это и въ особенности то, что ученики Христовы Петръ и Андрей имѣли въ Капернаумѣ свой домъ, безъ сомнѣнія и было причиною того, что Господь, прежде чѣмъ поселиться здѣсь Самому, теперь оставляетъ тамъ Пречистую Свою Матерь" [1]).

Самъ же Онъ направляетъ Свой путь въ Іерусалимъ.

„*Приближалась Пасха*" (Ев. Іоанна II, 13). Іудейская столица по обыкновенію оживала. Народъ приливалъ сюда со всѣхъ сторонъ. Вмѣстѣ съ богомольцами заявлялись въ Іерусалимъ и предпріимчивые торговцы. Они широко развертывали здѣсь свою дѣятельность. Городъ превращался на время въ шумный, громадный базаръ. Особенно оживленными были улицы, ведшія къ храму. Здѣсь происходилъ невообразимый гвалтъ и сутолока. Чѣмъ ближе ко храму, тѣмъ крики и шумъ усиливались все болѣе и болѣе и около самаго храма достигали высшаго своего напряженія. Мало того: торговое возбужденіе какъ бы переливалось черезъ порогъ самого храма, и послѣдній, особенно въ великій день праздника Пасхи, для каждаго благоговѣйнаго, вѣрующаго сердца представлялъ тяжелую, грустную картину. Во дворѣ и притворахъ храма въ теченіе всего праздника алчными барышниками производилась безцеремонная торговля. Тамъ стояли цѣлыя стада животныхъ, которыя раскупались богомольцами для жертвоприношеній. Тутъ же „были люди съ огромными плетенками, наполненными голубями, а подъ сѣнью аркадъ, образуемыхъ четыреугольными рядами коринѳскихъ колоннъ, сидѣли за столиками, покрытыми стопками разной мелкой монеты, мѣнялы, несмотря на всеобщее къ нимъ презрѣніе и брань за безчестную торговлю...

---

[1]) Дополнительныя примѣчанія къ подробному сравнительному обзору Четвероевангелія. В. Гречулевича. Спб. 1873 г., къ § 24 и 48, стр. 17. Цит. по Лебединскому.

При этомъ, мычанье воловъ, блеяніе овецъ, вавилонское смѣшеніе языковъ, выкрикиваніе и споры торгашей, звонъ монетъ и бренчаніе вѣсовъ, къ тому же, быть можетъ, и не всегда вѣрныхъ,—все это было слышно издалека и заглушало пѣніе левитовъ и молитвы священниковъ“ [1]).

При видѣ такого кощунства и явнаго пренебреженія къ святости мѣста, Христосъ Спаситель тотчасъ же *„сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ, и воловъ; и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, а столы ихъ опрокинулъ. И сказалъ продающимъ голубей: „возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли“. При семъ*

Торговля въ притворахъ Іерусалимскаго храма.

ученики Его вспомнили, что написано: ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня“ (Ев. Іоанна II. 15—17. Пс. LXVIII. 10).

Сколько священнаго огня и жизни въ этой картинѣ! Какъ сильно должна была она ударить по застывшимъ сердцамъ гордыхъ первосвященниковъ и книжниковъ! Какъ этотъ святой гнѣвъ Богочеловѣка долженъ былъ разбудить и взволновать спокойныя, застоявшіяся воды ихъ фарисейской праведности и самодовольства! Въ это грязное, житейское болото, съ его гніющими водорослями, которое жадные про-

[1]) Ibid.

мышленники внесли даже *„въ мѣсто свято“*, въ этотъ базаръ житейской суеты, гдѣ люди своими нечистыми ногами *„топтали дворы Господни“* (Ис. I. 12), и, забывъ все, своими площадными криками оскорбляли святыню подъ покровительствомъ самихъ блюстителей закона, — сюда Христосъ Спаситель пришелъ съ огненной ревностію Иліи! Тотъ, Который *„не гасилъ курящагося льна“*, Кто „не сокрушалъ даже надломленной трости“, Кто простилъ разбойника и блудницу, Кто удержалъ вооруженную руку Петра, и при этомъ разъ навсегда засвидѣтельствовалъ, что „взявшіе мечъ, мечомъ и погибнутъ“, Кто остановилъ горячее, но непродуманное намѣреніе учениковъ своихъ „свести огонь небесный“ на городъ, отказавшійся принять ихъ Учителя, этотъ Человѣколюбецъ является вдругъ среди покупателей и торжниковъ съ огнемъ божественнаго гнѣва въ очахъ и „съ бичомъ изъ веревокъ“ въ рукахъ! Явное нарушеніе святости мѣста требовало, такимъ образомъ, и явнаго, публичнаго осужденія! „Невѣдающему писанія“ народу, о которомъ книжники и фарисеи выражались всегда съ гордымъ презрѣніемъ, говоря: *„проклятъ онъ невѣжда въ законѣ“*, этому народу какъ можно нагляднѣе и яснѣе надо было показать, какъ великъ грѣхъ кощунства, допускаемый блюстителями закона, какъ недостойно человѣка къ служенію Святѣйшему Богу примѣшивать свои личныя страсти.

„Возьмите это отсюда, и домъ Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли“, сказалъ Христосъ Спаситель, и въ этихъ словахъ Его заключался глубокій урокъ...

Сдѣлать изъ храма, посвященнаго имени Божьему, торговую лавку, магазинъ,—это величайшее преступленіе. Но не меньшимъ грѣхомъ является и то, когда мы обращаемъ въ идольское капище, въ вертепъ страстей другой храмъ, „нерукотворный“,—т. е. тѣла и души наши, предназначенныя быть обителями Духа Св. Не мѣсто базару тамъ, гдѣ въ священной тишинѣ должна струиться къ Богу тихая, благоговѣйная молитва! Не достойно и человѣку давать пріютъ страстямъ въ своемъ сердцѣ, въ которомъ, какъ свѣча, должна горѣть всегда любовь Христова и блестѣть переливными огнями самоцвѣтные камни „духовной

нищеты", „кротости", „правды", „милосердія", „чистоты" и другихъ христіанскихъ добродѣтелей.

Осужденіе безпорядковъ, происходившихъ въ храмѣ, было выражено съ такой силой, что не только народъ, но даже священники и фарисеи, книжники и левиты, хотя и молча, однако, признали его справедливость. И только, „оправившись отъ охватившаго ихъ смѣшаннаго чувства одобренія, порицанія и изумленія, они подошли къ Іисусу и, не смѣя прямо осуждать того, что Онъ сдѣлалъ, лишь съ нѣкоторымъ негодованіемъ стали требовать у Него какого нибудь знаменія въ доказательство Своего права поступать такъ" [1]).

„Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: разрушьте храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его". Іудеи не поняли Его. Они подумали, что рѣчь идетъ объ этомъ величественномъ зданіи храма, который они оскорбляли своею небрежностью и кощунствомъ сейчасъ...

„Сей храмъ строился сорокъ шесть лѣтъ и Ты въ три дня воздвигнешь его",—возражали Ему іудеи, придавая Его словамъ грубый и ложный смыслъ. „А Онъ говорилъ о храмѣ тѣла Своего",—замѣчаетъ евангелистъ Іоаннъ и прибавляетъ, что только ужъ по воскресеніи ученики Его вполнѣ поняли эти слова. И неудивительно, потому что они заключали въ себѣ глубочайшій смыслъ. „Дотолѣ былъ только одинъ храмъ истиннаго Бога, разъясняетъ Фарраръ,— тотъ храмъ, который они видѣли передъ собой... Но теперь Духъ Божій обиталъ въ храмѣ нерукотворенномъ, въ священномъ тѣлѣ Сына Божія, ставшаго плотію... Съ великой Пятидесятницы, три года спустя, и отселѣ навѣки Духъ Божій сталъ предпочитать „всѣмъ храмамъ сердце правое и чистое". Всякій христіанинъ въ своемъ смертномъ тѣлѣ долженъ былъ стать храмомъ Духа Божія. Это — главнѣйшая истина и высочайшее преимущество Новаго Завѣта; это было существенною цѣлію всего служенія Христа, и чтобы яснѣе показать ее для насъ, „Онъ долженъ былъ опять удалиться". Понятно, для плотскаго ума, который ходитъ видѣніемъ, а не вѣрою, ничего не могло быть изумительнѣе, для фа-

[1]) Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара, стр. 107.

рисейскаго духа, прикованнаго къ чувственности, ничего оскорбительнѣе, какъ та высокая истина, что этотъ священный храмъ въ Іерусалимѣ отселѣ не будетъ больше пользоваться особеннымъ преимуществомъ мѣста, куда люди должны стекаться на поклоненіе Небесному Отцу, и что въ дѣйствительности онъ уже пересталъ быть истиннымъ храмомъ...

Но въ этихъ словахъ заключался еще и другой смыслъ, правда, столь же непріятный для ихъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе глубоконазидательный и болѣе доступный ихъ разумѣнію. Храмъ былъ самымъ сердцемъ всего Моисеева закона, главнымъ средоточіемъ всей левитской обрядности. Оскверняя этотъ храмъ и терпя въ немъ кощунство,—не разрушали-ли они тѣмъ самымъ, такъ сказать, этого храма, не отмѣняли-ли они этого закона, свидѣтельствуя самыми дѣйствіями своими, что для нихъ уже исчезло ихъ дѣйствительное значеніе? „Кончайте же“, какъ бы такъ говорилъ Спаситетель въ духѣ пророчества, „кончайте безъ отлагательства это ваше дѣло разрушенія: въ три дня Я, какъ воскресшій Искупитель, воздвигну нѣчто лучшее и большее, не вещественный храмъ, а Церковь живу“. Таковъ повидимому смыслъ, который св. Стефанъ видѣлъ въ этихъ словахъ. Такой смыслъ во многихъ мѣстахъ раскрывается въ посланіяхъ ап. Павла. Но къ этому и всякому другому значенію они были глухи, тупы и слѣпы. Они отошли молча, мрачные и недовольные, подозрѣвая истинное рѣшеніе, но равнодушные къ нему, не зная вполнѣ истиннаго смысла, но слишкомъ надменные и слишкомъ злобные, чтобы попросить разъясненія“.

Такъ всегда злоба и гордость, точно туманомъ или стѣной, застилаютъ отъ насъ свѣтъ Божьей правды и истины!!!...

VII.

Никодимъ.

Та самая личность Богочеловѣка, и Его ученіе, такъ непохожее на сухія, безжизненныя проповѣди книжниковъ и фарисеевъ,—главнымъ-же образомъ чудесныя дѣла Христовы пробуждали къ Нему всеобщее вниманіе и интересъ.

„Назаретскій Плотникъ“, „Сынъ Маріи и Іосифа“,—какимъ знали Его многіе доселѣ,—по своемъ выступленіи на общественное служеніе „явилъ Себя міру“ уже съ другой стороны: всѣ увидали въ Немъ не только великаго Учителя, но и Чудотворца, „сильнаго словомъ и дѣломъ, предъ Богомъ и всѣми людьми“.

Общественное мнѣніе, всегда очень чуткое на Востокѣ къ провозвѣстникамъ новыхъ религіозныхъ ученій, было взволновано и рѣзко раздѣлилось. Тогда какъ фарисеи и книжники и почти вся высокопоставленная, чиновная часть іерусалимскаго общества отнеслась съ ненавистью и презрѣніемъ къ Проповѣднику изъ Назарета,—простой народъ, тѣ, чьи сердца не были еще отравлены ядомъ гордости и самомнѣнія, *„видя чудеса, которыя творилъ Христосъ, увѣровали во имя Его“*.

„Я со своей стороны не могу вполнѣ понять,—замѣчаетъ по этому поводу одинъ богословскій писатель (Шустеръ), — какъ могло какое нибудь существо, видѣвшее и слышавшее дѣла и слова Христовы, не пасть въ благоговѣніи ницъ предъ Нимъ, не поклониться Его божественному достоинству, Его величію и кротости! Откуда люди брали силу не вѣровать и противостоять Христу? Онъ со всѣмъ обаяніемъ Своей Божественной Личности стоялъ открыто предъ народомъ. Эти люди видѣли Его, они слышали Его голосъ, слова; они могли прикасаться къ Нему, вступать съ Нимъ въ бесѣду, просить себѣ разъясненій и наставленія.. И все-таки они не увѣровали въ Него".

Но если мы „дивимся невѣрствію" современниковъ Христа Спасителя, то почему мы не изумляемся, не ужасаемся невѣрію современнаго намъ общества! Тогда, на небосклонѣ человѣческой исторіи только еще занималась заря наступающаго христіанскаго утра, — хотя занималась она дѣйствительно яркой, пылающей полосой! Тогда въ основаніе Церкви Христовой полагался только первый, хотя и „краеугольный камень" и она не успѣла еще вырасти въ то величественное, богато украшенное, архитектурное зданіе, какимъ мы видимъ ее сейчасъ! Тогда въ почву исторіи было брошено только „горчичное зерно", и люди еще не видѣли могучаго дерева Церкви, они не слышали тихаго, молитвеннаго шелеста его вѣтвей и листьевъ, не наслаждались созерцаніемъ сочныхъ и зрѣлыхъ плодовъ, украсившихъ собою впослѣдствіи это всемірно-историческое, церковное древо...

Безоружный, хотя и Чудотворецъ, великій, но совершенно безвластный, Христосъ Спаситель не поражалъ Своимъ внѣшнимъ величіемъ. Для тѣхъ, кто привыкъ считать великимъ лишь могущественное и сильное, Онъ „не имѣлъ ни вида, ни доброты"...

„Это-ль Царь нашъ, слабый, блѣдный,
Рыбаками окруженъ
И одѣянъ въ ризѣ бѣдной"...

Такъ могло говорить сомнѣніе при взглядѣ на Истину, „умаленную паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ"...

Но теперь эта Истина украсилась не только терновымъ вѣнцомъ Мученика, но и драгоцѣнной короной „Царя царствующихъ“, въ которой, точно камни самоцвѣтные, сіяютъ великіе подвижники вѣры и благочестія...

Но какъ часто и теперь многіе, подобно древнимъ іудеямъ, не хотятъ склонять гордой головы предъ божественнымъ величіемъ Спасителя, хотя въ то же время, рабски сгибаютъ свои колѣна предъ жалкими кумирами всевозможныхъ видовъ, поблажающими нашей чувственности...

Однако и тогда не вся чиновная знать отреклась отъ Христа. Былъ Никодимъ—одинъ изъ важныхъ членовъ Синедріона. Гордость не затуманила ему глазъ. Онъ понялъ, что предъ нимъ не заурядный человѣкъ, а Божій посланникъ, принесшій съ неба на землю „глаголы живота вѣчнаго“. И вотъ онъ *„пришелъ къ Іисусу ночью, и сказалъ Ему: Равви! мы знаемъ, что Ты — Учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ“*.

Такимъ образомъ, въ душѣ Никодима зародилась вѣра во Христа. Но эта вѣра не была еще пылающей и твердой. Она не охватила всего существа Никодима и немногимъ отличалась отъ любознательности и любопытства. Его пока еще приводитъ въ смущеніе самая мысль: какъ это онъ, начальникъ іудейскій, фарисей, членъ синедріона и вдругъ идетъ за разъясненіемъ своихъ тяжелыхъ сомнѣній къ неучившемуся нигдѣ Іисусу?

Чувствуя божественную правду словъ Спасителя, Никодимъ однако боится открыто стать на Его сторону. Онъ опасается нареканій, которыя могли градомъ посыпаться на него отъ враговъ Христа. И вотъ онъ дожидается наступленія ночи. Подъ прикрытіемъ ея мрака, боязливо, крадучись, какъ воръ, спѣшитъ важный князь іудейскій къ Спасителю. Онъ привѣтствуетъ Его почетнымъ названіемъ учителя: *„равви“*, но въ его сердцѣ нѣтъ той простой, искренней вѣры, которая смиренно вопіетъ: *„вѣрую Господи, помози моему невѣрію“* (Мрк. IX. 24).

Фарисей и книжникъ, привыкшій болѣе разсуждать, чѣмъ чувствовать, онъ и здѣсь боится всецѣло отдаться непосредственному впеча-

тлѣнію. Онъ начинаетъ холодно разсуждать о Христѣ, примѣняя къ Нему обыкновенныя соображенія разума и выводы закона.

Но своимъ отвѣтомъ Христосъ Спаситель сразу же ставитъ его на почву новозавѣтнаго сознанія *„Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія“*.

Если въ словахъ Никодима послышался хотя и отдаленный отзвукъ излюбленной фарисейской мечты объ основаніи для потомковъ Авраама земного, славнаго царства, то Христосъ съ рѣшительностью и до основанія разбиваетъ это предубѣжденіе. Для того, чтобы наслѣдовать царство Божіе, говоритъ Онъ, не достаточно только родиться отъ Авраама, а нужно родиться и „свыше“. Человѣкъ долженъ обновиться во всемъ своемъ существѣ перестроить рядъ своихъ понятій и отношеній къ жизни, „создать въ себѣ новое сердце“, наполнить его совершенно другими чувствами, чѣмъ какими живетъ сознаніе фарисея. Если душа послѣдняго услаждается гордостью и самодовольствомъ, то въ сердцѣ истиннаго ученика Христова должна жить самоотверженная любовь и смиреніе. Всѣмъ своимъ существомъ христіанинъ долженъ отдаться Спасителю, тяготѣть къ Нему умомъ и сердцемъ подобно тому, какъ каждая былинка тяготѣетъ, тянется къ солнцу, этому общему источнику для всѣхъ тепла и свѣта. Иначе—онъ не ученикъ Христовъ. „Вопросъ не въ томъ, справедливо замѣчаетъ по этому поводу одинъ богословскій писатель, что дѣлать или чего не дѣлать, а въ томъ, *чѣмъ быть*“. Чрезъ благодатное возрожденіе вступающій въ царство Божіе долженъ сдѣлаться во всѣхъ отношеніяхъ *„новою тварію“* (2 Кор. V. 17; Гал. VI. 15).

Но для законника Никодима, хотя и болѣе чуткаго „къ правдѣ словъ живыхъ“, чѣмъ всѣ вообще фарисеи, ученіе Христа Спасителя о духовномъ рожденіи оказалось непосильнымъ. Онъ никакъ не могъ возвыситься до мысли о своемъ нравственномъ несовершенствѣ и неподготовленности къ вступленію въ царство Мессіи. Необходимость новаго рожденія смущаетъ законника.

„Какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? въ недоумѣніи воз-

ражаетъ онъ Спасителю. *Неужели можетъ онъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться?* Да и при томъ, зачѣмъ новое рожденіе тому, кто уже получилъ счастіе быть потомкомъ Авраама?

„Язычникъ, думалъ Никодимъ, могъ нуждаться въ новомъ рожденіи, когда его допускали къ общенію съ іудеями; а онъ сынъ Авраама, раввинъ, ревностный блюститель закона, могъ-ли онъ нуждаться въ этомъ новомъ рожденіи? Какъ это можетъ быть“ [1]).

„Ты учитель Израилевъ и этого-ли не знаешь?“ съ грустнымъ упрекомъ говоритъ ему Іисусъ...

Ты — третій членъ въ синедріонѣ и не знаешь, какое царство пришелъ основать Мессія? Развѣ не говорили объ этомъ законъ и пророки? Но, очевидно, они не достигли въ тебѣ своей цѣли. Они не пробудили въ твоей душѣ покаянія; иначе ты самъ живо чувствовалъ бы, ясно сознавалъ бы нужду полнаго нравственнаго обновленія себя и возрожденія. „Если твое знаніе такое плотское, такое ограниченное, если ты спотыкаешься на порогѣ, какъ можешь ты понять тѣ глубочайшія истины, которыя можетъ открывать только пришедшій съ неба?“

„Христосъ сказалъ это, замѣчаетъ одинъ церковный историкъ, съ нѣкоторой грустью и укоризной, но затѣмъ продолжалъ открывать этому „учителю израилеву“ еще болѣе великія и необычайныя вещи [2]). Онъ говоритъ о спасеніи человѣка черезъ страданія и смерть Сына человѣческаго; о любви Божіей, ради которой *„Богъ послалъ Сына Своего въ міръ; Онъ не судить послалъ Его, но чтобы міръ былъ спасенъ чрезъ Него. Вѣрующій въ Него не судится, а невѣрующій уже осужденъ: онъ осудилъ себя самъ“*.

Теперь настало время спасенія. Однако не всѣ откликаются на призывный спасающій голосъ. *„Свѣтъ пришелъ въ міръ. Но люди полюбили болѣе тьму, нежели свѣтъ“*, — говоритъ Христосъ Спаситель; *„потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій дѣлающій худыя дѣла ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому*

[1]) Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара, въ переводѣ Лопухина, стр. 114.
[2]) П. С. Лебединскій. 267—268 Ф. В. Фарраръ. „Жизнь Іисуса Христа“.

что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ сдѣланы".

Какая божественная правда выражена здѣсь, въ этихъ священныхъ словахъ! Грѣшникъ, дѣйствительно, точно ночная птица, боится свѣта и тщательно скрываетъ отъ него свои дѣла тьмы, дабы они не объявились при свѣтѣ. Но тотъ, кто самъ ищетъ этого озаренія свыше,— тотъ получаетъ его. Въ человѣкѣ происходитъ тогда таинственная перемѣна. Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ. Сердца, которыхъ онъ коснулся, возрождаются, и что было плотью, теперь становится духомъ. И возрожденный человѣкъ весь трепещетъ тогда отъ полноты своей преданности къ Богу. Его проникновенный взоръ всюду ищетъ своего Творца, а съ души польется къ небу восторженный гимнъ любви и тихо струится ѳиміамъ молитвы...

„Кто духомъ живъ, въ комъ вѣра не мертва,
Кто сознаетъ всю животворность слова,
Тотъ всюду зритъ наитье Божества,
И слышитъ то, что говоритъ Іегова;
И, разогнавъ кудесничества чадъ,
Въ природѣ онъ усмотритъ святость чуда;
И не распнетъ онъ Слова, какъ Пилатъ,
И не предастъ онъ Слова, какъ Іуда".

Такой то спасительный поворотъ въ душѣ бывшаго законника, повидимому, и началъ совершаться послѣ того, какъ ему были открыты Господомъ тайны царствія Божія. Это были истины, „которыя разрушали всѣ прежнія убѣжденія Никодима, ниспровергали всѣ ближайшія надежды этого престарѣлаго совопросника. Чтобы постигнуть новыя истины, ему нужно было забыть все, чѣмъ онъ дотолѣ жилъ въ своей духовной жизни и что усвоилъ съ дѣтства" [1]).

И мы, дѣйствительно, видимъ, какъ Никодимъ, подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ бесѣды Спасителя постепенно перерождается и изъ робкаго ночного совопросника, съ язвой сомнѣнія въ душѣ, превращается въ самоотверженнаго и преданнаго ученика Христова.

[1]) Ф. В. Фарраръ. 114.

Въ таинственной тиши палестинской ночи торжественно прозвучали слова Христа Спасителя, обращенныя Имъ къ Никодиму: *„истинно,*

Іисусъ Христосъ ночью бесѣдуетъ съ Никодимомъ.

истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе“...

О, если бы эти слова раздавались несмолкаемой мелодіей въ нашей душѣ и всегда пробуждали въ ней самый горячій, самый искренній порывъ къ благодатному возрожденію, къ новой небесной жизни...

„Благодатное возрожденіе отъ Св. Духа есть необходимое условіе для вступленія въ царствіе Божіе и въ основанную Господомъ на землѣ Церковь, для исполненія заповѣдей Христовыхъ и для познанія тайнъ Его ученія [1]). Если мы рѣшимся идти по стопамъ Христа, отвергши силу возрожденія Св. Духомъ, то скоро увидимъ всю тщету нашихъ стремленій. Если мы будемъ стараться исполнять Его заповѣди, полагаясь только на свои силы, на своего природнаго, невозрожденнаго, человѣка, то на первыхъ же порахъ бремя окажется для насъ непосильнымъ, и мы съ отчаяніемъ падемъ, подавленные его тяжестью. Законъ Христовъ для естественнаго человѣка непосиленъ, онъ гораздо тяжелѣе закона Моисеева, ибо утончаетъ и усиливаетъ его требованія; осуществить его въ жизни нашими слабыми и склонными ко грѣху силами безусловно невозможно. Законъ Христовъ разсчитанъ исключительно на человѣка облагодатственнаго; единственно только при помощи силы Св. Духа, чрезъ обновленіе нашего ветхаго естества новой стихіей благодатной жизни, онъ становится удобоисполнимымъ, и его заповѣди являются только формою обнаруженія и развитія этой небесной стихіи, а тайны Его ученія тайнами нами же переживаемой нашей внутренней духовной жизни.

Въ настоящее время христіанскія общества, повидимому, преклоняются предъ нравственными требованіями Христова ученія. И однако, что свидѣтельствуетъ намъ дѣйствительная жизнь? Не чувствуютъ ли себя всѣ болѣе и болѣе безсильными исполнить эти требованія въ ихъ внутренней высотѣ и чистотѣ, въ ихъ настоящемъ, подлинно христіанскомъ и потому единственно истинномъ и спасительномъ значеніи? Не становятся ли люди все болѣе и болѣе рабами внѣшнихъ условій жизни, непрерывно усложняющихся ея формъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и соединенной

---

[1]) „Надъ Евангеліемъ". Е. М., Полтава, 1896 г., стр. 5—11.

съ ними жестокой борьбы за существованіе, за вліяніе, за власть, борьбы страстей и самолюбій, борьбы всего мелочнаго и узко-злобнаго? несомнѣнно, это раздвоеніе нравственныхъ идеаловъ и хода дѣйствительной жизни представляетъ изъ себя нѣчто по истинѣ трагическое, полное великихъ мукъ и всякихъ печальныхъ злоключеній. И причина всего этого заключается въ томъ, что благодатная сила возрожденія Святымъ Духомъ перестала служить для сознанія и свободы современнаго человѣка источникомъ его будничной, частной и общественной жизни и дѣятельности; всѣ думаютъ быть христіанами при помощи только своихъ естественныхъ силъ и соображеній. Понятно, изъ этого никогда и ничего не можетъ выйти надежно-добраго, и предъ нашими глазами неизбѣжныя послѣдствія такого ложнаго пути: все распространяющееся недовольство жизнію и все усиливающіяся ея страданія...

И какъ больно смотрѣть на эти страданія людей, какъ горько и тяжело сознавать, что ничто извнѣ не можетъ помочь имъ. Все, что ни сдѣлаешь, только одна капля воды, попавшая въ море огня. Страданія проникаютъ въ самую глубь жизни, въ ея ежедневныя мелочи; какъ тяжелый, горькій осадокъ, они съѣдаютъ самое вмѣстилище жизни, самое дно человѣческаго сердца. Человѣкъ ходитъ, говоритъ, смѣется, заботится о себѣ и другихъ,—а посмотрите, что онъ внутри: весь изъѣденъ скорбью жизни, какъ ѣдкой ржавчиной, весь надломленъ и опустошенъ ея безцѣльностью и ненужностью, какъ невидимой молью и тлей. Всѣ кругомъ насъ и мы сами только повапленные гробы.

И такъ было, есть и будетъ всегда, вездѣ и всюду. Жалко видѣть, какъ люди, точно маленькія неразумныя дѣти, стараются залѣчить зло своей жизни самоизмышленными лѣкарствами и мѣрами. Неужели до сихъ поръ всѣмъ намъ не ясно, что зло міра заключается въ самомъ корнѣ нашей жизни, что оно неизлѣчимо никакими частными земными, человѣческими усиліями, что вся культура, вся цивилизація—только цвѣтъ того же корня, и цвѣтъ ядовитый, хотя и обольстительно красивый, хотя постоянно и утончающійся въ своемъ ароматѣ? Римляне были умнѣе и вдумчивѣе насъ: предъ пришествіемъ Христа они ясно

сознали, что со зломъ жизни ничего нельзя подѣлать тѣми средствами, какими располагаетъ человѣкъ. Зло такъ радикально, что можетъ быть излѣчено только радикальнымъ же средствомъ, т. е. долженъ быть обновленъ самый корень жизни, должна быть создана новая жизненная стихія, положено новое сѣмя ея развитія. Если этого нѣтъ, потому что это не въ силахъ человѣка, если этого не можетъ быть, потому что нельзя представить себѣ, какъ это возможно, — то нѣтъ и не можетъ быть избавленія отъ зла жизни; человѣкъ и міръ должны погибнуть, должны сгорѣть въ огнѣ страданій; все должно исчезнуть въ пучинѣ ничтожества, безпредѣльно нелѣпаго и чудовищно жестокаго...

И Римляне сознательно погружали себя въ это ничтожество, насильственно прерывая нить своей жизни.

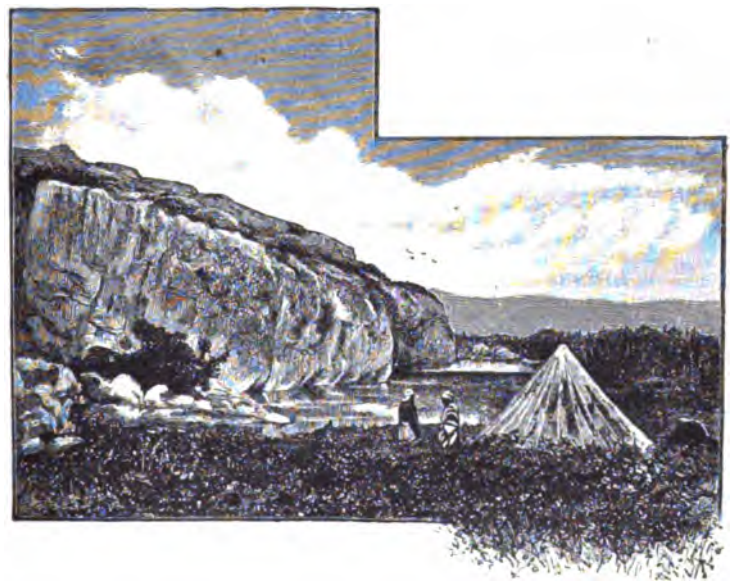
Но что человѣкъ не могъ себѣ и представить, то на самомъ дѣлѣ совершилъ Сынъ Божій, нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ затѣмъ и пришелъ, чтобъ чрезъ ниспосланіе Св. Духа дать людямъ новую жизнь, обновить самый корень ея, положить въ нихъ новое сѣмя къ ея дальнѣйшему развитію. Въ этомъ Онъ полагалъ и существенную задачу Своей божественной миссіи на землѣ.

Прошло около 2000 лѣтъ съ тѣхъ поръ; въ десяткахъ поколѣній предковъ мы именуемъ себя христіанами,—и однако всмотритесь внутрь и кругомъ себя: какъ мы невоспріимчивы, какъ мы тупы къ усвоенію божественной идеи и силы возрожденія и обновленія! Какъ мы легкомысленны, а иногда и преднамѣренно не хотимъ видѣть, что только въ этомъ одномъ и есть выходъ для насъ и для всего міра изъ бездны страданій и конечной гибели! Какъ мы все еще надѣемся на свои силы и суетимся попустому, всячески стараясь или скрыть или залѣчить извнѣ ту язву, которая растетъ внутри, подъѣдаетъ самый корень нашей жизни, дѣлаетъ насъ совсѣмъ безсильными въ устроеніи ея радости и ея спасенія! Какъ удивиться сему, какъ оплакать, какъ вразумить наше безумное легкомысліе! Мы такъ измельчали въ суетѣ и сложности внѣшней, поверхностной, показной жизни, что самая мысль о коренномъ всецѣломъ нашемъ возрожденіи кажется намъ чѣмъ-то невозмож-

нымъ. У насъ голова кружится при попыткѣ заглянуть въ глубину души и увѣровать въ новую жизнь, положенную въ ней Св. Духомъ во Христѣ; у насъ не хватаетъ нравственнаго мужества и рѣшимости оторваться на время отъ захватывающаго насъ житейскаго шума и спуститься туда, въ эту покойную тишь, гдѣ бьетъ самый родникъ жизни, гдѣ совершается самое творчество ея, гдѣ человѣкъ въ безмолвіи остается одинъ, самъ съ собою и съ невидимымъ Богомъ. А между тѣмъ всѣ христіанскія мысли, чувства, дѣла и поступки должно возникать и расти единственно изъ того новаго сѣмени, которое положено на днѣ этого родника неизмѣнныхъ силъ нашей души, изъ того животворнаго вѣянія Св. Духа, которое дышитъ по мановенію Божію въ этой таинственной области...

Неужели же мы и дальше будемъ все также глухи къ призыву нашего Господа возродиться и обновиться. Все также будемъ считать самую идею обновленія и возрожденія неподходящей къ непрерывно и быстро текущему нашему времени, которое чѣмъ дальше, тѣмъ больше и глубже захватываетъ насъ вихремъ своей суеты? Неужели мы все будемъ только ахать и охать, изнемогая отъ безцѣльной сутолоки жизни, отъ своихъ страданій и немощей, отъ своего утомленія и безсилія и отвергать въ то же время свое единственное, дарованное намъ Богомъ лѣкарство?! О, не дай, Господи, чтобы такъ было! Покаемся въ своемъ прошломъ, покаемся въ своемъ легкомыслiи, въ своей самонадѣянной гордости, въ своихъ страстяхъ и грѣхахъ, рѣшимъ съ Божьей помощью начать новую жизнь! Устремимъ все свое вниманіе, всю свободу своего сердца и ума на дарованную намъ благодать возрожденія! Будемъ непрестанно молить Бога, чтобы Онъ прорастилъ въ насъ Имъ же положенное сѣмя новой духовной жизни! Будемъ холить и питать это сѣмя добрыми расположеніями сердца, хорошими мыслями и дѣлами на благо нашей душѣ и на благо нашимъ ближнимъ. Будемъ непрестанно помнить своимъ сердцемъ и умомъ, что мы — новая тварь о Христѣ, и, сообразно съ этимъ, во всемъ и внутри и внѣ себя поступать по волѣ Божіей, по обновленному человѣку, по силѣ всегда призываемой и всегда

помогающей намъ благодати Св. Духа! Отвергнемъ старое и ветхое, вступимъ съ нимъ въ безпощадную борьбу и начнемъ растить въ себѣ и кругомъ себя новое Христово. А, главное, перестанемъ надѣяться только на себя, а возложимъ все упованіе на силу Божію, дѣйствующую въ насъ, на благодать Св. Духа, возрождающую насъ и постоянно дающую намъ источникъ новыхъ силъ на творчество добра въ себѣ и другихъ! Отбросимъ свое самомнѣніе и самочиніе и покоримся всецѣло Божественному водительству... И тогда спасеніе будетъ близъ насъ; тогда мы поймемъ, что такое жизнь въ Церкви; тогда жизнь для насъ будетъ легкой и отрадной; тогда всѣ заповѣди и уставы ея, весь законъ Христовъ будутъ лишь желаннымъ и радостнымъ путемъ къ Царству Божію, къ наслѣдію вѣчной блаженной жизни, тогда мы найдемъ силы совершить все предназначенное намъ во славу Христа; тогда радость жизни обниметъ и захватитъ насъ, какъ облакомъ небеснымъ на срѣтеніе нашему Господу...



Колодезь Іакова.

VIII.

Бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою.

„Богъ есть духъ“ (Іоан. IV. 24).

Стояла теплая, южная зима... Время подходило къ концу декабря. Было близко къ полудню... Палестинское солнце ярко сіяло... Щедро лились лучи его на землю съ чистаго, безоблачнаго небосклона...

Вдали виднѣлся Сихемъ. Это былъ цвѣтущій городокъ Самаріи... На фонѣ распустившейся зелени онъ красиво выдѣлялся своими бѣлыми зданіями... По направленію къ нему, этому древнему городу и шествовалъ сейчасъ Христосъ Спаситель со своими учениками...

Утомленный длиннымъ переходомъ по гористымъ палестинскимъ тропинкамъ Христосъ Спаситель свернулъ въ сторону отъ дороги и сѣлъ отдохнуть здѣсь, у колодца. Это *„былъ колодезь Іаковлевъ“*. Онъ лежалъ въ $1^1/_2$ миляхъ отъ города, куда ученики отправились закупить себѣ хлѣба...

Уже одна эта безмолвная картина много говоритъ вѣрующему сердцу. *„Сынъ Божій“*, Творецъ необъятныхъ міровъ, шествуетъ какъ

простой, самый обыкновенный путникъ. Онъ, пришедшій спасти людей отъ всѣхъ бѣдствій грѣха, Самъ сначала добровольно отдаетъ Себя всевозможнымъ тягостямъ жизни, Самъ на Своемъ тѣлѣ несетъ наши язвы... Но вотъ вскорѣ приходитъ сюда самарянская женщина. И надо думать,—одинъ видъ Божественнаго Путника, съ явными слѣдами утомленія на лицѣ, но съ спокойнымъ взоромъ въ очахъ, прежде всего долженъ былъ расположить къ Себѣ ея сердце. А когда она услыхала кроткій голосъ Христа, Его смиренную просьбу, *„дай Мнѣ пить“*,—то въ ней заговорило смѣшанное чувство радости и удивленія. Бѣдная женщина никакъ не ожидала, что этотъ Іудей, такъ ласково и привѣтливо взглянувшій на нее, удостоитъ ее и разговора, вступитъ въ бесѣду съ „презрѣнной“ самарянкой и даже обратится къ ней съ просьбой. Это такъ было непохоже на обычное поведеніе іудеевъ, проникнутыхъ всегда гордымъ презрѣніемъ и ненавистью ко всѣмъ вообще жителямъ Самаріи.

Вопросъ, которымъ отвѣтила самарянка на просьбу Спасителя, со всей своей непосредственностью обнаруживаетъ предъ нами глубину ея удивленія.—*„Какъ Ты, будучи іудей, просишь пить у меня, самарянки?“*—восклицаетъ изумленная женщина... Ее удивляетъ пока небывалое, невиданное ею отношеніе этого Іудея къ самарянкѣ... Вмѣсто напыщеннаго чванства она встрѣчаетъ вдругъ святую простоту, вмѣсто гордости кротость, вмѣсто ненависти—любовь!!.. Если отъ кого, то всего менѣе отъ іудея могла ожидать она такого обращенія.

Но изумленіе бѣдной самарянки достигаетъ высшаго своего предѣла, когда Господь начинаетъ открывать ей Себя.

— *„Если бы ты знала даръ Божій*,—замѣчаетъ Онъ ей,—*и Кто говоритъ тебѣ: дай Мнѣ пить, то ты сама просила бы у Него, и Онъ далъ бы тебѣ воду живую“*.

Сколько неизвѣданнаго, новаго должна была пережить простодушная женщина въ эти краткія минуты! Она еще не знала, Кто сидитъ передъ нею,—но ея довѣрчивое сердце уже охвачено было волной загадочныхъ предчувствій... Однако умъ самарянки былъ черезчуръ

еще ветхозавѣтный, отягченный грубыми, чувственными представленіями. Онъ не способенъ былъ подняться на высоту духовнаго пониманія той

„Какъ Ты, будучи іудей, просишь пить у меня, самарянки?“

„живой воды“, которую предлагалъ ей Спаситель... Рѣчь Его вызываетъ у нея только недоумѣніе.

„Господинъ!—говоритъ она... *Тебѣ и почерпнуть не чѣмъ, а колодезь глубокъ: откуда же у тебя вода живая?“*

Спаситель еще яснѣе даетъ ей понять, что Онъ говоритъ не объ этой водѣ чувственной, а о водѣ духовной.

— *„Всякій, пьющій воду сію, возжаждетъ опять*, — разъясняетъ ей Спаситель, *а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во-вѣкъ; но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“*. Однако самарянка и теперь не можетъ еще понять рѣчь Спасителя о водѣ духовной: *„Господинъ!“* восклицаетъ она,—*„дай мнѣ этой воды, чтобы мнѣ не имѣть жажды и не приходить сюда черпать“*... Отсюда, конечно, очень ясно было Великому Учителю, что эти духовныя разсужденія о водѣ духовной совершенно недоступны для непосредственнаго ума жены-самарянки. Но въ то же время ея готовность получить отъ Него воду живую ясно показывала, что ея сердце открыто къ воспріятію вѣры въ Него. И вотъ Онъ вступаетъ на болѣе доступный самарянки путь непосредственнаго опыта. Воспользовавшись ея просьбой о водѣ, Онъ говоритъ:—*„Пойди, позови мужа твоего и приди сюда“*.

Не понимая еще, къ чему клонится рѣчь Спасителя, самарянка отвѣчаетъ: *„у меня нѣтъ мужа“*.

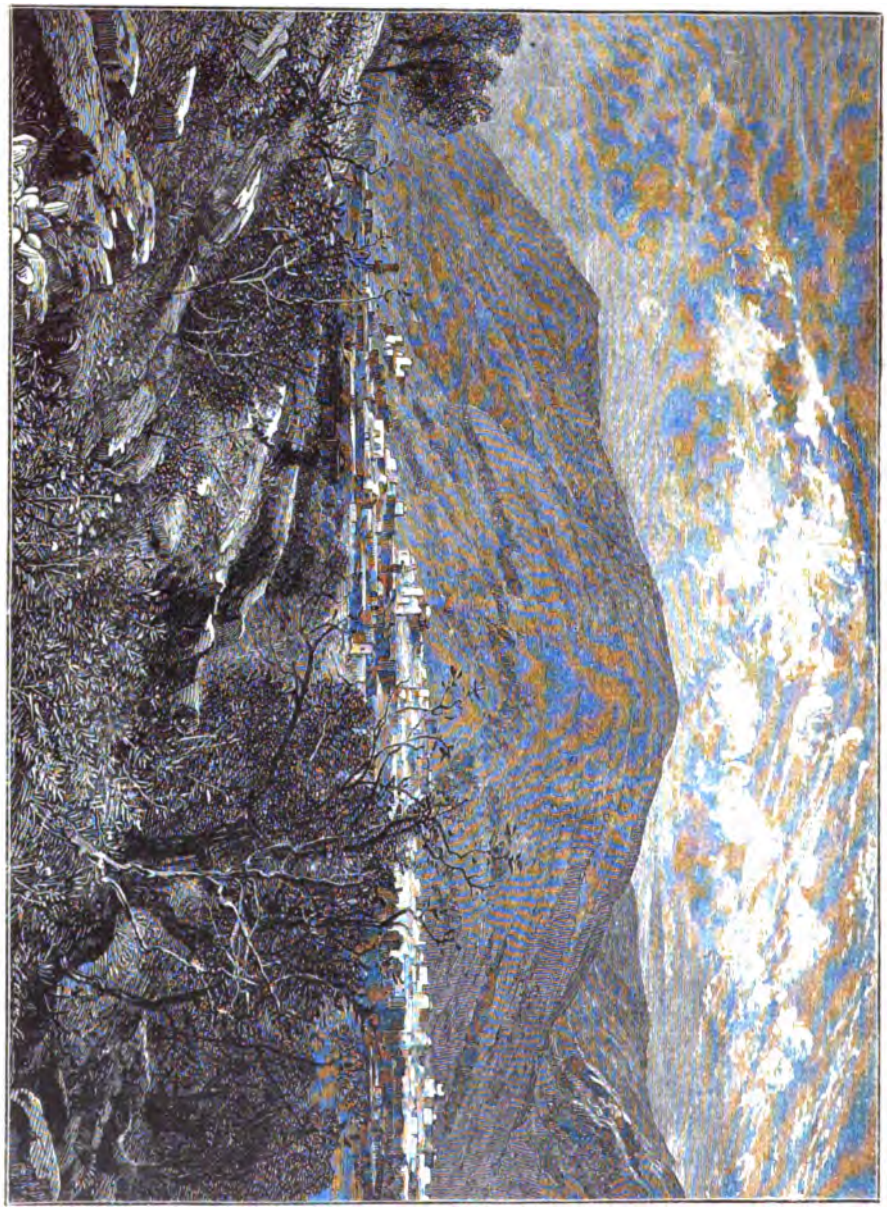
„Правду ты сказала, что у тебя нѣтъ мужа, — кротко замѣтилъ Спаситель; *ибо у тебя было пять мужей, и тотъ, котораго нынѣ имѣешь, не мужъ тебѣ; это справедливо ты сказала“*...

Представимъ мы себя на мѣстѣ самарянки...

Въ нашей жизни есть тайны, которыя какъ будто схоронены далеко не только отъ взоровъ совершенно чужихъ и стороннихъ, но даже и отъ взоровъ людей близкихъ,—и вотъ—совершенно невѣдомый намъ человѣкъ съ поразительной ясностью открываетъ предъ нами эти тайны. Не признаемъ ли мы въ немъ невольно прозорливца? Самарянка, испытавшая это на себѣ, сразу поняла, что предъ ней необыкновенный смертный, а Божественный Посланникъ: *„Господи!* говоритъ она, *вижу, что Ты пророкъ“*.

Это неожиданное открытіе сію же минуту и направляетъ ея мысль

на тотъ жгучій вопросъ, который тяготилъ и ея религіозную совѣсть на ряду съ другими.



Гора Гаризимъ.

— „*Отцы наши,* — говоритъ она, — *покланялись на этой горѣ; а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно покланяться, находится въ Іерусалимѣ*“;

скажи же мнѣ, какъ бы такъ спрашиваетъ она, кто изъ насъ правъ? Гдѣ нужно кланяться?

Но какъ прежде Спаситель вмѣсто воды чувственной предлагалъ ей воду духовную, такъ и теперь вмѣсто ея привязанности въ поклоненіи Богу на извѣстномъ мѣстѣ, Онъ указываетъ ей на поклоненіе въ духѣ и истинѣ; *повѣрь Мнѣ*, — говоритъ ей Іисусъ, — *что наступаетъ время... когда истинные поклонники будутъ покланяться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ; Богъ есть духъ, и покланяющіеся Ему должны покланяться въ духѣ и истинѣ*". Намекъ Спасителя, что скоро наступятъ времена, когда откроется настоящая завѣса невѣдѣнія и получится разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, самарянка, съ свойственной ей религіозной увѣренностью, сразу поняла въ смыслѣ имѣющаго быть пришествія Мессіи: *знаю*,—говоритъ она,—*что придетъ Мессія, то есть, Христосъ; когда Онъ придетъ, то возвѣститъ намъ все*". И вотъ, въ то время, какъ она съ такой безграничной вѣрой и надеждой устремляла свои взоры въ будущія времена пришествія Мессіи, вдругъ она слышитъ, что тотъ, кто говоритъ съ ней, и есть именно Мессія. — „Это Я, Который говорю съ тобой", — отвѣчаетъ Іисусъ Христосъ на эти ожиданія самарянки...

И эти высокія, полныя таинственнаго смысла рѣчи Незнакомца, и это благотворное дѣйствіе ихъ на душу, и это знаніе сокровенныхъ тайнъ,—все это теперь стало понятно самарянкѣ, и... теплое пламя вѣры загорѣлось въ ея искреннемъ сердцѣ. Она болѣе не медлитъ. Не высказываетъ Незнакомцу своихъ недоумѣній... Пламя вѣры охватило ея душу со всей непонятной ей силой и, увлекаемая новымъ чувствомъ, оставивъ водоносъ у колодца, она спѣшитъ въ городъ и какъ бы хочетъ призвать другихъ въ свидѣтели своей вѣры [1])...

То, что было открыто Христомъ Спасителемъ въ бесѣдѣ съ самарянкой и что оказалось сначала выше ея пониманія, — это теперь вполнѣ доступно и понятно каждому изъ насъ. Что „*Богъ есть духъ*",—

[1]) Воскресное Чтеніе, 1880 г., № 18, стр. 182—184.

въ этомъ не сомнѣвается никто. „Мало того,—мы не только эту истину понимаемъ, но и такъ привыкли къ ней, такъ сжились съ нею, что она не останавливаетъ уже нашего вниманія: мы считаемъ ее вполнѣ достовѣрной и ясной. Для насъ очевидно, что Богъ можетъ быть только существомъ духовнымъ, что Его нельзя представить себѣ, какъ представляли и представляютъ доселѣ язычники, какой либо матеріальной силой или какимъ нибудь явленіемъ природы: грозой, солнцемъ, луной или въ видѣ того или другого животнаго и т. п. [1]).

При всемъ современномъ удивленіи къ силѣ электричества, никому не придетъ въ голову обожествлять эту силу, признавать ее богомъ, приносить ей жертвы и пр. Для насъ представляется совершенно яснымъ, что Богъ не можетъ быть ничѣмъ матеріальнымъ или природнымъ; Онъ несравненно выше всего этого; Онъ духовенъ.

Но имѣетъ ли эта очевидная истина какое либо непосредственное и жизненное для насъ значеніе? Этого не видно. Нравственнаго смысла мы изъ нея не извлекаемъ; своимъ сердцемъ мы на ней не останавливаемся; нашу дѣятельность она не освѣщаетъ и ею не руководитъ; нашу совѣсть она ни къ чему не обязываетъ; къ высокому подвигу насъ не влечетъ; мы скользимъ по ней своимъ сознаніемъ почти равнодушно... Для насъ она то же, что отвлеченное положеніе: „безусловное—безгранично“.

Почему же это такъ? Можетъ быть, откровеніе Господа, что Богъ есть духъ, дѣйствительно, только философская, отвлеченная истина? Конечно, нѣтъ. Это невозможно предположить по тому одному, что у Господа каждая мысль такъ всестороння и полна, что непремѣнно имѣетъ жизненное и нравственное приложеніе. Дѣло не въ истинѣ, а въ насъ самихъ. И мы, къ сожалѣнію, доказываемъ это отрицательнымъ образомъ своими печальными злоупотребленіями въ отношеніи этой истины.

Въ великомъ откровеніи, что Богъ есть духъ, мы не только не видимъ для себя побужденія къ высокому жизненному подвигу, но

[1]) Надъ Евангеліемъ. Е. М. 43—57.

очень часто пользуемся имъ, какъ средствомъ оправдать нашу лѣность, нерадѣніе и косность въ своихъ отношеніяхъ къ Богу.

Богъ есть духъ... Не думается-ли намъ при этомъ, что Онъ безконечно далекъ отъ нашей обыденной жизни и такъ возвышается надъ ней, что трудно и поставить Его въ какую либо близость къ нашему житейскому обиходу? Въ словѣ „духъ" намъ звучитъ что-то туманное, неуловимое, что-то такое, во что можно и должно вѣрить, но вѣру во что нельзя проявить ни въ какихъ опредѣленныхъ образахъ и дѣйствіяхъ. И выходитъ такъ, что наша жизнь идетъ своимъ чередомъ, а вѣра въ Бога витаетъ у насъ гдѣ-то въ безвоздушномъ пространствѣ, отдѣленномъ отъ всего живого, не оказывая на насъ никакого дѣятельнаго вліянія. Это точно томный свѣтъ луны, въ лучахъ котораго мы склонны помечтать иногда о томъ, что само по себѣ прекрасно и возвышенно, но что не имѣетъ никакой связи съ дѣйствительностью и никакихъ прочныхъ надеждъ на осуществленіе, что мы сами въ душѣ признали лишь прекрасной химерой.

Богъ есть духъ. Это что-то стоящее безконечно выше всякой матеріальной природы, отдѣленное отъ нея по самому своему существу, противоположное ей. Трудно найти между высочайшимъ духомъ и грубой матеріей точки соприкосновенія и взаимодѣйствія. А природа, между тѣмъ, совершаетъ свой путь по своимъ собственнымъ непреложнымъ законамъ; мы всѣ въ ея власти, и сами — часть ея. Какое-же практическое значеніе, думается намъ, можетъ имѣть для насъ вѣра въ духовнаго Бога? Вѣрить въ Него должно, но вѣдь колесница нашей жизни катится себѣ по наклонной плоскости, по выбитой событіями дорогѣ, и всѣ ея винты и колеса подчинены независимымъ отъ нашей вѣры механическимъ законамъ. Какой же смыслъ, говорятъ намъ, въ призываніи Его на пути жизни, въ молитвенномъ обращеніи къ Нему во время житейскихъ неудачъ и скорбей?

Богъ есть духъ... Но что такое духъ? говорятъ намъ. Это—идея, мысль, нѣчто отвлеченное, нѣчто доступное лишь мысли.

Чѣмъ дальше совопросники разсуждаютъ въ этомъ направленіи, тѣмъ безжизненнѣе, неопредѣленнѣе, туманнѣе становится для нихъ

Богъ. Они начинаютъ и называть Его уже не Богомъ, а Божествомъ и иными именами, говорящими не о живомъ личномъ существѣ, а о какой-то отвлеченной идеѣ... Они мысленно признаютъ Его, они не рѣшаются отвергать Его существованія; ихъ мысль не удовлетворяется грубымъ отрицаніемъ матеріализма... Но все это признаніе очень дешево стоитъ имъ: оно не составляетъ для нихъ какого либо свободнаго подвига или хотя бы существеннаго жизненнаго вопроса. Лукавое сердце подсказываетъ имъ: почему бы Его и не признать?! Мысль какъ будто находитъ въ этомъ успокоеніе, а практически, въ жизни это не обязываетъ ни къ чему особенному.

Такими хитрыми извивами въ открытой Господомъ истинѣ, что Богъ есть духъ, человѣкъ находитъ часто средство оправдать свою лѣность и косность, свою холодность и нерадѣніе въ отношеніи къ Богу, признавая Его умомъ и оставаясь безъ Него въ жизни, отдавая себя во власть стихійныхъ силъ природы.

Въ чемъ же кроется причина такихъ лукавыхъ изворотовъ человѣческой души? Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что такъ происходитъ дѣло не только относительно данной истины, но и многихъ другихъ, не менѣе важныхъ и высокихъ. Тутъ очевидно кроется общая причина и весьма глубокая.

Кто, вдумываясь въ жизнь, не замѣчалъ, что чѣмъ выше и жизненнѣе какая либо идея, тѣмъ искуснѣе мы умѣемъ своимъ разумомъ исказить ее, заставить служить ее своимъ низменнымъ цѣлямъ и именно ею оправдать свою косность и негодность?

Идея какъ будто не теряетъ своего величія, но она производитъ свое дѣйствіе какъ разъ противоположное своему истинному предназначенію. Она точно отражается въ какомъ то другомъ противоположномъ, темномъ мірѣ и оттуда уже грѣетъ и произращаетъ своей силой обращенныя туда низшія стороны нашей природы...

Гдѣ же и въ чемъ же эта темная сила, своимъ отраженіемъ искажающая лучи божественной истины и направляющая ихъ для достиженія своихъ темныхъ цѣлей?

Это—та же враждебная сила, которая искони борется со всякой истиной. Всѣми способами мѣшаетъ она человѣку стремиться къ божественному свѣту жизни и пользуется для этого косностью нашей тѣлесной природы и эгоизмомъ душевной... Это—та же сила, которая пригвоздила ко кресту Подателя вѣчной жизни, которая боролась съ Его послѣдователями съ яростью язычниковъ и, побѣжденная здѣсь, въ открытой борьбѣ, вступила, наконецъ, въ скрытую борьбу путемъ всякихъ софизмовъ и хитросплетеній нашего лукаваго и неустойчиваго ума...

Обратимся къ исторіи и мы увидимъ, какова тактика этой враждебной силы и какова та цѣль, къ которой мы невольно идемъ сейчасъ, повинуясь ея внушеніямъ.

Если мы вспомнимъ предшествующую появленію Христа исторію человѣчества, то увидимъ, что она носитъ по преимуществу характеръ религіозный. Вся жизнь народовъ принимала часто трагическій отпечатокъ вслѣдствіе суровыхъ запросовъ національной вѣры. Тысячи, десятки тысячъ жертвъ человѣческихъ бросались подъ колесницу мрачнаго индійскаго бога Джагерноута. Младенцы безсердечно и неумолимо сожигались въ ненасытной утробѣ Молоха; женщины отдавались невольному и позорному разврату въ угожденіе богинѣ Милиттѣ. Недаромъ въ индійскихъ ведахъ весь міръ представляется лишь гигантской жертвой, воскуряющейся предъ великимъ богомъ Варуной. Все тогда держалось на народной вѣрѣ, все приносилось на ея алтарь. Всѣ высокіе характеры, всѣ подвиги великихъ душъ появлялись во время народныхъ вѣрованій. Какъ изживались боги, такъ изсякала и народная жизнь. Переходныя эпохи были эпохами смѣны вѣръ языческихъ. Божества были не безжизненными: въ нихъ были заключены источники всяческой энергіи. Богъ для языческаго народа былъ той высокой природной силой, которая, по его вѣрованію, въ концѣ концовъ, побѣдитъ все и все разрѣшитъ въ себя. Это казалось такъ просто и такъ реально. Тутъ не было безсилія туманности. Боги не были отвлеченными представленіями, мыслями или понятіями; они не выдумывались человѣкомъ, а создавались самой природой: реально предстоя людямъ въ той или другой

силѣ, возвышаясь своимъ грознымъ небосклономъ, грозя бурей, громомъ или молніей, изсушая зноемъ солнца, возбуждая производительной силой жизни,—сама природа была ихъ богомъ, могущества котораго нельзя было не признать; оно переливалось въ ихъ собственныхъ жилахъ огненнымъ потокомъ. Повинуясь инстинкту олицетворенія, въ могучихъ силахъ природы они видѣли тѣхъ страшныхъ и великихъ боговъ, во власти которыхъ—судьбы отдѣльныхъ людей и всего народа; они предавались имъ, вѣрили въ ихъ дѣйствительную силу, и въ этой непоколебимой вѣрѣ жили, развивая свои народныя силы, воюя съ другими народами и подчиняя ихъ своимъ богамъ.

Такъ было до Рождества Христова. Къ этому времени мысль своимъ сомнѣніемъ привела уже къ полному разложенію природныя вѣрованія тогдашняго человѣчества. Послѣднее уже томилось тоской, предоставленное самому себѣ и не имѣя предъ чѣмъ преклониться. Чрезъ это подготовлялась болѣе или менѣе удобная почва для воспринятія того, что было возвѣщено Христомъ. А имъ было возвѣщено то, что природные боги ничто, что вся сила въ Томъ Всевышнемъ, Который есть всемогущій духъ, сама любовь, сама святость, сама свобода. И это возвѣщено было не столько словомъ, сколько — и это самое главное — дѣломъ, непосредственнымъ вліяніемъ Божественной Личности Христа, Его жизнію, Его смертію, воскресеніемъ и, наконецъ, ниспосланіемъ Имъ Святаго Духа на своихъ послѣдователей. Они воочію, на самихъ себѣ, испытали божественную силу Духа и ощутили ее въ своемъ собственномъ духѣ, какъ силу Божію, какъ Бога. Вся жизнь ихъ затѣмъ была выраженіемъ ихъ непреклонной вѣры въ торжество Духа на Землѣ. Они видѣли, что вся природа подчинена Его силѣ; они видѣли это и въ жизни своего возлюбленнаго Господа и Учителя, и на своихъ собственныхъ дѣлахъ и чудесахъ. Они испытали на себѣ, что всѣ природныя душевныя доблести, вся житейская мудрость, ученость и проч.,—все это—ничто предъ той Божественной истиной, предъ той жаждой спасенія, любви и самоотверженія, которыя открыты имъ Св. Духомъ и совершенно измѣнили ихъ и пере-

родили ихъ природу. Природные боги въ ихъ собственной душѣ были повергнуты во прахъ. Ничтожество ихъ, по ихъ же собственному ощущенію, было очевидно. Явленія и силы окружающаго міра неизбѣжно потеряли въ ихъ глазахъ свой божественный ореолъ и казались вполнѣ подчиненными властвующей силѣ Св. Духа; нравственное сознаніе, возрожденное Христомъ, ясно и громко возвѣщало славу новому, святому, духовному Богу, имѣющему побѣдить все враждебное Ему и освободить людей отъ ига темныхъ силъ природы, на служеніе святой всемогущей любви и свободѣ, на свободный подвигъ святому и духовному Богу вѣчной жизни.

Язычество вступило въ ожесточенную борьбу съ христіанствомъ. Сперва борьба была открытая. Но здѣсь христіанство силой своего духа одержало полную побѣду. Тогда возникла борьба окольными путями: соблазномъ всякихъ сдѣлокъ ради внѣшняго торжества, софизмами въ области разсудка и религіозной мысли и т. п. И здѣсь борьба оказалась довольно удачной; на этой почвѣ она упорно продолжается доселѣ въ различныхъ формахъ.

Прослѣдимъ ее въ области взятой нами откровенной истины, что Богъ есть духъ. Сила Св. Духа, ниспосланная Іисусомъ Христомъ, сила личная, свободная, живая, реально переродившая послѣдователей Христа и реально дѣйствовавшая въ нихъ, конечно, не замедлила отразиться и въ области ихъ разсудка и стать здѣсь самой возвышенной христіанской идеей. Тактика темной языческой силы направилась на то, чтобы сдѣлать эту идею изъ жизненнаго факта только мыслію, только теоретической истиной, только однимъ отвлеченіемъ. Послѣдователи Христа, воспринимая своимъ свободнымъ духомъ свидѣтельство Христа, что Богъ есть духъ, видѣли въ этомъ свидѣтельствѣ лишь неизбѣжное признаніе той реальной непобѣдимой силы Духа Христова, которую они сами восприняли въ свой духъ, которая ихъ переродила, которая чрезъ нихъ, чрезъ ихъ самоотверженіе, все побѣдитъ и все преобразитъ. Нельзя ли вниманіе человѣка отъ этой области внутренней духовной жизни направить на ея лишь мысленное отраженіе въ

душѣ? Это было бы очень выгодно: вѣдь мысль гибка, она можетъ всячески измѣняться, можетъ благовидно, незамѣтно приспособляться къ нашей косной природѣ, чрезъ которую главнымъ образомъ и дѣйствуетъ сила, влекущая насъ долу. Люди, по самой своей натурѣ, особенно склонные къ теоріи, могутъ помочь этому переходу жизненнаго убѣжденія въ одну лишь мысленную форму признанія. На помощь имъ придетъ и наша природа, ищущая всячески уклоненія отъ подвига одухотворенія и вмѣстѣ съ тѣмъ оправданія себя въ этомъ уклоненіи, отлично пользуясь въ данномъ случаѣ нашимъ лукавымъ разсудкомъ. Живой духъ, объятый пламенемъ свободы и любви, не обманешь и не обойдешь; мысль же всегда готова къ уступкамъ, и съ нею бороться несравненно легче. Если истина „Богъ есть духъ“ станетъ только мыслію, всецѣло перейдетъ въ разсудочную область, то для косныхъ силъ природы, чрезъ которыя и дѣйствуетъ главнымъ образомъ темная, внизъ влекущая сила язычества, положеніе для борьбы будетъ самое благопріятное.

Такъ въ дѣйствительности и было. Отвернувшись отъ прежнихъ природныхъ боговъ, съ чѣмъ въ дѣйствительности люди остались? Указанъ новый Богъ; Онъ—единственно истинный Богъ; Онъ—духъ; Онъ—всесильный Владыка природы. Къ единенію съ Нимъ, къ пріобщенію Его силы, къ усвоенію Его свободы люди призваны. Все это хорошо; но дѣло въ томъ, что природа съ ея прежними природными богами властвовала надъ душой, не спрашивая насъ; она насильно предъявляла намъ свои права, давила насъ своей силой или возвышала насъ своей красотой. Не то съ Духомъ Божіимъ: ощутить Его силу своимъ духомъ, признать сердцемъ Его права на насъ, приусвоить Его благодатные дары можно лишь свободнымъ подвигомъ, по мѣрѣ борьбы съ собой и побѣды надъ собой. А это трудно, это противно нашей косной природѣ, это трудный и великій подвигъ, отъ котораго мы всячески стараемся уклониться.

И вотъ,—что же мы видимъ? Когда прошелъ благодатный приливъ внутренней энергіи, возбужденный тѣмъ одушевленіемъ и тою любовію,

которыя вызваны были Лицомъ Богочеловѣка, человѣкъ сталъ поддаваться стихійнымъ позывамъ своей природы и мало-по-малу опять очутился въ ея власти. Что же дѣлать? Признать Богомъ природу нельзя: мысль показала эту невозможность, и нравственное сознаніе, просвѣщенное свѣтомъ христіанства, не позволяетъ этого. Приблизиться во что бы то ни стало къ новому Богу, въ области духовной любви и свободы, пріусвоить себѣ Его силу, сдѣлать Его своимъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только Богомъ—весьма трудно, хотя мысль теоретически и подсказываетъ, что это — Богъ истинный. Мы прибѣгаемъ къ выгодному для насъ извороту: мы умственно признаемъ Бога-духа своимъ главой, мысленно преклоняемся предъ Нимъ, а въ дѣйствительности отдаемся во власть стихійной природы, не признавая теоретически ея царственныхъ правъ.

Какія же слѣдствія этого? Прежде были природные боги, и они были для человѣка дѣйствительны и сильны. Теперь нашъ Богъ есть безконечный духъ; но онъ на вершинахъ, именующихся христіанскими обществами, признается лишь умомъ; Его очевидной мощи мы не переживаемъ; Онъ для насъ безсиленъ; Онъ для насъ лишь мысль, иногда просто даже звукъ. Сила природы была воочію; въ нее нельзя было не вѣрить; она сама давала чувствовать свою мощь во всемъ; человѣкъ вѣрилъ въ нее твердо. Сила духа дается лишь свободѣ; а гдѣ эта свобода? Гдѣ стремленіе, гдѣ любовь къ ней? Наоборотъ, мы все болѣе подпадаемъ подъ обаяніе ума и открытыхъ имъ непреложныхъ законовъ внутренняго и внѣшняго міра. Свобода—это для насъ ересь, бунтъ, цѣлая революція. Только лишь у тѣхъ, у кого эти законы высосали всю кровь и разбили всю жизнь,—только у тѣхъ есть жажда подвига свободы, на которую и откликается Духъ Христовъ. Но это больше въ низшихъ слояхъ вѣрующихъ, которыхъ мы обозначаемъ, какъ невѣждъ; на верхахъ же нашей современной культуры никакого особеннаго позыва къ освобожденію отъ гнета наличной природы совершенно не замѣчается: должно быть, этотъ гнетъ достаточно для нихъ легокъ. Поэтому нѣтъ и призыва къ духу свободы,

отсюда нѣтъ и силы духа; мы ее не ощущаемъ, а потому и вѣримъ въ нее слабо; въ жизни она проявляется въ самой ничтожной степени, почти что незамѣтно; разсчитывать на ея побѣду трудно; это даже и не приходитъ въ голову: вѣдь мы предчувствуемъ побѣду только того, что въ насъ самихъ сильно и крѣпко; а развѣ это можно сказать про силы духа, о существованіи котораго мы даже совершенно забываемъ?

Христосъ говоритъ, что пламенная любовь и святость духа побѣдятъ все; что онѣ — дѣйствительныя силы; что будутъ новое небо и новая земля, въ которыхъ любовь восторжествуетъ надо всѣмъ. Но развѣ, по чистой совѣсти, мы предощущаемъ эту любовь и побѣду ея? Развѣ мы переживаемъ эту всепобѣждающую силу, чувствуемъ ее? Развѣ для насъ очевидна ея внутренняя мощь? Конечно, нѣтъ. Мы можемъ теоретически признать, повѣрить, что, дѣйствительно, это, пожалуй, такъ должно бы быть; но это лишь признаніе умственное, на словахъ. Поэтому то оно и не имѣетъ живой силы. Противъ него говоритъ весь наличный опытъ, противъ него говоритъ наше непосредственное земное чувство. Въ насъ этотъ духъ любви ничтоженъ, слабъ, не имѣетъ никакой силы. Какъ же намъ дѣйствительно повѣрить въ его мощь и торжество? И приходится довольствоваться лишь словомъ, звукомъ. Такимъ образомъ случилось вотъ что: старые боги развѣнчаны, а новый Богъ еще безсиленъ въ насъ, и когда Онъ будетъ у насъ Богомъ, на самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ души, а не на словахъ, не въ одной мысли, — это вопросъ. Природа уже не можетъ занять прежняго мѣста въ храмѣ вѣры, а духъ еще не вошелъ въ нашу религіозную жизнь: мы еще не живемъ имъ, какъ прежде жили, да и теперь живемъ, природой. Какъ же мы можемъ вѣровать твердо, жизненно, что ему принадлежитъ божественная власть? Онъ для насъ скорѣе мечта, чѣмъ дѣйствительность. И вотъ мы никому и ничему не можемъ всецѣло поклониться. Прежде переходныя эпохи были промежутками отъ власти одного природнаго бога ко власти другого, были смѣнами династій природныхъ боговъ;

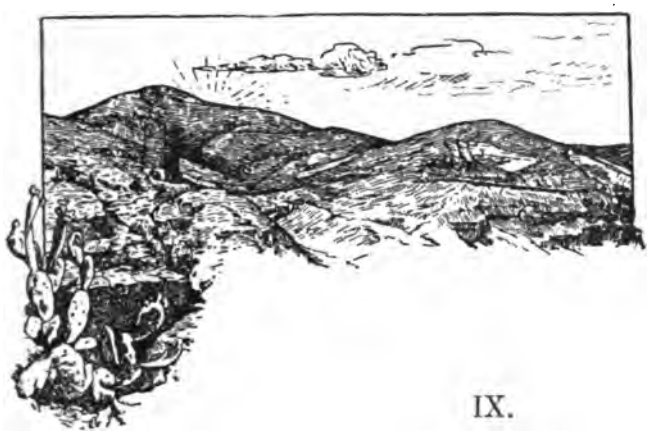
теперь всѣ они съ религіозныхъ алтарей ниспровергнуты, ихъ тамъ нѣтъ; а въ духѣ мы еще не создали алтаря новому Богу. Мы даже и забыли про Него. Отсюда наша тоска.

Мнѣ приходитъ въ голову сравненіе. Представимъ, что у какого-нибудь народа была постоянная смѣна тирранических династій; при этомъ благосостояніе внѣшнее и внутреннее становилось все хуже, исхода не было никакого, и отчаяніе овладѣвало всѣми. Но вотъ является изъ невѣдомой страны царскій сынъ и говоритъ, что есть страна, въ которой подъ необыкновеннымъ личнымъ вліяніемъ и руководствомъ ея Царя-Отца можно жить свободно, радостно и мирно: говоритъ о законахъ и правахъ тамошнихъ и предлагаетъ идти къ нему и стать подъ его власть. Одушевленіе обняло многихъ; мѣстная династія была ниспровергнута; приняли нѣкоторыя улучшенія, о которыхъ говорилъ царскій сынъ, и собирались идти. Нѣкоторые, дѣйствительно, пошли, но... трудности переселенія, тотъ образъ жизни, тѣ условія, которыя должны были встрѣтиться въ совершенно иной странѣ, — все это устрашило большинство, нарушая его застарѣлыя привычки и избалованные вкусы. Оно понемногу отлагало переселеніе. Лишь немногіе втихомолку продолжали уходить; а остальные пока стали ограничиваться тѣмъ, что признали на словахъ своимъ главою того сильнаго и мудраго царя, а управляться пока рѣшили сами собою. Мало-по-малу самая мысль о переселеніи стала позабываться; и даже тѣ нѣкоторые законы и обычаи, которые были внесены въ жизнь страны со словъ царскаго сына, стали выдаваться законодателями, какъ свои собственные, и стали искажаться; совершенно забылось, что они могли имѣть благотворное вліяніе только благодаря живой, личной силѣ того царя великаго и тѣмъ своеобразнымъ особенностямъ природы и образа жизни, о которыхъ говорилъ царскій сынъ. Въ результатѣ получилось полное разстройство.

Пока духовный Богъ будетъ нашимъ только на словахъ главою, пока мы не рѣшимся на дѣйствительный подвигъ порвать съ нажитыми привычками и предпринять постепенное переселеніе въ но-

вую область духа, съ его свободой, съ его полнѣйшимъ самоотверженіемъ, со всѣмъ его нравственнымъ строемъ, — до тѣхъ поръ мы будемъ такъ же немощны и шатки, такъ же неустроены и несчастны, какъ и сейчасъ. Половинчатое признаніе новаго владыки-духа лишь по мысли, по одному пустому звуку не только не можетъ принести дѣйствительной пользы, но еще болѣе запутаетъ нашу жизнь, обольститъ, обманетъ нашу мысль, усыпитъ бдительность, подкупитъ совѣсть, покажетъ мысленно насъ лучшими, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ.

Подмѣна дѣйствительнаго, живого Бога-духа, къ которому можно придти лишь свободнымъ духовнымъ подвигомъ,—мысленной идеей о Немъ, есть грандіозная, утонченная поддѣлка, приносящая съ собой неисчислимый вредъ для всей внутренней жизни христіанскаго человѣчества. Да спасетъ же Господь насъ отъ этого искушенія, и да напишется на скрижаляхъ нашего сердца имя Бога вѣчнаго и Живаго!



IX.

Въ Галилеѣ.

Только два дня провелъ Христосъ Спаситель въ Сихемѣ, но то были дни незабвенные и благодатные для очень многихъ жителей этого города. Слово Христово пало здѣсь на добрую почву. Многіе искренно и горячо повѣрили въ Мессію: *„уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ*, говорили они самарянкѣ, принесшей впервые вѣсть о Христѣ Спасителѣ въ городѣ, *ибо сами слышали и узнали, что Онъ истинно Спаситель міра, Христосъ“*. Но Христа Спасителя ждала не одна Самарія. Нивы *„побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ“* не только здѣсь... Вотъ почему *„по прошествіи двухъ дней“* Христосъ направляетъ Свой путь далѣе въ Галилею. Здѣсь Его ожидалъ хорошій пріемъ. Многіе изъ галилеянъ были свидѣтелями Его славныхъ дѣлъ и проповѣди на праздникѣ во Іерусалимѣ. Своими разсказами о видѣнномъ они успѣли настроить и все населеніе страны къ мирной и радостной встрѣчѣ Спасителя.

Въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ Христа постоянно окружали громадныя толпы народа, среди котораго можно было видѣть многочисленныхъ страдальцевъ, искавшихъ исцѣленія.

И картины, одна другой величественнѣе, одна другой умилительнѣе, проходили здѣсь предъ глазами изумленныхъ галилеянъ... Всѣ видѣли, какъ больнымъ, по одному слову Спасителя, возвращалось здоровье...

Но изъ цѣлаго ряда бывшихъ здѣсь чудотвореній по своей обстановкѣ особенно выдается одно, совершенное Христомъ безъ всякаго посредства какого либо внѣшняго знака.

Молва о великомъ Чудотворцѣ разносилась повсюду. Она волновала не только простой народъ, къ ней прислушивались и сановные люди...

Многое уже слышалъ о Христѣ Спасителѣ живший въ Капернаумѣ царедворецъ Ирода Антипы... Но вотъ тяжелая болѣзнь, приковавшая къ постелѣ его сына-юношу, любимца всей семьи, заставила этого сановника отправиться къ Іисусу въ надеждѣ найти у Него помощь. Вначалѣ Іисусъ не принялъ просьбы царедворца. Онъ хорошо видѣлъ, что въ Немъ искали здѣсь не Мессію, а человѣка, дѣлающаго чудеса.

Господь ясно видѣлъ душевное расположеніе сановника, „видѣлъ, что не вѣра чистая и искренняя, а внѣшняя необходимость привлекла его. Христосъ зналъ, что и другіе сограждане и соотечественники не выше его въ образѣ мыслей. Потому то въ отвѣтѣ Своемъ Онъ и высказалъ обличеніе, которое, по словамъ св. Іоанна Златоуста, касается самой совѣсти, показывая, что чудеса дѣлаются главнымъ образомъ ради души, ибо здѣсь Онъ исцѣляетъ и отца, немощствующаго душею не меньше сына, научая внимать Ему не ради чудесъ, а ради ученія Его“ [1]).

„Зачѣмъ ты приходишь ко Мнѣ?“—какъ бы такъ спрашиваетъ несчастнаго отца Спаситель;—„только для того, чтобы получить внѣшнее исцѣленіе, вѣруешь въ Меня, только какъ въ совершителя знаменій и чудесъ? Почему не сознаешь ты своего грѣха, не желаешь духовнаго исцѣленія, не имѣешь внутренняго сочувствія къ ученію, которое преподается Моею жизнью и словами“ [2]).

„Вы не увѣруете, если не увидите знаменій и чудесъ“,— съ глубокой скорбію замѣчаетъ Христосъ Спаситель... Правда, и чудеса родятъ вѣру,— но не такую чистую и возвышенную, которая могла бы двигать горами. И теперь „исцѣленіе сына царедворца, безъ нравственной подготовки

---

[1]) Бесѣд. на Еванг. Іоанна, ч. I, стр. 427. См. „Еванг. Исторія“, прот. П. Матвѣевскаго, стр. 293.

[2]) Жизнь и ученіе Христа, пер. Өивейскаго, стр. 359.

къ нему, можетъ создать и подтвердить вѣру въ могущество Цѣлителя, но оно не послужитъ къ духовному принятію истины, которая можетъ исцѣлить духъ"..

Отвергая просьбу царедворца, Іисусъ Христосъ на самомъ дѣлѣ хотѣлъ открыть глаза его на болѣе важные дары, которые онъ могъ получить отъ Чудотворца. Съ истинною царскою щедростію Христосъ Спаситель хотѣлъ подать гораздо больше, чѣмъ отъ Него требовалось...

Но вниманіе отца безповоротно остановилось на томъ несчастіи, которое привело его изъ Капернаума сюда въ Кану, къ ногамъ Божественнаго Учителя. „Господи! прійди, пока не умеръ сынъ мой",— въ порывѣ жгучаго горя восклицаетъ несчастный...

— „Пойди, сынъ твой здоровъ" — слышитъ Онъ успокаивающій голосъ Спасителя.

И дѣйствительно, встрѣтившіе его на обратной дорогѣ въ Капернаумъ слуги сообщили ему, что *„сынъ его здоровъ"* и что *„вчера въ седьмомъ часу горячка оставила его"*. Это былъ часъ, когда Христосъ изрекъ Свое милосердное и всемогущее слово. И тогда онъ *„увѣровалъ самъ и весь домъ его"*, что и было лучшимъ концомъ всей этой чудесной исторіи.

Между тѣмъ *„ходилъ Іисусъ по всей Галилеѣ, уча въ синагогахъ ихъ и проповѣдуя Евангеліе Царствія, и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ.*

И прошелъ о Немъ слухъ по всей Сиріи; и приводили къ Нему всѣхъ немощныхъ, одержимыхъ различными болѣзнями и припадками, и бѣсноватыхъ, и лунатиковъ, и разслабленныхъ, и Онъ исцѣлялъ ихъ.

И слѣдовало за Нимъ множество народа изъ Галилеи и Десятиградія и Іерусалима и Іудеи, изъ-за Іордана.

Эти три евангельскіе стиха (Мѳ. IV, 23, 24, 25) — изображаютъ намъ наглядно восторгъ народа, вызванный чудесами Спасителя.

Вся страна пришла въ движеніе: *одна* мысль, *одна* надежда одушевляла всѣхъ... Чѣмъ-то новымъ повѣяло вдругъ въ жизни... Какъ

будто дуновеніе Неба коснулось земли, и она проснулась, отряхнула „сонъ отъ вѣждъ своихъ“ и у всѣхъ живѣе забились сердца, охваченныя таинственнымъ волненіемъ...

Города и села наполовину опустѣли. Многіе, оставивъ свои жилища, отложивъ на время сѣрыя, будничныя заботы, жили теперь новыми надеждами и думали только объ одномъ, какъ бы увидѣть и услышать Іисуса, Который пришелъ для людей, жилъ среди нихъ, любилъ грѣшное, капризное, непостоянное человѣчество, любилъ съ величайшимъ самопожертвованіемъ и преданностью, и въ концѣ Своего подвига долженъ былъ умереть за весь міръ ради торжества въ немъ Божіей правды...

Но не Назаретъ услышалъ первымъ проповѣдь Спасителя.

Правда, Христосъ *„пришелъ и къ Своимъ“* соотечественникамъ съ вѣстью о Царствѣ Небесномъ, однако *„Свои Его не приняли“*.

Обыкновенно, приходя въ какой-либо городъ или мѣстечко, Христосъ Спаситель въ первую же субботу посѣщалъ синагогу и училъ тамъ.

Когда же собиралось здѣсь черезчуръ много жаждавшихъ послушать слово Его, толпа росла и, увеличиваясь, страшно тѣснилась, Христосъ располагался для бесѣды съ народомъ гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ.

Каѳедрой въ такомъ случаѣ служилъ для него зеленѣющій холмъ или простая лодка рыбака... И тогда, не стѣсняемыя помѣщеніемъ, приливали все новыя и новыя толпы народа. Ряды густѣли, пополняемые подходившими слушателями. И вся эта народная масса стояла, охваченная однимъ общимъ безпредѣльнымъ восторгомъ.

И голубыя воды Генисаретскаго озера, и окаймляющія его красивыя горы, и мягкія луговыя долины не разъ были оглашаемы проповѣдью Спасителя.

Свободно выбирая то или другое мѣсто для произнесенія своихъ бесѣдъ, Христосъ однако никогда не обходилъ синагоги. Этимъ онъ ясно показалъ, насколько и для Него были священны всѣ установленія и учрежденія религіи! Онъ, Который въ Самомъ Себѣ носилъ Бога,

на ряду съ другими приходилъ въ мѣста богослужебныхъ собраній изливать свою молитву...

Какимъ укоромъ должно это служить для тѣхъ, кто пренебрегаетъ уставами матери-Церкви, кто не откликается на ея голосъ, призывающій всѣхъ вѣрныхъ чадъ своихъ „едиными усты и единѣмъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя—Отца, и Сына и Св. Духа". И какой ложью, лицемѣріемъ звучитъ ихъ равнодушная отговорка, что-де „они могутъ такъ же хорошо молиться дома, какъ и въ храмѣ Божіемъ".

Нѣтъ, пренебреженіе къ дому Божію не можетъ жить въ сердцѣ истинно-вѣрующаго человѣка. Напротивъ;—душа его переполнена любовью къ священнымъ мѣстамъ... Точно птица изъ сѣтей, рвется она изъ суеты будничной жизни подъ тихую сѣнь св. храма.

„Одного просилъ я у Господа, восклицаетъ такой человѣкъ съ псалмопѣвцемъ Давидомъ,—*того только ищу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей, созерцать красоту Господню посѣщать святый храмъ Его"* (Псал. 26).

„Какъ вождѣленны жилища твои, Господи силъ!

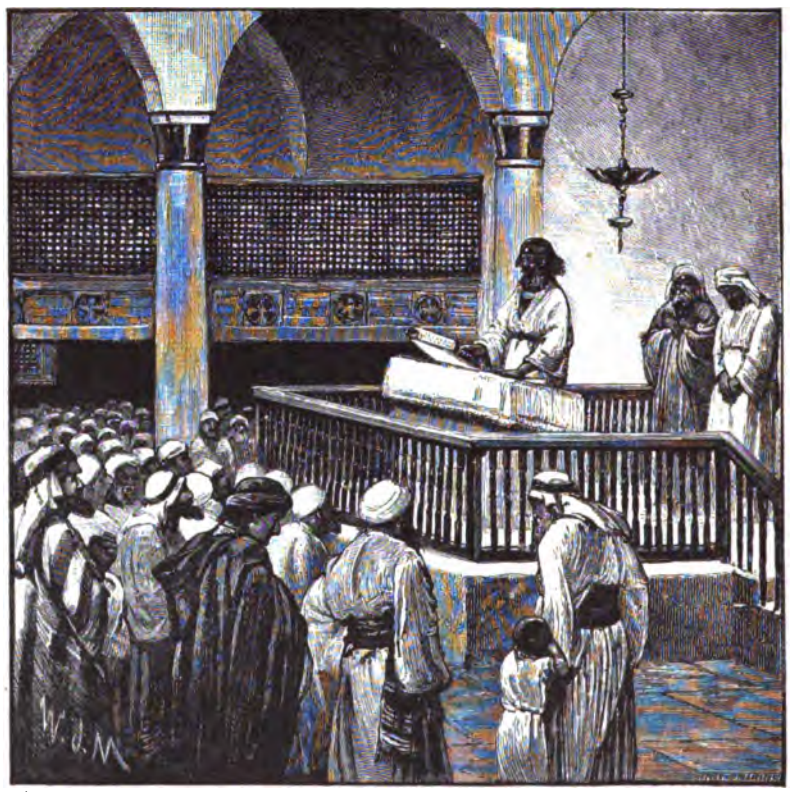
Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются къ Богу живому. Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ: они непрестанно будутъ восхвалять Тебя. Ибо одинъ день во дворахъ твоихъ лучше тысячи. Желаю лучше быть у порога въ домѣ Божіемъ, нежели въ шатрахъ нечестія".

Еврейскія синагоги, которыя такъ часто посѣщалъ Христосъ Спаситель, были очень похожи одна на другую. По формѣ и расположенію всѣ онѣ напоминали нѣсколько Іерусалимскій храмъ. Дверь въ нихъ прорѣзывалась обыкновенно въ стѣнѣ, противоположной отъ Іерусалима. Это дѣлалось въ томъ соображеніи, чтобы молящійся, вступая въ святое мѣсто и бросаясь для молитвы на землю, обращалъ лицо свое къ горѣ храма.

Внутри синагоги были устроены сидѣнья для мужчинъ. Это были грубыя деревянныя скамьи, покрытыя соломой и камышемъ. Въ сере-

динѣ возвышалось сидѣнье для старѣйшины и пюпитръ для лектора. На верхнемъ концѣ, дальше отъ двери, слѣдовательно, ближайшемъ къ Іерусалиму, находилась комната, скрытая спускающейся занавѣской. Здѣсь хранилась Тора, т. е. списокъ 5 книгъ Моисея.

Главнымъ убранствомъ въ комнатѣ служила серебряная лампада, которая должна была горѣть постоянно, подсвѣчникъ съ 8-ю вѣтвями,



Въ синагогѣ.

каѳедра и пюпитръ. Полъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, грубый, часто немощеный, — а возвышенная скамья посерединѣ, съ которой старѣйшины совершали богослуженіе, обыкновенно, расписывалась изображеніями озеръ, лодокъ, садовъ и самыхъ яркихъ цвѣтовъ.

Голыя стѣны, безъ золота и красокъ, были испещрены различными изреченіями. Ближе къ двери начертывались слова: *„это врата*

Господни войди, праведникъ". Въ другихъ мѣстахъ глазъ останавливался на изреченіяхъ, которыя слѣдуетъ помнить и современнымъ христіанамъ, особенно когда они входятъ въ храмъ Божій или присутствуютъ за богослуженіемъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: *„вспомни Своего Творца!" „Со смиреніемъ войди въ домъ Господа, Твоего Бога!"*

„Молитва безъ благоговѣнія,—то же, что тѣло безъ души".

Въ прежнія времена наравнѣ съ мужчинами могли вступать въ синагогу и женщины. Но и тогда для нихъ существовало особое отдѣленіе, отгороженное рѣшеткой.

Передъ входомъ въ синагогу всѣ посѣтители должны были мыть свои руки, для чего, если вблизи не протекало ручья, ставился чанъ съ водою. Всѣ богомольцы размѣщались соотвѣтственно своему званію и положенію. Старѣйшины занимали мѣста на возвышеніи. Богатые шли къ своимъ откупленнымъ мѣстамъ. Бѣдняки разсаживались на покрытыхъ соломой деревянныхъ скамьяхъ... Тутъ же устраивались маленькіе мальчики, а многіе изъ нихъ совершенно голые ложились прямо на полъ...

Собраніе открывалось чтеніемъ молитвы. За ней слѣдовало пѣніе одного изъ псалмовъ Давида. Наконецъ отдергивалась занавѣска, изъ ковчега вынимался свитокъ Торы, и одинъ изъ старѣйшинъ прочитывалъ его вслухъ всего народа, а потомъ предлагалъ отъ себя объясненіе.

Богослуженіе оканчивалось торжественнымъ пѣніемъ молитвы.

Такъ несложна была обстановка да и весь порядокъ этихъ собраній. Но каждый благочестивый еврей присутствіе на нихъ почиталъ для себя священной обязанностью. Только особыя причины могли заставить его уклониться отъ исполненія этого долга... Отсюда понятно, почему Іисусъ Христосъ, придя въ свой родной городъ Назаретъ, прежде всего направляется въ синогогу, что Онъ обыкновенно дѣлалъ и въ другихъ мѣстахъ. Молодой Пророкъ или Учитель, за кого многіе Его здѣсь принимали,—стоялъ теперь въ томъ домѣ, куда Онъ ходилъ еще ребенкомъ, держась за руку Богоматери... Здѣсь слагались Имъ дѣтскія молитвы, здѣсь Его божественный ликъ озарялся тихимъ сіяніемъ небеснаго молитвеннаго свѣта.

Когда Христосъ подошелъ къ тому мѣсту, съ котораго обыкновенно предлагались чтенія, *„Ему подали книгу пророка Исаіи, и Онъ, раскрывъ книгу, нашелъ мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ! ибо Онъ помазалъ меня благовѣствовать нищимъ и послалъ меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благопріятное. И, закрывъ книгу и отдавъ служителю, сѣлъ“*, согласно съ іудейскимъ обычаемъ, чтобы сказать Свое слово.

„Это мѣсто книги пр. Исаіи, замѣчательное само по себѣ, должно было пріобрѣсти особую торжественность въ устахъ Того, къ Кому оно относилось. Сначала глаза всѣхъ въ синагогѣ были устремлены на Него (Ев. Луки IV, 20) съ напряженнымъ вниманіемъ. *И Онъ началъ говорить имъ: нынѣ исполнилось писаніе сіе, слышанное вами. И всѣ засвидѣтельствовали Ему это“* (Ев. Луки IV, 21, 22). Можно представить себѣ трепетъ ожиданія и возбужденія, который чувствовался въ сердцахъ слушателей, когда въ рѣчи Христа Спасителя развивалась мысль, что Онъ и есть именно тотъ Мессія, о Которомъ 700 лѣтъ тому назадъ предсказалъ великій пророкъ (Исаія).

Слова Его были полны чувства, авторитета и силы, не допускавшихъ противорѣчія, и всѣ *дивились словамъ благодати, исходившихъ изъ устъ Его* (Ев. Луки, IV, 22).

Но восхищеніе его мудростію и благодатію прошло, какъ только грубые назаряне вникнули вполнѣ въ смыслъ Его заявленій. У евреевъ было въ обычаѣ во время служенія выражать явно свои чувства, и вскорѣ Іисусъ разслышалъ ропотъ негодованія и возмущенія. Онъ увидѣлъ, что эти, прямо къ Нему обращенные глаза, которые сначала глядѣли на Него со вниманіемъ, засвѣтились злобой и ненавистью. *Не Іосифовъ ли это сынъ?* говорили они (Ев. Луки IV, 22).

Спаситель, зналъ что имъ хотѣлось какого-нибудь изумительнаго подтвержденія Его правъ на званіе Мессіи, ихъ грызла зависть, что Онъ, не говоря объ ученіи и дѣлахъ въ Іерусалимѣ, совершилъ чудо въ Канѣ, явилъ свою силу въ Капернаумѣ, а для нихъ не хотѣлъ ничего

сдѣлать. Онъ зналъ, что скептически насмѣшливая пословица: „врачъ, исцѣлися самъ!“ просилась имъ на языкъ. Но, чтобы показать, что Онъ не простой назарянинъ, жившій среди нихъ тридцать лѣтъ, и принадлежитъ не имъ, но всему міру, *„Онъ сказалъ имъ: конечно, вы скажете Мнѣ присловіе: врачъ! исцѣли Самого Себя; сдѣлай и здѣсь, въ Твоемъ отечествѣ, то, что мы, слышали, было въ Капернаумѣ. И сказалъ: истинно говорю вамъ: никакой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ“* (Ев. Луки, IV, 23, 24).

Этими словами, по изъясненію блаж. Ѳеофилакта, Господь сказалъ какъ бы такъ: „вы, соотечественники Мои, считаете Меня достойнымъ не удивленія, а презрѣнія, потому и Я знаменій не творю; жители же Капернаума считаютъ Меня достойнымъ удивленія, и Я знаменія творю и принятъ ими“ [1]).

„По истинѣ говорю вамъ: много вдовъ было въ Израилѣ во дни Иліи, когда заключено было небо три года и шесть мѣсяцевъ, такъ что сдѣлался большой голодъ по всей землѣ; и ни къ одной изъ нихъ не былъ посланъ Илія, а только ко вдовѣ въ Сарепту Сидонскую; много также было прокаженныхъ въ Израилѣ при пророкѣ Елисеѣ, и ни одинъ изъ нихъ не очистился, кромѣ Неемана Сиріянина. Услышавъ сіе, всѣ въ синагогѣ исполнились ярости“ (Ев. Луки, IV, 25, 28).

„Какъ? Они, стало быть, не лучше язычниковъ и прокаженныхъ. Слышать такое сравненіе отъ Того, Котораго они считали равнымъ себѣ согражданиномъ, показалось для нихъ тяжелѣе всего, и долго подавляемое бѣшенство разгорѣлось въ пламя. Проповѣдникъ былъ прерванъ уже не шопотомъ неодобренія, но криками ярости. Въ припадкѣ кровожадной злобы, они „вставъ, выгнали Его вонъ *изъ города, и повели на вершину горы, на которой городъ ихъ былъ построенъ, чтобы свергнуть Его*“ (Ев. Луки, IV, 29)... Но часъ Его еще не пришелъ... Отъ одного божественнаго взгляда Христа разъяренные враги Его какъ-бы окаменѣли, и *„Онъ, прошедши посреди нихъ, удалился“*.

[1]) Іисусъ Христосъ Сынъ Божій,—Спаситель міра. П. С. Лебединскаго. Стр. 279—280.

X.

Евангельскія блаженства.

„И Онъ, отверзши уста Свои, училъ ихъ"
(Мѳ. V, 2).

„Немного въ цѣломъ году Евангельскихъ чтеній, которыя могли бы равняться нагорной проповѣди Христа Спасителя по множеству и разнообразію важныхъ мыслей и выраженій," — замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ вдохновенныхъ словъ святитель Иннокентій Херсонскій. И дѣйствительно: если все Евангеліе является для насъ безцѣннымъ сокровищемъ, то Заповѣди о блаженствахъ составляютъ одинъ изъ чудныхъ его брильянтовъ... Здѣсь каждое слово запечатлѣно глубиной и богатствомъ божественной мысли! Даже самая обстановка, среди которой произнесена была эта единственная въ своемъ родѣ проповѣдь, создаетъ предъ нами картину, полную назидательности и глубокаго умиленія...

„Перенесемся мысленно на гору блаженствъ, на которой Господь поучалъ собравшихся," — въ порывѣ священнаго одушевленія восклицаетъ нашъ Кронштадтскій молитвенникъ о. Іоаннъ. Вотъ предъ Христомъ Спасителемъ стоятъ ученики Его и простой народъ, жаждущій

слова Его. Отчего этотъ народъ, вмѣстѣ съ учениками, неотступно слѣдуетъ за Божественнымъ Учителемъ и жаждетъ слова Его? Оттого, что

Нагорная проповѣдь.

онъ чувствуетъ свою духовную бѣдность, нищету, окаянство, и богатствомъ ума и сердца Христова хочетъ восполнить скудость своего ума

и сердца; отъ богатства милосердія Его хочетъ полу́чить богатство прощенія грѣховъ и покой душамъ своимъ; онъ жаждетъ свѣтомъ Христовымъ просвѣтить души свои, отъ приснотекущаго Источника жизни почерпнуть вѣрою животворныя струи Его благодати для душъ своихъ. Вотъ тѣ нищіе духомъ, которыхъ ублажаетъ Сердцевѣдецъ, которымъ усвояетъ царство небесное; вотъ тѣ смиренные, которымъ Господь даетъ свою благодать" [1]).

Какою радостью, при видѣ ихъ, должно было наполниться сердце Спасителя!.. И могъ ли Онъ, предъ этой жадно внимавшей Ему толпою, молчать? Нѣтъ!!!... И вотъ,

„Узрѣвъ народъ, Учитель сѣлъ
На холмъ, возвышенный средь поля;
По манію Его руки,
Къ Нему сошлись ученики,
И Онъ отверзъ уста, глаголя..

Но отчего здѣсь, вмѣстѣ съ народомъ, нѣтъ книжниковъ и фарисеевъ, этихъ ученыхъ и учителей еврейскаго народа? Отчего нѣтъ священниковъ, старѣйшинъ, князей?

„Оттого, что они не сознаютъ своей духовной бѣдности, своего окаянства, своей слѣпоты и наготы духовной. Они считаютъ себя праведниками, которымъ будто бы не нужно учиться слову правды у кроткаго и смиреннаго сердцемъ Учителя Назаретскаго; они думаютъ, что своею мнимою праведностію уже угодили Богу и мечтаютъ занимать первыя мѣста въ царствіи Мессіи. Это—горделивцы, отъ которыхъ далеко истинное блаженство и царствіе небесное. Жалкіе! Они не сознаютъ, что вся правда ихъ предъ Богомъ нечиста и не стоитъ имени правды, потому что проникнута гордостію и тщеславіемъ"... („Солнце Правды").

Но отъ отсутствія здѣсь этихъ гордыхъ, бездушныхъ столповъ фарисейства эта народная аудиторія подъ открытымъ небомъ, среди окружающей зелени, ничего не теряетъ. Напротивъ, эти простодушныя лица какъ нельзя болѣе выигрываютъ въ этой простой обстановкѣ...

[1]) Солнце правды. Избранныя проповѣди о. Протоіерея І. П. Сергіева, стр. 36.

И какой благодатной, освѣжающей росой ложились на сердца слушателей слова Христа Спасителя...

„Нѣма предъ ними рѣчь людская...
Но весь народъ, Ему внимая,
Позналъ и благъ земныхъ тщету,
Позналъ и міра суету,
Позналъ и духа совершенство:
Себѣ наслѣдуетъ лишь тотъ,
Кто духомъ нищъ, кто слезы льетъ,
Кто правды алчетъ, правды жаждетъ,
Кто кротокъ былъ и незлобивъ,
Кто сердцемъ чистъ, миролюбивъ,
Кто отъ людей невинно страждетъ,
Кого поносятъ въ клеветахъ
И злобнымъ словомъ оскорбляютъ,
Кого за правду изгоняютъ;
— Имъ будетъ мзда на небесахъ!“...

Обѣтованіемъ блаженства „нищимъ духомъ“ открываетъ Господь нагорнію проповѣдь: *„блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное“*, возвѣщаетъ Онъ съ высоты холма сидѣвшему предъ Нимъ народу... Блаженны тѣ, „которые искренно признаютъ себя духовными бѣдняками, ничего своего не имѣющими; кто всего ожидаетъ отъ милосердія Божія; кто убѣжденъ, что онъ не можетъ ни помыслить, ни пожелать чего либо добраго, если Богъ не подастъ ему мысли благой, не заронитъ въ его душу желанія добраго; кто считаетъ себя грѣшнѣе, хуже, ниже всѣхъ; кто всегда себя укоряетъ и никого не осуждаетъ“ („Солнце правды“).

„Всѣ мы великіе грѣшники (Іак. III, 2. 1 Іоан. I, 8), и каждый изъ насъ неложно исповѣдуетъ: „отъ юности моея мнози борютъ мя страсти“... Но главная бѣда еще не въ томъ, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ духовный писатель: „болѣзнь, слабость человѣка еще полъ бѣды: станетъ человѣкъ лѣчиться, поведетъ правильную жизнь, можетъ вернуть здоровье. Вся бѣда, когда человѣкъ считаетъ себя здоровымъ и слышать не хочетъ о лѣченіи, не мѣняетъ образа жизни. Поэтому и казано: „счастливы, блаженны тѣ, кто понялъ во-время, что они нищи

духомъ, обнищали добромъ и правдой: они могутъ найти Царство Божіе".

Тутъ не сказано „бѣдный", а „нищій", потому что между бѣднымъ и нищимъ большая разница. Бѣднякъ можетъ не имѣть ничего и быть доволенъ своей судьбой. Былъ въ древности бѣдный мудрецъ, который жилъ даже въ бочкѣ. Когда его навѣстилъ царь и спросилъ, чего мудрецъ хочетъ, онъ сказалъ: „Отойди отъ бочки, не загораживай солнца". Мудрецъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и ни у кого ничего не просилъ. Иное дѣло нищій. Нищій ходитъ по городамъ и деревнямъ, проситъ подъ окнами, стучится въ дверь, протягиваетъ руку прохожимъ, моля о милостынѣ. Если и „нищіе духомъ" будутъ также вездѣ искать и у всѣхъ просить, какъ милостыни, указаній добра и правды, они съ пустой душой не останутся...

Самое великое горе въ жизни не то, что люди дѣлаютъ зло и что жизнь полна неправды. Страшно тупое равнодушіе людей къ добру и правдѣ, довольство собою, гордость своею жизнью. Люди свыклись съ нравственною духотою и спокойно остаются въ ней. Счастливы поэтому тѣ, кому станетъ въ этой обстановкѣ душно, и кто почувствуетъ, что имъ не хватаетъ воздуха въ груди: они ужъ не останутся въ духотѣ, ихъ потянетъ на Божій просторъ. Понять, стало-быть убожество жизни, сознать свою духовную нищету, — великое дѣло. Это начало поворота, первый шагъ къ новой свѣтлой жизни".

Но куда идти нищему за милостыней духовной, подъ какимъ другимъ окномъ стучаться ему, какъ не подъ окномъ Церкви Божіей?! Здѣсь *„премудрость построила себѣ домъ, вытесала семь столбовъ его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу"* (Кн. Притч. Солом. IX, 1—2). Итакъ, здѣсь „уготована богатая трапеза", здѣсь „закланъ тѣлецъ упитанный!" „Пріидите всѣ, нищіи и убозіи, — и насладимся!" Не крохи, не крупицы упадутъ намъ со стола этой божественной вечери, а неистощимые благодатные дары... И блаженъ тотъ, кто, подобно мытарю, будетъ стоять нищимъ у порога церковнаго и молитвенно взывать: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣш-

ному!“ Въ его смиренномъ сердцѣ еще здѣсь, на землѣ, будетъ почивать и царствовать Богъ. Въ будущей же жизни Онъ воцарится въ немъ во вѣки и прославитъ его „славою нетлѣнною“...

Но, сознавъ свою нищету, можетъ ли истинно вѣрующій человѣкъ отнестись къ ней благодушно?! Нѣтъ, онъ градомъ слезъ ороситъ свое скорбное сердце... И блаженъ онъ за это: такъ какъ *„блаженны плачущіи,* возвѣщаетъ Спаситель, *ибо они утѣшатся“*.

„Есть плачъ мірской, печаль міра сего: плачетъ безсильная злоба, плачетъ униженная гордость; плачетъ неудовлетворяемая суетность; плачетъ оскорбленное самолюбіе... Но такая печаль ведетъ къ духовной смерти. (2 Кор. VII, 10). Не пустыя, бездушныя, легковѣсныя слезы источаетъ намъ блаженство, а плачъ, соединенный съ сокрушеніемъ сердца, плачъ о томъ, что мы своими грѣхами постоянно оскверняемъ въ себѣ образъ Божій“...

„Подумай, человѣкъ! восклицаетъ вдохновенный проповѣдникъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій... Богъ отобразилъ Себя въ тебѣ, какъ солнце отображается въ каплѣ воды, ты сдѣланъ какъ бы нѣкоторымъ богомъ на землѣ, какъ сказано: „Азъ рѣхъ: бози есте́, и сынове Вышняго вси“ (Пс. LXXXI, 6), а ты ежедневно бросаешься въ грязь, окаляешь этотъ образъ страстями житейскими, пристрастіемъ къ міру, невѣріемъ, гордостію, ненавистію, завистію, невоздержаніемъ, пьянствомъ и прочими страстями... Плачь же объ этомъ! Плачь и о томъ, что ты носишь только имя христіанина... а живешь, какъ язычникъ... Во Христа крестился, но новой тварью не сдѣлался, — не облекся въ Него“ (Гал. III, 27). Словомъ, плачь всегда, когда въ тебѣ или въ другихъ добро заглушается зломъ“...

Но на ряду съ „нищими духомъ“ и „плачущими“ Христосъ Спаситель ублажаетъ и „кроткихъ“: *блаженны кроткіе*, говоритъ Онъ, *ибо они наслѣдуютъ землю“*.

Кротость — это великая, побѣждающая сила, гдѣ бы она ни проявлялась: въ міровомъ ли ходѣ всего христіанства, въ жизни ли отдѣльной человѣческой души...

Міръ, полный лукавства и беззаконія, преуспѣваетъ на пути своемъ. Онъ съ шумомъ и торжественно несется по пути внѣшняго развитія, не зная Бога и не нуждаясь въ немъ. Благочестивый человѣкъ, пребывая въ Церкви, остается совсѣмъ въ сторонѣ отъ этого шумнаго и побѣднаго шествія. Онъ нравственно никакъ не можетъ примкнуть къ нему. Онъ не можетъ сдѣлаться однимъ изъ дѣятелей и участниковъ его. Однако внѣшній успѣхъ міра, его побѣдные клики, его презрительное отношеніе къ смиренной Христовой Церкви, — не могутъ ли иногда смутить и вѣрующее сердце, не могутъ ли иногда заронить искру зависти и ревности даже и въ мужественную душу? Люди міра сего во лжи и безъ Бога, обгоняя и попирая другъ друга, покоряютъ землю и овладѣваютъ ея благами. А живущіе во Христѣ, стараясь блюсти внутреннюю правду и жить по-божьи, конечно по необходимости должны отстать въ этомъ состязаніи и, конечно, на нихъ свысока и съ презрѣніемъ будутъ смотрѣть обгоняющіе ихъ на всѣхъ путяхъ гордые дѣятели міра.

Но не будемъ смущаться этимъ. Пути Церкви въ рукахъ Бога. Предадимъ Ему пути наши и не будемъ бояться, Онъ выведетъ, какъ свѣтъ, правду нашу и справедливость нашу, какъ полдень.

Мы должны твердо вѣрить въ силу и крѣпость нашего Бога. Даже гнѣва мы не должны допускать въ своемъ сердцѣ, видя успѣхи беззаконниковъ, а тѣмъ болѣе ревновать до того, чтобы имъ дѣлать зло. Не нашъ ли Богъ еще устами Давида открылъ намъ, что дѣлающіе зло истребятся, а кроткіе наслѣдуютъ землю и насладятся множествомъ міра? Развѣ это обѣщаніе Бога можетъ не исполниться? А Христосъ не то же ли сказалъ намъ: *Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю?* Конечно, для насъ это обѣтованіе звучитъ нѣсколько странно: невѣріе и безбожіе міра успѣло и на насъ набросить свою тѣнь и мы колеблемся вѣрить въ торжество кроткихъ на этой землѣ, и наслѣдованіе земли готовы понимать въ общемъ туманно-отвлеченномъ видѣ какого-то иносказанія...

Но тутъ прямой смыслъ и прямая правда, и она осуществится

вполнѣ, когда придетъ Христосъ на землю со всѣми святыми, когда будетъ новое небо и новая земля, и когда кроткіе, обновленные, подобно Ангеламъ Божіимъ, наслѣдуютъ эту землю, данную имъ Богомъ въ удѣлъ при созданіи міра.

И посмотрите, какъ уже во многомъ исполнились откровенія Божіи относительно кроткой Церкви Христовой. Не скрежетали-ли на нее зубами своими представители іудейскаго народа, и не посмѣялся-ли надъ ними Богъ, предвидя день ихъ національной гибели? Не обнажали-ли своихъ мечей, не натягивали-ли своихъ луковъ язычники, чтобы низложить церковь бѣдныхъ и нищихъ, чтобы пронзить идущихъ прямымъ путемъ? И не вошелъ-ли мечъ ихъ на ихъ-же сердца, и не сокрушились-ли ихъ луки? Не преклонилась-ли языческая сила къ подножію креста Христова, предварительно въ безуміи распявши на крестахъ множество невинныхъ жертвъ? И кого хотѣли стереть съ лица земли всяческими способами муки и смерти,—не они-ли терпѣніемъ и кротостію побѣдили своихъ мучителей и наслѣдовали ихъ землю?

Но борьба міра противъ Церкви не прекратилась. Насиліе изъ одной формы перешло въ другую. Побѣжденное въ одномъ родѣ оружія, оно схватилось за другое. Безбожные владѣтели несмѣтныхъ богатствъ міра, воюющіе и теперь противъ Христа и Церкви, держащіе въ своихъ рукахъ судьбы народовъ и забирающіе въ свою власть землю, — кто они, какъ не тѣ же прежде скрежетавшіе зубами на апостоловъ еврейскіе начальники, какъ не тѣ же бичевавшіе и казнившіе ихъ представители языческой силы?

Но и ихъ судьба предсказана. Въ то время, какъ они, соединившись вмѣстѣ, войдутъ въ славу и вознесутся, — ихъ постигнетъ гибель; исчезая,—исчезнутъ они, какъ дымъ... И современный соціализмъ и анархизмъ не есть-ли предвѣстники исполненія этого предсказанія? Нашествія полчищъ кровожадныхъ варваровъ извнѣ и извнутри такъже въ рукѣ Божіей, какъ и все во вселенной, и злыя силы, побивая и ниспровергая другъ друга, а иногда карая и добрыхъ за преступленія и грѣхи, исполняютъ великій законъ нравственнаго возмездія и не-

умытной справедливости, которая присуща самымъ стихіямъ міра и отъ которой никто и нигдѣ вырваться не сможетъ. И этотъ законъ рокового саморазрушенія зла, насилія, гибнущаго отъ собственнаго же насилія, исполняясь здѣсь, на землѣ, очищаетъ на ней мѣсто торжеству кротости (Пс. XXXVI, 34—40); являясь побѣдной, торжествующей силой въ міровыхъ отношеніяхъ. кротость и въ частной жизни, въ отношеніяхъ одного къ другому выступаетъ какъ сила, способная не только побѣдить врага, но и нравственно возродить его, измѣнить, сдѣлать другомъ.

Въ житіи св. Макарія Египетскаго разсказывается, какъ онъ однажды шелъ къ себѣ въ пустыню со своимъ ученикомъ, еще молодымъ послушникомъ. Дорога шла въ гору. Юноша-ученикъ опередилъ старца-учителя и вдругъ на поворотѣ встрѣтилъ языческаго жреца.

— Сторонись, слуга дьявола!—крикнулъ на него не въ мѣру горячій юноша.

Жрецъ разсердился и изо всей силы ударилъ оскорбителя палкою. Юноша упалъ безъ чувствъ. За новымъ поворотомъ жрецъ встрѣтилъ самого Макарія. Угодникъ Божій, не ожидая привѣтствія, самъ сказалъ: „Богъ въ помощь, дорогой мой братъ! Дай Богъ тебѣ добраго пути!“ Жрецъ былъ умиленъ и пораженъ такимъ привѣтствіемъ: онъ зналъ, что св. Макарій былъ христіанинъ.

— Я вѣдь язычникъ!—сказалъ онъ угоднику.—Какъ ты называешь меня братомъ? Кромѣ того я сейчасъ ударомъ палки ошеломилъ твоего ученика. Пожелаешь ли ты теперь мнѣ добраго пути?

— Теперь тѣмъ болѣе желаю тебѣ добраго пути, что ты идешь дурнымъ путемъ, путемъ злобы и мести. А что называю тебя братомъ, такъ у насъ у всѣхъ одинъ Отецъ — Господь, а мы, всѣ Его дѣти, между собою братья.

Рѣчь старца плѣнила жреца. Онъ долго бесѣдовалъ со св. Макаріемъ, а потомъ крестился. Такъ кротость побѣждаетъ сердца!

Кто созналъ свое духовное убожество и сокрушается о немъ, кто стяжалъ кротость и вкусилъ плодовъ ея,—тотъ почувствуетъ непре-

мѣнно въ себѣ острый приступъ духовной жажды и плода. Голодъ— это первый признакъ выздоравливающаго человѣка. „Чувство жажды и голода служитъ иногда для человѣка могучимъ рычагомъ, понуждающимъ его къ труду и предпріимчивости... Прекрасно по этому поводу разсуждаетъ одинъ вдумчивый духовный писатель. „Если первыя три блаженства устанавливаютъ наши отношенія къ Богу (нищета), къ себѣ (скорбь) и къ людямъ (кротость), то четвертое является вспомогательнымъ ко всѣмъ тремъ первымъ. Оно представляетъ переходъ отъ состояній страдательныхъ къ дѣятельнымъ.

Голодъ и жажда — сильныя ощущенія, особенно, когда они соединяются вмѣстѣ. Жаждущему ничего не жаль „за стаканъ воды“ [1]). Голодный мечтаетъ только о кускѣ хлѣба. Никакими пѣснями не убаюкаешь его голода!.. Подобное же состояніе испытываетъ и тотъ, кто алчетъ и жаждетъ правды... Всѣ его стремленія и порывы направлены къ ней, къ правдѣ Божіей, блистающей ярче солнца. Ни что другое для него не существуетъ. Онъ равнодушенъ ко всему.

Но „духовный голодъ“—явленіе, свойственное не отдѣльнымъ только людямъ. Оно присуще всѣмъ духовно здоровымъ личностямъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ... Прочтите Библію... Какое томительное исканіе личной и общественной правды слышится тамъ и въ рѣчахъ пророковъ, и въ бесѣдѣ Іова съ друзьями, и въ Екклезіастѣ, и въ книгѣ Сираха и почти на каждой страницѣ этой живой и вѣчной книги! Этотъ же духовный голодъ привелъ восточныхъ мудрецовъ къ яслямъ Виѳлеемскимъ, заставилъ галилейскихъ рыбаковъ и мытарей кинуть свои снасти и мытницы по одному слову Іисуса: „иди за Мной“. Жажда правды подняла на дерево низкорослаго Закхея и повергла падшую женщину къ ногамъ Іисуса. Еще несовершенно заглушенное чувство правды слышится въ вопросѣ римскаго игемона: „что есть истина?“ Почтеніе къ правдѣ уцѣлѣло даже въ груди распятаго съ Іисусомъ преступника. Тщетно искавшій правду въ борьбѣ противъ юной церкви

---

[1]) „Отдыхъ Христіанина“ 1902 г. Май, стр. 17—38.

христіанской, Савлъ нашелъ ее въ единомъ безгрѣшномъ Господѣ Іисусѣ. За правду сонмы мучениковъ шли на костеръ и плаху, для нея люди съ твердой волей отрекались отъ утѣхъ жизни, отъ семьи и имущества и шли въ пустыни для труда, подвига и борьбы съ духами злобы. Не правду-ли отыскиваютъ и теперь съ котомками на плечахъ русскіе паломники и паломницы, посѣщая Соловки, Аѳонъ и Іерусалимъ? Не она-ли собираетъ ежедневно толпы томящихся душевною тоскою къ Кронштадтскому пастырю?.." [1]).

Пусть же правда навсегда сохранитъ обаятельную силу для насъ. До самой могилы донесемъ это чаяніе высшаго и лучшаго, этотъ голодъ правды, и тогда смерть явится для насъ радостной вѣстницей желаннаго удовлетворенія души.

„Одному старцу, замѣтилъ знавшій его въ болѣе ранніе годы юноша: „какъ вы постарѣли!". „Нѣтъ!" бодро отвѣчалъ обремененный годами труженикъ христіанинъ: „я не старѣю, а созрѣваю".

Достигая оправданія и чувствуя все блаженство отъ него, ощущая въ своей душѣ миръ и гармонію, человѣкъ не можетъ не желать того же и другимъ. Онъ дѣлается другомъ всѣхъ. Онъ всѣмъ хочетъ одного добра. Душа его такъ и просится на дѣло благотворительности. Сердце его полно ко всѣмъ милости и всепрощенія... И вотъ Спаситель провозглашаетъ дальше: *„блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ"*.

Но разъ правда и милость нашли себѣ пріютъ въ сердцѣ человѣка, то значитъ здѣсь же воцаряется Самъ Богъ, Источникъ свѣта, въ которомъ нѣтъ и тѣни грѣха. Человѣкъ тогда всѣмъ внутреннимъ существомъ своимъ переживаетъ общеніе съ Богомъ. Сокровенными очами своего чистаго сердца онъ видитъ, созерцаетъ Его, и это является для него источникомъ блаженства. Лоно души христіанина не возмущается уже больше „бурей помышленій суетныхъ и лукавыхъ"... Чистое и гладкое, оно не покрывается рябью ненависти и гнѣва. Христіанинъ, живущій такимъ настроеніемъ, избѣгаетъ вражды. Онъ не

[1]) „Отдыхъ Христіанина", 1902 г., май, стр. 20.

любитъ видѣть ее и между другими. Ему вездѣ желательно встрѣчать миръ, согласіе, и потому онъ старается вносить его всюду съ собою, дѣлаясь так. обр. миротворцомъ. А это великая заслуга предъ Богомъ мира и любви.

„Блажени миротворцы, говоритъ Христосъ Спаситель, *ибо они будутъ наречены сынами Божіими“*. Какъ чрезъ грѣхъ и вражду человѣкъ становится сыномъ діавола, такъ наоборотъ черезъ правду и миръ дѣлается сыномъ Божіимъ.

Итакъ, безъ смиренія и сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ; безъ кротости, правдивости, милосердія, чистосердечія и отвращенія отъ вражды нельзя сдѣлаться наслѣдникомъ царства небеснаго. И эти добродѣтели такъ тѣсно связаны между собою, что развитіе одной непремѣнно влечетъ за собой и развитіе другой. Это ступени одной и той-же лѣстницы.

Но несомнѣнно, что царство лжи и неправды, господствующее на землѣ. не останется равнодушнымъ къ людямъ, съ такими высокими запросами и качествами души. Натискомъ злобы и страшныхъ гоненій встрѣтитъ оно истинныхъ учениковъ Христовыхъ. Какъ самъ Божественный Учитель пострадалъ и умеръ за правду, такъ ничего другого, кромѣ скорби и страданій, не могутъ ожидать для себя со стороны „міра сего“ и всѣ послѣдователи Христовы. Ложь будетъ возставать всегда за правду. Жестокость и себялюбіе будутъ всегда давить обнаруженіе кротости и милосердія. Вотъ почему Іисусъ Христосъ, перечисливъ качества истинныхъ членовъ царства Его, указываетъ и на преслѣдованія, съ которыми неизбѣжно придется столкнуться Его вѣрнымъ ученикамъ.

„Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ“.

Это самоотверженіе послѣдователя Христова, эта готовность потерпѣть *изгнаніе за правду* и *поношеніе за Христа* — составляютъ по-

слѣднюю ступень на пути къ царству Божію. Человѣкъ, дошедшій до готовности положить душу свою за правду и Христа, непобѣдимъ въ своихъ стремленіяхъ къ блаженству. Онъ дѣйствительно является „солью земли“, столь необходимой для внѣшняго міра.

„Почтеніе къ соли свойственно многимъ народамъ, въ томъ числѣ и русскому. Повѣрье русское, что просыпать соль — къ бѣдѣ, имѣетъ въ своей основѣ обязанность бережнаго отношенія къ соли. Древніе христіане употребляли соль при крещеніи, а у евреевъ соль употреблялась при жертвоприношеніи. Жертва осолялась, чтобы быть угодной Богу. Земля, земное — есть жертва Богу, поэтому для земли необходима соль.

Подъ землей разумѣется все земное: домашняя жизнь, ремесла, торговля, науки, искусства, общественные и государственные законы и обычаи. Все это должно быть очищено, оздоровлено, освящено, осолено, чтобы земное стало жертвою Богу. О, какъ и нынѣ нуждается земля въ осоленіи! Сколько въ ней гноя грѣховнаго! Сколько испорченности въ верхнихъ и низовыхъ слояхъ народныхъ!“ [1]).

Своей пламенной вѣрой осоляя, оздоровляя окружающую среду, истинный христіанинъ и самъ духовно растетъ, крѣпнетъ. Сила вліянія его постепенно расширяется. Сначала, разбѣгаясь во всѣ стороны жизни незримыми, незамѣтными путями, она сосредоточивается, собирается въ силу могучую, яркую, свѣтъ которой уже не можетъ укрыться даже отъ равнодушнаго, невнимательнаго глаза... Такой христіанинъ во всей широтѣ исполняетъ тотъ завѣтъ, который былъ выраженъ Христомъ Спасителемъ въ нагорной бесѣдѣ: *„вы — свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій наверху горы. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ спудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго“*. „Свѣтъ болѣе, чѣмъ соль, имѣетъ свойство распространяться. Чрезъ него и темные предметы дѣлаются видными, ясными и иногда свѣтящимися“.

---

[1]) См. „Отдыхъ Христіанина“, 1903 г., кн. 2, стр. 79.

Солнце міра, Солнце правды — Христосъ. Безъ Него міръ былъ бы окутанъ сплошнымъ мракомъ суевѣрія, лжи и грѣха, не имѣлъ бы истинной жизни и не зналъ бы чистой радости. А теперь область мрака сокращена, и всѣ желающіе могутъ быть чадами свѣта Христова. „Вы были нѣкогда тьма, а теперь вы — свѣтъ въ Господѣ“ (Еф. V, 8); „вы сіяете, какъ свѣтила въ мірѣ“ (Филип. II, 15), — писалъ апостолъ недавнимъ язычникамъ... Конечно, безъ Христа христіане не имѣли бы свѣта и не могли бы свѣтить другимъ. Слово ихъ было бы лишено мудрости... Жизнь ихъ не была бы озарена свѣтомъ любви, и они ничѣмъ не походили бы на городъ, стоящій наверху горы...

Не для того строятъ городъ на вершинѣ горы или холма, чтобы люди видѣли этотъ городъ, но всеже онъ невольно обращаетъ на себя вниманіе окрестныхъ жителей и пришлецовъ. Такъ и каждый христіанинъ долженъ стремиться къ духовной высотѣ не изъ тщеславія, не для похвалы, но по внутренней потребности общенія со Христомъ. Однако съ первыхъ временъ существованія Церкви жизнь христіанъ обращала на себя общее вниманіе, и язычники говорили: „какая у нихъ любовь другъ къ другу, какія у нихъ благородныя женщины!“ Въ наше время большинство христіанъ спустилось съ вершины горы и расположилось на разной высотѣ по отлогостямъ ея. Но все же много и такихъ, которые по твердости вѣры, высотѣ чувствъ и желаній стоятъ не ниже христіанъ перваго вѣка. Это люди, подобные преп. Саровскому Серафиму, Оптинскому Амвросію и многимъ другимъ, даже нынѣ живущимъ. Они не искали извѣстности, бѣгали ея, принижались, уходили въ затворъ, предавались молчанію, но надъ ними во всей силѣ исполнилось и исполняется слово Учителя: „не можетъ укрыться градъ, стоящій наверху горы“. Толпы народа знатнаго и незнатнаго, старцы, юноши и дѣвы идутъ къ такимъ подвижникамъ за наученіемъ, за утѣшеніемъ, за совѣтомъ, за помощью и поддержкой, за молитвой и благословеніемъ“ [1])...

---

[1]) „Отдыхъ Христіанина“ 1903 г., кн. 2, стр. 84.

Стремясь стать наверху горы, каждый христіанинъ однако хорошо долженъ помнить, что есть высота жизни и есть высота положенія, что безнаказанно ихъ смѣшивать нельзя и что если послѣдняя не соединяется съ первой, то эта измѣна знамени получаетъ широкую огласку и преувеличенное значеніе... Но если на вершину лѣстницы поставленъ будетъ дѣйствительно яркій свѣтильникъ, то свѣтъ его, не убавляясь, широко будетъ разливаться кругомъ.

„Свойство свѣта таково, что онъ не умаляется въ своемъ источникѣ отъ сообщенія его на сторону, отъ выдѣленія его другимъ... Напротивъ, свѣтъ, перестающій освѣщать другіе предметы, угасаетъ. Свѣтильникъ, спрятанный подъ сосудъ, гаснетъ отъ недостатка воздуха. Кто хочетъ сохранить христіанство только для себя, тотъ ослабляетъ христіанское настроеніе. Въ немъ прекращается то горѣніе сердца, которое испытывали ученики Христа въ Его присутствіи, угасаетъ тотъ свѣтящій міру огонь, который принесъ Господь на землю“ [1])...

Для такого свѣта наша жизнь служитъ какъ бы подставкой. Чѣмъ выше подсвѣчникъ, тѣмъ шире разливается свѣтъ поставленной на немъ свѣчи. Чѣмъ благороднѣе и святѣе наша жизнь, тѣмъ создается большій кругъ ея вліянія на окружающую среду, тѣмъ дальше и въ каждый уголокъ „дома“ проникаютъ лучи „свѣта Христова“. Этимъ свѣтомъ освѣщается прежде всего семья, всѣ тѣ, которые живутъ съ нами въ одномъ домѣ, подъ одной кровлей. „Невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующей и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ“ (1 Кор. VII, 14).

„Не покорявшіеся слову Божію мужья „житіемъ женъ своихъ пріобрѣтаемы были“ (1 Петр. III, 1). Изъ тѣснаго круга семьи свѣтъ жизни христіанской расходится, иногда совершенно незримо, по всему пространству общественной жизни. „Изъ семьи исходитъ все великое, какъ огромныя рѣки изъ малыхъ ручейковъ“.

Образованныя по духу міра женщины нынѣ жалуются, что сфера ихъ вліянія слишкомъ мала (хозяйство, дѣтская...). Но, не говоря уже

[1]) „Отдыхъ Христіанина“, тамъ же.

о томъ, что жалоба эта преувеличена, — въ ней слышится несправедливая оцѣнка самаго многоцѣннаго въ мірѣ. Забываютъ, что „изъ дѣтской правятъ міромъ“. Семья, дѣти — это будущность страны, это народъ, Церковь, Царство Божіе, небо!“ [1]).

„Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго. Конечно, это не значитъ, что христіанинъ долженъ выставлять на показъ свои добродѣтели. Это значитъ, что та внутренняя работа, которую производитъ всякій христіанинъ въ тайникѣ своего сердца, не можетъ оставаться неизвѣстной міру. Какъ нѣкогда рѣчь обличила принадлежность Петра къ апостольскому сонму, такъ и теперь всякаго христіанина обличаетъ его собственное поведеніе, чуждое злобѣ, зависти и всякихъ происковъ и полное, наоборотъ, миролюбія, чистоты и самоотверженной любви. Дай же, Боже, чтобы всѣ мы были носителями свѣта Христова не только въ ученіи, но и въ жизни своей, въ каждомъ движеніи ума и сердца, въ каждомъ поступкѣ и дѣйствіи!

[1]) „Отдыхъ Христіанина“, тамъ же.

XI.

Евангельская правда и Молитва Господня.

Съ зеленѣющаго холма продолжала раздаваться божественная проповѣдь... Все кругомъ все также было полно умиленія... Простота обстановки какъ бы говорила о безхитростной простотѣ сердецъ тѣхъ, которые тѣснымъ кольцомъ окружали Спасителя и внимали сейчасъ Его Святѣйшему слову. Ясное, чистое небо, необъятнымъ куполомъ раскинувшееся надъ собравшимся народомъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало неземной высотѣ Христова ученія, возвѣщавшагося здѣсь, среди храма природы...

Въ дальнѣйшей Своей рѣчи Христосъ Спаситель переходитъ къ Закону Моисееву и къ тѣмъ понятіямъ, какія на основаніи его создались у евреевъ.

Евреи полагали, что законъ запрещаетъ только злыя дѣла. Но Іисусъ Христосъ съ особенной настойчивостью указываетъ на то, что злая мысль тоже осуждается Богомъ, такъ какъ она необходимо вле-

четъ за собой злое дѣло. Потому то одной внѣшней праведности, которой такъ гордились книжники и фарисеи, недостаточно для истиннаго послѣдователя Христова.

„Если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, говоритъ Христосъ Спаситель, то вы не войдете въ Царство Небесное".

Гнѣвъ и ненависть, злоба и вспыльчивость по отношенію къ ближнимъ — противозаконны даже въ томъ случаѣ, когда за ними непосредственно не слѣдуетъ какого-либо внѣшняго бѣдствія.

Наши мысли должны быть направлены на то, что даетъ здравую пищу уму. Наши чувства должны быть полны любви и мира...

Еврейскій законъ повелѣваетъ: „не убій". Христосъ же говоритъ: „ты не долженъ и гнѣваться на брата своего". Еврейскій законъ постановляетъ: „не преступай клятвы".

Христосъ же заповѣдуетъ: „не клянись вовсе", т. е. живите такъ, чтобы клятва исключалась изъ употребленія самой жизнію, а не внѣшнимъ предписаніемъ; исключалась бы тѣмъ внутреннимъ порядкомъ вещей, тѣмъ внутреннимъ настроеніемъ Царства Божія, которое искренность и правдивость дѣлаетъ общимъ правиломъ и тѣмъ самымъ совершенно уничтожаетъ нужду въ какой либо клятвѣ или внѣшнемъ завѣреніи. Вмѣстѣ съ клятвой отпадаетъ и неумолимый законъ возмездія, гласившій: *„око за око, и зубъ за зубъ"*; — вмѣсто него пусть въ основаніе не только личной, но и общественной жизни ляжетъ противоположный законъ, — законъ любви. Пусть на немъ строятся всѣ человѣческіе поступки и отношенія.

Эти великія христіанскія основы, которымъ насъ учатъ съ дѣтства, были совершенно неизвѣстны евреямъ. Миръ, любовь, радость и надежда, вотъ тѣ новыя добродѣтели, которыя Господь принесъ съ неба на землю, дабы по нимъ построить всю нашу земную жизнь. Далѣе Спаситель выразилъ свой взглядъ на значеніе и характеръ милостыни.

— Смотрите, — предупреждалъ Іисусъ Христосъ, — не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ:

иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего небеснаго. Итакъ, когда творишь милостыню, не труби предъ собою, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая; чтобы милостыня твоя была въ тайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.

„Не можетъ-ли кому нибудь показаться страннымъ такой взглядъ на милостыню? Отчего такая строгость требованія? Почему не дѣлать добра предъ людьми? Почему нужно избѣгать ихъ взоровъ и сужденій? Не для нихъ ли я дѣлаю? И не отъ нихъ ли я и долженъ естественно ждать признанія того, что я сдѣлалъ? И самая похвала ихъ мнѣ, самая слава моя не могутъ ли принести пользы уже тѣмъ однимъ, что она возбуждаетъ соревнованіе въ добрѣ, ставитъ меня на видъ, призывая и другихъ подражать мнѣ? А чрезъ это растетъ и общественное благосостояніе и личная щедрость. Чего же лучше? И не видимъ ли мы эти пріемы въ общественной жизни Запада? Не вызвали ли тамъ слава и рекламы многое множество добрыхъ дѣлъ? Почему же Господь смотритъ совершенно иначе?

Потому что милостыня для Его послѣдователей должна имѣть только религіозный характеръ.

Всякое благотвореніе должно имѣть отношеніе только къ Богу; оно должно совершаться только предъ Нимъ, предъ Его очами, какъ жертва во славу Его. У насъ теперь обычный взглядъ, что благотвореніе есть дѣло гуманности, что оно должно имѣть внутреннее отношеніе только къ человѣку или обществу. Когда мы подаемъ милостыню, мы смотримъ на это такъ, что мы дѣлаемъ добро человѣку, благодѣтельствуемъ ему. Когда мы жертвуемъ на какое-нибудь общественное дѣло, мы думаемъ, что приносимъ благо обществу... Мысль о Богѣ у насъ при этомъ если и есть, то занимаетъ второстепенное мѣсто. Поэтому то естественно, что мы смотримъ, какъ отразилось наше добро въ сознаніи тѣхъ, для кого мы его сдѣлали. Мы поло-

жили въ руки нищему монету — и смотримъ, благодаренъ ли онъ намъ; мы пожертвовали обществу денегъ — и ожидаемъ отъ него признательности. Разговоры о нашей щедрости, статья въ газетахъ о ней — все это, совершенно понятно, требуется нами, какъ необходимое слѣдствіе нашего добраго дѣла, если мы дѣлаемъ его только ради человѣка. Мы бросили зерно на ниву людей и, естественно, ожидаемъ всхода на ней, который показалъ бы намъ, что мы бросили не напрасно, что почва благопріятна...

Господь совсѣмъ не такъ повелѣваетъ намъ смотрѣть на это. *Я* и *Богъ* — вотъ только кто долженъ быть при благотвореніи. *Я даю милостыню*, — это все равно, что я приношу жертву Богу. Человѣкъ, которому я подаю, это только живой жертвенникъ. Я долженъ быть благодаренъ ему, что онъ есть, что онъ около меня, и я могу на немъ выразить свою любовь къ Богу посильной жертвой. Его признательность или непризнательность — для меня дѣло постороннее, какъ качество матеріала, изъ котораго сдѣланъ жертвенникъ. Онъ долженъ быть изъ хорошаго матеріала, но собственно къ моей жертвѣ мысль объ этомъ не имѣетъ никакого внутренняго отношенія. Одного слѣдствія я долженъ желать: это, — чтобы моя жертва была угодна Богу, чтобы Онъ принялъ ее. А это тѣмъ скорѣе можетъ быть, чѣмъ чище она, т. е. чѣмъ менѣе въ ней постороннихъ мотивовъ и мыслей о славѣ и человѣческихъ соображеній о благодарности, чѣмъ пламеннѣй она устремляется къ Богу и только къ Нему Одному. Въ священной исторіи есть картины, изображающія жертвы Каина и Авеля. У Каина дымъ стелется и разносится по землѣ, у Авеля же прямо возносится къ небу. Можетъ быть, это и, дѣйствительно, было знакомъ, по которому они узнали, что жертву одного Богъ отвергнулъ, а жертву другого принялъ. Во всякомъ случаѣ, у древнихъ народовъ это было средствомъ узнавать, угодна ли жертва Богу, или нѣтъ. Тоже самое можетъ быть приложимо и къ нашимъ благотвореніямъ. Худо, если молва о нихъ стелется по землѣ, разносится вѣтромъ газетъ по всѣмъ городамъ и селамъ. Хорошо, если они, какъ жертва Авеля, возносятся прямо къ Богу, въ чистой, лазурной тишинѣ нашего сердца.

съ нашею молитвою, потому что, хотя и безконечно велико пространство небесное, однако Онъ, Вездѣсущій, знаетъ и видитъ насъ и слышитъ, когда мы молимся Ему.

Да святится имя твое! — Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа (Пс. CXXXIV, 1), воспѣвалъ еще Царь Давидъ въ своихъ псалмахъ. Пусть же прославляется, пусть благословляется и святится имя Небеснаго Отца такъ, чтобы всѣ народы на свѣтѣ Его познали и имя Его прославляли. Много есть еще народовъ на свѣтѣ, которые не знаютъ истиннаго Бога, не умѣютъ еще прославлять имя Его такъ, какъ мы прославляемъ, потому что мы уже Христіане, у насъ есть храмы Божіи, у насъ есть и молитвы, и пѣснопѣнія. О, если бы настало то время, когда всѣ люди едиными усты и единымъ сердцемъ стали бы прославлять имя Господне!

Да пріидетъ царствіе Твое! Есть царство земное, нынѣ такое, завтра иное. Одинъ царь мудрый и добрый, другой не таковъ, и въ царствахъ земныхъ все и всегда измѣняется. Что было за 100 лѣтъ назадъ, того и слѣдовъ не осталось теперь. Иные законы, другіе нравы, теперь и въ нѣсколько лѣтъ все перемѣняется. Но царствіе Божіе всегда стоитъ неизмѣнно. Это царство—вѣчной правды. Чтобъ эту правду всѣ люди познали, чтобы ее полюбили, чтобы по этой правдѣ жили, и по смерти себѣ вѣчное царство небесное заслужили,—вотъ объ этомъ и молимся мы въ словахъ: „да пріидетъ царствіе Твое!“

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли! Согласно съ волею Божіею неизмѣнно движатся тамъ на небѣ эти безчисленныя звѣзды; согласно съ волею Божіей живетъ и самая малая букашка на свѣтѣ; волю Божію исполняютъ на небесахъ чистые духи—Ангелы и Св. угодники Божіи... Вотъ мы и молимся, чтобы и люди на землѣ точно такъ-же исполняли волю Божію, какъ Ангелы и святые Божіи исполняютъ ее на небѣ, то есть,—чтобы помогъ намъ Отецъ Небесный и самимъ сдѣлаться святыми.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь! Что значитъ насущный? Это слово означаетъ все то, что намъ необходимо для нашей жизни,

для нашего существованія. Нуженъ намъ хлѣбъ, нужна вода, нужно тепло, нуженъ воздухъ, нужна одежда... Вотъ всего этого мы и просимъ у Отца Небеснаго. Мы бѣдны, если у насъ хлѣбъ не уродится, мы бѣдны, если повысохнетъ вода въ потокахъ и рѣкахъ и негдѣ намъ будетъ достать ее; мы бѣдны, если намъ не во что одѣться, если нѣтъ у насъ теплаго угла; все это намъ необходимо для жизни, для существованія, вотъ все это и называется насущнымъ хлѣбомъ. Даждь намъ днесь. Просимъ только на одинъ день, безъ излишней заботы о томъ, гдѣ намъ взять завтра; завтра мы опять попросимъ у Бога, и Богъ намъ снова подастъ, если будемъ достойны. Не думайте, други, что мы тутъ просимъ только того хлѣба, который въ полѣ родится. Нѣтъ, мы просимъ и хлѣба духовнаго для души. А хлѣбъ духовный, — это прежде всего Пречистое Тѣло и Кровь Христовы, которыхъ мы вкушаемъ въ таинствѣ св. Причащенія, затѣмъ это—слово Божіе, которое содержится въ св. Писаніи и проповѣдуется въ церкви; безъ всего этого душа наша не можетъ жить, какъ тѣло безъ хлѣба.

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Ахъ, какъ много такихъ, которые не помнятъ этихъ Св. словъ! Идутъ на исповѣдь, чтобы получить прощеніе грѣховъ, а не хотятъ попрощаться съ своими сосѣдями, на которыхъ держатъ гнѣвъ! Брату, сосѣду не хочетъ отпустить малый грѣхъ, иногда одно какое-нибудь слово, а хочетъ, чтобы Богъ отпустилъ ему всѣ его грѣхи!.. Такъ не можетъ быть. Прежде прости своему должнику, тогда и тебѣ Богъ проститъ твои долги. Господь сказалъ однажды такую притчу: одинъ царь сталъ считаться съ рабами своими, и вотъ привели къ нему должника, который долженъ былъ страшно-большую сумму; заплатить ему было нечѣмъ, и царь приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей въ уплату долга. Но рабъ упалъ къ его ногамъ и умолялъ: „Государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу“. Царь умилосердился и простилъ ему весь долгъ. Рабъ вышелъ отъ царя и встрѣтилъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему самую пустую сумму. Онъ схватилъ его и сталъ душить, говоря: „отдай мнѣ, что

долженъ!"—Тотъ палъ къ ногамъ его и умолялъ: „потерпи на мнѣ, и все тебѣ отдамъ". Но злой рабъ не хотѣлъ терпѣть и посадилъ товарища въ темницу. Узнавъ о томъ, царь позвалъ немилосердаго къ себѣ и сказалъ: „злой рабъ! я простилъ тебѣ весь долгъ твой, а ты не захотѣлъ помиловать своего товарища, какъ я помиловалъ тебя?" И прогнѣванный царь отдалъ его истязателямъ на мученіе, пока не уплатитъ всего своего долга. Такъ и Отецъ Мой Небесный поступитъ съ вами, сказалъ Господь, если не проститъ каждый отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его!.. Будемъ почаще припоминать эту притчу!

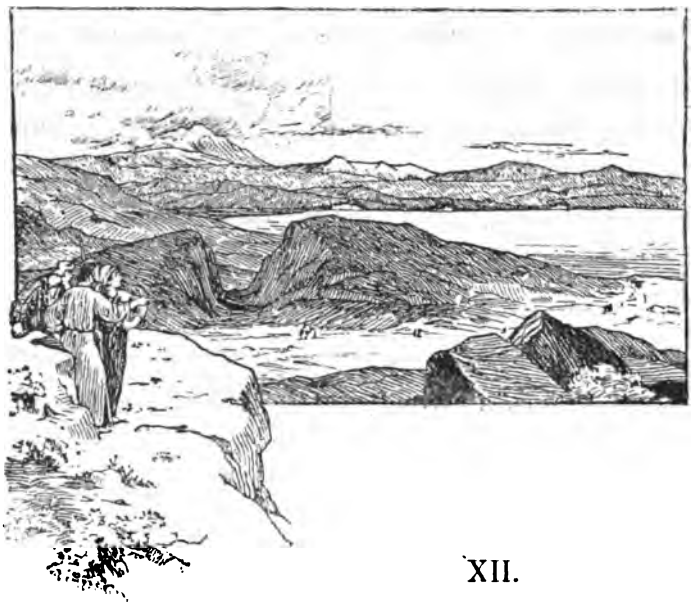
И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Господь Богъ попускаетъ человѣку впадать въ разныя искушенія. Это потому, что если бы не было зла, то мы не цѣнили бы и добра. Адамъ и его дѣти не могли похвалиться трезвостію, потому что тогда еще не было никакого вина. Такъ и тотъ, кого запрутъ на замокъ, не можетъ похвалиться, что онъ ни у кого ничего не укралъ. Добродѣтель состоитъ въ томъ, что мы можемъ дѣлать худое, но не дѣлаемъ. Мы просимъ Бога, чтобы не вводилъ насъ во искушеніе, то есть, чтобы мы не впадали въ грѣхъ. Искушеніе имѣетъ иногда великую силу. Увидимъ ли гдѣ веселье и забавы, насъ такъ и тянетъ туда; увидимъ-ли чужое добро, а около его нѣтъ хозяина, найдемъ ли чужую вещь,— является искушеніе присвоить ее себѣ. Красивое лицо, нарядная одежда у другого бываетъ для насъ искушеніемъ, а чрезъ то творится немало грѣховъ. Итакъ, намъ нужно просить Бога, чтобы хранилъ насъ отъ такихъ искушеній и чтобы избавилъ насъ отъ всякаго зла. Но отсюда же слѣдуетъ, чтобы и сами мы берегли себя отъ искушенія, чтобы мы не шли на него, а если, противъ воли нашей, впадемъ когда во искушеніе, то имѣли бы силу воспротивиться ему и не поддаться грѣху (Троиц. Листокъ).

Въ дальнѣйшей рѣчи Спаситель предостерегаетъ Своихъ слушателей отъ малодушія, указываетъ имъ на примѣръ птицъ небесныхъ и полевыхъ лилій, которыя роскошью и красотою своихъ одѣяній зат-

мили славу Соломона, заповѣдуетъ избѣгать осужденія, которое, какъ необходимый элементъ, часто вплетается во взаимныя, человѣческія отношенія, совѣтуетъ узкія врата предпочитать широкимъ, тѣсный путь — пространному, по которому обыкновенно идетъ толпа.

Въ концѣ всего Спаситель какъ-бы подводитъ общій итогъ сказанному, дѣлаетъ общій выводъ, называя мужемъ благоразумнымъ того, который слушаетъ Его слово и поступаетъ по нему. Читая теперь эти евангельскія строки, мы понимаемъ, почему народъ „дивился ученію Его; ибо Онъ училъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи".

Таково было впечатлѣніе народа, и такое же впечатлѣніе получаетъ каждый истинный христіанинъ и сейчасъ, слушая или читая нагорную проповѣдь. Такъ ясно и убѣдительно, такъ захватывающе и властно не проповѣдывалъ еще никто изъ смертныхъ! Такъ могъ говорить лишь Тотъ, Кто не ложно изрекъ о Себѣ: „Азъ есмь Путь, Истина и Животъ".



XII.

Второе призваніе апостоловъ.

На великое дѣло служенія міру Своей божественной проповѣдью Христосъ Спаситель выступилъ одинъ. Апостолы не вдругъ сдѣлались сотрудниками и неразлучными спутниками Его въ жизни...

Господь не отрывалъ ихъ пока отъ тѣхъ обычныхъ занятій, которыя составляли обычный промыселъ галилейскихъ поселянъ и ремесленниковъ. Но наступалъ, приближался тотъ день, въ который апостолы должны были окончательно рѣшить свой выборъ: будутъ ли они по-прежнему закидывать въ море свои сѣти и ловить ими рыбу или же оставятъ свои мрежи и сдѣлаются ловцами людей?.. Самая обстановка, при которой совершилось избраніе апостоловъ въ сонмъ двѣнадцати, исполнена была нѣкоторой знаменательности.

Съ обычной простотой Св. евангелистъ повѣствуетъ о томъ, какъ Христосъ проповѣдывалъ народу, жадно внимавшему Его ученію, которое покоряло умы и сердца людей. Это было возлѣ Генисаретскаго озера, возлѣ того прекраснаго Галилейскаго озера, по темносинимъ водамъ котораго то и дѣло скользили рыбацкія лодки, въ томъ числѣ, можетъ быть, и лодки братьевъ Петра и Андрея.

Іисусъ былъ окруженъ густой толпой народа, тѣснившейся къ Нему и желавшей слушать Его слово.

Густая толпа, окружавшая Христа, тѣснила Его. Очевидно, каждому изъ слушателей хотѣлось стать поближе къ Божественному Учителю, Который составлялъ какъ бы душу и центръ всей этой собравшейся здѣсь массы.

Видя, что всѣ не могутъ услышать Его, Христосъ вошелъ въ лодку Симона Петра и попросилъ послѣдняго отъѣхать немного отъ берега.

Когда Господь окончилъ Свою рѣчь, обращенную къ народу, — и восторженная толпа разошлась подъ обаяніемъ Его благодатнаго слова, — Спаситель сказалъ Симону: „отплыви на глубину и закиньте сѣти свои для лова".

Симонъ, былъ опытный рыбарь. Онъ хорошо зналъ, что при свѣтѣ дня и на глубинѣ озера рыба плохо идетъ въ сѣти, къ тому же, въ теченіе всей ночи не онъ одинъ, а и другіе галилейскіе рыбаки тянули свои сѣти, тутъ и тамъ бороздя ими спокойную, прозрачную поверхность воды... Но трудъ ихъ былъ напрасенъ... Мрежи остались пустыми.

„Наставникъ! мы трудились всю ночь и ничего не поймали", — восклицаетъ Апостолъ, „но по слову Твоему закину сѣть". Сказавъ эти слова, онъ сейчасъ же и приводитъ ихъ въ исполненіе, и то же дѣлаютъ и его помощники, и въ слѣдующую минуту „они поймали великое множество рыбы, и даже сѣть у нихъ прорывалась".

И когда Петръ увидѣлъ, что „они поймали великое множество рыбы, и даже сѣть у нихъ прорывалась", — то онъ сразу же понялъ, Кто стоитъ предъ нимъ.

Изумленіе, страхъ, благоговѣніе охватили пламенную душу Петра. И все это съ обычной непосредственностью вылилось у него въ восклицаніи, съ которымъ онъ упалъ къ ногамъ Іисуса: „выйди отъ меня, Господи! потому что я человѣкъ грѣшный".

Каждое непосредственное Откровеніе Бога въ немощномъ человѣкѣ, чувствующемъ свое недостоинство и вину, возбуждаетъ страхъ. Но у Петра, рядомъ со страхомъ и смиреніемъ, родилась и живая вѣра

въ Господа. Поэтому то Іисусъ и говоритъ ему: „не бойся, отнынѣ будешь ловить человѣковъ“, т. е. „подобно тому, какъ ты до сихъ поръ силой и искусствомъ человѣческимъ ловилъ обыкновенную рыбу, такъ отселѣ благодатной силой Духа Св. ты будешь уловлять людей для Царствія Божія“.

Конечно, ап. Петръ хорошо теперь понялъ, на какое новое и болѣе широкое поле дѣятельности выводитъ его своимъ призваніемъ Христосъ Спаситель. Изъ простого рыбаря онъ сдѣлался теперь провозвѣстникомъ воли Божіей для людей. И насколько человѣкъ выше и благороднѣе рыбы, настолько новое призваніе апостола было выше и благороднѣе стараго.

И вотъ,— Петръ и братъ его Андрей, а также братья Зеведеевы,— эти четыре обыкновенныхъ рыбака дѣлаются апостолами, берутъ на себя великую задачу уловлять, завоевывать для царства Христова все новыхъ и новыхъ членовъ.

И они, дѣйствительно, закинули свой неводъ въ море человѣческой жизни, и много, много душъ и сердецъ, захваченныхъ ихъ святою сѣтью, было вытащено изъ омута тьмы и грѣха на спасительный берегъ церкви Христовой, гдѣ они увидѣли свѣтъ истины, приняли Духа Небеснаго, обрѣли, нашли вѣру истинную. Съ твердой, непобѣдимой вѣрой совершали свой великій апостольскій подвигъ ученики Христовы. Бѣдствія, угрозы и несчастія иногда непроницаемой тучей собирались надъ головами апостоловъ, — но не могли поколебать и одолѣть ихъ вѣры. Одушевленные Духомъ св. они твердо исповѣдывали: „мы отвсюду притѣсняемы, но не стѣснены; мы въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаеваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаемъ“ (2 Кор. IV. 8—9). И ни разу болѣе не повторяли они своего разочарованнаго вопля: „Наставникъ! мы трудились всю ночь и ничего не поймали“. Но въ этой жалобѣ, которая сорвалась нѣкогда съ устъ бѣдныхъ тружениковъ, не слышимъ ли отзвука своихъ настроеній? Не готовы-ли мы бываемъ иногда воскликнуть такъ же?

„Въ самомъ дѣлѣ,—прекрасно замѣчаетъ по этому поводу святитель Иннокентій, — что всѣ мы въ жизни сей, какъ не разнообразные труженики надъ счастіемъ, какъ не ловцы на морѣ житейскихъ попеченій? У каждаго есть свои мрежи, своя ловитва, свои успѣхи и свои неудачи, свои виды и свои цѣли.

Ахъ, какъ намъ быть довольными, воскликнутъ многіе внутренно, когда и мы, подобно апостоламъ, *обнощь всю труждшеся, ничесо же яхомъ!* Чѣмъ не жертвовали мы для достиженія, такъ называемаго счастія жизни; какихъ средствъ не употребляли, гдѣ и въ чемъ не искали его?—И все напрасно... Время ушло... Силы истощились... Волосы наши убѣлены... Руки и умъ ослабѣли... Далеко уже за полночь жизни... Скоро, можетъ быть, и разсвѣтъ... А мрежи наши пусты... Мы едва покрываемъ наготу свою, едва имѣемъ хлѣбъ насущный... *Наставниче, обнощь всю труждашеся, ничесоже яхомъ.*

Что же, спросите, должно дѣлать? Перемѣнить путь, цѣль и средство, посвятить себя Богу и вѣчности, начать трудиться для души и неба, устремиться къ подвигамъ вѣры и добродѣтели. Это не значитъ, что надобно оставить свое званіе или остановить теченіе нашихъ дѣлъ житейскихъ. Нѣтъ, пусть они текутъ своимъ порядкомъ: *каждый въ немъ же званіи призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ.* Но вы трудились доселѣ для земли и времени, во всемъ искали только своихъ выгодъ и своего удовольствія, во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ водились самолюбіемъ; Богъ и вѣчность, совѣсть и душа были предметами второстепенными, можетъ быть, послѣдними. Да станетъ теперь все на свое мѣсто! Божественное, духовное, вѣчное да возьметъ верхъ и господство надъ земнымъ и чувственнымъ. Вмѣсто самолюбія да содѣлается источникомъ дѣйствій любовь къ Богу и ближнему, блага земныя да употребятся на дѣла благія, несчастія и скорби да переносятся въ смиреніи и преданности волѣ Божіей, приготовленіе къ смерти да займетъ главное мѣсто между всѣми попеченіями! Когда произойдетъ эта благотворная перемѣна съ вами, то мы, именемъ Господа, обѣщаемъ покой душамъ. Счастію земному не повредитъ это:

напротивъ, оно очистится, освятится и получитъ истинную цѣну для васъ, Самое несчастіе, если бы Господу угодно было послать его на васъ, потеряетъ горечь; ибо вы увидите въ немъ врачество для исцѣленія отъ грѣховной проказы душъ нашихъ".

XIII.

Чудеса Іисуса Христа въ Капернаумѣ и его окрестностяхъ.

Трудно установить точный хронологическій порядокъ всѣхъ чудесныхъ событій земной жизни Спасителя. Но отъ того, конечно, они не теряютъ для насъ своей назидательной силы. Независимо отъ той или другой послѣдовательности, они одинаково бросаютъ яркій свѣтъ на весь путь, пройденный Христомъ Спасителемъ отъ Назарета до Голгоѳы. „Вѣра, прекрасно замѣчаетъ одинъ писатель, созерцающая на главѣ Своего Господа и Спасителя царскій вѣнецъ, видитъ въ чудесахъ Его перлы и драгоцѣнные камни, которые хотя сами, конечно, не составляютъ вѣнца и не придаютъ ему ни большаго блеска, ни большаго достоинства, но тѣмъ не менѣе необходимо принадлежатъ къ его украшенію“.

И въ какомъ бы порядкѣ мы ни расположили эти перлы жизни Іисуса, — они всегда останутся для Него священнымъ ореоломъ.

Исцѣленіе прокаженныхъ представляетъ собой одно изъ величайшихъ чудесъ Господа. И то обстоятельство, что Христосъ совер-

шилъ это чудо при началѣ своей дѣятельности имѣетъ нѣкоторое значеніе.

Проказа, особенно въ то время, почиталась ужасной, неизлѣчимой болѣзнію.

Но вначалѣ, на первой ступени развитія, она еще не кажется опасной тому, кто незнакомъ съ ея коварнымъ теченіемъ.

Болѣзнь обыкновенно начинается съ небольшого... Сначала на кожѣ появляются маленькія, бѣлыя пятна. Они постепенно увеличиваются, разрастаются. Время идетъ, — и въ концѣ концовъ вся кожа больного принимаетъ отвратительный цвѣтъ. Носъ и уши при этомъ страшно распухаютъ. Съ ногъ и рукъ спадаютъ ногти. Волосы бѣлѣютъ; глаза теряютъ живость и блескъ. Словомъ, всѣ члены увядаютъ и несчастный, послѣ цѣлаго ряда мученій, умираетъ.

Іудеи имѣли, конечно, достаточное основаніе бояться этой болѣзни, и Ветхій Завѣтъ полонъ постановленій, направленныхъ къ тому, чтобы предупредить и остановить развитіе заразы. Потому-то прокаженные обязаны были держаться вдали отъ людей, и каждый, прикасавшійся или приближавшійся къ нимъ, считался нечистымъ: онъ тоже на нѣкоторое время долженъ былъ подвергаться отчужденію отъ общества и очищенію.

Нѐ безъ основанія проказу считали символомъ грѣха.

Послѣдній распространяется въ человѣческомъ сердцѣ съ такой-же медлительной, но убійственной постепенностью, какъ и проказа въ тѣлѣ.

Вначалѣ грѣховныя привычки не представляютъ особенной силы. Но потомъ онѣ постепенно нарастаютъ и вырождаются въ бурную страсть, которая уже съ корнемъ вырываетъ изъ души всѣ добрые и здоровые начатки жизни.

Понятія о грѣхѣ и проказѣ были такъ связаны между собою въ сознаніи еврея, что на прокаженныхъ всегда смотрѣли, какъ на большихъ грѣшниковъ, которые за проказу своей души наказываются Богомъ такою же болѣзнью на тѣлѣ и поэтому ничего иного не заслуживаютъ, какъ исключенія изъ человѣческаго общества и изгнанія въ уединенныя мѣста.

Какую жалкую жизнь приходилось вести этимъ несчастнымъ, изгнаннымъ и брошеннымъ на произволъ судьбы въ голыхъ и отдаленныхъ пустыняхъ!

Гонимые и презираемые они почитались какъ бы извергами рода человѣческаго... Ихъ страданія никого не трогали,—напротивъ, многимъ они казались вполнѣ законными. И это было не только мнѣніемъ общества, но и внутреннимъ убѣжденіемъ собственной совѣсти прокаженнаго.

Дѣйствительно, проказа была очень похожа на смерть за-живо. И несчастные люди, страдавшіе ею, не имѣли почти никакой надежды на выздоровленіе. Они должны были терпѣливо сносить свои муки, пока смерть не обрывала нить ихъ жизни и не освобождала, наконецъ, ихъ отъ нестерпимыхъ страданій.

Какъ, значитъ, была сильна вѣра, какъ жива была надежда въ сердцѣ того человѣка, который, зная постановленія закона, вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ Христа, палъ къ Его ногамъ и съ глубокой скорбью воскликнулъ: „Господи! если хочешь, можешь меня очистить!“

Можетъ быть, ему очень немного пришлось слышать объ Іисусѣ,—но и это немногое зажигаетъ въ его сердцѣ надежду, и, колеблясь между страхомъ и той надеждой, онъ восклицаетъ: „Господи! если хочешь, можешь меня очистить“. Онъ ни минуты не сомнѣвается въ могуществѣ Господа... Его безпокоитъ лишь одно опасеніе: достоинъ-ли онъ очищенія и остановится ли Христосъ хотя бы на одну минуту, чтобы очистить прокаженнаго?

„Іисусъ, простерши руку, коснулся его и сказалъ: хочу, очистись. И онъ тотчасъ очистился отъ проказы“.

Милосердная, спасительная любовь, не дававшая Господу равнодушно проходить мимо несчастныхъ, оставляя ихъ безъ утѣшенія, никогда не оскудѣвала. Онъ всегда и вездѣ, въ каждомъ Своемъ поступкѣ и дѣйствіи, былъ милосерднымъ, всемогущимъ Врачомъ, Который несъ всѣмъ больнымъ исцѣленіе, трудящимся и обремененнымъ освѣженіе, страдающимъ утѣшеніе.

Могъ ли Милосердый Чудотворецъ не откликнуться на скорбный вопль пораженнаго проказою страдальца? И вотъ, *„Онъ простеръ руку. прикоснулся къ нему и сказалъ: хочу, очистись. И тотчасъ проказа сошла съ него“*.

Повѣствуя объ этомъ чудесномъ событіи, евангелисты не опускаютъ и этой подробности, — что „Іисусъ простеръ руку и прикоснулся къ нему“. Это прикосновеніе должно было удивить всѣхъ, и прежде всего самого больного... Онъ никакъ не могъ себѣ представить, что когда-нибудь не только человѣческая, но рука Чудотворца прикоснется къ его несчастному, изъязвленному тѣлу. Но Іисусъ не побоялся прикоснуться къ нечистому, котораго всѣ избѣгали. Его любовь пренебрегла бездушными обычаями еврейскаго народа. Онъ видѣлъ страданіе, — и простеръ руку съ цѣлью облегчить его. И человѣкъ, только что весь въ проказѣ павшій ницъ, поднялся съ земли чистымъ и здоровымъ. Тогда Іисусъ запретилъ ему разсказывать объ этомъ исцѣленіи и прибавилъ: „иди, покажи священнику и принеси даръ, какой повелѣлъ Моисей, во свидѣтельство имъ“.

Священные повѣствователи не поясняютъ намъ, почему Іисусъ Христосъ повелѣлъ молчать о чудѣ. Но знакомство съ бытомъ еврейскаго народа проливаетъ на это обстоятельство нѣкоторый свѣтъ.

По ветхозавѣтному обычаю, прокаженный не считался чистымъ до тѣхъ поръ, пока его не объявитъ таковымъ священникъ. И конечно, если бы онъ раньше разсказалъ имъ о томъ, что совершилъ надъ нимъ Іисусъ, то священники, дышавшіе злобой и враждой на Великаго Учителя и Чудотворца, отказали бы исцѣленному въ своей санкціи и не объявили бы его чистымъ. Но когда сердце полно,—уста не могутъ молчать. И бывшій прокаженный, весь охваченный трепетной радостью, *„вышедъ, началъ провозглашать и разсказывать о происшедшемъ, такъ что Іисусъ не могъ уже явно войти въ городъ, но находился внѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ. И приходили къ Нему отовсюду* (Маркъ I, 45).

„Но тѣмъ болѣе распространялась молва о Немъ, и великое множество народа стекалось къ Нему слушать и врачеваться у Него отъ бо-

мзней своихъ. Но Онъ уходилъ въ пустынныя мѣста и молился (Лук. V. 15, 16).

Но не одинъ разъ и послѣ Христосъ Спаситель проявлялъ силу Своего всемогущества въ благотвореніяхъ народу.

И вотъ, за очищеніемъ прокаженнаго слѣдуетъ новое чудо,— исцѣленіе разслабленнаго слуги сотника. Но если къ бѣдному прокаженному Христосъ прикоснулся рукой, то для исцѣленія разслабленнаго слуги Онъ даже не входилъ подъ кровъ сотника: исцѣленіе совершилось издали, однимъ словомъ.

Когда Іисусъ явился въ Капернаумъ, то къ Нему подошелъ сотникъ. Очевидно, его привела къ Іисусу глубокая вѣра въ Него, какъ въ Сына Божія. Сотникъ повѣдалъ Христу свое горе. Онъ сказалъ, что любимый слуга его лежитъ сейчасъ въ разслабленіи и жестоко страдаетъ. „Я приду и исцѣлю его",—слышитъ въ отвѣтъ вѣрующій сотникъ. Но вѣра послѣдняго была такъ искренна и горяча, что онъ духовными очами своими созерцалъ уже чудо, какъ бы совершеннымъ. Въ вѣрующемъ сердцѣ бывшаго язычника нѣтъ мѣста сомнѣнію. Вся душа сотника полна сознаніемъ величія Христа и смиреннымъ чувствомъ собственнаго недостоинства. И вотъ изъ его души рвется проникнутое глубокимъ восторгомъ восклицаніе: „Господи! я недостоинъ, чтобы ты вошелъ подъ кровъ мой: но скажи только слово, и выздоровѣетъ слуга мой". И Іисусъ сказалъ это слово, „и выздоровѣлъ слуга его въ тотъ часъ".

Вѣра сотника удивила Спасителя. Но она послужила вмѣстѣ и залогомъ для Него великой надежды. Христосъ на этомъ примѣрѣ уже видѣлъ, что Его царство сдѣлается достояніемъ всего міра,—не только іудеевъ, но и язычниковъ.

„Истинно говорю вамъ,—обращается Онъ къ слѣдовавшимъ за Нимъ спутникамъ,—и въ Израилѣ не нашелъ я такой вѣры. Говорю же вамъ, что многіе придутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ".

Намъ говорится, что Іисусъ очень „удивился" вѣрѣ сотника. Чело-

вѣкъ, родившійся язычникомъ, но принявшій постепенно іудейскія воззрѣнія, обнаруживалъ вѣру, которой удивился Іисусъ. Какъ велика была такая вѣра!

Вы видите, читатели, что здѣсь Матѳей разсказываетъ намъ, что чувствовалъ Іисусъ; но замѣтьте себѣ, что Іисусъ самъ высказалъ то, что чувствовалъ. Евангелистъ не позволяетъ себѣ дѣлать предположеній. Онъ не говоритъ: „Іисусъ удивился вѣроятно этой вѣрѣ". Нѣтъ! Онъ разсказываетъ совершенно просто такими словами: „Іисусъ удивился и сказалъ идущимъ за Нимъ: истинно говорю вамъ: и въ Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры".

Но Капернаумъ въ этотъ приходъ Христа Спасителя удостоился видѣть не одно лишь исцѣленіе слуги, пораженнаго разслабленіемъ.

Остановившись въ этомъ городѣ, Іисусъ въ первую же субботу отправился въ синагогу. Это было обычнымъ правиломъ Спасителя. При посѣщеніи каждаго мѣста Онъ прежде всего знакомился съ тѣмъ, что служило центромъ, объединяющимъ высшіе, духовные запросы и стремленія жителей того или другого города. А такимъ центромъ было мѣсто богослужебныхъ собраній.

И Капернаумская синагога поэтому огласилась божественной проповѣдью Спасителя! И здѣсь раздалось Его всепокоряющее слово,— то слово, которое „многіе царіе" хотѣли бы слышать и не „слышаша". *„И дивились ученію Его, ибо слово Его было со властію"*. Но удивленіе еще болѣе возросло;—въ нѣкоторыхъ сердцахъ оно перешло въ радостную, восторженную вѣру, когда Христосъ Спаситель исцѣлилъ одержимаго „духомъ нечистымъ".

„И разнесся слухъ о Немъ по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ", возбуждая въ народѣ вниманіе и интересъ къ Великому Чудотворцу.

Но вотъ послѣ синагоги мы видимъ Спасителя въ домѣ Петра. Здѣсь тоже Онъ встрѣтилъ болѣзнь и печаль, и оставилъ, уходя, здоровье и радость. Теща Петрова лежала въ горячкѣ. Эта болѣзнь, тяжелая вообще, дѣлается угрожающей и очень опасной въ жаркихъ странахъ, — она тамъ часто кончается смертію.

Можно представить себѣ, какъ это несчастіе встревожило всю семью и какимъ желаннымъ Гостемъ явился сюда Христосъ, — этотъ общій Цѣлитель и Утѣшитель! И какъ рѣзко измѣнилась картина! Точно яркій лучъ солнца прорвался вдругъ сквозь густую пелену набѣжавшихъ тучъ и сразу наполнилъ весь домъ тепломъ и свѣтомъ! *„Подошедъ къ ней, Онъ запретилъ горячкѣ и оставила ее. Она тотчасъ встала и служила имъ“*.

Но этимъ не ограничилъ Господь Своихъ чудесныхъ благодѣяній жителямъ Капернаума. Много и еще недужныхъ страдальцевъ получили отъ Него въ этотъ день благодатную помощь. И только на слѣдующее утро Онъ удалился въ пустыню. Когда-же и „взыскующіе“ Его нарушили Его молитвенное уединеніе и просили Христа остаться у нихъ навсегда, то, откланяя ихъ желаніе, Онъ отвѣчалъ имъ: „и другимъ городамъ благовѣствовать Я долженъ Царствіе Божіе, ибо на то Я посланъ“.

И вскорѣ, дѣйствительно, мы видимъ Спасителя приближающимся къ маленькому галилейскому городку Наину, который лежалъ въ привѣтливой и плодородной равнинѣ Израиля, въ двухъ миляхъ отъ горы Ѳаворъ и невдалекѣ отъ Капернаума.

Господь подошелъ къ воротамъ города въ ту самую минуту, какъ оттуда выходила похоронная процессія. „Умершій былъ“, говоритъ Евангелистъ, „единственный сынъ у матери, и она была вдова“. Какую бездну скорби эти слова раскрываютъ предъ нами! Единственный сынъ, отнятый у матери вдовы,—что можетъ быть тяжелѣе этого? и какъ могутъ подобные удары исходить отъ руки Бога, Всеблагаго и Премудраго? Почему смерть не дѣлаетъ лучшаго выбора своихъ жертвъ? почему, оставляя на землѣ столько существъ безполезныхъ, повидимому, или злыхъ, она похищаетъ нерѣдко: здѣсь—человѣка, до самоотверженія преданнаго общему благу, тамъ—единственную опору многочисленной и бѣдной семьи, а тутъ — мать, жизнь которой была необходима для ея дитяти, и дитя, бывшее утѣхою своей матери?.. Какъ ни непостижимы для насъ подобныя распоряженія Промысла, мы можемъ однако

уразумѣть по крайней мѣрѣ одну цѣль, скрытую въ нихъ... Что такое смерть? Это спасительное предостереженіе, обращенное къ живымъ;

Христосъ воскрешаетъ сына Наинской вдовы.

голосъ свыше, говорящій намъ, что мы всегда должны быть готовы идти навстрѣчу нашему Господу. Но легко понять, что это предо-

стереженіе было бы потеряно для насъ, если бы было очевидно, что смерть щадитъ людей, которыхъ жизнь повидимому необходима для другихъ. Каждый тогда, считая себя необходимымъ для другихъ, воображалъ бы, что онъ не подлежитъ еще сему страшному распоряженію. Всякій, кто имѣлъ бы на рукахъ семью, которую онъ долженъ прокормить, или лелѣялъ бы въ мысляхъ предпріятіе, которое ему предстоитъ осуществить, думалъ бы, что ему еще не время готовиться къ смерти. Но, когда мы видимъ, что смерть разитъ случайно, что она такъ же мало щадитъ дитя, какъ и старца, какъ добраго, такъ и злого, человѣка нужнаго, какъ и человѣка безполезнаго; то каждый изъ насъ обязанъ согласиться, что онъ всегда долженъ готовить себя къ смерти и что если смерть застигнетъ его неготовымъ, долженъ въ томъ винить себя одного. Есть слѣдовательно особая мудрая и благая цѣль въ этихъ распоряженіяхъ Промысла, на первый взглядъ столь таинственныхъ, столь неудобопріемлемыхъ для нашего разума и сердца.

Многочисленная толпа шла вмѣстѣ съ бѣдною матерью за гробомъ этого единственнаго сына ея. То были жители города, желавшіе своимъ сочувствіемъ къ ея горю утѣшить, насколько то было во власти ихъ, ея глубокую скорбь. Сочувствіе—прекраснѣйшее изъ выраженій любви: оно одно доступно всѣмъ людямъ и приложимо ко всѣмъ страданіямъ. Тѣ даже, которые слишкомъ бѣдны, чтобы помогать другимъ, могутъ давать имъ свое сочувствіе и молитву, и тѣмъ творить великое добро. Сочувствіе облегчаетъ страданія бѣдности столько же, какъ золото и серебро, и помощь матеріальная всегда настолько цѣнна и дѣйствительна, насколько она сопровождается участіемъ сердца со стороны помогающаго. Есть сверхъ того много страданій, которыхъ сочувствіе одно можетъ доставлять облегченіе. Въ виду утратъ, подобныхъ той, которую понесла Наинская вдова, мы чувствуемъ себя глубоко безсильными; мы не можемъ возвратить матери дитя, оплакиваемаго ею, не можемъ даже утѣшить ее; и всѣ эти ничего незначущія фразы, которыя обыкновенно говорятся несчастнымъ и слывутъ въ мірѣ за утѣшеніе, только усиливаютъ ихъ скорбь, подобно тому, какъ усили-

вается чувство боли физической, когда къ свѣжей ранѣ прикасаются неискусною рукою; тѣмъ, которые говорятъ имъ такимъ образомъ, несчастные могли бы сказать, какъ Іовъ друзьямъ своимъ: „скучные утѣшители вы всѣ!“ Но если не въ нашей власти утѣшить тѣхъ, кого мы видимъ несчастными, мы можемъ по крайней мѣрѣ плакать вмѣстѣ съ ними, можемъ принести имъ наше сердце, готовое дѣлить съ ними испытаніе; можемъ повергнуться вмѣстѣ съ ними предъ *Богомъ всякія утѣхи* и просить Его поддержать ихъ. Это сочувствіе, свидѣтельствуемое несчастнымъ, когда оно дѣйствительно и искренне, когда оно не на языкѣ только, но въ сердцѣ, есть лучшее для нихъ утѣшеніе. Одна изъ самыхъ трудныхъ и наиболѣе рѣдкихъ вещей, — умѣнье говорить съ несчастными“. „Блаженъ, кто ведетъ себя мудро съ несчастными“, говоритъ псалмопѣвецъ, давая тѣмъ понять превосходство этой обязанности и ту цѣну, какую она имѣетъ у Бога.

Христосъ Спаситель, по Своему человѣчеству, обладалъ въ высочайшей степени сочувствіемъ сердца, какъ и всѣми вообще добродѣтелями человѣчества; посему-то намъ сказано, что при видѣ этой бѣдной женщины „Онъ сжалился надъ ней“. Это состраданіе Его къ бѣдной матери, убитой скорбію, послужило поводомъ къ совершенію одного изъ чудесъ, наиболѣе поразительныхъ. Безъ сомнѣнія, чудо это имѣло и другія цѣли въ мысли Спасителя. Онъ хотѣлъ не только возвратить сына матери его, но и привязать ихъ къ Себѣ, того и другую. Этимъ благодѣяніемъ Своимъ Онъ хотѣлъ также доказать Свое Божественное посланничество всѣмъ этимъ людямъ, которые должны были явиться свидѣтелями чуда и заставить ихъ прославить Бога, говоря: „великій Пророкъ возсталъ между нами, и Богъ посѣтилъ людей Своихъ“. Но не менѣе истинно, что ближайшею причиною чуда было состраданіе Богочеловѣка къ огорченной матери и желаніе утѣшить ее. Но Іисусъ „вчера, днесь Той же и во вѣки“. Какимъ Онъ явилъ Себя во дни Наина къ этой бѣдной вдовѣ, такимъ нынѣ и во вѣки Онъ является для всѣхъ скорбящихъ, болѣзнующихъ сердецъ. Его любовь и Его могущество не всегда проявляютъ себя

однимъ и тѣмъ же образомъ; но что нужды — если эта любовь и это могущество всегда одни и тѣ же. Бѣдныя сердца, плачущія надъ гробомъ или могилою близкихъ своихъ! Христосъ не придетъ немедленно возбудить ихъ для васъ, какъ Онъ возбудилъ нѣкогда сына вдовы Наинской, — еще не пришла минута для того! но Онъ имѣетъ другія средства утѣшить васъ. Онъ можетъ наполнить пустоту, образовавшуюся въ вашемъ сердцѣ, своею любовію; Онъ можетъ придти занять мѣсто Самъ въ немъ и принести вамъ Своимъ присутствіемъ благословеніе духовное и вѣчное, въ тысячу разъ болѣе драгоцѣнное, чѣмъ земныя радости, которыхъ вы ожидали. Предоставьте Ему избрать способъ утѣшить васъ и будьте увѣрены, что Онъ изберетъ всегда лучшій, чѣмъ тотъ, какой вы избрали бы сами.

„И Господь сжалился надъ нею и сказалъ ей: не плачь!“ „Не плачь“, какое слово въ подобную минуту! Во всякихъ другихъ устахъ, только не въ устахъ Сына Божія, такое слово, обращенное къ матери при гробѣ сына ея, было бы горькою насмѣшкою. Когда мы находимся въ присутствіи сердца, удрученнаго скорбію, подобною той, какую испытала эта бѣдная вдова и мать, не будемъ никогда говорить: „не плачь!“ Самое худшее изъ всѣхъ утѣшеній,—это когда говорятъ несчастному: „для чего ты плачешь? Не плачь, твои слезы оскорбленіе для Бога“. Нѣтъ, Господь не требуетъ отъ насъ сего. Вмѣсто того, чтобы пытаться остановить слезы сердца, растерзаннаго скорбію, будемъ лучше плакать вмѣстѣ съ нимъ и тогда мы истинно доставимъ облегченіе ему. Но въ устахъ Іисуса это слово „не плачь!“ было словомъ мудрымъ и благимъ, потому что въ Его устахъ оно было не тщетнымъ звукомъ, но заключало въ себѣ обѣщаніе благодѣянія, немедленно исполненное. Когда Іисусъ Христосъ говоритъ вдовѣ „не плачь!“ это не значитъ, что бы Онъ такъ говорилъ ей: „откажись отъ своей природы, перестань быть женщиной и матерью“; но Онъ хочетъ сказать ей тѣмъ: „бѣдная мать! утѣшься, Я намѣренъ осушить твои слезы въ самомъ источникѣ ихъ“. „Не плачь!“ это слово вмѣстѣ и образъ, и пророчество. День, въ который оно было произнесено, есть какъ бы

заря того великаго дня, когда Тотъ же Іисусъ скажетъ уже всему искупленному Имъ человѣчеству: „не плачь!“ — того дня, когда Онъ, по слову Писанія, „отретъ всякую слезу съ очей человѣческихъ“.

„И подошедъ, прикоснулся къ одру: несшіе остановились, и Онъ сказалъ: юноша, тебѣ говорю, встань!“ Удивительныя слова, когда представимъ себѣ, что они были обращены къ трупу, неподвижному и безжизненному. Израильтянъ, бывшихъ при семъ, слова эти должны были поразить глубокимъ изумленіемъ. Что касается до матери, то слыша этотъ кроткій и сладостный призывъ, обращенный къ этому тѣлу, уже лишенному жизни, она, быть можетъ, припомнила то счастливое время, когда она подобными же словами будила отъ сна своего сына; и быть можетъ при этомъ сближеніи она почувствовала новый приливъ скорби и сказала себѣ съ грустію, что увы! сынъ ея уже не отзовется теперь ни на какіе призывы. Если таковы были мысли ея, она должна была скоро разубѣдиться въ нихъ. При звукахъ сего сладостнаго и вмѣстѣ могущественнаго голоса, она видитъ это тѣло, столь любимое ею, пробуждающимся отъ сна смертнаго, подобно тому, какъ оно пробуждалось нѣкогда отъ сна обыкновеннаго; теплота жизненная снова входитъ въ эти окоченѣвшіе члены; кровь снова начинаетъ свое обычное теченіе въ венахъ; глаза открываются и, что еще таинственнѣе, душа возвращается изъ неизвѣстнаго обиталища, куда она была восхищена; слово Христа, могущественное, какъ труба послѣдняго дня, низводитъ ее въ ея прежнее жилище; мертвый возстаетъ и начинаетъ говорить. Было бы напрасно пытаться изобразить, что должно было происходить въ сердцѣ матери въ эти минуты. Священный повѣствователь ничего не говоритъ о томъ; почтимъ благоговѣйно это молчаніе его, краснорѣчивѣйшее всякаго слова.

„Мертвый сталъ говорить“. Что говорилъ онъ? Здѣсь опять Евангелистъ хранитъ молчаніе. Ничего о тайнахъ міра невидимаго, ничего о томъ, что видѣла и слышала эта душа во время своего разлученія съ тѣломъ. Попытаемся представить себѣ, что на мѣсто евангельскаго разсказа мы имѣли бы разсказъ объ этомъ событіи какого либо обык-

новеннаго историка. Какое поприще открылось бы здѣсь для его фантазіи! Чего не насказалъ бы онъ намъ о тайнахъ міра духовнаго, о состояніи душъ въ жизни загробной и т. п.? Но Писаніе хранитъ молчаніе обо всемъ этомъ, и это молчаніе для всякаго, кто умѣетъ понять его, краснорѣчиво и внушительно; это печать самой истины, знаменіе Духа Святаго! Тоже самое должно замѣтить о всѣхъ, повѣствуемыхъ въ Св. Писаніи воскрешеніяхъ. Ни Лазарь, ни дочь Іаира и никто другой изъ воскрешенныхъ не говорятъ ничего о мірѣ невидимомъ. Не есть-ли это для всякаго, способнаго здраво мыслить и разсуждать, неопровержимое доказательство богодухновенности книгъ Священнаго Писанія?

Въ тоже время чудо воскрешенія вдовы Наинской само служитъ неопровержимымъ доказательствомъ другой весьма важной истины, какова истина будущаго всеобщаго воскресенія мертвыхъ. Воскрешеніе милліона умершихъ не болѣе изумительно, какъ и воскрешеніе одного умершаго. Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо всемогущество Божіе. Та же сила, которая воззвала вторично къ жизни сына вдовы, можетъ слѣдовательно воззвать такимъ же образомъ къ жизни и милліоны милліоновъ людей, уснувшихъ сномъ смерти въ теченіе семи тысячъ лѣтъ. „Я", сказалъ Господь, „воскрешеніе и жизнь. Мнѣ дана всякая власть, на небѣ и на землѣ". Эта сила всегда одинакова: ни разстояніе, ни время ничего не отнимаютъ у ней. „Христосъ вчера, днесь Той же и вовѣки".

Будущее всеобщее воскресеніе людей—какой обильный источникъ утѣшенія представляетъ для сердецъ, удрученныхъ скорбію, эта великая истина! Сильные вѣрою въ нее, мы можемъ отнынѣ предвкушать вѣчное единеніе съ нашими родителями, братьями, сестрами, со всѣми кровными нашими и близкими сердцу. Когда случается умереть на нашихъ глазахъ одному изъ тѣхъ существъ, которыхъ жизнь занимала такъ много мѣста въ нашей, мы съ ужасомъ созерцаемъ тогда эту торжественную и таинственную печать, которую смерть налагаетъ на лицо человѣческое: эти черты, нѣкогда столь оживленныя, теперь какъ бы окаменѣвшія и едва узнаваемыя; эти уста, недавно столь привѣтливыя

или столь краснорѣчивыя, теперь нѣмыя и неподвижныя; въ виду этого несокрушимаго молчанія и этой торжественной неподвижности, мы испытываемъ непреодолимое желаніе поднять завѣсу смерти: наше сердце ищетъ тоскливо какого либо знака свыше, луча свѣта изъ міра грядущаго, голоса съ неба, чтобы сказать намъ тихо, но внятно: „тотъ, кого ты оплакиваешь, живъ". Но тщетно: этотъ знакъ свыше не приходитъ, никакой лучъ не проникаетъ сквозь завѣсу, никакой голосъ не слышится, никакого отвѣта ни дается нашему сердцу. Въ эти минуты оставимъ комнату печали и перенесемся мысленно къ вратамъ Наина; вернемся черезъ рядъ 19 вѣковъ къ этому возвышенному зрѣлищу, прислушаемся къ этимъ словамъ, выходящимъ изъ устъ Іисуса: „юноша, тебѣ говорю, встань!" вмѣшаемся въ эту толпу растроганную при видѣ сего зрѣлища и при звукѣ словъ сихъ восклицающую: „Богъ посѣтилъ народъ Свой, великій Пророкъ возсталъ между нами!" — и мы поймемъ тогда, что наши умершіе живы и что нѣкогда мы такъ же найдемъ ихъ, какъ эта счастливая мать нашла своего сына! Мы припомнимъ тогда, что три раза въ теченіе своей земной жизни Господь разрушилъ дѣло смерти и что Онъ Самъ возсталъ изъ гроба, явившись „начаткомъ умершихъ", предтечею ихъ будущаго воскресенія. Озаренные симъ упованіемъ вѣры, мы вернемся тогда безъ страха и смущенія къ смертнымъ останкамъ нашихъ близкихъ, чтобы вознести молитву о душахъ ихъ; мы пойдемъ тогда и положимъ цвѣты на ихъ могилы въ полной увѣренности, что они сами нѣкогда выйдутъ изъ земли, какъ живые, неувядающіе цвѣты; мы вполнѣ уразумѣемъ тогда, что смерть для вѣрующаго есть вѣстница любви Божіей, и гробъ — узкія врата, коими онъ входитъ въ жизнь вѣчную.

Когда Господь возвратилъ жизнь юношѣ, чтобы довершить Свое благодѣяніе, Ему оставалось сдѣлать еще нѣчто, и Онъ дѣлаетъ это: „и отдалъ его Іисусъ", сказано намъ, „матери его". Эти простыя слова изумительно прекрасны. Они открываютъ намъ сокровище любви, сокрытое въ сердцѣ Богочеловѣка. Онъ могъ бы сказать юношѣ: ты испыталъ на себѣ Мое всемогущество; отнынѣ ты живой памятникъ Моей

благостыни; посему оставь свою мать и слѣдуй за мною, — и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы Господь сказалъ, то юноша не преминулъ бы послѣдовалъ за нимъ. Но полный безграничнаго состраданія къ бѣдной вдовѣ, Господь не хотѣлъ оставить ее одну на землѣ; для нея Онъ совершилъ это чудо, и теперь завершаетъ дѣло любви Своей, отдавая сына матери.

Но есть еще другой смыслъ въ этихъ словахъ „и отдалъ его Іисусъ матери его“. Мы видимъ здѣсь живое подобіе того, что произойдетъ въ великій день блаженнаго воскресенія вѣрующихъ. Какъ этотъ сынъ воскрешенный былъ отданъ матери своей; узнавши ее и узнанный ею, такъ въ послѣдній день, когда предстанутъ во славѣ предъ Христомъ всѣ вѣрующіе во Имя Его, каждое воскрешенное дитя въ свою очередь будетъ отдано своей матери, и радость, исполнившая два сердца у воротъ Наина, есть только слабое предчувствіе той величайшей радости, которая исполнитъ всѣ сердца при входѣ въ небесный Ханаанъ, когда возобновятся узы, расторгнутыя здѣсь; когда всѣ вѣрующіе, разлученные на время, признаютъ другъ друга и соединятся вмѣстѣ, чтобы одною душою и одними устами прославить Бога, Творца и Искупителя своего!

Будемъ ждать съ полнымъ упованіемъ вѣры сего блаженнаго единенія нашего въ вѣчности, и всякій разъ, какъ мы теряемъ здѣсь кого-либо изъ близкихъ нашихъ, будемъ говорить въ душѣ словами Давида, которыя онъ сказалъ о сынѣ своемъ, взятомъ у него Богомъ: „онъ не придетъ ко мнѣ, но я пойду къ нему!“ (Рад. Христіанина).

Благовѣствуя Царствіе Божіе другимъ городамъ, „цѣля тамъ всякій недугъ и язю въ людехъ“, —Христосъ Спаситель не забывалъ однако Капернаума. Жители этого города чуть-ли не чаще другихъ наслаждались лицезрѣніемъ Господа и благодатной силой Его спасительныхъ рѣчей. Вотъ и опять мы видимъ Христа въ Капернаумѣ.

Едва Онъ только заявился сюда, какъ народная толпа снова начала осаждать Его. „Отсутствіе не успокоило, а напротивъ до крайности усилило увлеченіе народа. Слухъ объ Его возвращеніи распростра-

нился съ быстротой молніи и народъ едва лишь узналъ, что Христосъ находится въ какомъ либо домѣ, какъ домъ этотъ и дворъ его моментально наполнялся тысячной толпой". По обыкновенію, и сейчасъ Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ слово Божіе, окруженный народомъ. Въ это время принесли разслабленнаго. Видя, что пробраться сквозь толпу нѣтъ никакой возможности, — носильщики поднялись на кровлю дома, раскрыли ее и чрезъ образовавшееся отверстіе спустили постель съ разслабленнымъ прямо къ ногамъ Іисуса.

Такая пламенная вѣра и внушенный ею смѣлый поступокъ тронули Господа.

— „Чадо! сказалъ Онъ разслабленному, прощаются тебѣ грѣхи твои".

Итакъ, вотъ что является источникомъ всѣхъ болѣзней, теперь царящихъ въ мірѣ! Это — грѣховность человѣка. Она корень всякаго зла. Переймите этотъ источникъ,—и рѣка бѣдствій, которая сейчасъ затопляетъ весь міръ, сама собой изсякнетъ! Обрубите, вырвите этотъ корень,—и гордо шумящая, многовѣтвистая и густолиственная смоковница зла облетитъ и засохнетъ!

Слова Спасителя вызвали со стороны фарисеевъ осужденіе Его въ богохульствѣ.

— „Для чего такъ помышляете въ сердцахъ вашихъ?—спросилъ Онъ, читавшій въ душѣ человѣческой, какъ въ открытой книгѣ.—Что легче? сказать-ли разслабленному: прощаются тебѣ грѣхи, или сказать, встань, возьми свою постель и ходи?"

Пораженные противники его молчали.

„Но Я хочу, чтобы вы знали, — продолжалъ Іисусъ, — что Сынъ Человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи,—и, обращаясь къ разслабленному, сказалъ:

— „Тебѣ говорю: встань, возьми постель свою и иди въ домъ твой".

При этихъ словахъ разслабленный всталъ и, на глазахъ всѣхъ взялъ постель и ушелъ, хваля и прославляя Господа.

Толпа содрогнулась и преисполнилась благоговѣйнаго трепета при видѣ такого чуда. Всѣ громко славили Бога.

— „Никогда, говорилъ народъ, не видѣли мы ничего подобнаго". Но впослѣдствіи они увидѣли и еще болѣе поразительное чудо... Оно

Воскрешеніе дочери Іаира.

знаменательно было и по силѣ проявленнаго здѣсь всемогущества, и по глубинѣ всепрощающей любви Христовой.

Здѣсь, въ Капернаумѣ ко Христу Спасителю подошелъ Іаиръ. Это былъ фарисей, всѣми уважаемый въ городѣ. Онъ принадлежалъ къ числу начальниковъ синагоги. Его поразило страшное несчастье. У него умирала двѣнадцатилѣтняя дочь. Испытаніе оказалось сильнѣе предразсудковъ. Фарисей, м. б. прежде не разъ оскорблявшій Іисуса, бросается къ ногамъ Его и настойчиво молитъ:

— „Дочь моя при смерти; приди, возложи на нее руки, чтобы она выздоровѣла и осталась жива".

Будь на мѣстѣ Христа Спасителя мы, обыкновенные, грѣшные люди,—о! мы не преминули бы воспользоваться тѣснымъ положеніемъ врага; мы бы унизили и надсмѣялись бы надъ нимъ... Но Сынъ Божій пришелъ спасать міръ,—и каждое обращеніе грѣшника было для него великой отрадой. Потому-то Онъ и спѣшитъ на вопль Іаира. Здѣсь, на дорогѣ, когда „за Нимъ слѣдовало множество народа и тѣснили Его, одна женщина, которая страдала кровотеченіемъ двѣнадцать лѣтъ, много потерпѣла отъ многихъ врачей, истощила все, что было у ней и не получила никакой пользы, но пришла еще въ худшее состояніе... услышавши объ Іисусѣ, подошла сзади... и прикоснулась къ одеждѣ Его... и тотчасъ же... ощутила въ тѣлѣ, что исцѣлена отъ болѣзни"... Такъ вѣра спасла эту женщину...

Между тѣмъ навстрѣчу этому шествію спѣшили вѣстники изъ дома Іаира. Они сообщили отцу, что дочь его умерла и что онъ напрасно утруждаетъ Учителя. Но Іисусъ ободрилъ несчастнаго отца: „не бойся, только вѣруй".

Въ домѣ начальника синагоги Христосъ Спаситель нашелъ всѣхъ въ великомъ смятеніи, а оставилъ въ великой радости: по Его всемогущему слову умершая дѣвица ожила. Возвращаясь изъ дома Іаира, Христосъ исцѣлилъ еще двухъ подошедшихъ къ Нему слѣпцовъ и одного нѣмого бѣсноватаго... Словомъ, бездну чудесъ, бездну благодѣяній людямъ совершилъ Господь Іисусъ Христосъ во дни земной жизни Своей,— заключимъ мы эту повѣсть востерженными словами Кронштадтскаго пастыря: то Онъ чудесно исцѣлялъ разныхъ больныхъ: горячечныхъ, раз-

слабленныхъ, прокаженныхъ, лунатиковъ, то глухихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, скорченныхъ, сухихъ, то бѣсноватыхъ освобождалъ отъ злыхъ демоновъ, то питалъ голодныхъ чудеснымъ умноженіемъ хлѣбовъ и рыбъ, то воскрешалъ мертвыхъ; кратко сказать: Господь совершилъ столько благотворныхъ знаменій или чудесъ, что, какъ говоритъ святый евангелистъ Іоаннъ Богословъ, если бы поодиночкѣ разсказывать о нихъ, то всему міру не вмѣстить было бы пишемыхъ книгъ (Іоан. 21. 25.) Эти чудеса, властнымъ словомъ совершенныя, до очевидности являли въ Немъ Бога всемогущаго, всеблагого и премудраго Творца твари, явившагося въ міръ во плоти".

XIV.

Притчи Христа Спасителя: о сѣятелѣ, о плевелахъ и о зернѣ горчичномъ.

„Глагола имъ притчами много“. Мѳ. XIII, 3.

Свое ученіе Христосъ Спаситель часто возвѣщалъ Своимъ слушателямъ въ видѣ притчей и сравненій. *„И поучалъ ихъ много притчами“*,—замѣчаетъ св. Евангелистъ. Ясно, что, говоря притчами и уподобленіями, Іисусъ Христосъ имѣлъ въ виду сдѣлать небесныя истины болѣе ясными и удобопонятными для всего народа, слушавшаго Его. Большую часть притчъ и сравненій Іисусъ Христосъ бралъ изъ природы и быта Палестины, изъ того, что открывалось прямо передъ глазами Его слушателей. И теперь, при видѣ природы Святой земли и ея особенностей, становятся до очевидности ясными и понятными тѣ притчи нашего Божественнаго Учителя, которыя сохранены для насъ въ Евангеліи. Рядъ ихъ начинается глубоко поучительной притчей: „о сѣятелѣ“ (Мѳ. XIII, 1—9; Марк. IV, 1—9; Луки VIII, 5—15).

Притча эта цѣликомъ взята изъ природы Палестины. Естественно предполагать, что и слушателями ея были простые палестинскіе пахари.

„Вышелъ сѣятель сѣять“, — такъ началъ поучать Спаситель. И когда онъ сѣялъ, иное (сѣмя) упало при дорогѣ; и налетѣли птицы, и поклевали его. Иное упало на мѣста каменистыя, гдѣ немного было земли; и скоро взошло, потому что земля была не глубока. Когда-же взошло солнце, увяло, и, какъ не имѣло корня, засохло. Иное упало въ терніе, и выросло терніе, и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать“ (Матѳ. гл. XIII).

Іисусъ Христосъ самъ изъяснилъ значеніе этой притчи своимъ ученикамъ:

Сѣмя, упавшее при дорогѣ, означаетъ того, кто слушаетъ слово о царствіи и не понимаетъ его: лукавый приходитъ и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его.

Сѣмя, упавшее на каменистую почву, означаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ съ радостію принимаетъ его; но слово не пускаетъ корней въ его сердцѣ, потому что оно измѣнчиво и непостоянно: при первой скорби или гоненіи за слово онъ соблазняется.

Сѣмя, упавшее въ терніе, означаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сего и обольщеніе богатства заглушаютъ слово, и оно остается безплоднымъ. Наконецъ — сѣмя, упавшее на доброй землѣ, означаетъ того, кто слышитъ слово, уразумѣваетъ его, и дѣлается плодоноснымъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной въ шестьдесятъ, а иной въ тридцать.

Такимъ образомъ нравственная природа, по изображенію Іисуса Христа, подобна природѣ физической. Въ физической природѣ почва бываетъ или плодоносна, или же покрыта сорною травою — терніемъ или незначительно глубока и камениста, или же совсѣмъ тверда.

Тоже самое бываетъ и въ нравственной природѣ, въ человѣческомъ обществѣ.

Встрѣчаются здѣсь и плодоносная почва, — люди, въ сердцахъ

которыхъ—добро и истина приносятъ болѣе или менѣе обильные плоды: почва, покрытая терніемъ, т. е. люди, у которыхъ дурные инстинкты заглушаютъ всякіе зародыши добра и истины; каменистая почва,—люди воспріимчивые, въ сердцахъ которыхъ добро и истина скоро пускаютъ ростки, но также скоро и увядаютъ: и наконецъ, бываетъ твердая почва, совершенно невоспріимчивая, въ которую добро и правда не проникаютъ и которыя поэтому ничего добраго не производятъ.

Эти четыре класса людей, или четыре состоянія нравственной природы составляли во всѣ времена и донынѣ составляютъ человѣчество. Іисусъ Христосъ напоминаетъ объ этихъ состояніяхъ, чтобы предосвѣтить ученикамъ своимъ, будущимъ сѣятелямъ слова Его, то поле дѣятельности, съ которымъ имъ придется имѣть дѣло, а народу дать знать, каково можетъ и должно быть отношеніе къ Его слову. Каково было отношеніе человѣчества къ ученію Іисуса Христа, таково отношеніе къ христіанской истинѣ и современныхъ намъ обществъ: тѣ же различныя нравственныя состоянія встрѣчаются повсюду въ общественномъ организмѣ.

Іисусъ Христосъ возвѣстилъ слово царствія, т. е. ученіе, которое должны воспринять всѣ люди, желающіе образовать царство неба, или высшее человѣчество, возстановить которое и приходилъ Онъ. Въ каждомъ обществѣ встрѣчаются четыре рода душъ, принимающихъ слово Христово. Легкомысленныя души, безъ серьезнаго образованія, — настоящее терніе соціальной почвы, принимаютъ его поверхностно, и потому лукавый только что посѣянное сѣмя немедленно же похищаетъ. Лукавый—это принципъ зла—сатана. Въ наше время—ученые, и особенно люди односторонняго или легкаго образованія, не вѣрятъ въ сатану. Между тѣмъ, если бы они серьезно и добросовѣстно, безъ предвзятыхъ теорій, присматривались къ явленіямъ природы и жизни, они могли бы замѣтить такія явленія, которыя не иначе могутъ быть объяснены, какъ при помощи сверхъестественнаго принципа, существованіе котораго съ очевидностію обнаруживается въ этихъ фактахъ. Но ученые смотрятъ на природу и жизнь лишь чувственнымъ взоромъ, и въ каждомъ явленіи видятъ лишь то, что представляется въ дѣйствительности, хотя сами

признаютъ, что бываетъ много такого, чего они не могутъ объяснить, и отрицаютъ то, что могло-бы служить къ объясненію загадочныхъ

Сѣятель.

вещей. Слово о царствіи принимается также сердцами жесткими, эгоистичными, одаренными быстрымъ разумомъ; но у нихъ разумъ всегда

склоняется къ интересу, оставляя въ сторонѣ добро и истину. У нихъ христіанство не приноситъ плода, не проявляется въ жизни.

У другихъ божественное сѣмя христіанства пускаетъ корень и разрастается, но оно заглушается честолюбивыми стремленіями, гордостію, пристрастіемъ къ земнымъ благамъ. Эти мірскія заботы наполняютъ и поглощаютъ ихъ сердца, созданныя для болѣе возвышенныхъ потребностей, и зародыши христіанства не достигаютъ полнаго развитія, не приносятъ практическихъ результатовъ. Эти три рода людей только по наружности и названію — христіане.

Только истинные христіане составляютъ плодоносную почву, въ которой сѣмя достигаетъ расцвѣта и приноситъ плоды. Плоды могутъ быть болѣе или менѣе обильны, смотря по богатству духовной природы. Питательные для нихъ самихъ, плоды эти благотворны и для цѣлаго общества.

Только истинный слушатель и исполнитель слова Христова—человѣкъ полезный обществу.

Онъ не дозволяетъ принципу зла проникать въ свое сердце.

Онъ посвящаетъ свои силы и средства общественному благу, и если онъ достигаетъ богатства или власти, онъ не пользуется ими исключительно для себя, какъ человѣкъ съ каменистымъ сердцемъ.

Онъ не дозволяетъ себѣ увлекаться стремленіями, развивающими въ человѣкѣ скупость, надменность и честолюбіе, и могущими породить ненависть, безпокойство и несправедливость къ подобнымъ себѣ.

Въ его чистомъ сердцѣ доброе сѣмя развивается во внутреннемъ мирѣ и, даже среди бурь и дождей, которыя повидимому должны были бы его уничтожить, находитъ условія и побужденія для своего развитія и возрастанія.

Легко видѣть полное соотвѣтствіе между истиннымъ христіаниномъ, какъ изображается онъ въ ученіи о блаженствахъ, и тѣмъ, котораго изображаетъ добрая почва, на которой сѣмя слова Христова приноситъ плодъ. Добрая соціальная почва—та, гдѣ евангельское слово возрастаетъ и приноситъ плоды. Внѣ ея—только терновникъ, камни и твердыя мѣста.

Къ сожалѣнію, на общественной нивѣ — много безполезныхъ терновниковъ, непроизводительныхъ камней, много твердыхъ мѣстъ, невоспріимчивыхъ для истины и добра.

Но божественный Земледѣлецъ положилъ начало къ уничтоженію ихъ, бросивъ на землю божественное сѣмя, и, приготовивъ такимъ образомъ полезную и плодоносную почву для истинно-христіанскаго, общественно-государственнаго развитія. Долгъ служителей Слова — заботиться объ охраненіи и орошеніи божественныхъ сѣмянъ на нивѣ Христовой.

„Другую притчу предложилъ Христосъ Своимъ ученикамъ, говоря: царство небесное—подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. Когда же люди спали; пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы, и ушелъ. Когда взошла зелень и показался плодъ, тогда явились и плевелы. Пришедши же, рабы домовладыки сказали ему: „господинъ! не доброе-ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ своемъ? откуда же на немъ плевелы? Онъ же сказалъ имъ: врагъ человѣка сдѣлалъ это. А рабы сказали ему: хочешь-ли, мы пойдемъ, выберемъ ихъ". Но онъ сказалъ: „нѣтъ; чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними пшеницы. Оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде плевелы, и свяжите ихъ въ связки, чтобы сжечь ихъ; а пшеницу уберите въ житницу мою".

Въ своей первой притчѣ Іисусъ Христосъ изобразилъ намъ отношеніе человѣчества къ основанному Имъ на землѣ высшему царству, царству Божію, или царству небесному, состоящему въ совершенномъ, всецѣломъ подчиненіи волѣ Божіей, или божественному закону, указавъ на четыре вида людей, неодинаково отзывающихся на Его призывъ къ этому царству, различно воспринимающихъ слово о царствіи.

Во второй притчѣ Іисусъ Христосъ показываетъ будущимъ провозвѣстникамъ Его слова, сотрудникамъ Его въ дѣлѣ насажденія и распространенія царства Божія на землѣ, какъ они и вообще всѣ вѣрные рабы Его должны относиться къ людямъ, не принимающимъ или неисполняющимъ принятое слово истины.

Человѣчество, по ученію Іисуса Христа, подобно обширному полю, на которомъ Онъ, небесный Сѣятель, посѣялъ слово истины на доброй почвѣ воспріимчивыхъ душъ, но рядомъ со всходами этого слова растутъ плевелы не только безполезные сами по себѣ, но даже вредные для добрыхъ растеній.

По мысли Іисуса Христа, человѣчество, хотя оно и призвано къ знанію истины, всегда будетъ заключать въ себѣ не только членовъ, которые окажутся недостойными этого призванія, но и людей, не принявшихъ слова истины, или такихъ, которые и — принявши — не усвояю его.

Какія же отношенія Іисусъ Христосъ устанавливаетъ между этими различными членами человѣчества? Онъ учитъ терпимости въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Онъ не желаетъ насильственнаго насажденія и распространенія Его царства на землѣ, путемъ принужденія къ принятію христіанства одного народа другимъ, путемъ стѣсненія и преслѣдованія людей, исповѣдующихъ другія религіи, не желаетъ, чтобы плевелы исторгались изъ почвы, на которой посѣяны и взошли сѣмена истины. Когда слуги домовладыки, изображаемаго Іисусомъ Христомъ въ притчѣ, изъ ревности хотѣли вырвать дурныя травы, домовладыка имъ говоритъ: это—не ваше дѣло. Во время жатвы жатели отдѣлятъ дурныя травы отъ пшеницы, и пшеницу соберутъ въ житницу, а плевелы сожгутъ.

Поняли-ли это ученіе въ церквахъ тѣ, которые преслѣдуютъ людей, не принадлежащихъ къ христіанству или къ господствующему исповѣданію христіанства, и прилагаютъ стѣснительныя и суровыя мѣры противъ иной вѣры или иного исповѣданія? Проповѣдуя религіозную нетерпимость, забываютъ ученіе Іисуса Христа; осуждая вѣротерпимость, какъ заблужденіе или слабость, осуждаютъ самое Евангеліе.

Терпимость—существенно и исключительно христіанская добродѣтель. При появленіи на землѣ Іисуса Христа, міръ былъ подверженъ страшному антагонизму. Вражда, насиліе,—вотъ тѣ единственныя начала, на которыхъ держались отношенія между различными религіями, раз-

личными національностями. Іисусъ Христосъ первый возвысилъ свой кроткій гласъ въ этой юдоли страданій, и возвѣстилъ царство мира и любви. Но, такъ какъ Онъ зналъ, что ревность присуща религіозному чувству и такъ какъ тѣ, которыхъ Онъ призвалъ для распространенія Своего царства, еще не усвоившіе духа Христова, не разъ обнаруживали склонность къ употребленію насильственныхъ мѣръ противъ враговъ Христовыхъ, или людей, нежелавшихъ принять слово Его, то Онъ показываетъ имъ, что Его царство должно мирно распространяться и должно быть воспринимаемо свободно какъ отдѣльными людьми, такъ и цѣлыми народами. Небесный Сѣятель и Домовладыка—какъ-бы говорилъ Онъ имъ — посѣялъ сѣмя царствія, слово истины на землѣ, въ человѣчествѣ; но рядомъ съ добрыми всходами на этомъ полѣ будутъ расти сѣмена зла, которыя посѣялъ и продолжаетъ сѣять врагъ. Плевелы будутъ расти вмѣстѣ съ пшеницею. Но не вырывайте плевелы. Оставляйте все это расти и развиваться. Улучшайте почву, воздѣлывайте ее, осѣменяйте; но ничего не вырывайте, чтобы, вырывая дурные плевелы, не повредить корней добрыхъ сѣмянъ и не вырвать добрыхъ растеній по ошибкѣ вмѣстѣ съ плевелами. Въ самомъ дѣлѣ, если съ безразсудной ревностію станутъ предаваться насилію, то вмѣстѣ съ невѣрующими и дурными людьми могутъ пострадать и люди истинновѣрующіе, но принадлежащіе къ иному исповѣданію вѣры, или люди, расположенные къ христіанству и добрые сами по себѣ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ вѣротерпимости, смѣшивается евангельскій духъ съ духомъ нетерпимости.—Обыкновенно терпимость восхваляютъ, какъ философскую добродѣтель, въ противоположность евангельской ревности; между тѣмъ ни одна другая книга не учитъ насъ терпимости въ такомъ широкомъ и возвышенномъ смыслѣ, какъ Евангеліе. Нужно быть совершенно предубѣжденнымъ и проникнутымъ фанатизмомъ, чтобы искажать нѣкоторыя слова этой книги, видѣть въ нихъ—духъ нетерпимости, котораго они вовсе не имѣютъ.

Что означаетъ приказаніе Домовладыки не исторгать плевелы? Оно означаетъ—очевидно—ту терпимость, съ которою мы должны отно-

ситься къ иновѣрующимъ. Дѣлать различіе между добрыми и дурными и произносить судъ надъ послѣдними—это не дѣло тѣхъ, которые должны работать для Него и въ Его имя, на Его полѣ; право это принадлежитъ жателямъ, т. е. тѣмъ, на которыхъ во время жатвы будетъ возложено это спеціальное занятіе.

Время жатвы, по ученію Іисуса Христа,—конецъ міра. При концѣ міра Сынъ Человѣческій пошлетъ ангеловъ, которые соберутъ изъ царства Его всѣ соблазны и дѣлающихъ беззаконіе, и ввергнутъ ихъ въ печь огненную. Но пока міръ будетъ существовать, истинный христіанинъ, воздѣлывая поле Домовладыки, долженъ съ терпимостію относиться ко всѣмъ людямъ, хотя бы они были и мало достойны слова Божія, принятаго ими, хотя бы они отвергли это слово. Только трудъ—его долгъ. Судъ принадлежитъ одному Богу.

Итакъ терпимость—существенно христіанская добродѣтель, которую Іисусъ Христосъ положилъ въ основаніе соціальнаго порядка.

Но евангельская вѣротерпимость не есть безразличіе и индифферентизмъ. Безразличіе есть слѣдствіе равнодушія и холодности къ вѣрѣ. Истинная вѣротерпимость проистекаетъ изъ сознанія святости религіи и христіанской любви, которая насъ обязываетъ не только не дѣлать зла ближнему, но дѣлать ему—насколько возможно больше—добра,—христіанинъ ли онъ, или иновѣрецъ, добрый или дурной, другъ или врагъ. Инквизиторы пренебрегали этой христіанскою обязанностію, сожигая тѣло для блага души. Но Іисусъ Христосъ не такъ заповѣдалъ поступать Своимъ посланникамъ. Онъ заповѣдалъ дѣлать добро человѣку,—слѣдовательно состоящему изъ тѣла и души, а не одной только души.

Судъ надъ добрыми и злыми принадлежитъ только Богу: въ опредѣленное Имъ время Онъ воздастъ каждому по дѣламъ.

Та же самая мысль раскрывается и въ притчѣ о неводѣ. „Царство небесное подобно неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода, который, когда наполнился, вытащили на берегъ, и, сѣвши, хорошее собрали въ сосуды, а худое выбросили вонъ. Такъ будетъ при кончинѣ вѣка: изыдутъ Ангелы и отдѣлятъ злыхъ изъ

среды праведныхъ; и ввергнуть ихъ въ печь огненную: тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ" (Матѳ. XIII, 47—50).

Какъ въ полѣ хорошее сѣмя перемѣшено съ плевелами, и плевелы будутъ вырваны только Ангелами,—въ концѣ міра и будутъ брошены въ огонь, такъ точно въ неводѣ, который изображаетъ собой царство небесное, т. е. общество христіанское, дурныя рыбы должны находиться вмѣстѣ съ хорошими, пока кончится время лова; тогда отберутся хорошія рыбы, а дурныя выброшены будутъ вонъ. Добрые христіане будутъ отдѣлены Ангелами отъ злыхъ, и послѣдніе ввергнуты будутъ въ печь огненную.

Итакъ, по ученію Іисуса Христа, изложенному въ предыдущихъ притчахъ, при концѣ міра будутъ посланы Ангелы Божіи, чтобы собрать плевелы на землѣ и сжечь, а пшеницу убрать въ житницу Отца небеснаго; отдѣлить дурныя рыбы отъ хорошихъ и выбросить первыя вонъ. До конца этого міра и этой жатвы пшеница должна расти вмѣстѣ съ плевелами, хорошія рыбы находиться съ дурными, сыны царствія должны жить вмѣстѣ съ сынами неправды.

Сыны царствія не должны вырывать плевелы, выбрасывать дурныя рыбы изъ невода Христова, т. е. употреблять насиліе противъ сыновъ неправды.

Одинъ только Богъ будетъ судить въ концѣ міра и выполнитъ свой судъ чрезъ своихъ служителей — Ангеловъ.

Желая еще лучше уяснить сущность Своего царства и указать законъ, по которому оно должно раскрываться въ мірѣ, Онъ предложилъ своимъ слушателямъ такую притчу:

„Царство небесное — подобно зерну горчичному, которое человѣкъ взялъ и посѣялъ на полѣ своемъ, которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но, когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ, и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его".

Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ не поставилъ Свое царство внѣ законовъ развитія человѣческой природы. Напротивъ, подчинилъ его закону постепеннаго развитія и возрастанія, вопреки ученію тѣхъ уто-

пистовъ, которые мечтаютъ о соціальномъ преобразованіи, которое бы вдругъ осуществилось, не принимая въ разсчетъ тѣхъ силъ, которыя бы ему противодѣйствовали. Онъ обращался къ человѣчеству Своего времени, со всѣми его несовершенствами. Онъ не проповѣдывалъ ни революціи, ни насильственныхъ средствъ для усовершенствованія человѣчества; Онъ ограничился засѣвомъ малаго сѣмени, которое, какъ ни мало оно повидимому, разрастается въ такое многовѣтвистое дерево, что птицы небесныя могутъ покоиться подъ его вѣтвями. Птицы небесныя — это члены небеснаго царства, истинные христіане; они выдѣляются изъ испорченнаго общества, изъ массы міра, возвышаются надъ этой массой, и находятъ себѣ покой въ высшихъ областяхъ, подъ вѣтвями символическаго дерева, изображающаго небесное царство. Но сыны царства мира должны жить среди сыновъ неправды.

Такое мѣсто истинные христіане должны занять въ мірѣ. Возвышаясь въ этомъ мірѣ своими чувствами, и мыслями, и дѣлами, они пользуются временными благами для общественной пользы; они чужды эгоизма. Подъ вліяніемъ дѣлаемаго ими добра — доброе сѣмя развивается, увеличивается; царство Божіе пускаетъ новыя вѣтви, и большее число истинныхъ христіанъ успокоивается подъ этими вѣтвями.

Таковъ законъ распространенія христіанства. Не насиліемъ, страстію, фанатическою ревностію оно должно быть распространяемо, но словомъ истины и примѣромъ добродѣтелей, и кроткимъ воздѣйствіемъ на людскія души.

Какъ часто въ христіанскомъ мірѣ забываютъ эту основную истину христіанства!..

XV.

Притча Христа Спасителя о блудномъ сынѣ.

„Онъ осердился и не хотѣлъ войти“. Лук. XV, 28.

Давно я собирался сказать слово о старшемъ братѣ притчи о блудномъ сынѣ. Насъ, проповѣдниковъ, винятъ, что мы обращаемъ вниманіе на одного только младшаго сына. Въ проповѣдяхъ чувствуется только сквозной вѣтеръ отъ развѣвающихся лохмотьевъ блуднаго сына, да хрустеніе рожковъ, которыхъ онъ добивался. Теперь я рѣшаюсь нарисовать портретъ старшаго брата во весь его ростъ.

Изо всѣхъ оконъ стариннаго родового дома раздается веселая музыка. Тамъ идетъ веселый пиръ. Сосѣди, узнавъ о возвращеніи и о приключеніяхъ младшаго сына, идутъ принять участіе въ семейной радости. Въ домѣ слышатся сердечныя поздравленія. Столы уставлены вкусными яствами, между которыми виднѣется и телецъ упитанный. Гости подъ звуки кимваловъ и арфъ пьютъ вино и веселятся. Но чей это мрачный образъ предъ дверьми дома?

Это стоитъ старшій сынъ безчувственный флегматикъ. Онъ только что вернулся съ полевыхъ работъ, замѣтилъ веселое пиршество въ отцовскомъ домѣ и спрашиваетъ, несшаго на плечахъ мѣхъ съ виномъ, слугу о причинѣ такого веселья и шума. Узнавъ о возвращеніи младшаго брата, онъ не спѣшитъ въ домъ порадоваться съ радующимися. Онъ стоитъ, потупивъ очи и сморщивъ лобъ. Веселье и шумъ чужды его душѣ, противны ему. Запахъ яствъ, проникающій чрезъ отворенныя двери, не привлекаетъ его, но только раздражаетъ. Оживленная музыка не смягчаетъ его негодующаго настроенія. Онъ находитъ этотъ внезапный праздникъ несвоевременнымъ. Выходитъ съ открытой головой отецъ и уговариваетъ сына войти. Но сынъ упорствуетъ, порицаетъ отца, бранитъ брата, въ волненіи ходя взадъ и впередъ. Онъ говоритъ: „ты, отецъ, поощряешь бродяжничество. Я остался жить съ тобою, работалъ на тебя, но ты мнѣ никогда не устроилъ праздника, не далъ мнѣ для этого и козленка, хотя это стоило бы вдвое дешевле настоящаго пира. Но этотъ бездѣльникъ, оставившій твой домъ въ тонкихъ одеждахъ, возвратился совершеннымъ оборванцемъ, и ты такъ почтилъ его! Онъ разбилъ твое сердце, а ты его награждаешь! Телецъ, котораго мы этотъ мѣсяцъ такъ усердно откармливали, не былъ бы такъ хорошъ, еслибъ я зналъ, куда ты его употребишь. Такихъ потаскуновъ нужно сѣчь, а не пиры для нихъ устраивать“. — Пока младшій сынъ сидитъ съ отцемъ, кается ему въ своихъ похожденіяхъ разспрашиваетъ и происшедшихъ въ домѣ и въ окрестностяхъ въ его отсутствіи перемѣнахъ, старшій братъ въ крайнемъ раздраженіи и печали уходитъ въ дальнѣйшую комнату и, хлопнувъ дверью, бросается на постель.

Этотъ старшій братъ живъ и понынѣ. Его можно встрѣчать повседневно. Въ одномъ пастырскомъ собраніи въ нѣмецкой странѣ предложенъ былъ вопросъ: „кто разумѣется подъ старшимъ сыномъ?“ Крummахеръ отвѣтилъ: „я знаю его; я видѣлъ его еще вчера“. Собраніе настойчиво просило Крummахера сказать, про кого онъ говоритъ. „Про себя; когда я услышалъ объ обращеніи ко Христу одного пропащаго человѣка, я пришелъ въ раздраженіе“.

Старшій братъ, прежде всего представитель людей самодовольныхъ и напыщеныхъ собой. Браня младшаго брата, онъ въ то-же время превозноситъ себя самого, хотя онъ былъ полонъ недостатковъ, какъ и всѣ самодовольные люди. Онъ былъ неблагодаренъ, потому что не оцѣнилъ тѣхъ удобствъ покойной жизни въ отцовскомъ домѣ, которыми онъ наслаждался во всѣ дни своей жизни. Онъ былъ непослушенъ, потому-что, несмотря на просьбы отца, не присоединился къ пирующимъ. Онъ преувеличивалъ вину брата, обвиняя его въ расточеніи отцовскаго имущества, тогда какъ отецъ все еще владѣлъ помѣстьемъ, имѣлъ музыкальные инструменты, драгоцѣнные перстни, большой домъ и много слугъ. О недостаткахъ своего брата старшій сынъ судилъ совершенно безсердечно. О, эти добропорядочные люди иногда бываютъ страшными негодяями! Никто меня такъ жестоко не обманывалъ, какъ одинъ изъ такихъ. Онъ такъ далеко зашелъ въ своей порядочности, что пренебрегъ всѣми правилами чести. Эти люди ловятъ добычу въ молитвенныхъ собраніяхъ и при дѣловыхъ сношеніяхъ съ вами докажутъ свою добродѣтель, но только берегитесь ихъ и держите крѣпче свой кошелекъ. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ онъ смиреннѣе. Глубина морская не производитъ такого шума, какъ маловодный горный потокъ. Бываютъ магазины, въ которыхъ больше товару лежитъ на оконной выставкѣ, чѣмъ на полкахъ и въ ящикахъ

Этотъ самохвалъ евангельскій стоялъ около дома и превозносилъ себя. Мы и сегодня, нерѣдко слышимъ рѣчи о высшихъ ступеняхъ христіанства. Но такихъ совершенныхъ христіанъ можно раздѣлить на два рода: одни возбуждаютъ удивленіе, другіе отвращеніе. Одни осмотрительны въ своихъ сужденіяхъ о людахъ, не удивляютъ людей показною набожностію, мало говорятъ о себѣ, но много о Христѣ и о небѣ, день ото дня становятся ласковѣе, кротче и полезнѣе людямъ, до тѣхъ поръ пока ихъ душа распуститъ свои крылья и полетитъ къ вѣчному покою, оставивъ грустно пріятное воспоминаніе въ людяхъ. Другого рода совершенные христіане не разстаются съ библіей, переходятъ отъ одной церкви въ другую, надоѣдаютъ пастырямъ; пристаютъ къ счи-

тающему сбереженія капиталисту съ напоминаніемъ о душѣ, встаютъ въ религіозныхъ собраніяхъ и держатъ душеспасительныя рѣчи съ такой миной, будто всѣмъ слушателямъ много лѣтъ нужно трудиться, чтобы достичь той степени совершенства, которую пріобрѣли они сами. Я смѣло скажу, что безпутный грѣшникъ не такъ отвратителенъ, какъ эти мнимосовершенные христіане. Первый можетъ раскаяться, послѣдніе никогда не отрѣшатся отъ своей показной святости. Младшій сынъ раскаялся, но старшій стоитъ внѣ дома, не примѣчая своихъ недостатковъ и восхваляя свою порядочность. Много легче винить людей, чѣмъ самого себя. Адамъ винитъ Еву, Ева — змѣя, змѣй — бѣса, старшій сынъ младшаго, а ни одинъ изъ нихъ не сознавался въ своей винѣ.

Во-вторыхъ, старшій братъ является представителемъ тѣхъ людей, которые не довѣряютъ исправленію падшихъ грѣшниковъ. По тону его рѣчи можно догадываться, что онъ не вѣритъ въ искренность обращенія младшаго брата. Онъ думаетъ: „вернулся мой братецъ, чтобы опять къ нашему карману подобраться! Третью часть имѣнія онъ растратилъ, теперь еще хочетъ получить. Съ нами онъ не усидится. Я и самъ порадовался бы возвращенію его, если бы вѣрилъ въ искренность исправленія. Но на долго-ли раскаявается этотъ закоренѣлый пьяница и блудникъ?“ Прискорбно видѣть въ христіанскихъ приходахъ подобное недовѣріе къ исправленію павшихъ! Ты говоришь, онъ былъ горькій пьяница, но я возражаю: „дѣйствительно, но онъ бросилъ свою привычку“. Желалъ бы я этому вѣрить, продолжаешь ты съ сострадательной миной, но эти обращенія непрочны: прежде времени твое ликованіе и пиршество по случаю возвращенія распутнаго сына“. Такое холодное недовѣріе служитъ причиной, почему погибающія дѣти рѣдко возвращаются въ дома своихъ родителей. И какъ много въ каждомъ приходѣ такихъ недовѣрчивыхъ людей! Но всетаки на пути къ небу стоитъ много помѣстій, въ которыхъ были приняты заблудшія дѣти и не посрамили довѣрія къ нимъ.

Ты не рѣшаешься протянуть руку такому раскаявшемуся грѣш-

нику. Ты не рѣшаешься за него молиться и сказать ему слово привѣта. А ему такъ отраденъ былъ бы потокъ христіанской любви и участія. Но ты, какъ ледяная лава, надвигаешься на него и знобишь по грудь. Ты указываешь, что онъ былъ распутнымъ сыномъ. Знаю, но ты—ворчливый, отталкивающій, хулящій, мрачный, безжалостный старшій братъ; если ты попадешь на небо, то иной добровольно пойдетъ въ адъ, лишь бы не встрѣчаться съ тобой. Охотники разсказываютъ, что олени удаляютъ изъ своего стада подстрѣленнаго товарища; къ сожалѣнію, и между людьми вошло въ обычай удалять собрата, раненаго грѣхомъ. Чѣмъ болѣе костей поломано у человѣка, тѣмъ нужнѣе ему больница; чѣмъ болѣе человѣкъ израненъ и разбитъ грѣхомъ, тѣмъ необходимѣе оказать ему человѣческую и христіанскую любовь и участіе. Но они, эти грѣшники, желающіе покинуть пути порока, не находятъ себѣ мѣста въ этомъ мірѣ. Есть здѣсь довольно мѣста, но только для богатыхъ и знатныхъ грѣшниковъ, для грѣшниковъ въ шелку и атласѣ, въ лайковыхъ перчаткахъ и лакированныхъ ботинкахъ, для благопристойныхъ, расчесанныхъ грѣшниковъ, благоухающихъ ароматомъ духовъ, завитыхъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ,—для такихъ грѣшниковъ у насъ довольно мѣста; ихъ мы привѣтливо встрѣчаемъ при церковныхъ дверяхъ, имъ мы предоставляемъ лучшія мѣста въ храмахъ, пододвигаемъ имъ подъ ноги мягкія подушки, подаемъ имъ золотообрѣзный изящный молитвенникъ и держимъ предъ ними сборную тарелку съ такой смиренной миной, будто мы въ чемъ провинились предъ ними, о, они—о, великодушіе!—достаютъ въ своихъ красивыхъ кошелькахъ червонцы и ловко кладутъ ихъ, украшенными алмазными перстнями пальцами, на тарелку, какъ дань благодарности Богу. Для такихъ грѣшниковъ у насъ мѣста сколько угодно. Но для человѣка въ оборванной одеждѣ, съ красно-синимъ, опухшимъ отъ пьянства лицомъ, пропившаго вѣнчальное платье жены и пустившаго дѣтей по міру, для человѣка, котораго тѣло, духъ и душа горятъ въ огнѣ и пламени, для человѣка съ тоскою и страхомъ дрожащими руками хватающагося за пагубный, заманчивый, убивающій и изнуряющій стаканъ вина и подносящаго его къ своимъ высохшимъ устамъ

и къ своей полной отчаянія безсмертной душѣ,—для такого нѣтъ у насъ мѣста.

Если бы младшій сынъ притчи не палъ такъ глубоко, если бы его одежда и лицо не обнаруживали столь явныхъ слѣдовъ порока и пьянства, то отношеніе къ нему старшаго брата не было бы такъ враждебно. Но такъ какъ младшій сынъ дошелъ до послѣдней степени паденія, то старшій негодуетъ противъ него и не хочетъ войти въ домъ. О, не будь такъ суровъ въ своемъ приговорѣ о павшемъ, чтобы не пасть и самому.

Одинъ больной отправился для поправленія своего здоровья въ Южную Америку. Однажды, сидя тамъ на берегу моря и грѣясь на солнцѣ, онъ замѣтилъ, что какое-то существо выползло изъ-подъ берега и двигалось къ нему. Онъ испугался, полагая, что это звѣрь или гадина, и схватился за револьверъ. Но тутъ онъ различилъ, что это былъ не дикій звѣрь, а человѣкъ, безсмертный человѣкъ, созданный по образу Божію. Бѣдное, несчастное созданіе подползло къ ногамъ больного и запросило водки. Больной вынулъ изъ кармана фляжку съ виномъ и далъ несчастному нѣсколько глотковъ. Послѣдній, подкрѣпившись виномъ, поднялся и разсказалъ свою судьбу. Онъ былъ шотландскій купецъ изъ Глазго. Отъ винопитія онъ пришелъ въ такое состояніе, что живетъ теперь на берегу моря подъ маленькой лодкой вдали отъ родины. „Въ Глазго я знавалъ купца съ вашимъ именемъ“, замѣтилъ больной. Тогда несчастный бездомникъ выпрямился и отвѣтилъ: „да это—я самъ!“ Мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ! (1 Кор. X, 12).

Въ третьихъ, я считаю старшаго брата представителемъ завистниковъ и ревнивцевъ. Всѣ почести, оказанныя его брату, кажутся ему личнымъ оскорбленіемъ. Онъ думалъ: „я оставался вѣренъ отцу, на меня бы нужно надѣть перстень, въ мою честь слѣдовало бы устроить пиръ и украсить домъ“. Вотъ онъ горькій духъ зависти и ревности, проходящій чрезъ всѣ вѣка до нашего времени: Каинъ и Авель, Исавъ и Іаковъ, Саулъ и Давидъ, Аманъ и Мардохей.

Особенно прискорбно это чувство зависти въ религіозной жизни. Магометане одной мѣстности во время сильной засухи, молились о дождѣ, но безъ послѣдствій. Помолились христіане, и дождь пошелъ. По этому случаю магометане собрались на совѣщаніе и единодушно рѣшили, что Богъ не давалъ дождя по ихъ молитвамъ, чтобы долѣе услаждаться ихъ молитвами. Когда же начали молиться христіане, то эти молитвы такъ противны были Богу, что Онъ для прекращенія ихъ молитвъ скоро послалъ имъ дождь. Вотъ онъ позорный духъ зависти и ревности. Да исчезнетъ онъ изъ сердецъ нашихъ!

Одинъ кулачный боецъ такъ завидовалъ Теогену, названному царемъ бойцевъ, что не имѣлъ покоя. По смерти Теогена, его статуя поставлена была на публичномъ мѣстѣ. Тогда завистникъ сталъ каждую ночь бороться со статуей. Однажды онъ ее осилилъ, она зашаталась, упала на завистника и задавила его. Зависть не только безумна, но смертоносна для тѣла, смертоносна и для души. Какъ рѣдко купецъ благожелательствуетъ своему товарищу! Какъ рѣдко врачъ благожелательствуетъ другому врачу, живущему въ той-же мѣстности! Друзья, друзья мои! въ мірѣ для всѣхъ много мѣста. Порадуемся лучше успѣхамъ товарищей. Если у насъ нѣтъ своего сада, то почти столь-же хорошо чрезъ заборъ смотрѣть въ садъ сосѣда и радоваться растущимъ тамъ цвѣтамъ. Если у насъ нѣтъ кареты, то порадуемся на богатую упряжь другихъ людей. Если для насъ никто не устроитъ пира, то все же намъ отрадно знать, что нашъ погибавшій братъ встрѣченъ въ отчемъ домѣ роскошнымъ пиршествомъ.

Лишенные почестей и знаковъ вниманія, мы можемъ радоваться и за себя, потому что мы избавляемся чрезъ то многихъ опасностей и искушеній. Французскій генералъ подслушалъ, какъ одинъ рядовой ропталъ на свою судьбу: „хорошо генералу командовать: впередъ да впередъ: онъ сидитъ на конѣ, а мы идемъ пѣшіе". Генералъ слѣзъ съ лошади и принудилъ негодующаго солдата взойти на нее. Но скоро пуля мѣткаго стрѣлка попала во всадника, и онъ мертвый повалился съ

лошади. Тогда генералъ промолвилъ: „много безопаснѣе пѣшему, чѣмъ всаднику".

Вторично утверждаю я, что старшій братъ представитель ропщущихъ христіанъ. Въ то время, когда въ домѣ раздаются звуки благожеланій, онъ стоитъ снаружи, низко опустивъ углы рта, и выглядываетъ такъ жалко, жалко. Я радъ, что его печальное лицо не смутило радость празднующихъ. Какъ много по сіе время такихъ негодующихъ христіанъ, христіанъ, которые не любятъ церковную музыку, ненавидятъ шумную радость молодежи, христіанъ, которые все ропщутъ, ропщутъ противъ общества, противъ моды, противъ печати, противъ прихода, противъ правительства, даже противъ Промысла Божія. Ихъ печень разстроена, желудокъ не варитъ пищи. Уксусъ и перецъ—любимыя приправы ихъ стола. О, оставьте это кислогорькое настроеніе, прибавьте къ нему немного сахара! Избѣгая распутства младшаго сына, избѣгайте вмѣстѣ съ тѣмъ ворчливости и человѣконенавистничества старшаго! Подражайте отцу, который съ открытыми объятіями выбѣгаетъ навстрѣчу виноватому и кротко обходится съ негодующимъ и завистливымъ.

Смыслъ притчи таковъ: Богъ готовъ возстановить каждаго кающагося грѣшника, принять его безъ пререканій, принять навѣки, принять въ объятія любви, напечатлѣть на его сухихъ устахъ поцѣлуй, надѣть на его загрубѣвшую руку перстень, облечь его израненныя ноги въ мягкую обувь, увѣнчать его голову вѣнкомъ и переселить въ его сердце небо. О, я падаю въ объятія милосердія. Приди и ты, мой братъ, мой другъ, повергнемся съ тобою въ прахъ предъ Богомъ и не прежде встанемъ, какъ подниметъ насъ рука прощающаго Отца.

О, сколько милосердія у Бога! Восхвалите Его. Хвалите Его съ нами земля и небо. Взывайте къ Нему, бросайте пальмовыя вѣтви! Развѣ ты не чувствуешь на своей груди отцовскихъ объятій? Развѣ ты не чувствуешь на щекѣ твоей Его теплаго дыханія? Повинись ему младшій сынъ! Повинись и старшій! Иди и садись за уготовленный столъ. Возьми часть упитаннаго тельца и положи одну руку въ

руку воротившагося брата, а другую въ руку простившаго Отца! Пусть сердце твое бьется въ тактъ съ звуками кимваловъ и флейтъ! Да, дѣйствительно, мы должны радоваться и быть бодрыми душей, „потому что братъ нашъ сей былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“. Аминь.

Отецъ встрѣчаетъ блуднаго сына.

Іерихонъ.

XVI.

Притча Христа Спасителя о милосердомъ самарянинѣ.

И вотъ, одинъ законникъ всталъ и, искушая Его, сказалъ: Учитель! что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную? Онъ же сказалъ ему: въ законѣ что написано? какъ читаешь? Онъ сказалъ въ отвѣтъ: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и ближняго твоего, какъ самого себя. *Іисусъ* сказалъ ему: правильно ты отвѣчалъ: такъ поступай, и будешь жить. Но онъ, желая оправдать себя, сказалъ Іисусу: а кто мой ближній? На это сказалъ Іисусъ: нѣкоторый человѣкъ шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ и попался разбойникамъ, которые сняли съ него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва-живымъ. По случаю одинъ священникъ шелъ тою дорогою и, увидѣвъ его, прошелъ мимо. Также и левитъ, бывъ на томъ мѣстѣ, подошелъ, посмотрѣлъ и прошелъ мимо. Самарянинъ же нѣкто, проѣзжая, нашелъ на него и, увидѣвъ его, сжалился, и, подошедъ, перевязалъ ему раны, возливая масло и вино; и, посадивъ его на своего

осла, привезъ его въ гостиницу и позаботился о немъ; а на другой день, отъѣзжая, вынулъ два динарія, далъ содержателю гостиницы и сказалъ ему: „позаботься о немъ; и если издержишь что болѣе, я, когда возвращусь, отдамъ тебѣ“. Кто изъ этихъ троихъ, думаешь ты, былъ ближній попавшемуся разбойникамъ? Онъ сказалъ: оказавшій ему милость. Тогда Іисусъ сказалъ ему: иди, и ты поступай такъ же“.

„А кто мой ближній?“—съ такимъ вопросомъ обратился къ Іисусу Христу одинъ изъ Іудейскихъ законниковъ. Въ настоящее время едвали найдется человѣкъ, которому бы вопросъ сей по меньшей мѣрѣ не показался страннымъ; а между тѣмъ въ то время предложить его значило пріобрѣсти право на всеобщую похвалу и уваженіе. И мы видимъ, что, предлагая его, этотъ человѣкъ надѣялся выказать себя праведникомъ, то-есть знатокомъ и ревнителемъ закона. Обращаясь съ своимъ вопросомъ къ Тому, Кого народъ считалъ за Пророка, онъ какъ бы такъ говоритъ Ему: „я готовъ любить, какъ своего ближняго, всякаго, кого только могу назвать этимъ священнымъ именемъ; но очевидно, что я не могу же давать его всѣмъ безъ разбора. Итакъ, скажи мнѣ, кто мой ближній, и я буду чтить и любить его, какъ ближняго?“

Что одинъ и тотъ же поступокъ могъ составить славу человѣка тогда и покрываетъ его стыдомъ теперь, это всего лучше доказываетъ различіе временъ: того, въ которое жилъ этотъ человѣкъ, и того, въ которое живемъ мы.

Въ первыя времена, когда родъ человѣческій находился еще въ состояніи младенчества, никому не могло придти на мысль спросить: „кто мой ближній?“ Потому что люди, происходя отъ одной четы, составляли тогда буквально одно семейство; человѣкъ учился тогда любить подобнаго себѣ человѣка въ лицѣ отца, сына, брата, родственника; и такъ какъ люди долго жили тогда, то каждый могъ видѣть свое семейство, возросшимъ въ цѣлое племя, члены котораго, имѣя всегда предъ глазами своего предка, естественно признавали другъ въ другѣ родственниковъ и братьевъ.

Въ этомъ видно особенное намѣреніе Божіе о человѣкѣ. Богу угодно было создать на землѣ одно обширное семейство, котораго члены, всегда помня о единствѣ своего происхожденія, относились бы другъ къ другу какъ братья. Призванные всѣ къ одной цѣли — прославлять Бога на землѣ, они всѣ должны были достигать сей великой цѣли дружными, соединенными усиліями. И какъ у всѣхъ была одна цѣль, то всѣхъ должна была соединять одна и таже любовь. Всѣ разности, несходства и неравенства между людьми должны были исчезнуть въ великой мысли о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ всѣхъ, такъ, чтобы все человѣчество образовало предъ Нимъ какъ бы одного человѣка.

Вотъ тѣ простыя, указанныя самою природою отношенія, въ которыхъ должно было развиваться это святое, Богоподобное чувство, эта истинная любовь, одна вполнѣ достойная сего имени, которое Евангеліе называетъ *милосердіемъ*. Безъ этой любви, побуждающей насъ любить человѣка единственно по причинѣ его человѣческаго достоинства, всѣ наши частныя привязанности, семейныя, общественныя, не возвышали бы насъ надъ животными, и каждая изъ этихъ привязанностей тогда только заслуживаетъ священнаго имени любви, когда она является въ нашей душѣ *милосердіемъ*.

Безъ сомнѣнія привязанности эти сами въ себѣ въ высшей степени законны; онѣ не только не противны любви ко всѣмъ, напротивъ должны питать и развивать ее въ насъ. Любящій свою мать непремѣнно пожалѣетъ и мать другого человѣка, находящуюся въ нуждѣ. Заботящійся о своихъ дѣтяхъ будетъ внимателенъ и къ нуждамъ другихъ дѣтей. Само Евангеліе заповѣдуетъ и освящаетъ наши частныя привязанности. Всѣ святые мужи Ветхаго и Новаго Завѣта жили въ кругу сихъ привязанностей! Самъ Христосъ Спаситель по Своему человѣчеству явилъ намъ въ Себѣ совершеннѣйшій образъ друга, сына, гражданина.

Но тѣмъ не менѣе способность любить всякаго человѣка единственно потому, что онъ человѣкъ, какъ много выше и превосходнѣе

всѣхъ нашихъ частныхъ привязанностей! Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ менѣе наша любовь къ людямъ зависитъ отъ частныхъ побужденій, каковы: интересъ, привычка, сила крови и т. под., то-есть, чѣмъ болѣе мы любимъ человѣка только по причинѣ его человѣческаго достоинства,

Милосердый самарянинъ.

или той нужды, которую онъ имѣетъ въ нашей любви, тѣмъ чище и возвышеннѣе наша любовь, тѣмъ болѣе она пріобрѣтаетъ правъ на священное имя любви. Чѣмъ болѣе мы любимъ такимъ образомъ, тѣмъ болѣе уподобляемся въ своей любви Богу, безконечно Благому и Мило-

сердому. Можно сказать болѣе: относительно нашихъ частныхъ привязанностей мы болѣе или менѣе стоимъ на ряду съ другими, низшими насъ существами, но эта разумная, возвышенная любовь уподобляетъ насъ единому Богу! Животныя также не лишены извѣстнаго рода привязанностей,—ихъ бытъ представляетъ очевидныя доказательства тому. Но напрасно, кто сталъ бы искать въ нихъ хотя тѣни того, что мы называемъ милосердіемъ. Только эта любовь есть истинная любовь. Посему необходимо, чтобы она проникла всѣ наши частныя привязанности, чтобы каждый изъ насъ учился любить этою любовію своихъ близкихъ, кровныхъ. Иначе чувство, которое мы будемъ питать къ этимъ лицамъ, какъ бы оно ни было сильно и горячо, будетъ не болѣе, какъ склонностію, привычкою, страстію или тѣмъ же эгоизмомъ, только въ иной, болѣе утонченной формѣ.

Эта именно любовь, по намѣренію Божію, и должна была составить одну изъ благороднѣйшихъ принадлежностей человѣческой природы. И мы видѣли, что сдѣлано было это Богомъ для вкорененія сего чувства въ душѣ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, сколько данныхъ для того, чтобы человѣкъ могъ признать въ другомъ человѣкѣ своего ближняго! Не только у всѣхъ одинаково строеніе тѣла, но однѣ и тѣже нужды, тѣже опасности, тѣже враги; всѣ равно одарены мыслію, языкомъ и сознаніемъ; у всѣхъ врожденное чувство истины; у всѣхъ непреодолимая потребность знать и чтить Бога; у всѣхъ стремленіе къ жизни духовной, жажда счастія иного, отличнаго отъ того, какое даетъ міръ; у всѣхъ вѣра въ безсмертіе человѣческаго духа и жажда безконечнаго; у всѣхъ, наконецъ, съ той самой минуты, какъ проклятіе отяготѣло надъ міромъ, сознаніе печальной участи, выпавшей на долю человѣка на землѣ, участи всѣхъ постигшей и для всѣхъ одинаковой... Но увы! это послѣднее обстоятельство вмѣсто того, чтобы тѣснѣе сблизить людей, послужило первою причиною ихъ раздѣленія. Ибо какъ скоро человѣкъ отпалъ отъ Бога, могъ ли онъ сохранить полное уваженіе къ Его образу и подобію, начертанному на челѣ другого, подобнаго ему существа? Какъ скоро онъ себя самого поставилъ выше

Бога, съ этихъ поръ какое другое существо во вселенной могло быть дороже для него его собственнаго *я*? Забывъ Бога, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и забылъ ближняго. Онъ заключилъ свое сердце въ тѣсный кругъ частныхъ, чувственныхъ привязанностей; онъ почти утратилъ все, что чувство любви имѣетъ въ себѣ особеннаго, Богоподобнаго, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, ниспалъ до уровня животнаго. Самое слово *ближній* потеряло въ сознаніи людей свое истинное значеніе, ибо утрачено чувство братскаго долга къ людямъ, вложенное въ человѣка самою природою. Частныя, случайныя отличія, раздѣлявшія съ теченіемъ времени людей, поглотили все вниманіе человѣка: нравы, обычаи, языкъ, цвѣтъ тѣла, степень умственнаго развитія, неравенство званій и состояній, всѣ подобнаго рода поверхностныя явленія въ жизни людей заставили забыть человѣка о единствѣ происхожденія людей и объ одинаковости человѣческой природы. Человѣкъ сталъ видѣть ближняго только въ родственникѣ, другѣ и рѣдко въ соотечественникѣ. Люди стали соединяться въ общества не для того, чтобы раздѣлить между собою блага жизни и потребность любви, но чтобы сообща ненавидѣть и преслѣдовать другихъ людей. Семейства возстали противъ семействъ, сословія противъ сословій, народы противъ народовъ.

Такимъ образомъ до пришествія на землю Спасителя весь міръ былъ раздѣленъ на множество враждебныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое считало необходимымъ для своего благосостоянія обезсиливать и порабощать всѣ другія. Слово „чужеземецъ“ служило у всѣхъ народовъ выраженіемъ высшей степени гнѣва и презрѣнія. Даже среди народа избраннаго большинство до такой степени исполнено было національной нетерпимости, что Іудеевъ прозвали врагами рода человѣческаго. Правда, что Самъ Богъ воздвигъ нѣкоторую преграду между этимъ народомъ и всѣми другими народами; но въ Его намѣреніи было оградить Іудеевъ отъ соблазновъ язычества, а не отдѣлить ихъ совершенно отъ человѣчества; между тѣмъ Іудеи перетолковали по своему это Божественное намѣреніе. Они доказали всею своею исторіею, что

можно любить язычество и ненавидѣть язычниковъ. Ихъ гордость росла вмѣстѣ съ ихъ невѣріемъ, такъ что можно сказать съ полною достовѣрностію, что въ то время, когда среди нихъ является Христосъ Спаситель, этому народу болѣе, чѣмъ всякому другому, необходимъ былъ урокъ, заключенный въ притчѣ о Самарянинѣ. Можетъ быть нигдѣ, какъ только у Іудеевъ, и у нихъ ни въ какое другое время ихъ исторіи, какъ въ это, не осмѣлился бы спросить человѣкъ такъ открыто и съ такою увѣренностію въ своей мнимой правотѣ; „кто мой ближній?“ А теперь этотъ вопросъ предлагаетъ Спасителю ни болѣе, ни менѣе, какъ учитель Закона и притомъ Закона Божественнаго.

Господь не оставилъ безъ вниманія вопроса, предложеннаго законникомъ, чтобы по поводу его возвѣстить міру истинное понятіе о ближнемъ. Но способъ, которымъ Онъ дѣлаетъ это, въ высшей степени знаменателенъ. Онъ могъ бы однимъ словомъ опровергнуть этого человѣка, и вмѣсто того предлагаетъ цѣлый разсказъ въ видѣ притчи. Дѣйствующими лицами сего разсказа Господь избираетъ не просто двухъ человѣкъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ народамъ, но именно іудея и самарянина; іудея потому, что онъ говоритъ съ іудеями, самарянина потому, что между іудеями и самарянами существовало нѣчто болѣе опасное, чѣмъ разноплеменность; ихъ раздѣляло несогласіе мнѣній и вѣрованій. Такимъ образомъ не просто чужеземцевъ, но враговъ и противниковъ поставляетъ Онъ другъ передъ другомъ. Но это еще не все. Онъ заставляетъ здѣсь іудея принять благодѣяніе отъ самарянина съ тою цѣлію, чтобы поставить іудея въ необходимость признать въ этомъ чужеземцѣ—врагѣ своего ближняго, или выказать съ своей стороны самую черную неблагодарность. Но Господь не ограничивается симъ. Онъ вводитъ въ свой разсказъ другія лица, которыя, также будучи іудеями и признавъ, быть можетъ, въ этомъ путешественникѣ, ограбленномъ и израненномъ разбойниками, своего соотечественника, безжалостно оставляютъ его на произволъ судьбы, и, будучи служителями религіи, не исполняютъ обязанности милосердія къ одному изъ подобныхъ себѣ, обязанности, которой они, какъ священники,

были первыми блюстителями и представителями. Напротивъ, самарянинъ, призналъ или не призналъ онъ іудея въ этомъ несчастномъ, спѣшитъ оказать ему помощь единственно потому, что видитъ подобнаго себѣ человѣка страждущимъ и нуждающимся въ помощи, и дѣлаетъ для него все, что въ подобномъ случаѣ братъ могъ бы сдѣлать для брата. Ибо Спаситель передаетъ намъ поступокъ самарянина не въ общихъ чертахъ; онъ изображаетъ его во всей подробности. Онъ исчерпываетъ предметъ до такой степени, что самымъ строгимъ судіямъ въ дѣлѣ благотворительности не оставляетъ ничего, чтобы можно было пожелать и даже вообразить болѣе того, что сдѣлано самаряниномъ. Онъ представляетъ поступокъ самарянина высшимъ подвигомъ благотворительности. Невозможно представить себѣ обязанность, исполненную болѣе лучшимъ, совершеннѣйшимъ образомъ.

Надобно согласиться впрочемъ, что левитъ и священникъ, прошедшіе мимо несчастнаго путешественника, не удѣливъ ему взора состраданія, поступили такъ не потому, что не ощутили въ своей душѣ ничего похожаго на состраданіе къ нему, но по иному побужденію. Можно было опасаться, что разбойники недалеко отъ этого мѣста и что они съ намѣреніемъ бросили свою жертву на краю дороги, чтобы привлечь къ ней вниманіе и состраданіе мимоходящихъ, подстеречь болѣе неосторожныхъ, и, такимъ образомъ, къ этой жертвѣ своей жестокости присоединить нѣсколько другихъ. Притомъ этотъ путь по частымъ убійствамъ и грабежамъ, происходившимъ на немъ, названный издавна „путемъ крови“, очевидно не былъ такимъ путемъ, на которомъ можно было бы останавливаться и медлить по доброй волѣ, если бы даже путешественнику и не встрѣчалось на немъ ничего особеннаго, что говорило бы объ опасности. Но обязанность всегда остается обязанностію, съ какими бы трудностями и опасностями ни соединено было ея исполненіе. Только справедливость требуетъ замѣтить, что какъ всякое доброе дѣло тѣмъ большую получаетъ цѣну, чѣмъ болѣе испытано борьбы и преодолѣно препятствій при совершеніи его, то самарянинъ, исполнившій обязанность человѣколюбія къ этому несчастному

съ опасностію собственной жизни, заслуживаетъ съ нашей стороны особенной похвалы и уваженія, чего равно заслуживали бы и два другіе путешественника, если бы они въ этомъ случаѣ поступили, такъ какъ поступилъ самарянинъ. Онъ останавливается не на самое короткое время, необходимое для того, чтобы приподнять этого человѣка и посадить его на осла, — помощь безполезная и быть можетъ гибельная въ положеніи раненаго, которому каждая новая потеря крови могла стоить жизни. Самарянинъ сначала перевязываетъ его раны, возливаетъ на нихъ масло и вино, которыя онъ по счастливому случаю нашелъ при себѣ, и тогда только, не прежде, возглагаетъ онъ раненаго на осла и везетъ его въ гостиницу. Но и здѣсь онъ не просто сдаетъ его на руки другихъ; онъ самъ начинаетъ ухаживать за нимъ. И это еще не все. Онъ принимаетъ мѣры, чтобы въ его отсутствіе больной не лишенъ былъ услугъ, какихъ требовало еще его положеніе; онъ платитъ за всѣ хлопоты и издержки и обѣщаетъ по возвращеніи заплатить болѣе. Но почему же другіе, напр. хозяинъ гостиницы, не сочли своею обязанностію взять на свое попеченіе раненаго не изъ корыстныхъ разсчетовъ, а единственно изъ побужденій человѣколюбія? Развѣ обязанность состраданія къ нему лежала на нихъ менѣе, чѣмъ на самарянинѣ? Развѣ послѣдній стоялъ къ нему въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ они? И наконецъ, можетъ быть этотъ человѣкъ, ограбленный разбойниками, не всего лишился, что имѣлъ, и могъ самъ заплатить за свое лѣченіе и содержаніе? Или, можетъ быть, у него были родственники, друзья, знакомые, которыхъ ему стоило бы только извѣстить о себѣ, и они съ готовностію поспѣшили бы помочь ему въ столь несчастномъ случаѣ? Обо всемъ этомъ благотворитель не освѣдомляется, ему и на мысль не приходитъ безпокоить больного подобными разспросами, онъ полонъ думъ и заботъ, какъ бы успѣшнѣе помочь этому человѣку и воскресить его къ жизни. И только тогда, когда болѣе не настояло нужды въ его личномъ присутствіи при одрѣ больного, онъ оставляетъ его и спѣшитъ къ другимъ обязанностямъ и занятіямъ. Но прежде отъѣзда вручаетъ хозяину гостиницы извѣстную

сумму денегъ, которую онъ считалъ достаточнымъ вознагражденіемъ какъ за издержки, уже сдѣланныя для больного, такъ и за тѣ, какихъ еще могло потребовать его положеніе въ будущемъ, и, не ограничиваясь тѣмъ, говоритъ: „попекись о немъ, и что издержишь болѣе, я отдамъ тебѣ, когда возвращусь.“ Сказалъ ли онъ, уѣзжая, свое имя раненому? Унесъ ли въ душѣ какой либо знакъ признательности съ его стороны? Божественный Повѣствователь не говоритъ о томъ, и въ его разсказѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы позволяло предполагать что либо подобное. Итакъ, самарянинъ для человѣка, который не былъ ему ни другомъ, ни родственникомъ, ни соотечественникомъ, сдѣлалъ то, что въ подобномъ случаѣ можно было ожидать только отъ состраданія соотечественника или брата, и то не всегда съ полною увѣренностію получить ожидаемое.

Такимъ то образомъ отвѣчаетъ Господь на вопросъ законника, который, желая выказать свою мнимую праведность, спросилъ его: „кто мой ближній?“ Не менѣе поучительны и заключительныя слова притчи. Господь не просто говоритъ, что человѣкъ, оказавшій милость несчастному, видѣлъ въ немъ своего ближняго, но что этотъ послѣдній долженъ признать своего ближняго въ томъ, кто оказалъ ему милость: „кто изъ сихъ троихъ, думаешь ты, былъ ближній попавшемуся разбойникамъ?“ Не очевидно ли, что Онъ говоритъ такимъ образомъ съ тою цѣлію, чтобы посрамить горделивую нетерпимость людей, которые съ ревнивою заботливостію освѣдомлялись, кого, не унижая себя, они могутъ назвать своимъ ближнимъ; между тѣмъ какъ тѣ самые, которымъ подать руку въ знакъ пріязни или участія они считаютъ такимъ униженіемъ для себя, тѣ самые протягиваютъ имъ ее первые, когда видятъ ихъ въ нуждѣ или въ несчастіи. Господь какъ бы такъ говоритъ іудеямъ и въ лицѣ ихъ всѣмъ людямъ: „не обязаны ли вы любить всякаго, кто называется человѣкомъ? И самое это имя можетъ ли не быть священнымъ для васъ? Неужели мало называться человѣкомъ, чтобы имѣть право на ваше сочувствіе? Словомъ, не всякій ли человѣкъ есть вашъ ближній?“

Но Христосъ Спаситель Самъ есть Самарянинъ, идущій по пути въ Іерихонъ. На краю дороги лежитъ человѣкъ, весь израненый (это всѣ мы и каждый изъ насъ, т. е. все человѣчество). Много людей проходитъ здѣсь, но никто не останавливается, чтобы помочь несчастному. Ибо это *путь крови*; мудрецы, пророки ветхозавѣтные умерщвлены здѣсь. Въ свою очередь и Христосъ является на этомъ пути. Но Онъ не проходитъ мимо несчастнаго. Онъ прямо идетъ къ нему. Онъ для того и пришелъ сюда; путь крови есть Его собственный путь. Онъ возливаетъ на раны больного вино и елей Своего слова и таинствъ. Онъ возлагаетъ его потомъ на рамена Свои, и такимъ образомъ несетъ на Себѣ эту бѣдную жертву и приноситъ ее въ гостиницу (Церковь Свою). Здѣсь Онъ платитъ за все, является поручителемъ во всемъ; думаетъ и о будущемъ: обѣщаетъ послать отъ Отца Животворящаго Духа, Который и по Его удаленіи будетъ бодрствовать надъ выздоравливающимъ и блюсти его слабыя силы.

Многіе и до пришествія Христа Спасителя говорили и разсуждали о томъ, что такое ближній, и какъ можно и должно любить его. Но, что значитъ это море словъ предъ однимъ словомъ Христа, словомъ, которое Онъ запечатлѣлъ Своею жизнію и смертію? Какое полное право имѣлъ Ап. Іоаннъ сказать эти величественныя слова: „мы узнали, что есть любовь, изъ того, что Христосъ отдалъ за насъ жизнь Свою!“ И подлинно, что значатъ всѣ доводы и соображенія ума предъ симъ однимъ могущественнымъ, неопровержимымъ и вѣчно живымъ и знаменательнымъ фактомъ: „Христосъ отдалъ за насъ жизнь Свою?“ Мы желали бы знать, что такое любовь? Вспомнимъ, что Христосъ отдалъ жизнь Свою за людей. Хотимъ ли мы знать, кто нашъ ближній? Вспомнимъ о томъ, что Христосъ отдалъ жизнь Свою за насъ, т. е. за тѣхъ, которые нѣкогда были врагами Ему!

XVII.

Притча о богачѣ и Лазарѣ.

Тогда сказалъ богачъ: такъ прошу „тебя, отче, пошли Лазаря въ домъ отца моего. Ибо у меня пять братьевъ: пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ, чтобъ и они не пришли въ сіе мѣсто мученія. Авраамъ сказалъ ему: у нихъ есть Моисей и пророки; пусть слушаютъ ихъ. Онъ же сказалъ: нѣтъ, отче Аврааме! но, если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покаются. Тогда Авраамъ сказалъ ему: если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то, если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ“.

И въ наше время многіе изъ невѣрующихъ или маловѣрующихъ готовы раздѣлять это заблужденіе евангельскаго богача. Чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ свое невѣріе или маловѣріе, прибѣгаютъ къ слѣдующему аргументу: „если бы“, говорятъ, „какъ во время Іудеевъ, современниковъ Христа, истина Христова и на нашихъ глазахъ свидѣтельствовала о себѣ такими же чудесами, мы не колеблясь преклонились бы предъ ней. Дайте намъ чудо, одно только чудо, и вѣра

христіанская не будетъ имѣть лучшихъ послѣдователей, чѣмъ мы". Не также ли точно разсуждалъ и богачъ, упоминаемый въ притчѣ? „Нѣтъ". говорилъ онъ Аврааму, прося его послать Лазаря къ братьямъ своимъ, чтобы предостеречь ихъ насчетъ участи, ожидающей ихъ за гробомъ, „нѣтъ, отче Авраме, если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покаяются". Что отвѣчалъ Авраамъ?—„Если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то, если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ". Тоже самое въ правѣ сказать и мы тѣмъ, которые желали бы чудесъ, чтобы имѣть опору для своей вѣры. Истина Христова, вправѣ сказать мы имъ, имѣетъ сама въ себѣ доказательства своей истинности столь неопровержимыя, что было бы невозможно, здраво разсуждая, требовать чего либо болѣе; и если сихъ доказательствъ ея недостаточно, чтобы обратить васъ на путь вѣры, то и чудо не сильно будетъ сдѣлать сего; если, говоримъ мы имъ, одно простое чтеніе и изученіе Слова Божія, при смиренномъ послѣдованіи благодатному ученію и руководству св. Церкви, не сдѣлало васъ вѣрующими, то, хотя бы предъ вами совершилось поразительнѣйшее изъ чудесъ, хотя бы мертвый воскресъ на глазахъ вашихъ, вы неувѣруете!

Въ самомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ обращенія души на путь вѣры существуютъ два условія: убѣжденіе ума и измѣненіе сердца. Чтобы быть спасеннымъ, не достаточно умомъ принимать истины, составляющія предметъ вѣры; необходимо, чтобы истины сіи проникли въ совѣсть, коснулись сердца и измѣнили его. Чудо, мы согласны, можетъ сдѣлать первое, т. е. убѣдить умъ; но какъ можетъ сдѣлать оно второе, т. е. измѣнить сердце? Почему видъ чуда долженъ имѣть большее дѣйствіе на душу, чѣмъ слово евангельскаго ученія? Какое отношеніе между симъ фактомъ сверхъестественнымъ и страстями, надъ коими она должна торжествовать? Вотъ человѣкъ, преданный страсти сребролюбія. Скажите, почему чудо, какое бы ни было, хотя бы то воскресеніе мертваго, должно непремѣнно заставить его отказаться отъ своей любви къ деньгамъ? Вотъ другой, рабъ чувственности, невоздержанія: думаете ли вы, что чудо можетъ сдѣлать его вдругъ святымъ и воздержнымъ? или

вотъ третій, одержимый честолюбіемъ и гордостію: почему минутное превышеніе одного изъ законовъ природы должно непремѣнно вложить въ его сердце смиреніе? Словомъ, какимъ образомъ препобѣжденіе законовъ природы можетъ сообщить человѣку безъ труда, безъ усилій съ его стороны, любовь, самоотверженіе, покорность Богу, всѣ добродѣтели христіанскія? Ничто не оправдываетъ подобнаго предположенія; все напротивъ опровергаетъ его. Нѣтъ, скорѣе, чѣмъ отречься отъ себя самого, отъ страстей своихъ, онъ усомнится въ самомъ чудѣ, какъ бы оно ни было доказано, будетъ отрицать фактъ вопреки самой очевидности, прибѣгнетъ къ самымъ нелѣпымъ предположеніямъ, только бы не быть вынужденнымъ признать, что онъ стоитъ на ложномъ и гибельномъ пути. Повторяю, кто не увѣровалъ въ истину Христову ради ея самой, тотъ не сдѣлается вѣрующимъ, хотя бы мертвый воскресъ на глазахъ его. Не одно здравое разсужденіе, — опытъ, факты свидѣтельствуютъ о томъ.

Кто болѣе видѣлъ чудесъ, какъ не народъ іудейскій? Среди Іудеевъ жилъ Господь на землѣ, ихъ города и селенія проходилъ Онъ, сѣя всюду на пути Своемъ благодѣянія и чудеса; на ихъ глазахъ возвращалъ Онъ здоровье прокаженнымъ, свободное употребленіе членовъ разслабленнымъ, слово нѣмымъ, зрѣніе слѣпымъ, жизнь умершимъ. Чудеса эти были поразительны, неопровержимы, признаны всѣми! Іудеи ни только не отрицали ихъ, но думали по нимъ узнать обѣщаннаго Мессію, и въ жару своихъ земныхъ мечтаній хотѣли провозгласить Іисуса Христа царемъ; но когда вмѣсто земного царя, какимъ они представляли себѣ Мессію, они увидѣли предъ собою Мессію бѣднаго, уничиженнаго, не искавшаго славы человѣческой, не имѣвшаго другого блеска, кромѣ сіянія святости жизни Его, — Мессію, за Которымъ надлежало слѣдовать не иначе, какъ путемъ самоотреченія, смиренія, святости, они закрыли тогда слухъ свой для этого великаго голоса чудесъ, столь громко говорившаго о божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа, и ихъ „осанна Сыну Давидову“ смѣнилось яростнымъ крикомъ: „да будетъ распятъ!“ и жалкій преступникъ, убійца, Варавва,

предпочтенъ Святому и Праведному, Тому, Коего вся жизнь была рядомъ чудесъ!

Кто болѣе видѣлъ чудесъ, какъ не фарисеи? На ихъ глазахъ также совершались сверхъестественныя исцѣленія, изгнанія демоновъ, возвращеніе человѣка къ жизни на четвертый день послѣ его смерти. Изъ всѣхъ этихъ чудесъ они не пытались оспорить ни одного, и въ своихъ кровавыхъ замыслахъ сами сознавались, что „они не могли отрицать ихъ". Почему же вмѣсто того, чтобы признать по сему признаку въ Іисусѣ Христѣ обѣщаннаго Мессію, они прибѣгли къ сему страшному богохульству: „Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою князя бѣсовскаго!" Почему самое воскресеніе Спасителя, послѣдняя и высшая печать Его божественнаго достоинства, только еще болѣе ожесточило ихъ въ ихъ невѣріи? Почему? Потому что Тотъ, Который совершалъ чудеса, сказалъ: „горе вамъ, книжники, фарисеи, лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ какъ внутри они полны хищенія и неправды!" Потому, что для того, чтобы признать Его Мессіею, имъ надлежало самихъ себя признать грѣшниками; надлежало отложить свою гордость и свою скупость, отречься отъ своей мнимой праведности; надлежало имъ, начальникамъ народа и учителямъ закона, преклониться въ смиреніи предъ смиреннымъ Сыномъ Маріи! Такъ истинно, что убѣжденіе ума безсильно противъ невѣрія сердца! Такъ истинно, что, если слово Божіе оказывается недостаточнымъ, чтобы измѣнить сердце человѣка, то оно не измѣнится, хотя бы мертвый воскресъ на глазахъ его! — „Если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то хотя бы кто изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ!"

Но зачѣмъ брать примѣры такъ далеко? Вы сами, можемъ сказать мы тѣмъ, которые ищутъ чудесъ, вы сами имѣете предъ собою чудо непрестанное, поразительное, чудо, котораго вы не можете и не думаете отрицать. Что религія, вышедшая изъ среды народа темнаго и всѣми презираемаго, возвѣщенная Тѣмъ, Кого называли сыномъ плотника Назаретскаго, проповѣданная нѣсколькими рыбаками Генисаретскаго озера, распространилась въ мірѣ, побѣдивъ тысячи препятствій, изъ коихъ и

одного было бы повидимому достаточно, чтобы уничтожить ее; что она, эта религія, восторжествовала надъ предразсудками народа Іудейскаго, надъ развращеніемъ и идолопоклонствомъ, надъ гордостію философовъ, надъ преслѣдованіями императоровъ; что, отовсюду тѣснимая, она всегда оставалась побѣдоносною; что двухъ вѣковъ ей достаточно было, чтобы возсѣсть на престолѣ кесарей римскихъ, нѣсколькихъ вѣковъ еще, чтобы увидѣть у ногъ своихъ всю Европу; что религія эта возбудила новую жизнь въ мірѣ истощенномъ и погибавшемъ; что всюду, гдѣ она водворялась, она приносила съ собою всѣ благодѣянія цивилизаціи, смягченіе нравовъ, развитіе знанія, возстановленіе достоинства человѣческаго, уничтоженіе рабства; что въ теченіе осьмнадцати вѣковъ всѣ тѣ, которые пріемлютъ ее въ свое сердце, испытываютъ нравственную перемѣну столь глубокую, что это — истинно новое рожденіе; что во всякой душѣ человѣческой, которою она овладѣваетъ, она водворяетъ чистоту мысли и сердца на мѣсто етрасти и порока, смиреніе на мѣсто гордости, любовь на мѣсто эгоизма; словомъ, что такая религія имѣла такое начало и такіе результаты,—истинно, если когда либо чудеса совершались на землѣ, то подобный фактъ есть величайшее изъ чудесъ! Вы, которые требуете чуда,—вотъ предъ вами чудо: воскрешеніе міра; цѣлый міръ воскресъ и обновился по гласу Сына Маріина!

Вы, которые говорите: „дайте намъ чудо, одно только чудо, и мы будемъ вѣрующими“,—вотъ не одно, а многія чудеса предъ вами. Почему же вы не хотите внять ихъ голосу? Почему этотъ поразительный и чудесный свѣтъ, окружающій васъ, не силенъ разогнать вашего маловѣрія? Потому, что нужно иное, чѣмъ чудеса, чтобы измѣнить сердце человѣка; потому, что если голосъ Божій въ Евангеліи недостаточенъ, чтобы убѣдить его, онъ не будетъ убѣжденъ, хотя бы законъ природы ниспровергся для него, когда бы даже мертвый воскресъ на глазахъ его!

Перестаньте, въ правѣ сказать мы посему этого рода невѣрамъ или маловѣрамъ, перестаньте слагать отвѣтственность за свое невѣріе на обстоятельства внѣшнія; ищите лучше причины сего въ самихъ

себѣ, въ расположеніяхъ вашего собственнаго сердца. Не ищите чудесъ, а обратитесь къ Слову Божію, къ Святому Писанію, къ св. Церкви. Вотъ, гдѣ ваше спасеніе и нигдѣ болѣе. Стократъ счастливѣйшіе, чѣмъ народъ Іудейскій, мы имѣемъ не только Моисея и пророковъ, мы имѣемъ Христа и апостоловъ, имѣемъ Евангеліе и ученіе св. Церкви. Повергнитесь въ смиреніи предъ симъ откровеніемъ Божіимъ, усвояйте его сердцемъ правымъ и искреннимъ, моля Бога, чтобы Онъ даровалъ вамъ вѣру. Молите Его, какъ тотъ отецъ, просившій Спасителя объ исцѣленіи своего сына и говорившій Ему въ скорби своей: „вѣрую, Господи! помоги моему невѣрію!“ Вѣруйте безъ чудесъ, и въ награду за ваше желаніе вѣровать, Господь дастъ вамъ узрѣть въ Своемъ Словѣ новое чудо, чудо истинно могущественное, способное не только удивить мысль и убѣдить разумъ, но и тронуть сердце и привести въ движенію волю: ибо это чудо любви! Чудо это: Творецъ, жертвующій Собою для Своего творенія, Святый Святыхъ, принимающій на Себя казнь грѣшниковъ; Богъ, спасающій человѣка цѣною Своихъ собственныхъ страданій! Чудо это: примиреніе самой строгой правды съ самымъ нѣжнѣйшимъ милосердіемъ, ненависти ко грѣху съ любовію къ грѣшнику, наказанія одного съ спасеніемъ другого,—примиреніе неба оскорбленнаго съ преступною землею! Чудо это: новая лѣствица Іакова, утвержденная отъ земли до неба, по которой Самъ Богъ нисходитъ къ человѣку, чтобы возвысить человѣка до Бога! Чудо это орудіе казни, ставшее орудіемъ спасенія; Богочеловѣкъ съ высоты креста, на коемъ Онъ пригвожденъ, какъ преступникъ, торжествующій Своею смертію надъ смертію и адомъ! „О глубина богатства, премудрости и разума Божія!“ восклицаетъ апостолъ (Рим. XI, 33); „Іудеи невѣрующіе требуютъ чудесъ, а гордые Еллины ищутъ мудрости; мы же проповѣдуемъ Христа распятаго, Іудеямъ соблазнъ и Еллинамъ безуміе; Христа для всѣхъ спасаемыхъ, Іудеевъ ли то или Еллиновъ, ученыхъ или неученыхъ, богатыхъ или бѣдныхъ,—Божію Силу и Божію премудрость“ (1 Кор. I, 22—24),—Христа, удовлетворяющаго всѣ наши нужды, потому что Онъ есть наша мудрость, правда, освященіе

и спасеніе! Да, Христосъ Спаситель, распятый на крестѣ, вотъ чудо, которое необходимо всѣмъ намъ; вотъ одно, что можетъ истинно просвѣтить и истинно спасти насъ; одно, что мы должны имѣть предъ очами нашей души и въ глубинѣ нашего сердца, если хотимъ быть истинно вѣрующими: „блаженны невидѣвшіе и увѣровавшіе!“

XVIII.

„Гласъ вопіющаго въ пустынѣ“ умолкъ.

Сбылись слова Предтечи Христова... Наступили предвозвѣщенные имъ дни, когда Христу надлежало расти, а ему „малитися“. Все слабѣе и слабѣе слышится голосъ пророка. Наконецъ, онъ совсѣмъ смолкаетъ, скрытый въ крѣпкихъ запорахъ мрачной темницы. Жалкій, безхарактерный Иродъ, по настоянію злобной жены, наложилъ узы на вдохновеннаго проповѣдника покаянія. Но злоба неудовлетворена... Жестокость не насытилась... Она требуетъ смерти великаго узника...

И вотъ, евангельскій разсказъ о мученической кончинѣ Св. Іоанна Крестителя раскрываетъ передъ нами картину поразительнаго злодѣянія. Не то удивительно здѣсь, что пролита неповинно кровь честнѣйшаго изъ пророковъ, величайшаго изъ праведниковъ, ибо то общій жребій всѣхъ, когда либо приходившихъ въ міръ посланниковъ Божіихъ. Но

вотъ, чему нельзя не подивиться здѣсь, — тому, что глава Крестителя отъемлется по волѣ того самаго человѣка, который чтилъ его, какъ мужа праведнаго, святого (Мрк. VI, 20), и что глава сія, еще дымящаяся кровію, вносится на блюдѣ въ самое зало пиршественнаго собранія и, въ присутствіи царя, вельможъ и царедворцевъ, сдается съ рукъ на руки недостойной искусницѣ въ видѣ платы или награды за ея искусство. Все это такъ необыкновенно и вмѣстѣ такъ возмутительно, что невольно порождаетъ въ душѣ ужасъ, смѣшанный съ изумленіемъ. А между тѣмъ все это, какъ видно изъ Евангельскаго повѣствованія, было дѣломъ заранѣе разсчитаннымъ и подготовленнымъ со стороны тѣхъ, кому нужна была смерть Крестителя. Эта пляска была именно придумана и устроена съ тою цѣлью, чтобы получить отъ Ирода главу Пророка. Но, какъ столь ничтожное повидимому обстоятельство могло склонить Ирода къ преступленію, которое онъ до сего времени отклонялъ отъ себя съ такою рѣшимостію? Объ этомъ-то мы и считаемъ полезнымъ разсудить. Примѣръ Ирода служитъ разительнымъ доказательствомъ того, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ влечетъ, какіе тяжкіе грѣхи порождаетъ жажда забавъ и развлеченій, жизнь праздная, міроугодная, или то, что на языкѣ міра зовется *разсѣяніемъ* и что люди міра легко извиняютъ въ себѣ и въ другихъ. Мы легко убѣдимся въ томъ, какъ скоро вникнемъ въ смыслъ Евангельскаго повѣствованія о семъ.

По сказанію Евангелиста Иродіада,—такъ называлась та злобная женщина, которая искала погубить Крестителя,— давно и неотступно просила его главы у Ирода. Но Иродъ оставался непреклоненъ, потому что и самъ уважалъ Крестителя и зналъ, что его любитъ и уважаетъ народъ, *и берегъ его* (Мрк. VI, 19, 20). Но вотъ наступилъ день, благопріятный для осуществленія ея злобнаго замысла —день рожденія Ирода; день блгопріятный для Иродіады, потому что тутъ представалъ случай ея дочери отличиться своимъ искусствомъ, и тогда думала она, цѣль достигнута. Такъ по несчастію и случилось. Дочь ея угодила пляской Ироду, угодила до такой степени, что онъ готовъ жертвовать всѣмъ, чтобы не остаться въ долгу предъ этой искусницей; и, забывъ себя,

изрекаетъ это безразсудное обѣщаніе, которое повлекло за собою столь ужасныя послѣдствія: ***проси у меня, чего хочешь, и дамъ тебѣ!***

Итакъ, ***самозабвеніе*** — вотъ первый шагъ Ирода на пути къ преступленію. Но грѣхъ этотъ есть прямое, неизбѣжное слѣдствіе жизни разсѣянной. Какъ въ самомъ дѣлѣ бодрствовать надъ собою среди забавъ и удовольствій міра? Какъ блюсти свое сердце въ шумѣ праздной, разсѣянной жизни? Чтобы бодрствовать надъ собою, для сего нужно, чтобы духъ оставался свободнымъ и торжествовалъ надъ плотію; но разсѣяніе порабощаетъ духъ плоти; оно занимаетъ сердце человѣка тѣмъ, что льститъ его суетности, питаетъ гордость, заглушая въ немъ всѣ благія начинанія. Среди тѣхъ праздныхъ разговоровъ, полныхъ злословія, остроты, насмѣшки, среди тѣхъ суетныхъ забавъ, поглощающихъ время, состояніе, нерѣдко силы и здоровье, какъ сохранитъ себя человѣкъ спокойнымъ, бодрственнымъ, трезвеннымъ, внимательнымъ къ себѣ?...

Послѣ того, какъ съ языка Ирода скользнуло это безразсудное обѣщаніе, онъ не останавливается на томъ, но снова и уже съ большею опредѣленностью и торжественностію повторяетъ свое обѣщаніе, подтверждая его даже клятвою: ***и клялся ей: чего ни просишь у меня, дамъ тебѣ, даже до половины моего царства...*** Несчастный! неужели онъ не могъ разсудить, какъ безумно было призывать Святѣйшее имя Бога въ подтвержденіе такого обѣщанія? Если онъ не воздержался отъ одного безразсудства, по крайней мѣрѣ не прилагалъ бы къ нему другого, несравненно большаго—оскорбленія имени Божія? Но Иродъ не способенъ теперь внимать голосу разсудка, до сего времени онъ могъ еще разсуждать здраво, сохранялъ нѣкоторое уваженіе ко всему священному, слушалъ охотно Іоанна Крестителя и даже ***съ удовольствіемъ слушалъ его и многое дѣлалъ, слушаясь его*** (Марк. VI, 20). Но теперь пляска Саломіи все измѣнила въ немъ. Она заглушила въ немъ всякую мысль о Богѣ, такъ что онъ позволяетъ себѣ произносить Его имя, нисколько не думая и не заботясь о томъ, Кого, гдѣ и въ какомъ случаѣ призываетъ онъ въ свидѣтели! Такимъ образомъ Иродъ еще на

одинъ шагъ сталъ ближе къ преступленію: прежде онъ забылъ *себя*, теперь забываетъ *Бога*!

Но тоже самое бываетъ и съ каждымъ человѣкомъ, какъ скоро имъ овладѣваетъ страсть разсѣянія. Жажда удовольствій всегда соединяется въ людяхъ съ забвеніемъ Бога или, что тоже, съ нечестіемъ. Послѣ грубыхъ пороковъ и вопіющихъ преступленій, ничто такъ не отчуждаетъ нашего сердца отъ Бога, какъ ложныя удовольствія міра: они заглушаютъ въ насъ духъ молитвы, а молитва есть жизнь души. Посему то и сказано въ Писаніи, что, „кто любитъ міръ, любви Божіей нѣтъ въ томъ“ (1 Іоан. II, 15). Итакъ, вотъ другой грѣхъ, порождаемый страстію разсѣянія — *забвеніе Бога*! Но, что ужаснѣе сего грѣха? Забыть Бога... Можно ли вообразить для христіанина несчастіе большее этого?..

Овладѣвъ клятвеннымъ обѣщаніемъ Ирода, дочь Иродіады спѣшитъ узнать о томъ волю своей матери... *Чего просить?* спрашиваетъ она.—*Головы Іоанна Крестителя*, отвѣчаетъ та съ хладнокровіемъ, достойнымъ адской злобы. И вотъ дочь поспѣшно входитъ въ залу пиршественнаго собранія, и въ то время, какъ на нее устремлены были взоры всѣхъ собесѣдниковъ царя, сгоравшихъ отъ нетерпѣнія узнать, какое испытаніе готовитъ она Ироду, она внезапно оглашаетъ ихъ слухъ такимъ кровавымъ требованіемъ: *хочу, чтобы ты далъ мнѣ теперь же на блюдѣ голову Іоанна Крестителя*. Какая минута для Ирода! При этомъ неожиданномъ ударѣ онъ какъ бы пробуждается... Удивленіе, негодованіе, стыдъ, страхъ овладѣваютъ имъ одновременно. Онъ изумленъ, онъ негодуетъ на себя самого, что такъ легко позволилъ себя обмануть коварной женщинѣ. Невинность, святость, высокое служеніе Крестителя возстаютъ въ его памяти, какъ грозные обличители... Какъ знать? можетъ быть онъ припомнилъ теперь, что *есть* Богъ; можетъ быть чувствуетъ, что за одну минуту преступной слабости ему придется заплатить вѣчною погибелью... Но все уступаетъ въ немъ, все подвергается во прахъ предъ страхомъ людского суда! Таковъ третій грѣхъ, увлекшій Ирода къ преступленію.—*Царь опечалился; но ради*

клятвы и возлежащихъ съ нимъ не захотѣлъ отказать ей... „Ради клятвы, и возлежащихъ съ нимъ“,—какъ это слово вѣрно изображаетъ сердце Ирода! Итакъ, не ради собственно клятвы, но ради собесѣдниковъ, при которыхъ она произнесена, онъ изъявляетъ преступное согласіе на требованіе Саломіи... Будь эта клятва произнесена наединѣ,—о, тогда Иродъ не боялся бы нарушить ее!.. Но она дана въ присутствіи вельможъ, возлежавшихъ съ нимъ на вечери; посему не уваженіе къ произнесенной клятвѣ, не страхъ явиться клятвопреступникомъ предъ Богомъ и навлечь на себя Его праведный гнѣвъ; но опасеніе выказать себя въ глазахъ другихъ человѣкомъ легкомысленнымъ, безхарактернымъ, который не можетъ исполнить того, что обѣщаетъ и въ чемъ клянется, словомъ — боязнь людского суда, *ложный стыдъ*, — вотъ что побудило Ирода совершить столь ужасное злодѣяніе, пролить кровь величайшаго изъ Пророковъ, угасить свѣтильникъ міра!..

Вотъ еще третій грѣхъ, порождаемый страстію разсѣянія. — Эта страсть питаетъ и развиваетъ въ насъ страхъ порицанія и жажду похвалъ; она ласкаетъ и тѣшитъ въ насъ самолюбіе самое мелкое, самое недостойное. Ибо изъ двухъ родовъ славы, различаемыхъ Евангеліемъ, славы Божіей и славы человѣческой, какой славы ищутъ люди, пристрастные къ суетнымъ удовольствіямъ міра? Безъ сомнѣнія не первой, очевидно второй... Словомъ сказать, страсть разсѣянія заключаетъ въ себѣ всѣ роды суетъ: суету роскоши, суету одеждъ и жилищъ, суету рѣчей и ума и — словомъ: *суету суетъ!*

Но возвратимся еще разъ къ Евангельскому повѣствованію. Иродъ побѣжденъ, кровавое приказаніе дано; кажется все конечно... Но есть здѣсь еще одно обстоятельство, которое намъ слѣдуетъ уяснить себѣ... Иродъ могъ бы кажется не омрачать дня своего рожденія такимъ злодѣяніемъ, отложить исполненіе приговора надъ Крестителемъ до слѣдующаго дня... Но нѣтъ, приговоръ исполняется немедленно; Креститель усѣкается мечемъ въ темницѣ въ тѣ самыя минуты, какъ Иродъ ликуетъ и веселится съ вельможами во дворцѣ своемъ... Еще: Иродъ могъ бы по крайней мѣрѣ освободить себя отъ ужаснаго зрѣлища

окровавленной, только что отъятой отъ тѣла главы Предтечи. Но нѣтъ, эта глава вносится на блюдѣ въ самую среду пиршественнаго собранія... Почему онъ такъ поступилъ? Что заглушило въ немъ и послѣднюю искру человѣчества? Отвѣтъ одинъ: пляска Саломіи! Она-то породила въ немъ этотъ четвертый порокъ, окончательно увлекшій его къ преступленію — *ожесточеніе сердца!*

Повидимому въ семъ случаѣ исторія Ирода уже не можетъ имѣть никакого приложенія къ намъ; ибо здѣсь онъ проявилъ жестокость чудовищную, немыслимую въ человѣкѣ. Но если мы припомнимъ то слово Откровенія, которое говоритъ, что „всякій ненавидящій своего брата есть уже убійца его“ (Іоанн. III, 15), то легко убѣдимся въ противномъ. И дѣйствительно, если разсѣянная жизнь не всегда ведетъ человѣка къ преступленію (хотя нерѣдко бываетъ и это), то она ожесточаетъ его инымъ образомъ: она затворяетъ его сердце для чувствъ христіанской любви къ ближнему! Это не значитъ впрочемъ, чтобы человѣкъ, преданный удовольствіямъ міра, лишенъ былъ всякой чувствительности... Есть чувствительность, которой разсѣянная жизнь не только не убиваетъ, но еще питаетъ и развиваетъ ее; это того рода чувствительность, когда проливаютъ обильно слезы о вымышленныхъ несчастіяхъ и въ то же время остаются равнодушными къ истиннымъ, дѣйствительнымъ нуждамъ своихъ собратій... Но такая чувствительность не заслуживаетъ священнаго имени любви. Есть другой родъ чувствительности, истинной, нелицемѣрной, достойной всякой похвалы и притомъ въ высшей степени законной, той, которая питается и поддерживается отношеніями родственными, семейными, гражданскими... Этого рода чувствительность конечно можетъ существовать въ человѣкѣ и при разсѣянномъ образѣ жизни, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что она несравненно лучше развивается въ жизни дѣятельной, тихой, скромной, сосредоточенной... Но что касается до любви истинной, Евангельской, той, которой учитъ насъ Спаситель, — любви, которая есть плодъ Св. Духа, безъ которой мы ничто, т. е. не можемъ ни прославлять Бога, ни приносить пользу ближнимъ, ни спасать собственныя

души, что касается этой любви, то жизнь разсѣянная, можно сказать, служитъ для нея могилой. Ибо эта любовь состоитъ въ томъ, чтобы жить для Бога и для ближнихъ, и потому она невозможна безъ самоотреченія и самопожертвованія: ***любовь познали мы въ томъ***, говоритъ Іоаннъ Богословъ, ***что Христосъ положилъ за насъ душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьевъ*** (I Іоан. III, 16). Но есть ли на свѣтѣ двѣ вещи столь противоположныя, какъ ***самоотреченіе и разсѣяніе?*** Придетъ ли на мысль жертвовать собою для блага ближняго тому, кто ищетъ только угодить своимъ прихотямъ?.. Нѣтъ, разсѣяніе изощряетъ наше самолюбіе, а самолюбіе убиваетъ всякую истинную любовь къ ближнему!

Вотъ нравственный урокъ, который даетъ намъ Евангельскій разсказъ о мученической кончинѣ Іоанна Крестителя. И если мы истинно то, чѣмъ называемся, если мы христіане не по имени только, но по духу, чувствамъ и стремленіямъ нашимъ; то мы и безъ всякихъ доказательствъ и примѣровъ легко поймемъ, что невозможно въ одно и то же время любить Христа и любить міръ, что жизнь разсѣянная недостойна христіанина и несовмѣстима съ его обязанностями и призваніемъ... Но, если мы еще не вошли, какъ слѣдуетъ, въ духъ христіанской жизни, если наше разсѣянное сердце колеблется, какъ волны моря, не зная къ какому берегу управить себя, опасаясь вполнѣ отдаться міру и не умѣя всецѣло прилѣпиться къ Богу, то въ такомъ случаѣ намъ нужно чаще напоминать себѣ, что разсѣяніе убиваетъ въ христіанинѣ бодрственность, молитву, смиреніе, любовь, т. е. убиваетъ то, что есть въ немъ самаго лучшаго, христіанскаго, и что оно съ другой стороны порождаетъ въ немъ самозабвеніе Бога, ложный стыдъ, ожесточеніе сердца, т. е. порождаетъ то, что есть самаго враждебнаго истинному духу христіанства; и, памятуя сіе, — не привязывать своего сердца къ ложнымъ удовольствіямъ міра, но искать счастія въ любви къ Богу, въ исполненіи обязанностей благочестія!.. Это не значитъ впрочемъ, чтобы христіанинъ лишенъ былъ всѣхъ удовольствій жизни; напротивъ, онъ можетъ имѣть ихъ болѣе, чѣмъ кто-либо... Только его удовольствія

чистыя, возвышенныя, — тѣ, которыя онъ можетъ находить въ честномъ исполненіи лежащаго на немъ долга, въ любви и заслуженномъ уваженіи его близкихъ и друзей, въ скромныхъ и искреннихъ бесѣдахъ съ окружающими его, въ созерцаніи красотъ природы, возвѣщающей о благости и премудрости Творца, во всѣхъ дѣлахъ и занятіяхъ, способныхъ нравственно возвысить и облагородить его духъ... Вотъ его удовольствія; ихъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы наполнить счастіемъ и радостію всю его жизнь!.. Итакъ, если крылья нашего сердца еще связаны пристрастіемъ къ міру, если мы любимъ міръ, болѣе нежели Бога, въ такомъ случаѣ поспѣшимъ скорѣе разорвать сіи нечистыя узы и отдаться всѣмъ сердцемъ Тому, Кто есть Единый Источникъ всякой истинной радости и счастія!..

XIX.

Іисусъ Христосъ — Добрый Пастырь.

На востокѣ, въ продолженіе большей части года, оставляли стада на поляхъ, даже ночью. Вечеромъ заставляли ихъ входить въ обширныя отгороженныя мѣста, подъ открытымъ небомъ, и поручали ихъ охранѣ одного сторожа. Часто бывало въ этихъ оградахъ много стадъ, принадлежащихъ разнымъ пастухамъ. Утромъ они сзывали своихъ овецъ, которыя узнавали ихъ голоса и выходили за ними по ихъ зову изъ овчарни.

Таковъ фактъ, служащій образомъ для бесѣды Іисуса Христа о Себѣ какъ пастырѣ. — Онъ, добрый Пастырь, Онъ идетъ къ овчарнѣ за Своими овцами, и такъ какъ *Онъ ихъ знаетъ, Онъ зоветъ ихъ по имени* и такимъ образомъ выводитъ ихъ.

Итакъ, Господь насъ знаетъ, насъ — членовъ Его дорогого стада: Онъ насъ всѣхъ знаетъ и зоветъ насъ всѣхъ по нашему имени. Какъ я желалъ бы буквально принять это простое возвѣщеніе Господа! — Въ необъятной овчарнѣ стада Его Онъ меня отличаетъ, Онъ меня знаетъ, и Онъ зоветъ меня по моему имени!..

Мой Спаситель на небѣ, но изъ нѣдръ славы, гдѣ ангелы служатъ Ему. Онъ обнимаетъ взоромъ Своимъ все безконечное множество созданій. — все самое великое и самое малое. И я никогда не потерянъ въ Его глазахъ и въ Его сердцѣ. Я иногда склоненъ думать и мнѣ кажется, что Онъ слишкомъ далеко, чтобы видѣть меня и слышать меня; но это — внушеніе невѣдѣнія и грѣха. Я не хочу болѣе сомнѣваться въ этомъ. — Онъ слышитъ меня, Онъ видитъ меня, Онъ любитъ меня. Если я страдаю, Онъ знаетъ это, и если изъ моего израненнаго сердца поднимается какой-нибудь стонъ, Онъ наклоняется ко мнѣ, чтобы принять его. Онъ принимаетъ участіе во всемъ, что касается меня, какъ будто я самое важное существо изо всего міра, даже болѣе этого, какъ будто я одинъ въ мірѣ и нѣтъ въ немъ никого другого, кромѣ меня.

Вотъ я въ храмѣ. — Я вижу вокругъ себя много братьевъ, богатыхъ и бѣдныхъ, сгибающихся подъ бременемъ испытанія и живущихъ въ радости, усердныхъ христіанъ и тѣхъ, которые только знаютъ ученіе Евангелія и не заботятся жить по нему. И мой Пастырь вмѣстѣ съ каждымъ изъ нихъ отличаетъ и меня, и притомъ такъ, какъ будто я одинъ здѣсь, котораго Онъ желаетъ спасти, и когда голосъ Его Евангелія раздается здѣсь, когда Онъ убѣждаетъ насъ бѣжать отъ будущаго гнѣва и принять благодать, которая даруется намъ, я знаю, что и ко мнѣ лично обращается это нѣжное увѣщаніе и что въ этомъ призывѣ Спасителя къ душѣ грѣшника дѣло идетъ обо мнѣ; грѣхъ, который Онъ хочетъ истребить, это мой грѣхъ; душу, которую Онъ хочетъ спасти, это моя душа. И въ этотъ самый часъ я чувствую, что Онъ призываетъ меня къ суду, и я слышу Его, зовущаго меня, — меня по имени.

Вотъ и я у подножія креста Его, какъ бы на Голгоѳѣ. — Я вижу Его, Пресвятаго и Праведнаго, принесеннаго въ жертву для спасенія міра. Но кого же съ высоты этого креста ищетъ взоръ Его? О! я понимаю... это меня, меня, который смѣшанъ съ этою толпою грѣшниковъ, которыхъ Онъ знаетъ и которыхъ хочетъ искупить. — И за кого же молился Онъ въ свой послѣдній, смертный часъ? За кого говорилъ Онъ: „Отче, прости?“ За меня же, который способствовалъ тому,

что Его пригвоздили къ дереву, за меня, который прибавилъ каплю горечи въ Его горькую чашу, за меня, который, вмѣстѣ съ другими грѣшниками, сплелъ Ему терновый вѣнецъ. — И за кого же эти безмѣрныя страданія, это израненое тѣло, эта пролитая кровь, это оставленіе Богомъ, эта агонія плоти и души? За кого, какъ не за меня вмѣстѣ со всѣми грѣшниками! И кажется мнѣ, что я какъ бы слышалъ имя мое изъ умирающихъ Его устъ.

Съ высоты Своего неба, какъ и съ высоты Своего креста, добрый Пастырь тебя призываетъ, братъ мой, Онъ тебя зоветъ, по твоему имени.

Не думайте, чтобы это было образное представленіе, ораторскій способъ выраженія благочестивой мысли; это — фактъ, дѣйствительность котораго мы должны понять, если хотимъ войти въ личное общеніе съ нашимъ Спасителемъ.

Но Іисусъ Христосъ не ограничивается тѣмъ, что зоветъ Своихъ овецъ по имени, — *Онъ ведетъ ихъ*. Выведши ихъ изъ овчарни, Онъ не предоставляетъ ихъ самимъ себѣ: *и когда выведетъ Своихъ овецъ, идетъ предъ ними, а овцы за Нимъ идутъ* (4 ст.).

„Онъ ведетъ ихъ!“ — Вотъ утѣшеніе для тѣхъ изъ васъ, которые не нашли въ жизни то счастіе, о которомъ мечтали, и которые изнуряютъ себя безплодными сожалѣніями о безвозвратномъ прошломъ, потерянномъ навсегда въ пучинѣ вѣчности. Плачьте о заблужденіяхъ и ошибкахъ, совершенныхъ вами: это ваше право, или вѣрнѣе это ваша обязанность, и ваши слезы будутъ плодотворны, если только вы проливаете ихъ подобно кающейся грѣшницѣ у ногъ Того, Который прощаетъ и утѣшаетъ. Но не сокрушайтесь о событіяхъ, надъ которыми вы не властны и которыя ниспосланы на васъ невидимою и всемогущею Рукою, такъ какъ въ подобныхъ сожалѣніяхъ всегда есть не мало ропота и невѣрія.

„Онъ ведетъ ихъ!“ — Это слово для тѣхъ изъ васъ, постоянно недовольныхъ, которые вѣчно жалуются на жизнь, находятъ ее трудною, сложною, скучною, и удивляются тому, что не идутъ здѣсь на землѣ по гладкому и свѣтло озаренному пути.

„Онъ ведетъ ихъ!“ — Вспоминайте объ этомъ и вы всѣ, которымъ нечего жалѣть о прошломъ и нечего жаловаться на настоящее, но которые боитесь будущаго и вѣчно трепещете за здоровіе или счастіе любимыхъ вами людей, за ходъ вашихъ дѣлъ и за удачу вашихъ предпріятій, постоянно ожидая всего худшаго.

„Онъ ведетъ ихъ!“ — Вотъ отвѣтъ на всѣ вопросы вашей тревожной души. Онъ насъ ведетъ! Пусть одного этого будетъ достаточно для насъ.

О! я согласенъ, что Онъ довольно часто ведетъ насъ по путямъ, которые мы сами не выбрали бы себѣ! Но эти пути Его, Онъ ихъ знаетъ, Онъ знаетъ, куда они ведутъ. Эта мысль должна насъ успокоивать, если только мы вѣримъ Ему... И не правда-ли, у насъ много основательныхъ причинъ, чтобы вѣрить Ему. Нашъ личный опытъ былъ бы достаточенъ во многихъ случаяхъ, чтобы доказать намъ, что Онъ ведетъ насъ именно такъ, какъ нужно для насъ, и каждый изъ насъ помнитъ о какомъ-нибудь событіи своей жизни, казавшемся ему сначала худшимъ изъ несчастій, но которое впослѣдствіи онъ самъ признавалъ за лучшее и необходимое въ его жизни. А то, что случалось съ нами въ прошломъ, должно быть залогомъ для насъ того, что совершится въ будущемъ.

Я не хочу сказать, что мы всегда будемъ понимать тайну распредѣленій Промысла и что мы всегда будемъ въ состояніи объяснить себѣ, почему Господь заставляетъ насъ идти по этому именно пути, который мы не любимъ, а не по другому, который мы предпочли бы. Но когда мы встрѣчаемся, для себя или для другихъ, съ такими вопросами о Божественномъ міроправленіи, когда мы видимъ Пастыря, ударяющаго овецъ Своимъ посохомъ и заставляющаго ихъ идти куда имъ не хотѣлось, тогда будемъ помнить, что есть на землѣ только одинъ благой путь, одинъ ведущій къ миру души и къ истинной цѣли жизни нашей, — это путь повиновенія. Памятуя это, мы сами пойдемъ съ рѣшимостію по этому пути, со всѣмъ мужествомъ и со всею вѣрою, какими обладаемъ, и вскорѣ мы замѣтимъ, что мы не одни на этомъ пути: мы поднимемъ глаза и увидимъ добраго Пастыря, Который *идетъ передъ нами и ведетъ насъ.*

Переходимъ къ дальнѣйшимъ словамъ бесѣды Іисуса Христа, особенно замѣчательнымъ: *Я есмь Пастырь добрый; пастырь добрый полагаетъ жизнь Свою за овецъ, а наемникъ, не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка, и оставляетъ овецъ, и бѣжитъ, и волкъ расхищаетъ овецъ, и разгоняетъ ихъ; а наемникъ бѣжитъ, потому что наемникъ, и не радитъ объ овцахъ* (11. 12. 13).

Вотъ что отличаетъ добраго пастыря отъ всѣхъ другихъ пастырей. Были люди, которые возвышались среди другихъ людей и говорили имъ: слѣдуйте за мной, я вамъ господинъ, я вамъ пастырь! Они говорили съ авторитетомъ, иногда даже мудро. Въ ученіяхъ всѣхъ основателей человѣческихъ религій есть высокія мысли: Конфуцій училъ о справедливости; Будда проповѣдывалъ милосердіе и подавалъ примѣръ этого: Магометъ предлагалъ своимъ ученикамъ нѣкоторыя возвышенныя нравственныя правила. Но одного отличительнаго признака недоставало у всѣхъ этихъ пастырей грѣшнаго и невѣжественнаго человѣчества. именно признака, который отличаетъ Того, Кого мы называемъ добрымъ Пастыремъ: они были господа, но не жертвы, они поднимались на пьедесталъ, съ высоты котораго они говорили своимъ распростертымъ ученикамъ, но они не поднимались на крестъ; они иногда давали людямъ мудрость, но никогда не отдавали своей жизни; а добрый Пастырь положилъ жизнь Свою за овецъ Своихъ.

Часто сравнивали, въ духѣ враждебномъ по отношенію къ христіанству, жизнь Христа съ жизнію Будды, и находили между тою и другою сходство во многихъ чертахъ. Но хорошо было бы довести сравненіе до конца, и, сравнивъ ихъ жизнь, сравнить также ихъ смерть. О! тутъ уже нѣтъ ни малѣйшей аналогіи. Будда восьмидесяти лѣтъ чувствуетъ приближеніе смерти, смерти свѣтлой и спокойной; онъ хочетъ умереть на чистомъ воздухѣ, окруженный природою и самыми дорогими изъ своихъ учениковъ. У него спрашиваютъ, какъ онъ желаетъ быть погребеннымъ: — „какъ царь!“ отвѣчаетъ онъ; и его похороны были дѣйствительно совершены съ царскимъ торжествомъ.

Это не похоже на ночь въ Геѳсиманіи и на смерть на крестѣ.

Между тѣмъ, остается необъяснимою для тѣхъ, которые признаютъ во Іисусѣ Христѣ учителя и идеалъ человѣчества, но не желаютъ признать въ Немъ Спасителя, эта жестокая казнь, эта кровавая жертва, которая была въ Его собственныхъ глазахъ и по Его ученію вѣнцемъ Его дѣла и составляла самую цѣль Его жизни. Всѣ учители человѣчества имѣли свой часъ, часъ могущества и славы, покорявшій толпы приверженцевъ ихъ и возбуждавшій энтузіазмъ толпы. И что же! у Іисуса Христа тоже былъ часъ, о которомъ Онъ сказалъ: ***на сей часъ Я и пришелъ*** (Іоан. XII, 27) и, говоря объ этомъ часѣ, Онъ называлъ его „Своимъ часомъ“ (Іоан. II, 4). Но этотъ часъ былъ тотъ, въ который Онъ умеръ, умеръ, какъ преступникъ, умеръ смертію ужасною и позорною.

Кто могъ бы пожелать, чтобы этотъ часъ дѣйствительно не пробилъ въ исторіи міра? Вы сами, которые еще не вѣрите или не вѣрите болѣе въ искупительную жертву, я спрашиваю васъ, желали бы вы отнять у Іисуса Его терновый вѣнецъ? Развѣ вы хотѣли бы уничтожить то, что произошло на Голгоѳѣ? Развѣ вы желали бы, чтобы крестъ пересталъ покрывать своей великою тѣнью человѣчество, которое грѣшитъ и умираетъ? Нѣтъ, вы не хотѣли бы этого! Я утверждаю, что вы этого не хотите!

И знаете ли вы, что составляетъ то обаяніе, которое христіанство продолжаетъ еще имѣть на вашъ умъ и на ваше сердце? Именно этотъ непостижимый догматъ искупленія, этотъ догматъ Бога, Который любитъ,

какъ Богъ одинъ можетъ любить, и даетъ Себя, какъ Богъ одинъ можетъ Себя давать, Который любитъ и даетъ Себя до безконечности, Который любитъ и даетъ Себя до креста. Да, нельзя въ этомъ сомнѣваться, — то, что Христосъ есть добрый Пастырь и что, отдавая намъ Свою жизнь, Онъ навсегда пріобрѣлъ право царствовать надъ нашею жизнію, непреодолимо привлекаетъ ко Христу всякую душу человѣческую, которую грѣхъ не испортилъ еще совсѣмъ.

Въ восемнадцатомъ стихѣ мы слышимъ евреевъ, прерывающихъ Іисуса Христа злонамѣренными словами. Іисусъ отвѣчаетъ имъ, и въ Своемъ отвѣтѣ возвращается къ главнымъ мыслямъ Своей бесѣды; потомъ заканчиваетъ тѣми словами, которыя должны быть въ памяти и въ сердцахъ каждаго изъ насъ: *овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я даю имъ жизнь вѣчную, и не погибнутъ во вѣкъ; и никто не похититъ ихъ изъ руки Моей* (27—28).

Я даю имъ жизнь вѣчную: жизнь вѣчную, то есть небесную жизнь, жизнь святыхъ, жизнь ангеловъ, жизнь свободную отъ рабства грѣху, и жизнь, въ которой есть счастіе, но счастіе, наполняющее наше сердце съ избыткомъ, жизнь, въ которой нищета неизвѣстна и которая богата тѣми сокровищами, какія воры не могутъ украсть и червь и тля не могутъ разрушить: вотъ, что Іисусъ Христосъ намъ дастъ, или вѣрнѣе—не будемъ ослаблять Его обѣщаній — вотъ, что Онъ намъ даетъ: *Я даю имъ* жизнь вѣчную. Вотъ, что Онъ хочетъ намъ дать не завтра, не въ концѣ нашего земного поприща, не у порога вѣчности, но нынѣ, если нынѣ мы вѣримъ слову Его и если нынѣ мы открываемъ наши сердца Его благодати.

Я даю имъ жизнь вѣчную и *онъ не погибнутъ во-вѣкъ. Во-вѣкъ!..* Слышите ли вы? Внѣ Евангелія это слово отчаянія, не допускающее даже утѣшенія, а въ Евангеліи это слово довѣрія, это слово вѣры. Во-вѣкъ, — это то слово, которое міръ пишетъ на всѣхъ закрывающихся гробахъ и которое онъ повторяетъ какъ жалобный вопль на развалинахъ счастія и надежды; и это слово отчаянія становится въ устахъ Іисуса Христа возгласомъ побѣды и вызовомъ, брошеннымъ могилѣ и аду. — Онѣ не погибнутъ во-вѣкъ!

Это не все еще. Вотъ цѣль, скажете вы, вотъ небо? но для достиженія его сколько враговъ, сколько опасностей! Это правда, — съ человѣческой точки зрѣнія небо даже недоступно и мы не были бы въ силахъ достигнуть его. Но прислушайтесь къ этому послѣднему обѣщанію: *и никто не похититъ ихъ изъ руки Моей*! (28).

Кто же въ самомъ дѣлѣ могъ бы похитить насъ изъ руки Его, если мы сами хотимъ оставаться соединенными съ нею? Будетъ ли это искушеніе? Но когда оно возникаетъ въ насъ, подобно тѣмъ жестокимъ и внезапнымъ бурямъ Генисаретскаго озера, когда волна страсти грозитъ поглотить нашъ хрупкій челнокъ, достаточно намъ воскликнуть: „Господи, спаси насъ!“ чтобы Онъ тотчасъ властно обратился къ вѣтрамъ и къ бурѣ, и — миръ возстановляется въ нашей душѣ. — Или сомнѣніе могло бы похитить насъ изъ Его руки? Но какъ сомнѣваться въ Немъ, когда голосъ Его успокоиваетъ бурю, когда Онъ успокоиваетъ ее каждый день, когда каждый день чудо повторяется для насъ. Для того, чтобы сомнѣваться въ Немъ, намъ прежде нужно отдѣлиться отъ Него: не сомнѣваются во Христѣ, когда живутъ во Христѣ. — Развѣ смерть можетъ похитить насъ изъ Его руки? Смерть? Она разрываетъ завѣсу, скрывающую Его отъ нашихъ взоровъ; „мы увидимъ Его тогда такъ, какъ Онъ есть“, и, созерцая Его, мы сами будемъ преобразованы по Его образу (1 Іоан. III, 2. 2 Кор. III, 18). — Кто же можетъ тогда похитить насъ изъ Его руки? *Никто.* — „Никто не похититъ ихъ изъ Моей руки“.

Я даю имъ жизнь *вѣчную;* онѣ не погибнуть *во-вѣкъ; никто* не похититъ ихъ изъ Моей руки. — Какая сила въ этихъ трехъ словахъ! Какая полнота милости! Какое торжество безконечной любви! — Когда вопросъ идетъ о жизни: *всегда!* когда вопросъ идетъ о смерти: *никогда!* когда вопросъ идетъ о нашихъ врагахъ: *никто!*

Нужна была бы поэзія неба и арфы ангеловъ, чтобы изъяснять такія обѣтованія. Не будемъ же толковать ихъ; будемъ только принимать ихъ сердцемъ. Но все-таки, для того, чтобы мы могли усвоивать ихъ себѣ, есть одно условіе, которое Іисусъ Христосъ Самъ намъ ука-

залъ: Онъ зоветъ насъ, нужно „слышать Его голосъ“; Онъ ведетъ насъ, нужно „идти за Нимъ“; Онъ отдаетъ Свою жизнь, чтобы спасти нашу жизнь, нужно, чтобы мы давали себя спасти Ему; однимъ словомъ, нужно, чтобы мы были Его овцы, добраго Пастыря.

„Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися“.

XX.

Неизреченное милосердіе Спасителя.

Въ Евангеліи Луки есть выраженіе, которое въ своей простотѣ говоритъ болѣе всего о величайшей благости и неизреченномъ милосердіи Спасителя: *приближались къ Нему всѣ мытари и грѣшники слушать Его* (Лук. XV, 1). Что побуждало ихъ стекаться около Христа? Откуда происходило это влеченіе? Никогда никто не могъ и вообразить себѣ такой чистоты и святости, какая обнаружилась во Христѣ, и потому у мытарей и грѣшниковъ не могло быть надежды найти въ Немъ поблажку своимъ порокамъ. И однако же, несмотря на то, что слышали отъ Него обличенія за свою жизнь, они тѣснились вокругъ Его. О! знали они, что всѣ презираютъ ихъ, всѣ отвергаютъ, всѣ судятъ безъ милосердія. И вотъ Чистѣйшій между чистыми, Святѣйшій не отвергаетъ ихъ, а призываетъ къ Себѣ и съ любовію бесѣдуетъ съ ними. Въ первый разъ они почувствовали, что они любимы, — лю-

бимы, несмотря на свое несовершенство, или скорѣе по причинѣ самаго этого несовершенства. Взоръ Христа падалъ на нихъ съ неизъяснимо нѣж-

„Пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ".

нымъ сожалѣніемъ. Никогда еще они не испытывали того сладостнаго чувства, какое испытывали теперь. Они не знали еще, что истинная любовь

отдаетъ преимущество несчастнымъ и отверженнымъ. И вотъ явился Сынъ человѣческій, воплощеніе любви божественной, раскрылъ имъ полноту истинной любви, и они стеклись вокругъ Его. И какъ ясно Самъ Онъ выразилъ свойство истинной любви, сравнивъ Себя съ добрымъ пастыремъ, который оставляетъ девяносто девять овецъ для того, чтобы сыскать въ пустынѣ овцу заблудшую! „Жалко овцу! Но что дѣлать? Не стоитъ труда ее отыскивать, она такъ мало имѣетъ цѣны въ сравненіи съ тѣми, которыя остались; она можетъ быть зашла слишкомъ далеко; можетъ быть ее и не существуетъ болѣе". Такъ обыкновенно говоритъ эгоистъ. Но чувство сожалѣнія, уничтожаемое эгоизмомъ, воспламеняется подъ вліяніемъ любви. „Овца несчастна, она хуже оставшихся, она далеко заблудилась,—потому то я и сочувствую ей, потому то я и буду искать ее до тѣхъ поръ, пока найду". Таковы выраженія любви. *Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее* (Мѳ. XVIII, 11). Вокругъ Іисуса Христа было какъ бы сходбище всѣхъ слабостей, всѣхъ бѣдствій, всѣхъ заблужденій. Близъ Его вы находите слабаго младенца, самая слабость дѣлаетъ его дорогимъ для Искупителя. Напрасно хотятъ удалить его,—Спаситель беретъ его на Свои руки, покрываетъ Своею любовію, благословляетъ его. *Пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ* (Мѳ. XIX, 14). Вотъ подлѣ младенца необразованный іудей, которымъ надменные книжки хотѣли только управлять. Вѣчная Премудрость приняла его съ нѣжнымъ сочувствіемъ; Она одна можетъ доставить ему пищу, сообразную съ его силами. Еще ближе къ Нему бѣдный. Долго несчастный оставался на порогѣ злого богача, перенося оскорбленія и презрѣніе, и наконецъ нашелъ себѣ Покровителя, Друга, и этотъ Другъ его — Богъ. Больной, разслабленный, слѣпецъ — окружаютъ также Божественнаго Утѣшителя. Это обыкновенные Его спутники. И всякое страданіе и несчастіе слѣдуетъ за Нимъ. Бѣдная вдова, потерявшая единственнаго своего сына, Марѳа и Марія, печальныя сестры, похоронившія любимаго своего брата, — также подлѣ Его. И какъ имъ не быть близъ Его? Не читаемъ ли мы въ Евангеліи: *Прослезился Іисусъ* (Іоан. XI, 35). Онъ пла-

калъ вмѣстѣ съ ними, сочувствовалъ ихъ бѣдствіямъ и способенъ былъ утѣшить ихъ.

Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, призывалъ всѣхъ людей къ новой, благодатной, праведной жизни, и когда слово Его доходило кому до сердца, вызывало изъ глубины души вздохъ раскаянія и слезы сокрушенія на глаза, какою трогательною заботою и нѣжною любовью Онъ окружалъ тогда кающагося грѣшника! Какъ пастухъ бережно несетъ на плечахъ найденную отсталую овечку, какъ отецъ радостно встрѣчаетъ пропадавшаго безъ вѣсти сына, какъ насѣдка любовно укрываетъ и грѣетъ подъ своимъ крыломъ слабаго птенца, такъ Христосъ Спаситель отечески привлекалъ къ Себѣ всѣхъ сокрушенныхъ сердцемъ, всѣхъ плачущихъ о беззаконіяхъ своихъ. Предъ судомъ Его любви и правды не было злодѣянія, которое не могло бы быть смыто слезами покаянія, и Онъ широко раскрывалъ передъ кающимися блудницами, грѣшниками и мытарями двери своего сердца, щедро предлагалъ имъ все богатство Своей безпредѣльной любви. Мытаря Матѳея Онъ дѣлаетъ Своимъ апостоломъ; къ начальнику мытарей, Закхею, Самъ идетъ на вечерю въ домъ; цѣлые часы бесѣдуетъ съ самарянкою, которой зазорно и показаться людямъ; отъ презираемой всѣми грѣшницы благодарно принимаетъ помазаніе; распятаго разбойника первымъ изъ людей вводитъ съ Собою въ чертоги небеснаго Отца. Евангеліе такъ умилительно повѣствуетъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, что на нихъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Въ Іерихонѣ было большое движеніе. Окруженный густыми толпами народа, Іисусъ проходитъ черезъ городъ. Пользуясь случаемъ, нѣкто именемъ Закхей, начальникъ мытарей и человѣкъ богатый, искалъ видѣть Іисуса, но не зналъ, какъ это сдѣлать. Подойти близко онъ не рѣшался: считалъ себя недостойнымъ. При одномъ воспоминаніи о прошломъ густая краска стыда заливала лицо Закхея и у него мучительно щемило сердце. Мѣсто ли ему, грабителю народа, раззорителю слабыхъ и беззащитныхъ подлѣ Великаго Учителя любви и правды? Нѣтъ, Закхей согласенъ скорѣе провалиться сквозь землю, нежели стать

подлѣ этого неимущаго Праведника и видѣть на себѣ взглядъ Его чистыхъ очей, которыя, говорятъ, проникаютъ до глубины души и читаютъ сокровенное въ сердцѣ. А видѣть неудержимо хочется. Закхей столько слыхалъ о благости и святости проходившаго теперь черезъ Іерихонъ Іисуса, что вся душа его рвалась къ Нему. И въ своей жизни, и въ жизни другихъ людей Закхей такъ мало видѣлъ правды, что дорого бы далъ, лишь бы взглянуть на Того, Кто Самъ былъ — Истина и истинѣ училъ другихъ. На горе Закхей малъ ростомъ и не можетъ за людьми издали видѣть Іисуса. Тогда онъ побѣжалъ впередъ, взлѣзъ при дорогѣ на смоковницу и ждалъ, когда Іисусъ пойдетъ мимо. Одного желалъ Закхей: видѣть Іисуса, и вдругъ „Іисусъ, когда пришелъ на это мѣсто, взглянувъ, увидѣлъ Закхея и сказалъ ему: „Закхей! сойди скорѣе, ибо сегодня надобно Мнѣ быть у тебя въ домѣ". Закхей, не помня себя, ринулся съ дерева и съ радостью принялъ Іисуса у себя. Немногихъ словъ Спасителя было достаточно, чтобы сердце Закхея мгновенно переродилось. Мысль, что Іисусъ, Величайшій Праведникъ, не гнушается имъ, безчестнымъ лихоимцемъ, словно молнія озарила его темную душу. Закхей воспрянулъ духомъ. Пусть другіе продолжаютъ презирать его, какъ обидчика, грабителя, лиходѣя, Закхею стало ясно, что для него не все еще погибло передъ Богомъ, что внутри его сохранилась какая-то искра Божія, которая дорога его Великому Гостю и которая теперь станетъ самымъ цѣннымъ достояніемъ всей его дальнѣйшей жизни. Все, ради чего Закхей прежде такъ нагло попиралъ добро и правду, теперь въ его глазахъ утратило цѣнность. Ему важно одно: сохранить за собою то благоволеніе, съ какимъ неожиданно отнесся къ нему Іисусъ. И „Закхей,—какъ говорится въ Евангеліи,—ставъ, сказалъ Іисусу: Господи! половину имѣнія моего отдамъ нищимъ и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо". Іисусъ сказалъ ему: „Нынѣ пришло спасеніе дому сему" (Лук. XIX, 8 — 9). Десятки минутъ тому назадъ, взлѣзая на смоковницу, чтобы хотя издали видить проходящаго Іисуса, думалъ ли Закхей, что съ нимъ произойдетъ такая перемѣна? Такъ силенъ Господь своимъ словомъ спасти

и тяжкаго грѣшника, лишь бы онъ не отвращался совсѣмъ отъ правды Божіей, лишь бы онъ, какъ и Закхей, желалъ хотя бы издали видѣть Іисуса.

Іисусъ былъ на вечери въ домѣ фарисея Симона. Неприв ѣтливо встрѣтилъ хозяинъ Великаго Гостя: не далъ ему при встрѣчѣ поцѣлуя въ уста, не обмылъ ногъ при входѣ, не умастилъ головы передъ пиромъ. Когда всѣ возлегли за вечерю, къ Іисусу подошла женщина съ дорогимъ алавастровымъ сосудомъ мира. Боязно она входила въ домъ. несмѣло приблизилась и къ ногамъ Іисуса. Позорную жизнь она вела доселѣ. Сама безъ стыда не могла говорить и думать о себѣ. Въ шумныхъ пирахъ и въ буйномъ весельѣ проходили всѣ ея дни, а на сердцѣ постоянно лежала тоска. Въ дни ея легкомысленной юности никто не далъ ей добраго совѣта, никто не удержалъ передъ широкимъ путемъ соблазна, а теперь всѣ отвернулись, сторонятся, тычутъ пальцами, съ презрѣніемъ произносятъ самое имя. Никто не пожалѣетъ, никто не заглянетъ въ душу; никто не знаетъ, какъ часто послѣ шумнаго пира она горько рыдаетъ на ложѣ изъ шелка, съ какимъ отвращеніемъ срываетъ запястья и ожерелья, купленныя цѣною позора. О, если бы ей хоть одно слово участья, одинъ добрый, привѣтливый взглядъ! Истомилась она и отъ людского позора, и отъ своего стыда. Слышала она, что Великій Праведникъ Іисусъ никого не отстраняетъ отъ Себя, что къ Нему многіе обращались съ мучительною скорбью и Онъ любовно утѣшаетъ всѣхъ. На Него она возлагаетъ послѣднюю надежду и, запасшись дорогимъ мvромъ, идетъ въ домъ, гдѣ возлежитъ на вечери Іисусъ. И стыдъ, и страхъ замедляютъ ея шаги. А что, если Чистый и Безгрѣшный отстранится отъ ея порочной нечистоты? Затаивъ дыханіе, не проронивъ ни слова, она робко опустилась къ ногамъ друга мытарей, и Онъ не оттолкнулъ ея. Тогда вся скорбь, вся горечь жизни вырвались наружу; съ рыданіемъ обхватила бѣдная грѣшница ноги Іисуса и благодарно цѣловала ихъ! Слезы текли обильными струями и обмывали ступни пречистыхъ ногъ. Волосы ея, которые она убирала съ такимъ искусствомъ и красою, распустились, и она выти-

рала ими слѣды своихъ слезъ. Затѣмъ, она разбила принесенный сосудъ и мазала мѵромъ ноги Іисуса. „Видя это, фарисей, пригласившій Его, сказалъ самъ въ себѣ: если бы Онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ Нему, ибо она грѣшница". Симонъ такъ разсуждалъ, зная прежнюю жизнь рыдавшей женщины; но Іисусъ судилъ иначе. Онъ читалъ сердце людей и зналъ, что подлѣ Него нѣтъ болѣе недавней грѣшницы: вся грязь ея души была омыта горючими слезами раскаянія и теперь у ногъ Его лежала женщина, у которой красота возрожденной души затмила красоту тѣла. Сердцевѣдецъ Господь зналъ, что теперь скорѣе рѣка повернетъ свое теченіе назадъ, чѣмъ эта женщина возвратится къ прежней жизни, и потому, обратившись къ ней, сказалъ: Прощаются тебѣ грѣхи, вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ".

И пошла женщина въ домъ свой, радуясь. Исполнилось надъ нѣй обѣщаніе Спасителя: „Блаженны плачущіе, они утѣшатся". Она мѵро и слезы принесла къ ногамъ Іисуса, а отъ Него унесла миръ въ сердцѣ своемъ.

Былъ въ Іерусалимѣ праздникъ. Іисусъ Христосъ сидѣлъ въ одномъ изъ притворовъ храма и поучалъ народъ. Слушатели плотной стѣной окружали Спасителя и въ безмолвіи жадно ловили каждое Его слово. Вдругъ неистовые крики нарушили благоговѣйную тишину. Всѣ оглянулись. Толпа фарисеевъ, злобно потрясая руками, влекла къ Іисусу полураздѣтую, растрепанную, пораженную стыдомъ и ужасомъ женщину.

— Учитель! — кричали они. — Эта женщина взята въ прелюбодѣяніи. Моисей въ законѣ повелѣлъ намъ побивать такихъ камнями. Ты что на это скажешь?

Они знали Его необычайное милосердіе, которое любило тамъ, гдѣ другіе ненавидѣли; восхваляло, гдѣ другіе сокрушали. Они знали, что мытарь былъ среди Его избранныхъ учениковъ; грѣшники сидѣли рядомъ съ Нимъ на пиршествахъ и блудницы безпрепятственно омывали Ему ноги и слушали ученіе Его. Они все это знали и потому думали, что своимъ вопросомъ поставили Іисуса Христа въ безвыходное поло-

женіе: или Онъ проститъ грѣшницу и тѣмъ нарушитъ Моисеевъ законъ, или осудитъ ее и тѣмъ оттолкнетъ отъ Себя народъ, который такъ цѣнитъ Его милосердіе ко всѣмъ обездоленнымъ судьбою. Но Іисусъ поступилъ, какъ они не ждали. Онъ хорошо понималъ ихъ злобу, коварство, огрубѣніе души, и они предъ судомъ Его правды были преступнѣе приведенной ими блудницы. Съ глубокою скорбью

„Іисусъ, наклонившись низко, писалъ перстомъ на землѣ, не обращая на нихъ вниманія".

въ сердцѣ выслушалъ Онъ ихъ суровый вопросъ, поникъ лицомъ и молча сталъ чертить пальцемъ на землѣ. Не поняли они скорби Спасителя и снова повторили: „Ты что намъ скажешь?"

Поднялъ на нихъ глаза Іисусъ: ни тѣни стыда въ лукавыхъ взглядахъ, ни слѣда жалости въ каменныхъ сердцахъ. Имъ ли судить женщину? имъ ли побивать другихъ камнями? О, если бы они поняли, какимъ камнемъ тяжелымъ на совѣсти у нихъ лежитъ ихъ собственный грѣхъ!

Мелькомъ взглянулъ на нихъ Іисусъ, но въ его взорѣ они ясно прочли, что Ему открыто сокровенное ихъ сердца, что Онъ знаетъ

„Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень".

цѣну ихъ собственной души, и когда Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: „Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень", ни у кого

не поднималась рука. Съ краской жгучаго стыда на лицѣ и съ смущеннымъ сердцемъ обличители молча разошлись. Остались Іисусъ и грѣшница. По словамъ одного церковнаго писателя, въ храмѣ теперь были двое: горе и милосердіе. Могла бы уйти и женщина, ее болѣе никто не удерживалъ, но она сама оставалась неподвижной. Ея руки и ноги были свободны, но сердце оказалось прикованнымъ къ Іисусу. Онъ одинъ пожалѣлъ ее, оскверненную предъ Богомъ, и опозоренную предъ людьми; одинъ далъ понять ей, что она не погибла еще безъ возврата, что и ей еще есть надежда стать достойною Его небесной любви. И новая любовь, любовь не грѣшная, плотская, а чистая, духовная, святая охватила ея душу. Лицо стало невинно, взоръ непороченъ; не было уже болѣе блудницы; она переродилась, ей мерзкою казалась память о быломъ.

Посмотрѣлъ на нее Сердцевѣдецъ Господь и сказалъ: „Женщина! гдѣ обвинители твои? Никто тебя не осудилъ?“

— Никто, Господи!

— И Я тебя не осуждаю. Иди, и впредь не согрѣшай!

Въ храмъ вошли два человѣка помолиться; одинъ былъ фарисей, другой мытарь. Фарисей—почетный, постоянный посѣтитель храма; ему здѣсь все знакомо и его всѣ знаютъ. Съ величественно поднятою головою, величавой поступью проходитъ онъ среди разступающихся передъ нимъ богомольцевъ и становится на возвышеніи, на первомъ мѣстѣ. Его дѣла добродѣтели, какъ и самъ онъ теперь, на виду у всѣхъ: онъ и въ храмѣ на молитвѣ, и въ постѣ, и въ благотвореніи, всегда и вездѣ впереди. Сознавая это, онъ съ чувствомъ глубокаго самодовольства говоритъ: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ другіе, какъ тотъ вотъ, напримѣръ, мытарь у порога“.

Фарисей собою доволенъ; снаружи, по видимости, онъ вполнѣ добродѣтельный человѣкъ и ему остается только горделиво любоваться собою. Что истинная жизнь — жизнь внутри, жизнь сердца; что Богу прежде всего надо служить не дѣлами внѣшняго благочестія, а духомъ и истиною, этого фарисей не понимаетъ. Его сердце глухо къ призыву

покаянія. Тотъ, Кто сказалъ о Себѣ: „Я — Жизнь“, Своей жизни не находитъ въ фарисеѣ; фарисей не родился для Царства Божія. Иное дѣло мытарь. Онъ, несомнѣнно, человѣкъ порочный; вся жизнь его полна тяжелыхъ преступленій; его всѣ презираютъ, да и самъ онъ не высоко цѣнитъ себя. Подъ какимъ-то случайнымъ внушеніемъ, онъ сегодня вмѣстѣ съ другими вошелъ въ храмъ. Давно онъ не былъ въ домѣ Божьемъ; ему все чуждо, незнакомо. Окинулъ онъ взоромъ своды и стѣны храма и, не рѣшаясь идти далѣе, робко остановился у порога. Отъ этихъ давно невиданныхъ священныхъ стѣнъ на него нахлынулъ рой былыхъ воспоминаній. Припомнилось ему, какъ онъ еще ребенкомъ ходилъ сюда съ родителями каждый праздникъ; здѣсь мать впервые научила его молитвенно складывать рученки; любилъ онъ тогда сливаться съ тысячною толпою въ одинъ молитвенный вопль Израиля въ пѣніи умилительныхъ псалмовъ Давида. Какъ ясно звучалъ его дѣтскій голосъ, сколько душевной чистоты, восторженной любви къ Богу слышалось въ каждомъ звукѣ. Съ какимъ замираніемъ сердца внималъ онъ огненнымъ словамъ писаній древнихъ пророковъ; какъ вмѣстѣ съ ними негодовалъ на беззаконія нечестивыхъ и въ духѣ и силѣ Иліи, Исаіи, Іереміи мечталъ служить Іеговѣ! Что сталось со всѣмъ этимъ? Вереницей проносятся въ памяти года за годами и что дальше идетъ время, то все темнѣе становится на душѣ. Забыты и рѣчи матери и храмъ съ молитвою; забыты и совѣсть и дѣтскія мечты. Словно листья, подхваченные непогодой, мелькаютъ въ памяти образы прошлаго и тяжелымъ камнемъ давятъ его, гнетутъ голову на грудь. Дрогнуло черствое сердце, вспомнились силы, постыдно погибшія; стало юность минувшую жаль; на глазахъ навернулись горючія слезы и, пролившись неудержимымъ потокомъ, подобно ливню въ знойную пору, освѣжили истомленную душу мытаря. Растаяли въ немъ злоба и ненависть къ людямъ; омылась слезами духовная грязь; обновилось, переродилось порочное сердце. Пришелъ въ храмъ мытарь великимъ грѣшникомъ, вышелъ сыномъ Царства Божія. „Истинно, истинно, — учитъ Евангеліе,— если не обратитесь и не раскаетесь, какъ мытарь, не можете войти въ Царство Божіе“.

Такъ повсюду, гдѣ только проходилъ Іисусъ, обнаруживается это притяженіе любви сочувствующей. И благо тѣмъ, которые обнаруживаютъ это сочувствіе: ихъ мѣсто на судѣ одесную Бога! И горе христіанамъ, о которыхъ нельзя сказать: мытари и грѣшники приближаются къ нимъ! Это ясный знакъ того, что любовь сочувствующая потухаетъ въ ихъ нѣдрахъ. Мы только коснулись дѣлъ молосердія Христова, — исчерпать этотъ предметъ невозможно. Любовь Христа почила на всѣхъ людяхъ, такъ какъ всѣ осуждены. Не только о мытаряхъ и грѣшникахъ, Онъ сожалѣетъ и о самыхъ фарисеяхъ. Не плакалъ ли Онъ о Іерусалимѣ и его жителяхъ, въ первомъ ряду которыхъ стояли Его враги? Припомните раздирающій сердце плачъ Его непризнаннаго милосердія: *Іерусалиме, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ. Сколько разъ хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ птица птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли!* (Лук. XIII, 34). Онъ плачетъ не о друзьяхъ, а о врагахъ Своихъ. Онъ ждетъ отъ нихъ для Себя только смерти и, несмотря на то, любитъ ихъ. На крестѣ еще болѣе обнаруживается Его милосердіе: Онъ умираетъ, прощая Своихъ гонителей. Такъ Онъ несъ въ Своемъ сердцѣ тяжесть всѣхъ нашихъ бѣдъ и скорбей; Его сочувствіе обнимало осужденіе всего міра, тяжесть котораго Онъ принялъ на Себя, и эта-то тяжесть повергла Его ницъ въ Геесиманіи.

Но сочувствіе къ несчастію недостаточно, если оно не соединено съ утѣшеніемъ. Милосердіе полно только тогда, когда оно дѣйственно. А таково и было милосердіе Христа. Онъ переходилъ съ одного мѣста на другое, имѣя постоянною цѣлію — благотвореніе. Ни утомленія, ни опасности не зналъ Онъ, когда дѣло касалось того, чтобы утѣшать и помогать. Голодъ и жажду забывалъ Онъ, когда нужно было бѣдной, скорбящей душѣ человѣка возвѣщать приближеніе царствія Божія. На служеніе любви Онъ жертвовалъ и естественными Своими привязанностями и тѣлесными потребностями. Онъ всецѣло предавалъ Себя: Его любовь доходила до постояннаго самопожертвованія. Этой любви Онъ посвящалъ не только всѣ Свои дни, не только всѣ часы отдохно-

венія, не только тѣ минуты, въ которыя могъ бесѣдовать съ Своими сродниками по плоти, но даже часъ Своей молитвы, — этотъ часъ небеснаго отдохновенія, неисповѣдимаго общенія съ Отцомъ. Онъ сокращалъ это таинственное собесѣдованіе для того, чтобы говорить съ грубою толпою, которая слѣдовала за Нимъ въ мѣста уединенныя. Мы не говоримъ уже о послѣдней Его жертвѣ, восполняющей всѣ другія, объ этой печали изъ печалей, объ этомъ кровавомъ заколеніи, въ которомъ страшнѣйшія страданія тѣла служатъ только слабымъ отблескомъ мученій душевныхъ. Если любовь состоитъ въ томъ, чтобы душу Свою положить за друзей своихъ, то не скажемъ ли мы: да! мы узнали во Христѣ, что значитъ любить.

Прибавимъ къ этому, что Его жизнь не могла бы быть выраженіемъ совершеннѣйшей любви, если бы не была проникнута чувствомъ радости отъ самопожертвованія, съ одной стороны потому, что жертва, приносимая съ чувствомъ горечи—ложь, а съ другой потому, что радость святая и чистая нераздѣльна отъ любви. Любовь расширяетъ нашу душу, соотвѣтствуетъ всѣмъ ея высшимъ потребностямъ, а потому необходимо наполняетъ сердце веселіемъ. Можно заключить отсюда, что тамъ, гдѣ недостаетъ радости, чувства блаженства, тамъ недостаетъ и любви. Жертвы, оставляющія послѣ себя чувство печали, суть полужертвы, жертвы, только внѣшнимъ образомъ принесенныя Богу. А жертва Христова всесовершенна. Мы знаемъ, что Спаситель нашъ вкусилъ радость безконечную, принося Себя въ жертву за грѣхи всѣхъ людей. Скрываясь на минуту, эта радость являлась съ большею противъ прежняго живостію и силою. Она состояла прежде всего въ сознаніи Его глубокаго единенія съ Богомъ. Пребывая на землѣ, Христосъ жилъ въ Богѣ; Онъ оставался Его единороднымъ Сыномъ и Ему приносилъ всѣ Свои мысли точно такъ же, какъ и дѣла. Пребывая въ условіяхъ человѣческаго существованія, Онъ оставался едино съ Нимъ и Своимъ примѣромъ показалъ, что нѣтъ уже средостѣнія между Богомъ и людьми, что жизнь молитвы есть жизнь на небѣ. Да позволено будетъ представить себѣ то, что испытывалъ Спаситель, когда, послѣ

разговора съ злобнымъ книжникомъ, думавшимъ искушать Его, или послѣ обличенія Своихъ учениковъ въ косности вѣры и пониманія, вечеромъ этого тяжелаго для сердца дня, Онъ всходилъ на пустынную гору и тамъ изливалъ въ сердце Отца Свое сокрушенное сердце. Какое блаженство можетъ сравниться съ блаженствомъ отъ этого божественнаго изліянія, отъ этого неизглаголаннаго общенія! Это было полнотою Его таинственнаго единенія со Отцемъ. Та же великая радость соединялась и съ страданіями, перенесенными Спасителемъ. Страданія Его были выраженіемъ любви. И такъ какъ Онъ любилъ бѣдное человѣчество, то не безъ чувства радости страдалъ за него, для его спасенія. Онъ радовался, совершая Свой подвигъ, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что прежде чѣмъ испустилъ духъ на крестѣ безславія, въ минуту, въ которую воскликнулъ: *совершишася*,—Онъ испыталъ безмѣрную радость, такъ какъ осужденіе изглажено, грѣхъ побѣжденъ и Богъ умиротворенъ! Во время послѣдней бесѣды Своей съ учениками, Онъ даже высказалъ, что Онъ радуется предстоящимъ страданіямъ: *сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ* (Іоан. XV, 11). Это была совершеннѣйшая радость совершеннѣйшей любви!

XXI.

Преображеніе Господне.

Галилейская пора жизни Іисуса Христа близилась къ концу. Наступила осень, Христосъ готовился обратить Лице Свое къ Іерусалиму. Мысль о предстоящихъ страданіяхъ наполняла Его душу. Было уже произнесено Петромъ отъ лица прочихъ учениковъ извѣстное исповѣданіе: ***Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго.*** Оно было плодомъ предшествовавшихъ наставленій Господа. Такъ какъ въ то время ученики были еще слишкомъ далеки отъ ожиданія услышать изъ устъ Спасителя слово объ Его страданіяхъ, то надлежало имъ научиться вмѣстить и это слово; и вотъ началъ Онъ, читаемъ мы, съ того времени возвѣщать имъ о Своихъ страданіяхъ. Но особенно мысли о нихъ наполняли Его собственную душу. Со всѣмъ этимъ въ тѣсной связи находится и Преображеніе Господне. „Что же общаго между Крестомъ и Преображеніемъ, между крайнимъ предѣломъ уничиженія и величайшимъ прославленіемъ? Могла ли мысль о Крестѣ содѣйствовать Преображенію?“ спрашиваетъ одинъ изъ извѣстныхъ отечественныхъ проповѣдниковъ, и

отвѣчаетъ: „Какъ изъ мрачной тучи исходитъ яркая молнія; какъ изъ-за темнаго облака появляется во всемъ блескѣ солнце: такъ за мыслію Господа о Крестѣ, за рѣшимостію подъять его на рамена Свои, естественно было слѣдовать Преображенію Христову. Когда человѣкъ рѣшается на трудное и опасное дѣло, когда онъ обрекаетъ самого себя на смерть для какого либо высокаго предпріятія, — его ждетъ участь мрачная, а между тѣмъ взоръ его ясенъ, на лицѣ его — восторгъ отъ сознанія, что онъ совершаетъ высокое, благородное дѣло. Подобное сочетаніе свѣта и мрака, восторга и скорби нигдѣ такъ не естественно, какъ при Крестѣ Христовомъ". Въ другомъ своемъ словѣ тотъ же проповѣдникъ разсуждаетъ такъ: „По сказанію евангелистовъ цѣлые восемь дней человѣчество І. Христа съ особеннымъ напряженіемъ приникало духовнымъ взоромъ своимъ въ великую тайну искупленія міра Крестомъ Его, и съ особенною силою проникалось рѣшимостію подъять на рамена свои тяжкій крестъ. Легко и естественно могло совершиться и внутреннее, и внѣшнее преображеніе Богочеловѣка теперь, когда открылась предъ Нимъ во всей полнотѣ тайна искупленія и особенно славный и блаженный конецъ борьбы царства Божія съ царствомъ діавола! Не сильно ли это зрѣлище умилить, восхитить, нравственно преобразить даже простого смертнаго, внимательно проникающаго въ него? Не сильно ли оно вдохнуть въ него рѣшимость на всѣ жертвы для споспѣшествованія сему дѣлу? Въ какомъ же величіи необъятномъ, въ какой красотѣ дивной должно было предстать зрѣлище искупленія міра умственному взору Богочеловѣка, когда Божество Его раскрывало предъ Его человѣчествомъ это зрѣлище во всей его полнотѣ и разнообразіи! Какимъ восторгомъ должна была теперь исполниться душа Іисуса, безгранично воспріимчивая ко всему высокому, святому! Съ какою рѣшимостію долженъ Онъ изрекать особенно теперь Отцу Своему: *Се, иду сотворити волю Твою, Боже* (Евр. X, 7). Такъ, напряженное углубленіе Богочеловѣка Іисуса Христа въ тайну искупленія привело Его въ то чрезвычайное состояніе душевное, которое даже для Него было внутреннимъ преображеніемъ и повлекло за собою преображеніе

внѣшнее. Сначала засіяла восторгомъ, умиленіемъ и рѣшимостію святѣйшая душа Его; за душею—зеркало ея—око; за окомъ просіяли Его лице, Его тѣло и ризы Его; наконецъ, свѣтъ облисталъ и гору преображенія и учениковъ Іисусовыхъ“ [1]).

При свѣтѣ вѣры разсмотримъ теперь ближе обстоятельства славнаго Преображенія Господня.

И по днехъ шестихъ поятъ Іисусъ Петра, и Іакова, и Іоанна брата его, и возведе ихъ на гору высоку едины. Когда душа Его особенно преисполнялась высокихъ мыслей и чувствъ, Онъ охотно удалялся въ уединеніе для молитвы.

Такъ было и здѣсь. Онъ восшелъ съ учениками на гору высокую. Многія изъ важнѣйшихъ событій евангельской исторіи совершились на горахъ. И Ветхій Завѣтъ нерѣдко говоритъ о горахъ, къ которымъ мы возводимъ очи и откуда къ намъ приходитъ помощь. Онѣ преимущественно предъ другими мѣстами способны оказывать на насъ дѣйствіе къ возвышенію души. Прежде Христосъ любилъ въ подобныхъ случаяхъ оставаться наединѣ; здѣсь же Онъ взялъ съ Собою трехъ самыхъ близкихъ къ Себѣ учениковъ, которые впослѣдствіи были свидѣтелями Его боренія въ Геѳсиманіи. Здѣсь имъ выпало на долю быть свидѣтелями событія, которое представляетъ свѣтлый контрастъ тому мрачному часу.

И преобразися предъ ними, и просвѣтися Лице Его, яко солнце, ризы же Его быша бѣлы, яко свѣтъ. Пламень молитвы Господа Іисуса Христа и свѣтъ естества Бога Отца соединились въ душѣ Богочеловѣка, и облистали свѣтомъ и душу, и лице, и ризы Его. Онъ явился всецѣло освѣщеннымъ, какъ описывается прославленный Господь въ откровеніи Іоанна. Онъ былъ какъ бы уже восхищенъ въ тотъ міръ свѣта, гдѣ всякое земнородное существо всецѣло проникается свѣтлымъ чистымъ сіяніемъ.

И се явистася имъ Моисей, и Илія, съ нимъ глаголюща. Они говорили со Христомъ Спасителемъ объ исходѣ Его, который Ему надле-

[1]) См. Слова и рѣчи Павла, Арх. Казанскаго, Т. 1-й, ст. 492, 530—32.

жало совершить въ Іерусалимѣ, объ исходѣ Его страданій и послѣдующей за ними Его славѣ.

Была ночь и ученики были отягчены сномъ, какъ потомъ въ Геѳсиманіи. Когда они пробудились, то увидѣли около Іисуса обоихъ пришельцевъ не здѣшняго міра. *Хорошо здѣсь быть; сдѣлаемъ здѣсь кущи*, восклицаетъ Петръ, въ порывѣ восторга, *не вѣдый, еже глаголаше* (Лук. IX, 33). Земныя кущи для блаженныхъ, обитающихъ въ небесныхъ кущахъ! Но сказанное хорошо было задумано. Ученики не постигаютъ сего, но они уже предчувствуютъ нѣкое великое славное будущее. И впечатлѣніе отъ всего видѣннаго и слышаннаго внѣдрилось въ нихъ неизгладимо.

И какъ только ветхозавѣтные образы сдѣлались невидимы, свидѣтельствовалъ имъ гласъ Совѣта Божія, что все божественное откровеніе и все грядущее спасеніе заключены въ Іисусѣ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ: Того послушайте.* Это тоже самое слово, какое было при Крещеніи: тамъ, такъ какъ имѣлось въ виду начало дѣятельности; здѣсь, такъ какъ предстоялъ путь страданій. И охотно и послушливо снисшелъ Іисусъ какъ бы съ моста, ведшаго въ тотъ міръ, на эту бѣдную землю, которая полна страданій. Божественный Крестоносецъ подошелъ къ ученикамъ и успокоилъ ихъ, сказавъ: *не бойтеся.*

Возведши же очи свои, никого же видѣша, токмо Іисуса единаго. Онъ одинъ, уготовавшій намъ спасеніе, Онъ одинъ, за Котораго должны мы держаться; предъ Нимъ исчезаютъ всѣ величія земли и неба. И они сошли съ горы: путь велъ въ глубокую низину, съ высоты этой горы здѣсь въ Галилеѣ — въ Геѳсиманію и Іерусалимъ. Таково было ближайшее настоящее. Что было теперь относительно Преображенія еще тайною, то должно было разрѣшить только будущее. О семъ они должны были никому не сказывать, доколѣ Сынъ человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ. Только потомъ, во свѣтѣ Его воскресенія, разъяснилось и значеніе Преображенія. Теперь оно для насъ свѣтло и полно утѣшенія. Теперь примѣнимъ его къ себѣ.

Есть мрачные часы въ человѣческой жизни. Это—часы страданія, когда скорбь какъ волна облегаетъ насъ и свѣтъ жизни кажется намъ

Фаворъ.

совсѣмъ потухшимъ. Тогда въ нашей душѣ воцаряется ночь. Мы готовы бываемъ повторить разочарованный вопросъ поэта: „даръ на-

прасный, даръ случайный,—жизнь, зачѣмъ ты намъ дана?"... это часы, когда чувство грѣха приступаетъ къ намъ, какъ вооруженный мужъ, и насъ совсѣмъ оставляетъ свѣтъ благодати. Мы какъ бы не въ состояніи бываемъ обрѣсти Бога, гдѣ бы Его ни искали, и намъ становится больно за нашу душу и ея блаженство. Это—часы боренія: въ числѣли мы чадъ Божіихъ? Можемъ ли считать Бога своимъ Отцемъ? Можемъ ли уповать на Его милости. Это часы тяжелыхъ, мучительныхъ сомнѣній: есть ли вообще Богъ? Не есть ли это одна мечта и заблужденіе? Нѣтъ Бога на землѣ, нѣтъ будущаго послѣ смерти—все только печальная необходимость, которая давитъ и крушитъ насъ желѣзными ногами; цѣлая жизнь не стоитъ жизни; лучше умереть, чѣмъ жить; тогда-бы все кончилось,—такъ готова бываетъ восклицать потерявшая вѣру душа. Это — мрачнѣйшіе часы тягчайшаго боренія, полнаго самыхъ темныхъ, ужасныхъ мыслей, простирающихъ свою сѣть на нашу голову и увлекающихъ насъ въ свой круговоротъ, низвергающійся въ бездну,—мыслей, о которыхъ мы лучше умолчимъ. Пропасть болѣе глубокая, чѣмъ адъ, гнѣздится тогда въ нашемъ духѣ. Да, бываютъ мрачные часы въ земной жизни. Благо тому, кто ихъ не знаетъ!

Но есть и свѣтлые часы, часы подъема духа. Это бываетъ, когда міръ и грѣхъ какъ бы остаются далеко внизу подъ нами и ногами нашими, когда мы ощущаемъ себя какъ бы отрѣшившимися отъ пространства и времени и почти осязаемо увѣрены въ близости Бога и желаемъ всецѣло раствориться въ Немъ. Духъ Божій касается тогда струнъ нашей души, такъ что въ нихъ раздаются только Его звуки, а всѣ другіе звуки умолкаютъ.

Но это только особенные часы, только исключенія, не обыденный хлѣбъ, не ежедневная пища; и напрасно было желать сдѣлать ее таковою. И какъ рѣзко соприкасаются здѣсь истина и самообольщеніе другъ съ другомъ! Намъ этого не должно забывать. Желать насильственно вызывать такіе опыты, вторгаться въ сокровенную жизнь чувства и оказывать давленіе на нее съ цѣлію вызова подобныхъ ощущеній,—это ложный и опасный способъ. Это уже не отъ Духа Божія

Который *дышетъ, гдѣ хочетъ*, но насильно добытое изъ собственной природы. И всего легче соединяется съ симъ скрытое самообольщеніе, отражающееся въ такихъ состояніяхъ, гдѣ считаютъ себя выше, чѣмъ другихъ, а къ этому именно и приводитъ ложное увлеченіе духовными опытами. По большей части за симъ слѣдуетъ печальный исходъ. Въ жизни нерѣдко бывали такіе примѣры. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться умѣренной душевной теплотой, до того усиленно и непрестанно накаливали уголь, что внутренняя жизнь напослѣдокъ совершенно выгорала и истлѣвала. Если Богъ сподобитъ насъ внутренняго подъема духа, примемъ сіе съ благодареніемъ и смиреніемъ и признаемъ, что существуютъ только немногіе часы, изъ которыхъ мы можемъ вынести лучшее духовное настроеніе для обычнаго хода нашего земного странствованія.

Но скажетъ кто нибудь: я еще не испыталъ такихъ часовъ; я не знаю, слишкомъ ли я воспріимчивъ къ сему, или слишкомъ мало христіанинъ; моя жизнь идетъ обычнымъ своимъ порядкомъ. Другъ мой, не безпокойся и не печалься о томъ! Не всѣмъ суждено достигать высшихъ точекъ горъ. Есть и среднія горныя высоты, болѣе удобныя и для всѣхъ доступныя, на которыхъ чувствуется хорошо и пріятно и съ которыхъ взоръ направляется вдаль и внизъ въ долину. Здѣсь мы можемъ съ удовольствіемъ и долѣе пребыть. Хотя наша земная храмина находится въ низинѣ и нашъ земной трудъ ведется долу,— но все таки повременамъ мы можемъ оставлять тяжелый воздухъ и туманъ, давящіе насъ внизу, и восходить на эти наиболѣе доступныя высоты: здѣсь дышать намъ будетъ легче, смотрѣть удобнѣе, — для сердца веселѣе, и мы потомъ сойдемъ съ нихъ съ новымъ духомъ и снова примемся за наше обычное дѣло въ низинахъ земной жизни. И вотъ объ этихъ-то возвышенностяхъ обыкновенной христіанской жизни и часахъ успокоенія мы хотимъ побесѣдовать. Въ чемъ же ихъ сущность и назначеніе для насъ?

Іисусъ возвелъ Своихъ учениковъ на одну высокую гору. *Взойдемъ и мы на высоту, возлюбленные. Это во-первыхъ.* Наша жизнь и при-

званіе пріурочены къ земнымъ предметамъ. И невольно ежедневная работа души все глубже погружается въ этотъ міръ преходящаго. Но однакожъ жизнь не должна уходить вся на пріобрѣтеніе и наживу, или на дѣла или книги, на кухню и погребъ, или на сообщества и бесѣды, или всецѣло на ѣду и питье. Вполнѣ безъ сего конечно обойтись нельзя, но это не должно быть все и нашу душу не должно обращать въ неволю. Когда мы старѣемъ, наша душа и безъ того становится болѣе привязана къ земному, она всегда легче и глубже погружается въ земные предметы.—Дорогое преимущество юности въ томъ, что порывы ея души еще не такъ покрыты пылью. Не старайтесь же обременять ее, мои юные друзья, но отрясайте эту пыль, и направляйте свой полетъ вверхъ на вышину; не спускайтесь къ низменному или всецѣло будничному. Это послужитъ вамъ ко благу. *Горѣ имѣимъ сердца*, возглашается въ церкви. *Горѣ имѣимъ сердца*, устремимъ сердца вверхъ, должны мы говорить себѣ ежедневно. Прежде чѣмъ вступить въ дневное дѣло—въ пыль земли и въ этотъ удушливый, гнетущій и тяготящій насъ воздухъ, каждое утро мы должны посвящать горѣ—высокому—свѣжее дыханіе. *Возвожу очи мои къ горамъ, откуда пріидетъ помощь моя.* Примемъ себѣ это за руководство для каждодневнаго нашего утра.

Къ возвышенному — это первое.

И къ молитвѣ — это второе.

Господь взошелъ на гору помолиться. Имъ было принято отъ дневного труда входить въ Самого Себя и въ общеніе съ Своимъ Отцемъ. Это служитъ къ нашему поученію. Совѣтъ міра значитъ разсѣяніе. Поученіе Господа означаетъ собранность. *Когда ты молишься, войди въ комнату твою и затвори дверь твою.* Молитва есть вхожденіе въ самого себя, собранность внутренняго. Но не просто только настроеніе внутренняго. Иногда мы пріятно настраиваемъ и какъ бы окрыляемъ свою душу и посредствомъ музыки или поэзіи. Это вполнѣ хорошо и нѣтъ въ томъ ничего зазорнаго. Но это не молитва. Это принадлежитъ къ области можетъ быть и высокихъ, но все же жи-

тейскихъ ощущеній. Молитва есть живое личное общеніе въ словѣ съ Богомъ, отъ я къ Тебѣ, въ вопросѣ и отвѣтѣ, въ обращеніи и воздѣйствіи. Только такая молитва есть нѣкое пареніе на высоту, возвышеніе души, возвышеніе къ Богу, изъ времени въ вѣчность, изъ міра на небо.

Мы слишкомъ много говоримъ, слишкомъ часто вступаемъ въ общеніе съ людьми. И какъ много бываетъ безполезныхъ словъ, суетныхъ разговоровъ, утомительнаго общенія! Почему же мы не хотимъ лучше бесѣдовать съ Господомъ неба и земли, Который повсюду близъ насъ есть, Которымъ мы живемъ, движемся и существуемъ, Который есть Источникъ нашей жизни, Котораго дыханіе есть жизнь нашей души и сердце Котораго открылось намъ во Христѣ, полное благодати и истины, такъ что мы можемъ почерпать изъ сего кладезя благодать возблагодать и получать успокоеніе? Общеніе съ Нимъ доставляетъ безмѣрно большее удовлетвореніе, чѣмъ услаждающее вкушеніе холодной воды въ жгучій солнечный жаръ или подкрѣпляющій воздухъ высокой горы. Здѣсь душа наша беретъ истинное дыханіе, и воздухъ, которымъ она дышетъ, есть воздухъ вѣчности. „Святая, пламенная молитва человѣка“, говоритъ нашъ проповѣдникъ, „возбуждая и вызывая къ дѣятельности изъ глубины души его всѣ лучшія силы ея, и, что всего важнѣе, низводя въ душу человѣческую свѣтоносную силу Божію,—всегда производитъ въ человѣкѣ преображеніе внутреннее, весьма часто обнаруживающееся и во внѣ — въ ангеловидной свѣтлости и ясности взора и лица молящагося“ [1]). Итакъ въ тяготѣ труда, въ горести земной и треволненіяхъ счастья будемъ восходить на гору къ Богу въ молитвѣ. Это второе.

И вступать въ общеніе съ избранниками Божіими — это третье.

Господу явились Моисей и Илія, и у ногъ ихъ сидѣли Апостолы. Но къ нимъ съ тѣхъ поръ привзошло еще облако свидѣтелей, наполняющее исторію Церкви. Въ церквахъ Божіихъ, въ которыхъ соби-

[1]) См. Слова и рѣчи Павла, Арх. Каз., т. 1-й, стр. 534.

раются вѣрующіе для общей молитвы, находятся многія изображенія Святыхъ Божіихъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и изъ исторіи Церкви. Симъ указывается, что мы не для себя однихъ проводимъ нашу христіанскую жизнь, но въ сообществѣ всѣхъ Святыхъ Божіихъ, которыхъ имена написаны въ книгѣ жизни и въ благодарной памяти Церкви на землѣ. Когда вѣрующіе собираются въ Домѣ Божіемъ, то сіи свидѣтели истины какъ бы бесѣдуютъ съ ними духовно и укрѣпляютъ ихъ въ вѣрѣ и надеждѣ. Конечно, это нѣкая нѣмая рѣчь, вложенная въ камень или изображеніе. Но это не мѣшаетъ намъ видѣть ихъ лицомъ къ лицу и внимать ихъ бесѣдѣ. Не въ томъ ли именно и будетъ состоять существенная часть нашего будущаго блаженства въ вѣчной жизни, чтобы имѣть общеніе со всѣми великими избранниками Царства Божія и обмѣнъ мыслей со всѣми блаженными мужами и блаженными женами, выше которыхъ никогда не видѣлъ міръ? Какая будетъ тогда полнота духа и жизни, услады души и блаженной радости!

Но и теперь еще мы можемъ восходить на высоту и духомъ зрѣть и слышать ихъ. Они и теперь еще обращаютъ свою рѣчь къ душамъ нашимъ въ ихъ словахъ, въ которыя они вложили жизнь своей души.

Они говорятъ къ намъ въ словѣ Апостоловъ и Пророковъ, въ писаніяхъ, молитвахъ и пѣснопѣніяхъ церковныхъ. И каждое церковное богослуженіе, особенно же литургія, представляетъ собою живое свидѣтельство о нихъ. Мы слишкомъ много читаемъ и слишкомъ много слушаемъ изъ того, что относится къ нашей обыденной жизни. Но, если мы читаемъ и слушаемъ то, что день приноситъ и быстро предаетъ уничтоженію и забвенію, то не должны ли мы тѣмъ болѣе внимать тому, что говоритъ къ нашимъ душамъ и можетъ устремлять ихъ изъ міра преходящаго въ вѣчность Божію.

Возведши же очи свои, никого же видѣша, токмо Іисуса единаго. Это четвертое. Всѣ они свидѣтели о Немъ; всѣ они указываютъ только на Него; всѣ они постоянно говорятъ намъ только о Немъ. Свое сіяніе они отъ Него заимствуютъ. И Его Одного мы должны искать въ нихъ. Писанія Апостоловъ и Пророковъ говорятъ о Немъ. Его прославляетъ

молитва и пѣснь церковная. Онъ Единый нашъ истинный Учитель и Господь. Его Единаго должны мы искать, къ Нему Единому стремиться и Его Единаго держаться. Онъ долженъ быть нашею радостію, утѣшеніемъ и любовію. Къ Нему должны устремляться наши мысли и изъ сего нескуднаго источника должны мы почерпать нужныя познанія; ибо въ Немъ сокрыта та тайна, которая обнимаетъ небо и землю, разрѣшаетъ загадку жизни, обращаетъ мракъ въ свѣтъ, страданіе въ блаженную радость и укрѣпляетъ насъ въ нашемъ дольнемъ странствованіи и трудѣ.

Только черезъ Него праведники просвѣтятся, яко солнце. Только Онъ можетъ убѣлить одѣяніе души нашей. Итакъ, въ Немъ, во Христѣ — тайна нашего преображенія, которое составляетъ задачу, конечную цѣль каждой человѣческой жизни. Жизнь со Христомъ дѣлаетъ человѣка подобнымъ Христу, то есть истиннымъ христіаниномъ.

Такъ было въ жизни ап. Павла. Такъ было и во время земной жизни Христа съ апостолами. Нѣсколько самыхъ простыхъ, неразвитыхъ и необразованныхъ людей были допущены въ тѣсный кругъ друзей Его. Съ первыхъ же дней общенія съ Нимъ началось преображеніе ихъ. Затѣмъ, день ото дня все болѣе и болѣе совершенствуются апостолы. Они начинаютъ, незамѣтно для самихъ себя, поступать и говорить такъ, какъ никогда прежде не поступали и не говорили; постепенно все существо ихъ смягчается, побѣждается, освящается. Ихъ обращеніе стало мягче, ихъ слова стали болѣе кротки, они стали менѣе себялюбивы. Они не знаютъ, какъ это совершилось, но они несомнѣнно сдѣлались другими людьми. И пришло наконецъ время, когда они стали подобны своему Учителю.—Они были со Христомъ и въ ихъ душахъ отражались свойства души Христа! Умилительно говорятъ о вліяніи Христа сами апостолы и особенно Іоаннъ, самый близкій къ Нему. Іоанну казалось совершенно невозможнымъ, чтобы кто нибудь, бывъ подъ этимъ вліяніемъ, опять впалъ въ прежнее состояніе. *Всякій пребывающій въ Немъ не согрѣшаетъ*, (1 Іоан. III, 6,). Непостижимо, чтобы онъ продолжалъ

не можетъ ледъ оставаться льдомъ подъ палящимъ солнцемъ, какъ мракъ и свѣтъ не могутъ быть въ одно время, такъ немыслимо и это. Если кто-нибудь грѣшилъ, это было ясное доказательство для Іоанна, что онъ не видѣлъ Христа. *Всякій согрѣшающій*, восклицаетъ онъ, *не видѣлъ Его и не позналъ Его* (1 Іоан. III, 6). Въ Его присутствіи грѣхъ пристыженъ, смущенъ, сами корни грѣха вянутъ, власть и господство грѣха уничтожаются.

Но апостоламъ легко было воспринимать вліяніе Христа потому, что они ежедневно и постоянно были съ Нимъ. А какъ можемъ мы отражать какъ бы въ зеркалѣ то, что мы не видѣли? Какъ можетъ это поразительное дѣйствіе быть произведено при одномъ воспоминаніи, по самому краткому жизнеописанію,— произведено Тѣмъ, Кто жилъ и оставилъ этотъ міръ болѣе, чѣмъ тысяча восемьсотъ лѣтъ назадъ? Какъ могутъ люди быть теперь постоянно со Христомъ, — отсутствующимъ Христомъ? — Могутъ, потому что общеніе это — духовное. Оно не зависитъ отъ тѣла, пространства и времени. И въ другѣ моемъ я люблю не то, что я вижу, на меня вліяетъ не тѣло его, а душа. Такъ и близость наша со Христомъ есть духовное общеніе. Любовь есть чисто духовное чувство. И Христосъ всего болѣе дѣйствовалъ на апостоловъ послѣ того, какъ Онъ вознесся.

Отраженіе въ насъ образа Христа не есть подражаніе, а нѣчто несравненно высшее. Подражаніе — какъ бы механическое дѣйствіе, отраженіе — какъ бы органическое. Въ первомъ человѣкъ приближается къ Богу и подражаетъ Ему; во второмъ, Богъ приближается къ человѣку и отпечатлѣваетъ Себя въ немъ. То и другое соединяетъ апостолъ и какъ бы говоритъ: „пусть Христосъ будетъ для васъ самымъ близкимъ Существомъ вашимъ! Будьте всегда и болѣе всего подъ Его вліяніемъ!“ И дѣйствительно, десять минутъ проведенныхъ съ Нимъ ежедневно, даже двѣ минуты, но только лицомъ къ лицу, отдаваясь Ему всей душей, измѣнятъ весь вашъ день. Пусть же Христосъ во всемъ направляетъ васъ! Положимъ, вы вчера получили какое-нибудь непріятное письмо. Вы садитесь и пишете моментально отвѣтъ, дышащій од-

нимъ гнѣвомъ,—выбираете самыя жестокія слова, которыя вамъ только извѣстны, и отсылаете этотъ безжалостный отвѣтъ безъ малѣйшаго раскаянія. Вы сдѣлали это потому, что въ эти минуты жизнь ваша была неправильно, дурно настроена. Вы плохо начали вашъ день, зеркало души вашей было невѣрно повернуто. Сегодня поверните его къ Лицу Христа, и — выраженіе вашего лица измѣнится, даже по отношенію къ вашему врагу. Вы уже не сдѣлаете такого поступка, — вы не въ состояніе его сдѣлать; вы не можете писать такъ, потому что вы не захотите мстить, — великое христіанское чувство овладѣло сердцемъ вашимъ и ко всему вы будете относиться иначе. Вчера вы больше всего думали о себѣ. Сегодня вы встрѣтите бѣдныхъ и накормите ихъ. Безпомощные, удрученные горемъ будутъ окружать васъ, и вы каждому будете помогать, чего не сдѣлали бы вчера. Гдѣ же были всѣ эти люди вчера? Тамъ, гдѣ они сегодня, но вы не видѣли ихъ. То, что вы не видѣли, стало видимымъ при свѣтѣ отразившагося въ зеркалѣ души вашей образа Христа. Это часы, когда вы живете вѣчною жизнію. Вѣчная жизнь, — жизнь вѣры, есть собственно жизнь высшаго видѣнія. Вѣра есть какъ бы извѣстнаго рода положеніе души, когда зеркало ея правильно поставлено.

Когда пройдетъ этотъ день и вечеромъ вы будете обдумывать ваши поступки, вы будете поражены, какъ вы все это сдѣлали. Вы сознаете, что вы ни къ чему особенному не стремились, не подражали никому, не боролись даже съ собой; но вы сознаете, что Христосъ былъ съ вами и потому совершилось преобразованіе ваше. — Вы отразили въ себѣ *славу Господню*!

Слѣдуйте же въ вашей жизни за Христомъ, живите въ Его духѣ, какъ бы въ Его присутствіи! Если вы не можете постоянно чувствовать непосредственное вліяніе Его жизни на вашу, помните, что „вся земля полна славы Господа“. Христосъ есть Свѣтъ міра, и черезъ многое, существующее въ мірѣ, отражается Его свѣтъ. Христосъ свѣтитъ черезъ природу, чрезъ людей, чрезъ книги, чрезъ исторію, даже музык
Ищите Его вездѣ и вы будете постепенно *преображаться от*

Не смущайтесь медленностію духовнаго роста. — Всякая основательная работа медленна; всякое истинное развитіе совершается едва замѣтно. Чѣмъ выше строеніе, тѣмъ продолжительнѣе постройка. Когда ученый окидываетъ взглядомъ различный всходъ жизни, онъ видитъ, что низшія формы живыхъ существъ развиваются въ какой-нибудь часъ, слѣдующія вырастаютъ въ день; другія высшія формы требуютъ недѣли или мѣсяцы для достиженія полнаго роста, а самыя высшія требуютъ долгіе годы для совершеннаго развитія. Если ребенокъ и обезьяна родятся въ одинъ день, послѣдняя достигнетъ полнаго обладанія своими способностями и будетъ исполнять все свое жизненное дѣло, прежде чѣмъ ребенокъ оставитъ свою колыбель. Земная жизнь человѣка есть колыбель вѣчности. Какъ медленно развивается человѣкъ въ сравненіи съ животнымъ, такъ же медленно развивается духовный человѣкъ въ сравненіи съ естественнымъ. Фундаментъ для вѣчной жизни долженъ быть прочно положенъ. Характеръ основывается навсегда; кто же способенъ удивляться или роптать, что онъ не можетъ развиться въ одинъ день?

Нетерпѣливо наблюдая за духовнымъ развитіемъ, можно даже останавливать ростъ. Фотографъ печатаетъ съ негатива только тогда, когда негативъ обращенъ къ солнцу. Когда же онъ хочетъ посмотрѣть какъ подвигается дѣло, онъ собственно останавливаетъ ходъ дѣла. Созданіе новаго сердца, обновленіе духа есть всемогущее дѣло Бога. Предоставьте же это Создателю! — „Начавшій созидать въ васъ благое, будетъ совершать это даже до того дня“ (Филип. I. 6).

Тѣмъ не менѣе всякій, кто чувствуетъ значеніе и важность этого созиданія, будетъ заботиться объ успѣхѣ его. Дѣлаться подобнымъ Христу есть единственное въ мірѣ, о чемъ особенно стоитъ заботиться и безъ чего всякое человѣческое стремленіе является безуміемъ. Только тѣ могутъ надѣяться достигнуть этого, которые вполнѣ прониклись этимъ, которые отдались этому всѣмъ существомъ своимъ, для которыхъ это стало высшимъ желаніемъ ихъ жизни. Религія, состоящая изъ обожанія безъ усилій, можетъ быть религіей для ангела, но для человѣка никогда. Не въ созерцаніи, но въ дѣятельности заключается истинная

вѣра; не въ восторженности, но въ подвигахъ истинная жизнь; не въ вѣнцѣ идеаловъ, но среди всего существующаго, дѣйствительнаго созидается освященіе человѣка. Въ чемъ же заключается эта дѣятельность? Въ возбужденіи души, въ приготовленіи и направленіи ея къ тому, чтобы духовныя силы воздѣйствовали на нее. Необходимо сосредоточить всю силу воли на томъ, чтобы сохранить поверхность зеркала всегда чистою и всегда въ должномъ положеніи. Необходимо открывать лицо, чтобы смотрѣть на Христа и закрывать его, когда приближается къ нему что-нибудь омрачающее его. Вы можетъ быть когда-нибудь наблюдали, какъ астрономъ снимаетъ фотографію со спектра звѣзды. Вошедши въ темный сводъ обсерваторіи, вы видѣли, что онъ прежде всего зажегъ свѣчу. Чтобы смотрѣть на звѣзду? Нѣтъ, для того, чтобы видѣть, какъ приладить инструментъ для наблюденія звѣзды. Долго работалъ онъ въ тускломъ свѣтѣ, исправляя трубы, полируя стекла и прилаживая рефлекторы, и только послѣ долгого труда отличный инструментъ былъ направленъ. Тогда онъ погасилъ свѣчу и предоставилъ звѣздѣ одной исполнить свое дѣло. Каждый день долженъ христіанинъ приготовлять и направлять свою душу, при свѣтѣ вѣры и надежды, — молитвою, размышленіемъ и проч. Телескопъ на обсерваторіи слѣдуетъ за звѣздой посредствомъ часоваго механизма, а для души часовой механизмъ — воля. Пока душа отражаетъ образъ Господній, воля въ напряженной дѣятельности поддерживаетъ зеркало въ такомъ положеніи, чтобы стремительное движеніе міра не унесло его вдаль, отъ линіи видѣнія. Это держаніе зеркала именно противъ Того, Кого отражаютъ, это постоянное направленіе къ Нему силъ душевныхъ, даже въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, среди скорби и страданій, есть содѣйствующій дѣлу Христа трудъ воли. — Это трудъ человѣка въ дѣлѣ Христа.

Въ галереѣ изящныхъ искусствъ въ Парижѣ стоитъ знаменитая статуя. Это была послѣдняя работа великаго генія, который, какъ многіе геніи, былъ очень бѣденъ и жилъ на чердакѣ. Когда статуя была совсѣмъ окончена, въ полночь внезапно появился въ Парижѣ

морозъ. Скульпторъ не могъ заснуть отъ тревоги въ нетопленной комнатѣ, онъ думалъ о глинѣ, еще мокрой, о томъ какъ вода замерзнетъ въ порахъ и въ часъ разрушитъ мечту его жизни. И старикъ всталъ съ постели и благоговѣйно обернулъ свой трудъ одѣяломъ. Утромъ, когда сосѣди взошли въ комнату, скульпторъ былъ уже мертвый. Но статуя была цѣла.

„Отраженіе въ насъ образа Христа“ должно быть единственной заботой всей жизни. Пусть всѣ другія заботы отлагаются ради этой. „Пока не вообразится въ душѣ Христосъ“ (Галат. IV, 19), трудъ христіанина не оконченъ, жизнь не достигла своей цѣли.

Первый исповѣдникъ.

Есть много такихъ людей, которые всю жизнь собираются посвятить себя служенію Богу и сдѣлаться учениками Господа Іисуса Христа, но тѣмъ не менѣе никогда ими не дѣлаются. За однимъ шагомъ впередъ у нихъ обыкновенно слѣдуютъ два шага назадъ. Причина этого состоитъ въ томъ, что слѣдовать за Господомъ имъ стоитъ слишкомъ большихъ жертвъ; многіе согласились бы служить Христу, но съ условіемъ, чтобы служеніе ничего имъ не стоило.

Въ наше время міръ ищетъ создать себѣ религію безъ Христа. Къ церкви Христовой присоединялось бы несравненно болѣе людей, если-бъ они могли избѣгнуть самоотверженія и креста, т. е. страданія и отреченія, неразлучныхъ съ христіанствомъ. Никто не можетъ быть ученикомъ Господа, если не отречется отъ самого себя, не возьметъ ежедневно на себя крестъ свой и не послѣдуетъ за Господомъ. Каждый можетъ считать себя христіаниномъ, но быть послѣдователемъ Христа,— это совсѣмъ другое дѣло. Ученикъ есть тотъ, кто учится у Учителя и беретъ съ Него примѣръ во всѣхъ случаяхъ жизни.

Я хочу обратить ваше вниманіе на одного замѣчательнаго человѣка. Онъ жилъ въ Іерусалимѣ во время земной жизни Господа Іисуса. Имя его осталось неизвѣстнымъ въ исторіи. Онъ былъ нищимъ и слѣпорожденнымъ. Въ Евангеліи Іоанна этому нищему отведено гораздо болѣе мѣста, чѣмъ кому-либо другому. Причина, по которой такъ много о немъ говорится, состоитъ въ томъ, что онъ защищалъ Іисуса передъ фарисеями.

Пожалуй, скажутъ, что нищему терять нечего, а потому и легче, чѣмъ богатому, безбоязненно стоять за истину. Но мало ли какіе недостатки могутъ быть общими у богатыхъ и бѣдныхъ, напр., гордость: развѣ нищій не можетъ имѣть столько же гордости, какъ и милліонеръ? Существуетъ совершенно ложное понятіе, будто гордость встрѣчается только въ высшихъ классахъ. Вы встрѣтите ее въ грязныхъ закоулкахъ и роскошныхъ паркахъ; вы увидите ребятишекъ оборванныхъ, босоногихъ, наряженныхъ въ ожерельяхъ изъ стружекъ и важно выступающихъ въ нихъ, будто щеголяютъ въ золотыхъ монистахъ. Гордость рождается и растетъ въ сердцѣ человѣка; ее не насаждаютъ, она сама вырастаетъ. Гордость столько же находится у бѣдняковъ, какъ и среди богатыхъ, и въ ней заключается причина, почему никто изъ гордыхъ не соглашается открыто исповѣдывать и слѣдовать за Христомъ: потому что они боятся быть осмѣяны и оскорблены. Слѣдовать за Господомъ имъ стоитъ слишкомъ дорого: оно лишаетъ ихъ возможности поклоняться самимъ себѣ.

Возьмемъ Евангеліе отъ Іоанна, гл. IX-ю. Разсказъ начинается съ пятаго стиха. Въ предыдущей главѣ Христосъ говорилъ народу: „Я свѣтъ міру, кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“. Выражая нравственную вѣчную истину, Христосъ часто подтверждалъ ее, совершая надъ больнымъ тѣломъ аналогическія по отношенію къ этой истинѣ чудеса. Господь учитъ, что Онъ есть Свѣтъ міра въ смыслѣ духовномъ и становится свѣтомъ для зрѣнія тѣлеснаго, отверзая очи слѣпымъ, учитъ, что Онъ есть „воскресеніе“ и „жизнь“ міра и вмѣстѣ съ тѣмъ оживляетъ и воскрешаетъ

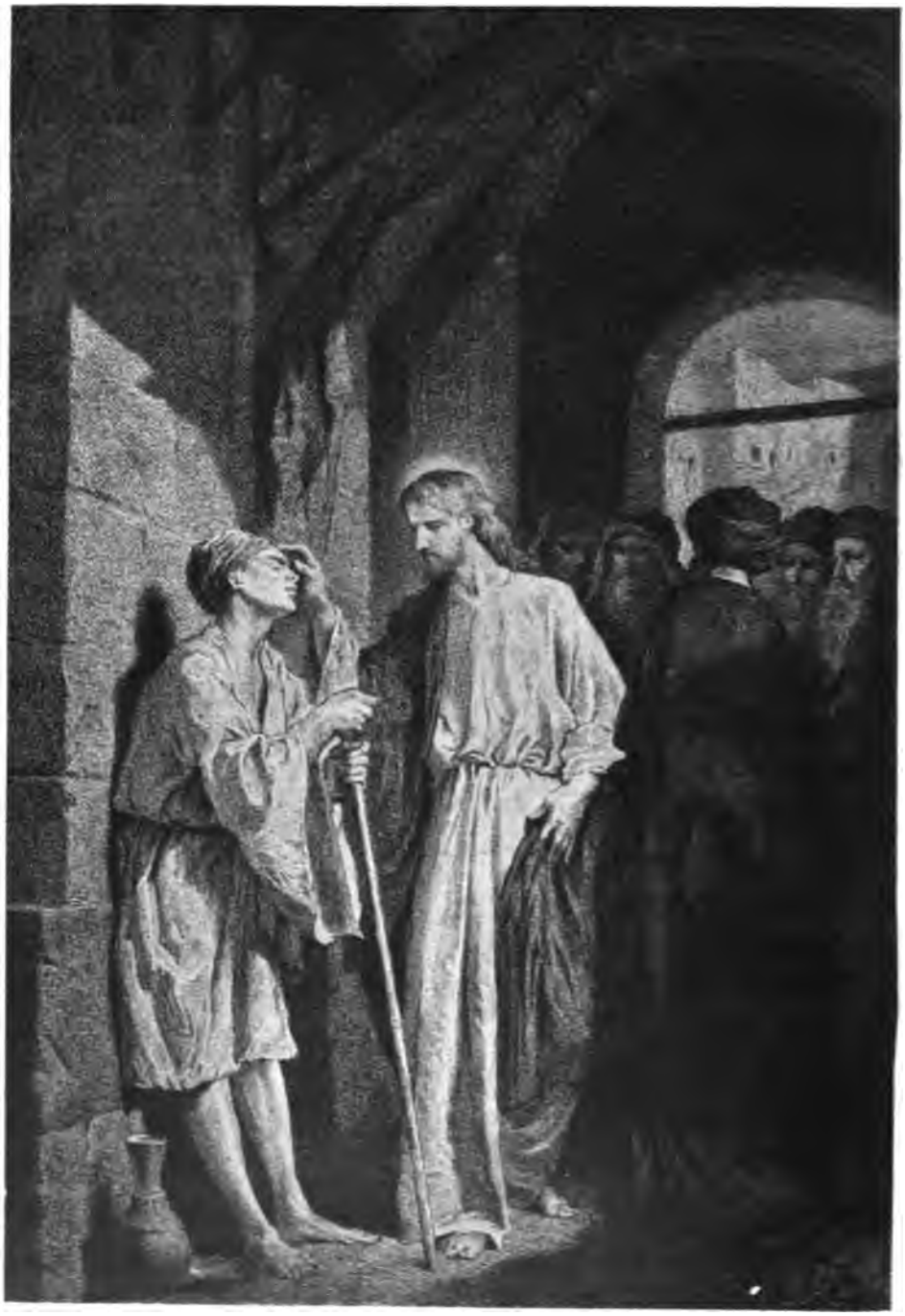
мертвыхъ тѣломъ. Такъ, въ Виѳаніи Господь вызвалъ изъ гроба и воскресилъ Лазаря. Какъ только Лазарь услышалъ голосъ Друга своего, взывающій: „Лазарь, иди вонъ!“ — умершій немедленно ожилъ и вышелъ изъ гроба.

Сынъ Божій, снисходя къ нашей немощи, не требуетъ, чтобы люди вѣровали въ Него безъ всякихъ основаній для вѣры. Мы это должны хорошо понимать. Нельзя требовать, чтобы человѣкъ видѣлъ, не имѣя органовъ зрѣнія или оставаясь во мракѣ; также невозможно и вѣровать, не имѣя никакихъ доказательствъ для истины этой вѣры. „Когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте *дѣламъ* Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ“ (Іоан. X, 38. Іоан. XIV, 11). Господь не только училъ людей, что Онъ имѣетъ всякую власть на землѣ, но и доказывалъ ее своими дѣлами.

Нищій, о которомъ упоминается въ этой главѣ, былъ слѣпорожденный, и мы находимъ учениковъ Господа вопрошающими: „Равви, кто согрѣшилъ, онъ, или родители его, что родился слѣпымъ?“ Іисусъ отвѣчалъ: „Не согрѣшилъ ни онъ, ни родители его, но это для того, чтобы на немъ явились дѣла Божіи“. Сказавъ это, Онъ плюнулъ на землю, сдѣлалъ броніе изъ плюновенія и помазалъ броніемъ глаза слѣпому и сказалъ ему: „Пойди и умойся въ купальнѣ Силоамъ“ (что значитъ посланный). Онъ пошелъ и умылся, и пришелъ зрячимъ“.

Замѣтьте, что этотъ человѣкъ буквально исполнилъ все, что Христосъ сказалъ ему. Приказаніе Спасителя состояло въ томъ, чтобы пойти въ Силоамскую купель и умыться въ ней, и „онъ пошелъ и умылся, и пришелъ зрячимъ“. Благодать исцѣленія онъ получилъ во время исполненія приказанія Господа.

Если бы кто встрѣтился съ нимъ по дорогѣ къ купели, когда онъ шелъ съ броніемъ на глазахъ, вѣроятно, его спросили бы: „Какъ ты себя чувствуешь? Какъ тебѣ кажется, прозрѣлъ ли ты?“ И вѣроятно онъ отвѣтилъ бы: „Нѣтъ, я не чувствую, что я прозрѣлъ; мнѣ нисколько не лучше, чѣмъ до того, какъ я встрѣтился съ Пророкомъ“. И дѣйствительно, когда онъ шелъ по дорогѣ къ купели, его окружалъ



Исцѣленіе слѣпорожденнаго.

тотъ же мракъ, ему не было лучше, но онъ исполнилъ въ точности повелѣнія Того, Котораго почиталъ за Пророка и послѣдствіемъ послушанія явилось его прозрѣніе. Если бы на возвратномъ пути отъ купели кто нибудь спросилъ его, что онъ чувствуетъ, то, конечно, онъ съ радостію воскликнулъ бы: „Я вижу!“

Многочисленные опыты въ жизни Церкви доказываютъ, что Богъ проявляетъ силу Свою безконечно разнообразно. Изъ всѣхъ слѣпыхъ, исцѣленныхъ Христомъ во время земной жизни Его, нѣтъ и двухъ, исцѣленныхъ одинаковымъ образомъ. Іисусъ, встрѣтивъ слѣпого Вартимея у воротъ Іерихона, подозвалъ его къ себѣ и сказалъ: „Чего ты хочешь отъ Меня?“ Онъ сказалъ: „Господи, чтобы мнѣ прозрѣть!“ Теперь посмотримъ, какъ Господь поступилъ. Онъ не послалъ Вартимея въ Іерусалимъ за 20 миль, къ Силоамской купели, чтобы умыться въ ней; Онъ не плюнулъ на землю, не сдѣлалъ бреніе и не помазалъ глаза его, а излѣчилъ его однимъ словомъ, сказавъ: „Иди, вѣра твоя спасла тебя“.

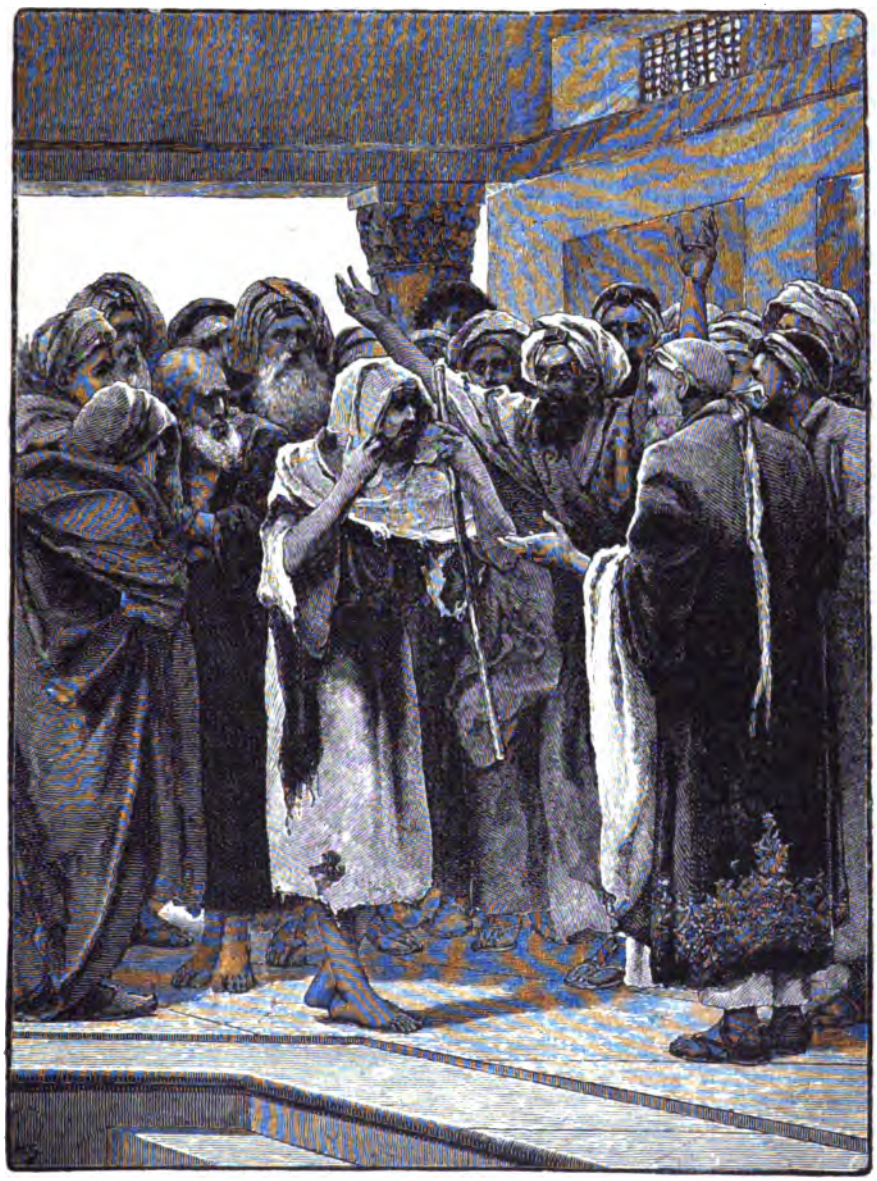
Предположимъ, что слѣпой нищій, вышедъ изъ Іерихона, встрѣтилъ другого слѣпого у воротъ Іерусалима и спросилъ его, какимъ образомъ онъ прозрѣлъ? И что они стали сравнивать совершенныя надъ ними чудесныя исцѣленія, передавая другъ другу, что и какъ съ ними произошло. Предположимъ также, что первый сказалъ: „я не вѣрю, что ты прозрѣлъ, потому что я получилъ зрѣніе совсѣмъ не такъ, не тѣмъ способомъ, какъ ты“. Неужели различные пріемы исцѣленія ихъ Іисусомъ Христомъ могутъ уменьшить значеніе самого факта? Между тѣмъ въ настоящее время многіе разсуждаютъ именно подобнымъ образомъ. Потому только, что Богъ поступаетъ съ каждымъ изъ насъ различно, иные думаютъ, что Богъ не вѣдаетъ о нихъ, или же не помогаетъ имъ. Пути Господни такъ многообразны, какъ многообразны творенія Его. Едва ли когда нибудь обращеніе къ Богу, не то что многихъ, но хотя бы двухъ людей, совершилось совершенно одинаковымъ образомъ. Каждый человѣкъ, соотвѣтственно состоянію и качествамъ души его, испытуется особыми путями. Господь отверзаетъ очи каждому по Своему собственному усмотрѣнію.

Тысячи людей остаются вдали отъ Христа, потому что они ожидаютъ непремѣнно пройти черезъ тѣ же опыты жизни, какъ ихъ друзья или близкіе. Но невозможно ставить свое обращеніе и покаяніе въ зависимость отъ того, что испытали другіе. Напримѣръ, читаютъ или разсказываютъ, что такой то, лѣтъ 20-ть тому назадъ, такимъ-то путемъ приведенъ былъ къ покаянію; и вотъ всѣ ожидаютъ, что и съ ними случится что нибудь подобное, чрезвычайное, что заставитъ ихъ отречься отъ міра и служить Христу. Такія разсужденія только задерживаютъ людей на пути спасенія. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что съ нами случится такое же чудо, какъ съ тѣми, о которыхъ мы читали или слышали. Мы должны обращаться къ Господу въ молитвѣ со смиреніемъ и исполнять во всемъ Его волю. Скажетъ ли Господь: „Пойди къ купели Силоамской и умойся въ ней," или: „Иди, вѣра твоя спасла тебя" — мы должны предоставить Ему дѣйствовать съ нами, какъ Ему угодно. Такъ поступилъ слѣпой нищій. Способъ исцѣленія можетъ казаться намъ страннымъ, но таковъ былъ путь Господень. Съ нашей человѣческой точки зрѣнія казалось бы, что достаточно помазать глаза человѣка брeніемъ изъ плюновенія, чтобы онъ потерялъ зрѣніе. Повторяемъ: пути Божіи не наши пути. Не противиться Ему, въ силу нашихъ близорукихъ пониманій, но всецѣло предаться Его волѣ, вотъ въ чемъ спасеніе наше. Намъ ли указывать пути всемогущему Богу? Можетъ ли глина сказать горшечнику: „Зачѣмъ ты придалъ мнѣ такой то видъ, а не другой?" Можетъ ли человѣкъ вопрошать Бога? Господь творитъ Свою святую волю и даетъ намъ Духа Святаго, когда и какъ хочетъ. Мы же должны быть готовы служить Ему и исполнять всѣ заповѣди Его, не допытываясь причинъ.

„Онъ пошелъ, умылся и пришелъ зрячимъ. Тутъ сосѣди и видѣвшіе прежде, что онъ былъ слѣпъ, говорили: „не тотъ ли это, который сидѣлъ и просилъ милостыни?" Иные говорили: „это онъ", а иные: „похожъ на него".

Если бы слѣпорожденный жилъ въ настоящее время и походилъ на многихъ современныхъ намъ людей, то едва ли онъ рѣшился бы

свидѣтельствовать о чудѣ, совершенномъ надъ нимъ. Вѣроятно, онъ разсуждалъ бы такъ: „Теперь я, слава Богу, вижу, мнѣ больше ничего



Разсказъ слѣпорожденнаго о своемъ прозрѣніи.

не надо, лучше буду молчать. Какая необходимость всѣмъ о себѣ разсказывать? Большинство людей противъ этого Человѣка-Іисуса, на Не

взводятъ множество обвиненій. Пожалуй, еще какъ начну свидѣтельствовать о Немъ, выйдутъ споры, да всякія непріятности. Нѣтъ, лучше буду молчать"...

Итакъ, иные говорили: „это онъ", а иные: „похожъ на него", онъ же говорилъ: „это я". Не только глаза его раскрылись, но радость о чудесномъ избавленіи отверзла и уста его для свидѣтельства. Когда милость Божія даетъ намъ прозрѣвать, то первымъ святымъ дѣломъ каждаго должно быть: воздать хвалу и свидѣтельствовать о Господѣ Спасителѣ нашемъ.

„Тогда спрашивали у него: какъ открылись у тебя глаза?" Онъ сказалъ въ отвѣтъ: „человѣкъ, называемый Іисусъ, сдѣлалъ бреніе, помазалъ глаза мои и сказалъ мнѣ: пойди на купальню Силоамъ и умойся. Я пошелъ, умылся и прозрѣлъ".

Просто и чистосердечно разсказалъ онъ все, что съ нимъ случилось и что сдѣлалъ для него Господь, — безъ всякихъ поясненій съ своей стороны. Такъ долженъ поступать всякій, призванный свидѣтельствовать: онъ обязанъ говорить, что знаетъ, не распространяясь о томъ, что ему неизвѣстно. Прозрѣвшій не старался рисоваться, обратить на себя общее вниманіе, или говорить много и краснорѣчиво; не всегда самый многорѣчивый свидѣтель имѣетъ наиболѣе вѣса на судѣ.

Свидѣтельство этого человѣка основано было на личномъ опытѣ. Въ наше время одна изъ главныхъ помѣхъ для успѣшнаго распространенія Евангелія между невѣрующими есть та, что вовсе не поощряютъ членовъ церкви свидѣтельствовать о благодати, получаемой ими. Храмы полны молящимися и получающими все, что церковь можетъ предлагать членамъ своимъ для преуспѣянія къ царству Божіему, для полученія даровъ благодати, излѣченія, обученія, утѣшенія, но никогда намъ не приходится слышать свидѣтельства о полученіи благодати и милостей свыше, ниспосылаемыхъ на нихъ Господомъ.

Если бы чаще были извѣстны случаи услышанія молитвъ, исцѣленій, обращеній, то всѣмъ намъ, членамъ Церкви, они послужили бы на пользу: возбуждалась и укрѣплялась бы вѣра, поддерживалась бодрость духа и крѣпла бы любовь къ Богу.

Мы знаемъ, что явленіе Господа Іисуса Христа апостолу Павлу 3 раза разсказывается въ Дѣяніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Павелъ вездѣ и всѣмъ свидѣтельствовалъ о явленіи ему Христа, о томъ, какъ Господь отверзъ ему сердце и очи и какими щедротами духовными благословилъ его.

И въ настоящее время Господь много творитъ чудесъ, но недовѣрчивое отношеніе къ чудесному приводитъ насъ къ прискорбной ошибкѣ. Люди всегда впадаютъ въ крайность. Въ прежнія времена, благодаря суевѣрію, все безъ разбора приписывалось чудесному, теперь же, наоборотъ, мы черезъ-чуръ уклоняемся въ противоположную сторону и чудеснаго нигдѣ признавать не хотимъ.

Я считаю не только справедливымъ, но и необходимымъ для пользы всѣхъ членовъ Церкви свидѣтельствовать о получаемой нами благодати и о совершающихся надъ нами знаменіяхъ.

Итакъ, этотъ человѣкъ засвидѣтельствовалъ о томъ, что Господь совершилъ надъ нимъ.

„А была суббота, когда Іисусъ сдѣлалъ бреніе и отверзъ ему очи. Спросили его также и фарисеи, какъ онъ прозрѣлъ. Онъ сказалъ имъ: бреніе положилъ Онъ на мои глаза, и я умылся, и вижу. Тогда нѣкоторые изъ фарисеевъ говорили: не отъ Бога этотъ человѣкъ, потому что не хранитъ субботы. Другіе говорили: какъ можетъ человѣкъ грѣшный творить такія чудеса? И была между ними распря".

„Опять говорятъ слѣпому: ты что скажешь о Немъ, потому что Онъ отверзъ тебѣ очи?"

„Ему представился удобный случай, чтобы отклонить всевозможные вопросы! Онъ могъ сказать: „я Его никогда не видалъ. Когда я встрѣтилъ Его, я былъ слѣпъ, а потому не могъ видѣть Его. Когда я вернулся, — я не нашелъ Его, и не имѣю о Немъ никакого понятія. Ему, конечно, легко было подобнымъ образомъ отдѣлаться отъ вопрошающихъ, но онъ сказалъ: „Это Пророкъ". Твердо и ясно выразилъ онъ свое мнѣніе. Смѣлый, правдивый, обладающій нравственнымъ мужествомъ, — вотъ какимъ представляется намъ этотъ слѣпой нищій. Ф:

рисеи и враги Христа не могли поколебать его и онъ прямо сказалъ имъ то, что думалъ: „Это Пророкъ“.

Когда люди, отрекшіеся отъ жизни во грѣхѣ, получившіе тайную благодать покаянія, свидѣтельствуютъ о Господѣ, то свидѣтельство ихъ всегда приноситъ много пользы. Но, къ сожалѣнію, они большею частію говорятъ о себѣ, все „я“ да „я“, и тогда, напротивъ, свидѣтельство ихъ остается безплоднымъ. Нищій же этотъ сталъ свидѣтельствовать не о себѣ, но о Томъ, Кто спасъ его, говоря: „Это Пророкъ“. Увѣровавъ въ Него, онъ сказалъ имъ прямо, что почитаетъ Его за пророка.

„Тогда Іудеи не повѣрили, что онъ былъ слѣпъ и прозрѣлъ, доколѣ не призвали родителей сего прозрѣвшаго. И спросили ихъ: „это ли сынъ вашъ, о которомъ вы говорите, что родился слѣпымъ? Какъ же онъ теперь видитъ?“ Родители его сказали имъ въ отвѣтъ: „мы знаемъ, что это сынъ нашъ, и что онъ родился слѣпымъ; а какъ теперь видитъ, не знаемъ, или кто отверзъ ему очи, мы не знаемъ. Самъ въ совершенныхъ лѣтахъ; самого спросите; пусть самъ о себѣ скажетъ“. Такъ отвѣчали родители его, потому, что боялись іудеевъ, ибо іудеи сговорились уже, чтобы, кто признаетъ Его за Христа, того отлучать отъ синагоги. Потому то родители его и сказали: „онъ въ совершенныхъ лѣтахъ, самого спросите“.

Я всегда чувствовалъ большое презрѣніе къ родителямъ этого человѣка. Они не были достойны имѣть такого честнаго сына, если не находили въ себѣ достаточно мужества, чтобы признать въ Іисусѣ Того, Кто даровалъ ему зрѣніе. Они сказали: „мы не знаемъ, кто отверзъ ему очи“. Какъ будто они и сыну не вѣрили. „Онъ въ совершенныхъ лѣтахъ, — самого спросите“.

Весьма печальная истина, что и въ настоящее время сотни и тысячи людей, считающіе себя послѣдователями Іисуса Христа, умалчиваютъ или отрекаются отъ Него въ то самое время, когда имъ слѣдовало бы выказать твердость духа, открыто признать Христа и свидѣтельствовать о Немъ. Истинные ученики Христа всегда открыто исповѣдывали Его и твердо становились въ ряды Его послѣдователей. Ро-

дители слѣпорожденнаго имѣли случай признать предъ фарисеями, что Господь Іисусъ исцѣлилъ ихъ сына и, такимъ образомъ, прославить Христа на землѣ, но они пренебрегли этимъ драгоцѣннымъ случаемъ. Еслибъ они вмѣстѣ съ сыномъ свидѣтельствовали и сказали: „это нашъ слѣпорожденный сынъ; мы обращались ко всѣмъ докторамъ и прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, бывшимъ въ нашей власти, но не могли ничего сдѣлать для него, — все было напрасно; теперь же съ благодарностью удостовѣряемъ, что онъ получилъ зрѣніе отъ Пророка Галилейскаго, Іисуса изъ Назарета," — дѣйствуя такъ, они, конечно, многихъ обратили бы къ вѣрѣ въ Него. Но вмѣсто этого они сказали: „мы знаемъ, что это сынъ нашъ и что онъ родился слѣпымъ, а какъ теперь видитъ, не знаемъ". Но почему же они не хотѣли сказать, благодаря Кому сынъ ихъ получилъ исцѣленіе? Просто потому, что это свидѣтельство могло имъ стоить слишкомъ дорого. Они олицетворяютъ собою тѣхъ людей, которые готовы отречься отъ Христа, какъ только имъ предстоитъ Его ради терпѣть какое-либо лишеніе, обиду; если имъ приходится отказаться отъ общества, положенія или какихъ-нибудь мірскихъ утѣхъ, тогда они прячутся и не хотятъ открыто заявить своихъ убѣжденій.

Соображенія такого рода удерживаютъ сотни и тысячи людей сдѣлаться христіанами, поклонниками Бога въ духѣ и истинѣ и послѣдователями Христа. „Такъ отвѣчали родители, потому что боялись іудеевъ, ибо іудеи сговорились уже, чтобы, кто признаетъ Его за Христа, того отлучать отъ синагоги".

Въ то время считалось весьма тяжкимъ быть отлученнымъ отъ синагоги; такой человѣкъ изгонялся изъ общества, лишался правъ и положенія, и раззорялся, потому что торговля и профессія его страдали вслѣдствіе такого приговора.

Но слѣпой все взвѣсилъ. Онъ какъ-будто разсуждалъ такъ: „если общество отвергаетъ меня ради Іисуса, то я у[illegible]ества. Если придется терпѣть преслѣдованіе и выносить [illegible] и на это готовъ".

И вотъ онъ сталъ защищать Іисуса. Но родители его увѣщали, что нести такія послѣдствія для нихъ будетъ слишкомъ тяжело, и они отреклись. Благодарность за то, что Господь сдѣлалъ для ихъ сына, должна бы, кажется, внушить имъ желаніе стать въ ряды послѣдователей Христа и сказать: „мы понесемъ также крестъ вмѣстѣ съ нашимъ сыномъ; мы исповѣдуемъ Христа вмѣстѣ съ нимъ." а вмѣсто этого они сказали: „онъ въ совершенныхъ лѣтахъ, самого спросите".

„Итакъ вторично призвали человѣка, который былъ слѣпъ, и сказали ему: воздай славу Богу, мы знаемъ, что Человѣкъ Тотъ грѣшникъ".

Они какъ бы хотѣли внушить сомнѣніе въ Его святости, возстановить его противъ Христа, но „онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: грѣшникъ ли Онъ, не знаю; одно знаю, что я былъ слѣпъ, а теперь вижу".

Среди невѣрующихъ ученыхъ, книжниковъ и фарисеевъ не нашлось никого, кто могъ бы разубѣдить его въ вѣрѣ его. Всѣ жители города Іерусалима, вмѣстѣ взятые, не могли бы разубѣдить его въ томъ, что глаза его отверзлись: развѣ онъ не зналъ, что, въ продолженіе 20 лѣтъ, онъ только ощупью находилъ дорогу въ Іерусалимъ, что его водили дѣти и друзья, и что, въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ, онъ не видѣлъ ни свѣта солнца, ни чудной красоты природы. Развѣ онъ не зналъ, что до самой минуты, когда насталъ для него день, онъ всю жизнь свою проводилъ во мракѣ?

А мы? Развѣ мы не знаемъ, что черезъ вѣру во Христа мы становимся дѣтьми Божіими и что мы прозрѣли духовно? Не знаемъ мы развѣ, что старое все прошло, что все стало новымъ, что вѣчный свѣтъ освѣтилъ души наши? Развѣ мы не знаемъ, что цѣпи, которыми мы скованы были, — распались, что тьма исчезла и возсіялъ для насъ Свѣтъ вѣчной жизни. Вмѣсто прежняго рабства развѣ мы не получили свободу дѣтей Божіихъ во Христѣ Іисусѣ? Развѣ мы всего этого не знаемъ, не чувствуемъ, не сознаемъ. А если такъ, то мы не можемъ не свидѣтельствовать о Христѣ и Спасителѣ нашемъ. Скажемъ такъ, какъ слѣпой сказалъ въ Іерусалимѣ: „одно знаю, что я былъ слѣпъ, а теперь вижу". Я получилъ новую силу, новый свѣтъ, новую любовь, — я сталъ новою

тварью; силою Духа Святаго я могу возноситься молитвенно къ Богу, вѣрою созерцаю славу Его, и современемъ, когда окончится мой земной путь, тогда и я услышу голосъ Господа моего, призывающаго къ Себѣ раба Своего.

Искупленіе, освобожденіе наше было тайной для насъ прежде, но Христосъ открылъ намъ очи и мы прозрѣли; какъ же намъ не исповѣдывать Его и не свидѣтельствовать о Немъ?

„Снова спросили его: что сдѣлалъ Онъ съ тобою, какъ отверзъ твои очи? Отвѣчалъ имъ: я уже сказалъ вамъ и вы не слушали; что еще хотите слышать? или вы хотите сдѣлаться его учениками?“

Нищій этотъ былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенный: въ первый же день своего прозрѣнія и вѣры онъ уже старается обратить ко Христу фарисеевъ,—людей, которые около трехъ лѣтъ гнали Христа и боролись противъ Него. Онъ спрашивалъ ихъ, не хотятъ ли они сдѣлаться учениками Христа, онъ готовъ разсказывать о совершившемся надъ нимъ чудѣ всѣмъ, кто только не отказывался слушать его. Если бы онъ съ самого начала скрылъ случившееся съ нимъ, онъ не имѣлъ бы случая свидѣтельствовать такъ сильно передъ фарисеями и не увлекалъ бы за собою другихъ примѣромъ своимъ. Онъ не былъ рабомъ лукавымъ и нерадивымъ, но вѣрнымъ рабомъ и уста его оставались открытыми для свидѣтельства.

Обыкновенное печальное явленіе въ жизни Церкви есть то, что члены ея — нѣмые, что они безгласны, безсловесны для прославленія, благодаренія, исповѣданія вѣры своей. Нѣтъ родителей, которые не считали бы большимъ несчастіемъ для себя и ребенка, если онъ рождается нѣмымъ; нѣтъ предѣла ихъ горю и плачу, и, конечно, они правы; но подумалъ ли кто о множествѣ нѣмыхъ дѣтей Церкви Божіей? Всѣ церкви наполнены ими; сыны эти никогда не говорятъ о Христѣ, никогда не свидѣтельствуютъ о Немъ. Это не значитъ, что они не могутъ говорить: они говорятъ много обо всемъ [illegible]икѣ, наукахъ, искусствахъ, модахъ, новостяхъ дня, ска[illegible]д. Но нѣтъ у нихъ голоса для прославленія Сына [illegible]

ожидаетъ отъ насъ, чтобы мы исповѣдывали Его: „Кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того исповѣдаю и Я предъ отцемъ Моимъ небеснымъ".

Итакъ, всѣ истинные послѣдователи Христа должны свидѣтельствовать о Немъ. Какъ часто представляются благопріятные случаи для исповѣдыванія вѣры нашей во Христа, любви къ Нему: въ обществѣ, среди семьи, сослуживцевъ, среди дѣлъ въ торговлѣ, на службѣ, все равно. Какъ много представляется случаевъ, въ которыхъ каждый христіанинъ могъ бы настоять, „во время и не во время," ратуя за Христа Спасителя и Его ученіе. Мы могли бы прославлять Имя Господне и свидѣтельствовать о Немъ ежедневно, во всѣ времена и при всѣхъ случайностяхъ нашей жизни. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы получаемъ отъ Господа благодать на благодать, и становимся средствомъ и для другихъ къ полученію неисчислимыхъ даровъ духовныхъ, какъ то: вѣры, покаянія, любви и т. д.

Слѣпорожденный хотѣлъ обратить ко Христу фарисеевъ, въ рукахъ которыхъ еще такъ недавно были камни, чтобы побить Іисуса, и сердце которыхъ исполнены были ненависти и желанія Его смерти.

„Они же укоряли его и сказали: ты ученикъ Его, а мы Моисеевы ученики. Мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ; Сего же не знаемъ, откуда Онъ".

Бывшій слѣпецъ могъ бы сказать: „Большинство противъ Него, я больше ничего не скажу; смолчу да потихоньку уйду". Но, слава Богу, онъ твердо стоялъ, напоминая мужествомъ своимъ Апостола Павла.

Человѣкъ прозрѣвшій сказалъ имъ въ отвѣтъ: „это и удивительно, что вы не знаете, откуда Онъ, а Онъ отверзъ мнѣ очи. Но мы знаемъ, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ, но кто чтитъ Бога и творитъ волю Его, того слушаетъ". Это была правовѣрная догматика и послужила прекрасною проповѣдью для тѣхъ, которые противились ученію Христа. „Если бы Онъ не былъ отъ Бога — не могъ бы творить ничего". Слова эти служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ вѣры этого человѣка въ личность Христа. Онъ какъ бы хотѣлъ сказать: „Мнѣ — слѣпорожден-

ному Онъ могъ даровать зрѣніе. Можетъ ли Онъ быть грѣшникомъ?“ Если бы Іисусъ былъ простымъ человѣкомъ, то какъ же Онъ могъ бы даровать зрѣніе слѣпому? Пусть ученые скептики отвѣтятъ на этотъ вопросъ. Нищій этотъ явился явнымъ доказательствомъ могущества Господа Іисуса Христа даровать зрѣніе слѣпымъ, — свидѣтельствуя, что онъ есть тотъ человѣкъ, который былъ слѣпъ, а теперь видитъ. Зрѣніе онъ получилъ такое же нормальное, не близорукое, не слабое, но хорошее, какимъ обладаетъ любой человѣкъ въ Іерусалимѣ, и, кто знаетъ, быть можетъ и лучшее. Всѣ могли, глядя на него, убѣдиться въ этой истинѣ и свидѣтельство его было внѣ всякаго сомнѣнія.

Послѣ этой блестящей исповѣди божественности и могущества Христа „они сказали ему въ отвѣтъ: въ грѣхахъ ты весь родился и ты ли насъ учишь? и выгнали его вонъ“. Они не могли ничего отвѣтить противъ его доводовъ, и имъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ выгналъ его вонъ. Тоже самое происходитъ и теперь. Если мы открыто и твердо исповѣдуемъ Христа въ мірѣ, то міръ исключитъ насъ изъ среды своей. Великое дѣло, такъ явно свидѣтельствовать о Христѣ, чтобы міръ возненавидѣлъ насъ! Великій подвигъ съ нашей стороны, если свидѣтельство наше о Христѣ навлечетъ на насъ гоненіе міра и онъ изгонитъ насъ изъ среды своей!

Посмотримъ теперь, что же произошло, когда фарисеи выгнали прозрѣвшаго. Въ слѣдующемъ стихѣ читаемъ, что Іисусъ услышалъ, что выгнали его. Не успѣли они прогнать нищаго, какъ Христосъ уже зналъ объ этомъ. Ни единая душа, отъ начала христіанства по наше время, гонимая міромъ, ради имени Христа, не осталась и не останется Господу неизвѣстной; такимъ душамъ Онъ говоритъ: „Радуйтесь и веселитесь: велика ваша награда на небесахъ“.

Итакъ „Іисусъ, услышавъ, что выгнали его вонъ и, нашедъ его, сказалъ ему: „ты вѣруешь ли въ Сына Божія?“ Онъ отвѣчалъ и сказалъ: „а кто Онъ, Господи, чтобы мнѣ вѣровать въ [illegible] сказалъ ему: „и видѣлъ ты Его, и Онъ говоритъ съ тобою сказалъ: „вѣрую, Господи!“ и поклонился Ему“.

Любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу. Такъ и въ этомъ случаѣ. Невольно злоба мірская, вытолкавъ нищаго, привела его къ ногамъ Христа, къ вѣрѣ въ Него, уже не какъ въ Пророка, но какъ въ Сына Божія! — Придетъ время и мы увидимъ этого прозрѣвшаго нищаго въ Царствіи Божіемъ. Какъ звукъ гигантскаго колокола передается отъ столѣтія столѣтію, въ продолженіе 19 вѣковъ, свидѣтельство этого мужественнаго, честнаго нищаго; оно служитъ примѣромъ, укрѣпленіемъ, благословеніемъ для неисчислимо многихъ душъ. Кто сочтетъ въ вѣчности число душъ, возблагодарившихъ Бога за его свидѣтельство! — Дѣло лишь одного дня, но какое великое дѣло для славы Сына Божія совершилъ этотъ послѣдній, ничтожный по понятіямъ міра, слѣпорожденный нищій. Свидѣтельствуя открыто о совершенномъ Христомъ чудѣ, онъ доказывалъ свою глубокую благодарность Господу и оставилъ по себѣ воспоминаніе, которое съ тѣхъ поръ постоянно поддерживаетъ рвеніе многихъ сыновъ Церкви. Онъ принадлежитъ къ числу лицъ, которые всегда возбуждаютъ къ жизни дѣятельной, вдохновляютъ, внушаютъ бодрость и безбоязненность открыто стоять за истину. Вотъ въ чемъ мы нуждаемся въ настоящее время, какъ и въ прежнія времена: открыто стоять за вѣру въ Сына Божія и прославлять дѣла Его. Пускай фарисеи злобствуютъ, пускай міръ продолжаетъ издѣваться и глумиться надъ нами, но мы должны не только твердо стоять за вѣру въ Сына Божія, но и проводить ученіе Его въ жизнь. Если міръ изгонитъ насъ изъ среды своей, — Христосъ найдетъ насъ, приметъ насъ, какъ вѣрныхъ рабовъ Своихъ. Блаженъ тотъ человѣкъ, чья дѣятельная, живая вѣра во Христа такъ явна, такъ ярко горитъ передъ міромъ, что міръ не въ силахъ выносить ея и изгонитъ его изъ среды своей. Блаженъ тотъ человѣкъ!

Приходится иногда слышать вопросъ: „какъ же мнѣ жить?" — Если вы будете жить благочестиво, слѣдовать ученію Христа, сохранять себя неосквернеными отъ міра, вы можете быть увѣрены, что міръ не будетъ искать вашего общества, развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему придется туго и онъ будетъ нуждаться въ вашей помощи. Если міръ вспом-

нитъ о васъ, то развѣ для того, чтобы вы послужили ему; но, повторяю, искать вашего общества онъ не станетъ; такъ велика рознь между вами и имъ, какъ велика она между тьмою и свѣтомъ. Человѣкъ, вся жизнь котораго есть наглядное доказательство вѣры его, можетъ быть отвергнутъ міромъ, но ему открывается вѣчная обитель въ царствѣ Бога и Отца Нашего.

Виѳанія.

XXIII.

Слезы Христовы.

Бѣ же нѣкто боля Лазарь отъ Виѳаніи, отъ вьси Маріины и Марѳы сестры ея. Ев. Іоан. XI, 1.

Въ евангельской исторіи намъ кажется особенно-трогательнымъ и поучительнымъ дивное повѣствованіе о воскрешеніи Лазаря, въ которомъ ярко выразилось Страданіе Господа къ печали семейства Виѳанскаго.

Виѳанія это — небольшое селеніе, расположенное на восточномъ склонѣ Масличной горы, въ близкомъ разстояніи отъ Іерусалима. Тамъ имѣлъ Іисусъ глубоко преданныхъ друзей, къ которымъ часто приходилъ съ учениками Своими, чтобъ отдохнуть въ тишинѣ отъ трудовъ Своихъ, и среди искреннихъ и чистыхъ сердецъ забывать скорбь, которую причиняла Ему неблагодарность и ожесточеніе тѣхъ, кого столь милосердо призывалъ Онъ ко спасенію. То были дни радостные для Лазаря и сестеръ его Марѳы и Маріи. Эти простые люди принадлежали къ малому числу истинныхъ чадъ Авраама, ожидавшихъ въ Мессіи „*утѣху Израиля*“.

Въ счастливомъ семействѣ Виѳаніи все было какъ должно, въ совершенной гармоніи: любимые Господомъ и вполнѣ преданные Ему

Высокій Гость въ Виѳанскомъ семействѣ.

члены его и другъ друга любили нѣжно. Долго это семейство жило мирно, но увы! оно жило на землѣ, гдѣ испытанія неизбѣжны. Тем

облако внезапно омрачило ихъ свѣтлое небо и предвозвѣстило бурю. Заболѣлъ Лазарь и умеръ.

Когда Іисусъ Христосъ явился въ Виѳаніи, прошло уже четыре дня послѣ смерти Лазаря.—Можно вообразить, въ какой скорби провели это время сестры умершаго! Извѣщенныя о пришествіи Господа. Марѳа и потомъ Марія вышли Ему на встрѣчу, и съ горькими слезами каждая говорила: *„Господи, еслибы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ нашъ!* Искреннія слезы сестеръ возбуждали участіе; плакали, глядя на нихъ, и бывшіе тутъ Іудеи; самъ Господь *запрети духу и возмутися. И рече: гдѣ положисте его? глаголаша Ему: Господи пріиди и виждь. Прослезися Іисусъ.*

Въ Евангельскомъ повѣствованіи о воскрешеніи Лазаря намъ сказано, что при видѣ плачущихъ о вѣчной разлукѣ съ братомъ своимъ сестеръ его и многихъ изъ народа, растроганныхъ ихъ скорбію и знавшихъ и любившихъ Лазаря, Господь Іисусъ Христосъ присоединилъ Собственныя слезы къ слезамъ окружавшихъ Его: *прослезися Іисусъ*... Это, какъ справедливо сказалъ кто то, есть текстъ самый краткій во всемъ Писаніи, но и самый трогательный, самый глубокій и самый утѣшительный.

Прослезися Іисусъ... Кто могъ бы когда либо выразить или только понять все, что было въ этихъ слезахъ Его? Три случая указаны намъ въ Евангеліи, когда плакалъ Богочеловѣкъ: Онъ плакалъ объ Іерусалимѣ при мысли о бѣдствіяхъ, которыя должны были обрушиться на этотъ преступный городъ; плакалъ въ Геѳсиманіи, какъ явствуетъ то изъ одного мѣста въ посланіи къ Евреямъ (Лук. XIX, 41. Евр. 5, 7): и плачетъ при гробѣ друга Своего. Эти слезы Его самое неопровержимое изъ всѣхъ доказательствъ, что Онъ былъ истинный человѣкъ, по всему подобный намъ, кромѣ грѣха. Слезы—это нѣчто, принадлежащее исключительно природѣ человѣческой. Способность плакать, на сколько мы можемъ судить о томъ, присвоена Творцомъ изъ всѣхъ существъ вселенной одному человѣку. Слезы Іисуса свидѣтельствуютъ слѣдовательно самымъ очевиднымъ и краснорѣчивымъ образомъ, что

Онъ человѣкъ; сердце человѣческое билось въ груди Его, и Онъ зналъ всѣ самыя внутреннія и глубокія движенія природы человѣческой.

Прослезися Іисусъ... Это слезы сожалѣнія. Мы видимъ здѣсь Друга, плачущаго о смерти друга Своего. Божество Христа ничего рѣшительно не отнимаетъ у Его человѣчества. Его божественное всемогущество, имѣвшее возвратить жизнь Лазарю, не препятствуетъ Его сердцу человѣческому чувствовать утрату, понесенную Имъ, и быть глубоко тронутымъ ею. Братъ Марѳы и Маріи былъ Его другомъ и, приближаясь къ могилѣ сего друга Своего, Онъ испытываетъ точно тоже, что испытываемъ мы сами въ виду смертныхъ останковъ нашихъ близкихъ. У Христа, какъ и у насъ, эта скорбь выражается слезами. Христіанство не учитъ насъ подавлять въ себѣ скорбь; оно не дѣлаетъ насилія чувствамъ нашей природы, не запрещаетъ намъ плакать, когда насъ гнететъ скорбь. Слезы дозволены христіанину, даже болѣе: онѣ спасительны, онѣ есть облегченіе, которое Самъ Богъ приготовилъ для сердца, удрученнаго скорбію; онѣ уподобляютъ насъ Іисусу. Здѣсь, какъ и во всѣхъ чертахъ Своей земной жизни, „Христосъ оставилъ намъ примѣръ, дабы мы послѣдовали Ему".

Прослезися Іисусъ... Это слезы сочувствія. Онъ не скорбитъ только Своею собственною скорбію, но скорбію обѣихъ сестеръ виѳанскихъ, скорбію друзей Лазаря, которыхъ Онъ видѣлъ возлѣ Себя въ эту минуту, проливающихъ слезы. Онъ не можетъ видѣть ихъ слезъ и не трогаться ими; ихъ печаль становится Его печалію: и Онъ научаетъ насъ опять Своимъ примѣромъ здѣсь любить ближняго нашего, какъ самихъ себя, дѣлить страданія нашихъ братьевъ, „плакать съ плачущими".

Прослезися Іисусъ... Это слезы состраданія. Онъ не плачетъ только о предметахъ печали, которые Онъ имѣлъ въ эту минуту предъ глазами, Его мысль и Его сердце идутъ далѣе. Видъ сестеръ Лазаря и друзей его плачущихъ пробуждаетъ въ Его сердцѣ цѣлый міръ горькихъ мыслей. Онъ созерцаетъ все зло, порожденное грѣхомъ, всѣ гибельныя послѣдствія его, всѣ опустошенія, которыя онъ совершаетъ

и совершитъ еще въ твореніи Божіемъ отъ начала и до конца временъ. Его мысль пролетаетъ пространства, обнимаетъ вѣка и тысячелѣтія, и въ каждую минуту существованія міра Онъ слышитъ стоны и воздыханія природы, подпавшей страданію по причинѣ грѣха. Онъ видитъ проходящими предъ Нимъ — это исчадіе ада — эпидеміи, войны, голодъ, казни, всѣ роды скорбей и страданій. Онъ видитъ дѣтей въ колыбели, юношей въ цвѣтѣ лѣтъ и старцевъ, убѣленныхъ сѣдинами, падающихъ безъ разбора подъ ударами смерти и одинъ за другимъ сходящихъ въ могилу. Онъ слышитъ стоны матерей, жалобы вдовъ и рыданіе сиротъ. На ряду съ страданіемъ Онъ видитъ и нравственное зло, породившее его. Онъ созерцаетъ мысленно вражду, ненависть, пороки и преступленія всякаго рода, всѣ язвы, отъ начала міра удручающія человѣчество. Онъ видитъ землю, обитаемую нами, столь счастливую и прекрасную, когда она вышла изъ рукъ Творца, измѣненною грѣхомъ въ жилище скорби, и плачетъ объ участи міра погибшаго.

Прослезися Іисусъ... Это слезы святости. Онъ плачетъ не только о страданіяхъ человѣчества, но также и особенно о самомъ грѣхѣ, источникѣ ихъ. Непрерывное соприкосновеніе, въ которомъ находился Богочеловѣкъ во время Своей земной жизни, съ грѣхомъ, который Онъ пришелъ побороть и побѣдить, должно было причинять Его Святѣйшей природѣ внутреннюю муку, нравственное страданіе, превышающія всякую мысль и воображеніе. Этотъ ужасъ грѣха, эта скорбь нравственная въ виду его и сказываются теперь потоками слезъ. Подобное чувствовали-бы и мы, еслибы были святы. Чѣмъ болѣе будемъ мы преуспѣвать въ нравственномъ самоусовершеніи, тѣмъ тяжелѣе будетъ для насъ зрѣлище зла нравственнаго. „Мои глаза омываются ручьями слезъ“, говоритъ Давидъ, „потому что люди не исполняютъ закона Твоего“.

Прослезися Іисусъ... Это слезы искупленія. Слезы Іисуса имѣютъ характеръ очистительный; онѣ составляютъ часть Его страданій; онѣ напоминаютъ намъ, что Онъ былъ, по слову пророка, „человѣкъ скорби“. Какая сила въ семъ выраженіи: „Человѣкъ скорби!“ Человѣкъ, Который насыщаетъ себя скорбію, Котораго самая жизнь есть

скорбь, для котораго скорбь стала второю природою. Намъ не сказано, чтобы Іисусъ смѣялся когда либо, хотя смѣхъ самъ въ себѣ не есть грѣхъ; намъ сказано только, что Онъ плакалъ. Слезы, лившіяся изъ очей Его были только видимымъ и слабымъ выраженіемъ скрытаго моря скорби, котораго мы не можемъ ни опредѣлить пространства, ни измѣрить глубины. Жизнь Іисуса долженствовала быть жизнію скорби потому, что она была жизнію искупленія. Такимъ образомъ слезы Іисуса исходятъ изъ источника несравненно болѣе глубокаго, чѣмъ слезы обыкновеннаго человѣка; Онъ не только плачетъ о несчастіяхъ и грѣхахъ человѣчества, но Онъ носитъ ихъ въ Своемъ тѣлѣ и въ Своей душѣ; Его слезы суть очищеніе; онѣ, какъ кровь Его, служатъ къ омытію грѣха. Его жизнь всецѣло есть непрерывное страданіе, вѣнецъ которой есть крестъ.

„Тогда Іудеи говорили", замѣчаетъ при семъ Евангелистъ: „смотрите, какъ Онъ любилъ его". Іудеи, видѣвшіе въ сихъ слезахъ Господа не болѣе, какъ выраженіе Его сожалѣнія о смерти друга, заключаютъ отсюда о Его привязанности къ Лазарю, и они правы. Но мы, которые научены видѣть въ слезахъ Богочеловѣка болѣе, чѣмъ скорбь о смерти друга; мы, которые знаемъ, что они имѣли предметомъ не только Лазаря и его сестеръ, но все человѣчество, мы можемъ расширить объясненіе, которое даютъ имъ Іудеи, бывшіе свидѣтелями ихъ; мы можемъ приложить съ самимъ себѣ то, что они говорили о Лазарѣ; мы можемъ сказать не только: „смотрите, какъ Онъ любилъ его", но „смотрите, какъ Онъ *любилъ насъ*, смотрите, какъ Онъ *любитъ насъ*!" Приводя себѣ на память всѣ черты жизни и дѣла Христовыхъ, мы неизбѣжно всегда приходимъ къ одному заключенію: „смотрите, какъ Онъ *возлюбилъ насъ*!"

Въ виду такой любви можемъ ли мы оставаться нечувствительными? И эти слезы Іисуса, пролитыя Имъ за насъ столько же, сколько и за Лазаря, ужели ничего не скажутъ нашему сердцу? Не должны ли мы въ свой чередъ возлюбить Того, Кто такъ возлюбилъ насъ, и присоединить къ слезамъ Его скорби о насъ слезы нашей любви къ Нему?...

Гробъ Лазаря.

XXIV.

Воскрешеніе Лазаря.

Іисусъ Христосъ вопрошаетъ, гдѣ положили Лазаря; приближается къ его могилѣ со слезами участія и внутренней скорби. Душевныя расположенія окружавшихъ Его мало доставляли Ему утѣшенія. Марія плакала; Іудеи, столь часто бывшіе свидѣтелями дѣлъ Его всемогущества, въ этихъ самыхъ дѣлахъ отыскивали поводъ къ своему невѣрію, и теперь съ укоризненнымъ сомнѣніемъ говорятъ: *„не можаше ли Сей, отверзый очи слѣпому, сотворити, да и сей не умретъ!“* Таково разсужденіе всѣхъ невѣрующихъ! При настоящемъ случаѣ надлежало бы сказать: Тотъ, Кто отверзъ очи слѣпорожденному, и тѣмъ доказалъ божественное Свое могущество, не только могъ бы, если бы нашелъ нужнымъ, *сотворити, да и сей не умретъ*, но безъ всякаго сомнѣнія можетъ и воззвать его изъ гроба. Но человѣкъ плотской не разсуждаетъ подобнымъ образомъ; онъ не умѣетъ идти путемъ умозаключенія отъ одного свойства Божія къ другому, отъ Его всемогущества къ Его безконечной благости. Если бы открывали предъ нимъ одно за

другимъ всѣ проявленія милости Божіей, и тогда, при малѣйшемъ недоумѣніи, онъ готовъ извлекать неблагодарное заключеніе о самыхъ благодѣяніяхъ Божіихъ, коими безпрерывно пользуется. Невѣріе, таящееся въ нашемъ сердцѣ, послѣ безчисленныхъ благодѣяній, оказываемыхъ намъ Спасителемъ, обыкновенно забываетъ и самые дары Божіи и обѣтованія, лишь только коснется насъ малѣйшее искушеніе.

Іисусъ Христосъ не входитъ въ разсужденія съ невѣрующими. Онъ скорбитъ внутренно, проникая въ глубину души окружающихъ Его, и идетъ къ могилѣ, идетъ посрамить невѣріе и утѣшить возлюбленныхъ—событіемъ, котораго они ни желать, ни просить не воображали. Ахъ, ужели должно, что бы самыя блистательныя дѣла Благости Божіей служили для насъ однимъ только доказательствомъ для убѣжденія въ Его любви къ намъ! И между тѣмъ Онъ готовъ явить предъ нами эти дѣла неизобразимой благости. Онъ готовъ и теперь идти съ тѣми, которые, подобно Маѳѣ и Маріи, оплакиваютъ потерю любезныхъ сердцу, идти къ могилѣ, чтобы тамъ принять участіе въ ихъ слезахъ. И Онъ умѣетъ извлечь изъ самой могилы утѣшеніе для насъ, если не возвращая изъ земли тѣхъ, которыхъ мы ищемъ, то, по крайней мѣрѣ, открывая вѣрѣ нашей тотъ славный день, въ который мы обрящемъ ихъ чистыми, святыми, блаженными. Этотъ холодный прахъ, сокрывающій отъ насъ останки умершихъ и сберегающій зерно ихъ будущаго воскресенія, не можетъ разлучить ихъ съ Богомъ и съ нами, какъ тотъ тяжелый камень, которымъ заваленъ былъ входъ въ гробницу Лазаря, не могъ положить преграды между имъ и могуществомъ Іисуса. Любовь Спасителя равна Его могуществу: она не знаетъ препятствій. — *Пріидите ко гробу.*

Бѣ же пещера, и камень лежаше на ней. Что хочетъ Іисусъ дѣлать подлѣ гроба? думали, конечно, невѣрующіе Іудеи, и вѣроятно сестры Лазаря. Хочетъ ли имѣть печальное утѣшеніе взглянуть на мѣсто, гдѣ положили Его друга? Хочетъ ли надъ этимъ прахомъ сказать послѣднее прости, и тѣмъ засвидѣтельствовать предъ плачущими сестрами Свое сочувствіе и любовь, которую питалъ къ ихъ брату? Любопытство, воз-

буждавшее подобные вопросы, усилилось, когда Іисусъ Христосъ торжественно произнесъ: *возмите камень!* Можно себѣ представить, какое волненіе въ Іудеяхъ, какое волненіе въ сестрахъ Лазаря, должны были произвести эти слова. И никто не проникалъ въ намѣренія Господа. Между тѣмъ, какъ отваливали камень, Марѳа, пораженная сильнымъ запахомъ отъ разложенія тѣла, возмутилась духомъ. Она не могла удержать смятенія своихъ чувствъ; тайная надежда, зароненная недавними словами Спасителя въ ея душу, исчезла; она, казалось, хотѣла просить Господа, чтобы оставилъ въ покоѣ бездушное тѣло. *Глаголя Ему сестра умершаго Марѳа: Господи, уже смердитъ: четвероднсвенъ бо есть!..* Четыре дни, какъ онъ во гробѣ! Не болѣе, какъ четыре дня прошло съ тѣхъ поръ, когда она обнимала возлюбленнаго своего брата; четыре дня, какъ любовію отвѣчалъ Лазарь на любовь сестры; четыре дня, какъ они бросили другъ на друга послѣдній взглядъ, сказали другъ другу послѣднее прости. И вотъ любезный Лазарь—груда праха и тлѣнія! О, какъ суетно все человѣческое! Таковы слѣдствія проклятія за грѣхъ: *Земля еси, и въ землю пойдеши!* Люди міра! разумно ли жертвовать этому тлѣнному тѣлу, этой грудѣ праха, жертвовать временемъ, заботами, способностями, благосостояніемъ, самою жизнію? Или нѣтъ въ насъ безсмертной души? доколѣ будемъ пренебрегать образомъ Божіимъ? доколѣ будемъ жертвовать душею тому, кто въ теченіе четырехъ дней обращается въ тлѣніе и содѣлывается добычею червей?

Слова Марѳы о тлѣніи тѣла Лазарева доставляютъ намъ другой урокъ, болѣе важный. Ученые медики опредѣлили принимать за самый вѣрный признакъ смерти — разложеніе тѣла. Итакъ, для васъ, невѣрующіе, для васъ, которые требуете математической доказательности истинъ вѣры, достаточно этой черты въ исторіи воскрешенія Лазаря. Не остается никакого предлога вашему невѣрію въ дѣйствительность чуда воскрешенія Лазаря и невѣрію въ Чудотворца. Если вы отвергаете Божество Спасителя, отвѣтственность за это невѣріе падаетъ всею своею тяжестію на васъ самихъ. Богъ все сдѣлалъ, чтобы убѣдить васъ и спасти чрезъ вѣру; и когда вы подвергнетесь вѣчному

осужденію за невѣріе, вы сами, хотя и поздно, сознаете тогда правду суда Божія надъ вами.

Іисусъ Христосъ не говоритъ съ Маріею, потому что она была подъ исключительнымъ вліяніемъ скорби; Онъ скорбитъ съ нею, принимаетъ участіе въ слезахъ ея, но не входитъ въ разсужденія съ нею. И въ то же время, по безконечной Своей благости, говоритъ съ Марѳою. чтобы возбудить въ ней ослабѣвающую вѣру: *не рѣхъ ли ти, яко аще вѣруеши, узриши славу Божію?* Часто и намъ приличенъ этотъ упрекъ Спасителя: *не рѣхъ ли ти?* Когда наша душа, подверженная искушенію, не думаетъ обратиться къ Спасителю, чтобы чрезъ Него получить освобожденіе; когда наше сердце, преданное скорбямъ, увлекается—сомнѣніями, ослабѣваетъ въ вѣрѣ, теряетъ надежду; когда. окруженные облакомъ скорбей, мы не смѣемъ возвести очей къ небу. и, обладаемые сомнѣніемъ, готовы вмѣстѣ съ Марѳою воскликнуть: *Господи, уже смердитъ: четверодневенъ бо есть,*—все для насъ потеряно, исчезла всякая надежда въ жизни: гдѣ тогда обѣтованія Божіи? Почему эти обѣтованія ничего не говорятъ нашей душѣ? Должно ли, чтобы Іисусъ Христосъ приблизился къ намъ съ упрекомъ этой нѣжной любви: *не рѣхъ ли ти, яко аще вѣруеши, узриши славу Божію?* Въ крушеніи духа, не примѣчая распоряженій Моей премудрости, чувствуя только свою скорбь, ты готовъ предаться унынію;—но *не рѣхъ ли ти, что любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое?* Въ сознаніи своихъ слабостей, своей глубокой нищеты и безсилія, ты находишь въ себѣ силу только воздыхать о томъ, что не успѣваешь въ путяхъ Моихъ; и, чувствуя въ себѣ скудость любви, ты сомнѣваешься, что всецѣло принадлежишь Мнѣ, что Я искупилъ тебя Своею кровію, что ты чадо Божіе! *Но не рѣхъ ли ти, что вѣрующій въ Сына Божія имѣетъ жизнь вѣчную?* Не рѣхъ ли ти, что ты *спасенъ туне* Моею *благодатію*, что тебѣ дарована жизнь вѣчная? Не рѣхъ ли ти, что любовь Отца Небеснаго къ любящимъ Его несравненно выше любви земныхъ родителей къ своимъ дѣтямъ?

Вѣруй, и узришь славу Божію! Слава Божія должна быть един-

ственною цѣлію нашей жизни. Славу Божію мы должны имѣть въ виду среди самыхъ страданій нашихъ. Когда человѣкъ, съ душевнымъ безмолвіемъ, въ сердечной преданности, очами вѣры проникаетъ облака и сквозь мракъ бѣдствій созерцаетъ небо; когда надежда распростираетъ свои крила надъ прахомъ земнымъ и возносится выше всего смертнаго; когда сердце расширяется любовію къ Искупителю, когда благоговѣніе предъ величіемъ Божіимъ наполняетъ все существо наше, тогда Духъ Божій вселяется въ насъ и мы зримъ славу Божію, и среди искушеній, и подлѣ могилы любезныхъ сердцу.

Между тѣмъ отняли камень отъ пещеры, гдѣ положенъ былъ умершій; тѣло Лазаря, сокрытое въ хладномъ убѣжищѣ, обвитое пеленами, явилось передъ глазами присутствующихъ. Страхъ, удивленіе, безпокойное ожиданіе, тайная надежда, должны были поразить зрителей, смотря по вѣрѣ или невѣрію каждаго изъ нихъ. Гробовое молчаніе царствовало вокругъ могилы; смертный холодъ обнялъ сердца всѣхъ; едва смѣли обратить глаза отъ мертвеца на Іисуса Христа, во взорѣ Котораго съ безпокойствомъ желали бы прочитать Его намѣренія. Властитель жизни и смерти Одинъ преисполненъ былъ тѣмъ Духомъ, Который *нарицаетъ не сущая, яко сущая*... Онъ величественно приближается къ пещерѣ; возводитъ очи къ небу... *Іисусъ же возведе очи горѣ*,—какъ бы желая увѣрить насъ, что въ дни тяжкихъ испытаній нѣтъ для насъ на землѣ ни помощи, ни утѣшенія; что очи наши должны обращаться къ небу, откуда приходитъ намъ помощь; что не должны мы искать между мертвыми того, что живо, что наша душа должна возноситься на крылахъ вѣры надъ горемъ и слезами, надъ міромъ и нами самими. Ахъ, зачѣмъ же мы въ дни скорбей и искушеній погружаемся въ самихъ себя со всею тяжестію нашихъ страданій? Зачѣмъ душа наша одѣвается грустію, какъ небо темнымъ облакомъ? Зачѣмъ, когда видимъ любезныхъ нашему сердцу, отходящими въ могилу, идемъ за хладными ихъ останками, съ печальными думами, съ разбитыми горестію мыслями и поникаемъ слезящимъ взоромъ въ нѣдро земли, откуда ничего не умѣемъ извлечь, кромѣ скорби и сѣтованія? Все это потому, что

мы не взираемъ, подобно Іисусу, на небо, откуда низошла бы къ намъ и вѣра, и надежда, и утѣшеніе; потому, что невѣрующее наше сердце, удрученное скорбію, склоняется къ землѣ и не умѣетъ вознестись выше смерти, ни утолить въ Источникѣ жизни и безсмертія жажду безсмертія, его изсушающую. О, Спаситель! научи насъ возводить къ небу очи наши и съ ними возносить туда наши желанія и мольбы!

Іисусъ Христосъ, обращая мысли присутствующихъ къ небу, между прочимъ указуетъ имъ на Того, чрезъ Чье всемогущество Онъ намѣренъ сотворить чудо. Предсказавъ, что болѣзнь Лазаря должна послужить къ славѣ Божіей, Онъ самымъ дѣломъ хочетъ доказать справедливость своихъ словъ; и потому прежде совершенія чуда обращается съ молитвою къ Богу, Отцу Своему.

Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя!.. И между тѣмъ Лазарь еще во гробѣ, добыча смерти и разрушенія! *Услышалъ еси Мя;* и ни одной искры жизни еще не видно въ Лазарѣ, и предъ глазами присутствующихъ одинъ бездушный трупъ!

Такова вѣра! такова молитва! такова увѣренность въ обѣтованіяхъ Божіихъ! Для истинной вѣры обѣтованія Божія суть уже самый даръ; молитва, вознесенная къ престолу Божію, уже услышанная молитва. Іисусъ Христосъ, приближаясь ко гробу Лазаря, молился въ тайнѣ сердца, молитва Его была услышана, Лазарь былъ живъ, сестры его были утѣшены, вѣра учениковъ утверждена, Богъ прославленъ и Сынъ человѣческій прославленъ. О, и наши молитвы были бы не то, что обыкновенно бываютъ, если бы мы умѣли взирать на обѣтованія Божіи, какъ на совершившіяся для насъ. *Хвалу тебѣ воздаю!* сказалъ Іисусъ Христосъ прежде совершенія чуда. А мы и тогда, какъ молитвы наши услышаны, едва возносимъ хладныя наши сердца къ небу, чтобы воздать славу Богу!

Азъ же вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши; но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси. Если и до нынѣ молитвы наши совершаются безъ видимаго успѣха, не будемъ ослабѣвать въ вѣрѣ и надеждѣ: Іисусъ Христосъ всегда Тотъ же. И нынѣ,

какъ во дни плоти Своей, и предъ престоломъ Божіимъ, какъ предъ гробомъ Лазаря, Онъ съ увѣренностію глаголетъ Отцу Своему, ходатайствуя за насъ: *Азъ же вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши.* Какъ верховный Первосвященникъ, Онъ приноситъ Богу Отцу Своему наши грѣшныя, недостойныя моленія чистыми, освященными Его любовію. Сладостная мысль! Утѣшительная увѣренность!

Молитва Іисуса Христа произвела въ сердцѣ присутствующихъ святое размышленіе вмѣсто страха, которымъ были проникнуты при взглядѣ на смертные останки Лазаря. Такимъ образомъ все было приготовлено, и въ душахъ свидѣтелей предстоящаго чуда, и въ пещерѣ, открытой для взора всѣхъ: надлежало изречь всемогущее слово; и Господь Іисусъ Христосъ — *гласомъ великимъ воззва: „Лазаре, гряди вонъ!“* О чудо! одно это слово вводитъ жизнь въ нѣдра смерти; узы смерти разрываются; смерть, возвращая свою добычу, сознаетъ себя побѣжденною; присутствующіе видятъ хладные члены Лазаря приходящими въ движеніе: Лазарь встаетъ, идетъ, — новое чудо! — связанный погребальными пеленами. Какое зрѣлище! *И изыде умерый обязанъ рукама и ногама укроемъ, и лице его убрусомъ обязано...* Удивленіе, смятеніе, страхъ распространяются въ сердцахъ всѣхъ; всѣ погружены были въ трепетное молчаніе. Марѳа и Марія не смѣютъ приблизиться къ брату, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ: точно ли это Лазарь? Смерть, казалось, поразила сердца всѣхъ въ отмщеніе за свое пораженіе. Іисусъ Христосъ прерываетъ всеобщее молчаніе: *глагола имъ Іисусъ: разрѣшите его, и оставите ити.*

Отъ самыхъ временъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, изъ вѣка въ вѣкъ и до нашихъ дней, исполняется пророченіе Симеона Богопріимца, когда, держа на ослабѣвшихъ рукахъ Младенца, въ Которомъ познавъ Спасителя міра, онъ сказалъ: *„Се, лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Израили и въ предметъ пререканій“*. Ев. Луки XI. 34. Это пророчество исполнилось и при гробѣ воскрешеннаго Лазаря, когда одни изъ Іудеевъ увѣровали въ Господа, а другіе пошли возбуждать зависть и злобу фарисеевъ. Оно исполнилось и у Креста

„И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами“ (Іоан. XI, 44).

Іисусова, какъ исполняется въ теченіе девятнадцати вѣковъ, во всѣхъ странахъ, куда проникло Евангеліе, которое содѣлалось для однихъ *„воня жизни въ животъ,“* а для другихъ *„воня смерти въ смерть“*, по выраженію Апостола (2 Кор. XI. 16). Но особенно наглядно совершается оно въ наши дни, когда ученіе Распятаго возбуждаетъ столько „пререканій“ и злобы, тогда какъ для вѣрующихъ оно остается неизсякаемымъ источникомъ утѣшенія, надежды, радости и жизни.

Пусть знаютъ всѣ враги Евангелія, что они въ безсильной ярости своей творятъ дѣло обманывающее ихъ самихъ: они служатъ живымъ свидѣтельствомъ истины того ученія, противъ котораго ведутъ ожесточенную брань; они невольно утверждаютъ нашу вѣру во Христа, исполняя все, что Онъ предсказалъ послѣдователямъ Своимъ о гоненіяхъ на истину: *„Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ“... аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Ев. Іоан. XV. 18. 20). Такимъ образомъ невѣрующіе, воздвигая борьбу на ученіе Христово, невольно созидаютъ то, что желали бы разрушить до основанія; они слѣпыя орудія, которыя употребляетъ Богъ для утвержденія царства Своего.

Цѣль великаго чуда Іисусова была достигнута: семейство Виѳаніи вышло изъ претерпѣнныхъ испытаній, преисполненное радости и любви: ученики узрѣли славу Божію и Всемогущество своего учителя; многіе изъ Іудеевъ *„видѣвши, яже сотвори Іисусъ, вѣроваша въ Него“*. То были, конечно, люди прямодушные и чистые сердцемъ, которые, увидя столь разительное проявленіе Божественной Силы, заключили справедливо, что побѣдитель смерти есть обѣтованный Мессія, провозвѣщенный пророками. Чудеса, если и не всегда производятъ внезапное обращеніе, то они располагаютъ сердце къ вѣрѣ; это первый шагъ, и онъ ведетъ неминуемо далѣе и далѣе. Съ этою цѣлію и Св. Евангелистъ передалъ намъ въ мельчайшихъ подробностяхъ сказаніе о воскрешеніи Лазаря; читая внимательно это дивное повѣствованіе, почерпаешь въ немъ такую силу очевидности, какъ бы самъ присутствуя при чудѣ; и человѣкъ, искренно ищущій истины, не замедлитъ почувствовать, что Слово Божіе *„слаще меда устномъ его“* (Пс. CXVIII. 103).

Но что же остальные свидѣтели чуднаго событія? Увы! для нихъ исполнилось горестное пророченіе Симеона: *„Нѣціи же отъ нихъ идоша къ фарисеемъ и рекоша имъ, яже сотвори Іисусъ;“* вѣроятно не съ доброю цѣлію пошли они разсказывать, что видѣли, ибо знали непримиримую вражду и зависть противниковъ Господа. Вы скажете: возможно ли такое ожесточеніе въ тѣхъ, которые были очевидцами славы Божіей? Да, по несчастію возможно! Таковъ человѣкъ, предоставленный своей злобѣ и страстямъ. А насъ хотятъ увѣрить мудрствующіе міра сего, что человѣкъ естественно добръ, что онъ и безъ вѣры можетъ любить истину и добродѣтель! Нѣтъ! безчисленные примѣры удостовѣряютъ насъ, что одна всемощная благодать Божія можетъ умягчить, убѣдить ожесточенное сердце и сдѣлать человѣка *„нову тварь!“* Пусть не говорятъ намъ, что трудно вѣровать въ Евангеліе, потому что въ немъ вещи сверхъестественныя, превосходящія разумъ человѣческій; это лишь пустая отговорка; истина Евангелія доказана непреоборимыми свидѣтельствами, и не вѣрятъ только тѣ, которые не хотятъ вѣровать; примѣръ тому Іудеи, предъ очами которыхъ совершилось столько чудныхъ дѣлъ Господнихъ; и во всѣ времена подтверждается истина словъ, приведенныхъ Христомъ въ притчѣ о зломъ богачѣ: *„аще Моисея и Пророкъ не послушаютъ, то аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры“* (Ев. Луки XVII. 31).

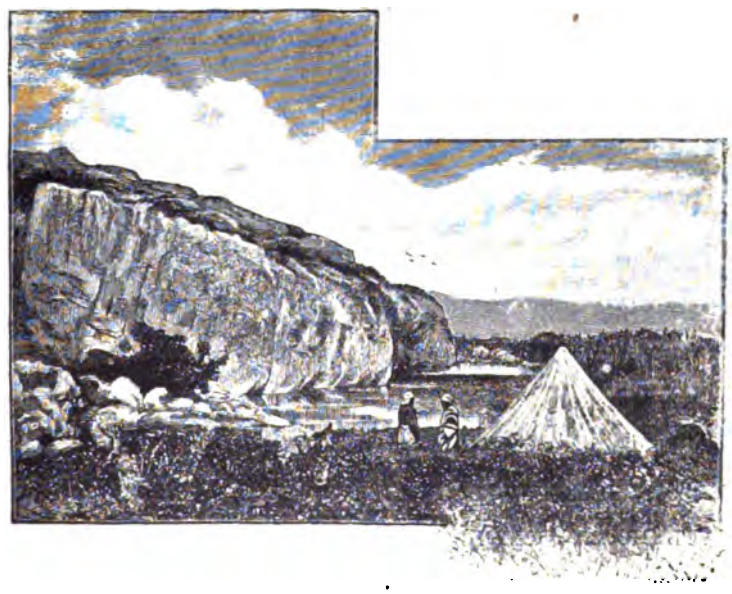
Услышавъ о воскрешеніи Лазаря, котораго смерть имъ была совершенно извѣстна, такъ какъ Виѳанія находилась въ очень близкомъ разстояніи отъ Іерусалима, что же дѣлаютъ начальники народа? *„Собраша убо архіереи и фарисеи сонмъ, и глаголаху: что сотворимъ, яко Человѣкъ Сей много знаменія творитъ?.. аще оставимъ Его тако, вси увѣруютъ въ Него“*. О безуміе, возстающихъ противъ Бога! нельзя довольно повторять, что „нечестивые творятъ дѣло, обманывающее ихъ“, и всегда споспѣшествуютъ невольно къ совершенію судебъ Божіихъ: все, что мнили предупредить завистливые первосвященники посредствомъ ужасающаго преступленія, все, что предрекъ Іисусъ — исполнилось; *„аще Я вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ“* (Ев. Іоан. XII. 32)

распятаго Богочеловѣка увѣровала вселенная! Отъ самой первой проповѣди Ап. Петра, укорявшаго народъ за убіеніе праведника, обратились къ вѣрѣ во Христа до трехъ тысячъ человѣкъ; и чѣмъ болѣе распространялось благовѣстіе о жертвѣ крестной, искупившей падшее человѣчество, чѣмъ болѣе злоба ополчалась на исповѣдниковъ истины, тѣмъ болѣе торжествовала вѣра христіанская. Первосвященники думаютъ оправдать свое злодѣяніе страхомъ мести отъ Римлянъ, хотя знаютъ хорошо ихъ политическую вѣротерпимость ко всѣмъ подвластнымъ имъ народамъ, хотя имъ вполнѣ извѣстно, что Іисусъ Христосъ не имѣлъ ни малѣйшаго вида на царство земное и уклонялся, когда народъ намѣревался провозгласить Его царемъ (Ев. Іоан. VI. 15); а что же? по суду Божію, Римляне пришли и истребили Христоубійственный народъ, и отъ храма не осталось камня на камнѣ до сихъ поръ, какъ предрекъ Господь... И страшное дѣло! Каіафа, подобно древнему Валааму, произноситъ невольное пророчество: *„уне есть намъ, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ“* (ст. 50), и этотъ *„архіерей сый лѣту тому“*, (ст. 49,) безсознательно закалаетъ Жертву примиренія о грѣхахъ всего міра! О тайна судебъ Божіихъ! кто противостанетъ Его Всемогуществу, творящему орудіями милосердія Своего и самыхъ враговъ Своихъ! *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ: во человѣцѣхъ благоволеніе“* (Ев. Луки XI. 14).

О мы всѣ, бывшіе *„чада Божія расточенная,“* за которыхъ пострадалъ Іисусъ *„да соберетъ во едино“* (ст. 52). Пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу! соберемся у подножія креста Его въ покаяніи съ вѣрою живою и упованіемъ на милосердіе *„возлюбившаго ны и предавшаго себя за ны“*. О, возлюбимъ и мы Его, не словомъ только, но глубокою покорностію воли Его, въ послушаніи священнымъ заповѣдемъ Его; и тогда мы вмѣстѣ съ Апостоломъ извѣстимся: *„яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая, возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ“* (Рим. VIII. 38. 39).

О Спасителю нашъ! Ты единъ силенъ извлечь насъ, какъ Лазаря,

изъ гроба нашего растлѣнія, чтобъ оживить эти кости изсохшія, давъ намъ „сердце ново,“ способное любить Тебя паче всего, что есть любезнаго на землѣ, *„да во обновленіи жизни ходити начнемъ“*, посвятивъ себя всецѣло на служеніе Тебѣ! О! даруй, чтобы Слово Твое Божественное всегда звучало въ душахъ нашихъ отрадою и упованіемъ; чтобъ Твоя безконечная любовь воспламеняла охладѣвшія сердца наша, исторгая изъ нихъ самолюбіе и всѣ тернія грѣховныя. Ты, благоволивый искупить насъ столь дорогою цѣною, исхити насъ отъ вѣчной гибели, хотящихъ или нехотящихъ спаси насъ! Но, Господи, мы хотимъ любить Тебя и слѣдовать за Тобою до послѣдняго издыханія; кромѣ Тебѣ единаго, *„Господи, къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаши; и мы вѣровахомъ, и познахомъ, яко Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!“* (Ев. Іоан. VI. 68. 69).



ЧАСТЬ III.

I.

Входъ Господень въ Іерусалимъ.

Рцыте дщери Сіоновѣ: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ и всѣдъ на осля и жребя, сына подъяремнича (Матѳ. XXI, 15).

Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ, предъ послѣднею пасхой, служитъ полнымъ и точнымъ внѣшнимъ выраженіемъ того характера, которымъ запечатлѣны были всѣ Его дѣйствія и ученія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ дѣйствовалъ и чему и какъ училъ Господь? Онъ все достоинство человѣка поставлялъ во внутреннихъ добрыхъ качествахъ его и совершенствахъ, и весьма мало обращалъ

вниманія на внѣшнее положеніе его и обстановку. Соотвѣтственно этому и собственное величіе Онъ проявлялъ въ томъ, что былъ святѣйшимъ святыхъ, кроткимъ, смиреннымъ, любящимъ, благотворительнымъ, нимало не заботясь о внѣшнемъ Своемъ величіи и не имѣя мѣста, гдѣ подклонить главу. И училъ Онъ людей, въ духѣ любви и кротости, смиренію, терпѣнію, чистотѣ. Вообще Онъ и Самъ любилъ и послѣдователей Своихъ училъ отличаться высшими совершенствами духовными, не заботясь объ удобствахъ жизни и внѣшнихъ преиму-

Торжественный входъ Господень въ Іерусалимъ.

ществахъ. Тоже самое выразилось и въ торжественномъ входѣ Его въ Іерусалимъ. Онъ, повторяю, служитъ точнымъ внѣшнимъ выраженіемъ характера всей Христовой дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ скромнымъ, простымъ, даже убогимъ долженъ показаться людямъ, привыкшимъ къ блеску торжественныхъ царскихъ встрѣчъ, входъ Іисуса Христа въ Свой царственный городъ Іерусалимъ. Царь Сіона возсѣдитъ не на конѣ, а на осленкѣ, рожденномъ отъ рабочей ослицы.

окруженъ не блестящею свитою, а бѣдными, простыми людьми — апостолами, сопровождается и встрѣчается не воинствомъ въ блестящемъ вооруженіи, а мирнымъ народомъ, встрѣчающимъ Его съ пальмовыми вѣтвями. Какъ все это просто! Какъ это даже убого на взглядъ любителей внѣшняго блеска! Но кто привыкъ углубляться въ сущность дѣла, а не цѣнить только внѣшнюю обстановку, среди которой оно совершается, — для тѣхъ входъ этотъ не можетъ не быть по истинѣ самымъ торжественнымъ и величественнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть величественнѣе Царя, вступающаго въ Свой городъ въ самомъ смиренномъ видѣ, безъ роскоши и внѣшняго блеска, но осѣненнаго величіемъ внутреннимъ, взирающаго на всѣхъ очами, сіяющими святостію, святою строгостію, но вмѣстѣ и кротостію, благостію, любовію? Что можетъ быть выше и того глубокаго чувства, искренняго восторга, съ которымъ встрѣтили своего Царя истинные сыны Израилевы, постилая на пути Его одежды свои, устилая путь и потрясая въ своихъ рукахъ пальмовыми вѣтвями и отъ чистаго сердца, отъ всей души восклицая Ему: *Осанна сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне! осанна въ вышнихъ?* (Матѳ. XXI, 7—9). Очевидно, входъ Господень въ Іерусалимъ насколько былъ простъ и чуждъ блеска внѣшняго, нарочито, искусственно подготовленнаго, настолько былъ преисполненъ торжества и величія внутренняго. Такъ Господь, поставлявшій всю цѣну человѣка, а равно и собственное Свое достоинство въ величіи внутреннемъ, а не въ внѣшнемъ, и въ день торжественнаго входа Своего въ Іерусалимъ, явился во всемъ величіи внутреннемъ, безъ внѣшняго блеска.

И какъ благотворно отразилось это предпочтеніе, постоянно оказываемое Христомъ внутреннимъ добрымъ качествамъ людей предъ внѣшнимъ положеніемъ ихъ, на жизни уже современнаго Ему человѣчества, на жизни свидѣтелей Его дѣятельности и кроткаго и смиреннаго входа въ Іерусалимъ! Мы видимъ, что люди простые, бѣдные, незнатные, — апостолы и прочіе ученики и ученицы Христовы, — начинаютъ понимать, что истинное достоинство человѣка состоитъ не во внѣшнемъ высокомъ положеніи, а въ духовной мудрости, святости, добро-

дѣтели, и, въ сознаніи этой истины, такъ нравственно возвышаются, что дѣлаются свѣтилами нравственнаго міра, украшеніемъ царства Христова, носителями и провозвѣстниками міру — истины и правды Христовой... Люди, стоявшіе низко во мнѣніи общества, даже навлекшіе на себя заслуженное презрѣніе и униженіе, — мытари, блудницы, — познаютъ, что достоинство человѣка состоитъ во внутренней чистотѣ его и святости, и что оно доступно и мытарямъ и блудницамъ, кающимся и исправляющимъ свою жизнь, и, — путемъ покаянія, исправленія, преуспѣянія въ добродѣтели, достигаютъ высокаго нравственнаго совершенства. Мы видимъ мытаря даже въ ликѣ апостольскомъ (Матѳ. IX, 9); мы видимъ раскаявшуюся грѣшницу, помазующею ноги Христа мѵромъ (Лук. VII, 37—50); мы видимъ жену, бывшую вмѣстилищемъ семи бѣсовъ, въ ликѣ мѵроносицъ (Марк. XVI, 9). И если бы человѣчество навсегда сдѣлало правиломъ своей жизни предпочтеніе внутренняго внѣшнему, нравственныхъ достоинствъ человѣка его внѣшнему положенію; то люди вели бы нравственную жизнь, и высоко держали бы знамя добродѣтели и правды въ средѣ своей. Но къ несчастію даже послѣдователи Христа въ большинствѣ своемъ не усвоили себѣ Его духа и ученія и не только не руководятся въ жизни примѣромъ жизни Христовой, но и живутъ вопреки указаніямъ этой жизни. Мы видимъ, что и въ христіанскомъ мірѣ внѣшнее положеніе по большей части предпочитается внутреннимъ достоинствамъ человѣка, и — богатству, внѣшнему блестящему положенію человѣка оказывается больше уваженія и вниманія, чѣмъ нравственному совершенству. Съ тѣмъ вмѣстѣ видимъ мы, что духъ кротости и правды въ дѣятельности людей постоянно вытѣсняется духомъ своеволія, жестокости и насилія. Все это не можетъ не отражаться гибельно на жизни и судьбахъ человѣчества.

Кому неизвѣстно, какъ деспотически распоряжается людьми мода? Самые нелѣпые, безобразные, безстыдные наряды, самые пошлые, безнравственные, преступные люди, дѣлаясь предметомъ моды, увлекаютъ всѣхъ: въ безобразные и непристойные наряды наряжаются, безнравственнымъ и пошлымъ нравамъ и обычаямъ слѣдуютъ, безнравствен-

нымъ и дурнымъ людямъ подражаютъ, стараются уподобиться имъ и даже превзойти ихъ. Наше время представляетъ множество печальныхъ примѣровъ увлеченія людьми недостойными, преступными, рукоплесканій убійцамъ, возведенія на пьедесталъ героевъ омерзительныхъ преступниковъ. Таково значеніе предпочтенія, оказываемаго людьми въ данное время извѣстнымъ предметамъ, воззрѣніямъ, нравамъ, людямъ, — таково значеніе этого предпочтенія, неразумнѣйшій видъ котораго представляетъ мода. Люди какъ бы невольно преклоняются предъ тѣмъ и предъ тѣми, чему и кому выказывается особенное уваженіе, предпочтеніе предъ прочими... Какою великою нравственною силою было бы уваженіе къ истинѣ, добродѣтели, къ людямъ мудрымъ, святымъ, если бы это уваженіе было оказываемо имъ, предпочтительно предъ внѣшними отличіями и богатствомъ, большинствомъ общества христіанскаго, вліятельнѣйшими членами его! Массы людей прониклись бы этимъ уваженіемъ сначала по подражанію, а потомъ и самостоятельно, по убѣжденію полюбили бы добродѣтель и людей добродѣтельныхъ... Къ несчастію, въ жизни все идетъ совершенно не такъ, совершенно не по указанію Христову. Не нравственныя достоинства людей предпочитаются внѣшнему положенію ихъ, а внѣшнее положеніе ихъ внутреннимъ качествамъ. Посмотрите, какъ относится обыкновенно общество къ людямъ богатымъ. Хотя бы они были глупы, лѣнивы, безнравственны, ни одной лепты не употребили на дѣла добрыя;—они, ради громаднаго богатства, пользуются почетомъ, вліяніемъ, даже уваженіемъ. Предъ ними преклоняются, имъ льстятъ, имъ прощаютъ часто поступки, которыхъ другимъ не простили бы, — поступки грубые, оскорбительные, преступные... Посмотрите, какъ относится общество къ людямъ знатнаго происхожденія, высокаго внѣшняго положенія. Ихъ предпочитаютъ людямъ мудрымъ и добрымъ, но занимающимъ скромное положеніе. Несмотря на всѣ недостатки свои и пороки, они стоятъ высоко во мнѣніи общества... Но къ чему же ведетъ это предпочтеніе, оказываемое внѣшнему положенію людей предъ внутренними качествами, — качествами нравственными? Ведетъ къ общему развращенію общества,—къ развра-

щенію и людей, неправильно уважаемыхъ ради одного внѣшняго высокаго положенія, къ развращенію и всего общества... Люди богатые и знатные, видя незаслуженное уваженіе къ себѣ, ради одного только богатства и знатности, видя предпочтеніе ихъ людямъ мудрымъ и добродѣтельнымъ, но бѣднымъ и незнатнымъ, — начинаютъ цѣнить только свое богатство и знатность, гордиться ими и вовсе не обращать вниманія на поведеніе свое нравственное, на пріобрѣтеніе мудрости и добродѣтели. Они начинаютъ предаваться необузданной роскоши, тратить большія средства на мелкія прихоти, обращать свои капризы, свое самодурство—въ законъ для другихъ. И гордость, самодурство ихъ все болѣе и болѣе растутъ, не только не обуздываемыя справедливымъ негодованіемъ, порицаніемъ общества, но и подстрекаемыя лестію и преклоненіемъ общества предъ самыми недостатками, пороками ихъ, ради богатства и высокаго положенія ихъ... Развращаясь сами, они широкимъ потокомъ разливаютъ развращеніе и въ обществѣ. Первые увлекаются этимъ потокомъ въ бездну развращенія слуги и жертвы ихъ пороковъ сладострастія! И сколько людей невинныхъ гибнетъ, служа прихотямъ развращенныхъ богачей!.. Затѣмъ, уваженіе, оказываемое богатому и знатному пороку, влечетъ за собою развращеніе и всего общества и самыхъ массъ народныхъ... Видя привольную, роскошную жизнь людей богатыхъ и знатныхъ, видя уваженіе къ нимъ другихъ, даже при очевидной глупости и порочности ихъ, видя, что имъ все удается именно ради богатства и знатности,—люди начинаютъ выше всего цѣнить богатство и знатность, и пренебрегаютъ мудростію и добродѣтелію. И вотъ начинается у всѣхъ погоня за богатствомъ и внѣшнимъ почетнымъ положеніемъ: ищутъ такого образованія, которое открывало бы доступъ къ доходнымъ должностямъ, пріучаются интриговать, пресмыкаться, закаляютъ сердца свои эгоизмомъ, холодностію къ своимъ ближнимъ, готовностію погубить всякаго, стоящаго на дорогѣ ихъ къ почестямъ... И это развращеніе, постепенно ниспускаясь, какъ бы просачиваясь изъ верхнихъ слоевъ общества въ низшіе, проникаетъ все общество и всѣ массы народныя и растлѣваетъ весь общественный организмъ. Такъ далеко могутъ уйти люди

по пути зла и развращенія, когда начинаютъ предпочитать внѣшнее положеніе, внѣшнія выгоды и отличія внутреннимъ достоинствамъ и добродѣтели! И мы дѣйствительно видимъ, что человѣчество падаетъ все ниже и ниже, по винѣ этого неправильнаго взгляда на достоинство человѣка, по винѣ предпочтенія внѣшняго внутреннему. Это—достойное наказаніе христіанскому обществу и всему человѣчеству за то, что оно отвергло въ своей жизни руководство Христово, не слѣдуетъ правиламъ и примѣрамъ жизни Христовой. Господь нашъ Іисусъ Христосъ и всею Своею жизнію, и торжественнымъ входомъ Своимъ въ Іерусалимъ учитъ насъ, что внѣшнее положеніе человѣка — ничто, не имѣетъ никакой цѣны въ сравненіи съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка, что спасеніе человѣка въ истинѣ и правдѣ, въ мудрости и святости, и что на пріобрѣтеніе ихъ должны быть устремляемы всѣ усилія людей. Полное всецѣлое предпочтеніе внутренняго совершенства, нравственнаго величія внѣшнему высокому положенію,—вотъ что, по волѣ Христа, должно быть правиломъ жизни людей, для ихъ блага. И какъ хорошо устроилась-бы жизнь людей, еслибы человѣчество вполнѣ усвоило ту истину, что достоинства человѣка составляютъ его нравственныя качества, а не богатство и внѣшнее высокое положеніе его! Если бы это убѣжденіе проникло во все общество, если бы этимъ взглядомъ руководилось оно и въ отношеніяхъ къ своимъ членамъ; жизнь общественная немедленно начала бы преобразовываться, улучшаться. Богатые и знатные, видя, что, при богатствѣ и знатности, они не только не пользуются уваженіемъ, но и презираются за свою развращенную, не только безполезную, но и вредную жизнь, — невольно пришли бы къ сознанію необходимости нравственнаго перерожденія. Они стали бы дорожить знаніемъ и дѣломъ, стали бы искать мудрости и добродѣтели. Они замѣнили бы неразумную роскошь—бережливостію, бросаніе своихъ средствъ на прихоти—жертвами ихъ на дѣло благотворительности. Изъ людей тунеядственныхъ, развращенныхъ, эгоистовъ они скоро превратились бы въ полезныхъ тружениковъ—дѣятелей, въ благодѣтелей человѣчества. Перемѣна вожделѣнная, и—перемѣна весьма возможная. Съ другой стороны, и бѣдные

люди, видя, что человѣкъ цѣнится не по богатству и внѣшнему положенію, а по своимъ нравственнымъ качествамъ, перестали бы тяготиться своею бѣдностію, стали бы заботиться всемѣрно о пріобрѣтеніи достоинствъ нравственныхъ и умственныхъ, о мудрости и добродѣтели,— и при этомъ естественно достигали бы и улучшенія внѣшняго своего благосостоянія. И это тѣмъ легче достигалось бы, что богачи, отказавшись отъ безумныхъ тратъ, давали бы своимъ богатствамъ полезное употребленіе, при которомъ многое поступало бы въ пользу бѣдныхъ тружениковъ. Вообще, какъ скоро люди стали бы заботиться главнымъ образомъ о добрыхъ внутреннихъ качествахъ своихъ, жизнь человѣческая стала бы представлять отрадное явленіе: вездѣ замѣчалось бы довольство и благополучіе, вмѣсто гордости царствовало бы смиреніе, вмѣсто вражды, непріязненнаго соперничества и озлобленія—любовь и согласіе. Жизнь всѣхъ по примѣру и ученію Христову осчастливила бы всѣхъ.

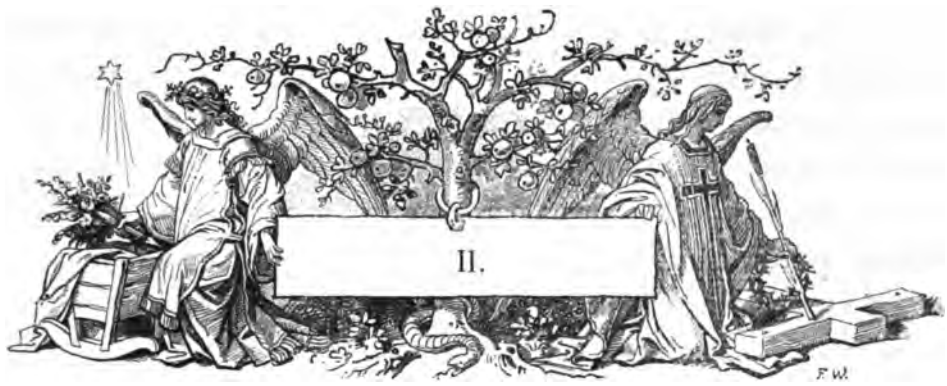
Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ какъ всею Своею жизнію и дѣятельностію, такъ и входомъ въ Іерусалимъ указалъ не на полное только преимущество нравственныхъ качествъ человѣка предъ внѣшнимъ положеніемъ его, не на предпочтеніе только, подобающее нравственнымъ достоинствамъ предъ внѣшнимъ благосостояніемъ и величіемъ, имѣющимъ второстепенное только значеніе для истиннаго счастія человѣка. Нѣтъ, Онъ вмѣстѣ съ этимъ указалъ и на тотъ характеръ, которымъ должна быть запечатлѣна ихъ дѣятельность по улучшенію своей жизни и внутренней и внѣшней. Царь кроткій указалъ и характеръ этой дѣятельности въ кротости.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что Христосъ дѣйствовалъ на людей мѣрами кротости, кроткимъ словомъ убѣжденія, не прибѣгая ни къ какому насилію. Самою строгою мѣрою вразумленія и нравственнаго исправленія людей у Него было обличеніе неразумныхъ, порочныхъ, упорныхъ. Два только раза Онъ изгонялъ изъ храма торжниковъ бичемъ изъ вервія,—изгонялъ, но не бичевалъ виновныхъ. Тотъ же духъ кротости, въ которомъ дѣйствовалъ Самъ, внушалъ Онъ и апостоламъ

Послушайте, что Онъ отвѣтилъ апостоламъ, когда они просили у Него позволенія низвести съ неба огонь на одно самарянское селеніе за то, что жители селенія не приняли Его и такимъ образомъ совершенно отказались слушать Его ученіе и слѣдовать за Нимъ: *вы не знаете, какого вы духа* (Лук. IX, 52—55),—сказалъ Онъ апостоламъ и тѣмъ прямо высказалъ осужденіе мѣрамъ жестокимъ. Когда апостолъ Петръ въ саду Геѳсиманскомъ, желая защитить Христа отъ пришедшей взять Его толпы народа, извлекъ мечъ и отсѣкъ ухо раба первосвященническаго, Господь осудилъ этотъ поступокъ апостола и приказалъ Ему возвратить мечъ въ его мѣсто, замѣтивъ, что *вси, взявшіе мечь, мечемъ погибнутъ* (Мѳ. XXVI, 52). Правда, онъ какъ будто говоритъ о мѣрахъ насильственныхъ, которыя будутъ имѣть мѣсто на землѣ ради пришествія Его въ міръ, когда говоритъ, что Онъ принесъ на землю не миръ, а мечъ. *Не думайте*, говоритъ Онъ, *что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечь* (Матѳ. X, 34). Но это не то значитъ, что кровавыя явленія въ мірѣ были цѣлію Его пришествія на землю, и не то, что Онъ Самъ будетъ или послѣдователей Своихъ уполномочитъ распространять Свое царство и ученіе огнемъ и мечемъ. Нѣтъ, всякое насиліе и кровопролитіе чуждо Его духу, нетерпимо Имъ. Нѣтъ, Онъ пришелъ на землю дѣйствительно для того, чтобы принести на землю миръ. Но страсти людскія и въ самыхъ дѣлахъ и ученіи мира и любви, въ мирномъ и любвеобильномъ дѣйствованіи и ученіи Христовомъ находятъ для себя и поводъ къ кровопролитіямъ, и оправданіе для вражды, ненависти и кровопролитій, вопреки цѣлямъ Христовымъ. Самъ же Іисусъ Христосъ отвращался всякаго насилія. Торжественный входъ Его въ Іерусалимъ безъ войска и оружія, въ сопровожденіи людей простыхъ и мирныхъ, ясно показалъ, что Онъ, и прежде дѣйствовавшій въ духѣ кротости, и впредь будетъ дѣйствовать въ духѣ кротости, и только кротость признаетъ дѣйствительною, цѣлесообразною мѣрою нравственнаго исправленія человѣчества. Этимъ духомъ кротости и должны проникаться въ своемъ дѣйствованіи послѣдователи Христовы. Но, къ несчастію, большинство ихъ не усвоило себѣ Христова духа кротости.

Многіе во имя Его совершали и совершаютъ страшныя насилія. Въ наше время многіе мнимые ревнители блага народнаго, кощунственно дерзая даже именовать дѣятельною вѣрою во Христа совершеніе ряда гнусныхъ убійствъ, — не останавливаются ни передъ какими мѣрами насилія, не гнушаются обмана, воровства, даже убійства и иногда дерзко оправдываютъ свою преступную дѣятельность, заповѣданною людямъ Христомъ любовію къ ближнимъ. Да обличитъ и устыдитъ наглую ложь эту, этотъ обманъ Христосъ и всею жизнію Своею, и торжественнымъ входомъ Своимъ во Іерусалимъ, входомъ кроткимъ и мирнымъ. Нѣтъ Христосъ и Самъ стремился и послѣдователей Своихъ училъ стремиться къ возрожденію человѣчества, къ всестороннему улучшенію жизни его мѣрами кротости, и — только кротости. И еслибы только духъ кротости глубоко проникъ въ жизнь людей, еслибы этимъ духомъ отличалась вся ихъ дѣятельность; тогда можно было бы вполнѣ надѣяться на всестороннее улучшеніе жизни человѣчества. Кротость есть самое лучшее и надежнѣйшее средство для осуществленія этой цѣли уже потому одному, что она гнушается мѣръ разрушительныхъ. Потому она охраняетъ благосостояніе общества, не обрекая на смерть людей — эту рабочую силу человѣческаго міра, не допуская до неразумнаго истребленія, уничтоженія благъ уже пріобрѣтенныхъ и не затрудняя пріобрѣтенія честнымъ трудомъ благъ новыхъ; тогда какъ насиліе и губитъ людей—работниковъ, и истребляетъ наличныя блага. Кротость является наилучшею мѣрою къ улучшенію жизни людей, далѣе, и потому, что она, по мирному характеру своему, не возбуждаетъ въ людяхъ острой вражды и ненависти противъ себя и противъ всего того, что въ ея духѣ дѣлается. Совсѣмъ напротивъ. Все, что проводится въ жизнь мѣрами кротости, обыкновенно встрѣчается общимъ сочувствіемъ, а что принимается съ сочувствіемъ, то бываетъ и прочно и благотворно. Поэтому кротость составляетъ великую силу, способную преодолѣвать, препобѣждать всякія препятствія. Припомните, въ какомъ положеніи находилось христіанство въ первые вѣка сво[illegible]ствованія, среди могущественнаго язычества. Противъ христіа

что зарождающагося, возстало язычество во всеоружіи своего всемірнаго могущества употребляло для подавленія, искорененія христіанства, всевозможныя насильственныя мѣры, — мученія и пытки. Но христіанство отвѣчало на все это незлобіемъ и кротостію и не только не было побѣждено язычествомъ, но и восторжествовало надъ нимъ, вытѣснило его изъ греко-римскаго міра и само заняло мѣсто язычества съ ореоломъ господствующей религіи. На христіанствѣ, такимъ образомъ, оправдалось обѣтованіе Христа. что *кроткіе наслѣдуютъ землю* (Матѳ. V, 5). И если бы люди всегда водились духомъ кротости, который внушаетъ имъ Христосъ, то благополучіе разлилось бы на всѣхъ обильнымъ потокомъ. Самъ Обновитель человѣчества былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ и намъ заповѣдалъ кротость и смиреніе: очевидно кротость лучшее средство для того, чтобы водворить въ обществѣ нравственность и добродѣтель и упрочить его счастіе и благоденствіе.



Безплодная смоковница [1]).

„И, увидѣвъ при дорогѣ одну смоковницу, подошелъ къ ней, и, ничего не нашедши на ней, кромѣ однихъ листьевъ, говоритъ ей: да не будетъ же впредь отъ тебя плода во вѣкъ. И смоковница тотчасъ засохла“.

Евангеліе отъ Матѳея, глава XXI, стихъ 19.

Это случилось въ понедѣльникъ предъ распятіемъ или, какъ у насъ принято говорить, въ понедѣльникъ Страстной Недѣли. Послѣ торжественнаго входа въ Іерусалимъ на ночь Спаситель удалился въ Виѳанію, а утромъ слѣдующаго дня Онъ вновь направился въ Іерусалимъ для продолженія начатого дѣла. На пути обратила на себя Его вниманіе смоковница, покрытая прежде времени листьями. Спаситель приблизился къ ней въ надеждѣ, „не найдетъ ли чего на ней; но, пришедши къ ней, ничего не нашелъ, кромѣ листьевъ“ [2]).

Тогда Спаситель проклялъ смоковницу, говоря: „да не будетъ же впредь отъ тебя плода во-вѣкъ“. „Отнынѣ да не вкушаетъ никто отъ тебя плода во-вѣкъ“. Это изречено было вечеромъ въ сумеркахъ понедѣльника. Но утромъ во вторникъ, идя въ Іерусалимъ, „ученики увидѣли, что смоковница засохла до корня“.

Обсудимъ при помощи Божіей качество и цѣль этого чуда Христова.

Это — очевидное дѣло свышечеловѣческой силы Господа и Его власти надъ неодушевленной природой. Такихъ чудесъ въ Евангеліи

[1]) По Лейтону.

[2]) Марка, гл. XI, ст. 13.

описано семь: превращеніе воды въ вино, двукратное насыщеніе народа небольшимъ количествомъ хлѣба и рыбъ, укрощеніе бури, хожденіе по озеру и чудесный уловъ рыбы. Первое чудо свидѣтельствовало, что Господь можетъ создавать новую матерію изъ существующей. Два вторыхъ свидѣтельствуютъ, что Спаситель силенъ творить изъ ничего. Три послѣднія чуда, а также чудо нахожденія монеты въ рыбѣ,—свидѣтельствуютъ, что условія существованія міра и такъ называемые законы природы не ограничиваютъ власти Господа надъ природою. Ни одно изъ этихъ чудесъ не допускаетъ тѣхъ ухищренныхъ толкованій, которыя примѣняются невѣрующими къ объясненію чудесныхъ исцѣленій. Эти исцѣленія Господа объясняютъ симпатическими внушеніями, дѣйствіями животнаго магнетизма или примѣненіемъ неизслѣдованныхъ силъ природы. Примѣры излѣченія болѣзней посредствомъ психическихъ вліяній знаетъ и современная медицина. Но простирать подобныя вліянія человѣка на жизнь растеній не рѣшатся и самые смѣлые отрицатели.

Поэтому быстрое, „до корня" засушеніе смоковницы, по одному слову Господа не поддается искусственнымъ объясненіямъ. Господь даже не прикасался къ дереву; Онъ произнесъ только слово, выражавшее Его волю, и дерево засохло. Здѣсь видимъ примѣръ сверхчеловѣческой власти Господа надъ природой.

Но это чудо Господа обращаетъ на себя вниманіе своимъ разрушительнымъ характеромъ. Господь сказалъ слово, и дерево засохло. Подобныхъ дѣяній Господа въ Евангеліяхъ мы не встрѣчаемъ. Это чудо стоитъ какъ бы въ противорѣчіи съ характеромъ Господа. Нельзя его уподобить и потопленію Гадаринскихъ свиней въ озерѣ. Эта гибель свиней была послѣдствіемъ не повелѣнія Господа, но избавленія бѣсноватыхъ. Спаситель только не воспрепятствовалъ оставившимъ людей злымъ духамъ погубить стадо. Но нѣкоторое сходство между обоими разсматриваемыми событіями есть: въ нихъ жизнь низшихъ существъ (свиней и дерева) губится для достиженія нравственнаго и духовнаго блага людей.

Оба эти чуда не стоятъ въ противорѣчіи съ естественнымъ зако-

номъ, по которому низшія твари жертвуются для блага человѣка. Нѣтъ грѣха человѣку употреблять въ пищу животныхъ или растенія. Каждый обѣдъ человѣка стоитъ жизни многимъ живымъ существамъ царства растительнаго и животнаго. Если согласно съ волей Творца, что жизнь растеній и животныхъ приносится въ жертву для поддержанія тѣлесной жизни человѣка, то неудивительно, что Спаситель для подкрѣпленія духовной жизни человѣка не пощадилъ жизни смоковницы и даже стада свиней.

При разсужденіи объ этихъ чудесахъ изобрѣтательные критики говорятъ еще о нарушеніи Іисусомъ частной собственности. Но не говоря уже о томъ, что растущее близъ дороги дерево могло никому не принадлежать и имѣть ничтожную стоимость, должно принять во вниманіе, что собственность на землѣ имѣетъ характеръ весьма ограниченный и нетвердый. Истинный собственникъ есть Богъ. Ему въ особенности и во всякое время подчинены міръ растительный и животный. „Богъ далъ и Богъ взялъ“,—вотъ истинное отношеніе человѣка къ утратѣ собственности, особенно, когда онъ лишается собственности не черезъ человѣческое насиліе, а вслѣдствіе, напримѣръ, пожара, наводненія, засухи, моровой язвы. Въ исторіи человѣчества мы видимъ, что Богъ обращалъ во благо людямъ и самыя бѣдствія. Такъ и въ разсматриваемыхъ случаяхъ Спаситель имѣлъ въ виду душевное благо людей,—дѣло всей Своей жизни.

Кромѣ сказаннаго, дѣйствіе Господа имѣло иносказательный, приточный характеръ. Иносказаніе, и притча, и дѣйствія, называемыя символическими, имѣли великое значеніе на востокѣ. И обсуждаемое нами событіе могло бы быть разсказано въ формѣ притчи вмѣсто совершенія его. Но въ послѣднемъ случаѣ разсказанное событіе произвело бы менѣе впечатлѣнія на слушателей, чѣмъ совершенное.

Иносказательный характеръ событія устраняетъ и возбуждаемыя разсказомъ недоумѣнія. Когда Господь подошелъ къ смоковницѣ, то еще не наступило время собиранія плодовъ, былъ мартъ мѣсяцъ. [illegible] Господь чаялъ утолить голодъ древесными плодами? Ужели

того, что знаютъ простые поселяне? Зналъ это Господь, но Онъ подошелъ къ древу не ради насыщенія, а ради преподанія ученикамъ важнаго урока. Обыкновенно смоквы появляются вмѣстѣ съ листьями. Но предъ Іисусомъ было дерево, преждевременно покрытое одними листьями. Христосъ зналъ, что на деревѣ нѣтъ плодовъ, но искалъ ихъ взорами, такъ какъ это исканіе входило въ составъ Его урока—притчи. Это исканіе плодовъ было не притворствомъ, но именно примѣромъ, символомъ, притчею, незаключавшею въ себѣ ни малѣйшей неправды. Вѣдь, и всякое слово есть не самая вещь и дѣйствіе, а только знакъ вещи и дѣйствія. Быть правдивымъ значитъ искренно быть увѣреннымъ въ томъ, что внушаешь слушателямъ. Ученикамъ привычно было видѣть въ словахъ и дѣйствіяхъ Іисуса притчи.

Но не было ли проклятіе смоковницы слѣдствіемъ гнѣва и раздраженія на нее? Изъ предыдущаго ясно, что раздраженія здѣсь и быть не могло, даже если бы на мѣстѣ Господа былъ обыкновенный разсудительный человѣкъ: здѣсь не было обманутаго ожиданія.

Дерево было примѣромъ народа или человѣка, возбуждающаго большія ожиданія, но не оправдывающаго этихъ ожиданій на дѣлѣ. Гнѣвъ Господень въ дѣлѣ проклятія дерева былъ гнѣвъ сдержанный и основательный, глубокій и вѣчный; относился онъ не къ дереву, но къ народамъ и людямъ, не выполняющимъ возложеннаго на нихъ назначенія. Такимъ же гнѣвомъ пламенѣло сердце Іисуса, когда Онъ изгонялъ изъ храма купующихъ и продающихъ, оскорбляющихъ святость дома Отца, дома молитвы. Несправедливо подобный гнѣвъ называть раздраженіемъ. А въ дѣлѣ смоковницы Іисусъ въ рядѣ дѣйствій изъяснилъ ученикамъ высшій законъ божественнаго управленія человѣческимъ родомъ.

Каковъ же въ точности былъ смыслъ иносказательныхъ дѣйствій Господа при смоковницѣ?

Прежде всего дѣло это относилось къ Еврейскому народу временъ Господа. Іисусъ любилъ Свой народъ и скорбѣлъ о немъ, часто говорилъ о немъ въ притчахъ. Смоковница безплодная—это Еврейскій на-

родъ. Пророки Давидъ и Исаія изображали этотъ народъ, какъ холеную и любимую Господомъ виноградную лозу. Но пророки Осія и Іоиль, изображая судъ Божій, сравниваютъ Еврейскій народъ съ смоковницею. Осія сравниваетъ благочестивыхъ Израильтянъ съ „первой ягодой на смоковницѣ“, а Іоиль говоритъ о позднѣйшихъ временахъ, когда сильный врагъ „опустошилъ виноградную лозу“ Божію „и смоковницу обломалъ, ободралъ ее до гола и бросилъ и сдѣлались бѣлыми вѣтви ея“. [1]) Такимъ образомъ еще у пророковъ смоковница была образомъ Еврейскаго народа въ періодъ суда и отчета, а виноградъ образомъ процвѣтанія этого народа. Этими иносказательными пріемами пользовался и Господь, изображая состояніе народа Своего времени. Евангелистъ Лука передаетъ ранѣе сказанную Господомъ притчу о смоковницѣ, хозяинъ которой на третій годъ пришелъ искать плода и, не нашедши, приказалъ срубить, но садовникъ ходатайствовалъ о годичной отсрочкѣ [2]). Время шло. Садовникъ—Іисусъ Христосъ приложилъ старанія къ оплодотворенію смоковницы („окопалъ и обложилъ навозомъ“), но смоковница оставалась въ прежнемъ положеніи. И вотъ, мы видимъ окончаніе притчи. Сила этой притчи заключается не столько въ отсутствіи плода, сколько въ изобиліи листьевъ. Такая смоковница была подходящимъ подобіемъ притязательности, самодовольства и хвастливости Израиля. Израиль величался закономъ, храмомъ, красотою богослуженія, богословской ученостію. Но плода Израиль не приносилъ: не явилъ онъ истиннаго сокрушенія о грѣхѣ, истинной любви къ Богу, истинной вѣры въ Его обѣщанія и внутренней святости въ отличіе отъ внѣшняго „образа благочестія“. Этими плодами благодати Израиль не превосходилъ языческіе народы. И опять вина Израиля не столько въ неимѣніи плодовъ благодати (въ то время еще нельзя было ожидать плодовъ), сколько въ притязательности его на обладаніе плодами. Израиль былъ подобенъ дереву, прикрывающему свою безплодность обиліемъ листвы.

Такое состояніе притязательности и безплодности Израиля хорошо раскрылъ бывшій до обращенія ученикомъ фарисейскимъ апостолъ

[1]) Осіи гл. IX, ст. 10. Іоиля, гл. I, ст. 7.
[2]) Луки, гл. XIII, ст. 6—9.

Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: „вотъ ты называешься іудеемъ, и успокоиваешь себя закономъ и хвалишься Богомъ, и знаешь волю Его, и разумѣешь лучшее, научаясь изъ закона, и увѣренъ о себѣ, что ты путеводитель слѣпыхъ, свѣтъ для находящихся во тьмѣ, наставникъ невѣждъ, учитель младенцевъ, имѣющій въ законѣ образецъ вѣдѣнія и истины. Какъ же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповѣдуя не красть, крадешь? Говоря: не прелюбодѣйствуй, прелюбодѣйствуешь? гнушаясь идоловъ, святотатствуешь? Хвалишься закономъ, а преступленіемъ закона безчестишь Бога?“ [1]).

Таковъ былъ Израиль, съ которымъ нашъ Господь въ Своемъ служеніи пришелъ въ столкновеніе. Онъ чаялъ плода отъ этой престарѣлой смоковницы и не нашелъ, а нашелъ только листья въ преждевременномъ и показномъ изобиліи. Приближался конецъ такому состоянію народа и событіе при Виѳанской дорогѣ было пророческимъ указаніемъ на этотъ конецъ. Когда Израиль пролилъ кровь единственнаго Праведника, то самъ подвергъ себя проклятію, воскликнувъ: „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!“ Этотъ древній и знаменитый стволъ, на которомъ за нѣсколько столѣтій до Іисуса произрастали патріархи и вожди народа, пророки и святые, стволъ, на вѣтвяхъ котораго въ предопредѣленное время сіялъ „Христосъ по плоти, сущій надъ всѣмъ Богъ, благословенный во-вѣки“ [2]), это честное древо было поражено дыханіемъ Божества, въ немъ изсякли жизненные соки и остался только почернѣлый пень, сохраняющій наружныя формы прежняго существованія.

Не одинъ Израиль—предметъ притчи. Слова Господа не прейдутъ; они сказаны на всѣ времена. Подъ смоковницей проклятой мы уразумѣваемъ всѣ народы, учрежденія, церкви и дѣла, которыя обѣщаютъ болѣе, чѣмъ содержатъ, привлекаютъ листвой, но не даютъ плода. Когда современность хвалится своимъ развитіемъ и общественными усовершенствованіями для земного благополучія, и въ тоже время народъ покрытъ съ верхнихъ слоевъ до нижняго трудно-скрываемыми моральными язвами; когда какое либо учрежденіе или предпріятіе восхваляется

[1]) Римлянамъ, гл. II, ст. 17—23.
[2]) Римлянамъ, гл., IX, ст. 5.

болѣе за свою видимость, чѣмъ за внутреннее достоинство; когда церковь проявляетъ свое дѣйствіе не столько въ душахъ и жизни вѣрующихъ, сколько въ роскошныхъ зданіяхъ и бездушныхъ церемоніяхъ,— то мы имѣемъ предъ собою смоковницу при Виѳанскомъ пути, и конецъ этой смоковницы близокъ.

А затѣмъ притча приложима и къ каждому изъ насъ, и мы находимъ въ ней слѣдующія предостереженія.

Іисусъ и нынѣ, какъ „во время оно" алчетъ отъ насъ духовнаго плодоношенія. Какъ на крестѣ Онъ жаждалъ нашего спасенія, такъ и теперь Онъ жаждетъ плодовъ Духа: любви, радости, мира, долготерпѣнія, кротости... Не видимъ мы Его, но видитъ Онъ насъ, всегда очи Его устремлены на насъ, Онъ позналъ до глубины нашу душу и ждетъ отъ насъ только того, что мы должны выполнить для нашего блага.

Онъ приходитъ къ намъ ранѣе или позже, къ каждому изъ насъ, какъ подошелъ къ Виѳанской придорожной смоковницѣ. Другіе, насъ знающіе, не подходятъ къ намъ такъ близко, какъ подходитъ Онъ. Они примѣчаютъ только видимость и не уразумѣваютъ существа нашего. Они видятъ нашъ почтенный и, можетъ быть, набожный обликъ, правильные обычаи и такъ называемыя добрыя дѣла. Но за этой видимостью, за этой листвой сокрыта отъ нихъ душа наша. А это и важно. Важно, каковъ плодъ найдетъ Господь въ день осмотра, то есть, въ день смерти? Если Онъ найдетъ живую вѣру, твердую надежду и теплую любовь къ Богу и человѣкамъ, скорбное раскаяніе о содѣянныхъ согрѣшеніяхъ, простое и чистое исканіе воли Божіей, то зачѣмъ нужны тогда сужденія людей?

Итакъ, что найдетъ Онъ? Найдетъ ли только влеченіе къ религіознымъ вопросамъ, привязанность къ церковному пѣнію и красотѣ храма, разумѣніе языка церковнаго, исполнительность къ требованіямъ устава, слова, дѣйствія и обычаи, установленныя древностію? Но все это только листья, а не плоды. Душа, которая засохнетъ при осмотрѣ ея Христомъ по разлученіи отъ тѣла, навсегда засыхаетъ. Будемъ помнить объ этомъ часто и со страхомъ. Уготовимъ плоды ко дню посѣщенія и осмотра.

Бесѣда о судьбѣ іерусалимскаго храма.

III.

Бесѣды Христовы въ страстной вторникъ.

Святый евангелистъ Іоаннъ Богословъ оканчиваетъ свое евангеліе слѣдующими словами: и многое другое сотворилъ Іисусъ; но еслибы писать о томъ подробно, то, думаю, и самому міру не вмѣстить бы написанныхъ книгъ (Іоан. XXI, 25). Евангелисты не записывали и не могли записать все, что творилъ и чему училъ Господь Іисусъ; не могли записать ни всѣхъ дѣлъ, ни тѣмъ болѣе всѣхъ словъ Его. А записали, по устроенію Духа Божія, только то, что было или приснопамятнѣе, или необходимѣе для церкви Христовой. Такъ изъ особенно знаменательныхъ послѣднихъ дней земной жизни Спасителя, на страстной понедѣльникъ падаетъ немного записанныхъ дѣлъ и словъ Христовыхъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, Господь Іисусъ многое говорилъ и въ этотъ день народу въ поученіе, потому что провелъ весь страстной понедѣльникъ въ іерусалимскомъ храмѣ, съ утра до вечера.

Изъ событій, записанныхъ св. евангелистами, на этотъ день безспорно падаетъ только проклятіе безплодной смоковницы, съ относящимися сюда рѣчами. Но и изъ этихъ рѣчей большая часть произнесена уже въ утро страстного вторника. На вторникъ же падаетъ такъ много дѣлъ и словъ Христовыхъ, записанныхъ у евангелистовъ, что обнять ихъ въ небольшой бесѣдѣ нѣтъ возможности. Мы остановимъ свое вниманіе на слѣдующихъ предметахъ: на посрамленіи фарисеевъ вопросомъ объ Іоанновомъ крещеніи и на притчахъ Спасителя: о двухъ сыновьяхъ, посланныхъ на работу, о коварныхъ виноградаряхъ и о брачномъ пирѣ.

Вспомнимъ, что еврейскій синедріонъ, по воскресеніи Лазаря, приговорилъ уже Іисуса Христа къ смерти; что, несмотря на это, Господь Іисусъ торжественно вступилъ въ Іерусалимъ и храмъ іерусалимскій въ качествѣ сына Давидова, — царя Израилева; что, по вступленіи въ храмъ, властію Сына Божія и Господа Христа изгналъ изъ храма всѣхъ торжниковъ и покупателей, осквернявшихъ домъ Божій, — изгналъ вопреки распоряженіямъ допустившихъ это архіереевъ и старѣйшинъ іудейскихъ. И вотъ во вторникъ, когда Господь Іисусъ опять появился во храмѣ и сталъ по обычаю учить собравшійся народъ, приступили къ Нему архіереи и книжники и старѣйшины народные. Передъ тѣмъ они разсуждали между собою, чтобы такое сдѣлать съ Нимъ, но ничего не нашли, потому что всѣ люди держались около Него, слушая Его. И вотъ въ эту минуту они выступаютъ изъ среды народа и задаютъ Ему категорическій вопросъ: какою властію Ты это дѣлаешь? И кто Тебѣ далъ власть сію, чтобы дѣлалъ все это?—Говоря современнымъ языкомъ, это была огромная депутація, знаменательная по количеству и выбору состава, въ который входили главные священники, старѣйшины, ученые книжники, начальствующіе раввины, представители званій, составлявшіе синедріонъ, высшее еврейское судилище. Такъ торжественно всенародно они выступили для того, чтобы въ бѣдномъ пророкѣ изъ презираемаго ими Назарета возбудить страхъ сборищемъ всего того, что такъ глубоко уважалось евреями въ томъ вѣкѣ. Своимъ строгимъ вопросомъ: „какою властію Ты это дѣлаешь и кто Тебѣ далъ

такую власть?“ —они требовали отъ Него удостовѣренія на право публичнаго исполненія обязанностей раввина—учителя, на право торжественнаго входа въ Іерусалимъ среди кликовъ — осанна, на очищеніе храма отъ продавцовъ, получившихъ отъ храмовыхъ властей дозволеніе производить тамъ торговлю. Отвѣтъ Іисуса удивилъ и поразилъ грозную депутацію. Съ безпредѣльнымъ присутствіемъ духа, которому не представляетъ ничего подобнаго всемірная исторія, Іисусъ сказалъ имъ, что Его отвѣтъ на ихъ вопросъ зависитъ отъ отвѣта, который они дадутъ на Его вопросъ. Спрошу васъ и Я одно слово, и отвѣтьте Мнѣ, тогда и Я вамъ скажу, какою властію Я это дѣлаю. Крещеніе Іоанново откуда было: съ небесъ или отъ человѣковъ?—Послѣдовало внезапное молчаніе. Отвѣтьте Мнѣ,—повторилъ Іисусъ. Но отвѣта не было. Они поняли всю его важность. Іоаннъ Креститель открыто свидѣтельствовалъ объ Іисусѣ, признавая Его за пророка, Господа своего, и за Мессію—обѣтованнаго Искупителя міра,—свидѣтельствовалъ даже предъ депутатами, которыхъ отправляли къ нему тѣ же старѣйшины еврейскіе. Вопросъ Іисуса равнялся вопросу: слѣдуетъ или нѣтъ признать такое Іоанново свидѣтельство? Но они не могли и не хотѣли отвѣчать. Не хотѣли сказать: съ небесъ, потому что это было противно ихъ убѣжденію; не смѣли сказать и — отъ людей, потому что вѣрованіе въ Іоанна, какъ великаго пророка, было въ народѣ такъ сильно и единодушно, что открытое отверженіе его было бы небезопасно для ихъ жизни. Они размышляли въ себѣ: „если скажемъ, съ небесъ,—Онъ скажетъ: зачѣмъ же вы не вѣровали ему? Но если скажемъ: отъ человѣковъ,—страшно народа, ибо всѣ считали Іоанна, что онъ былъ воистину пророкъ“. И сказали Іисусу въ отвѣтъ: „не знаемъ“. Такимъ образомъ вопросъ, который, по ихъ разсчету, долженъ былъ сокрушить Іисуса, отброшенъ назадъ къ ихъ стыду и всенародному посмѣянію. Неудачный отвѣтъ ихъ избавлялъ Самого Іисуса отъ нужды объяснять имъ источникъ Его власти, о которомъ они знали, но не хотѣли сказать. И Я вамъ не скажу,—заключилъ Іисусъ,—какою властію это дѣлаю.

Они замолчали, униженные и посрамленные предъ лицемъ народа.

А Господь сталъ продолжать прерванное ими ученіе народа, начавъ теперь говорить притчами.

А какъ вамъ кажется?—вопрошаетъ Господь. Нѣкоторый человѣкъ имѣлъ двухъ сыновъ. И, подошедши къ первому, сказалъ: „дитя мое, иди сегодня, поработай въ виноградникѣ моемъ". Тотъ сказалъ въ отвѣтъ: „не хочу"; но послѣ, раскаявшись, пошелъ. И, приступивъ къ другому, отецъ сказалъ также: „ступай, поработай сегодня въ виноградникѣ". Этотъ говоритъ въ отвѣтъ ласкательнымъ языкомъ, и, осуждая перваго брата за непослушаніе отцу, обѣщаетъ: „я, господинъ мой, иду",—и не пошелъ. Который изъ двухъ сыновъ,—спрашиваетъ Господь Іисусъ,—исполнилъ волю отца? Говорятъ Ему: „первый". Тогда говоритъ Господь этимъ народнымъ старѣйшинамъ, книжникамъ и первосвященникамъ: аминь, истинно говорю вамъ, что мытари и любодѣи предварятъ васъ въ царствіи Божіемъ. Мытари и любодѣи,—это тотъ сынъ небеснаго Отца, который сказалъ отцу: не хочу итти работать въ виноградникѣ твоемъ, а потомъ раскаялся и пошелъ. Вы же—другой сынъ, который сказалъ ласкательною рѣчью, противопоставляя себя первому сыну: „а я, господинъ батюшка, пойду", и не пошелъ. Мытари и блудницы, несмотря на явное, повидимому, безстыдство непослушанія, укажутъ вамъ, гордецамъ законникамъ, путь въ царствіе Божіе. Эти грѣшники, которыхъ законники презираютъ, устремятся прежде васъ въ двери неба, которыя теперь отверсты. Ибо пришелъ къ вамъ Іоаннъ Креститель путемъ правды,—сохраняя ваши обычаи и преданія,—и вы не повѣрили ему; мытари же и любодѣйцы повѣрили ему; а вы не раскаялись и послѣ, видѣвши все это, чтобъ повѣрить ему. Итакъ, по этой притчѣ Господней, сынъ непослушный на словахъ, оказавшійся однакоже послушнымъ отцу на дѣлѣ, изображаетъ мытарей, грѣшниковъ и язычниковъ, которые сначала преступали заповѣди Отца небеснаго, а послѣ, раскаявшись, увѣровали въ Единороднаго Сына Его. А сынъ, послушный на словахъ, льстивый и гордый, изображалъ старѣйшинъ еврейскихъ, которые мнили себя истинными чадами Божіими, а закона Божія не исполняли и въ Сына Божія, по ожесточенію гордаго, презрительнаго сердца, не повѣрили.

Выслушайте,—повелѣваетъ имъ Господь, равно какъ и намъ,—иную притчу. Былъ нѣкоторый домовитый человѣкъ, который насадилъ виноградъ, и оплотомъ оградилъ его, и выкопалъ въ немъ точило (точило—это такой снарядъ, въ которомъ выжимаютъ изъ винограда винный сокъ), и построилъ башню для наблюденія, для стражи, и отдалъ его виноградарямъ, и отлучился. Когда же приблизилось время собиранія плодовъ, послалъ рабовъ своихъ къ виноградарямъ, чтобы получить отъ нихъ плоды виноградника. А виноградари, схвативъ рабовъ его, одного избили, другого убили, иного же камнями закидали. Господинъ послалъ иныхъ рабовъ, уже въ большемъ числѣ, чѣмъ въ первый разъ. А виноградари поступили и съ этими также: кого избили, кого убили совсѣмъ, кого, изранивъ, прогнали и ни одному не дали плодовъ. Тогда Господинъ виноградника говоритъ: „что дѣлать далѣе?“ Имѣлъ онъ еще одного сына своего возлюбленнаго; послалъ, наконецъ, и того, говоря, что устыдятся они сына моего. Но виноградари, увидѣвши сына, разсудили между собою: „это—наслѣдники, пойдемъ, убьемъ его и завладѣемъ наслѣдствомъ“. И, схвативъ его, вывели вонъ изъ виноградника и убили. Итакъ, вопрошаетъ Господь,—когда придетъ господинъ виноградника, что сдѣлаетъ съ тѣми виноградарями?—Говорятъ Ему: этихъ злодѣевъ казнитъ лютою смертію, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды въ свое время. Кто это такъ отвѣтилъ Господу Іисусу, кто произнесъ такой грозный, хотя и естественный приговоръ,—народъ ли въ восторгѣ честнаго убѣжденія, или слушавшіе это старѣйшины, чтобы доказать свое презрѣніе къ тому, на что указывала притча,—это въ евангеліи прямо не сказано. Но, когда было произнесено грозное слово: „придетъ господинъ винограда и погубитъ этихъ виноградарей и отдастъ виноградникъ другимъ“,—старѣйшины, въ невольномъ ли содроганіи за свою судьбу, или въ ожесточеніи невѣрія, сказали: да не будетъ,—не можетъ этого быть. Господь же, воззрѣвъ на нихъ, сказалъ: ужели вы не читали, что значитъ изреченіе въ писаніи: камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главою угла, и это дивно въ глазахъ нашихъ? И всякій, падшій на этотъ камень, разобьется, а на кого онъ упадетъ, того раздавитъ.

Эта притча ясна сама по себѣ и не требуетъ изъясненія. Господинъ винограда есть Богъ. Виноградникъ—избранный народъ іудейскій. Ограда виноградника — законы, данные чрезъ Моисея; точило — жертвенникъ; башня—это храмъ; виноградари—священники и старѣйшины народа; подъ плодами разумѣется истинная вѣра, всесовершенная покорность Богу и нелицемѣрное благочестіе. Избитые и убитые слуги господина—это пророки; сынъ господина—Іисусъ Христосъ. Этою притчею Іисусъ Христосъ далъ замѣтить первосвященникамъ и книжникамъ, что они внутренно увѣрены въ Его божественномъ посольствѣ, но, чтобы не лишиться власти и выгодъ своего положенія, они изведутъ Его вонъ изъ Іерусалима и убьютъ. Когда они не хотѣли вѣрить, чтобы изъ-за Него отнято было у нихъ царствіе Божіе и перешло къ другому народу, Онъ напомнилъ имъ одно пророчество, гдѣ обѣтованный Мессія сравнивается съ камнемъ, который строители отбросили, но которому Богъ предназначилъ быть именно основаніемъ и главою зданія церкви.

Первосвященники и книжники поняли, что Онъ о нихъ сказалъ эту притчу и старались возложить на Него руки тотчасъ же, но побоялись народа. Между тѣмъ Іисусъ Христосъ сказалъ новую притчу:

Устрояемое посредствомъ евангельской проповѣди царство небесное подобно одному царю, который сдѣлалъ брачный пиръ для сына своего. И послалъ рабовъ своихъ звать приглашенныхъ на бракъ; но они не захотѣли придти. Онъ послалъ другихъ рабовъ, наказавши имъ: „скажите званнымъ: уже обѣдъ у меня готовъ; тельцы мои и все, что я откормилъ, заколоты; приходите на брачный пиръ“. Но они, пренебрегши приглашеніемъ, пошли, кто на поле свое, кто къ торгу своему. А нашлись и такіе, которые схватили рабовъ его, наругались надъ ними и убили ихъ. Услышавши объ этомъ, царь разгнѣвался, и, пославши войска свои, истребилъ этихъ убійцъ и городъ ихъ сжегъ. Тогда говоритъ онъ рабамъ своимъ: „брачный пиръ готовъ, а званные не были достойны. Подите же на распутія, и всѣхъ, кого найдете, зовите на бракъ“. И вышедши рабы тѣ на распутія, собрали всѣхъ, кого ни нашли, злыхъ и до
и наполнился пиръ возлежащими. Вошедши же посмотрѣть возл

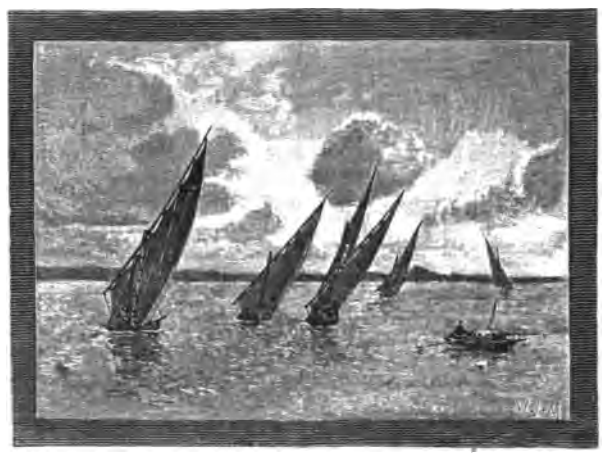
царь увидѣлъ тамъ человѣка, не одѣтаго въ брачную одежду, какой требовалъ самый обыкновенный обычай. Впрочемъ, въ древности цари и князья имѣли обычай, особенно на востокѣ, давать своимъ приближеннымъ въ подарокъ верхнія одежды. Получившіе такія одежды, въ нихъ и являлись ко двору на царскія пиршества. Однакоже и другіе приглашенные должны были имѣть одежды праздничныя; явиться въ непраздничной одеждѣ значило оскорбить приглашавшаго, и таковый оскорбитель, конечно, считался недостойнымъ участвовать въ пирѣ царевомъ. Потому-то, увидѣвъ на пиру человѣка, не одѣтаго въ брачную одежду, царь говоритъ ему: „другъ! какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ?“ Тотъ молчалъ. Тогда сказалъ царь слугамъ: „связавши ему руки и ноги, возьмите его и выбросьте во тьму кромѣшнюю, тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ“. Итакъ,—заключилъ Господь, — много званныхъ, но мало избранныхъ.

Эта притча означала, что іудеи пренебрегаютъ посланниками Божіими, не пріемлютъ ученія обѣтованнаго и пришедшаго Искупителя, и отрекаются отъ Него. За это Богъ истребитъ Іерусалимъ и призоветъ въ свою церковь язычниковъ. Впрочемъ, если кто и изъ христіанъ, вошедшій въ царство Мессіи, не будетъ жить сообразно съ святыми Его законами, то и такой христіанинъ будетъ низвергнутъ во тьму кромѣшнюю. Много званныхъ, а мало избранныхъ. Призываются въ царство Христово многіе, всѣ, кто слышитъ проповѣдь евангельскую. Но истинными членами этого царства дѣлаются не всѣ званные, а только избранные, которыхъ сравнительно съ званными мало. Іудеи всѣ были призываемы въ церковь Христову; но между ними сравнительно немного оказалось избранныхъ. Потомъ языческіе народы, одинъ послѣ другого, также призываются въ царство Христово. Истинныхъ же христіанъ, этихъ избранниковъ Божіихъ, всегда было сравнительно немного. Много и изъ званныхъ было и есть не въ брачной одеждѣ, которые рано ли, поздно ли будутъ отвергнуты небеснымъ Царемъ.

Все это, главнымъ образомъ, относится къ іудеямъ, современникамъ Христа, къ которымъ и обращены были всѣ изложенныя рѣчи Христовы. Іудеи, и во главѣ ихъ старѣйшины іудейскіе, по ожесточе-

нію сердецъ своихъ, не повѣрили свидѣтельству Іоанна Крестителя, который провозглашалъ Іисуса Христа своимъ Господомъ, величайшимъ пророкомъ, Агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра. Іудеи, какъ оный лукавый изъ двухъ сыновъ отца, на словахъ изъявляли Отцу небесному готовность служить Ему и творить волю Его, а на дѣлѣ были ослушниками Его гласа. Іудеи перебили пророковъ, которыхъ посылалъ къ нимъ Господь для того, чтобы побудить ихъ приносить плоды добродѣтели; наконецъ, убили и единороднаго Сына Божія, думая удержать за собою, на вѣчное время, господство надъ Божіею церковію. Іудеи, думая создать царство Божіе, отвергли Іисуса Христа, какъ Мессію, а Онъ-то и былъ тотъ предопредѣленный камень, который легъ во главу угла царства Божія на небѣ и на землѣ. Іудеи отвергли призваніе Божіе, когда Царь небесный, творя бракъ Сына своего, сочетавая Его съ невѣстою Его—церковію, звалъ ихъ на брачный пиръ: зато они и остались внѣ брачнаго чертога, а вмѣсто ихъ, вмѣсто избраннаго народа, вошли въ царскій чертогъ Царя небеснаго народы языческіе. Однако, Слова Христовы имѣютъ всемірное и всеобщее значеніе. Они касаются и насъ съ вами не менѣе, какъ касались и евреевъ, современниковъ Христовыхъ. Такъ многіе-ль и изъ насъ твердо и несомнѣнно вѣруютъ священнымъ свидѣтельствамъ Іоанна Крестителя и другихъ пророковъ и апостоловъ о божественномъ посланничествѣ Іисуса Христа? Скажите, больше-ль мы походимъ на того изъ двухъ сыновъ, который сказалъ отцу: „не хочу итти работать на тебя въ твоемъ виноградникѣ“, а потомъ раскаялся и пошелъ, или на того, коварно льстиваго, который, осуждая своего брата, сказалъ отцу: „а я, господинъ батюшка, пойду“, да и не пошелъ? Скажите, отдаемъ ли мы Богу тѣ плоды добродѣтели и благочестія, которыхъ Онъ отъ насъ требуетъ? Не готовы-ль многіе изъ насъ, напротивъ, убить въ себѣ самую вѣру въ Бога и слово Его для того только, чтобы отстоять свое право вести ту грѣховную жизнь, которую ведемъ? Скажите, кого и что кладемъ мы въ основу зданія, созидая свое благополучіе, внутреннее и внѣшнее? Христа ли Спасителя? Слово-ль Его? Напротивъ, не отвергаемъ ли Его, какъ нѣчто для

нашихъ хотѣній и стремленій негодное, мѣшающее, затрудняющее! Насъ вѣчно зовутъ въ царство Христово на пиръ духовный; а мы не пренебрегаемъ ли божественнымъ зовомъ? Не идемъ ли, поворотивъ свои спины, а не лица къ Богу, къ небу, къ храму Божію, — не идемъ ли одинъ на село свое, на свое поле, другой на торгъ свой, на рынокъ, а третій и четвертый и еще на худшее? Мы всѣ зовемся христіанами. Это значитъ, мы всѣ вошли въ чертогъ Царя небеснаго на царскій пиръ. Но всѣ ли мы не только званные, но вмѣстѣ и избранные? Всѣ ли мы вошли предъ очи Царя небеснаго въ царскихъ брачныхъ одеждахъ? Кто изъ насъ заботится, кто даже помышляетъ о томъ, что онъ ходитъ предъ очами Сердцевѣдца Бога въ рубищахъ многихъ и тяжкихъ своихъ прегрѣшеній?



IV.

Іуда предатель.

Одинъ извѣстный ученый нашего времени, который, къ сожалѣнію, отвергаетъ Евангеліе, какъ-то разъ высказался, что онъ никакъ не можетъ понять, отчего произошло то, что какой-то распятый на Голгоѳѣ іудейскій раввинъ могъ побѣдить и уничтожить греческихъ боговъ и римское могущество. Этого никогда и не поймутъ и не могутъ понять невѣрующіе; ибо слово о крестѣ и о Распятомъ будетъ всегда для однихъ глупостью, для другихъ соблазномъ. Съ другой стороны безспорно то, что не столько ученіе и чудеса Спасителя, но именно страданія и смерть, распятіе и воскресеніе привлекаютъ сердца людей ко Христу и дѣлаютъ ихъ блаженными, и что такъ это будетъ до конца міра. Страданія и смерть Спасителя являются передъ нами величайшею и священнѣйшею тайною всѣхъ временъ, въ нихъ—неизсякаемый источникъ всякаго мира и утѣшенія, черезъ нихъ проливается на насъ небесный свѣтъ, когда мы находимся въ печали и скорби въ сей земной юдоли.

Несмотря на то, какъ бы величественнымъ и священнымъ ни являлся намъ въ Евангеліи образъ страждущаго Спасителя, выше чего

мы себѣ и представить ничего не можемъ, — несмотря на это, мы не должны обходить своимъ вниманіемъ и тѣхъ лицъ, которыя встрѣчаются намъ въ повѣствованіяхъ о страданіяхъ Спасителя. Каіафа и Анна, Пилатъ и Иродъ, Симонъ Киринейскій и Іосифъ Аримаѳейскій, распятые разбойники и сотникъ у креста и другія имена связаны неразрывно на всѣ времена съ исторіею страданій Іисуса Христа. Всякое Богодухновенное писаніе дано намъ для нашего наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ доброй жизни. Поэтому и воспоминаніе о тѣхъ людяхъ, которые окружали нашего Спасителя во время Его страданій и смерти, можетъ научить и предостеречь насъ, можетъ укорить, если мы тоже впали во грѣхъ, и ободрить насъ въ минуты горя и печали.

Евангеліе прежде всего останавливаетъ наше вниманіе на тѣхъ, кто предалъ Христа на смерть,—на Іудѣ Искаріотскомъ и членахъ синедріона. Евангелистъ разсказываетъ: „приближался праздникъ опрѣсноковъ, называемый Пасхой; и искали первосвященники и книжники, какъ бы погубить Его, потому что боялись народа“ (Лук. XXII, 1—2). Вотъ до чего, наконецъ, дошло дѣло! ***Они искали, какъ бы Его убить.*** Три года Іисусъ Христосъ съ кротостью и со смиреніемъ вращался среди своего народа, не скрываясь ни отъ кого. Никто не могъ обличить Его во грѣхѣ. Онъ возвѣщалъ всѣмъ святыя слова вѣчной истины и вѣчной жизни. Въ чудесахъ своихъ Онъ проявилъ великое могущество и силу. По Его слову слѣпые прозрѣвали, хромые стали ходить, прокаженные очищались, глухіе получали слухъ, больные исцѣлялись и мертвые возвращались къ жизни. Онъ ободрялъ труждающихся и обремененныхъ, утѣшалъ печальныхъ. Во всѣхъ мѣстахъ Онъ освящалъ, помогалъ и благословлялъ. За все это завидовали Ему и ненавидѣли Его, ругали и позорили первосвященники и книжники. За все это они подвергали Его гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Вотъ благодарность, которую они воздали Ему за всѣ благодѣянія! Теперь же ихъ ненависть и озлобленіе достигли крайней степени напряженія. ***„Они искали какъ бы погубить Его“***. Поэтому они собрались во дворецъ первосвященника Каіафы и держали совѣтъ о томъ, какъ бы съ помощью хитрости схва-

тить и убить Іисуса. Они строили коварные планы противъ святаго и невиннаго Богочеловѣка и совѣтовались другъ съ другомъ, какъ бы лучше и надежнѣе всего имъ схватить его и погубить. То, что они

Коварный замыселъ Іуды.

задумали въ первосвященническомъ дворцѣ, было дѣломъ озлобленныхъ и отверженныхъ людей. Нужно считать чудомъ, что отъ совѣта книж-

никовъ и фарисеевъ не содрогнулись основанія дома Каіафы и что стѣны его не обрушились и не погребли подъ собою этихъ злодѣевъ. Но гораздо прискорбнѣе и ужаснѣе то, о чемъ мы читаемъ дальше въ этомъ евангельскомъ разсказѣ; „вошелъ же сатана въ Іуду, прозваннаго Искаріотомъ, одного изъ числа двѣнадцати, и онъ пошелъ и говорилъ съ первосвященниками и начальниками, какъ Его предать имъ“ (Матѳ. XXVI, 3—4). Сердце замираетъ отъ ужаса, когда мы читаемъ эти слова. Одинъ изъ числа двѣнадцати хочетъ измѣнить своему Господу и Учителю и предать Его озлобленнымъ врагамъ! И этотъ одинъ—о, мы знаемъ это имя и никогда не было позорнѣе имени человѣческаго—и этотъ одинъ есть *Іуда Искаріотскій*! И этотъ человѣкъ когда-то лежалъ въ колыбели, окруженный попеченіемъ и нѣжностью, и очи любящихъ родителей съ радостію покоились на немъ! И этотъ человѣкъ когда-то весело и беззаботно игралъ со своими сверстниками и никто не могъ думать и гадать, что этотъ ребенокъ будетъ въ концѣ концовъ сыномъ погибели! И этотъ человѣкъ нѣкогда думалъ о благородной дѣятельности, стремился къ высокимъ цѣлямъ. Онъ послѣдовалъ за Іисусомъ Христомъ и сдѣлался Его ученикомъ. Господь призвалъ и избралъ Его, какъ и прочихъ апостоловъ, послѣ продолжительной молитвы (Лук. VI, 12—16). Этотъ человѣкъ въ продолженіе долгаго времени жилъ въ тѣснѣйшемъ и живомъ общеніи со Спасителемъ. Онъ слышалъ изъ устъ своего божественнаго учителя слова жизни и торжественныя обѣтованія. Онъ постоянно слушалъ сильнѣйшія увѣщанія и строжайшія предостереженія. Онъ видѣлъ всѣ великія дѣла и славныя чудеса. Онъ удостоился святѣйшей и блаженнѣйшей любви Господа. Онъ былъ съ прочими апостолами отправленъ на проповѣдь и возвѣщалъ во имя Его: „приблизилось царствіе небесное!“ (Матѳ. X, 4—7). И теперь... этотъ человѣкъ идетъ и хочетъ измѣнить своему великому Учителю и предать Его въ руки кровожадныхъ враговъ Его! Никто не уговаривалъ и не предлагалъ эму этого. Онъ добровольно отправляется во дворецъ къ первосвященникамъ и говоритъ собравшимся начальникамъ народа: „что вы дадите мнѣ, и я вамъ предамъ Его?“

(Матѳ. XXVI, 15) Они предлагаютъ ему за это тридцать серебренниковъ! Ему достаточно этой ничтожной суммы и онъ желаетъ ее заработать. Довольный возвращается онъ къ остальнымъ ученикамъ и онъ держится въ присутствіи ихъ и своего Господа и Учителя совершенно непринужденно, какъ будто ничего не случилось. Съ этой минуты предатель ищетъ удобнаго случая, чтобы предать своего Спасителя. Какая здѣсь передъ нашими глазами развертывается мрачная и ужасная картина человѣческой злобы и развращенія! Мы ужасаемся, когда читаемъ, какъ Каинъ убилъ своего брата, или какъ Иродъ приказалъ избить невинныхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ. Но что это въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ Іуда, который предалъ Богочеловѣка, своего Спасителя въ руки Его враговъ! Насъ не удивляетъ, что евангелистъ пишетъ объ этомъ: „вошелъ же сатана въ Іуду, прозваннаго Искаріотомъ, одного изъ двѣнадцати“. Мы не иначе можемъ назвать этотъ позорный поступокъ, какъ дѣломъ сатаны и произведеніемъ ада. Поэтому и адъ ликуетъ по поводу его. Поэтому говорится и о первосвященникахъ и старѣйшинахъ: „и они обрадовались“ тому. Мы же съ отвращеніемъ и ужасомъ отворачиваемся отъ этого человѣка, который сдѣлался изъ ученика и апостола предателемъ своего Господа и Учителя.

Сребренники

Тяжело слышать и читать объ этомъ! Но вмѣстѣ съ тѣмъ какой урокъ здѣсь для насъ! Пусть никто не говоритъ: „этого я никогда не могъ бы сдѣлать!“ Пусть никто не утверждаетъ: „я еще не предалъ своего Спасителя и никогда не предамъ Его“. Намъ извѣстно строгое слово священнаго писанія, которое такъ гласитъ: „кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобы не упасть“ (1 Кор. X, 12).

Іуда Искаріотскій не вдругъ сдѣлался предателемъ Спасителя. Въ его сердцѣ сначала зародилось и грѣлось одно только злое желаніе. Гибельные плевелы все болѣе и болѣе росли и, наконецъ, совершенно уничтожили доброе и благородное сѣмя, которое посѣялъ въ его сердцѣ Господь. Съ нимъ произошло именно то, о чемъ пишетъ апостолъ Іаковъ: „каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью; похоть же зачавши раждаетъ грѣхъ, а сдѣланный грѣхъ раждаетъ смерть“ (Іак. I, 14—15). Злая похоть, которая зародилась и возрастала въ сердцѣ Іуды, было *любостяжаніе*. Св. Апостолъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ посланій называетъ любостяжаніе идолослуженіемъ (Еф. V, 5), а въ другомъ посланіи „корнемъ всѣхъ золъ“ (1 Тим. VI, 10). Іуда же думалъ, что онъ, питая и согрѣвая въ сердцѣ своемъ эту злую похоть, можетъ въ то же время остаться ученикомъ Іисуса Христа. Но это послужило ему ко вреду и наконецъ приготовило ему погибель. Изъ любостяжателя мало-по-малу сдѣлался *воръ* (Іоан. XII, 6), который тихохонько кралъ изъ общественнаго денежнаго ящика, который онъ носилъ и хранилъ. Изъ любостяжателя и вора онъ сдѣлался потомъ *лицемѣромъ*, который старательно прикрывалъ свои грѣхи благочестивымъ выраженіемъ лица и добрыми рѣчами. Учениковъ онъ во всякомъ случаѣ могъ этимъ путемъ обманывать. Ихъ взору осталось до самаго конца сокрытымъ то, какой позорный человѣкъ находится въ ихъ средѣ. Даже во время послѣдней вечери, когда Іисусъ сказалъ имъ: „истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня“, ни одинъ изъ нихъ не подумалъ на Іуду, но они всѣ опечалились и спрашивали другъ друга: „не я ли, Господи?“ (Мтѳ. XXVI, 22. Мрк. XIV, 19. Лук. XXII, 23. Іоан. XIII, 22). Но Іуда не могъ ввести въ заблужденіе своимъ напускнымъ благочестіемъ великаго сердцевѣдца, который „не имѣлъ нужды, чтобы кто засвидѣтельствовалъ о человѣкѣ; ибо Самъ зналъ, что было въ человѣкѣ (Іоан. II, 25). Іисусъ зналъ сокровенное сердце этого изверга съ самаго начала и все яснѣе и яснѣе указывалъ своимъ ученикамъ на него, какъ на своего предателя (Іоан. VI, 64—71). И это приводило Іуду въ еще большее озлобленіе и ожесточеніе. Любостяжаніе

и лицемѣріе возбуждали гнѣвъ въ его сердцѣ по поводу какъ дружественныхъ, такъ и строгихъ словъ Спасителя. Чѣмъ больше онъ чувствовалъ, что всевѣдущее око его Спасителя и Учителя проникаетъ въ его сердце, тѣмъ болѣе ожесточалась душа его противъ лучшаго своего друга и благодѣтеля. Отсюда его стала снѣдать ненависть и вражда къ Іисусу. „И онъ пошелъ и говорилъ съ первосвященниками и начальниками, какъ Его предать имъ". Это былъ послѣдній шагъ, который онъ дѣлаетъ, чтобы выразить свою ненависть ко Христу и удовлетворить своему ненасытимому любостяжанію. Со свѣтлыми надеждами онъ вступилъ нѣкогда въ общество Спасителя и Его учениковъ; невѣрующимъ остался онъ среди Господа и апостоловъ; чуждый любви и ожесточенный разстался онъ съ этимъ скромнымъ и дружественнымъ обществомъ и сдѣлался предателемъ Спасителя и сыномъ вѣчной погибели.

Исторія Іуды предостерегаетъ всѣхъ насъ, дорогіе читатели, указывая на то, какъ опасна и гибельна власть и сила грѣха. Премудрый Сирахъ справедливо говоритъ: „бѣги отъ грѣха, какъ отъ лица змѣя; ибо, если подойдешь къ нему, онъ ужалитъ тебя" (Сир. XXI, 2). Мы не должны питать и грѣть въ своемъ сердцѣ злой похоти и оставаться при этомъ послѣдователями Іисуса Христа. Какъ бы ни называлась похоть, будетъ-ли она любостяжаніемъ или высокомѣріемъ, мздоимствомъ или лживостью, гнѣвомъ или сладострастіемъ, или какъ нибудь иначе, — все равно, — это несовмѣстимо со званіемъ христіанина и мы должны бороться съ нею и побѣдить ее, или она, наконецъ, будетъ господствовать надъ нами. Помните, что всякая злая и грѣховная похоть, которая будетъ гнѣздиться въ нашемъ сердцѣ, можетъ приготовить намъ временную и вѣчную погибель. Для насъ безполезно и посѣщеніе храма Божьяго, и молитва въ немъ, если мы не постараемся изгнать изъ себя похоти грѣховной. Напрасно и причащеніе Святыхъ Таинъ Христовыхъ, если душа наша вмѣсто борьбы съ похотью будетъ услаждаться ею: тогда сердце наше будетъ все болѣе и болѣе озлобляться и ожесточаться и незамѣтно для себя можетъ окончательно погубить себя, безъ всякой надежды на спасеніе. Вѣрно слово апостольское: „похоть же зачавши

раждаетъ грѣхъ, а сдѣланный грѣхъ раждаетъ смерть (Іоан. I, 15). Въ чемъ заключается похоть, это совершенно безразлично. Будутъ ли это деньги, какъ было съ Іудой, будетъ ли это месть къ врагамъ, или будетъ ли это что либо другое—все это безразлично: мы должны знать только одно, именно:—черезъ всякій грѣхъ, совершенный нами въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, мы предаемъ нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа. И всякая похоть, которая гнѣздится въ нашемъ сердцѣ, принадлежитъ къ тѣмъ тридцати серебренникамъ, за которые и по сей день предается и продается Господь. И съ этой стороны евангельское слово о предательствѣ Іуды постоянно говоритъ нашему сердцу: „бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе: духъ бодръ, плоть же немощна“ (Мѳ. XXVI, 41). Оно какъ бы напоминаетъ: „кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобы не упасть“ (1 Кор. X, 12). Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!

V.

Омовеніе ногъ на тайной вечери.

Приближался конецъ земной жизни Спасителя. Надвигался страшный часъ Его искупительной смерти. Предчувствуя это, Христосъ Спаситель захотѣлъ въ послѣдній разъ совершить вмѣстѣ со своими учениками ту пасхальную вечерю, которая положила начало нашей, непрестающей теперь, таинственной вечери. Здѣсь Онъ изливалъ Свою неизреченную любовь къ людямъ, которыхъ, по божественному слову, возлюбилъ до конца.

Вся эта послѣдняя пасхальная трапеза исполнена была глубокой торжественности и умиленія. Трогательные, поражающіе моменты слѣдовали здѣсь одинъ за другимъ.

Сначала Іисусъ Христосъ захотѣлъ еще разъ засвидѣтельствовать свою любовь къ ученикамъ дѣломъ, воспоминаніе о которомъ на-вѣки запечатлось бы въ ихъ памяти. Въ этомъ дѣйствіи Онъ хотѣлъ дать образъ той идеи, которой проникнуто было все Его служеніе,—идеи добровольнаго смире-

нія,—ради которой Онъ отдалъ Себя человѣчеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ хотѣлъ показать Своимъ ученикамъ, заводящимъ споры о первомъ мѣстѣ въ грядущемъ Царствіи, что высшее величіе заключается въ смиреніи. Вотъ почему Онъ снимаетъ съ Себя верхнюю одежду, и, какъ рабъ, въ одномъ хитонѣ беретъ полотенце, Самъ опоясывается имъ и опускается на колѣни, чтобы умыть ноги Своимъ ученикамъ.

„Іисусъ, зная, что Отецъ все отдалъ въ руки Его и что Онъ отъ Бога исшелъ и къ Богу отходитъ, всталъ съ вечери... и началъ умывать ноги ученикамъ"... Какое странное сближеніе! Неужели же Іисусъ Христосъ доходитъ до такой степени смиренія именно потому, что знаетъ, что Онъ отъ Бога исходитъ и къ Богу отходитъ? Да, такъ и должно быть: между этою мыслью и этимъ дѣйствіемъ существуетъ глубокая внутренняя связь. Чѣмъ истинно возвышеннѣе душа человѣка, тѣмъ болѣе доступно ему смиреніе. Какое же значеніе имѣютъ для Іисуса, стоящаго на безмѣрной высотѣ, куда возвела Его воля Отца, всѣ наши жалкія различія въ общественномъ положеніи, наше ложное величіе и наши условные порядки? Какое значеніе въ Его словахъ имѣетъ наше тщеславіе, наше мелкое соперничество, наша борьба себялюбія и гордости? Какое значеніе имѣетъ людское порицаніе или презрѣніе въ глазахъ Того, Кто обладаетъ одобреніемъ Божіимъ? Какое значеніе имѣютъ всѣ земныя униженія для Того, Кто вкусилъ небесной славы?

О, жалкіе поклонники земной славы! Познайте предъ лицемъ колѣнопреклоненнаго Спасителя величіе унижающаго себя милосердія! Возрите на Него, Господа господствующихъ, исполняющаго обязанность самаго презрѣннаго раба, ибо на Востокѣ только самый послѣдній изъ рабовъ умываетъ ноги возлежащихъ за столомъ. Сравните съ этимъ зрѣлищемъ ложное величіе эгоизма, хотя бы и наиболѣе блестящее и прославленное,—какъ оно блѣднѣетъ и умаляется передъ этимъ высокимъ самоотверженіемъ! Вотъ на что захотѣлъ Іисусъ Христосъ указать свѣту, вотъ чего до Него не вѣдалъ древній міръ, не умѣвшій выразить ни на одномъ изъ своихъ языковъ слова „смиреніе". Вспомнимъ,

кромѣ того, что, подвергаясь такому униженію, Іисусъ Христосъ возвысилъ человѣчество.

Съ того дня, когда въ „высокой и устланной горницѣ“ Христосъ преклонилъ колѣни, чтобы исполнить обязанность раба, — рабъ возвысился, ибо какъ-бы низко ни ставило его людское презрѣніе, онъ зналъ, что нѣкогда Самъ Спаситель былъ товарищемъ его позора и скорби.

Изумленіе, произведенное этимъ необычайнымъ поступкомъ, такъ велико, что Апостолы молчатъ, какъ бы въ оцѣпенѣніи. Лишь одинъ изъ нихъ не можетъ сдержать охватившаго его волненія, это—Петръ, человѣкъ, легко поддающійся первому впечатлѣнію. Во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ первый нарушаетъ молчаніе. Однажды, когда Апостолы колебались отвѣтить на вопросъ Іисуса Христа, онъ первый воскликнулъ: „Ты — Христосъ, Сынъ Бога живаго!“ Въ другой разъ онъ же сказалъ предъ удаляющейся отъ Христа толпой: „Господи! къ кому намъ идти, какъ не къ Тебѣ?“—и на этотъ разъ онъ не можетъ быть молчаливымъ зрителемъ смущающаго его зрѣлища и восклицаетъ: „Господи, Тебѣ ли умывать мои ноги?“

Тогда Іисусъ отвѣчаетъ ему извѣстными словами, столько разъ уже повторявшимися и столько разъ останавливавшими ропотъ, готовый слетѣть съ устъ сомнѣвающихся и колеблющихся. „Что Я дѣлаю теперь, ты не знаешь, а уразумѣешь послѣ“. Ты не знаешь! Да и какъ-бы могъ понять это Петръ, мечтавшій о близости царства, готовящагося его Учителю,—Петръ, мысленно созерцавшій, что Іерусалимъ уже покоренъ власти Мессіи побѣдителя, Его враги истреблены, и царство Его утверждается среди народовъ,—Петръ, сердце котораго трепещетъ въ ожиданіи, что вотъ-вотъ черезъ нѣсколько дней осуществятся всѣ его грезы?... Позже онъ поймете, позже узнаетъ онъ, что есть иное Царство, кромѣ того, о которомъ онъ мечталъ, иной вѣнецъ, иная побѣда: крестъ покажетъ ему, къ какому торжеству стремился его Учитель, и то униженіе, которое теперь смущаетъ его, станетъ въ его глазахъ вѣчнымъ напоминаніемъ о томъ, что и ему, подобно Учителю, слѣдуетъ искать въ смиреніи свое истинное величіе.

Слова Іисуса къ Петру относятся также ко всѣмъ намъ, и мы должны уразумѣть ихъ. „Ты не знаешь теперь, что̀ Я дѣлаю“, такъ можетъ сказать Господь каждому, ропщущему на постигающее его несчастіе. Предначертанія Божіи стоятъ выше нашего пониманія; даже въ самомъ жалкомъ существованіи кроются тайны, сбивающія съ толку нашъ бѣдный разумъ. Объясните мнѣ, напримѣръ, почему прерывается прекрасная и полезная жизнь, между тѣмъ какъ столько безполезныхъ существъ остаются влачить свою жалкую жизнь въ страданіи? Объясните мнѣ, почему испытаніе часто обрушивается на самыхъ благочестивыхъ людей и, повидимому, щадитъ тѣхъ, надменность которыхъ оно могло бы смирить своими ударами? Объясните мнѣ все, что̀ кажется намъ роковымъ въ природѣ и исторіи! Почему, напримѣръ, нѣжно любимый ребенокъ, окруженный попеченіями благочестивыхъ родителей, идетъ по пути зла съ того самаго времени, какъ только можетъ располагать самимъ собою, и рано погружается въ пропасть порока, огорчая и даже сводя въ могилу сѣдины старика отца? Объясните мнѣ всѣ несправедливости, всѣ незаслуженныя страданія, объясните мнѣ, почему столько тысячъ существъ осуждены на рожденіе и жизнь среди нищеты и позора! О, мы разсуждаемъ объ этомъ, мы одѣваемъ эти скорби въ жалкіе лохмотья нашей философіи, но развѣ это значитъ найти объясненіе? Да и само Евангеліе,—вполнѣ ли объясняетъ оно намъ все это?

И все-таки, склоняя голову передъ неисповѣдимостью путей Господнихъ, мы далеки отъ фатализма; наша покорность—не тупое и нелѣпое преданіе себя на волю рока безъ надежды и утѣшенія. Боже мой, какъ должно быть ужасно склонять голову передъ слѣпою необходимостью! „Вы здѣсь ровно ничего не подѣлаете“, говорятъ намъ въ обычное утѣшеніе свѣтскіе люди и полагаютъ, что убѣдили насъ такой перифразой фаталистическаго принципа. Мы ничего не можемъ сдѣлать! Да развѣ вы не видите, что въ этомъ-то именно и заключается то̀, что̀ усиливаетъ и раздражаетъ скорбь? Сознавать свое безсиліе, сознавать, что міръ движется по пути роковой необходимости, и природа, сокрушая насъ своими стихійными силами, не разумнѣе и не отвѣтственнѣе про-

стой машины, безстрастной ко всѣмъ слезнымъ мольбамъ возвратить жизнь человѣку, измолотому въ сцѣпленіи ея зубчатыхъ колесъ! Нечего сказать, хорошо утѣшеніе! О, въ тысячу разъ лучше бороться до конца и умереть съ воплемъ гнѣва на устахъ, чѣмъ покориться и жить при такомъ ходѣ вещей! Нѣтъ, мы не фаталисты. Когда, отказываясь понять свою судьбу, мы смиренно склоняемъ голову, то мы преклоняемся предъ волей Отца. Отецъ говоритъ намъ: „что Я дѣлаю теперь, ты не знаешь“... — то говоритъ Отецъ, и этого намъ довольно. Что удивительнаго въ томъ, что Его намѣренія не согласуются съ нашими. Что удивительнаго въ томъ, что мы не можемъ постичь ихъ? Развѣ мы обладаемъ взоромъ Всевышняго или мѣрой Его? Развѣ солдатъ долженъ идти въ битву лишь въ томъ случаѣ, если полководецъ разъяснитъ ему планъ сраженія, или каменщикъ долженъ закладывать стѣну лишь въ томъ случаѣ, когда архитекторъ покажетъ ему чертежъ постройки? Развѣ мы, бренныя существа, со взоромъ, омраченнымъ грѣхомъ, должны повиноваться только въ томъ случаѣ, если видимъ цѣли путей Предвѣчнаго? Нѣтъ, намъ нужно смиренно преклонить голову и припомнить слова: „что Я дѣлаю, не знаешь теперь“.

Но если мы не знаемъ этого сегодня, мы можемъ познать это завтра. „Ты уразумѣешь послѣ“, сказалъ Іисусъ Христосъ. Эти слова стали уже для насъ истиной, подтверждаемой опытомъ. Сколько темныхъ страницъ нашей жизни стали намъ понятны лишь тогда, когда мы пробѣгали ихъ по истеченіи многихъ лѣтъ, подобно древнимъ іероглифическимъ надписямъ, остававшимся неразобранными въ теченіе тридцати или сорока столѣтій и вдругъ получившимъ смыслъ, потому что было найдено одно какое-нибудь слово, давшее ключъ къ ихъ разгадкѣ! Вы жаловались на свои неудачи, на несбывшіяся надежды, на разстроенные планы, на испытанія, постигавшія васъ; вы обвиняли свою злую судьбу, вы упрекали, можетъ быть, Бога,—и вотъ во всѣхъ этихъ испытаніяхъ заключалось ваше благо. Этого, конечно, вамъ было достаточно, чтобы смириться и обратиться къ Богу. Вы роптали на то, что Онъ преграждаетъ вамъ пути, на которые съ жаромъ бросались другіе,

болѣе счастливые, и вы не вѣдали, что это дѣлалось для того, чтобы направить васъ на единственный путь, могущій васъ спасти и привести ко Господу. Но теперь вы знаете это и вмѣстѣ съ Давидомъ можете сказать: „я заблуждался, пока Ты не поразилъ меня, нынѣ же я соблюдаю слово Твое", теперь вмѣсто жалобы вы творите дѣла милосердія, и ропотъ вашъ перешелъ въ благословеніе.

Послѣднее, окончательное объясненіе будетъ дано намъ за предѣлами этого міра. Богъ оправдаетъ нѣкогда пути Свои, все тайное станетъ явнымъ, и Божественная премудрость возсіяетъ своимъ чистымъ сіяніемъ. Тогда мы узнаемъ причины всѣхъ этихъ безпорядковъ, смутъ, несправедливостей и торжества зла, смущающихъ нынѣ нашу вѣру. Пусть ночь темна и холодна, но мы видимъ уже, что на горизонтѣ брежжитъ свѣтъ. Свѣтъ! какъ сладостно это слово тому, кого объемлютъ дикіе призраки ночи; свѣтъ—послѣ вѣковой скорби страдающаго въ мрачной борьбѣ человѣчества, свѣтъ послѣ ночной тьмы, въ которой тысячи поколѣній влачатъ свое жалкое и скорбное существованіе, свѣтъ, съ его кроткимъ сіяньемъ и благотворнымъ тепломъ, свѣтъ, открывающій нашему взору безграничные горизонты неба, свѣтъ, призывавшійся всѣми праведниками, которыхъ не могла удовлетворить земля, свѣтъ, къ которому обращали свои взоры предъ смертью всѣ провозвѣстники истины,—этотъ свѣтъ озаритъ нѣкогда и насъ своимъ безграничнымъ сіяніемъ!

Но Петръ не внемлетъ тому, что̀ ему говоритъ Учитель; всецѣло поглощенный своей мыслью, онъ упорствуетъ въ своемъ намѣреніи и восклицаетъ: „не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ".

Всѣ мы сказали бы то же, что̀ и Апостолъ Петръ, увлекшись подобнымъ чувствомъ сознанія своей ничтожности. Чтобы онъ допустилъ склониться передъ собой на колѣни своего Учителя,—нѣтъ, это для него невозможно; и сердце, и разумъ возмущаются,—онъ никогда не согласится на это. Но это—ложное смиреніе. Истинное смиреніе ученика состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы исполнять волю учителя.

„Не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ!" говоритъ Петръ, и Іисусъ

строго отвѣтилъ ему: „если не умою тебя, не будешь имѣть части со Мною". Здѣсь мысль Учителя сразу возносится въ болѣе высшую сферу, какъ это нерѣдко можно замѣтить въ Его бесѣдахъ. До сихъ поръ, умывая ноги Своимъ ученикамъ, Онъ давалъ только имъ урокъ смиренія; но далѣе Онъ переходитъ къ мысли объ иномъ духовномъ омовеніи: объ искупленіи душъ человѣческихъ крестною смертью. „Если не умою тебя"... Всѣ мы должны быть омыты Іисусомъ Христомъ. Вникнемъ въ самихъ себя: настолько ли чиста наша жизнь, чтобы выдержать испытующій взоръ Бога живаго? Можемъ ли мы такъ,— какъ мы есть, взойти на небо Его и причастіемъ Его причаститься? Будемъ помнить, что спасеніе лишь тамъ, гдѣ царствуетъ Божественная правда со всѣми ея правами, гдѣ предлежитъ оправданіе нашей необузданности, гдѣ Божественный Представитель человѣчества освятилъ Своими страданіями законъ праведности. Будемъ помнить, что только въ единеніи посредствомъ вѣры со святою жертвою, принесенной во имя грѣшнаго человѣчества, мы можемъ быть помилованы и очищены: „если Я не умою тебя, не будешь имѣть части со Мною".

Петръ еще не понимаетъ глубокаго смысла этихъ словъ, но того, что онъ слышитъ, довольно, чтобы поразить и устрашить его. И вотъ несдержанный, какъ въ сопротивленіи, такъ и въ раскаяніи, онъ восклицаетъ: „не только ноги, но и руки, и голову".

Кто не пойметъ этого вопля сердца его? Вотъ уже три года, какъ онъ слушаетъ слово Его, видитъ дѣла Его и раздѣляетъ мысли Его. Не имѣть съ Нимъ части,—эта мысль ужасаетъ его. Да и куда пойдетъ онъ теперь, узнавъ Іисуса Христа? Что можетъ дать ему міръ вмѣсто того, что онъ нашелъ у Него? Отвѣчайте вы, вѣроломные ученики, далеко отстоящіе теперь отъ Учителя и опускающіеся все ниже и ниже, какъ по наклонной плоскости, на концѣ которой вамъ уже нельзя будетъ во вѣки возвратиться къ Нему, — отвѣчайте, можетъ ли дать вамъ міръ что либо равнозначущее съ тѣмъ, чѣмъ вы обладали у Іисуса Христа? Какой свѣтъ онъ можетъ дать вамъ, какую радость, какое утѣшеніе, какую любовь? О, вы это прекрасно знаете и никогда объ

этомъ не забудете. Если кто пребывалъ въ свѣтѣ Его, если кто видѣлъ небо отверстымъ, если кто вкусилъ этого внутренняго мира и Божественной надежды, если кто позналъ эту ни съ чѣмъ земнымъ несравнимую любовь, если кто проникся въ душѣ этимъ милосердіемъ безъ малѣйшей примѣси себялюбія, то все остальное покажется ему бездушнымъ и ничтожнымъ. Да, понятно восклицаніе Апостола: „Господи, не только ноги, но и руки, и голову".

Отвѣтъ Іисуса Христа сначала трудно понять, но тому, кто проникъ въ его смыслъ, ясно, что даже въ Евангеліи немного сравнительно равныхъ ему глубокоотрадныхъ и благотворныхъ словъ. „Омытому нужно только ноги умыть, потому что чистъ весь". Разъяснимъ сравненіе, выраженное нашимъ Спасителемъ, и поучительный смыслъ его откроется самъ собою.

Когда путникъ, утомленный долгой дорогой, задыхающійся, палимый жгучимъ солнцемъ Востока и осыпаемый ѣдкою пылью пустыни, замѣтитъ при дорогѣ источникъ чистой воды, — тогда онъ ускоряетъ шагъ, прибѣгаетъ на берегъ рѣки, съ наслажденіемъ погружается въ волны ея и выходитъ изъ нихъ уже освѣженнымъ и омытымъ. Омытымъ, да; но едва онъ опять пустится въ путь, какъ пустынная пыль снова загрязнитъ его ноги, и, придя подъ ожидавшую его кровлю, ему слѣдуетъ умыть ихъ, чтобы быть вполнѣ чистымъ. Это—образъ, и заключающаяся въ немъ идея такова.

Когда человѣкъ, идущій обычной мірскою стезею и сознающій, какъ зло охватываетъ мало-по-малу все его существо, встрѣтитъ на пути своемъ Бога спасающаго и милующаго, когда онъ устремитъ на Него взоръ, полный вѣры и смиреннаго раскаянія, моля Его о прощеніи, тогда онъ вдругъ почувствуетъ, какъ въ сердце его нисходитъ слово верховной милости; тогда онъ прощенъ, прощенъ вполнѣ, тогда все прошлое его изглаживается, все обновляется, и жизнь его начинается вновь. Самъ Іисусъ Христосъ говоритъ, что ему болѣе ничего не нужно, т. е. что его помилованіе стало дѣйствительно совершившимся фактомъ, не зависящимъ болѣе отъ движеній его сердца, его покаяній и слезъ,

что доступъ къ Богу ему открытъ, и что отнынѣ онъ можетъ вступить съ Нимъ въ отношенія, выражаемыя чувствами сыновней довѣрчивости и любви. Но прослѣдите за этимъ прощеннымъ христіаниномъ, ощущающимъ въ душѣ своей такое блаженство, какого не вѣдаютъ сами Ангелы, и изливающимъ у подножія креста сердце свое, переполненное признательностью,—прослѣдите за нимъ: едва ступитъ онъ нѣсколько шаговъ по житейской дорогѣ, какъ грѣхъ уже настигнетъ его. Да, этотъ ненавистный ему грѣхъ еще не разъ постигнетъ его; да, земной прахъ еще не разъ пристанетъ къ стопамъ его. Онъ былъ очищенъ, но и теперь для него необходимо, чтобы то самое милосердіе, которое изгладило его прошлые поступки, изо-дня въ день бодрствовало надъ нимъ, отпуская ему его мелкіе грѣхи, колебанія и слабости, отъ которыхъ несвободны даже истинные христіане; ему необходимо,—употребляя сравненіе Іисуса Христа,—чтобы ноги его, касающіяся праха земного, были ежедневно умываемы, и тогда онъ будетъ чистъ вполнѣ.

Такова мысль, заключающаяся въ словахъ Спасителя Апостолу Петру, и въ Евангеліи это одна изъ наиболѣе утѣшительныхъ мыслей.

„И вы чисты"... Въ ту минуту, какъ Іисусъ произносилъ эти слова, глубоко печальная мысль сжала сердце Его. „И вы чисты", говоритъ Онъ и добавляетъ: „но не всѣ"... Здѣсь былъ Іуда Искаріотъ.

Итакъ, въ этотъ послѣдній прощальный часъ задушевныхъ изліяній, въ тотъ часъ, когда Сынъ Человѣческій готовился въ общеніи Своихъ учениковъ къ борьбѣ этой плачевной ночи,—Онъ долженъ былъ сносить присутствіе предателя. Рядомъ съ высшимъ проявленіемъ величайшаго милосердія проявился и духъ зла въ самой отвратительной и ненавистной формѣ. Здѣсь былъ Іуда.

Изъ этого можно вывести слѣдующее: часто приходится встрѣчать христіанъ, поколебавшихся въ вѣрѣ и дошедшихъ чуть не до атеизма, вслѣдствіе соблазновъ, смутъ и расколовъ, удручающихъ Церковь. Если послушать ихъ, то выйдетъ, что Богъ не заботится уже о Своихъ предначертаніяхъ, потому что дозволяетъ злу одерживать такія побѣды. „Кто возвратитъ намъ, восклицаютъ они, Церковь древнихъ дней! Но

гдѣ же искать ее? Конечно, не во времена реформаціи, ибо ужасная борьба и великія смуты раздирали ее; и не во времена среднихъ вѣковъ. Или можетъ быть ее слѣдуетъ искать во времена Апостольскія? Но, чтобы смотрѣть на Церковь этого времени, какъ на идеалъ Церкви по ея членамъ, слѣдуетъ вычеркнуть всѣ посланія Апостола Павла и забыть о всѣхъ расколахъ и соблазнахъ, раздиравшихъ душу его. Можетъ быть, надо идти еще выше? Хорошо. Вотъ передъ вами Церковь въ томъ видѣ, какъ ее основалъ Самъ Іисусъ Христосъ, Церковь, состоящая изъ избранныхъ и призванныхъ Имъ Самимъ Апостоловъ, однимъ словомъ Церковь тайной вечери. И что же? Среди нея былъ Іуда, Іуда, одинъ изъ двѣнадцати... И тѣмъ не менѣе тамъ былъ Самъ Христосъ, и съ Нимъ спасеніе міра и все его грядущее. По какому же праву вы отчаяваетесь въ нынѣшней Церкви? По какому праву утверждаете вы, что Глава ея покинулъ ее?

Тамъ былъ Іуда... Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль, что Іисусъ Христосъ преклонялъ колѣни предъ Іудой, что Іисусъ Христосъ умывалъ ноги Іудѣ?

Передъ такимъ ужаснымъ зрѣлищемъ невольно помутятся мысли, и невольно воскликнешь: это уже слишкомъ! слишкомъ! О, наше мелочное сердце неспособно постигнуть всю глубину Божественнаго милосердія! Іисусъ Христосъ снизошелъ до этого: Онъ устремилъ на предателя послѣдній взглядъ, послѣдній призывъ нѣмой мольбы и Своими безгрѣшными руками умылъ ему ноги.

Іисусъ оставилъ намъ примѣръ. Мы призваны дѣлать добро всѣмъ, не только тѣмъ, кто насъ любитъ, но и тѣмъ, кто насъ ненавидитъ; не только тѣмъ, кого мы любимъ по чувству симпатіи, но и тѣмъ, кто не нравится намъ, кто противенъ намъ. Какъ тяготитъ насъ эта обязанность, съ какимъ отвращеніемъ мы исполняемъ ее! Идетъ ли дѣло о помощи бѣднымъ,—съ насъ довольно замѣтить въ нихъ какую либо порочную привычку, какую-нибудь хитрость или ложь, чтобы отказаться отъ исполненія долга. Мы не хотимъ даже допустить, что крайняя нищета уничижаетъ душу, что она ведетъ къ тяжкимъ искушеніямъ, и мы сами бы поддались имъ, если бы были подвергнуты такому испы-

танію. Намъ нужно какихъ-то идеальныхъ бѣдныхъ, нищета которыхъ не уничтожила въ нихъ ни величія души, ни возвышенности, ни благородства побужденій, чтобы мы пришли къ нимъ на помощь. Вслѣдствіе нашей изнѣженности намъ претитъ прикоснуться къ нравственнымъ язвамъ, и вотъ мы безжалостно прогоняемъ нищихъ жестокимъ и горькимъ словомъ, уподобляясь фарисеямъ,—ибо развѣ это не фарисейство—дрожать отъ отвращенія при одномъ прикосновеніи къ мытарю. Но не будемъ брать съ нихъ примѣра! Будемъ брать примѣръ съ нашего Спасителя, склонявшаго колѣно передъ Іудой.

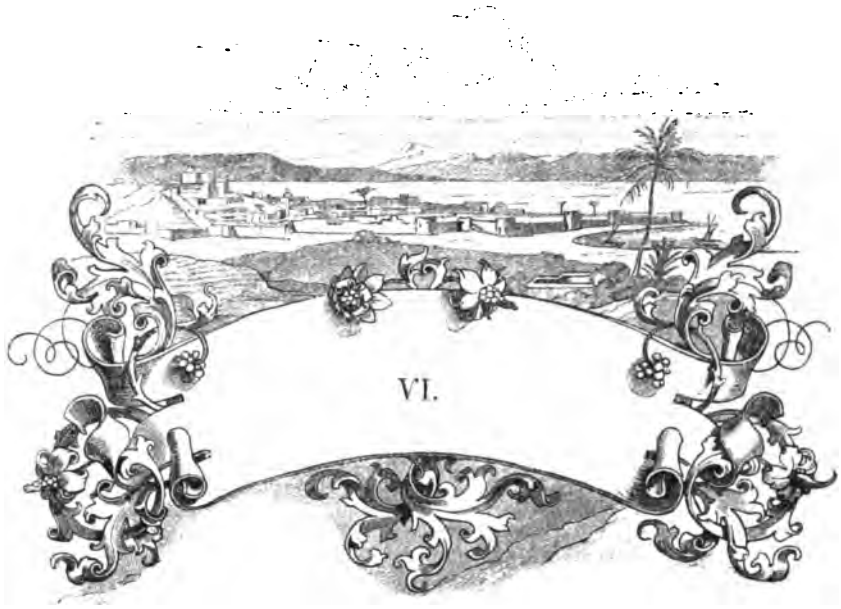
И это былъ Святой и Праведный, и зло никогда не касалось души Его, а мы... у всѣхъ насъ есть своя тайная повѣсть, повѣсть дурныхъ склонностей, вожделѣній и скрытыхъ страстей. Между тѣми несчастными, которымъ мы должны помогать, и нами разница только въ степени, а не въ существѣ. Кромѣ того, и тамъ мы рѣдко сталкивались съ обдуманнымъ, чернымъ предательствомъ. Мы сами могли бы быть такими же, какъ они, но Богъ сохранилъ насъ отъ этого, вотъ и все. Іисусъ же былъ воплощеніемъ святости, а Іуда... Іуда былъ Іуда.

Когда же научимся мы любить? Когда же мы будемъ милосердны милосердіемъ смиряющимся, всевыносящимъ и уповающимъ? Когда же мы, существующіе лишь по милости Божіей, запечатлѣемъ въ своей памяти, что Господь, Которому мы служимъ, умывалъ ноги Іудѣ?

Іисусъ, окончивъ омовеніе ногъ и обратившись къ Своимъ ученикамъ, сказалъ имъ: „вы называете Меня Учителемъ и Господомъ, и правильно говорите, ибо Я точно то?“ Кто не чувствуетъ Божественной власти и силы, звучащей въ этихъ словахъ, кто не видитъ на нихъ печати невыразимаго никакимъ краснорѣчіемъ величія, тотъ никогда не пойметъ—ни что̀ такое красота, ни что̀ такое величіе! „Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ... Итакъ, если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу“.

Протекли года, измѣнились обычаи; но поучительный примѣръ стоитъ предъ нашими глазами, указывая намъ, что истинное величіе достигается сердобольнымъ униженіемъ... Смиреніе... Какъ легко произнести

и какъ трудно выполнить это слово, какъ трудно пренебречь суетной славой, честолюбивыми мечтами, всѣмъ, что велико въ глазахъ людей, но мало и скудно предъ Господомъ, и избрать себѣ иной удѣлъ, можетъ быть даже удѣлъ отреченія и жертвы! Какія усилія, какая побѣда, и какъ все это противорѣчитъ нашимъ обыденнымъ разсудочнымъ умствованіямъ! Да, наше воображеніе можетъ на минуту стремиться къ этому идеалу, но осуществить его, но пойти по этому пути и видѣть въ немъ свое назначеніе и блаженство, — это чудо, недоступное для человѣческой силы, и совершить его можетъ только Богъ. Господи, соверши же его! Боже Всемогущій, осуществи этотъ идеалъ въ сердцахъ нашихъ и просвѣти помраченныя гордостью очи наши чистымъ и Божественнымъ сіяніемъ смиреннаго милосердія".



Тайная вечеря.

Вечери существовали уже въ Ветхомъ Завѣтѣ. Это было установленіе того времени, когда Богъ, вѣрный великимъ обѣтованіямъ, даннымъ праотцамъ, сильною рукою освободилъ народъ Свой отъ рабства Египетскаго. Въ ту достопамятную ночь, когда Ангелъ смерти проходилъ всю Египетскую страну, поражая первенцевъ Египетскихъ, по повелѣнію Божію, каждый отецъ семейства долженъ былъ со всѣми своими членами вкушать священную вечерю, тогда какъ двери домовъ окропляемы были кровью агнца, мясо котораго было съѣдаемо на вечери. Ангелъ истребитель обходилъ всякій домъ, который былъ окропленъ кровью агнца и въ которомъ совершалась пасха — прехожденіе Господа. Праздновавшіе же уже готовы были въ путь и съ жезлами въ рукахъ ожидали призыва къ выходу. То была ночь, въ которую Господь освободилъ Свой плѣнный народъ.

Съ этимъ освобожденіемъ началась новая жизнь для Израильскаго народа, потому что теперь только онъ сталъ народомъ Божіимъ. Потому-то пасхальный мѣсяцъ сталъ первымъ изъ всѣхъ мѣсяцевъ и

пасхальная ночь посвящалась ежегодному празднованію, и это соблюдалось съ такою строгостью, что опущеніе празднованія наказывалось отлученіемъ отъ народа Божія. Пасхальная вечеря, которая предшествовала великому избавленію отъ рабства и черезъ совершеніе которой народъ приготовлялся къ великому дѣлу Божію, должна была повторяться каждый годъ въ одно и то же время, въ ту же самую ночь, въ которую совершена въ первый разъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что кровью пасхальнаго агнца не кропились двери, но она возливалась на алтарь Господа, на очистилище. При горящихъ свѣтильникахъ, готовымъ въ путь, съ жезломъ въ рукѣ — такъ народъ Божій долженъ былъ изъ года въ годъ совершать пасхальную вечерю и снѣдать агнца, кровь коего приносилась въ священное мѣсто для очищенія ихъ душъ. Это, безъ сомнѣнія, была вечеря воспоминанія, но всегдашнее и столь строгое совершеніе ея основывалось на томъ, что позднѣйшіе роды получатъ то, что получилъ древній родъ,—плоть агнца и очищеніе кровью его. И не долженъ ли былъ народъ, празднуя древнее освобожденіе, приготовляться къ новому высшему освобожденію, и совершая пасхальное торжество въ ночь, въ которую Господь вывелъ нѣкогда его изъ чужой страны, ожидать новаго, болѣе совершеннаго избавленія?

Въ эту-то ночь именно Господь въ послѣдній разъ собралъ вокругъ Себя Своихъ учениковъ, и отъ этого-то торжества освобожденія Израиля всталъ Онъ, чтобы искупить міръ. Минута была самая торжественная, какую только можно представить. Ветхій Завѣтъ ничѣмъ не могъ быть такъ возвеличенъ, какъ тѣмъ, что Господь, сошедшій съ неба дать жизнь міру, еще въ послѣдніе часы Своей земной жизни совершилъ священную вечерю этого завѣта съ Своими учениками, которыхъ Онъ избралъ изъ членовъ этого завѣта быть свѣтомъ міра. Но эти часы, въ которые Ветхій Завѣтъ удостоенъ такой чести, были послѣдніе часы для Него. Наступало время, когда Ветхій Завѣтъ долженъ былъ уступить мѣсто Новому, высшему Завѣту, который назначенъ не для одного народа, а для всѣхъ, и не для извѣстнаго времени, а для всѣхъ временъ. Но какъ Ветхій Завѣтъ начался избавленіемъ

народа изъ-подъ чужой власти, и какъ Ветхій Завѣтъ основывался на этомъ избавленіи, такъ и Новый Завѣтъ, назначенный для всѣхъ временъ и народовъ, могъ начаться лишь послѣ прославленія Бога въ дѣлѣ несравненно высшаго избавленія. Онъ могъ быть основанъ только на новомъ избавленіи, на искупленіи всего человѣчества отъ темной власти, которой подпало оно чрезъ грѣхъ.

Часъ этого всеобщаго и вѣчнаго искупленія приближался. Искупитель былъ здѣсь; вѣстники искупленія были при Немъ. Въ послѣдній разъ праздновалъ Онъ съ ними ветхозавѣтную вечерю, которая съ воспоминаніемъ первой пасхальной вечери заключала въ себѣ въ то же время обѣтованіе высшей Пасхи. Время обѣтованій и томительныхъ ожиданій проходило, наступало время исполненія.

Здѣсь совершилось то, что Евангелисты Матѳей, Маркъ, Лука и Апостолъ Павелъ описываютъ такимъ образомъ: «*Господь Іисусъ Христосъ, въ ночь, въ которую былъ преданъ, взялъ хлѣбъ, благодарилъ и преломилъ, и далъ ученикамъ Своимъ, говоря: пріимите и ядите; сіе есть Тѣло Мое, за вы даемое. Сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такъ же взялъ Онъ и чашу по вечери, благодарилъ и далъ имъ говоря: пріимите и пійте отъ нея вси: сія есть Кровь Моя новаго завѣта, за вы изливаемая во оставленіе грѣховъ. Сіе творите въ Мое воспоминаніе*».

Такъ Господь, при совершеніи ветхозавѣтной пасхи, установилъ пасхальную вечерю Новаго Завѣта. Пасхальною жертвою Ветхаго Завѣта былъ избранный агнецъ; пасхальная жертва Новаго Завѣта, Агнецъ Божій, въ высшемъ смыслѣ, есть Христосъ, Сынъ Божій, Единородный отъ Отца, полный благодати и истины. Кровь ветхозавѣтной пасхальной жертвы имѣла прообразовательно-очищающую силу; она прикрывала прообразовательно грѣхи народа; Кровь новозавѣтной жертвы не прообразовательно, а на самомъ дѣлѣ есть Кровь очищенія для всего міра. Жертва новозавѣтная одна должна была совершить то, на что всѣ другія жертвы, отъ начала міра совершавшіяся, только предуказывали; она должна быть жертвою всѣхъ жертвъ, жертвою въ высочайшемъ, несравненномъ съ другими жертвами смыслѣ, которыя она

уничтожала, потому что была ихъ исполненіемъ, истиною. А такъ какъ только истинною жертвою производится истинное очищеніе грѣховъ, истинное искупленіе,—то только на этой Жертвѣ, на Крови Христа могъ основываться новый, всеобъемляющій, вѣчный завѣтъ благодати. Въ этомъ смыслѣ Господь сказалъ: ***сіе есть Тѣло Мое, за вы даемое, и сія чаша есть новый завѣтъ Моею Кровію, за вы изливаемою во оставленіе грѣховъ.***

Всѣ слова Господа имѣютъ для насъ непреходящее значеніе; но нѣтъ словъ драгоцѣннѣе этихъ. На сколько въ ту минуту могли понимать ихъ ученики Господа,—мы не знаемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ слова эти исполнились, они стали драгоцѣннымъ сокровищемъ для всего христіанскаго общества; ибо они служатъ всегдашнимъ свидѣтельствомъ, что глубочайшее уничиженіе Сына Божія заключало въ себѣ высочайшую славу, и что смерть Его есть жизнь всего міра.

Однако Господь не ограничился тѣмъ, что такъ торжественно возвѣстилъ Свою смерть и открылъ ея благодатное значеніе Своимъ ученикамъ. Преподавая хлѣбъ и чашу, Онъ установилъ навсегда священную вечерю для Своего общества: ***„сіе творите въ Мое воспоминаніе“***, прибавилъ Онъ. Что совершено въ пасхальную ночь, то совершено не въ воспоминаніе Его, потому что Онъ Самъ лично находился предъ учениками; это было только установленіемъ той вечери, которую должно было совершать общество вѣрующихъ, когда жертва будетъ принесена и Кровь Новаго Завѣта будетъ пролита.

Вечеря Новаго Завѣта, совершенная въ пасхальную ночь Спасителемъ, какъ и ветхозавѣтная вечеря, есть жертвенная вечеря. Когда Израильтянинъ съ своими домашними вкушалъ пасхальнаго агнца, онъ принималъ пасхальную жертву, и черезъ это дѣлался участникомъ въ благословеніи этой жертвы; и когда христіанинъ вкушаетъ Тѣло и Кровь Господа въ священной евхаристической вечери, онъ дѣлается причастникомъ жертвы Голгоѳской, съ ея благословенными плодами. Въ первую пасхальную ветхозавѣтную ночь двери домовъ окроплялись кровью агнца, и Ангелъ смерти, истреблявшій первенцевъ Египетскихъ,

щадилъ эти дома, проходя мимо. Точно такъ же общество новозавѣтное должно постепенно вкушать Тѣло и Кровь истиннаго Агнца Христа,

Тайная вечеря.

чтобы избѣжать суда Божія, имѣющаго совершиться надъ грѣшнымъ міромъ. Пренебреженіе ветхозавѣтною пасхою принесло бы смерть,—не

тѣмъ ли большее пренебреженіе пасхою новозавѣтною должно принести наказаніе и смерть?

Но древняя пасхальная вечеря пріурочена была къ извѣстному времени, что показывало ея несовершенство и временное значеніе. Древняя пасхальная вечеря могла быть совершаема только въ пасхальную ночь. Вечеря Новаго Завѣта, святая евхаристія, можетъ быть совершаема во всякое время новозавѣтнымъ обществомъ.

Чудесна вечеря, въ которой Господь даетъ намъ въ пищу Тѣло Свое, распятое за насъ, и Кровь Свою, пролитую на крестѣ; но не менѣе чудесно и таинственно явленіе Сына Божія во плоти и уничиженіе Того, Кто есть вѣчный образъ Божій и сіяніе славы Его, и уничиженіе до смерти крестной. Вся область, до которой возвышаетъ насъ вѣра въ Сына Божія, есть область чуда, и, безъ сомнѣнія, Тотъ, Кто Себя Самого принесъ въ жертву за насъ и пролилъ Кровь Свою за наши грѣхи, можетъ, если такова воля Его, питать насъ Своею Плотію и напоять Своею Кровію. А что такова Его воля, — въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, ибо имѣемъ на это повелѣніе Его: *„сіе творите въ Мое воспоминаніе“*.

Геѳсиманія.

VII.

Прощальная бесѣда Іисуса Христа съ учениками.

Подъ кровомъ звѣзднаго неба, въ благоухающей тишинѣ весенней палестинской ночи слышалась задушевная бесѣда Учителя къ ученикамъ, — Христосъ совершалъ послѣдній земной путь въ обществѣ Своихъ друзей. Темнѣющая Геѳсиманія готова была пріютить Его на предсмертный, молитвенный подвигъ. Великое дѣло, на которое Онъ пришелъ, близилось къ концу; чаша страданій, пока еще душевныхъ, переполняла тоскою Его душу; всевѣдущему взору виднѣлся уже и крестъ Голгоѳскій. Его избранники-апостолы, умиленные особенно трогательною бесѣдою и благоговѣйнымъ пѣніемъ псалмовъ, тѣснились къ Нему въ глубокомъ вниманіи къ незабвеннымъ словамъ; они чувствовали близость великихъ, страшныхъ событій и уже переживали тоску скорой разлуки съ дорогимъ Учителемъ.

Но только Самъ Христосъ ясно зналъ, что Тотъ, отъ Кого люди ждутъ блеска славнаго земного царства, Тотъ, Который уже такъ прославился ученіемъ и чудесами, — завтра простретъ руки на крестѣ, — без-

дыханный поникнетъ безгрѣшною головою. Только одинъ Онъ вѣдалъ, что эти, сейчасъ такъ дружно прильнувшіе къ Нему, ученики разсѣются, какъ пугливые голуби при полетѣ коршуна, едва лишь злоба людская коснется Его, что наступятъ страшныя минуты, когда самыя искры вѣры въ душахъ ихъ готовы будутъ померкнуть, — и въ этотъ-то трогательный, прощальный, полунощный часъ, когда они особенно нуждались въ твердой вѣрѣ, Онъ задушевно вѣщаетъ имъ: *да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте...* Но образы и примѣры неотразимѣе простого наставленія дѣйствуютъ на сердце человѣческое; предъ взорами же апостоловъ дѣлъ Божественной любви Христовой, по свидѣтельству Іоанна, совершалось столько, что и всему міру не вмѣстить бы написанныхъ о нихъ книгъ. Объ этихъ то дѣлахъ, какъ питающихъ вѣру, и напоминаетъ Спаситель, говоря: *вѣрьте Мнѣ по самымъ дѣламъ...* они то и доказываютъ вамъ, что *Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ...*, т. е. ясно свидѣтельствуютъ о Моемъ Божествѣ. Вѣра же, которую вамъ необходимо имѣть въ сердцѣ, есть источникъ чудесъ, ибо *вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ...* Вѣра рождаетъ теплую молитву, а такая молитва проникаетъ въ небеса, привлекаетъ оттуда на землю милость и помощь Отчую, и *если чего попросите у Отца во имя Мое, то сдѣлаю...*

Соблюдите Мои заповѣди... А для соблюденія ихъ необходима другая прекрасная, живая сила душевная — любовь: *если любите Меня, соблюдите...* Какъ вѣра рождаетъ любовь къ тому, въ кого вѣришь, такъ и любовь въ свою очередь двигаетъ волю любящаго исполнять завѣты любимаго... Въ награду же за непоколебимую вѣру вашу, за святую любовь ко Мнѣ, *Я умолю Отца и дастъ вамъ другого Утѣшителя — Духа Святого.* Который въ души, освященныя вѣрою, согрѣтыя и украшенныя любовію, войдетъ, какъ въ благолѣпный храмъ, *и пребудетъ съ вами во-вѣки...*

Не оставлю васъ сиротами, — съ нѣжною любовію продолжаетъ Іисусъ, — *приду къ вамъ... Еще немного, и міръ уже не увидитъ Меня.* Я во гробѣ скроюсь отъ него же и за него же... *а вы увидите Меня,* узрите Меня въ Моихъ явленіяхъ по воскресеніи. Смерть и гробъ не

лишатъ Меня жизни, *ибо Я живу, и вы будете жить*... — вотъ вамъ, друзьямъ Моимъ, лучшая награда за вѣру и любовь ко Мнѣ.

Я хотя ухожу отъ васъ, но *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ*... Тотъ свѣтлый нравственный миръ, который озаряетъ любящую душу, согрѣтую благодатію Св. Духа. Этимъ миромъ вы будете счастливы. Страшныя минуты близки, но *да не смущается сердце ваше и да не устрашается*...

Вамъ знакомъ видъ зеленѣющаго винограда, сочныхъ ягодъ на его вѣтвяхъ,—вотъ выразительный образъ нашихъ отношеній. *Я есмь Лоза*, а вы прильнувшія ко Мнѣ вѣтви, питающіяся Моимъ сокомъ. *Пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ*...—въ этомъ ваша жизненность, ваше счастіе, ваши успѣхи, *ибо безъ Меня*, какъ, отрѣзанныя отъ лозы, засыхающія вѣтки, *не можете дѣлать ничего*... *Сіе говорю вамъ, чтобы радость Моя*, радость внутренняя, радость Моего Святѣйшаго Существа, *пріобщалась и вамъ*...

Любовь къ Богу не утаится въ душѣ любящей: она дѣйственна и жива, она прольется и на людей, а потому вотъ *Моя заповѣдь, да любите другъ друга*, какъ Я *возлюбилъ васъ*... Воплощенный примѣръ любви стоялъ предъ ними и такъ живо, наглядно звалъ ихъ къ взаимной любви. Вѣдь они помнятъ Его задушевныя бесѣды, они свидѣтели Его кротости ко врагамъ, Его милосердія къ падшимъ грѣшникамъ, Его жалости къ несчастнымъ, они испытали Его отеческое снисхожденіе къ ихъ же ошибкамъ и немощамъ. А какъ свѣжо еще впечатлѣніе отъ вечери, когда Онъ смиренно склонялся къ ихъ ногамъ! А сколько теплоты слышится въ этой прощальной бесѣдѣ, когда они видятъ Его любящій, ясный взоръ, съ нѣжностью на нихъ устремленный, слышатъ задушевныя обращенія къ нимъ: *чадца Мои, друзи Мои!*.. Онъ сейчасъ скорбитъ душевно и скорбитъ, по Его же свидѣтельству, смертельно, однако, вся Его рѣчь проникнута любовію и участіемъ къ нимъ!.. А завтра? Завтра они увидятъ и самый выразительнѣйшій образецъ той любви, *больше которой нѣтъ*, узрятъ, какъ *зовущій ихъ къ любви, Самъ положитъ душу* и за други, и за недруги Своя...

Заповѣдую вамъ, да любите другъ друга... Въ этой любви вѣрный

признакъ, что вы Мои друзья и ученики, въ ней же и могучій оплотъ противъ той ненависти, съ которою встрѣтитъ васъ міръ. *А міръ васъ возненавидитъ, потому что Меня прежде васъ возненавидѣлъ, потому что вы не отъ міра,* — ваше настроеніе, ваши цѣли противны, чужды міру. *Изгонятъ васъ отъ синагогъ; наступаетъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что Онъ тѣмъ служитъ Богу... такъ будутъ поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня...* Въ этомъ невѣдѣніи корень той злобы, съ которою міръ встрѣтилъ Христа... но Онъ уже предъ взорами апостоловъ не разъ кротостію тушилъ въ сердцахъ людскихъ злобу невѣдѣнія; не замедлитъ дать Онъ и самый яркій образецъ всепрощающей любви къ такимъ невѣдующимъ, когда среди самыхъ лютыхъ страданій Своихъ скажетъ про мучителей: *Отче, прости имъ, они не знаютъ, что дѣлаютъ...*

Однако прежде этихъ отдаленныхъ скорбей, вы уже наканунѣ страшнаго горя; *вскорѣ вы не увидите Меня...* Я скроюсь отъ васъ во гробъ, послѣ того какъ вы настрадаетесь душевно, глядя на Меня — связаннаго, поруганнаго, распятаго... *Вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется;* тихую, но глубочайшую скорбь вы переживете подъ воплями ярости и среди торжества, злорадства враговъ и неразумной толпы... *Вы печальны будете...* Близко время, когда мракъ, скорбь, какъ свинцовыя тучи, покроютъ ваши души, при видѣ Меня, мучимаго и бездыханнаго, но *печаль ваша въ радость будетъ,* когда *Я увижу васъ, опять,* когда солнце воскресенія блеснетъ предъ вами своими живоносными лучами, засвѣтитъ ими въ вашихъ сердцахъ вѣру непоколебимую, затеплитъ любовь ко всему міру, укрѣпитъ надежду на вѣчную, грядущую жизнь... Вспыхнетъ въ васъ свѣтлая радость, — и никто, ни самые сильные люди, никакія самыя ужасныя земныя бѣдствія, ни смерть отнять ее у васъ не смогутъ!

Въ мірѣ будете имѣть скорбь, еще разъ предупреждаетъ Христосъ Своихъ друзей, — *но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ.*

Когда скорби земныя облягутъ васъ, когда злоба людская вооружится на васъ, вспомните Мой примѣръ и *мужайтесь!* Развѣ Мое,

полное святой истины, ученіе не побѣждаетъ тьму невѣдѣнія? Развѣ Мои дѣла любви и милосердія не побѣждаютъ мірского жестокосердія? Развѣ Мой крестъ, Мое истощаніе до послѣдняго вздоха, Моя молитва за мучителей среди самыхъ страшныхъ страданій не побѣдятъ тотъ мрачный свитокъ злобы, той власти тьмы, что возстала уже на Меня во всей своей безумной ярости? Развѣ не побѣгутъ въ ужасѣ отъ креста Моего враги Мои, когда молчаливая природа застонетъ, какъ бы оплакивая Меня? Развѣ сотникъ-язычникъ не исповѣдуетъ Мою побѣду, когда, въ часъ самый, повидимому, безнадежный, смертный убѣжденно воскликнетъ: *воистину этотъ человѣкъ былъ Сынъ Божій?!*

Кончая свой предсмертный завѣтъ друзьямъ, Христосъ освятилъ его своею всесильною молитвою: взоры кроткіе, полные безконечной любви и скорби возвелъ Онъ на небо и воскликнулъ: *Отче! пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да Сынъ Твой прославитъ Тебя!..* Опять умиленнымъ апостоламъ слышится ободряющее свидѣтельство о единствѣ Богочеловѣка съ Отцемъ небеснымъ. — *Такъ какъ Ты далъ Ему власть надъ всякою плотью, да всему, что Ты далъ Ему, дастъ Онъ жизнь вѣчную.* Какое глубокое утѣшеніе слышатъ друзья Христовы въ этомъ молитвенномъ возгласѣ! Заря вѣчной жизни блеснула предъ ними тогда своею красотою! А свѣтъ молитвенныхъ словъ, голосъ Божественной Премудрости указуютъ и на то, въ чемъ заключается эта вѣчная жизнь: *да знаютъ Тебя, Единаго Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа...*

Любовь Христа продолжаетъ утѣшать тоскующихъ апостоловъ. Онъ молится о нихъ вслухъ: *молю о тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, потому что они Твои...*

Я уже не въ мірѣ... Мой земной жребій близится къ концу, *но они въ мірѣ...* они еще окружены океаномъ мірского зла. Имъ еще слишкомъ тяжелы земныя скорби: *соблюди ихъ, Отче Святый, во имя Твое! чтобы они были едино, какъ и Мы.* Чтобы ихъ жизнь, ихъ мысли, чувства, ихъ подвиги служили тому дѣлу, на которое и Я пришелъ на землю, и ихъ призвалъ къ Себѣ! Апостолы уже не разъ убѣждались,

что молитвы и слова ихъ Учителя не бываютъ напрасны. Такъ недавно еще они слышали властный голосъ Его, вызвавшій изъ гроба даже умершаго и тлѣющаго Лазаря. И вотъ, этотъ голосъ среди полуночнаго безмолвія такъ пламенно возноситъ за нихъ моленія, — это ли не величайшее утѣшеніе имъ!

Свой дивный, прощальный завѣтъ, Свою неподражаемую молитву Спаситель заканчиваетъ испрашиваніемъ у Отца небеснаго ученикамъ той величайшей нравственной силы, которая и Его Самого свела съ неба на землю, которая одна только могла міръ возродить и обновить, которая является неисчерпаемымъ источникомъ всѣхъ подвиговъ, — любви: *да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ!..*

Смолкнулъ голосъ Спасителя... слышалось лишь тихое журчаніе Кедронскаго потока; Геѳсиманія привѣтливо простирала путникамъ свои таинственныя кущи. Христосъ сказалъ ученикамъ все, что они могли воспринять, но Самъ нуждался въ небесномъ подкрѣпленіи, ибо земные друзья были молчаливы и безотвѣтны на Его неописуемую скорбь душевную. И Онъ тихо углубляется въ садъ, чтобы тамъ принести Отцу небесному Свою всемірную молитву и укрѣпиться ею на совершеніе страшнаго конца Своего подвига.

Темнѣетъ... всюду тишина...
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила,—
И ярко полная луна
Садъ Геѳсиманскій озарила.
Въ травѣ, подъ вѣтвями оливъ,
Сыны Божественнаго Слова,
Ерусалима шумъ забывъ,
Спятъ три апостола Христовы.
Ихъ сонъ спокоенъ и глубокъ.
Но тяжело спалъ міръ суровый:
Вѣковъ наслѣдственный порокъ
Его замкнулъ въ свои оковы;
Проклятье праотцевъ на немъ
Пятномъ безславія лежало
И, съ каждымъ вѣкомъ, новымъ зломъ
Его, какъ язва, поражало...
Но часъ свободы наступалъ,—

И, чуждый общему позору,
Посланникъ Бога, въ эту пору,
Судьбу всемірную рѣшалъ.

Геѳсиманская молитва.

За слово истины высокой
Голгоѳскій крестъ предвидѣлъ Онъ,

И, чувствомъ скорби возмущенъ,
Отцу молился одиноко:
„Ты знаешь, Отче, скорбь Мою,
И видишь, какъ Твой Сынъ страдаетъ,—
О, подкрѣпи Меня, молю,
Моя душа изнемогаетъ!
День казни близокъ; Онъ придетъ,—
На жертву отданный народу,
Твой Сынъ безропотно умретъ,
Умретъ за общую свободу...
Проклятьемъ черни пораженъ,
Измученный и обнаженный,
Передъ толпой поникнетъ Онъ
Своей главой окровавленной.
И тѣ, которымъ со креста
Пошлетъ Онъ даръ благословенья,
Съ улыбкой гордаго презрѣнья
Поднимутъ руку на Христа...
О, да минуетъ чаша эта,
Мой Отче, Сына Твоего!
Мнѣ горько видѣть злобу свѣта
За искупленіе его!
Но не моя да будетъ воля,
Да будетъ такъ, какъ хочешь Ты.
Тобой назначенная доля
Есть дѣло вѣчной правоты.
И если Твоему народу
Позоръ Мой благо принесетъ,—
Пускай за общую свободу
Сынъ человѣческій умретъ!“
Молитву кончивъ, скорби полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ! „встаньте, часъ пришелъ
Оставьте сонъ свой и молитесь,
Чтобъ въ искушенье вамъ не впасть,
Тогда вы въ вѣрѣ укрѣпитесь
И съ вѣрой встрѣтите напасть“.
Сказалъ—и тихо удалился
Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
И, той же скорбью возмущенъ,
На землю палъ Онъ и молился:
„Ты, Отче, въ міръ Меня послалъ,

Но Сына міръ Твой не пріемлетъ;
Ему любовь Я завѣщалъ,

„Встаньте, молитесь, бодрствуйте"...

Моимъ глаголамъ онъ не внемлетъ;
Я былъ врачемъ его больныхъ;

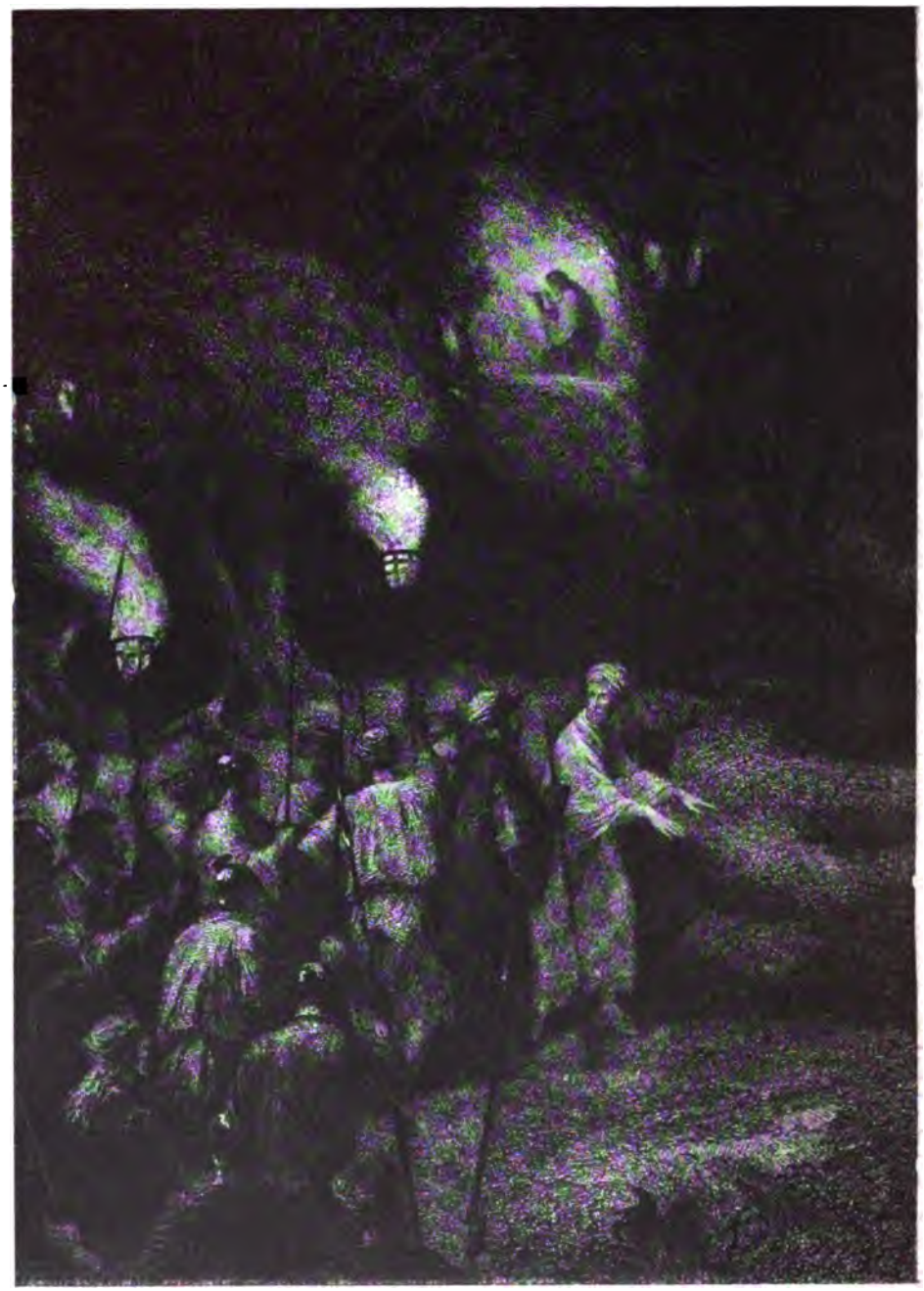
Я за враговъ Моихъ молился,—
И надо Мной Ерусалимъ,
Какъ надъ обманщикомъ, глумился!
Народу миръ Я завѣщалъ,—
Народъ судомъ Мнѣ угрожаетъ,
Я въ мірѣ мертвыхъ воскрешалъ—
И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!..
О, если можно, отъ Меня
Да мимо идетъ чаша эта!
Ты Богъ любви, начало Свѣта,
И все возможно для Тебя!
Но если кровь нужна святая,
Чтобъ землю съ Небомъ примирить,—
Твой вѣчный судъ благословляя,
На крестъ готовъ Я восходить!"
И взоръ, въ тоскѣ невыразимой,
Съ небесъ на землю Онъ низвелъ
И снова, скорбію томимый,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ.
Но ихъ смежившіяся очи
Невольный сонъ отягощалъ;
Великой тайны этой ночи
Ихъ бѣдный умъ не постигалъ.
И сталъ Онъ, молча, полный муки,
Чело высокое склонилъ
И на груди святыя руки
Въ изнеможеніи сложилъ.
Что думалъ Онъ въ минуты эти,
Какъ человѣкъ и Божій Сынъ,
Подъявшій грѣхъ тысячелѣтій,—
То зналъ Отецъ Его одинъ.
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
Въ Его груди была тогда,
И люди вѣрно-бъ не поняли,
Весь грѣшный міръ нашъ не постигъ
Тѣхъ слезъ, которыя сіяли
Въ очахъ Спасителя въ тотъ мигъ.
И вотъ опять Онъ удалился
Подъ тѣнь смоковницъ и оливъ,
И, тамъ колѣни преклонивъ,
Опять Онъ плакалъ и молился:

„О, Боже Мой! Мнѣ тяжело:
. . . . . .
Все человѣческое зло

На мнѣ единомъ тяготѣетъ,
Позоръ людской, позоръ вѣковъ,—
Все на Себя Я принимаю,

Но Самъ, подъ тяжестью оковъ,
Какъ человѣкъ, изнемогаю...
О, не оставь Меня въ борьбѣ
Съ Моею плотію земною,—
И все, угодное Тебѣ,
Тогда да будетъ надо Мною.
Молюсь, да снидетъ на Меня
Святая сила подкрѣпленья,
Да совершу съ любовью Я
Великій подвигъ примиренья!"
И руки къ небу Онъ подъялъ,
И весь въ молитву превратился,
Огонь лице Его сжигалъ,
Кровавый потъ по Немъ струился.
Вокругъ молчало все глубоко;
Была на небѣ тишина.
Спокойно въ выси голубой
Свѣтилъ блистали миріады,
И полонъ сладостной прохлады
Былъ чистый воздухъ надъ землей.
Межъ тѣмъ всемірный Искупитель
Опять пришелъ къ ученикамъ.
И въ это чудное мгновенье
Какъ былъ Онъ истинно великъ,
Какимъ огнемъ одушевленья
Горѣлъ Его прекрасный ликъ!
Какъ ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Какъ радостно свѣтила ночи
Съ высотъ глядѣли на Него!
Ученики, какъ прежде. спали,
И вновь Спаситель имъ сказалъ:
„Вставайте! близокъ день печали,
И часъ предательства насталъ..."
И звукъ мечей остроконечныхъ
Садъ Геѳсиманскій пробудилъ,
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лице Іуды освѣтилъ.

Съ возвышенности, на которой лежалъ вертоградъ геѳсиманскій, можно было уже примѣтить приближающуюся толпу, которая, при всей тишинѣ, измѣняла своей тайнѣ немногими въ ея рукахъ свѣтильниками. Это было скопище людей всякаго рода,—большею частію стражей храма и слугъ первосвященническихъ, воинственный видъ коихъ состоялъ единственно въ томъ, что они держали въ рукахъ различныя орудія, употребляемыя въ случаѣ насилія и грабежа. Можно



Приближеніе спиры.

было подумать, что сія толпа идетъ на какой либо безчестный промыселъ, или принуждена вооружиться нечаянно противъ какого либо возмутителя ночного спокойствія, если бы нѣсколько человѣкъ изъ римскихъ воиновъ и начальниковъ храма, даже синедріона (Лук. XII, 52), не показывали своимъ присутствіемъ, что все это дѣлается по распоряженію высшаго начальства. Посылать такіе жалкіе отряды—было послѣднимъ остаткомъ власти іудейскаго синедріона, предъ вождями коего трепетали нѣкогда полководцы и государи Востока; и синедріонъ едва ли не въ послѣдній разъ воспользовался симъ правомъ—противъ своего Мессіи! Мрачная картина освѣщенной факелами толпы довершалась видомъ одного человѣка, который дрожащими стопами шелъ впереди и предводилъ всѣхъ, хотя былъ безъ оружія, и движеніями своими невольно показывалъ, что онъ недавно совершилъ злое дѣло и теперь спѣшитъ на новое, еще большее. То былъ несчастный Іуда...

Стражѣ и слугамъ (кажется) не было извѣстно, противъ кого они отправлены. Первосвященники имѣли достаточную причину не объявлять имъ сего, изъ опыта зная, что для нѣкоторыхъ слугъ слова Іисуса значатъ болѣе, чѣмъ приказанія ихъ начальниковъ (Іоан. VII, 46). Тѣмъ нужнѣе былъ какой либо опредѣленный знакъ для распознанія лица, противъ коего дано повелѣніе. Предатель избралъ для сего лобзаніе. „Кого я облобызаю, тотъ и есть, возьмите Его“. Примѣта сія избрана Іудою не по злобѣ, какъ легко можно подумать съ перваго взгляда, а болѣе, кажется, для прикрытія злобы. Изъ соображенія обстоятельствъ преданія открывается, что предателю хотѣлось, отдѣлившись отъ толпы, одному подойти къ Учителю, какъ бы возвращаясь изъ города; и, по обыкновенію, поцѣловать Его, замѣшаться въ толпу учениковъ, предоставивъ стражѣ спустя немного, какъ бы самой себѣ напасть на Учителя. То есть, несчастный все еще хотѣлъ дать своему злодѣянію видъ неумышленнаго поступка. Но избрать, хотя безъ злобы сердечной, признакомъ измѣны то самое дѣйствіе, которое служило выраженіемъ дружества въ маломъ обществѣ Іисусовомъ, и такъ разительно отличало его отъ обществъ раввинскихъ (гдѣ ученики получали лобзаніе отъ

раввиновъ, но не смѣли сами давать его),—это составляло вверхъ, если не злобы, то безсмыслія, которое, повидимому, привело въ удивленіе Самого Сердцевѣдца.

Іисусъ, *видя* все, что *съ Нимъ будетъ*, съ приближеніемъ предателя идетъ къ ученикамъ и возбуждаетъ отъ сна не только трехъ, но и всѣхъ прочихъ, кои еще менѣе способны были преодолѣть тягость тѣлеснаго разслабленія. „Вы все еще спите и почиваете, сказалъ Онъ, но дѣло уже кончено: часъ пришелъ! *востаните, идемъ: се приближися предаяй Мя*; и Сынъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ“ (Матѳ. XXVI, 45—46).

Вмѣстѣ съ сими словами, чтобы дать ученикамъ время совершенно пробудиться отъ сна и приготовиться къ опасности, Іисусъ пошелъ одинъ вонъ изъ вертограда, на встрѣчу толпѣ. Такое великодушіе для предателя облегчало способъ указать своего Учителя стражѣ: но въ тоже время уничтожило его надежду — прикрыть свою измѣну видомъ случайнаго возвращенія изъ города. Въ смятеніи чувствъ, не зная какъ поступить, онъ однакожъ ускорилъ свои шаги (Мар. XIV, 45), чтобы дать стражѣ обѣщанный знакъ, по крайней мѣрѣ, до прибытія учениковъ. Но Учитель предупредилъ измѣну, и все еще желая образумить измѣнника, спросилъ кротко: „другъ мой, зачѣмъ ты здѣсь?“ (Матѳ. XXVI, 50).—„Равви“, отвѣчалъ Іуда, и слово замерло на устахъ его... „Равви, повторилъ онъ (Марк. XIV, 45) съ принужденіемъ, здравствуй!“ и тотчасъ облобызалъ Его. При семъ знакѣ искренняго братства, употребляемомъ теперь на измѣну самую низкую, сердце Іисуса невольно возмутилось негодованіемъ. *„Іудо, лобзаніемъ ли предаеши Сына человѣческаго?“* (Лук. XXII, 48) Увидимъ, какъ сильно отзовутся слова сіи въ душѣ несчастнаго...

Уже преданный нечестивымъ лобзаніемъ, Богочеловѣкъ восхотѣлъ показать врагамъ Своимъ, что Онъ предаетъ имъ Самъ Себя и что безъ Его собственной воли, ни предатель, ни они не могли бы ничего сдѣлать. Обратившись къ толпѣ (которая успѣла приблизиться въ то время, какъ предатель совершалъ свое предательство), Іисусъ спросилъ громко: „кого ищете?“...

„Іисуса Назарянина“, отвѣчали старѣйшины отряда, или не узнавая, по причинѣ темноты, кто говоритъ съ ними, или желая испытать, что Онъ, узнанный, будетъ дѣлать...

„*Азъ есмь*“, отвѣчалъ Іисусъ. Услышавъ слова сіи, стража какъ бы

„Іуда! Цѣлованіемъ-ли предаешь Сына Человѣческаго?“

отъ какого необыкновеннаго удара громового, вся пришла въ величайшее смущеніе; большая часть невольно отступила назадъ, многіе отъ страха припали къ землѣ (Іоан. XVIII, 6). Въ краткомъ словѣ, вышедшемъ изъ устъ Іисуса, казалось, заключалась нѣкая тайная сила, не-

преодолимая, всемогущая. Откуда она?—Хотя съ именемъ Іисуса въ умѣ стражей соединялось все поразительное, чудесное, такъ что мысль—быть отправленнымъ для взятія Чудотворца,—можетъ быть, даже Мессіи,—сама собою смущала умъ, связывала руки, отнимала духъ и лишала силъ (ибо всякому было извѣстно, что древніе Пророки иногда употребляли въ подобныхъ случаяхъ для защиты себя огнь небесный, или другія сверхъ-естественныя средства (4 Цар. I, 10); — но все сіе, кажется, не могло бы заставить стражу отступить, тѣмъ паче повергнуться на землю, безъ особенной таинственной силы словъ, услышанныхъ ею отъ Іисуса, тѣмъ болѣе, что ею предводили теперь сами первосвященники, и въ числѣ ея находились римскіе воины, не раздѣлявшіе образа мыслей евреевъ о Мессіи и даже незнакомые съ Нимъ. Съ другой стороны, поелику Богочеловѣкъ, вступая на крестное поприще, отрекся всѣхъ—и естественныхъ и сверхъ-естественныхъ—средствъ къ своему защищенію, то пораженіе стражи ужасомъ и поверженіе ея на землю не могло быть преднамѣреннымъ дѣйствіемъ силы чудотворенія, а должно быть почитаемо за непосредственное слѣдствіе необыкновенной силы духа, съ коею выражена теперь святая рѣшимость идти на крестъ, нѣкіимъ непосредственнымъ, такъ сказать, отблескомъ Божества, обитающаго въ Іисусѣ Христѣ *тѣлесно*.

(Въ какомъ смятеніи чувствъ долженъ былъ находиться при семъ случаѣ Іуда! Теперь, можетъ быть, онъ самъ согласился бы отдать все, только-бы возвратить свою измѣну, но мрачное дѣяніе уже отлетѣло въ адъ).

Господь оставался на томъ же мѣстѣ, ожидая, когда стража сдѣлается способною возложить на Него руки. Между тѣмъ ученики, одинъ по одному, выходя изъ вертограда, присоединялись къ Нему. Когда слуги, ободряемые примѣромъ фарисеевъ, а болѣе кротостію Іисуса, успокоились отъ перваго страха, Іисусъ подошелъ къ нимъ и снова спросилъ: „кого ищете?“

Невѣжественная толпа отвѣчала уже смѣлѣе, что она ищетъ Іисуса. Нѣкоторые изъ слугъ (болѣе дерзкихъ) начали брать мѣры даже къ тому, чтобы захватить и всѣхъ учениковъ.

„Не сказалъ ли Я вамъ, отвѣчалъ Господь, что это Я? Итакъ, если Меня ищете, то оставьте ихъ: пусть идутъ".

Стража невольно повиновалась сему, все еще страшному для нея, гласу, и тотчасъ оставила учениковъ, въ отношеніи коихъ ей, кажется, не было дано никакого опредѣленнаго приказанія. По всей вѣроятности, и самъ Іуда обѣщался предать только одного Учителя. Между тѣмъ въ семъ случаѣ, какъ замѣтилъ св. Іоаннъ, надлежало исполниться и пророчественнымъ словамъ Іисуса: *„ихъ же далъ еси Мнѣ, не погубихъ отъ нихъ никогоже"*. Въ самомъ дѣлѣ, ученики, какъ покажетъ примѣръ Петра, еще такъ мало способны были раздѣлять съ Учителемъ чашу искушеній и страданій, что взятіе кого-либо изъ нихъ подъ стражу и преданіе мукамъ могло навсегда отдѣлить его отъ Іисуса и подвергнуть совершенному паденію. *Немощи убо ради ихъ*, замѣчаетъ св. Златоустъ, *творитъ я, кромѣ искусовъ* [1]).

Въ такія рѣшительныя минуты, такая особенная заботливость объ ученикахъ тронула сердца нѣкоторыхъ изъ нихъ до того, что пробудила мысль о защищеніи Учителя; и робость стражи, и необыкновенное присутствіе духа въ Немъ показались нѣкоторымъ вызовомъ употребить силу. „Не ударить ли намъ мечемъ?" спросили они. Но, когда другіе спрашивали, Петръ уже дѣйствовалъ. Извлечь ножъ и поразить одного изъ служителей (перваго, который осмѣлился поднять руку на Іисуса) въ правое ухо—было для него дѣломъ одного мгновенія.—Ударъ былъ неопасенъ, но и малѣйшій видъ противленія власти былъ совершенно чуждъ святому обществу Іисуса.—„Остановитесь", сказалъ Онъ ученикамъ, готовымъ слѣдовать примѣру Петра. „Вложи мечъ твой въ ножны, продолжалъ Господь, обратясь къ Петру; всѣ, поднявшіе мечъ (противъ законной власти, какова бы она впрочемъ ни была), мечемъ погибнутъ. *Или мнится ти, яко не могу нынѣ умолити Отца Моего, и представитъ Ми вящше, нежели двунадесяте легіона Ангелъ? Но* (въ такомъ случаѣ) *како сбудутся писанія, яко тако подобаетъ быти?* (Матѳ. XXVI, 53). *Чашу, юже даде Мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити?"* (Іоан. XVIII, 11)...

[1]) Бесѣд. на Іоан.

Обличая такимъ образомъ безвременное усердіе учениковъ, Іисусъ въ тоже время изгладилъ слѣды его. Прежде, нежели слуги связали Ему руки, Онъ прикоснулся къ уху Малха (такъ назывался слуга, пораженный Петромъ) и исцѣлилъ его. Такое соединеніе величія и кро-

тости, силы и беззащитности, еще на нѣсколько мгновеній остановило буйную толпу. Между тѣмъ ученики, пользуясь ея смятеніемъ и нерѣшительностью, одинъ за другимъ начали удаляться съ такою поспѣшностью и такимъ невниманіемъ къ положенію своего Учителя, что одинъ

изъ нихъ, впослѣдствіи описывая сіе обстоятельство, почелъ за долгъ сказать: *тогда вси оставльше Его, бѣжаша* (Матѳ. XXVI, 56). Ибо, послѣ того, какъ увидѣли, что Богочеловѣкъ не хочетъ употребить къ своему защищенію ни сверхъ-естественныхъ, ни естественныхъ средствъ, страхъ тотчасъ подавилъ всѣ прочія чувства, и заставилъ ихъ думать только о спасеніи себя, къ коему не представлялось другого средства, кромѣ

Отчаяніе Іуды.

скорѣйшаго бѣгства. Послѣднія слова, которыя слышали ученики изъ устъ своего Учителя, былъ упрекъ начальникамъ стражи и фарисеямъ. „Какъ будто на разбойника пришли вы съ мечами и дреколіемъ, чтобы взять Меня, — говорилъ имъ Господь съ прежнею, Ему свойственною, властію. Не всякій ли день бывалъ Я съ вами въ храмѣ, сидѣлъ тамъ и училъ, и вы не брали Меня? Но, се есть ваша година и область

темная!... Да сбудется писаніе!" (Мар. XIV, 49)... Упрекъ сей былъ не только совершенно справедливъ, но и весьма нуженъ. Начальники стражи, а особенно члены синедріона (Лук. XXII, 52) должны были выразумѣть изъ сихъ словъ, что они сами причиною непріятнаго поступка, сдѣланнаго однимъ изъ учениковъ Іисусовыхъ,—дозволивъ себѣ употребить противъ беззащитнаго и всѣми уважаемаго человѣка такія средства, какія употребляются только противъ грабителей и злодѣевъ.

Не безъ намѣренія сдѣлано новое указаніе на ту великую истину, что все, теперь происходящее, произошло сообразно съ пророчествами: если когда свѣтильникъ пророчествъ былъ нуженъ, то теперь, при наступленіи области тьмы.

Когда Іисусъ остался одинъ, стража связала Его и повела въ Іерусалимъ тѣмъ же путемъ, коимъ Онъ недавно шелъ съ учениками.

Пустыня Іуды.

Іисусъ Христосъ предъ лиѳостротономъ римскаго судилища.

IX.

Судъ надъ Іисусомъ Христомъ.

Изъ сада Геѳсиманскаго связаннаго Іисуса Христа привели въ Іерусалимъ къ тѣмъ, кто съ такимъ трепетнымъ злорадствомъ ожидалъ въ это время Его приведенія. Привели связаннаго Іисуса во дворъ первосвященниковъ Анны и Каіафы, какъ представителей высшей церковной власти и имѣющихъ право по закону іудейскому разбирать дѣла гражданскія и уголовныя и осуждать на смерть. Анна былъ хитрый, ловкій политикъ, умѣвшій всѣмъ сдѣлать угодное, и чистымъ выходить изъ всякаго неловкаго положенія, а оттого и пользовался онъ авторитетомъ и почетомъ среди членовъ синедріона и народа, не смотря на то, что въ это время онъ былъ уже въ отставкѣ и всѣми юридическими дѣлами завѣдывалъ зять его Каіафа — первосвященникъ на тотъ годъ и по закону, и по праву. Здѣсь и причина того, почему связаннаго Господа Іисуса привели сначала къ Аннѣ, а потомъ уже отъ Анны къ Каіафѣ.

Ни ночь, ни опасеніе нарушить законъ, которымъ не дозволялось ночное производство суда или слѣдствія надъ обвиняемымъ (Дѣян. IV, 3), не удержали представителей власти отъ желаннаго допроса и суда надъ Тѣмъ, Кто имъ былъ такъ ненавистенъ и Кого они такъ боялись; *„Всѣ мы изъ-за Него погибнемъ... Придутъ римляне и овладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ... Лучше, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели, чтобы весь народъ погибъ...“* И положили убить Господа Іисуса (Іоан. XI, 47—54). Не безъ гордости и не безъ сознанія своего достоинства вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ авторитетнѣйшій представитель высшей власти, имѣя на головѣ хранилище закона и удлиненныя воскрилія на одеждѣ своей, къ уничиженному Узнику Іисусу и въ почтенномъ отдаленіи отъ Него начинаетъ чинить ему допросъ: *„объ ученіи Его и объ ученикахъ Его“*, и Божественный Узникъ со смиреніемъ отвѣчаетъ: *Я говорилъ явно міру; Я всегда училъ въ синагогѣ и въ храмѣ, гдѣ всѣ Іудеи сходятся, и тайно не говорилъ ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавшихъ, что Я говорилъ; вотъ они знаютъ, что Я говорилъ“*, и тѣмъ показалъ представителю власти и хранителю закона, что онъ допускаетъ надъ нимъ дѣйствіе беззаконное. Никто по закону не долженъ быть судимъ безъ свидѣтелей и еще тайно, ночью. Своимъ отвѣтомъ Господь Іисусъ потребовалъ отъ авторитетнаго блюстителя закона правды законной (Втор. XIX, 15 — 18).

Отвѣтъ Господа Іисуса показался одному изъ прислужниковъ Анны великою дерзостію, и онъ, ударивъ Іисуса по ланитѣ, съ отвагою сказалъ: *„такъ-то ты отвѣчаешь первосвященнику?* Не могъ снести такого несправедливаго и оскорбительнаго дѣйствія Господь Іисусъ на судѣ, гдѣ должна быть правда законная, и съ кротостію отвѣтилъ біющему: *если Я сказалъ худо*, т. е. дозволилъ Себѣ что либо дурное и незаконное, *докажи, что худо; а если хорошо*, т. е. если Я потребовалъ справедливаго отношенія къ Себѣ, какъ обвиняемому узнику, у представителя власти и хранителя закона, что предоставлено Мнѣ закономъ, *то за что же ты бьешь Меня?* И тѣмъ Господь Іисусъ показалъ первосвященнику Аннѣ, что онъ, какъ незаконный уже первосвященникъ, не

имѣетъ права производить и судъ надъ Нимъ, да еще и безъ свидѣтелей. Почему Анна тотчасъ же и отослалъ связаннаго Іисуса къ первосвященнику Каіафѣ.

И привели Господа Іисуса въ домъ первосвященника Каіафы, куда, несмотря на глубокую ночь, собрались и прочіе первосвященники и старѣйшины и книжники, которые несомнѣнно были членами синедріона, только собравшагося по ночному времени въ полномъ составѣ; несомнѣнно это были и надежнѣйшіе друзья Каіафы, нужные ему пособники для передачи на-утро уже оформленнаго дѣла на великій синедріонъ для окончательнаго суда и приговора надъ узникомъ Іисусомъ. Они знали, что безъ разслѣдованія вины, безъ допроса свидѣтелей, законъ не судитъ никого, знали, что Іисусъ и отъ авторитетнаго Анны потребовалъ законнаго суда и законныхъ свидѣтелей,—и это поставило ихъ въ немалое затрудненіе, потому-что свидѣтелей нѣтъ, на показаніи которыхъ можно было бы обосновать допросъ и судъ. А была ночь... Но извращенное сердце и лукавая совѣсть подсказали, что имъ нужно дѣлать въ подобныхъ случаяхъ. Стали искать лжесвидѣтелей, — и такихъ же развращенныхъ по сердцу и съ лукавою совѣстью, — за деньги, и не нашли, потому что, хотя и много ихъ приходило, но лжесвидѣтельства ихъ были недостаточны, т. е., по сознанію самихъ неправыхъ и лукавыхъ судей — членовъ Синедріона, не имѣли той законной, хотя бы юридической, подкладки, на которой можно было бы какъ нибудь обосновать обвиненіе Іисуса, принявши во вниманіе ихъ показанія. Наконецъ явились два жидовина лжесвидѣтеля, по преданію Ананія и Ахазія, показанія которыхъ хоть нѣсколько походили по формѣ на вѣроятныя доказательства, хотя и они были сбивчивы и противорѣчивы, и сказали они: *Мы слышали, какъ Онъ говорилъ: могу разрушить храмъ Божій—и въ три дня создать его. Я разрушу храмъ сей рукотворенный и чрезъ три дня воздвигну другой, нерукотворенный*". Но и такое лжесвидѣтельство ихъ не было достаточно (Мѳ. XXVI, 59—61; Марк. XIV, 55—59); потому что не удовлетворяло требованіямъ закона, и показанія были сбивчивы. Но въ данномъ случаѣ и эти лжесвидѣтельства

были нѣкоторой для нихъ находкой; извращая слова Іисуса, можно было утверждать, основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ, что Онъ хотѣлъ нарушить храмовые порядки и даже разрушить самый Іерусалимскій храмъ, что равносильно — произвести національный переворотъ среди іудеевъ, развращая ихъ и уча новому закону, новому порядку и укладку жизни и т. п. (Дѣян. VI, 14).

Тогда первосвященникъ Каіафа всталъ посреди засѣдающихъ членовъ синедріона и спросилъ Іисуса: *„Ничего ли не отвѣчаешь? Слышишь, что они* (свидѣтели) *на тебя свидѣтельствуютъ?“* Но что могла сказать воплощенная *Истина* предъ этими беззаконными судьями и вымыслами лжесвидѣтелей? Что ни сказалъ бы Господь Іисусъ, все было бы ни къ чему, а потому Онъ и не даетъ имъ отвѣта, и самымъ молчаніемъ Своимъ Истина парализуетъ допросъ и показанія лжесвидѣтелей. Тогда первосвященникъ Каіафа, оставивши въ сторонѣ ничтожныхъ лжесвидѣтелей и ихъ показанія, прибѣгаетъ къ другому средству, дозволенному закономъ, *„заклинанію“*, которое всегда направлялось къ защитѣ и оправданію подсудимаго; но здѣсь Каіафа злоупотребилъ этимъ средствомъ и пользуется имъ къ обвиненію и погубленію Іисуса. *Заклинаю Тебя Богомъ живымъ: скажи намъ, Ты ли Христосъ Сынъ Бога благословеннаго?“* Понятно, чего добивался этимъ Каіафа. Онъ зналъ Іисуса, какъ сына Іосифа и Маріи, зналъ и слышалъ, что Его нерѣдко называли въ народѣ Мессіей и не разъ и Самъ Онъ называлъ Себя Христомъ, Сыномъ Божіимъ, слѣдовательно, допускалъ, по его мнѣнію, страшное богохульство, за которое всегда можно было предать смерти. Этого признанія публичнаго предъ членами синедріона Каіафа теперь и добивался отъ Іисуса, и Тотъ, вынужденный къ отвѣту клятвой, желая еще разъ предъ членами синедріона и публично подтвердить истинность Своего Мессіанскаго посланничества, Своего служенія и Божественнаго происхожденія, необинуясь сказалъ: *„Я, и даже сказываю вамъ, отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“*.

Тогда первосвященникъ въ притворной ревности къ закону и въ тайной злобной радости отъ словъ Іисуса, въ знакъ того, что услыхалъ

какъ бы нестерпимое богохульство, разодралъ свою одежду и воскликнулъ: *Онъ богохульствуетъ! На что еще намъ свидѣтелей? Вотъ теперь (вы сами) слышали богохульство Его. Какъ вамъ кажется? Они всѣ признали Его повиннымъ смерти, и сказали въ отвѣтъ: повиненъ есть смерти»*, потому что за богохульство подвергали смертной казни по закону (3 Цар. XIV, 31; XXI 12—13).

Встали всѣ съ своихъ мѣстъ и начали плевать въ лицо Іисуса и

Отреченіе ап. Петра.

бить Его по ланитамъ, выражая тѣмъ и ненависть, и презрѣніе къ мнимому Богохульнику, и издѣваться надъ нимъ, какъ надъ мнимымъ Мессіей—Христомъ: пророки намъ, Христосъ, кто ударилъ Тебя?

Такъ закончился допросъ и судъ беззаконнаго соборища и Каіафы надъ Іисусомъ Христомъ—Сыномъ Божіимъ. Господь Іисусъ осужденъ на смерть *за богохульство*.

Въ чемъ же выразилось Его богохульство и что нужно ра:

подъ юридическимъ терминомъ *„богохульство“*, за которое законъ каралъ смертію?

Богохульство въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ означало прежде всего просто *хулу противъ Бога*, въ какой бы формѣ она ни выражалась, а въ обширномъ смыслѣ означало—ниспроверженіе всего теократическаго строя іудейскаго народа, перемѣну нравовъ и обычаевъ, презрѣніе закона и пророковъ. Оба эти значенія и примѣнили судіи къ Господу Іисусу и осудили Его на смерть, потому что Онъ выдалъ себя за Мессію Христа Сына Божія, и училъ, развращая народъ отъ Галилеи до Іудеи, отмѣнѣ писаній закона и пророковъ, какъ они обвиняли въ томъ Господа Іисуса.

Но справедливо ли было это обвиненіе? Въ глазахъ беззаконныхъ судей, которые, когда имъ нужно было, и вокругъ закона создавали ограду, чрезъ которую никто перелѣзть не могъ, было *законно*, но *несправедливо*, во 1) потому, что Каіафа вынудилъ показаніе Іисуса клятвой къ его обвиненію, а всякое вынужденное признаніе подсудимаго не имѣло юридическаго значенія, слѣдовательно, нельзя было на немъ и обосновывать обвиненіе Іисуса Христа; а во 2) въ признаніи и исповѣданіи Іисусомъ, публично на судѣ, Себя Христомъ—Сыномъ Божіимъ нѣтъ никакого богохульства, потому что Онъ воистину Божій бѣ Сынъ, воистину Христосъ Спаситель міра. Равно какъ несправедливо и послѣднее обвиненіе, потому что Іисусъ Христосъ ни закона, ни пророковъ не нарушалъ, а только поучалъ и свидѣтельствовалъ, что и законъ, и пророки писали о Немъ. Писанія ихъ исполнились и законная сѣнь прейде, потому что она привела къ *истинѣ и благодати Евангельской* (Іоан. I, 5—17; V, 14, 36—47; XXX—31; Мѳ. V, 17—18).

Слѣдовательно, обвиненіе Іисуса Христа было несправедливо и по существу, и юридически. Оно было сдѣлано по злобѣ и зависти на Него (Мѳ. XXVII, 18; Мар. XV, 10). Но тѣмъ дѣло не кончилось. Нужно было его оформить и передать великому синедріону, въ полномъ составѣ его членовъ.

Наступило раннее утро пятницы. Враги Господа Іисуса позаботи-

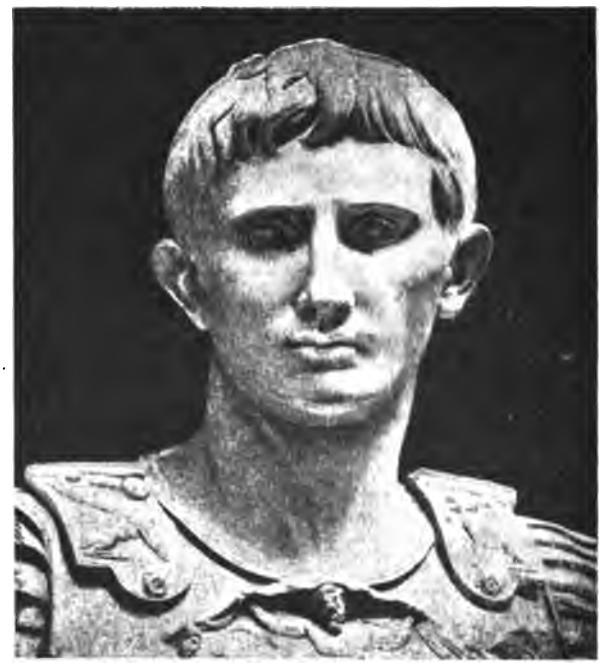
лись, чтобы утромъ немедленно собрались старѣйшины народа, первосвященники и книжники и весь синедріонъ въ полномъ своемъ составѣ для окончательнаго выслушанія всего дѣла обвиненія Іисуса, показанія свидѣтелей и добытыхъ на предварительныхъ засѣданіяхъ суда данныхъ, и произнести окончательный и безапелляціонный приговоръ надъ Іисусомъ. Какъ только всѣ собрались, ввели и Господа Іисуса въ синедріонъ и подвергли Его окончательному допросу, предложивъ тѣ же вопросы: 1) Ты-ли Христосъ? 2) Ты-ли Сынъ Божій? и Господь Іисусъ подтвердилъ истинность Своихъ словъ, сказанныхъ на предварительномъ судѣ Каіафы. Онъ сказалъ имъ: *„если скажу вамъ, вы не повѣрите; если же и спрошу васъ, не будете отвѣчать Мнѣ и не отпустите Меня* (Лук. XXII, 67; сн. Мѳ. XXI, 23—27). *Отнынѣ Сынъ Человѣческій возсядетъ одесную Силы Божіей“.*

„Итакъ, Ты Сынъ Божій? Онъ отвѣтилъ имъ: Я — Сынъ Божій“. И сказали послѣ сего: какое еще нужно намъ свидѣтельство? Ибо мы сами слышали изъ устъ Его. И подтвердилъ синедріонъ все добытое предварительнымъ судомъ Каіафы, и постановили окончательный приговоръ: *„повиненъ смерти“* (Мар. XIV, 64). Встали всѣ съ своихъ мѣстъ, связали Іисуса и повели Его изъ синедріона въ преторію къ Пилату игемону, безъ разрѣшенія котораго іудеи не могли никого предавать смерти, потому что это право у нихъ было отнято и принадлежало только римскому кесарю или намѣстнику его, каковымъ и былъ Понтій Пилатъ — прокураторъ Іудеи.

Такъ закончился судъ первосвященниковъ и синедріона надъ Іисусомъ Христомъ,—судъ кровавый и безпримѣрный въ исторіи человѣчества по недобросовѣстности судей и законнаго производства, потому что, вопреки закону и обычаю, судъ былъ веденъ ночью; свидѣтели были подысканы за деньги самими судьями; лжесвидѣтельства ихъ были настолько несостоятельны, что не могли быть признаны достаточными и самими неправедными судьями; перекрестный допросъ свидѣтелей и подсудимаго съ цѣлію сбить обвиняемаго въ его защитѣ не дозволялся закономъ; прибѣгаютъ къ клятвѣ, съ цѣлію вынудить у подсудимаго

признаніе, и на основаніи признанія произносятъ приговоръ, не давая подсудимому законнаго срока (24 часа) для оправданія, что было предоставлено закономъ и послѣ произнесенія приговора. И все это *зависти ради.*

Было утро пятницы, когда привели связаннаго Іисуса къ Понтію Пилату. Приведшіе Его не вошли къ язычнику въ преторъ — обычное судейское мѣсто, чтобы не осквернiться, такъ какъ вечеромъ того дня надлежало вкушать пасху. Заслышавъ шумъ пришедшихъ, Пилатъ самъ вышелъ къ нимъ и, увидя Узника, спросилъ: *„въ чемъ обвиняете вы сего*



Пилатъ.

Человѣка?“ т. е. подлежитъ ли сей Узникъ суду римскаго прокуратора, и, если подлежитъ, то какая Его вина? Не хотѣлось іудейскимъ судьямъ, чтобы прокураторъ ввязался въ это ихъ темное дѣло, такъ какъ, разсмотрѣвши, онъ могъ перерѣшить дѣло, отмѣнить приговоръ и самихъ судей подвергнуть законной карѣ за лжесвидѣтельства и допущенную неправду, потому что римскій законъ никого не судилъ, не предоста-

вивши подсудимому средствъ къ оправданію. А потому они дерзко и рѣшительно отвѣтили Пилату: *„если бы Онъ не былъ злодѣй, мы не привели бы Его къ тебѣ“*. Другими словами: мы требуемъ отъ тебя только утвердить нашъ уже состоявшійся приговоръ. Тогда не безъ ироніи прокураторъ сказалъ имъ: *„такъ возмите же Его вы и по закону вашему судите Его“*, и тѣмъ тонко напомнилъ имъ, что они—подданные кесаря,

„Въ чемъ вы обвиняете Сего Человѣка“.

а онъ, какъ прокураторъ Іудеи, имѣетъ право требовать отъ нихъ изложенія вины сего Узника, потому что имъ не позволено никого предавать смерти. И тогда они начали излагать вины приведеннаго на судъ Узника, но далеко не тѣ, по которымъ Онъ былъ осужденъ на смерть синедріономъ. Они знали, что то, въ чемъ они обвинили Іисуса, для

судьи-язычника было неубѣдительно, слабо и ничтожно, какъ мечта подсудимаго и словопреніе судей, а потому и придали на судѣ Пилата своему обвиненію политическій характеръ и старались выставить Іисуса, какъ опаснаго и вреднаго человѣка для государства и римскаго кесаря. *„Мы нашли*, говорили они, *что Сей Іисусъ развращаетъ народъ нашъ, запрещаетъ давать подать кесарю и называетъ себя Христомъ—Царемъ“*.

Обвиненіе важное: оно равносильно политической измѣнѣ и оскорбленію величества римскаго кесаря. Представитель и охранитель римской власти въ Палестинѣ среди іудеевъ оставаться равнодушнымъ къ этому обвиненію не могъ; онъ потребовалъ Узника къ себѣ въ преторъ на допросъ и спросилъ Его: *„Ты Царь Іудейскій?“* И Господь Іисусъ отвѣтилъ ему вопросомъ: *„отъ себя ли ты говоришь это, или другіе сказали тебѣ о Мнѣ!“* Т. е. какъ ты самъ мыслишь, называя Меня Царемъ, по іудейски, согласно съ тѣмъ, какъ предсказывали пророки о чаяніи Израиля — Мессіи Царѣ? *„Развѣ я іудей? отвѣтилъ Пилатъ. Твой народъ и первосвященники предали Тебя мнѣ. Что Ты сдѣлалъ?* Тогда Господь Іисусъ, въ успокоеніе римскаго прокуратора: сказалъ: *„царство Мое не отъ міра сего*, т. е. ни кесарю, ни его власти, ни Римскому народу не грозитъ никакая опасность, потому что царство Мое не отъ міра сего, не похоже на земныя царства. Если бы оно было отъ міра сего, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы я не былъ преданъ іудеямъ. Но царство Мое не отъ міра сего. Пилатъ, желая надлежаще уяснить себѣ странныя, но не страшныя, слова Узника, переспросилъ Его: *„Итакъ, Ты царь?* и услышалъ: *„ты правду говоришь: Я—царь“*, но не въ политическомъ смыслѣ. Царство Мое не земное, царство Мое небесное, царство Мое есть возвѣщеніе истины. *„На то Я родился, на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ. Всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего“*. Пилатъ послѣ такого отвѣта окончательно убѣдился, что этотъ узникъ, выдающій себя за какого-то царя неземного царства, совершенно неопасенъ ни для кесаря, ни для іудеевъ. Онъ просто какой-то мечтатель и учитъ о какой-то истинѣ. „А что есть истина?“—спросилъ Пилатъ, для котораго, какъ язычника и судьи, это слово было странно

и смѣшно, потому что онъ не зналъ никакой другой высшей истины, кромѣ юридической и логической, и то искаженной среди развращеннаго языческаго міра,—вышелъ къ первосвященникамъ, старѣйшинамъ и народу и объявилъ: *„я никакой вины не нахожу въ Этомъ Человѣкѣ“*. Тогда поднялся дерзновенный шумъ, и первосвященники начали обвинять Іисуса *во многомъ*. Но Іисусъ ничего не отвѣчалъ. И спросилъ Его Пилатъ, пораженный дивнымъ терпѣніемъ и молчаніемъ Его: *„смотри, сколько противъ Тебя обвиненій и Ты ничего не отвѣчаешь?“* (въ Свою защиту). Но Господь Іисусъ не далъ Ему отвѣта. То была власть тьмы. Игемонъ смутился.

Въ смущеніи же нерѣдко человѣкъ неожиданно хватается за что-нибудь случайное и подходящее, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, и Пилатъ, когда услыхалъ отъ первосвященниковъ, что Іисусъ развращаетъ народъ, уча по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи до сего мѣста, ухватился за слово *„Галилея“* и спросилъ, развѣ Онъ галилеянинъ? Такъ разбирательство Его дѣла мнѣ и не подлежитъ. Тамъ есть свой правитель Иродъ, — пусть онъ разбираетъ и судитъ, хотя очень хорошо сознавалъ, что Иродъ безъ римскаго игемона не могъ никого осуждать на смерть. Но это онъ сдѣлалъ въ двоякомъ соображеніи: во-первыхъ,—желая избавиться отъ назойливости безпокойныхъ іудеевъ и отъ ихъ Узника, а во-вторыхъ,—оказать честь Ироду, съ которымъ онъ былъ во враждѣ, и чрезъ это подать руку примиренія, что и было достигнуто. „И сдѣлались въ тотъ день Пилатъ и Иродъ друзьями между собою“.

И привели Господа Іисуса къ Ироду. Что же могъ сдѣлать Иродъ? Конечно, ничего, въ силу своего зависимаго положенія, несмотря на многія обвиненія первосвященниковъ и книжниковъ. Онъ удовлетворилъ лишь свое пустое любопытство, посмотрѣлъ на великаго Пророка и Чудотворца, хотѣлъ видѣть отъ Него какое-либо чудо и предлагалъ Іисусу вопросы; но Господь Іисусъ ничего не отвѣчалъ ничтожному совопроснику. Тогда онъ выразилъ полное презрѣніе къ Узнику, нарядилъ Его въ свѣтлую одежду, въ каковыя обыкновенно облекались

римскіе кандидаты на высшія правительственныя должности, въ знакъ насмѣшки и невиновности Іисуса, и, уклонившись отъ разбирательства дѣла, въ свою очередь, въ знакъ уваженія къ Пилату-игемону, обратно отослалъ Узника къ нему, какъ представителю власти кесаря, отъ котораго исключительно зависѣла жизнь или смерть подсудимаго.

И снова Пилатъ долженъ былъ взяться за дѣло и судить Іисуса, въ Которомъ никакой вины не находилъ, а потому вторично объявилъ собравшимся первосвященникамъ, начальникамъ и народу: *„Вы привели ко мнѣ Человѣка сего, какъ развращающаго народъ: и вотъ я при васъ изслѣдовалъ и не нашелъ виновнымъ сего Человѣка ни въ чемъ томъ, въ чемъ вы Его обвиняете. И Иродъ также. Ибо я посылалъ Его къ нему, и ничего не найдено въ Немъ достойнаго смерти. Итакъ, наказавъ Его, отпущу“*.

Вотъ первая судейская ошибка и первая незаконная уступка со стороны Пилата злобѣ враговъ Іисуса, за которой, какъ по наклонной плоскости, послѣдовали другія и еще большія уступки, по мѣрѣ настойчивости первосвященниковъ. Пилатъ впадаетъ въ нерѣшительность, видимо колеблется, входитъ въ компромиссъ, допускаетъ двуличность въ дѣйствіяхъ и, наконецъ, при напорѣ враждебной силы, впадаетъ окончательно въ нравственную трусость и произноситъ, изъ боязни за свое положеніе предъ кесаремъ, смертный приговоръ надъ Тѣмъ, въ невинности Котораго былъ глубоко убѣжденъ...

„Итакъ, наказавъ Его, отпущу“, угодливо заявилъ онъ, когда имѣлъ полное право освободить невиннаго отъ всякаго наказанія, признавъ обвиненіе Его недобросовѣстнымъ и преступнымъ. Но нѣтъ, онъ колеблется и предлагаетъ далѣе на выборъ: *„кого отпустить: Іисуса Царя Іудейскаго или разбойника Варавву?* И нетрудно предвидѣть отвѣтъ. Сами первосвященники кричали и народъ научили кричать, чтобы Пилатъ отпустилъ имъ Варавву, а Іисуса погубилъ. *„Варавву, Варавву отпусти“*, кричали они.

Пилатъ въ недоумѣніи спрашиваетъ: *„Что же мнѣ сдѣлать съ Іисусомъ? Что хотите, чтобы я сдѣлалъ съ Тѣмъ, Котораго вы называете Царемъ Іудейскимъ?“* И безсознательно для себя самого представитель

кесаря, который имѣлъ право надъ жизнію и смертію виновнаго, своими вопросами: „что Ему дѣлать? что хотите, чтобы я сдѣлалъ?“ — становится подсудимымъ, а народъ, первосвященники и книжники судьями его, и диктуютъ ему свою волю, *ибо всѣ закричали: распни Его! Распни! Казни Его! Варавву же отпусти!“* И продолжали съ великимъ крикомъ требовать, чтобы Іисусъ былъ распятъ,—*и превозмогъ крикъ ихъ*. И Пилатъ рѣшилъ поступить по ихъ просьбѣ: Варавву отпустилъ, а Іисуса подвергъ бичеванію, разсчитывая послѣ окровавленнымъ видомъ Іисуса воздѣйствовать на чувство ожесточенныхъ враговъ Его и отпустить Іисуса. Но это было только новою ошибкой со стороны Пилата, и эта мѣра привела къ обратному дѣйствію. Лишь только Пилатъ вывелъ къ народу Іисуса окровавленнаго и, ради насмѣшки, въ терновомъ вѣнцѣ и багряницѣ, и сказалъ: *„Се человѣкъ!“* т. е. вотъ Человѣкъ, Котораго вы считаете столь опаснымъ и для себя и для римской власти. Смотрите, какое жалкое ничтожество Онъ представляетъ теперь изъ Себя! Итакъ, довольно! и я отпущу Его... Но, увидѣвъ Іисуса и уразумѣвъ желаніе Пилата, они съ яростію закричали: *„распни, распни Его!“*

„Возьмите Его вы и распните; а я не нахожу въ Немъ вины“. И сказали они тогда Пилату: „мы законъ имѣемъ и по закону нашему Онъ долженъ умереть, потому что сдѣлалъ Себя Сыномъ Божіимъ“. Пилатъ убоялся ярости народной, и, въ суевѣрномъ страхѣ предъ Сыномъ Божіимъ, снова спрашиваетъ Іисуса: *„откуда Ты?“* — потому что величіе Узника его поражало. Но Господь Іисусъ не далъ ему отвѣта. Безмолвіе Узника повергаетъ долу римскаго властителя и съ смущенной совѣстію онъ говоритъ: *„мнѣ ли не отвѣчаешь? Не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя?* и не зналъ, какъ освободить Іисуса, убѣжденный въ Его невинности.

А когда іудеи закричали: *если отпустишь Его, ты не другъ Кесарю. Всякій, дѣлающій себя царемъ, противникъ кесаря»*, Пилатъ пришелъ окончательно въ трепетъ, упалъ духомъ, вступаетъ въ сдѣлку съ своей преступной совѣстію, умываетъ руки въ знакъ своей невинности: *„неповиненъ я въ крови Праведника Сего. Смотрите сами!“* И въ угоду злобѣ

іудеевъ, дорожа своимъ положеніемъ прокуратора іудеевъ болѣе, чѣмъ правдой законной и чистотою совѣсти, при яростномъ крикѣ народа:

„Се Человѣкъ".

„кровь Его на насъ и дѣтяхъ нашихъ", покривилъ душой, и, чтобы избавиться отъ дальнѣйшей умучившей его судебной процедуры, желая

сдѣлать, для обезпеченія своего положенія, угодное народу, предалъ Господа Іисуса въ ихъ волю, на распятіе...

Такъ совершился безпримѣрный въ исторіи человѣчества судъ Пилата надъ Господомъ Іисусомъ. Правда законная попрана, преступная-же власть тьмы торжествовала свою побѣду.

Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ.

Несеніе креста.

X.

Крестный путь.

Еще и понынѣ, когда благочестивые странники приходятъ въ Іерусалимъ для поклоненія святымъ мѣстамъ, среди которыхъ совершилось наше искупленіе, имъ показываютъ, такъ называемый, крестный путь Христа, по которому нашъ божественный Спаситель несъ тяжелый крестъ Свой. И понынѣ водятъ странниковъ къ развалинамъ Преторіи, откуда видно мѣсто, гдѣ находился храмъ Соломоновъ. Ничего не уцѣлѣло отъ дворца Пилата, кромѣ осколка одной стѣны съ окномъ, у котораго, говорятъ, стоялъ Пилатъ въ то время, когда вывелъ Спасителя къ народу и произнесъ къ нему воззваніе: „Вотъ человѣкъ!“ Отъ Преторіи тянется тотъ знаменательный путь, который, пройдя разстояніе ста пятидесяти шаговъ, приводитъ къ мѣсту, гдѣ встрѣтилъ шествіе Симонъ Киринейскій и помогъ изнуренному Спасителю нести Крестъ Его. Нѣсколько шаговъ далѣе находится то мѣсто, гдѣ Іисусъ Христосъ обратился къ плачущимъ Іерусалимскимъ женамъ, и сказалъ имъ: „дщери Іерусалимскія! не плачьте обо Мнѣ, но о себѣ плачьте и о дѣтяхъ вашихъ“ (Еванг. отъ Луки XXIII, 28).

Далѣе идетъ путь черезъ площадь, примыкающую къ судейскому двору, который уже не существуетъ болѣе, такъ же, какъ и стѣны, окружавшія въ то время весь городъ. Наконецъ, пройдя отъ судейскаго двора шаговъ тысячу далѣе, путникъ достигаетъ Голгоѳы. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ пути столь обильнаго священными воспоминаніями, какъ этотъ „скорбный путь“. Врядъ ли придется всѣмъ намъ быть въ Іерусалимѣ, проходить этимъ путемъ и видѣть его своими глазами; но каждый изъ насъ долженъ проходить по нему мысленно и слѣдовать за изнеможденнымъ, истомившимся Христомъ, неся свой собственный крестъ. Онъ Самъ засвидѣтельствовалъ: „Кто не несетъ креста своего и нейдетъ за Мною, не можетъ быть Моимъ ученикомъ“ (Еванг. отъ Луки XIV, 27). Христосъ страдалъ съ нами и за насъ; а потому и мы, послѣдователи Его, должны страдать съ Нимъ. И въ обыкновенныхъ, обыденныхъ дѣлахъ нашихъ мы привыкли думать, что прежде должно трудиться, а потомъ отдыхать, сперва бороться, а потомъ побѣждать; сперва мы работаемъ, а потомъ собираемъ плоды трудовъ; сперва умираемъ, а потомъ наслѣдуемъ жизнь вѣчную. Апостолъ Павелъ говоритъ въ своемъ посланіи къ Евреямъ: „посему и Іисусъ, дабы освятить людей кровію Своею, пострадалъ внѣ вратъ. И такъ выйдемъ къ Нему за станъ, нося Его поруганіе“ (Посл. къ Евр. XIII, 12. 13). Пойдемъ-же и мы Его путемъ; послѣдуемъ за Нимъ по этому скорбному пути, ведущему къ Голгоѳѣ, и посмотримъ, каковъ былъ онъ. Сказано: изъ Преторіи ведетъ онъ на Голгоѳу. Христіанинъ! ты оставилъ своего Спасителя въ Преторіи, гдѣ видѣлъ Его изнуреннымъ, поруганнымъ, измученнымъ; ты слышалъ воззваніе Пилата къ народу: „вотъ человѣкъ!“ Ты видѣлъ, какъ Пилатъ тщетно старался спасти Христа, какъ волненіе народа все умножалось и перешло въ неистовую ярость, выразившуюся единодушными, звѣрскими криками: „распни, распни Его!“ Ты слышишь, наконецъ, какъ произносится надъ Спаителемъ несправедливый приговоръ игемона, основанный на лжесвидѣтельствѣ враговъ Христа! И вотъ повели Христа, какъ осужденнаго злодѣя на распятіе, и сбылось пророчество: „Какъ овца веденъ Онъ на закланіе; и какъ агнецъ предъ стригущими Его

безгласенъ, такъ Онъ не отверзаетъ устъ Своихъ“ (Дѣянія Апостольск. VIII, 32. Исаіи. LIII, 7).

Истощенный муками и страданіями, съ окровавленной головою, удрученный гнетомъ душевныхъ скорбей, идетъ Спаситель на распятіе, изнемогая подъ невыносимою тяжестью креста, возложеннаго на израненныя плечи Страдальца. Безчисленныя толпы народа окружаютъ Его

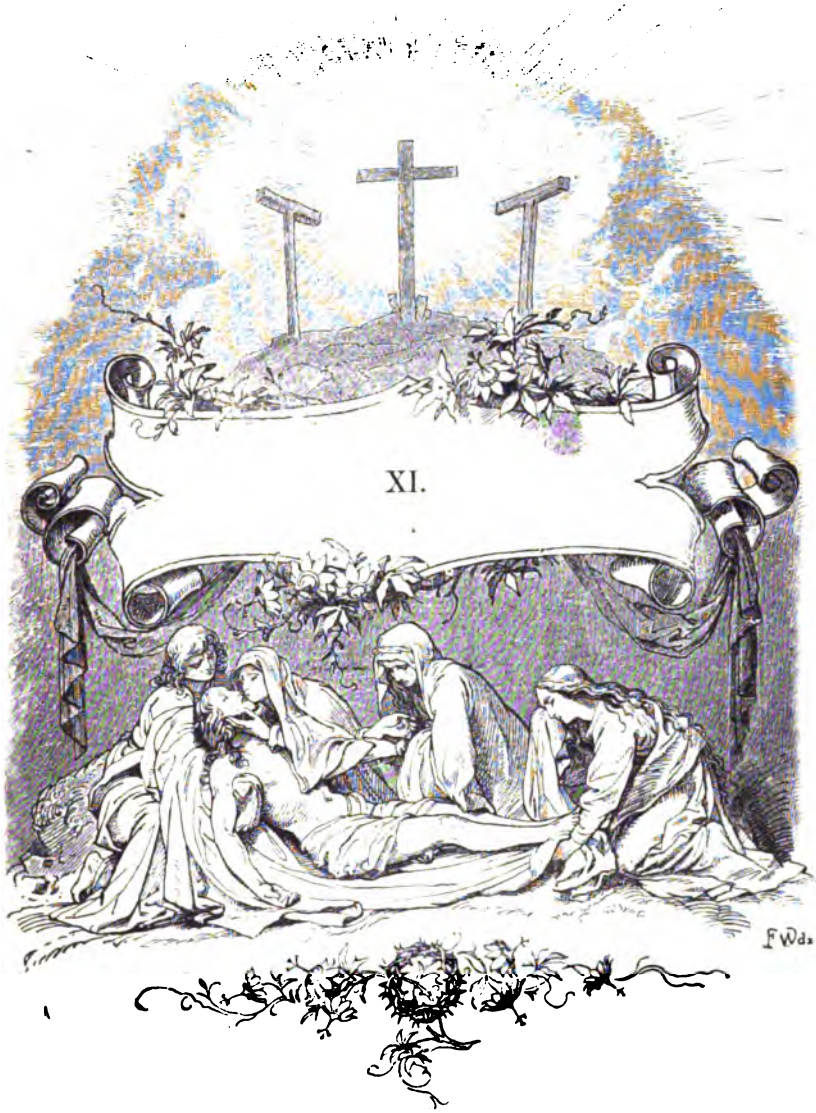
Симонъ Киринейскій.

на пути, отравляя поруганіями и злобными насмѣшками наболѣвшую душу Христа. Несмотря на это сборище, Онъ одинокъ на Своемъ скорбномъ пути. Но вотъ Спаситель изнемогаетъ, послѣднія силы истощились, Онъ преклоняется къ землѣ. Въ эту минуту подходитъ къ толпѣ народа Симонъ Киринеянинъ, идущій съ поля навстрѣчу шествія. Его останавливаютъ и, возлагая на него крестъ, приказываютъ нести

за Христомъ... Какой, поистинѣ, драгоцѣнный удѣлъ выпалъ на долю блаженнаго Симона!

Итакъ, Спаситель несетъ крестъ Свой на скорбномъ пути. „За Мною! за Мною!“ взываетъ Онъ къ намъ; и всѣ, идущіе въ жизни путемъ скорбей и страданій, слѣдуютъ подъ сѣнію этого креста. Надъ ними сбывается слово божественнаго Учителя: „Кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною (Еванг. отъ Матѳ. XVI, 24). На лицахъ этихъ путниковъ отражается выраженіе внутренней борьбы и страданія; глаза ихъ полны слезъ и скорби; но при всемъ томъ нерѣдко сіяютъ взоры ихъ тѣмъ глубокимъ миромъ, покорностью и смиреніемъ, которыя напоминаютъ намъ образъ Христа, несущаго крестъ Свой. Они знаютъ, что, идя путемъ Спасителя, слѣдуя примѣру Его, они не могутъ избѣжать тягостной ноши креста. Уподобляясь Господу своему, они, подобно Ему, страждутъ до изнеможенія, изнуряются въ тяжелой борьбѣ, сокрушаются и трепещутъ предъ Божіимъ судомъ. Подобно Христу, выходятъ они изъ Преторіи и направляются къ Голгоѳѣ, неся крестъ свой. Сознавая вину свою передъ правосуднымъ Господомъ, они исповѣдуютъ и оплакиваютъ ее чистосердечно и искренно. Они понимаютъ, что Господь, поражая ихъ праведнымъ гнѣвомъ Своимъ, наказываетъ за содѣланныя прегрѣшенія и тѣмъ самымъ открываетъ ослѣпленныя очи ихъ, пробуждаетъ заснувшую совѣсть. Сердечное сокрушеніе, проникающее до глубины души и невѣдомое имъ до сихъ поръ, овладѣваетъ ими; это сокрушеніе о грѣхахъ, которыми они прогнѣвали Господа, умножили Его страданія, нанесли Ему глубокія раны, увеличили тяжесть Его креста. Удрученные мучительнымъ сознаніемъ пробудившейся совѣсти, они идутъ искать мира на Голгоѳѣ; но грѣхъ, съ которымъ сердце уже свыклось, противится ихъ благому намѣренію; неотступно преслѣдуетъ онъ свою добычу шагъ за шагомъ, окружаетъ ее обольщеніями, вызываетъ на борьбу, отравляетъ чувства, затмеваетъ помыслы, лишаетъ силъ, ослабляетъ усердіе къ молитвѣ и нерѣдко успѣваетъ въ своихъ козняхъ, умножая горе, сѣтованіе и слезы мятежной совѣсти. Тогда начинается

борьба съ противникомъ нашимъ—грѣхомъ. Вотъ крестъ, который несутъ всѣ послѣдователи Христа, идущіе скорбнымъ путемъ къ Голгоѳѣ. Но и кромѣ сознанія грѣховности своей, кромѣ угрызеній совѣсти, Господь посылаетъ имъ испытанія и скорби. Онъ повергаетъ ихъ въ огненную печь страданій съ цѣлію очистить и просвѣтить сердце ихъ. Онъ посѣщаетъ ихъ скорбями для того, чтобы укрѣпить ихъ души, вселить и внушить святую вѣру, усердіе къ молитвѣ, смиреніе и покорность волѣ Его. Онъ ведетъ ихъ темными, неизвѣстными путями, чтобы испытать и укрѣпить ихъ вѣру. Господь лишаетъ ихъ благъ земныхъ, отнимаетъ близкихъ и дорогихъ сердцу, чтобы быть Самому единственною опорою, отрадою и благомъ ихъ; чтобы отвлечь очи ихъ отъ земныхъ радостей, мірскихъ наслажденій; чтобы привлечь къ Себѣ и сдѣлаться единственною цѣлію ихъ любви и всѣхъ душевныхъ стремленій. Хотя во всѣхъ этихъ испытаніяхъ проявляются несомнѣнныя доказательства Божіей любви и милосердія, но человѣкъ такъ слабъ вообще, что нерѣдко сопротивляется испытующей десницѣ Господа и упорствуетъ, слѣдуя внушенію собственной воли. Къ тому же тернистый путь испытаній лежитъ всегда въ уединеніи и отдаленіи отъ людской среды; міръ не сопровождаетъ насъ на Голгоѳу; нѣтъ,—онъ стремится къ инымъ цѣлямъ и идетъ противуположнымъ путемъ; онъ направляется по внушенію плотскихъ вожделѣній и порочныхъ желаній грѣшнаго сердца. Не только чужіе и далекіе, но даже самые близкіе люди, самые дорогіе сердцу нашему: отецъ, мать, супругъ, дѣти не могутъ сопровождать насъ на этомъ пути; здѣсь путникъ остается совершенно одинокимъ; никого нѣтъ при немъ, кромѣ милосерднаго Господа и Ангела хранителя, посланнаго съ неба сопровождать его. Лишь изрѣдка и совершенно неожиданно встрѣтится на этомъ пути личность Симона Киринейскаго, съ готовностью облегчить намъ тяжесть креста, отереть наши горькія слезы, выжимаемыя несноснымъ страданіемъ, облегчить дружескимъ участіемъ ношу горестей, утолить скорбь сокрушеннаго сердца. Тогда и мы испытаемъ то же утѣшеніе, ту же отраду, какую испыталъ Христосъ.



На Голгоѳѣ.

Измученный Іисусъ Христосъ приводится на Голгоѳу (Мѳ. XXVII, 26—30). Опытные въ своемъ занятіи римскіе воины быстро довершаютъ ужасное дѣло... И вотъ, въ эти приблизительно часы, по еврейскому счету въ часъ шестой, по нашему въ двѣнадцатый, Жизнодавецъ возносится отъ земли на древо крестное и мучится на

немъ часа до девятаго, по нашему счету до третьяго по полудни; мучится такими мученіями, которыя достаются въ удѣлъ самымъ безнадежнымъ преступникамъ; будучи безгрѣшнымъ, мучится за грѣхи того человѣчества, которое удалилось отъ Бога, погрузилось въ грѣховную тину, духовно почти умерло; мучится, чтобы дать человѣчеству новую, истинную жизнь... Христосъ страдающій совершаетъ то дѣло, которое предоставлено было Богомъ Ему на предвѣчномъ совѣтѣ, то дѣло, предъ которымъ изумляются безплотныя силы, то дѣло, къ которому смутно, но жадно устремляли свои взоры люди съ первыхъ годовъ своей, такъ печально начатой ими исторіи... Что-же мы видимъ въ окружающихъ крестъ Христовъ людяхъ? Вѣроятно, люди съ благоговѣніемъ смотрятъ на Того, Кто, будучи безгрѣшнымъ, такъ тяжко страдалъ за грѣхи ихъ? Вѣроятно, льются потокомъ благодарныя слезы изъ глазъ тѣхъ, которые были на краю гибели и теперь нашли надежную пристань для спасенія? Вѣроятно, сердца всѣхъ страдаютъ на крестѣ съ Божественнымъ Страдальцемъ, состраданіемъ желая какъ-бы облегчить тяжесть Его страданій?... Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ на Голгоѳѣ?... Кто и съ какимъ настроеніемъ окружаетъ нашего Господа?..

Вотъ стоятъ, и не въ маломъ количествѣ, на Голгоѳѣ первосвященники и книжники, — народные заправилы... Они вѣдь такъ много сегодня понесли трудовъ! Они вѣдь не спали ночь, желая поскорѣе отдѣлаться отъ столь непріятнаго для нихъ Іисуса!.. Ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ: Іисусъ осужденъ на пропятіе... Злорадствуютъ начальники народные; но какъ-бы боясь, чтобы не ускользнула отъ нихъ столь дорогая добыча, провожаютъ они ее на Голгоѳу... Только что заявившіе Пилату: ***намъ не достоитъ убити никогоже*** (Іоан. XVIII, 31), они теперь хладнокровно смотрятъ на невинно проливаемую кровь и даже поджигаютъ народъ еще и еще на разныя ругательства, сами показывая имъ въ этомъ примѣръ: ***иныя спасе, себе ли не можетъ спасти; аще царь израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него. Упова на Бога, да избавитъ Его нынѣ, аще хощетъ Ему: рече бо, яко Божій есмь Сынъ*** (Мѳ. XXVII, 42—43; ср. Мр. XV, 31—32). Сколько въ

Спаситель на крестѣ.

этихъ словахъ желчи и самой горькой желчи! Попрекаютъ Спасителя какъ-бы и Его любовію, проявленной Имъ въ исцѣленіяхъ, и Его надеждой на Бога!... И сколько по нашему, по человѣческому разсужденію. такая злоба въ предсмертныя муки могла усилить и безъ того тяжкія страданія Богочеловѣка!

А сколько на Голгоѳѣ простого народа, всегда столь жаднаго до разнаго рода зрѣлищъ!... Среди нихъ мы видимъ не мало лицъ намъ уже знакомыхъ. Вотъ простецы галилеяне;—это тѣ самые, которые еще такъ недавно ѣли хлѣбы и насытились (Іон. VI, 1—14). Не странно ихъ присутствіе здѣсь: еще тогда Спаситель указалъ на нетвердость ихъ вѣры: *„ищете мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко яли есте хлѣбы и насытистеся“* (Іон. VI, 26). Видимъ здѣсь многочисленныхъ іудеевъ и среди нихъ тѣхъ, которые еще такъ недавно, дней пять назадъ, восклицали при видѣ Іисуса: *„осанна сыну Давидову, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ“* (Мѳ. XXI, 9; ср. Мр. II, 9—10; Лк. XIX, 38); неособенно удивляетъ насъ присутствіе и ихъ на Голгоѳѣ; не то ли, что чувство народа было по существу такъ не глубоко, и вызвало въ Іисусѣ слезы въ столь торжественныя минуты? Не этихъ ли іудеевъ и разумѣлъ Іисусъ, когда обратился къ Іерусалиму съ послѣднимъ воплемъ о покаяніи: *„о, если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру твоему. Но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ...* (Лк. XIX, 42). Всѣ эти изъ народа теперь мятутся на Голгоѳѣ и, слѣдуя за старѣйшинами и книжниками, которые предъ этимъ у преторіи *„наустиша ихъ“* (Мѳ. XXVII, 20) вопіять „распни“, требовать освобожденія Вараввы, они повторяютъ и ихъ издѣвательства надъ Божественнымъ Страдальцемъ: *„разоряяй церкви и тремя деньми созидаяй, спасися самъ; аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Мѳ. XXVII, 40; ср. Мр. XV, 29). Ругаются надъ Божественнымъ Страдальцемъ они, но такъ и кажется, что ругательства у нихъ не свои... Народъ восклицалъ: „осанна“, а его научаютъ кричать: „распни Его, да будетъ пропятъ“... Ругается народъ, но не болѣе ли въ этихъ ругательствахъ виновны тѣ, которые ослѣпили народу разумъ, разожгли въ немъ страсти и держали ихъ

все время, до послѣдняго момента въ приподнятомъ состояніи?!... Во всякомъ случаѣ, не мало прибавитъ горя Божественному Страдальцу и этотъ народъ, въ такой мѣрѣ облагодѣтельствованный Имъ...

„И стояху людіе зряще (Лк. XXII, 35), говоритъ св. Лука, описывая голгоѳскія страданія Христа. Кто это такіе стоятъ на Голгоѳѣ и смотрятъ?... Вѣроятно это тѣ, какихъ было при жизни Христа большинство: — они видѣли чудеса Іисуса и приходили отъ нихъ въ ужасъ: *пророкъ великій воста въ насъ, посѣти Богъ людей своихъ* (Лк. VII, 16), говорили они тогда. Слышали они и ученіе Іисуса и соглашались, что *„николикоже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей Человѣкъ“* (Іоан. VII, 46)... Но съ другой стороны, почему-же Онъ происходитъ изъ незнатнаго Назарета? (Іон. VII, 52; ср. Іоан. VI, 1—27). Почему же Онъ происходитъ отъ плотника, а не отъ царя? Почему-же въ Него не вѣруютъ князи? (Іоан. VI, 26; ср. Іоан. VII, 1—48). Да и вообще то дѣятельность Его не пользуется сочувствіемъ нашихъ руководителей... Кто онъ? Благъ, или льститъ народы? (ср. Іон. X, 19—21). И этихъ вопросовъ не рѣшили они при жизни Іисуса, и съ этими вопросами стоятъ они сейчасъ и на Голгоѳѣ, не оскорбляя Страдальца наглыми ругательствами, но все-же причиняя Ему скорбь своею медлительностью...

Но вотъ среди другихъ, сначала въ отдаленіи, а потомъ и у креста видимъ стоящими Матерь Іисусову, сестру Матери Его Марію Клеопову, Марію Магдалину; видимъ здѣсь-же и друга Христова Іоанна... (Іон. XIX. 25—26)... Всѣхъ ихъ привлекла на Голгоѳу самая горячая любовь ихъ къ Страдальцу... Несомнѣнно, при видѣ мученій Того, Котораго всѣ они такъ горячо любили, всѣ они тяжко страдали; несомнѣнно, злоба людская не оставила и ихъ своими насмѣшками и ругательствами... Но все это они мужественно перенесли, пребывъ на Голгоѳѣ въ предсмертныя минуты Іисуса, и преданная любовь ихъ много утѣшенія доставила на крестѣ висѣвшему Христу!...

Такъ вотъ, братіе, что мы увидѣли на Голгоѳѣ! Есть здѣсь и любящія Іисуса сердца, но много-ли ихъ? Не большинство ли тѣхъ, которые вмѣсто благодарныхъ восклицаній лишь издѣваются надъ уми-

раюшимъ Страдальцемъ; не большинство ли тѣхъ, которые вмѣсто благодарныхъ слезъ проливаютъ у креста слезы все еще недостаточно удовлетворенной злобы?... Мы видимъ на Голгоѳѣ какое то смѣшеніе любви и благодарности страдающей съ дикими воплями злобы и коварства торжествующихъ!

Въ тотъ ужасный часъ, когда Искупителя поглощала бездна страданій, среди жесточайшихъ мукъ и безконечной скорби, Онъ молился за своихъ мучителей: „Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“. Возможно ли изобразить всю силу сказавшейся въ этихъ словахъ безпредѣльной любви къ человѣчеству! Но этой молитвы или не слышали, или не хотѣли слышать враги Христа. Страшная злоба окаменила сердца ихъ, сдѣлала ихъ кровожаднѣе лютыхъ звѣрей: въ лицѣ ихъ, предъ лицомъ безконечной кротости и всепрощающей любви, проявилась какъ бы сама олицетворенная ярость, изрыгающая все, что въ ней есть ядоноснаго. Необузданная толпа народа, воины, вожди народные—каждый по своему—спѣшатъ выразить свое ожесточеніе и ненависть къ беззащитной жертвѣ. Сама природа какъ бы не вынесла этого ужаснаго зрѣлища людской злобы и низости. Среди полудня солнце внезапно померкло, мракъ покрылъ землю, и въ теченіе трехъ часовъ длилась ночь, пока Божественный Страдалецъ не поникъ главою и не испустилъ духъ. Какой глубокій смыслъ сокрытъ въ этомъ поразительномъ явленіи!

Мертвая тишина окружила теперь крестъ, близъ котораго такъ недавно еще раздавались неистовые крики злобы. Ужасъ предъ грознымъ знаменіемъ гнѣва Божія охватилъ всѣхъ и сковалъ богохульныя уста. И вотъ среди безмолвнаго ужаса раздались слова Страдальца: „Боже Мой, Боже Мой, почто Ты Меня оставилъ?“ У насъ нѣтъ силъ разгадать тайну этого восклицанія: — смерть обычное и естественное явленіе для насъ, но ужасное и неестественное для Безгрѣшнаго: ужасъ жертвы, подъявшей бремя грѣховъ всего міра, послѣдній моментъ страшной борьбы со всѣми силами зла и ада... Нѣтъ, нѣтъ! какъ бы ни старались объяснить эти слова, мы чувствуемъ, что здѣсь

совершилась непостижимая для насъ, ужасная тайна. Мы можемъ лишь съ трепетомъ сердца преклониться предъ ужасомъ, объявшимъ душу нашего Спасителя, и въ чувствѣ безпредѣльной благодарности и любви пасть у подножья Его креста...

Послѣдніе моменты неизображаемой человѣческими словами борьбы истощили Страдальца. Слабая искра жизни скоро угаснетъ. Утомленный до послѣдней степени, съ потухающими взорами, съ пересохшими устами, Спаситель восклицаетъ: „Жажду!“ Близъ креста стоялъ сосудъ, полный уксуса. Этимъ уксусомъ напитали губку, воткнули на трость иссопа и поднесли къ устамъ Іисуса. Но только ли простое чувство жажды выразилось въ этомъ восклицаніи? Не слышится ли въ немъ нѣчто большее,—жажда побѣды, жажда совершенія подвига цѣлой жизни, жажда скорѣйшаго наступленія великой минуты всеобщаго искупленія? И вотъ эта минута настала. Раздалось великое, сильное слово, потрясающее небо и землю,—слово, сила котораго простирается на всю вѣчность, слово, важнѣе и значительнѣе котораго никогда не произносилось языкомъ человѣческимъ — *„совершилось!“* Величайшій подвигъ исполненъ; борьба окончена; насталъ мигъ побѣды и торжества. Отселѣ предъ нами—не беззащитный Страдалецъ, но—Царь, побѣдившій міръ крестомъ и страданіями.

Вспомнимъ о неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, порождаемыхъ грѣхомъ и злобою, о страшной власти зла надъ душою, о губительномъ вліяніи грѣха на всѣ наши отношенія,—наконецъ, вспомнимъ о той ужасной безднѣ, на краю которой мы скользимъ, готовые ежеминутно обрушиться,—и тогда мы отчасти поймемъ значеніе этого слова „совершилось!“ Это—побѣдная пѣснь объ искупленіи человѣчества, это—кличъ Побѣдителя зла и смерти. Совершилось величайшее, необычайное событіе, опредѣленное отъ сложенія міра, возвѣщенное пророками, ожидаемое въ теченіе тысячелѣтій. Сокрушено все, что лишало насъ мира, что грозило вѣчной гибелью. Правосудіе Божіе удовлетворено; рукописаніе грѣховъ уничтожено. Искупленіе совершилось.

Свѣтлый миръ водворяется въ душѣ Побѣдителя смерти. Такъ не-

давно еще, въ минуту тяжкой борьбы, Онъ восклицалъ: „Боже Мой! почто Ты Меня оставилъ?“ Теперь Онъ снова обращается къ Своему небесному Отцу и, „преклонивъ главу, предалъ духъ“ (Іоан. XIX, 30).

„Іисусъ, преклонивъ главу, предалъ духъ!“ Есть ли зрѣлище трогательнѣе, поразительнѣе этого? Неудивительно, что солнце померкло въ эти дни, что камни распались и земля колебалась на основаніяхъ своихъ, когда Спаситель нашъ находился въ такомъ состояніи! Итакъ, умолкъ тотъ божественный голосъ, который возносилъ къ престолу Божію горячія мольбы за безчисленное множество людей; угасъ небесный взоръ, слѣдившій за всѣмъ сотвореннымъ, проникавшій въ самые сокровенные тайники сердца человѣческаго и въ нѣдра божества: умерло сердце, обнимавшее весь міръ своею любовію; сердце, бившееся глубокою преданностью и къ друзьямъ, и къ врагамъ; охладѣли руки, разгонявшія людскія бѣдствія и скорби, укрощавшія бурю и море, повелѣвавшія смерти.

„Іисусъ, преклонивъ главу, испустилъ духъ!“ Смерть Христа заканчиваетъ долгій рядъ трудовъ и страданій, наполнявшихъ жизнь Его; эта смерть была важнѣе всѣхъ остальныхъ Его подвиговъ и дѣлъ любви; важнѣе чудесъ, совершенныхъ Имъ надъ слѣпыми, хромыми, глухими, недужными и прокаженными; выше воскрешенія изъ мертвыхъ Лазаря, сына Наинской вдовы и умершей дѣвицы. Смерть Его есть самое славное, знаменитое и знаменательное событіе всемірной исторіи древнихъ и новыхъ временъ. Здѣсь отдѣляется свѣтъ отъ тьмы, жизнь отъ смерти, благодать отъ осужденія. Источникъ жизни изсякъ, но весь міръ поглощенъ волнами благодати Божіей, вмѣсто водъ потопа, который былъ слѣдствіемъ гнѣва Божія, но которымъ Господь уже не накажетъ болѣе людей. Свершилось событіе, утѣшавшее за тысячи лѣтъ страждущее человѣчество, ожидавшее его. На это событіе уповали первые грѣшники, изгнанные изъ рая, взирая на землю, отягченную проклятіемъ и вознося надежды свои на небо, откуда ждали искупленія. Его предчувствовалъ Авраамъ, получившій обѣтованіе грядущаго; на спасеніе отъ него надѣялся весь народъ Израильскій и всѣ

пророки; съ упованіемъ на него взиралъ Давидъ, воспѣвавшій: „Возвожу очи мои къ горамъ, откуда прійдетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю“ (Псал. CII, 1, 2). Но для всѣхъ ихъ торжественная минута смерти Христа была покрыта темною завѣсою непроницаемаго будущаго. Мы же можемъ считать себя блаженными: для насъ открылась эта завѣса и все тайное содѣлалось явнымъ. Христосъ уже перенесъ всѣ страданія; кровію Своею стяжалъ Онъ наше спасеніе; жертва принесена; Онъ преклонилъ главу и умираетъ—искупленіе свершилось!

Милосердый Искупитель мой! Божій Агнецъ, несущій грѣхи міра! Жертвою Своею Ты совершилъ мое искупленіе, день кончины Твоей сталъ днемъ тихой радости для меня грѣшнаго, дерево, на которомъ совершенъ подвигъ искупленія, сдѣлалось древомъ жизни, смерть Твоя—моимъ воскресеніемъ! Какъ и чѣмъ воздамъ я Тебѣ, премилосердый Господи, за всѣ Твои благодѣянія! Какъ возблагодарить, какъ любить и восхвалять Тебя, Избавитель, Спаситель мой!

„Раздѣлиша ризы Его и объ одеждѣ Его меташа жребій“.

Плащаница.

XII.

Погребеніе Христово.

Итакъ святая жизнь нашего Спасителя кончена. Смерть прекратила Его тяжкія мученія, скорби и страданія. Господи, Ты являешься намъ сегодня лежащимъ во гробѣ, бездыханнымъ, безжизненнымъ и съ ужасомъ представляетъ душа моя Тои жестокія предсмертныя муки. Не было при Тебѣ ни одной любящей руки, ко-

торая отерла бы съ лица холодный потъ, не было близкаго существа, готоваго поддержать усталую, склонившуюся голову, закрыть Тебѣ глаза; Ангелъ Божій не явился, какъ въ Геѳсиманіи, чтобы подкрѣпить Тебя; Отцу небесному неугодно было сократить тяжелой предсмертной борьбы Твоей. Ужасна была кончина Твоя, какъ и самыя страданія; зрѣлище это должно было потрясти и ужаснуть всѣхъ видѣвшихъ его. Но теперь все свершилось, чаша скорбей испита до послѣдней капли, оконченъ подвигъ Твоей неизмѣримой, безпредѣльной любви къ человѣчеству.

Разбойникамъ перебили голени, Іисуса же пронзили копьемъ въ бокъ и изъ него потекла кровь и вода. Глубокая тишина распространилась у трехъ крестовъ и на всей Голгоѳѣ, глубокая тишина водворилась въ сердцахъ присутствующихъ, враги насытили свою алчную месть, друзья же, пораженные глубокимъ унынiемъ, стоятъ и плачутъ вдали. Здѣсь видимъ мы святую Дѣву, изнывающую подъ бременемъ неумолимой скорби; ее поддерживаетъ Іоаннъ и многіе другіе, сочувствующіе ея глубокой печали. Охотно присоединимся и мы къ нимъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ оплакать кончину Христа Спасителя.

Послѣ столькихъ уничиженій и поношеній начинаетъ мало по малу возвѣщаться величіе Христа. Солнце, скрывавшееся до тѣхъ поръ, внезапно появляется и освѣщаетъ послѣдними, вечерними лучами искупленный міръ. Сотникъ, видѣвшій все происходившее, бьетъ себя въ грудь и свидѣтельствуетъ: „Воистину, человѣкъ этотъ былъ праведникъ!“ Изъ отдаленія приближаются друзья, чтобы воздать послѣдній долгъ Царю жизни. Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ испрашиваютъ у римскаго правителя тѣло Іисусово и, благодаря своему общественному положенію, вліянію и богатству, они достигаютъ того, къ чему не дерзали стремиться бѣдные и безъизвѣстные ученики и послѣдователи Христа: имъ предоставлена честь погребенія Его. Пречистое тѣло снято со креста и почіетъ съ миромъ на рукахъ друзей, которые омываютъ его отъ запекшейся крови, обвиваютъ чистою плащаницею, покрываютъ голову платомъ. Послѣ того понесли Его въ близъ лежащій садъ

Іосифа и положили во гробѣ, высѣченномъ въ скалѣ. Святыя жены, пришедшія съ Іисусомъ изъ Галилеи, слѣдовали за тѣломъ Его. Такимъ образомъ любовь и преданность проводили въ могилу Того, Кто любилъ всю жизнь, до могилы. Тогда склонились послѣдніе солнечные

Снятіе со креста.

лучи, и скоро звѣзды небесныя засвѣтились на небосклонѣ. День страданій миновалъ, теперь наступаетъ день великаго покоя; Царь жизни почіетъ во гробѣ. Это—время для размышленія и молитвы къ божествен-

ному Искупителю, который умеръ за грѣхи мои, почіетъ глубокимъ сномъ смерти и заповѣдалъ покой душѣ моей. „Въ тишинѣ и упованіи

„Плащаницею чистою обвивъ и воними".

крѣпость ваша" (Исаія, XXX, 15). Такъ говоритъ пророкъ Исаія; да будетъ же слово это призывомъ, приводящимъ меня ко гробу Господню.

Склонность моя къ житейскимъ заботамъ, безпокойству и суетливости губительно дѣйствуетъ на душевный покой, отравляетъ минуты тихаго настроенія, удаляетъ отъ Спасителя, мѣшаетъ внимать слову Божію, утомляетъ и тѣло и душу, отнимаетъ столько драгоцѣннаго времени, такъ сокращаетъ жизнь, что я съ радостью готовъ сбросить тяжелое иго безполезныхъ суетныхъ мірскихъ заботъ, посвятить сегодняшній день глубокому душевному спокойствію и провести его въ невозмутимой, святой тишинѣ.

Съ какимъ особеннымъ чувствомъ слѣдитъ душа моя за Никодимомъ и Іосифомъ Аримаѳейскимъ! Благо вамъ, святые мужи, употребившіе свои средства и общественное вліяніе благой цѣли отдать послѣдній долгъ любви Спасителю и совершившіе его безъ страха и опасенія людскихъ преслѣдованій. Къ сему служитъ скрывать отъ міра и таить отъ людей любовь ко Христу? Рано или поздно міръ узнаетъ о ней и не замедлитъ воздать за нее ненавистью, осужденіемъ и клеветой, отъ которыхъ не спасетъ ни высокое положеніе, ни богатство. А потому не скрывайся, не таись, друже Божій; не подвергай себя опасности погубить душу свою, если вздумаешь тайно исповѣдать Христа. Не признавать Его открыто то же самое, что и отрекаться отъ Него, а слѣдствіе отреченія изображено такъ: „Кто отрекся отъ Меня предъ человѣками, отрекусь отъ того и Я предъ Отцемъ Моимъ, сущимъ на небесахъ“ (Матѳ. X, 33). „Кто отвергнется Меня предъ человѣками, тотъ отверженъ будетъ предъ Ангелами Божіими“ (Еванг. отъ Луки XII, 9). И неужели Его безграничная любовь, не охладѣвшая даже и во гробѣ, не заслуживаетъ, чтобы мы предпочли Его всему остальному? Съ любовію останавливается взоръ мой на васъ, благочестивыя жены. Отрадно становится душѣ, когда, слѣдя за ходомъ событій жизни и страданій Спасителя, не встрѣчаешь ни одного женскаго лица, поставленнаго ко Христу во враждебныхъ отношеніяхъ; а напротивъ того, видишь многихъ женъ, слѣдовавшихъ за Нимъ съ мужескою твердостью, неутомимыхъ на поприщѣ любви и вѣры въ Спасителя. Жены оплакиваютъ Его на крестномъ пути; женщина возлила муро на Него и этимъ

возліяніемъ приготовила Его къ погребенію; и здѣсь жены не могутъ покинуть могилы, принявшей тѣло Христа. Любовь есть назначеніе,

„Во гробѣ новѣ покрывъ положи".

стихія женщины. Горе той изъ нихъ, которая измѣняетъ своему назначенію; она извращаетъ свою природу, отступаетъ отъ естественнаго

пути своего, измѣняетъ самой себѣ; ея дурное вліяніе губительно дѣйствуетъ на грядущія поколѣнія; она становится причиною нравственной гибели многихъ. Благо женщинѣ, живущей и пребывающей въ любви къ Богу и ближнему; эта любовь низведетъ обильную благодать на семью, домъ и весь родъ ея. Мы же всѣ, отъ жены рожденные, считаемъ себя близкими благочестивымъ женамъ, плакавшимъ надъ гробомъ Господнемъ. Присоединимся же къ нимъ и, по примѣру ихъ, послѣдуемъ за Христомъ твердо и неуклонно, до конца жизни; посвятимъ остатокъ дней нашихъ Господу и послужимъ Ему отъ всего сердца.

Скорбный путь.

Спаситель во гробѣ.

Вчера видъ Его былъ безчестенъ, уменъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Ученики Его разбѣжались, толпа, которая ходила за Нимъ въ изумленіи и славила чудеса Его, противъ Него обратилась, когда увидѣла Его низложеннымъ, униженнымъ, осужденнымъ, распятымъ.

Но сегодня—покой Его честь. Странствуя по землѣ Іудейской, Онъ не имѣлъ, гдѣ главы подклонить. Умеръ Онъ.—Богатый и знатный человѣкъ устроилъ Его погребеніе и положилъ Его въ своемъ гробѣ, „и, возваливъ камень велій надъ двери гроба, отъиде". Еще только что настало утро, еще не запечатанъ гробъ, еще не приставлена Іудейская стража. Гдѣ вы въ эту минуту, всѣ тѣ, кто любилъ Его, кто ходилъ съ Нимъ, кто держитъ Его въ сердцѣ и тихо по Немъ плачетъ?

Вотъ, жены, послѣдовавшія за Нимъ, сидятъ прямо у гроба: онѣ стояли у креста, онѣ видѣли, какъ страдалъ Онъ, онѣ смотрѣли, какъ погребали Его, и теперь еще не въ силахъ отойти отъ того мѣста, гдѣ лежитъ Его тѣло. Петръ — еще до распятія, — исшедъ вонъ, плакася горько: онъ не смѣлъ идти ко кресту, онъ и теперь горько плачетъ въ уединеніи, и тѣмъ уже показалъ, что о себѣ плачетъ въ эту минуту, а не о Томъ, Кого такъ горячо клялся любить до крови и до смерти. У него *свои* слезы: о, какъ горьки должны быть такія слезы, потому-что ни съ чьими слезами не могли смѣшаться въ одно общее чувство! Другіе ученики—гдѣ они? они разбѣжались въ страхѣ, думая о своемъ спасеніи; они не были у креста Господня, они не видали страданій Іисусовыхъ—они узнаютъ отъ другихъ, какъ Онъ страдалъ, какъ былъ поруганъ, какъ при кончинѣ взывалъ къ Отцу Небесному; „вскую Мя оставилъ еси?" Слышатъ—и думаютъ: кто же былъ Онъ? Мы видѣли силу Его, видѣли чудеса Его, слышали слово Его — и вотъ Его побѣдили враги, и Богъ, Котораго Онъ называлъ Отцомъ Своимъ, Его оставилъ. „Мы же надѣяхомся, яко Сей есть хотяй избавити Израиля". Плачутъ ли они? Да, они плачутъ, потому что любили человѣка—но въ ихъ душѣ сомнѣніе, въ ихъ умѣ вопросы практической жизни. Они уже думаютъ: что намъ дѣлать теперь?—и вотъ, Господь, по воскресеніи, застанетъ ихъ снова за прежнимъ промысломъ.

Одинъ не оставилъ Его — возлюбленный ученикъ Его, тотъ, кто на вечери склонялъ голову на перси къ Нему, тотъ, кто послѣдовалъ за Нимъ во дворъ Анны, хотя и „знаемь бяше архіереови". Любовь Іоанна не знала страха; онъ вмѣстѣ съ матерью Іисусовой стоялъ у

креста Его, онъ, вмѣстѣ съ нею, съ первой до послѣдней минуты прожилъ всю страшную исторію суда, поруганій и мученій Спасителя. Видно онъ любилъ, подобно тому какъ любитъ мать—просто, безъ раз-

„И съ этого времени ученикъ сей взялъ Ее къ себѣ".

мышленья, безъ мысли о себѣ, безъ заботы о томъ, что будетъ,—горячею, но простою, полною, цѣльною любовью, которая ни о чемъ не

спрашиваетъ, ничего не изслѣдуетъ, въ которой нѣтъ мысли о мѣрѣ преданности, такъ какъ нѣтъ мысли о возможности сомнѣнія, уклоненія или измѣны. Оттого, вѣдая простоту этого сердца, умирающій Спаситель этому сердцу поручилъ заботу о матери Своей. „Жено! се сынъ Твой. Се мати твоя!“

„И отъ того часа поятъ ю ученикъ во свояси“. Итакъ она у него въ домѣ, и конечно вмѣстѣ плачутъ они, если могутъ плакать; вмѣстѣ хранятъ въ тайнѣ безмолвія и вѣры, какъ святыню и сокровище—память объ усопшемъ, и любовь, которая слилась со всею ихъ жизнью, со всѣмъ существомъ ихъ. Сколько было горькой скорби въ свѣжемъ воспоминаніи о страданіяхъ возлюбленнаго, мы не знаемъ, но можемъ представить себѣ, если заглядывали въ ту черную, страшную бездну, которая раскрывается передъ человѣкомъ у смертнаго одра, въ страданіяхъ того, въ кого перешла вся душа безмѣрною любовію. А здѣсь—умиралъ, поруганный и замученный, Тотъ, Кто былъ красенъ добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, въ Комъ обитала вся полнота Божества тѣлесно, Кого Богъ Отецъ назвалъ возлюбленнымъ Своимъ Сыномъ. *Какъ* Его любила, какъ на Него смотрѣла Пресвятая Дѣва—Матерь,—это можетъ ли понять, можетъ ли изслѣдовать какая бы то ни было земная мать, по сравненію съ своимъ чувствомъ, какъ бы ни было оно глубоко, горячо, безкорыстно и чисто! Слово Божіе не останавливается на Ея любви къ Сыну, не разсказываетъ, не описываетъ намъ Ея чувствъ и отношеній. Предъ этой любовью должно остановиться въ благоговѣніи изслѣдованіе любви человѣческой,—и если гдѣ, то здѣсь является намъ любовь—таинствомъ. Какимъ бы огнемъ ни горѣла любовь сердца человѣческаго на землѣ,—этотъ огонь земной: ибо здѣсь *Я* человѣческое приражается къ другому *Я*, плоть говоритъ языкомъ плоти и духъ любитъ „въ ревности“. Но какимъ именемъ назвать, какимъ свойствомъ объяснить таинственную любовь Пресвятой Дѣвы къ Сыну-Богочеловѣку, какъ въ этомъ чувствѣ Ея отдѣлить полноту любви отъ полноты вѣры? И любовь и вѣра въ немъ едино, безъ раздѣленія, безъ смѣшенія. Такъ любитъ Бога смиренная душа чело-

вѣческая, объятая радостью и трепетомъ въ чувствѣ присутствія Божія: любитъ не видя, но только вѣруя. И Она — вѣровала вѣрою человѣческой, вѣровала въ Сына, возвѣщеннаго Ей Ангеломъ Благовѣщенія; но

Скорбь у подножія креста.

этого Сына, въ Кого вѣровала, Она и видѣла! Она Его держала и пеленала, и кормила, и хранила Его, и воспитывала и „болящи искала Его“ человѣческою заботой, и ходила за Нимъ, и слушала Его и видѣла

дѣла Его во плоти, и во всей полнотѣ Ея Божественной любви пребывала нераздѣльно любовь къ Сыну человѣческому. И оттого,—какова бы ни была Ея вѣра въ вѣчную жизнь и воскресеніе Сына,—какъ Ей было не страдать,— и кто измѣритъ глубину, кто исповѣдаетъ горечь Ея страданія? Оно извѣстно Ему одному, Тому, Кто, вѣдая Божество и видя славу Свою, въ то же время чувствовалъ природою человѣческой, что „прискорбна душа Его даже до смерти“, и молилъ Отца, аще возможно, пронести мимо смертную чашу. Въ торжественномъ покоѣ великой Его субботы было ли мѣсто и покою великой скорби сердца Материнскаго?

О, великое таинство субботы, таинство любви и вѣры, таинство креста и страданія, таинство жизни и смерти! Въ этомъ гробѣ, за этимъ камнемъ, подъ этою печатью „да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ“.

Жены мироносицы у гроба.

Воскресеніе Христово.

Въ невыразимой печали провели субботній день апостолы и св. жены. Безъ сомнѣнія, всѣ они, будучи земляками, изъ родной Галилеи, а еще болѣе — связанные пламенною любовью къ своему возлюбленному Учителю, провели субботу вмѣстѣ или поблизости другъ отъ друга. Для всѣхъ ихъ эта суббота была воистину субботою тихихъ горькихъ слезъ, скорби и отчаянія. Святыя жены присутствовали при погребеніи: *„видѣвша гробъ и яко положено бысть тѣло Его“* (Лук. XXII, 55), онѣ внимательно всматривались въ мѣсто, *„гдѣ Его полагаху“* (Марк. XV, 47).

Сверхъ того, св. жены примѣтили, что Іосифъ и Никодимъ очень спѣшили погребеніемъ и не исполнили всего, что полагалось по іудейскимъ обычаямъ, да и нельзя было не спѣшить: погребеніе совершилось въ Великій пятокъ поздно вечеромъ, солнце уже скрывалось за Іерусалимскими холмами, и наступала суббота, „великъ день". Въ теченіе субботняго покоя онѣ, безъ сомнѣнія, только и видѣли предъ собою, что потрясающія событія предыдущаго дня: малѣйшая подробность представлялась ихъ взору съ поражающей ясностью, и вотъ, наконецъ, все вниманіе ихъ приковалось къ одной мысли, что не все еще сдѣлано для незабвеннаго Учителя, что предстоитъ еще окончить надлежащимъ образомъ Его погребеніе. Онѣ, готовыя отдать свою жизнь за Іисуса, порывались теперь воздать послѣдній долгъ Почившему и заготовили свѣжія благовонія и ароматы. И вотъ лишь только миновалъ срокъ субботняго покоя, *„зѣло рано"* (Лук. XXIV, 1), *„еще сущей тмѣ"* (Іоан. XX, 1), Марія Магдалина, Марія Іаковля, Іоанна, *„жена Хузаня, приставника Иродова, и ины, яже служаху Ему отъ имѣній своихъ"* (Лук. VIII, 3) при жизни, и теперь вмѣстѣ съ Нимъ и апостолами на праздникъ Пасхи *„пришли отъ Галилеи"* (Лук. XXIII, 55), устремились ко гробу, *„носяще, яже уготоваша ароматы"* (Лук. XXIV, 1). Но раньше всѣхъ вышла изъ дому, и пламенѣя,—по выраженію св. Златоуста,— самою нѣжною любовію къ Учителю", точно на крыльяхъ принеслась,—пришла первая ко гробу св. Марія Магдалина, желая хотя „отъ мѣста получить какое-нибудь утѣшеніе" въ своей неутомимой скорби. Но, о ужасъ! Марія предъ самымъ гробомъ остановилась, какъ пораженная громомъ, — *камень взятъ отъ гроба"*... (Іоан. XX, 1). Едва придя въ себя, устремилась обратно и прямо *„тече и пріде къ Симону-Петру и къ другому ученику, его же любяше Іисусъ, и глаголи имъ: взяша Господа отъ гроба и не вѣмъ, гдѣ положиша Его"* (Іоан. XX, 2).

Между тѣмъ другія св. жены, отставшія по пути отъ Маріи, дорогой вспомнили о камнѣ, которымъ при погребеніи закрыли гробницу. Можетъ-быть, при этой мысли онѣ остановились въ недоумѣніи на пути и спрашивали одна другую: „кто могъ бы имъ отвалить камень?" Между

тѣмъ уже разсвѣтало (Мѳ. XXVIII, 1), когда онѣ подошли къ саду и вступили въ его изгородь.

Для ясности дальнѣйшаго разсказа изложимъ здѣсь то, что намъ извѣстно объ устройствѣ іудейскихъ гробницъ. Іерусалимъ окруженъ каменистыми горами и холмами. Въ этихъ-то горахъ іудеи и устраивали себѣ гробницы. Сперва вырубали въ скалѣ притворъ, изъ котораго обыкновенно узкая и низкая дверь вводила во внутренность каменной погребальной пещеры, высѣченной также въ углубленіи скалы. Въ пещерѣ уже находилось погребальное ложе. Въ гробницѣ, приготовленной, было, для себя Іосифомъ Аримаѳейскимъ, погребальное ложе находилось при входѣ въ пещеру съ правой стороны. Взойдя въ пещеру, мы увидѣли бы вправо отъ себя небольшой выступъ вдоль стѣны, съ ложемъ, выдолбленнымъ внутри этого выступа и имѣвшимъ съ боковъ такимъ образомъ какъ бы каменныя стѣны. Во внутрь ихъ и положено было тѣло Господа. Сверху ложе прикрывалось также каменною доскою. Входъ въ пещеру закрывался камнемъ, который назывался „голалъ". Голалъ можно было вдвинуть въ отверстіе пещеры только соединенными усиліями нѣсколькихъ человѣкъ, *„бѣ бо велій зѣло"* (Марк. XVI, 4). Вотъ этотъ-то камень теперь и приводилъ въ недоумѣніе мѵроносицъ. Первые лучи солнца озарили уже востокъ (Марк. XVI, 2), и при свѣтѣ ихъ св. жены съ изумленіемъ и страхомъ, какъ нѣсколько раньше Марія Магдалина, *воззрѣвше видѣша, яко отвалень бѣ камень* (Марк. XVI, 4). Предъ ними зіяло только темное отверстіе пещеры. Опамятовавшись отъ изумленія, св. жены всѣмъ сонмомъ устремляются въ священную гробницу. Взглянувъ при входѣ въ притворъ на голалъ, онѣ обмерли отъ страха: на отваленномъ камнѣ *„сѣдяще ангелъ"* (Матѳ. XXVIII, 2).

„Бѣ же зракъ его, яко молнія и одѣяніе его бѣло яко снѣгъ" (Матѳ. XXVIII, 2—3).

Въ священномъ трепетѣ мѵроносицы пали на землю (Лук. XXIV, 5). *«Ангелъ рече женамъ: не бойтеся вы: вѣмъ бо, яко Іисуса распятаго ищете. Нѣсть здѣ: воста бо, якоже рече. Пріидите, видите мѣсто, идѣже лежа Господь. И скоро шедше рцыте ученикомъ Его, яко воста отъ мерт-*

выхъ: и се варяетъ вы въ Галилеи: тамъ Его узрите. Се рѣхъ вамъ!» (Матѳ. XXVIII, 5—7).

Явленіе ангела мироносицамъ.

Повинуясь повелѣнію ангела, жены съ трепетомъ проникаютъ въ самую пещеру: *«и вшедше во гробъ, видѣша юношу, сѣдяща въ десныхъ, одѣяна во одежду бѣлу»*. Новый ужасъ и новое ободреніе...

— «*Не ужасайтеся, Іисуса ищете Назарянина распятаго,*— говорилъ женамъ ангелъ внутри пещеры. — *Воста, нѣсть здѣ: се мѣсто, идѣже положиша Его. Но идите, рцыте ученикомъ Его и Петрови, яко варяетъ вы въ Галилеи: тамо Его видите, якоже рече вамъ*» (Марк. XVI, 5 — 7).

Помяните, говорили еще небесные вѣстники, — *якоже глагола вамъ еще сый въ Галилеи, глаголя, яко подобаетъ Сыну Человѣческому предану быти въ руцѣ человѣкъ грѣшникъ, и пропяту быти и въ третій день воскреснути*».

«*И помянувша глаголы Его*» (Лук. XXIV, 6—8).

Выйдя изъ гроба, св. жены стремительно бросились въ городъ. Солнце уже показалось на горизонтѣ. Во время пути имъ попадалось, вѣроятно, немало встрѣчныхъ изъ народа. Можетъ-быть, въ числѣ ихъ были и слуги Каіафы, спѣшившіе, по его порученію, удостовѣриться въ томъ, что Іисуса нѣтъ болѣе во гробѣ.

Враги Господа также должны были узнать потрясающую для нихъ вѣсть о Его воскресеніи. Ставя стражу при гробѣ, они невольно для себя готовили вѣстниковъ необычайнаго чуда.

„Галилейскій пророкъ лежитъ во гробѣ за моей, Каіафиной, печатью... Стража стоитъ безсмѣнно... Всѣ мѣры приняты..... Остается лишь успокоить волненіе умовъ“... Такъ независимо отъ воли Каіафы мысли о Галилейскомъ Пророкѣ пробѣгали въ его головѣ, пока онъ раннимъ утромъ того же дня произносилъ свои молитвы и совершалъ положенное по закону омовеніе, приготовляясь къ утреннему выходу во храмъ. Вдругъ вбѣгаетъ прислужникъ изъ назареевъ. „Господинъ, — началъ онъ торопливо, — господинъ, стража вернулась!“ и, понизивъ голосъ, почти шопотомъ произнесъ: „говорятъ, гробъ пустъ, и *Его* тамъ нѣтъ!“

Каіафа растерялся. Молніей промелкнули въ его головѣ слова Пророка о трехдневномъ срокѣ: наступалъ, въ самомъ дѣлѣ, третій день...

Закутавшись наскоро въ мантію, первосвященникъ вышелъ на галлерею. При бѣловатомъ свѣтѣ утренней зари онъ могъ замѣтить испуганныя лица стражей и услышалъ странныя рѣчи...

— „Все было тихо кругомъ. Наканунѣ садъ былъ совершенно

пустъ. Вечерній обходъ не открылъ никого ни въ саду, ни за оградой. Безлунная ночь была темна, и мертвая тишина, не возмущаемая ни малѣйшимъ дыханіемъ вѣтерка, давила свинцовой тяжестью, какъ предъ бурей. Намъ стало жутко. Мы разложили было костеръ передъ гробницей и уговорились не смыкать глазъ въ теченіе всей ночи. Незадолго до полуночи мы всѣ почувствовали, какъ будто земля тяжко вздохнула... Мы въ ужасѣ вскочили на ноги... Невозможно передать того, что было затѣмъ... Высоко всколебалась земля, шумно качнулись деревья, съ громомъ рухнулъ запечатлѣнный камень, ослѣпительная молнія, сверкнувъ изъ гроба, повергла насъ на землю... Мы лежали въ безпамятствѣ... Очнувшись, мы увидали, что камень отваленъ и могила пуста"...

— „Ни слова никому, если дорога вамъ жизнь, слышите — никому"... бормоталъ смущенный Каіафа. Распорядившись отвести стражу въ крѣпкое и безопасное мѣсто, первосвященникъ послалъ людей своихъ провѣрить ихъ извѣстіе. Можетъ-быть, встрѣтивъ по дорогѣ св. женъ, спѣшившихъ отъ гроба, они смутили ихъ, окинувъ подозрительнымъ взглядомъ [1]).

Пугливо пронеслись дальше мироносицы. «*Имяше же ихъ трепетъ и ужасъ: и никому же ничто же рѣша: боящубося*»... (Марк. XVI, 8).

Но не одни незнакомые встрѣчные, съ удивленіемъ взиравшіе на мироносицъ,—на пути имъ должны были встрѣтиться и тѣ, до которыхъ относилась радостная вѣсть; то были Петръ и Іоаннъ и за ними Магдалина. Подъ вліяніемъ охватившаго ихъ ужаса, мироносицы, едва взглянувъ, а можетъ-быть и вовсе не замѣтивъ ихъ, продолжали стремительный бѣгъ свой домой и, только очутившись дома, среди своихъ, онѣ мало-по-мало пришли въ себя отъ ужаса и, успокоившись, «*возвѣстиша вся сія*» (Лук, XXIV, 10).

Получивши извѣстіе отъ Магдалины, апостолы Петръ и Іоаннъ немедленно, еще до возвращенія другихъ мироносицъ, устремляются ко гробу удостовѣриться собственными глазами, что случилось. Юный Іоаннъ далеко позади оставилъ своего спутника и, прибѣжавъ первымъ, остано-

[1]) Этотъ разсказъ о смущеніи враговъ Господа, вполнѣ достовѣрный въ своей основѣ (Мѳ. XXVIII, 11—15), въ подробностяхъ, конечно, предположительный.

Воскресеніе Христово.

вился въ притворѣ, въ безмолвномъ изумленіи взирая на отверстый гробъ. Со страхомъ заглянувъ въ пещеру, онъ увидалъ, что пещера пуста. Чувство невольнаго страха удержало Іоанна. Но скоро подоспѣлъ Петръ, который стремительно чрезъ низкую дверь проникъ въ пещеру, *«и видѣ ризы лежаща, и сударь, иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежащь, но особь свитъ на единомъ мѣстѣ»*. (Іоан. XX, 7). Вслѣдъ за Петромъ въ пещеру вступилъ и Іоанъ, *«и видѣ и вѣрова»*...

Вотъ первый вѣрующій въ воскресеніе Господа послѣ св. женъ, которымъ благовѣстили ангелы. Что же привело къ вѣрѣ Іоанна? Безъ сомнѣнія то, что онъ со всей внимательностью любви принималъ въ свое сердце ученіе Іисуса. Но съ особенной силой отпечатлѣлись въ его духѣ слова Господа во время послѣдней Его бесѣды съ учениками, когда Онъ неоднократно говорилъ о Своей смерти и о Своемъ явленіи имъ послѣ воскресенія.

«Дѣти! не оставляю васъ сиротами; приду къ вамъ. Еще немного — и міръ уже не увидитъ Меня, а вы увидите Меня; ибо Я живу, и вы живы будете.. Я иду приготовить вамъ мѣсто, и когда приготовлю, приду опять и возьму васъ къ Себѣ... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказалъ вамъ: иду отъ васъ и приду къ вамъ. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказалъ: иду къ Отцу: ибо Отецъ Мой болѣе Меня. Вскорѣ вы не увидите Меня, и опять увидите Меня... Вы теперь имѣете печаль: но Я увижусь съ вами опять и возрадуется сердце ваше»... (Іоан. гл. XIV).

„Пелена и платъ сохранились во гробѣ, притомъ не въ безпорядочномъ видѣ — это удаляетъ всякое предположеніе о похищеніи тѣла Господа. Зачѣмъ понадобилось бы похитителямъ снимать пелены?"

„И возможно ли самое похищеніе? Кто могъ похитить? Враги? Да они только о томъ и старались, чтобы сберечь Его... Мы же всѣ сидѣли дома, за запертыми дверями въ страхѣ отъ іудеевъ.

Нѣтъ, здѣсь произошло что-то другое, а никакъ не похищеніе".

Все это молніей пронеслось въ потрясенной душѣ любимаго ученика. Глубокій, внутренній, самопогруженный духъ его быстро соображалъ всѣ обстоятельства, и великая истина воскресенія уже озаряла умъ его...

«*Видѣ и вѣрова*».

Петръ, очевидно, также не могъ согласиться съ догадкой Маріи Магдалины о похищеніи тѣла. Но состояніе души его, послѣ всего случившагося, притомъ отягченное глубокимъ сознаніемъ всей тяжести своей вины, было слишкомъ мрачно, чтобы въ немъ могла блеснуть радостная мысль о воскресеніи. Тяжкое недоумѣніе томило душу Петра...

Съ различными чувствами вернулись къ прочей братіи, апостоламъ, Петръ и Іоаннъ. Но тамъ мѵроносицы уже возвѣщали радостную вѣсть о воскресеніи Господа, слышанную ими отъ ангеловъ. Однако имъ не вѣрили. Спросили возвратившихся Петра и Іоанна, видѣли ли они ангеловъ? Нѣтъ, „духовное видѣніе было не для нихъ: ни тотъ, ни другой ангела не видѣли". Вѣра къ словамъ мѵроносицъ погасла совсѣмъ. Іоаннъ могъ только сказать другимъ, что онъ лично увѣровалъ въ воскресеніе. «*Не у бо вѣдяху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути*» (Іоан. XX, 9). Тѣмъ не менѣе слова мѵроносицъ радостно отдавались въ его сердцѣ, служа подкрѣпленіемъ блеснувшему въ немъ лучу вѣры, тѣмъ болѣе, что въ числѣ благовѣстницъ была его мать — Саломія.

Но никто еще не видѣлъ Самого Воскресшаго...

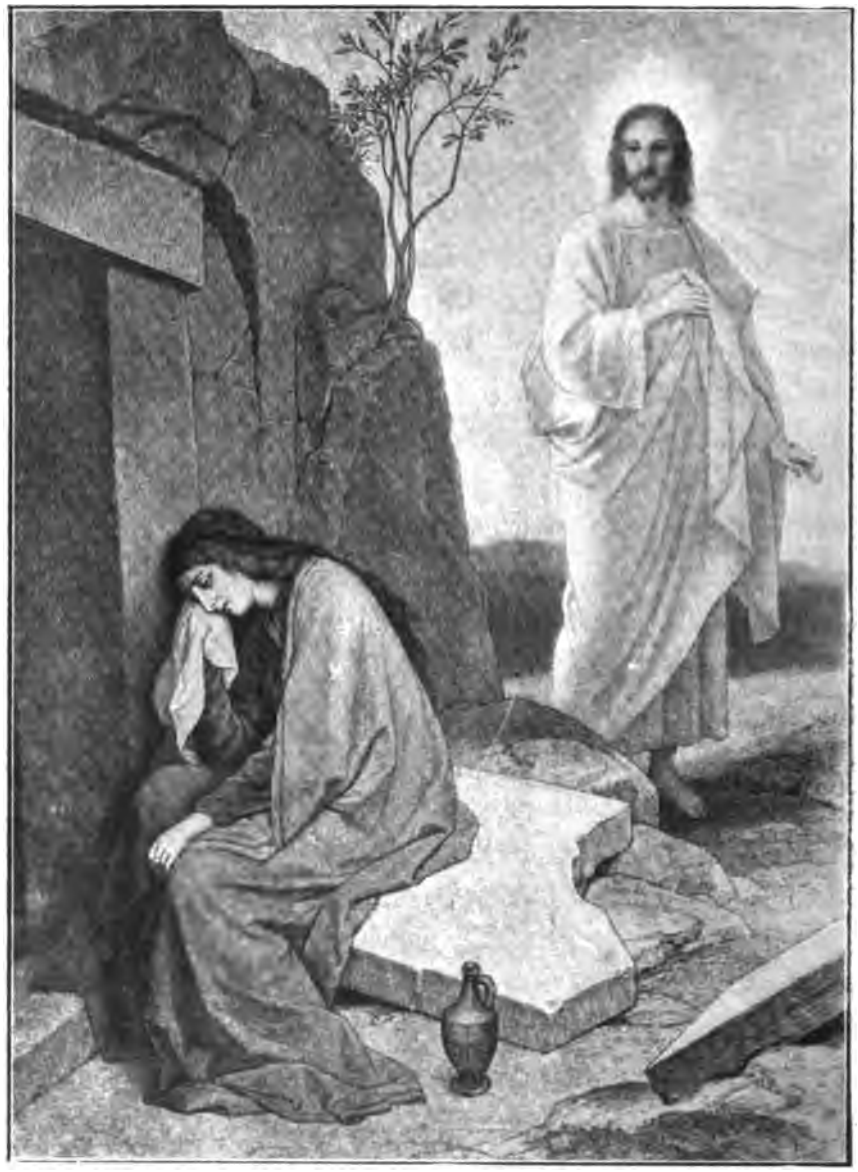
Марія Магдалина, по удаленіи Петра и Іоанна, одна осталась при гробѣ, — *одна* съ своей невыразимой скорбью, безъ малѣйшей искры упованія... Душа Маріи была такъ потрясена всѣмъ случившимся, такъ занята одной мыслью о похищеніи тѣла Господа, что, увидавъ ангеловъ, она нисколько не смутилась, какъ будто то были обыкновенные люди. Два ангела находились внутри гроба: одинъ сидѣлъ на гробѣ „*у главы*", другой — „*у ногу, идѣже бѣ лежало тѣло Іисусово*" (Іоан. XX, 12).

— „*Жено, что плачешися?*"

— „*Взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша Его*" (Іоан. XX, 13).

Такъ, даже, видѣніе ангеловъ не могло утишить въ ней сильнаго душевнаго волненія и тревоги. Только присутствіе Самого Господа могло бы успокоить ее, Онъ одинъ и никто болѣе, могъ превратить скорбь ея въ радость. И вотъ Онъ Самъ дѣйствительно передъ нею...

Но и Его она узнаетъ не сразу. Слѣдуя безотчетно одной овладѣвшей ею думѣ, вся въ слезахъ, она принимаетъ Его за садовника, который



„Жено, что плачеши?“

въ этотъ часъ долженъ былъ явиться для уборки сада. Господь обращается къ ней съ тѣми же словами, какъ и ангелы:

— *„Жено, что плачеши? кого ищеши?“*

Обрадовавшись надеждѣ, что незнакомецъ можетъ объяснить ей исчезновеніе тѣла Господа, и, отвернувшись, можетъ быть, нѣсколько въ сторону, чтобы скрыть слезы, застилавшія ей глаза, она спросила мнимаго садовника: *„Господинъ, если ты вынесъ Его, скажи, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его“.*

Глаголa ей Іисусъ: „Маріе!“

Одно это слово, произнесенное столь знакомымъ ей торжественнымъ и въ то же время безконечно любящимъ голосомъ, мгновенно проникло ей въ сердце. Бросившись къ Нему и видимо стараясь коснуться Его ногъ или схватить край Его одежды, она вскрикнула на своемъ природномъ арамейскомъ нарѣчіи: *„Раввуни,“ — „Учитель мой!“* и затѣмъ, какъ бы онѣмѣла отъ священнаго восторга...

О, этотъ мигъ, за который, безъ сомнѣнія, она не пожалѣла бы отдать цѣлой жизни, въ который вся ужасная скорбь ея мгновенно потонула въ лучахъ безпредѣльной радости!..

Въ священномъ трепетѣ она повергается къ стопамъ Спасителя, чтобы обнять ихъ, какъ бы не желая болѣе никогда разлучаться съ Нимъ, но милостивый знакъ рукою останавливаетъ ее, и она снова слышитъ „сладчайшій“ гласъ:

„Не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему. Иди же ко братіи Моей и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему“ (Іоан. XX, 15—17). Не въ послѣдній разъ она еще видитъ Его. Однако Онъ скоро долженъ возвратиться къ Отцу Своему и потому повелѣваетъ поспѣшить ко братіи Его—апостоламъ и объявить имъ о Своемъ воскресеніи.

Да и зачѣмъ прикасаться ей, когда духъ ея всецѣло ощутилъ присутствіе Господа?

Сколько безконечной любви къ людямъ прозвучало въ этомъ трогательномъ и нѣжномъ названіи учениковъ „братіею“ въ устахъ Воскресшаго изъ мертвыхъ и готоваго итти ко Отцу прославленнаго Искупителя міра!.. (ср. Евр. II, 11—12).

Когда Марія очнулась, Его уже не было, но въ сердцѣ ея царила безмѣрная радость, въ ушахъ раздавались сладостнѣйшія рѣчи. На глазахъ были еще слезы, но—уже сладкія слезы...

Между тѣмъ надлежало немедленно исполнить повелѣніе Господа, и Марія понесла свою торжественную вѣсть, и для всѣхъ грядущихъ вѣковъ и родовъ прозвучали эти первыя слова, запечатлѣвшіяся навѣки

„Не прикасайся Мнѣ".

въ сердцахъ тѣхъ, которые въ первый разъ услыхали ихъ: „я видѣла Господа!"

Но, очевидно, свидѣтельства одной Маріи было еще недостаточно: *„двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть"* (Іоан. VIII, 17). Навстрѣчу Маріи Магдалинѣ, которой, конечно, съ опасеніемъ хватились

въ священномъ собраніи послѣ возвращенія Петра и Іоанна, спѣшила ко гробу другая Марія, сестра Божіей Матери. При встрѣчѣ Марія Магдалина безъ сомнѣнія сообщила своей спутницѣ радостную вѣсть, и обѣ поспѣшили въ собраніе апостоловъ, — *„и се Іисусъ срѣтѣ я, глаголя: „радуйтеся!“*

Бросившись на землю, св. жены ухватились за ноги Его и поклонились Ему.

Идите, возвѣстите братіи Моей, — повторилъ еще разъ Господь Свое повелѣніе,— *да идутъ въ Галилею и ту Мя видятъ»* (Матѳ. XXVIII, 9—10).

Марія Магдалина вмѣстѣ съ другою Маріею является въ собраніе апостоловъ. Исполненная неизреченной радости, она безъ словъ была живымъ свидѣтелемъ воскресенія. Но страннымъ казалось, что видѣнія и явленія были только для женщинъ. Апостолы и на этотъ разъ остались при своемъ невѣріи... Развѣ только одинъ Іоаннъ, да еще одно изстрадавшееся сердце послѣ свидѣтельства Магдалины исполнились уже непреложнымъ убѣжденіемъ въ достовѣрности воскресенія. Мы говоримъ о Пресвятой Дѣвѣ Маріи.. Замѣчательно, что Она, безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ любившая Своего Сына и Господа, не принимала участія въ раннемъ предпріятіи прочихъ женъ-мvроносицъ. Слагая въ сердцѣ Своемъ всѣ глаголы Іисуса и объ Іисусѣ, съ наибольшимъ вниманіемъ приникая ко всѣмъ великимъ и чуднымъ происшествіямъ Его жизни отъ яслей до гроба, слыша объ ангелахъ, возвѣщавшихъ Его воскресеніе и припоминая ангеловъ, воспѣвшихъ Его рождество, Она, безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ была приготовлена къ вѣрѣ въ воскресеніе. Внимательно слѣдя за событіями и на этотъ разъ, Она, можетъ быть, и не открывала Своихъ мыслей другимъ, но въ глубинѣ души исповѣдывала и безъ сомнѣнія не разъ повторяла завѣтную мысль „не можетъ быть, чтобы Мой Божественный Сынъ навсегда остался во гробѣ!“ Можетъ быть, духомъ Она уже созерцала Сына Своего во славѣ воскресенія. Можетъ быть, Іоаннъ, теперь замѣнившій Ей Іисуса и потому особенно близкій къ Ней, отъ Нея именно и получилъ скорую

готовность къ вѣрѣ въ воскресеніе. Невѣроятно также, чтобы и Петръ со своимъ рѣшительнымъ характеромъ, нѣкогда первый исповѣдавшій свою вѣру во Христа, какъ Сына Божія, — Петръ, получившій извѣстіе отъ мvроносицъ, что ангелъ особенно ему повелѣлъ возвѣстить о воскресеніи Господа, чтобы и онъ раздѣлялъ общее невѣріе. Нѣтъ, въ его душѣ уже начала заниматься заря свѣтлаго дня воскресенія, и безъ сомнѣнія онъ не замедлилъ бы выразить свою вѣру и утвердить въ ней братію, но... въ немъ не было на этотъ разъ прежней рѣшительности. Въ его душѣ послѣ его паденія произошелъ глубокій внутренній переворотъ. О, если бы къ Господу можно было имѣть такой же доступъ, какъ прежде, онъ отыскалъ бы Его, повергся бы къ стопамъ Его и пролилъ бы источники слезъ... Но теперь не то: Господь посылаетъ Своихъ вѣстниковъ, является необычайнымъ образомъ, какъ и кому хочетъ. Онъ утѣшилъ уже Своимъ явленіемъ одну скорбящую душу: Онъ явился Маріи Магдалинѣ. Отчего же Онъ оставляетъ *ее* безъ утѣшенія, какъ бы въ сторонѣ? Или грѣхъ его, хотя и омытый слезами искреннѣйшаго раскаянія, стоитъ преградою между имъ и Воскресшимъ? Такое душевное состояніе было болѣе, чѣмъ невыносимо для Петра, оно требовало скорѣйшаго разрѣшенія... И вотъ Господь является Петру... При какихъ обстоятельствахъ, что происходило при этомъ явленіи—намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что оно произвело рѣшительное дѣйствіе на учениковъ; это явленіе было уже не женщинѣ: сомнѣніямъ нѣтъ болѣе мѣста — „Христосъ воскресе!“

Но, чтобы и Петръ не былъ одинокимъ свидѣтелемъ изъ числа апостоловъ, Господь соблаговолилъ еще явиться Іакову, Своему ближайшему родственнику по плоти. Онъ позже другихъ примкнулъ къ сонму учениковъ, но глубоко увѣровалъ въ ученіе Христа. Слава святости и великаго подвижничества озаряла его. Строжайшимъ образомъ соблюдалъ онъ внутреннюю правду и обрядовую чистоту, возбуждая удивленіе и глубокое уваженіе къ себѣ даже между іудеями. Бѣлая одежда и широкая повязка на изможденномъ лицѣ придавали его наружности особую внушительность. Безъ сомнѣнія, всѣ смолкли, когда

Іаковъ вступилъ въ священное собраніе... На его лицѣ свѣтилось радостное настроеніе души его. Ставъ посредѝнѣ, Іаковъ торжественно произнесъ:

„Воистину Христосъ воскресе!“ (1 Кор. XV, 7).

Христосъ воскресъ, и мы послѣ смерти воскреснемъ. Ибо „если Христосъ воскресъ, то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ?“ (послан. къ Кор. XV—12). И далѣе: „если мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ“. (ibid. 19). Но „Христосъ воскресъ, — Первенецъ изъ умершихъ, — и мы воскреснемъ“.

Воскресъ Христосъ и побѣдилъ смерть, побѣдилъ зло. Воскресъ Христосъ, и воскресла правда, которую хотѣло убить зло. Свѣтъ побѣдилъ тьму и возсіялъ надъ міромъ, погруженнымъ во мракъ. Зло не уступало и продолжало гнать правду и ея служителей, но побѣда оставалась за свѣтомъ, за правдой и за ея апостолами. Но за какой правдой, за какимъ свѣтомъ? За правдой евангельской, за тѣми „кроткими“, которые шли въ міръ съ просвѣтительной проповѣдью, безропотно умирали за свое слово въ надеждѣ воскресенія, которые никогда не проклинали мучителей, не мстили за себя, не знали возмущенія... Эти „кроткіе“ оказались непобѣдимы и наслѣдовали землю даже и здѣсь, тѣмъ болѣе наслѣдуютъ тамъ, на небеси, послѣ смерти, за которою должно настать воскресеніе.

Пусть продолжаетъ зло свою борьбу, пусть являются новые и новые враги евангельской правды,—они не воспразднуютъ побѣды... ибо воскресъ Христосъ и побѣдилъ адъ, а всѣ они, враги евангельской правды,— слуги ада. Пусть они, послушные волѣ сатаны, ведутъ борьбу съ послѣдователями Христа, помогаютъ временно торжествовать злу надъ добромъ. Но правда живетъ и будетъ жить въ людяхъ, какъ бы мало ни оставалось такихъ. Распинаемая, поругаемая, унижаемая правда евангельская живетъ въ мірѣ, хотя кажется, что ея уже не стало больше и кругомъ царитъ одно зло...

Но какъ въ одной легендѣ среди тишины изъ лѣсовъ вдругъ раздалось пѣніе „Христосъ воскресе“, — такъ и въ жизни, въ морѣ зла, въ

годы мрака и лжи вдругъ гдѣ-нибудь блеснетъ свѣтъ правды, и скрежещетъ отъ злобы сатана, видящій свое безсиліе убить правду въ людяхъ. Они иногда, какъ звѣри, идутъ другъ на друга войной. Они выдумываютъ разныя орудія для истребленія другъ друга; свистятъ пули, льется кровь. И радуется сатана... Но льется въ мірѣ не только кровь. Льются и пѣсни покаянія, несутся гимны къ престолу Бога, раздаются слова пастырей и учителей, зовущихъ міръ образумиться, напоминающихъ о любви; являются подвижники и праведники, жизнію своей увлекающіе другихъ за собой. И просыпается человѣческая совѣсть, содрогается порочное сердце, просвѣтляется омраченный умъ, уста шепчутъ молитвы, глаза увлажняются слезами умиленія. Люди братски подаютъ другъ другу руки, облегчаютъ одинъ другому бремя жизни, умираютъ во имя правды и совершаютъ подвиги во имя братской любви.

И скрежещетъ зубами князь міра сего,—ибо видитъ, что воскресла правда, потому что воскресъ Христосъ.

* * *

Вспомнимъ недавно минувшее, то чудесное время, когда на Руси пронеслось царское могучее слово, освободившее милліоны рабовъ. Истрадавшіеся, истомившіеся, долго ждали они и наконецъ дождались своего воскресенія. Опять торжествовала любовь, которою было полно царское сердце. Къ этимъ освобожденнымъ рабамъ обращается поэтъ:

Смочивъ поля кровавымъ, скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ:
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ;
Нѣтъ, вы несли свой крестъ...
И Тотъ, Кто міръ Своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто, какъ и вы, страдалъ,
Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ избавителя вѣнчаннаго послалъ.

(Плещеевъ).

Да, это было воистину воскресеніе, ибо ожила та самая земля, про которую такъ чудесно сказалъ другой поэтъ (Тютчевъ):

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

И плакалъ народъ радостными слезами и возносилъ молитвы за своего царя Царю царей, вложившему „милость въ сердце государево".

Видя эти радостныя слезы милліона людей, благословлявшихъ Батюшку-Царя и слыша эти пламенныя молитвы къ Богу простыхъ сердецъ, омрачался владыка ада, потому что ему тяжело видѣть оживающую правду, видѣть воскресеніе любви въ мірѣ, потому что ему въ каждомъ благодарномъ словѣ человѣческомъ, въ каждомъ гимнѣ Богу слышится побѣдный крикъ: „Христосъ воскресе!"

* * *

По всему пространству необъятной Руси раскинуты Божьи обители. На далекомъ югѣ, въ необозримыхъ степяхъ и въ тундрахъ Сибири, и близъ западной границы, и на Бѣломъ морѣ — вездѣ слышится хвала Богу, возносится Безкровная Жертва, и люди съ благоговѣніемъ склоняютъ колѣни передъ алтаремъ Бога... Сюда идутъ люди въ дни скорби и горя, ища себѣ утѣшенія и помощи. Это прекрасно выражено у поэта:

Храмъ воздыханья, храмъ печали,—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей.
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ,
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной.

И сюда идутъ съ своими душевными язвами мучимые совѣстью грѣшники, каются, получаютъ прощеніе отъ Христа, соединяются съ Нимъ, по Его завѣту: „Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ“,—и воскресаютъ для новой жизни. И стонетъ сатана, видя, какъ грѣшники получаютъ спасеніе черезъ плоть и кровь воскресшаго Христа, побѣдившаго смерть.

* * *

По лицу земли русской разсыпаны и другіе маяки свѣта—школы. Здѣсь сѣется „доброе, разумное, святое“ тѣми, которые не побоялись нужды, лишенія, пошли въ глушь со словомъ истины, чтобы ея факеломъ освѣтить царство мрака и суевѣрія. Тысячи скромныхъ служителей знанія изо дня въ день напоминаютъ „маленькому народу“ о правдѣ, о Богѣ, учатъ жить по евангелію, разъясняя заповѣди Бога, указывая на Его величіе, научая познавать Его во всемъ, сотворенномъ Имъ. О, не легко бремя, которое возложили на свои плечи незамѣтные герои, безвѣстные апостолы просвѣщенія! Тяжела ихъ жизнь, не легка борьба, ибо не дремлетъ князь тьмы и ведетъ смертельный бой съ воинами просвѣщенія. Но маяки не потухаютъ. Доброе сѣмя не глохнетъ вовсе. На мѣсто выбывающихъ являются новые борцы...

По лицу земли великой
Каждый день и тамъ, и тутъ
Для борьбы съ неправдой дикой
Школы звѣздочки растутъ.

И свѣтлѣе становится отъ нихъ, потому что ихъ свѣтъ проникаетъ въ чистыя сердца, изгоняя изъ нихъ зло, суевѣріе, ложь и заставляя ихъ биться любо́вью ко всему хорошему, честно́му, состраданіемъ къ несчастнымъ и нуждающимся. И стонетъ князь тьмы, предвидя разсвѣтъ, слыша какъ поютъ серебристые голоса дѣтей побѣдную пѣснь: „Христосъ воскресе!“

* * *

Вотъ година бѣдствій... Голодъ охватилъ многія мѣстности... Вмѣсто хлѣба люди ѣдятъ кору... Испитые, больные люди бродятъ, какъ тѣни.

Но просыпается сердце человѣческое, охладѣвшее къ заповѣдямъ Божіимъ... Скорбью исполняются души, и всѣ, имѣющіе избытокъ, кидаются помогать голодающимъ. Сбираются добровольныя лепты. Люди, привыкшіе къ нѣгѣ, идутъ въ глушь, оставляютъ веселье и служатъ братьямъ, кормятъ голодныхъ, утѣшаютъ страдающихъ.

Даже изъ другихъ странъ, — тѣ народы, которые недавно сражались съ нами на по́ляхъ битвы, теперь вмѣсто пуль и другихъ смертоносныхъ снарядовъ шлютъ свои корабли съ хлѣбомъ. Тѣ сердца, что недавно бились ненавистью къ намъ, теперь переполнились любовью и братскою жалостью.

Но вотъ и новое горе.

За голодомъ болѣзнь. Смерть начала свою губительную жатву. И новые люди идутъ туда, гдѣ слышатся стоны... Во имя братской любви, помня завѣтъ Христа, люди идутъ спасать ближняго; рискуя своей жизнью, юноши, еще готовящіеся къ труду, — какъ на пиръ, — идутъ на смерть. Молодыя женщины, которымъ жизнь улыбалась всѣми своими благами, спѣшатъ туда, гдѣ смерть коситъ людей безжалостной косой. И гибли подвижники и подвижницы, гибли, часто не понятые тѣми, для кого они работали, ими же преслѣдуемые... И умирали они, прощая дѣтей тьмы и суевѣрія, понимая, что тѣ „сами не вѣдаютъ, что творятъ“. Смерть продолжала жатву. Врагъ правды дѣлалъ свое губительное дѣло, возстановляя темныхъ людей противъ своихъ же спасителей, но любовь побѣдила, побѣдила и болѣзнь, и козни князя ада. Смолкли крики ужаса и отчаянія, утихла болѣзнь, легче вздохнули люди. Остались могилы... много могилъ... Но сатана въ страхѣ взираетъ на эти могилы, ибо онѣ говорятъ не о побѣдѣ его, а о позорномъ пораженіи. И слышится ему, что могилы вопіютъ побѣдно и радостно: „Христосъ воскресе!“

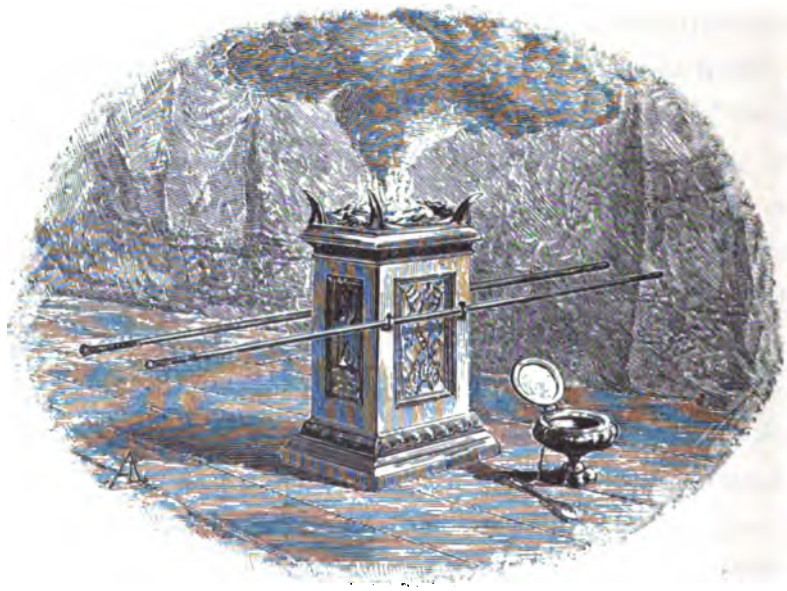
И сознаетъ сатана, что не умерла еще любовь на землѣ и что, какъ бы сильно ни работали его слуги, исходящіе изъ тьмы ада, и люди, идущіе къ нему на ужасную службу, чтобы смущать робкихъ и улавливать слабыхъ, а никогда не померкнетъ божественный свѣтъ на

землѣ, никогда не умретъ любовь; какъ бы ни падалъ человѣкъ, но правда не исчезнетъ, ибо живъ Источникъ свѣта, любви и правды — Христосъ, возстановляющій падающихъ, укрѣпляющій слабыхъ, Христосъ, искупившій Своей кровію грѣшный міръ.

Христосъ воскресъ, поправъ смерть и даровавъ вѣчную жизнь вѣрующимъ въ Его воскресеніе... Нѣтъ болѣе могилы, какъ склепа смерти, безмолвная могила дѣлается колыбелью новой жизни, ибо воскресъ Христосъ!

Да, есть воскресеніе, и какъ бы ни падалъ человѣкъ,

Не умретъ добра начало
Нынѣ, присно и во вѣкъ.
Пусть, не вѣря въ царство духа,
Торжествуетъ въ мірѣ плоть,
Въ каждомъ звукѣ ловитъ ухо:
Смерти нѣтъ и живъ Господь.
Пусть не вѣрятъ! Будетъ время,
Міръ возжаждетъ вновь небесъ,
Сброситъ плоти власть, какъ бремя,
И речетъ: Христосъ воскресъ!



Эммаусъ.

XV.

Эммаусскіе путники.

Лука и Клеопа, оба—отъ сонма апостоловъ, на пути въ Эммаусъ. Повидимому, это—заурядная картинка, незначительный эпизодъ, но какъ онъ наглядно освѣщаетъ исторію всей нашей жизни и тѣ пути, которыми Промыслъ ведетъ насъ къ горнему отечеству.

Дѣйствія Промысла Божія въ устроеніи человѣческой жизни весьма часто начинаются самымъ простымъ и непримѣтнымъ для насъ образомъ. Идутъ два путника путемъ, который недологъ: *и се два отъ нихъ бѣста идуща въ тойже день въ весь, отстоящу стадій шестьдесятъ отъ Іерусалима, — ейже имя Еммаусъ* (Лук. XXIV, 13). Казалось, что могло быть обыкновеннѣе недолгаго путешествія? Ожидали ли путники, чтобы на столь краткомъ пути и въ столь краткое время, какое требовалось для его прохожденія, случилось съ ними что-либо важное? Оставивъ Іерусалимъ, думали ли они, что въ скоромъ времени придется имъ оставить и Эммаусъ, снова увидѣться въ Іерусалимѣ съ прочими учениками Господа,

возвратиться къ нимъ съ такою вѣстію на устахъ, съ такою радостію въ сердцѣ? (ст. 33, 35).

Такъ же точно начинается и то путешествіе, которое совершаетъ каждый изъ насъ отъ колыбели до гроба: и мы вступаемъ на путь своей жизни, не зная, что съ нами случится. Знаемъ только, что земной путь долженъ кончится, и рано или поздно это будетъ, — всегда знаемъ, что конецъ этотъ близокъ. Все прочее покрыто для насъ непроницаемымъ мракомъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта* (Дѣян. I, 7). Кто при колыбели младенца можетъ заключать о его будущности? Какіе изъ родителей могутъ льстить себя вѣрною надеждою, что дитя ихъ будетъ счастливо, будетъ служить для нихъ утѣшеніемъ во все продолженіе ихъ жизни и подпорою въ старости? Не случается ли видѣть, какъ иногда отецъ и мать не нарадуются, смотря на дитя свое, и вдругъ безжалостная смерть похищаетъ его, съ тѣмъ вмѣстѣ въ одно мгновеніе прекращая ихъ лестныя мечты о немъ! Думали ли они, что путь его жизни окончится въ колыбели? Но вотъ другой — юный странникъ: кто напередъ опредѣлитъ и его судьбу? Кто бы предсказалъ младенцу Іосифу: ты будешь проданъ въ рабы, заключенъ въ темницу, но только для того, чтобы по этимъ ступенямъ взойти тебѣ на высшую степень величія? Кто возвѣстилъ бы плакавшему *въ ситовомъ ковчегѣ* Моисею: „ты будешь живъ; въ тебѣ, не проразумѣвая воли Божіей, послужитъ ей Фараонова дочь, — приготовитъ избавителя твоихъ единоземцевъ?“ Конечно, въ судьбѣ этихъ людей особеннымъ образомъ обнаружилось участіе Промысла Божія, дававшаго ходу ихъ жизни столь чрезвычайное направленіе: кто однакожъ и при рожденіи каждаго человѣка навѣрное предскажетъ, что путь его приметъ такое именно направленіе, приведетъ къ такимъ именно цѣлямъ, и что родившійся испытаетъ въ жизни такія именно превратности или такой родъ счастія? Какъ можемъ мы гадать о столь многомъ при вступленіи на путь жизни, когда, и находясь на срединѣ пути, не только не можемъ заключать о будущемъ, но и понять, къ чему ведутъ насъ ближайшія, окружающія насъ, обстоятельства?

Клеопа и его спутникъ шли своею дорогою, бесѣдуя о происшествіяхъ, случившихся въ Іерусалимѣ, какъ подошелъ къ нимъ новый Спутникъ. Они не узнали Его: *очи же ею держастѣся, да его непознаета* (Лук. XXIV, 16). Безъ дальнѣйшаго разспроса они приняли Его за пришельца, Который ходилъ въ Іерусалимъ (ст. 18), по всей вѣроятности, на праздникъ Пасхи: но что бы это былъ Самъ Іисусъ, о Которомъ они только что говорили и дѣлали другъ другу вопросы, — имъ и на умъ не приходило.

На пути нашей жизни и къ намъ подходитъ, и вмѣстѣ съ нами шествуетъ Тотъ же Самый Спутникъ, хотя чувственные глаза наши и не узнаютъ Его присутствія. Обратите вниманіе на то, что бываетъ съ вами послѣ вашего рожденія. Вы не представляетесь на произволъ какого нибудь случая, или этого рока, о которомъ невѣдавшіе истиннаго Бога нѣкогда такъ много говорили, котораго они такъ боялись и которымъ такъ несправедливо извиняли свои грѣшныя начинанія и дѣла. За рожденіемъ плотскимъ вамъ дается рожденіе духовное. Приносятъ васъ къ святой купели, какъ къ колыбели духовной жизни. Водою крещенія омываютъ въ васъ все ветхое, грѣховное, и вы причисляетесь къ словесному стаду Христову. Кто повелѣлъ совершить надъ вами высокое таинство, столь непостижимое для нашего ума, отверзающее дверь вѣры и вводящее въ царство благодати? Подъ чьимъ это знаменемъ юное дитя, какъ воинъ, готовилось на брань съ міромъ, плотію и діаволомъ? Кто подавалъ слабому существу эти крѣпкія оружія, съ которыми оно смѣло могло бы противостоять всѣмъ діавольскимъ кознямъ на пути къ царству славы? Дитя еще не знало Того, въ Негоже вѣровало. Это Тотъ, Кто отъ вѣка и до вѣка содержитъ міръ Своимъ Промысломъ и съ отеческою заботливостію устрояетъ временную и вѣчную судьбу человѣка отъ начала его жизни до послѣдняго его вздоха. Это Тотъ, Кто среди погруженнаго въ идолопоклонство міра спасъ сердце Авраама отъ вліянія растлѣнныхъ нравовъ и воспиталъ въ немъ отца вѣрующихъ; Кто еще до рожденія близнецовъ Ревекки, провидя кротость Іакова и его глубокое вниманіе къ обѣтованіямъ и духовному наслѣдію, отдалъ преимущество младшему

брату предъ старшимъ, имѣвшимъ преимущество по праву первородства (Быт. XXV, 23; сн. Рим. IX, 10—14). Это Тотъ, Кто брошеннаго въ ровъ и перепроданнаго въ рабы Іосифа въ иноплеменнической землѣ возвелъ въ первое по царѣ достоинство, и впослѣдствіи самимъ братьямъ, гонителямъ невиннаго, показалъ силу десницы, по немъ поборавшей; Кто положеннаго при Нилѣ Моисея сохранилъ отъ казавшейся неизбѣжною для него погибели и создалъ въ немъ вождя святому народу— въ то самое время, когда Египтяне о томъ только и старались, чтобы отнять у Евреевъ всѣ средства къ избавленію. Это Тотъ, Кто посвященнаго на служеніе скиніи отрока Самуила съ юныхъ лѣтъ его приготовлялъ себѣ въ орудіе правленія и потомъ вызвалъ его судить самихъ судей и царей Израилевыхъ; Кто юнаго Давида призвалъ отъ стада пасти народъ богоизбранный; Кто раскаявшагося въ своемъ непослушаніи Пророка, какъ младенца, извелъ изъ чрева морского звѣря; Кто, посылая на пророческое служеніе отрока Іеремію, говорилъ ему: *прежде неже Мнѣ создати тя во чревѣ, познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложесна, освятихъ тя, пророка во языки поставихъ тя* (Іер. I, 5). Это Тотъ, Кто отведеннымъ въ плѣнъ еврейскимъ отрокамъ даровалъ премудрость, за которую одного изъ плѣнниковъ поставили начальникомъ страны Вавилонской и главою мудрыхъ, и тремъ другимъ дали второе по немъ мѣсто; Кто за прославленіе святаго имени Своего для Даніила заградилъ *уста львовъ* (Евр. XI, 33), а для трехъ друзей его угасилъ *силу огненную* (Евр. XI, 35). Это Тотъ, Кто, будучи нѣкогда самъ младенцемъ, благоизволилъ лучше вратами мученичества ввести въ царство Отца своего четырнадцать тысячъ своихъ сверстниковъ, чѣмъ, спасши ихъ отъ временной погибели, можетъ быть, допустить ихъ къ причастію въ томъ грѣхѣ, который вѣчно долженъ тяготѣть на Іудеяхъ христоубійцахъ и на чадахъ ихъ (Матѳ. XXVII, 25; сн. Лук. XXIII, 47. 48; Матѳ. XXIII, 30—36). Это Тотъ, Кто явно нѣкогда изъявилъ негодованіе на учениковъ, возбранявшихъ приносить дѣтей къ Нему и сказалъ: *оставите дѣтей приходити ко мнѣ, и не браните имъ: такихъ бо есть царствіе Божіе* (Марк. X, 14); Кто не одному избранному на-

роду, но и всему, погруженному во грѣхъ, человѣчеству, являя знаменія Своего неизреченнаго милосердія, послалъ учениковъ Своихъ въ весь міръ (Марк. XVI, 15) и заповѣдалъ имъ *научить вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и святаго Духа* (Матѳ. XXVIII, 19). Сей-то всеобщій Благодѣтель рода человѣческаго повелѣлъ совершить и надъ тобою таинство крещенія,—слабое и безпомощное дитя! Онъ заповѣдалъ представить и тебя къ Себѣ, какъ нѣкогда представляли къ Нему дѣтей еврейскихъ! Чудное смотрѣніе, Богъ устрояетъ судьбу нашу, когда мы еще не познали *десницы своея, ниже шуицы своея* (Іоан. IV, 11); Онъ слѣдилъ за нами взоромъ Своимъ, когда мы, подобно эммаусскимъ путникамъ, едва только успѣли выдти на путь свой! Пришедши въ возрастъ, когда человѣкъ начинаетъ смотрѣть на вещи съ большимъ разсужденіемъ, обративъ взоръ своей на все прошедшее и разсудивъ о томъ, что было съ нами во дни невѣдѣнія, кто изъ насъ не скажетъ: Онъ позналъ насъ прежде, чѣмъ мы Его; Онъ возлюбилъ насъ прежде, чѣмъ мы Его; какъ Путникъ издали, Онъ приблизился къ намъ; какъ Утѣшитель нашъ, Онъ сопутствуетъ намъ!

Въ какихъ мысляхъ Клеопу и спутника его засталъ Спутникъ божественный, объ этомъ ясно говоритъ намъ евангельская исторія. Послѣ недавнихъ іерусалимскихъ событій, они не знали, что имъ думать объ Іисусѣ Христѣ. Пророка, говорятъ они, Который былъ *силенъ дѣломъ и словомъ* предъ Богомъ и всѣми людьми, архіереи и князи наши предали на осужденіе смерти и распяли Его; а мы надѣялись, было, что Онъ избавитъ Израиль (Лук. XXIV, 19—21). Это ужасное и неожиданное обстоятельство разстроило совершенно ихъ мысли; — и съ какой точки зрѣнія они ни разсматривали его, какихъ предположеній ни дѣлали для его объясненія, длинный рядъ ихъ соображеній уподоблялся только извилистому пути, который, утомивъ блуждающаго странника ожиданіемъ выбраться на желаемую дорогу, къ великому удивленію опять приводитъ на прежнее мѣсто. Отдавать такъ невинность на произволъ ненависти—дѣло неслыханное! Гдѣ-жъ правосудіе вѣчнаго Судіи? И гдѣ дѣйствующій повсюду Промыслъ премудраго

Міроправителя? Но пусть все это имѣетъ свою цѣль: отъ чего-жъ теперь, если Богъ, по Писанію, имѣлъ воскресить Его изъ мертвыхъ (ср. Дѣян. II, 31, 32), Онъ торжественно не покажетъ распявшимъ Его іудеямъ Своего воскресенія, или, если безчеловѣчные убійцы Пророка недостойны видѣть Его славы, почему не явился Онъ доселѣ кому-нибудь изъ нашихъ? Вмѣсто всего этого только новыя недоумѣнія: нѣкоторыя женщины, бывшія рано у гроба, не нашли тѣла Его и, пришедши, сказывали, что онѣ видѣли и явленіе Ангеловъ, которые говорятъ, что Онъ живъ. И нѣкоторые изъ нашихъ для удостовѣренія (сл. ст. 11, 12) ходили ко гробу и нашли подлинно гробъ пустымъ (ст. 12), но Его не видали (ст. 22—24). Между тѣмъ въ городѣ носится странная молва: будто бы ученики Іисусовы пришли ночью и украли Его, когда стражи спали (Матѳ. XXVIII, 13, 15). Путники, можетъ быть, долго препирались объ этомъ между собою; быть можетъ, каждая изъ ихъ мыслей являлась въ самыхъ различныхъ видахъ: но сущность этихъ недоумѣній была такова, судя по ходу тогдашнихъ обстоятельствъ, и почти въ такомъ видѣ открываютъ они ихъ своему божественному Сопутнику (Лук. XXIV, 19—21). Спокойно выслушиваетъ Онъ ихъ сомнѣнія и недоумѣнія, и потомъ даетъ имъ отвѣтъ; обличаетъ ихъ въ слабости и медленномъ расположеніи сердца къ вѣрованію; показываетъ имъ, что не случай или произволъ человѣческій давалъ направленіе всѣмъ этимъ происшествіямъ, но что въ планѣ вѣчной Премудрости предназначено такимъ путемъ войти Мессіи въ свою славу (ст. 25, 26; ср. Матѳ. XXVI, 53, 54), и что еще у Моисея и у всѣхъ Пророковъ показано, что только такимъ образомъ можетъ устроиться царствіе Божіе (ст. 27). Такъ отверзъ Онъ имъ умъ къ уразумѣнію Писанія, и ихъ сомнѣнія утихли (ср. ст. 32 и 45).

Подобныя сомнѣнія и недоумѣнія объемлютъ иногда и нашъ умъ на пути жизни. Въ лѣта юности нашъ разумъ, едва начинающій развиваться, уже хочетъ найти обыкновенно всему достаточную причину, и правило: ничего не принимать безъ достаточнаго основанія,—имѣющее всю свою силу только по отношенію къ обыкновеннымъ человѣ-

ческимъ вещамъ,—дерзаетъ простирать на такіе предметы, которые не могутъ быть ни введены въ кругъ зрѣнія существъ ограниченныхъ, ни постигнуты посредствомъ искусственныхъ умозаключеній, но которыя, какъ тайны, извѣстныя одной божественной Премудрости, со стороны человѣка должны усвояться одною вѣрою. И въ эту высоту и глубину таинствъ вѣры порывается на едва оперенныхъ крылахъ своихъ нашъ юный разумъ, тогда какъ въ божественныя тайны и самые Ангелы не могутъ проникнуть (1 Петр. 1, 12). Но пусть съ лѣтами укрѣпится умъ нашъ; пусть сужденіе мужа или старца будетъ тверже и основательнѣе сужденія легкомысленнаго юноши: и тогда, въ безконечной области предметовъ божественной Премудрости, можемъ ли мы еще смѣло довѣряться этому созерцателю, который и на обыкновенномъ пути своемъ часто ходитъ во мракѣ? Кто знакомъ съ исторіею человѣческаго ума и наблюдалъ за образомъ дѣйствій его въ исторіи народовъ различныхъ временъ и различныхъ вѣрованій, тотъ знаетъ, какіе вопросы о происхожденіи міра и человѣка, о Богѣ, объ искупленіи, о будущей жизни пытался разрѣшить этотъ предпріимчивый созерцатель, и какъ вмѣсто того, чтобы дойти до истины, въ продолженіе цѣлой жизни бродилъ только по распутіямъ заблужденій... Юноша христіанинъ! ты близокъ къ тому Спутнику твоей жизни, который можетъ дать отвѣтъ на всѣ твои вопросы и избавить отъ тысячи недоумѣній, если только они происходятъ не отъ гордаго самолюбиваго разума. Помни, что непонятно для тебя существо Бога, Котораго *никтоже видѣ нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. I, 18). столько, сколько нужно тебѣ знать Его. Можетъ быть, тебѣ кажется, что случай управляетъ человѣческою жизнію, какъ вѣтеръ волнами: Господь примѣромъ собственной жизни увѣритъ тебя, что высочайшій Промыслъ распоряжаетъ всѣмъ измѣняемымъ и направляетъ все къ наилучшей, часто непостижимой для человѣка, цѣли. Быть можетъ, въ недоумѣніи ты, отъ чего праведники и нечестивые терпятъ часто одинаковое зло, какъ будто бы для участи тѣхъ и другихъ не было опредѣленнаго закона: Тотъ, Кто былъ блаженъ въ бѣдности и уничиженіи.

научитъ тебя, что собственно добродѣтель дѣлаетъ людей счастливыми, независимо отъ внѣшняго состоянія. Юноша! ты уже не дитя, чтобы на слово вѣрить тому, что говорятъ тебѣ люди. Если хочешь самъ убѣдиться въ этомъ, приди и сядь у ногъ божественнаго Учителя, какъ нѣкогда Марія въ Виѳаніи (Лук. X, 39), и послушай словъ Его—святаго Евангелія: ты узнаешь, что тогда съ тобою будетъ. При ногахъ небеснаго Учителя укрѣпится умъ твой, и узлы всѣхъ твоихъ сомнѣній—не разорвутся, но просто развяжутся Его отеческою рукою.

Сомнѣнія и недоумѣнія, которыя гнѣздились въ душѣ двухъ учениковъ—путешественниковъ, были бы не столько значительны, еслибы въ основаніи своемъ они не имѣли важныхъ обстоятельствъ и еслибы не были сопряжены съ важными послѣдствіями. Происшествія, случившіяся предъ тѣмъ въ Іерусалимѣ, нанесли глубокую рану сердцу учениковъ Христовыхъ, и они принимали самое живое участіе въ судьбѣ Іисусовой. Это, кромѣ печальнаго положенія, въ какомъ нашелъ ихъ приблизившійся къ нимъ Господь, видно отчасти изъ собственныхъ словъ Клеопы къ неузнанному имъ Спутнику: *Ты ли единъ пришлецъ еси во Іерусалимѣ, и не увѣдѣлъ еси бывшихъ въ немъ во дни сія?* (Лук. XXIV 18). Такъ можетъ говорить только человѣкъ, сильно занятый своимъ предметомъ; только такой человѣкъ склоненъ думать, что обстоятельство, его занимающее, должно занимать всѣхъ. Это состояніе болѣе или менѣе всякому знакомо. Кто не знаетъ, какъ разстроенъ бываетъ каждый изъ насъ, когда внезапно постигаютъ его подобныя несчастія! Когда или смерть похищаетъ отъ насъ ближайшаго родственника и друга; или огонь и вода, и опустошительная буря превращаютъ въ развалины плоды нашихъ трудовъ; какъ мрачно и пусто бываетъ тогда вокругъ насъ; какъ многаго и многихъ мы тогда не доискиваемся! Сердце учениковъ было сильно привязано къ Іисусу Христу; участь, Его постигшая, была какъ бы ихъ собственною участію. Вотъ отъ чего и Клеопа съ своимъ спутникомъ были такъ печальны! Іисуса Назорея, думали они, Который былъ Пророкъ, сильный дѣломъ и словомъ предъ Богомъ и всѣмъ людьми,—какъ предали Его первосвященники и начальники наши

для осужденія на смерть и распяли Его! Къ этой горести слабый человѣкъ присоединялъ новую, — горесть неосуществившейся надежды: *мы же надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля, но и надъ всѣми сими, третій сей день есть днесь, отнелиже сія быша* (ст. 21). Теперь, кажется, они забыли сколько разъ Господь говорилъ: *подобаетъ Сыну человѣческому предану быти въ руцѣ человѣкъ грѣшникъ, и пропяту быти и въ третій день воскреснути?* (Лук. XXIV, 7). *Днесь*, дѣйствительно *третій сей день есть* (ст. 21), и въ эти три дня, въ которые все совершилось, Израиль поколебался въ вѣрѣ! Вотъ, что огорчило Господа во время бесѣды съ Клеопою и его спутникомъ, и вызвало такія слова: *о, несмысленная и косная сердцемъ, еже вѣровати о всѣхъ, яже глаголаша, пророцы!* (ст. 25). Но Сердцевѣдецъ видѣлъ, что шедшіе съ Нимъ .Израильтяне не были изъ числа тѣхъ, о которыхъ сказано; *одебелѣ сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ* (Матѳ. XIII, 15). Болѣзнь встрѣченныхъ Имъ теперь людей легко могла быть исцѣлена; они заслуживали не гнѣва, а сожалѣнія отъ Врача духовнаго. Одинъ только Іисусъ, а не простой странникъ галилейскій, могъ такъ изъяснить все сказанное о Немъ во всемъ Писаніи, чтобы сила и сладость словъ Его доставили истинную отраду и утѣшеніе прискорбному и безнадежному сердцу слушателей. *Не сердце ли наше горя бѣ въ насъ*, говорили они впослѣдствіи, *егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама писанія* (ст. 32). Божественный Спутникъ, разрѣшивъ ихъ сомнѣнія, возстановилъ ихъ надежду! Теперь они перестали печалиться и удивлялись только тому, почему прежде они не пришли къ тѣмъ же мыслямъ?

Печаль и горесть неразлучны и съ нашею жизнію; доколѣ стоитъ земля, дотолѣ и онѣ будутъ на ней. Куда скроемся отъ нихъ? Полетишь ли на крыльяхъ въ высь и въ долъ, — печаль будетъ слѣдовать за тобой до береговъ моря; сокроешься въ глубину, куда не доходитъ лучъ свѣта, — печаль и тамъ найдетъ тебя. Правда, мы облегчаемъ иногда многія горести разными занятіями и развлеченіями, а многія и

время уноситъ отъ насъ въ своемъ быстромъ полетѣ. Но много есть горестей долговременныхъ, много и такихъ, которыхъ ничто несильно разсѣять. Ктожъ доставитъ намъ полное, истинное утѣшеніе? Пусть дадутъ отвѣтъ тѣ, которые уже вышли изъ состоянія юности, часто беззаботной и легкомысленной. Когда вы идете между терновыми кустами, уязвляющими до крови, когда ваши ноги ранитъ острый камень и застигаетъ васъ буря и непогода; когда на пути вашей жизни нападаютъ на васъ разбойники. подъ какимъ бы именемъ они ни скрывались; или когда, подобно Клеопѣ и другимъ ученикамъ, вы скорбите о потерѣ дорогого для васъ человѣка:—скажите, откуда почерпаете усладительнѣйшее и чистѣйшее утѣшеніе? Не изъ того ли самаго источника, не изъ бесѣды ли съ тѣмъже самымъ, общимъ всѣмъ намъ, Спутникомъ? Да, кто, послѣ тщетныхъ усилій и способовъ утолить печаль свою, прибѣгалъ ко Іисусу, тотъ. конечно, припомнитъ, какъ горѣло въ немъ сердце и какъ говорилъ онъ тогда самому себѣ: зачѣмъ эта мысль не приходила мнѣ прежде?

Путешествіе двухъ учениковъ должно было окончиться, когда они приблизились къ Эммаусу. Спутникъ ихъ, которому, повидимому, не было никакой нужды оставаться въ этомъ селеніи, прощается съ ними и хочетъ итти далѣе: *и той творяшеся далечайше ити* (Лук. XXIV, 28). Не желая разлучиться съ Нимъ, они просятъ Его прекратить до времени свое путешествіе и остаться съ ними, потому что уже поздно и день склоняется къ вечеру: и *нуждаста его, глаголюще: облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и приклонился есть день* (Лук. XXIV, 29). Имъ тяжело было разстаться съ такимъ человѣкомъ, который во все продолженіе пути говорилъ съ ними такъ премудро; и при своихъ горестныхъ обстоятельствахъ они ожидали, что на ночлегѣ этотъ путешественникъ скажетъ имъ объ Іисусѣ много такого, чего не досказалъ на пути. Ихъ сердце какимъ то тайнымъ и непонятнымъ образомъ привлекалось къ этому Галилеянину. Божественный Спутникъ, уважая не столько ихъ приглашеніе, сколько вѣру, которая безъ вѣдома ихъ выражалась въ приглашеніи, — рѣшается провести съ ними и вечеръ: *и вниде съ ними облещи* (Лук. XXIV, 29).

Въ нашей жизни есть одинъ возрастъ, который весьма вѣрно можно уподобить вечеру. Нашему тѣлу становится холоднѣе, какъ будто отъ паденія ночной росы; въ глазахъ становится темно, какъ будто наступаютъ сумерки; подгибаются ноги, какъ бы утомленныя долгимъ путемъ; голова склоняется, какъ будто ко сну; опускаются руки, какъ бы для покоя, и духъ, утомленный суетою жизни, желаетъ наконецъ успокоенія, въ надеждѣ на лучшій день, который, можетъ быть, будетъ для него отраднѣе и утѣшительнѣе. Старецъ! этотъ вечеръ уже насталъ для тебя, а съ нимъ вмѣстѣ долженъ окончиться и путь твоей жизни. Дошедши до своего Еммауса, кого просишь ты вечерять съ собою? Къ кому съ такою горячностію взываешь слабымъ своимъ голосомъ? Къ кому съ такою увѣренностію поднимаешь свои много-потрудившіяся руки? На кого смотришь ты уже не столь живыми, часто отъ одной лишь надежды блестящими, глазами? И ты, мужъ или юноша, если жизнь твою можно сравнить только съ короткимъ зимнимъ днемъ:—когда раннее истощеніе жизненныхъ силъ или болѣзнь преждевременно сдѣлаютъ тебя старикомъ, нежившимъ и отжившимъ, и при послѣднемъ твоимъ издыханіи безъ помощи и надежды стоятъ вокругъ тебя твои сродники и знаемые,—къ кому обращаешь тогда свои смущенные взоры? Съ кѣмъ хочешь бесѣдовать, отвративъ отъ предстоящихъ глаза свои? Юноши, мужи и старцы! Къ Тому, Кто нашелъ васъ и принялъ къ себѣ еще въ колыбели; къ Тому обращаетесь вы, къ Тому взываете вы на смертномъ одрѣ вашемъ!—Преданіе себя въ волю Божію, — желаніе скорѣе сподобиться святаго причащенія, молитвы, которыя произносите вы, подобно ли Стефану, первому мученику (Дѣян. VII, 59), или подобно распятому на крестѣ разбойнику (Лук. XXIII, 42), — все это въ нѣкоторомъ смыслѣ выражаетъ одно и тоже желаніе: *облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и приклонился есть день* (Лук. XXIV, 29).

Приглашенный Путникъ, какъ говоритъ далѣе евангелистъ Лука (ст. 30), вошедши вмѣстѣ съ Лукою и Клеопою въ домъ, возлегаетъ съ ними, беретъ хлѣбъ, благословляетъ его, преломляетъ и подаетъ

имъ точно такъ же, какъ дѣлалъ нѣкогда Іисусъ между учениками. „Весь образъ дѣйствованія—не Іисусовъ ли? И эти руки, на которыхъ

„Обляни съ нами" (Лук. XXIV, 29).

видны такія жестокія раны, не руки ли нашего пострадавшаго Учителя?" Это Онъ! *Онѣма же отверзостѣся очи и познаста его* (ст. 31). Теперь

исчезло послѣднее сомнѣніе, если только оно было. Забыта всякая печаль. Радость ихъ исполнена!

Будетъ время, когда и съ нашихъ очей какъ бы спадетъ покрывало,— и вѣра замѣнится видѣніемъ; когда и мы Спутника своей жизни узримъ одесную Бога,. сѣдяща во славѣ своей. Блаженъ, кто на пути своей жизни слушалъ и хранилъ слова Его: онъ *наслѣдуетъ царствіе, уготованное отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34), и съ тѣмъ же Самымъ Спутникомъ будетъ вкушать новое брашно и пить новое пиво на трапезѣ въ дому Отца Его (Лук. XXII, 30).

„Не буди невѣренъ, но вѣренъ".

Вступленіе Христа Спасителя на крестный путь страданій, завершившихся Голгоѳской смертью Богочеловѣка, никого не повергло въ такую глубину безнадежной печали и недоумѣнія, какъ „единаго отъ обоюнадесяте"—апостола Ѳому. Для его пытливаго ума, стремившагося все обнять съ возможной ясностью и осязательностью, казалась неразрѣшимымъ противорѣчіемъ Божественная тайна Искупленія. Обѣтованный Мессія, Сынъ Давидовъ, Царь и единственная утѣха Израиля, наконецъ, Сынъ Божій... и вдругъ распятъ и погребенъ! Это совершенно не укладывалось въ сознаніи маловѣрнаго ученика. Чуть-ли не съ бо̀льшимъ сомнѣніемъ отнесся онъ и къ первому слуху о воскресеніи Христовомъ. *„Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя и не вложу перста моего въ язвы... и... въ ребра Его, не имъ вѣры"*,— воскликнулъ Ѳома въ отвѣтъ на извѣстіе апостоловъ о явленіи имъ Христа Воскресшаго. Спаситель является предметомъ сомнѣнія и пререканій. Лишь только началось Его общественное служеніе, какъ уже ученіе и спасительныя дѣла Его вызываютъ въ современникахъ недоумѣнія, порицанія и даже открытую вражду. Вотъ, только что совершено поразительное чудо. На широкой равнинѣ, по мягкому шелковистому лугу возлегла, расположилась громадная пятитысячная толпа въ ожиданіи пищи. А кругомъ—пустыня. Даже селенія или простой деревушки, гдѣ бы можно было купить чего-либо съѣстного, не видно ни-

Явленіе Ѳомѣ.

гдѣ. Случайно нашлись здѣсь пять хлѣбовъ, и ими-то Жизнодавецъ-Христосъ напиталъ всю собравшуюся массу народа. И что же, окрѣпла-ли вѣра въ Него у очевидцевъ этого чуда, сдѣлалась-ли она глубже, живѣе и сердечнѣе? Нѣтъ: стоило только Христу предложить бесѣду о Себѣ, какъ хлѣбѣ жизни, сшедшемъ съ небесе, какъ многіе, даже изъ тѣхъ, которые раньше охотно слушали Спасителя и были недалеко отъ Царствія Божія, отошли отъ Него. Такъ таинственное ученіе Господа о томъ, что Онъ есть хлѣбъ, сшедшій съ небесе, казалось имъ страннымъ и неудобопріемлемымъ. Глубокая скорбь охватила тогда Господа, и вотъ Онъ обращается къ Своимъ двѣнадцати ученикамъ съ такими словами: „не хотите-ли и вы отойти“ (Іоан. VI, 67). Только горячій отвѣтъ верховнаго изъ апостоловъ утѣшаетъ Спасителя. „Ты — Христосъ Сынъ Бога живаго“,—съ одушевленіемъ восклицаетъ порывистый Петръ. А между тѣмъ приближалось время испытанія для вѣры и этого апостола. Наступилъ вечеръ того четвертка, когда Господь совершилъ съ Своими возлюбленными учениками послѣднюю вечерю. Здѣсь Петръ увѣрялъ Христа въ своей преданности. Но не успѣло еще заняться утро слѣдующаго дня, какъ онъ трижды отрекся отъ Своего Учителя. Такъ, братіе, Христосъ былъ камнемъ преткновенія и соблазна даже для ближайшихъ учениковъ Своихъ. Если же преданные Христу ученики колебались въ исповѣданіи своей вѣры, то можемъ-ли мы, немощные, признать себя свободными отъ подобныхъ колебаній? Станемъ же мысленно на томъ распутіи, на которомъ въ недоумѣніи останавливаются многіе изъ нашихъ современниковъ, одни—въ минутномъ колебаніи, другіе—въ тяжкомъ раздумьѣ о томъ, куда имъ надо идти; направо-ли, куда уже давно зоветъ Христосъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, обѣщая имъ умиротворяющую полноту духовной жизни, или—налѣво, куда зовутъ „сыны вѣка сего“, притворнаго, привременнаго, обѣщая своимъ послѣдователямъ и безусловную свободу, и полноту земныхъ радостей. Станемъ на этомъ распутіи и испытаемъ себя: къ разряду какихъ людей,—„вѣрныхъ“ или „невѣрныхъ“,—принадлежимъ мы.

Прислушаемся къ ученію Христову: Царство Божіе—начало и конецъ евангельской проповѣди: начавъ свое благовѣствованіе вѣстью о приближеніи Царства Божія *(покайтесь, ибо приблизилось Царство небесное,*—Мѳ. IV, 17), Господь закончилъ его бесѣдою *яже о царствіи Божіи*, которую велъ съ Своими учениками, являясь имъ въ продолженіе сорока дней, — отъ воскресенія изъ мертвыхъ до вознесенія на небо (Дѣян. I, 3). Покайтесь!—таково первое слово евангельской проповѣди. Покайтесь въ тѣхъ грѣхахъ воли и мысли, которые омрачаютъ вашу душу; сознайте, что доселѣ вы больше служили своимъ страстямъ, нежели добру и правдѣ; повременамъ вы искали правды, но въ этихъ поискахъ полагались на свои силы больше, чѣмъ слѣдуетъ; вы заставляли свое воображеніе облекать ваши страсти въ привлекательные образы, а умъ — изыскивать средство для удовлетворенія тѣхъ же самыхъ страстей. Въ служеніи своимъ страстямъ вы думали найти полноту доступнаго вамъ счастья, но находили только мрачное томленіе духа.

Сознайте же свои грѣхи и вступите въ борьбу со своими страстями. Вы сами замѣчаете, что въ вашей природѣ ведутъ непрерывную борьбу какъ бы два человѣка: одинъ тяготѣетъ къ землѣ, это—ветхій человѣкъ, по слову апостола; другой тоскуетъ въ забавахъ міра и порывается къ небу, это—внутренній человѣкъ, по тому же апостольскому слову; и какъ часто вы дѣлаете не то, что хотите,—доброе, а то, что ненавидите,—злое! какъ часто въ мучительномъ сознаніи этой раздвоенности вы невольно восклицаете: „бѣдный я человѣкъ! кто меня избавитъ отъ нестерпимыхъ мученій, разъѣдающихъ мою душу?!“ (Рим. VII, 18—25).

Соберитесь же съ силами, возьмите ветхаго человѣка съ его страстями и пригвоздите его ко кресту. Нелегко это сдѣлать: вы сжились съ ветхимъ человѣкомъ; но *невозможная у человѣка — у Бога возможна суть* (Лук. XVIII, 27). Вступайте въ борьбу съ ветхимъ человѣкомъ, съ твердой рѣшимостью покончить съ нимъ и съ вѣрою въ помощь Божію—и побѣда останется за вами... И какъ только начнетъ ослабѣвать власть страстей надъ вашею душою, къ ней приблизится Христосъ, готовый войти къ вамъ (Ап. III, 20; Іоан. XIV, 23). Онъ уже стоитъ у

дверей вашего сердца и стучитъ: не услышите-ли вы голоса Христова и не отворите-ли двери? И какъ только вы отворите дверь вашего сердца.— Онъ войдетъ къ вамъ и будетъ вечерять съ вами, а вы — съ Нимъ (Апок. III, 20). Въ этомъ общеніи со Христомъ вы найдете ту полноту духовной жизни, которую напрасно было бы искать за предѣлами Царства Христова: вы найдете тамъ и полноту вѣдѣнія, доступнаго нашему ограниченному разуму, и полноту той чистой радости, которой жаждетъ человѣческое сердце, потому что „Царство Божіе есть правда и миръ, и радость о Дусѣ" (Рим. XIV, 17). Пріидите же ко Мнѣ,—взываетъ Господь и Спаситель Нашъ,—пріидите вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себе, и научитеся отъ Мене, потому что вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ, и обрящете покой душамъ вашимъ, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть (Мѳ. XI, 27—30).

И пошли труждающіеся и обремененніи на этотъ спасительный призывъ: пошли Андрей и Іоаннъ, Петръ, Филиппъ и Ѳома (Іоан., гл. I). за ними—другіе, находя въ общеніи со Христомъ вожделѣнный міръ. Такъ образовалось то малое стадо, тотъ начатокъ святой, соборной и апостольской церкви, который въ неразрывномъ общеніи съ Господомъ, составами и связями будучи соединяемъ и скрѣпляемъ, растетъ и поднесь возрастомъ Божіимъ (Колос. II, 19). Церковь обнимаетъ великое множество лицъ, богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, живущихъ и отшедшихъ, соединенныхъ единою вѣрою, единымъ крещеніемъ,—братьевъ, связанныхъ любовью къ своему Отцу небесному... Но на ряду съ такими лицами, которыя приклоняли свой слухъ въ слышаніе вѣры, издавна были и такія, слуху которыхъ ученіе Христово казалось страннымъ и чуждымъ, издавна у Господа были не только преданные ученики, но и ожесточенные враги. Будетъ время, писалъ ап. Павелъ своему возлюбленному ученику,—егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учителя, и отъ истины слухъ отвратятъ (2 Тим. V, 3 – 4).

Скорбное предсказаніе апостола имѣетъ отношеніе и къ нашему времени, и къ нашей родной странѣ: среди насъ являются самозванные

учители, порицающіе нашу святую Церковь, устрояющіе самочинныя собранія, расхищающіе стадо Христово. А кругомъ то и дѣло раздаются голоса, возвѣщающіе наступленіе не царства небеснаго, Божія, а царства земного, человѣческаго, надъ созиданіемъ котораго, говорятъ, трудились въ теченіе многихъ вѣковъ самые могучіе, даровитые, „царственные“ представители человѣческаго рода. То зовутъ насъ за собой „сыны вѣка сего“. Они находятъ, что христіанство съ его ученіемъ о царствѣ небесномъ подавляетъ свободу мысли, убиваетъ искусство, устраняетъ заботы о земномъ благосостояніи какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ. Ученіе о царствѣ небесномъ они считаютъ предразсудкомъ, проповѣдь состраданія и милосердія — „моралью слабыхъ душъ“, самоотреченіе и самоограниченіе — „аскетическимъ недугомъ“, требующимъ лѣченія. Провозглашая полноту и мощь личнаго развитія въ качествѣ высшаго и безусловнаго блага, они не хотятъ знать никакихъ оковъ, никакихъ ограниченій ни въ области мысли, ни въ области чувства, ни въ общественной жизни. Оковы, хотя бы и нравственныя, подавляютъ свободное развитіе личности, а потому — прочь эти оковы! Художники слова не жалѣютъ красокъ, чтобы въ яркихъ образахъ представить обаятельную красоту могучей личности, гордой и непреклонной, твердо и увѣренно идущей къ своей цѣли — безусловной свободѣ, хотябы этотъ путь былъ обагренъ чужою кровью. Какое дѣло до чужой крови тому, для кого добро состоитъ въ томъ, что возвышаетъ силу, могущество личности, а зло — въ томъ, что ослабляетъ эту силу?! Соотвѣтственно этому и смыслъ нашей жизни видятъ не въ томъ, чтобы, нося тяготы другъ друга (Гал. VI. 2.), споспѣшествовать устроенію царства Божія, а въ томъ, чтобы общими многовѣковыми усиліями выработать такого представителя человѣческаго рода, который, будучи верхомъ красоты и могущества, находилъ бы высшее блаженство въ созерцаніи своей красоты, въ упоеніи своимъ могуществомъ. А остальные люди съ благоговѣніемъ преклонялись бы предъ этимъ человѣкобогомъ. О, какъ далекъ, неизмѣримо далекъ этотъ образъ, отъ того кроткаго образа, который начертанъ въ святомъ Евангеліи: мы недавно,

на-дняхъ страстной седмицы съ душевнымъ умиленіемъ созерцали этотъ нравственно прекрасный образъ; мы тогда слышали трогательное повѣствованіе святыхъ евангелистовъ о страданіяхъ нашего Спасителя и Господа, иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ (Евр. XII. 2). И этотъ образъ хотятъ замѣнить другимъ! Свѣте тихій, святыя славы! Да не будетъ этого: достоинъ еси во вся времена пѣтъ быти гласы преподобными...

И такъ, братія, предъ нами — два пути: одинъ — въ Царство Божіе, другой — въ царство человѣческое. Тебѣ предложены огонь и вода: на что хочешь, простремь руку свою (Сирах. XV. 16). Куда же намъ идти? куда протянуть руку свою? Безъ сомнѣнія привлекательна та свобода, которую намъ обѣщаютъ *„сыны вѣка сего“*; но отрѣшенная отъ какихъ бы то ни было ограниченій, не поведетъ ли она къ угожденію плоти, къ безпрепятственному служенію страстямъ и, въ концѣ концовъ, къ томленію духа? Найдемъ ли мы на этомъ пути ту полноту жизни, какую намъ обѣщаютъ? Еще ветхій завѣтъ оставилъ намъ образъ человѣка, могучаго и славнаго, умнаго и образованнаго, который въ погонѣ за счастіемъ разорвалъ было оковы, налагаемыя на насъ совѣстью, и отдался служенію своимъ страстямъ. И что же онъ нашелъ на этомъ пути безусловной свободы отъ нравственныхъ ограниченій? Прислушаемся къ его собственному признанію. „Чего бы глаза мои ни пожелали,—разсказываетъ онъ,—я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселія... И оглянулся я на всѣ дѣла мои. и вотъ все суета и томленіе духа. И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны мнѣ стали дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ“ (Еккл, II, 10—11. 17). И только въ преклоненіи предъ Богомъ, въ подчиненіи своей мысли и своей воли Его святому закону нашелъ этотъ человѣкъ душевное удовлетвореніе: *Бойся Бога, и заповѣди Его соблюдай,—въ этомъ все для человѣка* (Еккл. XII, 13), таковъ послѣдній завѣтъ ветхозавѣтнаго мудреца, купленный цѣною мучительныхъ страданій... Скажемъ-ли, что въ наши дни нѣтъ уже мѣста подобнымъ явленіямъ? Предъ нами — выдающійся ученый новаго времени, преклоняющійся предъ такъ

называемой положительной наукой. Вѣра въ ея могущество замѣняетъ для него вѣру въ Бога, отъ которой онъ сторонится, потому что она налагаетъ оковы на разумъ. Въ сознаніи свободы и могущества своей мысли нашъ ученый спокоенъ, даже счастливъ. Но вотъ неумолимая смерть похищаетъ изъ мирныхъ нѣдръ его любимой семьи жену, единственнаго сына, и самоувѣренный ученый съ недоумѣніемъ и скорбію останавливается предъ грознымъ таинствомъ смерти: „что сіе еже о насъ бысть таинство? како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти?“ Подробно изслѣдуя процессъ тлѣнія, наука не въ состояніи осмыслить смерти, а къ тихому голосу вѣры этотъ ученый человѣкъ не привыкъ приклонять своего слуха, и становится удѣломъ его остальной жизни тяжкое томленіе духа... А вотъ богато одаренный, полный силъ и энергіи художникъ слова. И ему свобода дороже всего. Онъ не хочетъ знать никакихъ ограниченій, и съ юношеской самоувѣренностью сбрасываетъ съ себя какія бы то ни было оковы. Что же осталось въ его душѣ послѣ сравнительно немногихъ лѣтъ разнузданной жизни? Остался тотъ горькій осадокъ, который заставлялъ этого искренняго человѣка глубоко жалѣть о душевныхъ сокровищахъ, растраченныхъ въ погонѣ за несбыточными мечтами... Такъ, братія, тяжкое томленіе духа—конецъ той жизни, которая несется впередъ, сокрушая на своемъ пути всѣ преграды.

Не умножая примѣровъ, направленныхъ къ подтвержденію этой мысли, посмотримъ теперь на другую, не менѣе важную сторону дѣла.

Человѣкъ живетъ не на необитаемомъ островѣ, а въ обществѣ другихъ людей, интересы которыхъ переплетаются съ его собственными интересами. Значитъ, нуженъ законъ, который бы опредѣлялъ взаимныя отношенія людей другъ къ другу, Христосъ опредѣленно указалъ этотъ законъ; люби ближняго твоего, какъ самого себя (Матѳ. XIX, 19),—люби до готовности пожертвовать для него собственной жизнію, потому что ***больши сея любве никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*** (Іоан. XV, 13). Голоднаго накорми, холоднаго пригрѣй, нагого одѣнь, больного навѣсти, съ плачущимъ раздѣли его горе, съ радующимся его ра-

дость. И въ сонмѣ святыхъ, озаряющихъ наше духовное небо, кроткимъ, согрѣвающимъ свѣтомъ сіяютъ такіе милостивцы, которые готовы были съ радостью отдать нищему послѣднюю одежду, послѣднюю корку хлѣба. Поставивъ на мѣсто Христа демоническій образъ могучаго и гордаго человѣка, по трупамъ людей слабыхъ, какъ по подмосткамъ, восходящаго на высоту своего величія, могли ли „сыны вѣка сего“ понять проповѣдь христіанскаго милосердія? Они не поняли ее, и — отвергли... Христосъ заповѣдуетъ помогать слабымъ и угнетеннымъ, а они учатъ добивать слабаго, не спѣшить на помощь къ безнадежно-больному! Но во что же обратится тогда человѣческое общество? Въ борьбу сильныхъ съ слабыми. Такъ законъ взаимной любви замѣняется закономъ взаимной борьбы! Страшно становится при мысли о томъ, что подобныя ученія шире и шире распространяются въ нашемъ обществѣ, въ нашемъ юношествѣ — нашей надеждѣ. Ей, гряди, Господи Іисусе (Апок. XXII. 20),—утверди насъ въ любви Твоей...

Что же, братіе? Пойдемъ ли туда, куда насъ зовутъ „сыны вѣка сего?“ Нѣтъ и нѣтъ: будемъ вѣрны возлюбившему насъ Христу до послѣдняго нашего издыханія! будемъ неуклонно держаться нашей вѣры въ мысли, и въ жизни! На этомъ пути мы скорѣе и вѣрнѣе найдемъ ту полноту духовной жизни, которую иные мечтаютъ найти на распутіяхъ міра сего. Не думайте, что христіанство отнимаетъ у насъ вожделѣнную свободу: оно требуетъ отъ насъ свободнаго, а не насильственнаго подчиненія волѣ Божіей. *Къ свободѣ призваны вы, братія,* — пишетъ апостолъ Павелъ, — *только бы не была ваша свобода поводомъ къ угожденію плоти* (Гал. V, 13), иначе эта мнимая свобода будетъ только прикрытіемъ самаго низкаго рабства.

Не думайте, что христіанство въ самомъ дѣлѣ подавляетъ научную, художественную и общественную дѣятельность: оно только подчиняетъ ихъ высшему началу—созиданію царства Божія и чрезъ это сообщаетъ имъ высшій, непреходящій смыслъ. Вы изучаете законы природы? Изучайте съ полнымъ вниманіемъ, но не забывайте, что вашему наблюденію и изученію подлежитъ только одна—внѣшняя сторона мірового

бытія, что за этой стороной скрывается другая — внутренняя, которая не тождественна съ первой. Остерегайтесь же открытымъ вами законамъ усвоять значеніе и по отношенію къ потустороннему міру. То, что вы знаете, вы знаете точно и основательно, но не забывайте, что знаете то вы очень немногое, только одинъ уголокъ вселенной. Не удивляйтесь-же, если христіанство возвѣщаетъ тайны, непостижимыя для вашего ума: эти тайны касаются недоступнаго для вашего изслѣдованія потусторонняго міра.

Вы занимаетесь искусствомъ? Занимайтесь, увлекайтесь имъ, но помните, что нравственность выше искусства; постарайтесь же о томъ, чтобы произведенія искусства очищали человѣческую душу отъ нравственной грязи, чтобы они были проникнуты нравственнымъ началомъ. Повѣрьте, что свободное, непредзанятое проникновеніе художественныхъ произведеній нравственнымъ началомъ не только не подавитъ искусства, но и возвыситъ его. Припомните библейскіе разсказы, псалмы, — развѣ это не высокіе образцы искусства?! Припомните, что создано художниками въ области религіозной живописи или музыки, и вы согласитесь со словами одного изъ геніальнѣйшихъ представителей художественнаго слова: „люди въ поэзіи и искусствѣ до тѣхъ поръ производительны, пока они религіозны“.

Вы работаете надъ улучшеніемъ земного благосостоянія человѣка? Работайте: христіанство готово благословить ваши работы, если только вы среди нихъ не забываете, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ* (Мѳ. IV, 4).

Правда, христіанству чужды мечтательныя надежды на земное блаженство, но это не освобождаетъ христіанина отъ обязанности „сдѣлать земную жизнь сносною для себя и для ближнихъ, сносною настолько, чтобы дать людямъ возможность не забывать о небесной“, и если вы словомъ и дѣломъ работаете въ этомъ направленіи, да почіетъ на вашихъ трудахъ Божіе благословеніе!

О, Господи, *широка заповѣдь Твоя зѣло* (пс. CXVIII, 96),—широка, потому что обнимаетъ собой всѣ стороны нашей дѣятельности, очищая

и возвышая ихъ, сообщаетъ нашей жизни непреходящее значеніе и *вводитъ насъ въ неприступную радость, Единѣмъ приступну, Имже Богъ примирися.* Даже тѣ лица, которыя только временно вступали въ атмосферу христіанской вѣры и жизни, чувствовали, какъ легко и отрадно дышится въ этой благодатной атмосферѣ; а такія лица, которыя сжились, сроднились съ нею, не могли и представить себѣ жизни внѣ ея. „Кто ны разлучитъ отъ любве Божія? — взываетъ апостолъ Павелъ: скорбь ли или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ? Нѣтъ, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ, Господѣ Нашемъ" (Рим. VIII, 35, 39). Но, что я говорю объ апостолѣ? Спросите православно-русскихъ людей, которые дѣйствительно живутъ въ нѣдрахъ православной Церкви, питаются ея ученіемъ и дышатъ ея атмосферой, и они скажутъ вамъ, что никогда не чувствуютъ такого подъема духа, такой полноты духовной жизни, какъ въ свѣтозарную ночь Свѣтлаго Христова Воскресенія. О, воистину сія спасительная дне возстанія сущи провозвѣстница! Христіанская душа, переполняясь трепетною радостію о воскресеніи Спасителя, призываетъ къ этой радости не только другихъ людей, но и весь міръ, видимый и невидимый; привлекаетъ искусство къ выраженію неземной радости; прощаетъ обиды, простирая врагу братскія объятья; отдыхаетъ отъ тяжкихъ скорбей и испытаній (о, пасха — избавленіе скорби!); вспоминаетъ и объ отшедшихъ, но не съ тою безнадежною скорбію или стоическимъ хладнокровіемъ, съ какими вспоминаютъ о нихъ неимущіе упованія, - вспоминаютъ о нихъ въ свѣтломъ сознаніи побѣды Христа надъ смертію, въ сладостной надеждѣ загробнаго общенія. Гдѣ теперь, смерть, твое жало? — взываетъ христіанская душа, — гдѣ твоя, адъ, побѣда? Воскресъ Христосъ, — и ты низверженъ; воскресъ Христосъ — и жизнь царствуетъ всюду; воскресъ Христосъ — и ни одного мертвеца уже нѣтъ во гробѣ: Христосъ, возставъ отъ мертвыхъ, положилъ начало общему воскресенію" (Изъ огласит. слова св. Іоанна Златоуста). Могутъ ли земныя радости, по своей полнотѣ, чистотѣ и напряженности, сравниться съ

Воскресшій Спаситель.

этою духовною радостію, которая оставляетъ послѣ себя не горькій осадокъ, не тяжкое томленіе духа, а тихую грусть и неискоренимое влеченіе туда, — въ горній Іерусалимъ, царство небесное!

Поэтому, христіанинъ, еще внимательнѣе всмотрись и вдумайся въ язвы Воскресшаго Спасителя, понесенныя за грѣхи міра; „вложи перстъ свой въ нихъ и припади къ нимъ, не испытуя, но открывая для себя здѣсь источникъ новой благодатной жизни и, по слову Господа, сказанному св. ап. Ѳомѣ: *„не буди не вѣренъ, но вѣренъ!“*

XVII.

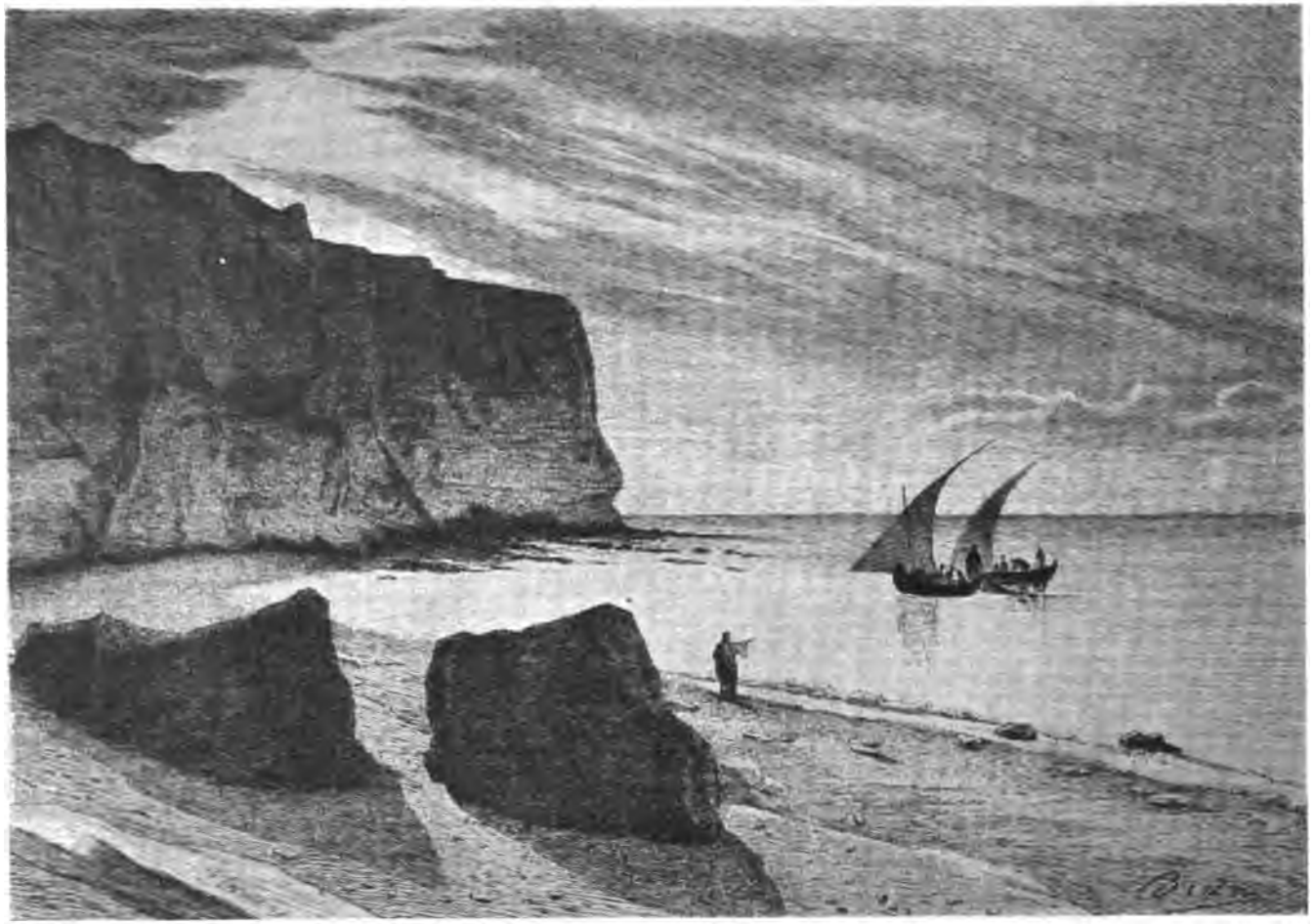
На берегу озера.

Были вмѣстѣ Симонъ Петръ и Ѳома, называемый близнецъ, Наѳанаилъ изъ Каны Галилейской и сыновья Зеведеевы, и двое другихъ учениковъ. Симонъ Петръ говоритъ имъ: иду ловить рыбу. Говорятъ ему: идемъ и мы съ тобою. Пошли, и тотчасъ вошли въ лодку и не поймали въ ту ночь ничего. А когда настало утро, Іисусъ стоялъ на берегу, но ученики не узнали, что это—Іисусъ. Іисусъ говоритъ имъ: дѣти, есть ли у васъ какая пища? Они отвѣчали Ему: нѣтъ. Онъ же сказалъ имъ: закиньте сѣть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сѣти отъ множества рыбы. Тогда ученикъ, котораго любилъ Іисусъ, говоритъ Петру: это — Господь. Симонъ же Петръ, услышавъ, что это Господь, опоясался одеждою, ибо онъ былъ нагъ, и бросился въ море. А другіе ученики приплыли къ лодкѣ, таща сѣть съ рыбою. Когда же вышли на землю, видятъ разложенный огонь и на немъ лежащую рыбу и хлѣбъ. Іисусъ говоритъ имъ: принесите рыбы, которыя теперь поймали. Симонъ Петръ пошелъ и вытащилъ на землю сѣть, наполненную большими рыбами, которыхъ было 153; и при такомъ множествѣ не прорвалась сѣть. Іисусъ говоритъ имъ: прійдите, обѣдайте. Когда же они обѣдали, Іисусъ говоритъ Симону: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петръ говоритъ Ему: да, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Іисусъ говоритъ ему: паси агнцевъ Моихъ. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня? Петръ говоритъ Ему: да, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Іисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ. Говоритъ ему въ третій разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня? Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ его: любишь ли Меня? и сказалъ ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Іисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ (Еванг. отъ Іоанна, гл. XXI, ст. 2—12, 15—17).

Описанное событіе происходило на Тиверіадскомъ или Галилейскомъ озерѣ. Галилея въ то время была плодоноснымъ и населеннымъ краемъ. Берега Галилейскаго озера и понынѣ очень привлекательны. Это озеро было свидѣтелемъ многихъ событій изъ жизни Спасителя: здѣсь Онъ совершалъ чудеса, здѣсь, иногда съ лодки, Онъ училъ народъ, отсюда Онъ призвалъ первыхъ Своихъ учениковъ. Галилея

была родиной Іисуса. Родина! великое это слово: оно пробуждаетъ въ нашемъ сердцѣ теплыя чувства и воспоминанія. Въ Галилеѣ Іисусъ возрасталъ, переживалъ радости и скорби дѣтства; здѣсь онъ помогалъ плотнику Іосифу въ его работахъ и готовился къ Своему великому назначенію. На горахъ, окружающихъ озеро, Іисусъ предавался уединенной ночной бесѣдѣ съ Богомъ Отцомъ, въ молитвѣ находилъ отдыхъ отъ человѣческихъ треволненій. Здѣсь же произошло одно изъ послѣднихъ прощаній Его съ учениками.

Ученики Его были по промыслу рыболовы. Промыслъ этотъ—безпокойный и опасный. Онъ требуетъ много силы, отваги и терпѣнія. Не дивно ли, что рыболововъ Іисусъ послалъ въ міръ возвѣщать спасеніе? Эти простые, бѣдные и неученые люди должны были возвѣщать Евангеліе то народу, то начальникамъ, князьямъ и сильнымъ земли. Такой выборъ вѣстниковъ имѣлъ основательныя причины. Во-первыхъ, Іисусъ этимъ хотѣлъ почтить тѣлесный трудъ. Онъ Самъ, Сынъ Бога, знакомъ былъ съ работой плотника, а Павелъ, Его апостолъ, устраивалъ палатки. Величайшіе благодѣтели людей пріобрѣтали хлѣбъ въ потѣ лица. Будемъ ли мы, послѣ этого, стыдиться своего ремесла и скрывать мозоли на рукахъ? Будутъ ли свободные по положенію и образованію отъ ручной работы гордиться этой свободой и считать себя выше и достойнѣе ремесленниковъ? Другое основаніе избранія простецовъ въ апостольское званіе заключалось въ томъ, чтобы сильные не гордились предъ слабыми. Если бы апостолы были избраны изъ людей ученыхъ, почетныхъ, знатныхъ, богатыхъ, то враги Евангелія сказали бы: „совсѣмъ неудивительно, что міръ Христу послѣдовалъ: смотрите, какіе вліятельные и умные люди возвѣщали Его ученіе“. Поэтому-то Богу угодно было „безуміемъ проповѣди спасти вѣрующихъ“ (1 Кор. I, 21). Онъ „избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное... Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ“ (—27 и 29). Чрезъ это ясно стало, что не силою людей и человѣческаго слова обращенъ міръ, но силою самаго Евангелія, словомъ Божіимъ.



Явленіе на берегу Тиверіадскаго озера.

Обратимся же къ нашимъ рыбакамъ. Всю ночь трудились они: одни гребли, другіе закидывали сѣти,—но много ли они поймали? Ничего не поймали. Подъ утро они возвращаются утомленные и печальные съ пустыми челнами. Не достигли они берега, какъ услыхали чей-то голосъ: „Дѣти! если у васъ какая пища? Закиньте сѣть по правую сторону лодки и поймаете", сказалъ Незнакомецъ. Какъ? еще имъ закидывать сѣти послѣ того, какъ они много часовъ промаялись безъ успѣха? Откуда Этотъ Человѣкъ знаетъ, что по правую сторону лодки попадется рыба? Какъ странно, что Онъ называетъ ихъ дѣтьми; хотя лица Его еще не видать, но въ голосѣ есть что-то знакомое.

Надъ этими вопросами рыбаки не медлили и о Лицѣ Незнакомца не задумывались, а быстро исполнили Его приказаніе: бросили сѣти и, выждавъ нѣсколько минутъ, начали тянуть ихъ, но сѣти туго поддавались. Не зацѣпились ли онѣ за подводный камень? Но живой грузъ скоро далъ знать о себѣ, и, понатужившись, рыбаки скоро наполнили лодку прекрасными, серебристыми рыбами. Они уже больше не сомнѣвались. „Это Господь!" воскликнулъ Іоаннъ, а нетерпѣливый Петръ бросился въ озеро (онъ былъ нагъ) и вплавь достигъ берега и свидѣлся съ Господомъ, отъ Котораго онъ такъ недавно троекратно отрекался.

Какой уловъ! Какой даръ любви Господней! Да, Іисусъ не милуетъ въ половину, а, если милуетъ, то по-царски, по-божески. Вы помните Его чудо, которое Онъ явилъ въ Канѣ на свадьбѣ, гдѣ Онъ приказалъ наполнить водою шесть большихъ посудинъ и обратилъ эту воду въ доброкачественное вино. Это было Его первое чудо, а на озерѣ—послѣднее, и оба чуда увѣряютъ насъ въ безконечной добротѣ Спасителя: Онъ даетъ съ излишкомъ. Слово Божіе поучаетъ насъ, что и сегодня Христосъ таковъ же, какимъ былъ вчера; такимъ же останется навсегда. Хотя мы Его не видимъ ходящимъ по землѣ, но милуетъ и обогащаетъ Онъ людей и нынѣ по-царски. Ужели Онъ и нынѣ претворяетъ воду въ вино и умножаетъ уловъ рыбы? Безъ сомнѣнія, если это намъ полезно, ибо Онъ капли дождевыя претворяетъ въ грозды

винограда и Его силою рыбы множатся въ глубинѣ водной. Но Онъ являетъ намъ безконечно большія милости: Онъ посылаетъ миръ огорченному, тотъ миръ, который выше всякаго разума. „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ“ (Іоан. гл. XIV, ст. 27).

Онъ даетъ людямъ зрѣніе, слухъ, тѣлесныя силы и разумъ, чтобы не поддаваться заблужденію. „Просите, и дано будетъ, ищите, и найдете“. Какъ мы блаженны, что на небѣ имѣемъ такого Покровителя, Который выслушиваетъ наши просьбы, исполняетъ ихъ и недоволенъ только нами, когда мы Его ни о чемъ не просимъ. Ни одинъ ученикъ Христовъ не будетъ бѣдствовать, хотя бы онъ былъ нищъ, боленъ, всѣми оставленъ и забытъ. Стоитъ только ему обратиться къ небесному Покровителю, и онъ почувствуетъ въ сердцѣ своемъ миръ и умиленіе.

Но, чтобы получить что-либо отъ Бога, нужно вѣрить, что Онъ хочетъ дать. Посмотрите на Его учениковъ. Если бы они не повѣрили слову Учителя и стали бы сомнѣваться въ пользѣ Его совѣта вновь закинуть сѣти, то они возвратились бы съ пустыми лодками. Но они повѣрили, послушались и получили. Вѣра—это та невидимая рука души, которая принимаетъ дары Божіи.

Чудесный уловъ былъ не только даръ Божій, но и урокъ ученикамъ для ихъ предстоящей дѣятельности. Имъ назначено быть ловцами человѣковъ, миссіонерами, проповѣдниками: „идите, научите всѣ народы“, то есть, закидывайте съ вѣрою сѣть Евангелія то здѣсь, то тамъ. Въ первую Пятидесятницу они закинули эту сѣть въ Іерусалимѣ и уловили около 3.000 душъ. Не своею силою достигли этого, а силою Христа и Святого Духа. То-же было и въ послѣдующихъ трудахъ апостоловъ: если бы они полагались на свою силу, то немного бы они совершили и много разъ пришли бы въ унынiе.

Также бываетъ и съ нами. Если мы будемъ полагаться на свои силы и умъ, то не достигнемъ ничего: всю ночь проработаемъ и не подвинемся впередъ. Но если Богъ придетъ къ намъ на помощь, во всемъ у насъ будетъ удача. Царь Давидъ, на себѣ самомъ испытавшій это, увѣряетъ насъ, что „если Господь не созидаетъ дома, напрасно

трудятся строющіе его; если Господь не стережетъ города, напрасно не спитъ сторожъ. Напрасно вы (ненадѣющіеся на Господа) рано встаете, поздно садитесь, ѣдите хлѣбъ съ заботою; ибо возлюбленнымъ Своимъ Онъ даетъ во снѣ" (псал. 126).

Утомленные ночною работою на озерѣ ученики нуждались въ пищѣ. Господь и объ этомъ позаботился: вышедши на берегъ, ученики „видятъ разложенный огонь и на немъ лежащую рыбу и хлѣбъ". Господь приглашаетъ ихъ: „прійдите, обѣдайте". Какъ хорошъ этотъ утренній обѣдъ учениковъ съ учителемъ на берегу озера! Но что-то камнемъ лежало на душѣ учениковъ. Ихъ движенія были не смѣлы, не свободны и они не сказали еще ни одного слова. Еще недавно, за день до еврейской пасхи они обѣдали съ своимъ Учителемъ и обѣщали Ему быть вѣрными до смерти. Но только лишь схваченъ былъ Учитель слугами враговъ, всѣ они робко разбѣжались, а Петръ, самый смѣлый, трижды отрекся. Имъ было теперь стыдно глядѣть въ глаза Учителю и другъ другу: измѣна, грѣхъ тяготѣли на ихъ душѣ. Нѣтъ мѣста чистой радости тамъ, гдѣ замѣшанъ грѣхъ.

Христосъ Самъ прекратилъ это тяжелое молчаніе вопросомъ къ Петру... О чемъ же можно спрашивать человѣка, который трижды намъ измѣнилъ и съ божбою отрекся отъ самаго знакомства съ нами? Въ подобномъ случаѣ мы начали бы съ упрековъ и укоризнъ, дали бы волю своему гнѣву, доказали бы низость измѣны. Но Христосъ только трижды вопрошаетъ виновнаго: „любишь ли Меня?"

Чувствуете ли вы, какъ безконечно разнятся мысли и чувствованія Христовы отъ нашихъ? Постигаете ли вы, какъ дружелюбенъ былъ Іисусъ къ Своимъ ученикамъ. Онъ зналъ покаянную скорбь Петра и не желалъ ея увеличивать. Онъ спѣшитъ утѣшить Своего павшаго друга, давъ ему случай высказать свою любовь. Точно окровавленную рану нѣжно перевязалъ Іисусъ ученику своему. И невозможно было на вопросъ Іисуса о любви не отвѣтить: „да, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя!"

О, братья! Какъ высока, какъ хороша прощающая любовь! Выше и лучше всего на свѣтѣ. Кто прощаетъ своего врага, кто протягиваетъ

ему первый руку, кто злодѣю платитъ добромъ, тотъ великъ и силенъ у Бога, хотя бы онъ малъ и слабъ былъ предъ людьми.

Отреченіе ап. Петра.

Можете ли вы прощать? Можете ли вы отъ искренняго сердца смириться предъ оскорбителемъ, заговорить съ нимъ по-дружески, забы-

вая вину, не укоряя за нее? Нѣтъ, скажете, это невозможно для обыкновеннаго мірского человѣка, но для того, на кого Христосъ обратилъ Свой Ликъ, кому оказалъ Свою милость — для того нетрудно. Этому много примѣровъ.

Въ Африкѣ жили два негра, враждовавшіе другъ съ другомъ и старавшіеся нанести другъ другу какъ можно болѣе убытка и непріятностей. Одинъ изъ этихъ негровъ встрѣтилъ въ полѣ маленькую дочку своего врага. Дикая бѣсовская мысль блеснула въ его головѣ: онъ отрубилъ дѣвочкѣ обѣ руки и въ такомъ жалкомъ положеніи отослалъ несчастную къ отцу.

Прошло много лѣтъ. Злодѣй сдѣлался старъ и слабъ, бѣдствовалъ и нищенствовалъ, не имѣя своего угла. Усталый, голодный однажды онъ повалился возлѣ какой то хижины. Жившая въ хижинѣ женщина поспѣшила ему помочь; но едва она его увидала, какъ остолбенѣла отъ ужаса: она узнала въ немъ врага своего отца, человѣка, который ей, въ то время дѣвочкѣ, отрубилъ обѣ руки. И вотъ теперь онъ весь въ ея власти. Но она уже сдѣлалась христіанкой и не расположена мстить. Держа руки подъ фартукомъ, подходитъ она къ несчастному старику, ласково съ нимъ заговариваетъ, приноситъ ему пищу и напитокъ, приглашаетъ его въ хижину и ухаживаетъ за нимъ, какъ за роднымъ отцемъ. Одно безпокоило обласканнаго старца: почему его хозяйка, находясь близъ него, не выпускала рукъ изъ подъ фартука. Наконецъ, онъ спросилъ ее: „почему она прячетъ руки?“ Она отвѣтила: „помнишь-ли ты ту маленькую дѣвочку, у которой ты отрубилъ руки, потому что она была дочь твоего врага? Это — я сама“. При этомъ она показала ему свои искалѣченныя руки и добавила: „въ миссіонерской школѣ я научилась отъ Спасителя за зло воздавать добромъ“.

А вотъ другой случай. Въ нѣмецко-французскую войну 1870 года одинъ нѣмецкій солдатъ обидѣлъ и хотѣлъ умертвить французскаго поселянина за недовольно скорое исполненіе своихъ безстыдныхъ требованій. Но въ кровавой битвѣ при Кульмѣ у этого жестокаго нѣмца гранатой оторвало обѣ ноги, и онъ былъ положенъ въ госпиталь. Слу-

Ап. Петръ предъ Іисусомъ Христомъ.

чайно вошелъ въ госпиталь и обиженный нѣмцемъ поселянинъ и увидалъ своего врага въ жалкомъ положеніи. Что же? обрадовался ли поселянинъ тому, что теперь врагъ уже не можетъ выполнить угрозу. Укорилъ ли онъ искалѣченнаго? Насмѣялся ли надъ его безсиліемъ? Нѣтъ; онъ взволнованный, тронутый вышелъ изъ госпиталя и вскорѣ принесъ раненому послѣднюю кружку молока, предназначавшагося дѣтямъ.

Не говорятъ ли эти примѣры моему сердцу: „иди, и ты твори такожде?“ О, конечно, у меня такихъ враговъ, какъ негръ, искалѣчившій дѣвочку, и нѣмецъ, готовый убить безвиннаго, никогда не будетъ. Но каждый день мнѣ представляться будетъ случай кротко, вѣжливо обходиться съ тѣми, которые отнесутся ко мнѣ гнѣвливо, презрительно, несправедливо, обидятъ меня безъ вины и причины. Буду же учиться первымъ протягивать руку обидчику, потому что тогда меня усыновитъ Тотъ, Кто Самъ полонъ любви, и я буду ученикомъ сказавшаго о Себѣ: „научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ“.

XVIII.

Вознесеніе Господне.

Священны и дороги сердцу каждаго христіанина всѣ тѣ библейскія мѣста, которыя мы созерцали, мысленно слѣдуя по стопамъ Христа Спасителя, какъ божественнаго Палестинскаго Странника. Вотъ — Іерусалимъ — градъ Великаго Царя, вотъ — Назаретъ — мѣсто безсѣменнаго зачатія, Виѳлеемъ — мѣсто рожденія небеснаго Царя, Ѳаворъ — мѣсто Преображенія, Голгоѳа — мѣсто страданій, смерти и погребенія Спасителя нашего. А вотъ и гора Елеонская. Здѣсь предѣлъ и вѣнецъ всѣхъ дѣлъ Спасителя на землѣ въ смиренной плоти человѣческой: отсюда Онъ вознесся на небо. *Изведъ же ихъ* (Апостоловъ) *вонъ* (изъ Іерусалима) *до Виѳаніи, и воздвигъ руцѣ Свои и благослови ихъ. И бысть егда благословяше ихъ, отступи отъ нихъ и возноша-*

шеся на небо (Лук. XXVI, 50). *Тогда возвратишася во Іерусалимъ отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже близъ Іерусалима* (Дѣян. I, 12).

Елеонъ! гора Елеонская! гора Масличная! Не въ первый разъ уже является эта мѣстность поприщемъ библейскихъ событій. Праотецъ и прообразъ Іисуса Христа св. Царь Давидъ поспѣшно восходилъ на эту гору, когда, низложенный, изгнанный и униженный своимъ недостойнымъ сыномъ Авессаломомъ, искалъ спасенія въ бѣгствѣ (2 Цар. XV, 23, 30). Отсюда, съ этой же горы онъ торжественно вступалъ въ свою столицу послѣ побѣды надъ врагами и послѣ постыдной смерти взбунтовавшагося сына. Чрезъ тысячу лѣтъ послѣ того, Господь и сынъ Давида, Сынъ Божій, какъ Царь міра, Царь кроткій и спасающій, шествовалъ съ горы Елеонской—на осляти, окруженный множествомъ ликующаго народа, при восклицаніяхъ: *осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне!* Но чрезъ немного дней, Іисусъ Христосъ снова идетъ изъ Іерусалима съ немногими лишь учениками, *на онъ полъ потока Кедрска*, въ гору Елеонскую (Іоан. XVIII, 1), для уединенной, пламенной—предсмертной молитвы. И чрезъ нѣсколько мучительныхъ часовъ, Онъ обратно переходитъ чрезъ тотъ же потокъ Кедрскій, на пути къ Іерусалиму, но уже связанный, окруженный толпою воиновъ и вооруженныхъ слугъ архіерейскихъ,—толпою озлобленныхъ враговъ, рѣшившихся уже погубить Его. Но вотъ дѣло спасенія міра совершилось! Тайна домостроительства Божія открывается. *Такъ подобаше пострадати, Христу и внити въ славу Свою.* И это вшествіе Христа, Сына Божія, въ славу начинается тамъ же, откуда началось шествіе Его на крестъ, — съ горы Елеонской.

По воскресеніи Господа Іисуса Христа, пречистое тѣло Его было уже—неземное; оно готово было въ тоже мгновеніе перенестись въ страну свѣта и блаженства,—на небо. Только для присныхъ, для братій Своихъ,—святыхъ Апостоловъ Господь оставался еще сорокъ дней на землѣ. Въ это время Онъ нѣсколько разъ являлся имъ сначала въ Іерусалимѣ, потомъ на родинѣ ихъ въ Галилеѣ, и бесѣдовалъ съ ними о тайнахъ царствія небеснаго, о тѣхъ Божественныхъ истинахъ Своего

ученія, о которыхъ они должны были возвѣстить всему міру, начиная отъ Іерусалима до послѣднихъ предѣловъ вселенной.

Прошли и эти сорокъ дней. Изъ Галилеи Іисусъ Христосъ ведетъ учениковъ своихъ снова въ Іудею, въ Іерусалимъ, а отсюда, чрезъ потокъ Кедрскій, въ гору Елеонскую, — до Виѳаніи. Что должны были чувствовать Апостолы, проходя теперь этотъ роковой потокъ Кедрскій? Еще такъ недавно они переходили его съ своимъ Учителемъ, убитые горестію и страхомъ, униженные, какъ бы потерянные. Теперь они видятъ Божественнаго Наставника побѣдителемъ смерти и ада, сіяющимъ неземною славою. Въ простосердечіи своемъ они думаютъ уже, что Учитель ихъ идетъ объявить себя царемъ израильскимъ, возстановителемъ упавшей скиніи дома Давидова. *Господи*, вопрошаютъ они, аще въ *лѣто сіе устрояеши царствіе израилево*? (Дѣян. I, 6). По переходѣ чрезъ потокъ Кедрскій, Апостолы могли сказать съ Псалмопѣвцемъ: *убо потокъ прейде душа наша*, — не ногами только, не однимъ тѣломъ, но душею перешли они этотъ потокъ: такъ много здѣсь пережили они и перечувствовали! Идя далѣе, Апостолы встрѣчаютъ все знакомыя и присно-памятныя мѣста. Вотъ Геѳсиманія, гдѣ еще недавно Учитель ихъ молился до кроваваго пота: *Отче Мой, аще возможно, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія;* гдѣ прогремѣлъ надъ ушами ихъ страдальческій голосъ Его: *возстаните, идемъ; се приблизися предаяй Мя.* Вотъ мѣсто, гдѣ Божественный Учитель преподалъ имъ ученіе о молитвѣ и научилъ ихъ молиться новозавѣтною молитвою: „Отче нашъ“. Вотъ Виѳсфагія, откуда началось шествіе на осляти; вотъ Виѳанія, гдѣ жилъ, умеръ и воскресъ,—еще такъ недавно, — другъ Господа—Лазарь. Вотъ, наконецъ, высшая точка горы Елеонской,—высочайшей изъ горъ, окружающихъ Іерусалимъ, Господь остановился. Исполнилось пророчество: *изыдетъ Господь и станутъ въ день онъ ногы Его на горѣ Елеонстѣй, яже есть прямо Іерусалиму на востокъ* (Захар. XIV, 3, 4). Къ востоку открывается отсюда видъ на долину Іерихонскую, гору искушенія, далѣе на Іорданъ, на горы моавитскія. Обратившись къ западу, взоръ падаетъ на Іерусалимъ, на горы іудейскія и простирается далѣе къ морю Средиземному. Обра-

Ему, какъ Богочеловѣку, власть на небеси и на земли,—власть, которую, какъ Богъ, имѣлъ Онъ отъ начала міра, — и царстію Его не будетъ конца.

Возстаніе Воскресшаго было сокрыто отъ взоровъ человѣческихъ; никто изъ смертныхъ не присутствовалъ при немъ, не былъ очевидцемъ этого событія. Вознесеніе Господа, напротивъ, совершилось въ глазахъ учениковъ,—зрящимъ имъ—вознесся ихъ Божественный Учитель. Почему-же это было такъ? Потому, что неприготовленные взоры учениковъ и учениць Іисуса Христа были бы поражены, ослѣплены, подавлены потрясающимъ, всемірнымъ событіемъ воскресенія Христова. Въ теченіе сорока дней Господь приготовлялъ, какъ мудрый воспитатель, умы и взоры учениковъ къ не менѣе славному и премірному событію — вознесенію Сына человѣческаго на небо. Вездѣ видна мудрая постепенность, всюду сіяетъ отеческая снисходительность Сына Божія къ немощамъ земнородныхъ. На Ѳаворѣ только немногимъ избраннымъ изъ Апостоловъ явилъ Господь славу Свою,—славу, яко Единороднаго отъ Отца; теперь цѣлому сонму учениковъ являетъ Онъ на горѣ Елеонской славу Сына человѣческаго, за пріятіе смерти, славою и честію вѣнчана (Евр. II, 9). Теперь всѣ они, во всѣхъ концахъ вселенной, могли открыто проповѣдывать: *еже видѣхомъ и слышахомъ, — повѣдаемъ вамъ, да и вы общеніе имате съ нами* (1 Іоан. I, 3).

Еще особенность: послѣ воскресенія Своего изъ мертвыхъ Господь какъ являлся ученикамъ Своимъ, такъ и скрывался отъ нихъ — неожиданно, мгновенно,—*абіе не видимъ бысть има.* При вознесеніи Своемъ, Господь остается съ учениками довольно продолжительное время, скрывается отъ взоровъ ихъ медленно, постепенно. Онъ ведетъ ихъ на гору Елеонскую, бесѣдуетъ съ ними, отступаетъ отъ нихъ, благословляетъ ихъ, облако подъемлетъ Его, возноситъ Его и наконецъ скрываетъ въ безпредѣльной высотѣ неба. Все это сдѣлано, конечно, для того, чтобы ученики убѣдились, что они видятъ не призракъ, не духъ, какъ думали прежде, а именно Божественнаго Учителя своего, облеченнаго плотію, восходящаго къ Отцу Своему. Преданіе говоритъ, что

Іисусъ Христосъ оставилъ на землѣ слѣды Своего вознесенія, видимые доселѣ, — это слѣды стопъ Его, отпечатлѣвшіеся на камнѣ. Даже поклонники лжепророка чтутъ этотъ памятникъ пребыванія на землѣ Сына Дѣвы Маріи; одинъ изъ отпечатковъ стопы Его на камнѣ хранится въ одной изъ знаменитѣйшихъ въ мірѣ мечетей—Омаровой, въ Іерусалимѣ. Отпечатокъ другой стопы остался на Елеонѣ. Здѣсь воздвигнута была повелѣніемъ Равноапостольной Елены великолѣпная кольцеобразная церковь, сводомъ которой служилъ—сводъ небесный, потому что было найдено неприличнымъ покрыть куполомъ то мѣсто, съ котораго Царь небесный вознесся на небо съ земною плотію. Къ сожалѣнію, и эта церковь теперь составляетъ достояніе невѣрныхъ и показывается вѣрнымъ только за деньги. Но православный русскій человѣкъ можетъ теперь утѣшаться тѣмъ, что на горѣ Вознесенія, близъ мѣста и церкви Вознесенія, на усердныя приношенія русскихъ людей, пріобрѣтено мѣсто, которое мы можемъ назвать—нашимъ, русскимъ,— и здѣсь помолиться на свободѣ, безъ смущенія и стѣсненія отъ иновѣрныхъ. Отсюда и теперь открывается видъ на ту же природу, на ту же земную поверхность, какія были предъ очами Апостоловъ въ день вознесенія Христова.

Итакъ бесѣду Свою о тайнахъ царствія небеснаго Іисусъ Христосъ заключилъ вознесеніемъ на небо. Евангелистъ описываетъ это событіе немногими, но выразительными чертами. *И сія рекъ, зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ* (Дѣян. I, 9). Облако подъемлетъ возносящагося Господа, — не потому, что Онъ имѣлъ въ немъ нужду, но для того, чтобы показать, что вся тварь должна служить Творцу своему. Такъ, звѣзда возвѣщаетъ мудрецамъ Востока рожденіе Царя израильскаго; солнце скрываетъ свой свѣтъ во время Его распятія, облако служитъ подножіемъ Ему во время славнаго вознесенія Его; и во второе Свое пришествіе Онъ явится со славою на облацѣхъ небесныхъ. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Онъ являлъ Свое присутствіе среди избраннаго народа въ столпѣ облачномъ: такъ во время вознесенія облако служитъ Ему какъ бы колесницею, для восхожденія къ Отцу небесному. Слишкомъ за четыреста лѣтъ св. пророкъ Даніилъ

предсказалъ и предъизобразилъ это событіе: „И се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь, идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и предъ Него приведеся. И Тому дадеся власть и честь, и царство, и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ; власть Его — власть вѣчная, яже не прейдетъ и царство Его неразсыплется (Дѣян, VII, 13. 14). Великая тайна Божества и человѣчества, тайна Божественнаго міроправленія получила теперь свое довершеніе и разъясненіе. ***Велія есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти, оправдася въ Дусѣ, показася Ангеломъ, проповѣданъ бысть въ языцѣхъ, вѣровася въ мірѣ, вознесеся во славѣ*** (1 Тим. III, 16).

Господь вознесся во славѣ, то есть, какъ Владыка всей видимой твари, повелѣвающій силами природы, Царь Ангеловъ и всѣхъ силъ небесныхъ. Эту славу Онъ имѣлъ у Отца прежде созданія міра; но на землѣ сокрылъ ее подъ покровомъ смертной плоти человѣческой. Теперь эта плоть прославленная, обоготворенная, возносится на небо и дѣлается причастной вѣчной славы, величія, и власти Сына Божія. Это явленіе Сына человѣческаго превыше небесъ изумило самихъ небожителей,— что пророчески и изображено у св. Давида. ***Возмите врата, князи, ваша,*** то есть, врата (небесныя) поднимите верхи ваши, — ***и возмитеся врата вѣчная,*** чрезъ которыя отъ вѣка никто изъ людей не проходилъ, — ***и внидетъ Царь славы:*** такъ восклицали Ангелы, сопровождавшіе отъ земли возносившагося Господа. На это Ангелы, желавшіе еще только приникнуть въ тайну искупленія, вопрошали: ***кто есть сей Царь славы?*** Первые Ангелы отвѣчаютъ: ***Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани*** (какъ Побѣдитель смерти, ада и діавола), и потому снова говоримъ: ***возмите врата, князи, ваша, и возмитеся врата вѣчная,—и внидетъ Царь славы.*** Но небесные Ангелы все еще недоумѣваютъ и потому спрашиваютъ: ***кто есть сей Царь славы? Господь силъ — Той есть Царь славы,*** рѣшительно отвѣчаютъ отъ земли прибывшіе Ангелы (Псал. XXIII, 7—10).

Господь вознесся на небеса. Слово „небо“ употребляется въ св. Писаніи въ различныхъ значеніяхъ: то какъ сводъ небесный, на которомъ какъ бы утверждены неподвижныя звѣзды и подъ которымъ дви-

жутся планеты; то какъ атмосфера, воздушное пространство, по которому парятъ и какъ бы плаваютъ птицы небесныя; то какъ жилище Ангеловъ и блаженныхъ душъ,—то какъ безконечное царство Отца небеснаго, въ которомъ пребываетъ Онъ съ Единосущнымъ Сыномъ и единославнымъ Духомъ Святымъ. Въ которомъ же изъ этихъ смысловъ сказано, что Господь Іисусъ Христосъ вознесся „на небо?“ Очевидно, что здѣсь подъ небомъ никакъ не должно понимать какое-либо опредѣленное пространство. Господь нашъ, по слову Писанія, прошелъ небеса (Евр. IV, 14), возшелъ превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая (Ефес. IV, 10). И прилично Царю вселенной, Владыкѣ Ангеловъ и человѣковъ, находиться превыше всего, чтобы наблюдать за всѣмъ и быть вездѣ. И потому св. первомученикъ Стефанъ видѣлъ Его въ отверстыхъ небесахъ, но не среди сонма Ангеловъ и блаженныхъ душъ, а одесную Бога Отца. *Се вижу*, говорилъ онъ, готовясь умереть за имя Христово, *небеса отверста и Сына человѣча одесную стояща Бога* (Дѣян. VII, 56). И такъ Сынъ человѣческій, Іисусъ Христосъ, пребываетъ тамъ же, гдѣ Сынъ Божій,—Богъ-Отецъ и Богъ Духъ Святый.

Господь Іисусъ Христосъ вознесся на небо и *сѣде одесную Бога* (Марк. XVI, 19). Сидѣніе одесную царя значитъ участіе въ царской славѣ, достоинствѣ и власти. Итакъ Спаситель нашъ, по вознесеніи Своемъ, возсѣлъ на престолѣ Божіемъ, какъ Богочеловѣкъ, получилъ власть надъ искупленнымъ Имъ міромъ и царствуетъ отъ моря до моря и отъ конца до конца вселенной. И объ этомъ ясно предсказалъ праотецъ и прообразъ Іисуса Христа, св. Давидъ. *Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя въ подножіе ногъ Твоихъ* (Псал. CIX, 1). Въ день вознесенія Христова исполнилось это пророчество псалмопѣвца: Господь Давида возсѣлъ одесную Господа Отца Его и царствуетъ на небеси и на земли. И теперь, *подобаетъ Ему*, Сыну Божію и Сыну человѣческому, *царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своима* (1 Кор. XV, 25). Богъ-Отецъ, воскресивъ Сына Своего отъ мертвыхъ, *посадилъ Его одесную Себе на небесныхъ, превыше всякаго начальства, и власти и силы и господства* (выше всѣхъ чиновъ

ангельскихъ) *и всякаго имене именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ. И вся покори подъ ногѣ Его; и Того даде главу выше всѣхъ церкви* [1]), *яже есть тѣло Его, исполненіе Исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Ефес. I, 20—23). Впрочемъ Господь Самъ еще раньше сказалъ предъ первосвященникомъ, фарисеями и книжниками іудейскими: *отселѣ узрите Сына человѣческаго, сѣдяща одесную силы и грядуща на облацѣхъ небесныхъ* (Матѳ. XXVI, 64). Такъ, не суетна вѣра наша, что Іисусъ Христосъ, въ Котораго вѣруемъ и въ Которомъ полагаемъ надежду спасенія, истинно родился отъ Дѣвы Маріи, страдалъ, умеръ, былъ погребенъ, воскресъ, вознесся на небо и, сѣдя одесную Отца, вѣчно царствуетъ надъ всею тварію, присутствуетъ въ Церкви Своей, просвѣщаетъ, оживляетъ и освящаетъ Духомъ Святымъ, ободряетъ, укрѣпляетъ и утѣшаетъ вѣрующихъ, всѣмъ сообщаетъ *жизнь, дыханіе и вся.*

Получивъ Божескую власть и сѣдя одесную Отца, Господь нашъ тѣмъ не менѣе пребываетъ и собратомъ нашимъ; человѣческая плоть, которую Онъ заимствовалъ отъ Дѣвы Маріи, остается и теперь плотію Богочеловѣка; по человѣчеству Онъ—плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ. *Святяи* насъ и мы, *освящаеміи,* отъ *единаго вси: ея же ради вины не стыдится нарицати насъ братіею, глаголя: возвѣщу имя Твое братіи Моей, посреде Церкве воспою Тя. Отнюдуже долженъ бѣ по всему подобитися братіи, да милостивъ будетъ и вѣренъ Первосвященникъ въ тѣхъ, еже къ Богу, во еже очистити грѣхи людскія.* Такъ, Онъ нашъ вѣчный Первосвященникъ, непрестанный Ходатай и могущественный Посредникъ предъ Богомъ. Самъ Отецъ небесный сказалъ Ему: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. CIX, 4). Но Онъ не могъ бы остаться нашимъ Первосвященникомъ, если бы пересталъ быть Богочеловѣкомъ, если бы сложилъ съ Себя природу человѣческую, — нашу природу. Нѣтъ, какъ въ дни уничиженія, на землѣ, видѣли въ Немъ Сына человѣческаго, такъ и во второе славное пришествіе всѣ

[1]) Послѣднія слова, не совсѣмъ ясныя по славянски, въ русскомъ переводѣ читаются такъ: „и поставилъ Его выше всего, главою Церкви, которая есть тѣло Его, — полнота Исполняющаго все во всемъ".

племена и народы, явившись на страшный судъ, *узрятъ* Его же, *Сына человѣческаго*, но уже прославленнаго, *грядущаго на облацѣхъ небесныхъ*

Вознесеніе Господне.

съ силою и славою многою (Матѳ. XXIV, 30). Воспріявъ плоть человѣческую во времени, Онъ сохранитъ ее вѣчно. Какая глубокая, непости-

жимая тайна! Но въ то же время какое высокое, отрадное вѣрованіе! Никогда ни одинъ самый глубокій мыслитель, самый восторженный почитатель достоинствъ природы человѣческой не сказалъ и не могъ сказать ничего, болѣе возвышающаго, болѣе облагораживающаго природу человѣческую! „Утѣшься, говоритъ одинъ древній церковный писатель,— утѣшься, моя смертная плоть! Во Христѣ, со Христомъ ты взошла на небо, въ царствіе Божіе. Кто отвергаетъ Христа на небѣ, тотъ отрываетъ тебя отъ неба. Христосъ принялъ на Себя плоть нашу и съ ней вознесся на небо; нашей же плоти Онъ ниспослалъ Духа Святаго, въ залогъ прославленія, ожидающаго ее на небѣ [1])". „Таже природа (человѣческая), говоритъ св. Златоустъ, — природа, предъ которой Херувимъ заключилъ врата рая, теперь съ величайшею славою возносится превыше Херувимовъ. Природа, которая нѣкогда внимала словамъ: *земля еси и въ землю отъидеши*, нынѣ востекла на небо и царствуетъ надъ міромъ вѣчно". Итакъ мы теперь можемъ съ дерзновеніемъ приступать къ Богу и престолу благодати Его; потому что на этомъ престолѣ возсѣдитъ не грозное, недоступное и невѣдомое Божество, но Искупитель нашъ и Ходатай, облеченный нашею плотію, въ которой, *искушенъ бывъ* (страданіями), *можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. II, 18). Но, съ другой стороны, ненадобно забывать и другого внушенія св. Апостола: *како убѣжимъ грядущаго гнѣва, о толицѣмъ нерадѣвше спасеніи? Волею бо согрѣшающимъ намъ, по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва. Страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. X, 26, 31).

Когда Господь возносился на небо, Апостолы въ благоговѣйномъ безмолвіи смотрѣли вслѣдъ за Нимъ; они устремляли взоры свои на небо даже и тогда, когда облако сокрыло отъ очей ихъ свѣтлый ликъ ихъ возлюбленнаго Учителя.

Но вотъ, *егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, — мужа два стаста предъ ними въ одеждѣ бѣлѣ*. Изъ множества Ангеловъ, сопровождав-

[1]) Tertullian. De resurrectione carnis.

шихъ возносившагося Господа, двое остались на землѣ и явились Апостоламъ. Изъ благоговѣйнаго уваженія предъ человѣчествомъ Сына Божія и изъ любви къ людямъ, Ангелы явились въ видѣ человѣческомъ, хотя лица и одежды ихъ показывали въ нихъ жителей инаго, высшаго міра. Небесные вѣстники обращаются съ рѣчью къ Апостоламъ: *мужіе галилейстіи! что стоите, зряще на небо?* Галилея и ея обитатели были въ презрѣніи у іудеевъ. Но не таковы мысли и совѣты Божіи, какъ мысли и совѣты человѣческіе. Еще пророкъ Исаія предвозвѣстилъ славу и счастіе Галилеи въ томъ, что жители ея первые увидятъ *свѣтъ великій* (Ис. IX, 2). Галилея была преимущественно мѣстомъ проповѣди и чудесъ Спасителя, родиною почти всѣхъ Апостоловъ. И потому названіе „галилеянъ", бывшее въ устахъ фарисеевъ укорительнымъ, теперь, въ устахъ Ангеловъ, стало почетнымъ и одобрительнымъ. Какъ предъ именемъ „Іисуса Назарянина" преклонилось *всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ:* такъ имена „Галилеянъ" благоговѣйно прославляются во всей вселенной, на небесахъ и на землѣ.

Что стоите, зряще на небо, сказали Ангелы Апостоламъ. „Для чего, какъ бы такъ говорили они, усиливаетесь вы тѣлесными очами видѣть въ небесахъ вашего Учителя? Онъ не разлучился отъ васъ, Онъ съ вами; но вы должны теперь видѣть Его очами вѣры и чувствовать сердцемъ. Припомните, что сказалъ Онъ вамъ на горѣ галилейской: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли; и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII, 18. 20). Итакъ, не теряя времени въ напрасныхъ усиліяхъ увидѣть Невидимаго, возвратитесь въ Іерусалимъ и ждите исполненія даннаго Имъ вамъ обѣтованія, готовьтесь къ достойному принятію Духа Святаго — Утѣшителя. Впрочемъ, вы увидите нѣкогда вашего Учителя и на землѣ, и тѣлесными очами: но это будетъ при скончаніи временъ, когда Онъ придетъ устроить царствіе израилево,—царство Божіе во всей вселенной. Но тогда вы увидите Его идущимъ не отъ земли на небо, а съ неба на землю. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имъ же образомъ* (видимо, торжественно, со славою) *видѣсте Его идуща на небо*» (Дѣян. I, 11).

Въ этихъ словахъ небожителей заключается не только предсказаніе о второмъ пришествіи Христовомъ, но и утѣшеніе какъ для Апостоловъ, такъ и для всѣхъ ихъ послѣдователей во всѣ времена и во всѣхъ народахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Апостолы знали отъ Самаго Іисуса Христа, что ихъ ждутъ въ мірѣ скорби, гоненія, мученія, насильственная смерть. И на все это они шли не только безъ страха и смущенія, но еще съ радостію. Ихъ утѣшала мысль, что все это они терпятъ для возлюбленнаго Учителя и по допущенію Его, что придетъ Онъ на землю и объявитъ правду ихъ предъ всѣмъ міромъ, и возсядутъ они съ Нимъ на дванадесяти престолахъ. Эта же мысль должна служить всякому истинному христіанину утѣшеніемъ среди разнородныхъ трудовъ, скорбей и напастей въ этомъ мірѣ. Пріидетъ Господь и во свѣтъ приведетъ тайны тьмы и объявитъ совѣты сердечныя,—и тогда-то будетъ каждому воздаяніе по дѣламъ отъ Бога! Пройдутъ вѣка. И вотъ явится на небеси знаменіе Сына человѣческаго (св. Крестъ) и *якоже молнія исходитъ отъ востока и является на западъ: тако* (быстро и внезапно) *будетъ пришествіе Сына человѣческаго. И восплачутся вся колѣна земная, и узрятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою* (Матѳ. XXIV, 28—31). Самые праведники, въ сознаніи своихъ немощей, при воспоминаніи о грѣхопаденіяхъ вольныхъ и невольныхъ, смутятся при этомъ и вострепещутъ. Но кроткій видъ Сына человѣческаго, въ Котораго они отъ всего сердца вѣровали, слѣды язвъ на рукахъ, ногахъ и въ ребрахъ Его, — язвъ, которыми искупилъ Онъ грѣхи всего міра, — прольютъ отраду и утѣшеніе въ сердца вѣрныхъ. И простретъ Онъ надъ ними, какъ нѣкогда при вознесеніи на небо, благословляющія руки Свои и скажетъ имъ: *пріидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34). Вотъ почему Апостолы, въ день вознесенія Господня, возвратились въ Іерусалимъ съ радостію великою, почему они и впослѣдствіи радовались, когда за имя Господа Іисуса сподоблялись безчестіе пріяти (Дѣян. V, 41).

Между временемъ вознесенія Господня и временемъ второго при-

шествія лежитъ та великая година, которую св. Апостолъ Іоаннъ Богословъ называетъ послѣднею (1 Іоан. II, 18). Какъ велика будетъ эта година и когда она кончится, никому неизвѣстно, кромѣ Бога. Пришествія Христова надобно ждать во всякое время, всякій день; оно можетъ совершиться именно тогда, когда всего менѣе ждутъ его. Потому Апостолы должны были, — а всѣ христіане и теперь должны,— непрестанно бодрствовать, ожидая пришествія Господа славы. Имъ *подобаетъ,* по наставленію св. Апостола Петра, *быти во святыхъ пребываніихъ и благочестіихъ, чающимъ и скорѣе быти желающимъ пришествія Божіяго дне, егоже ради небеса жегома разорятся и стихіи опаляеми растаются* (2 Петр. III. 11, 12). Такъ, Господь снова пріидетъ на землю, хотя эта земля и считается ничтожною песчиною въ безпредѣльномъ океанѣ міровъ и свѣтилъ небесныхъ. Именно она приготовитъ Ему тронъ для суда надъ всѣмъ міромъ, какъ нѣкогда приготовила ясли для Спасителя міра. Сіяніе лика Христова освѣтитъ нѣкогда нашу планету, какъ прежде слезы, потъ и кровь Его оросили ее. Небо и земля прейдутъ, а слова Его не прейдутъ.

Съ твердою вѣрою въ непреложность обѣтованій Божіихъ, съ пламенною любовію къ Божественному Наставнику своему, съ неизмѣнною рѣшимостію исполнить на землѣ волю Его, и съ радостію великою въ сердцѣ,—возвратились Апостолы въ Іерусалимъ отъ горы, нарицаемой Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь. Гора Вознесенія называется Елеонъ, Елеонскою, Масличною потому, что на ней росло много масличныхъ деревьевъ, остатки которыхъ видны и доселѣ въ саду Геѳсиманскомъ, находящемся на первомъ, низшемъ уступѣ этой горы. Она также называлась горою свѣтовъ, потому что озарялась не только лучами восходящаго и заходящаго солнца, но и множествомъ свѣтильниковъ и жертвенныхъ огней, пылавшихъ въ храмѣ Соломоновомъ, во дворѣ и притворахъ его. Она отстояла на субботній путь, то есть на такое разстояніе, какое древнему іудею позволялось закономъ пройти въ субботній день отъ своего дома. По закону Моисееву, іудеямъ запрещено было выходить въ субботу изъ палатокъ за

черту лагеря, для собиранія манны, или для другихъ какихъ-либо надобностей (Исх. XVI, 29); нарушителей этого закона побивали камнями. Впослѣдствіи, на основаніи распоряженія Іисуса Навина (гл. III, 4), постановлено, что іудей въ субботу не долженъ дѣлать болѣе двухъ тысячъ шаговъ, то есть, тысячу шаговъ до назначеннаго мѣста и тысячу — обратно, къ дому. Итакъ Елеонская гора, или собственно основаніе ея находится отъ восточной стѣны Іерусалима на тысячу шаговъ, или локтей. Такъ, жизнь еврея на каждомъ шагу ограждена была до самыхъ подробностей предписаніями закона. Съ христіанъ снято это иго; они свободны отъ обрядоваго Моисеева закона: но, къ сожалѣнію, эта свобода употребляется иногда во зло, ведетъ къ грѣху и погибели. Какъ проводятъ многіе изъ христіанъ воскресные и праздничные дни, это всякому извѣстно. Можетъ ли что нибудь быть постыднѣе и безобразнѣе, какъ тѣ шумныя увеселенія и излишества, которымъ почти за долгъ считаютъ иные посвящать дни праздниковъ? Не такъ проводили время святые Апостолы и первые ученики ихъ.

И егда внидоша (въ Іерусалимъ, послѣ вознесенія Господа), *взыдоша на горницу.* Эта горница была въ верхней части дома, находившагося, по преданію на Сіонѣ, — южномъ возвышеніи Іерусалима, и принадлежавшаго Іоанну Богослову. Здѣсь совершилась тайная вечеря; здѣсь явился Іисусъ Христосъ ученикамъ Своимъ въ первый и осмой дни по воскресеніи; здѣсь же собрались Апостолы, возвратившись отъ горы Елеонской; здѣсь и оставались они до дня Пятьдесятницы, въ теченіе десяти дней.

Какъ же провели они эти десять дней? *Бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ Маріею Матерію Іисусовою и* (такъ называемою) *братіею Его* и прочими *женами*-ученицами Господа. Въ своемъ Евангеліи св. Лука говоритъ, что ученики и ученицы Іисуса Христа *бяху выну въ церкви* (ἐν τῷ ἱερῷ), хваляще и благословяще Бога. Сіонская горница, послѣ совершенія въ ней Тайной Вечери Самимъ Великимъ Первосвященникомъ, могла, конечно, называться и святилищемъ, и церковію, и храмомъ. Однако иные думаютъ, что Апостолы, по вознесеніи Господа,

постоянно пребывали въ храмѣ Соломоновомъ; но этого нельзя допустить, имѣя въ виду непріязненныя отношенія іудеевъ къ послѣдователямъ Іисуса Христа. Если они и бывали въ храмѣ іерусалимскомъ, то, безъ сомнѣнія, только въ извѣстные часы, назначенные для общей молитвы всего израильскаго народа.

Итакъ, первые ученики и ученицы Спасителя провели день Вознесенія и слѣдующее время до дня Пятьдесятницы,—до сошествія Святаго Духа,—въ единодушной молитвѣ и моленіи, хваля и благословляя Бога. О, если бы и мы, называющіеся чадами Апостольской Церкви, усвоили себѣ хотя нѣсколько этотъ обычай и способъ встрѣчать и проводить святые дни, — взяли бы себѣ въ образецъ примѣръ святыхъ Апостоловъ,—такъ какъ законъ жизни христіанской всегда былъ одинъ. Онъ „не прейдетъ во вѣки". Какъ во дни апостоловъ, такъ и теперь Христосъ Спаситель долженъ быть главнымъ центромъ нашего бытія, главнымъ предметомъ нашихъ думъ и помышленій: ибо несмолкаемо. въ роды и роды будетъ звучать съ неба голосъ вознесшагося Спасителя: се Азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка. Аминь.

Аминь!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

Стр.

Палестина 3
Въ Назаретѣ 13
Виѳлеемъ 25
Пастухи 34
Царь Иродъ 43
Обрѣзаніе и Срѣтеніе Господне 48
Мудрецы съ Востока и бѣгство въ Египетъ 58
Дѣтскіе годы 71
Повседневная жизнь еврейской семьи 76
Двѣнадцатилѣтній Отрокъ въ Іерусалимскомъ храмѣ 82

Часть II.

Іоаннъ Креститель 92
На берегахъ Іордана 102
Въ пустынѣ 110
Первые ученики 126
На бракѣ въ Канѣ Галилейской 139
Капернаумъ и первая Пасха 148
Никодимъ 158
Бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою 170
Въ Галилеѣ 187
Евангельскія блаженства 196
Евангельская правда и молитва Господня 212

Стр
Второе призваніе апостоловъ 222
Чудеса Іисуса Христа въ Капернаумѣ и его окрестностяхъ 227
Притчи Христа Спасителя: о сѣятелѣ, о плевелахъ и о зернѣ горчичномъ [1]). 246
Притча Христа Спасителя о блудномъ сынѣ. 257
Притча Христа Спасителя о милосердомъ самарянинѣ [2]) 266
Притча о богачѣ и Лазарѣ [3]) 277
„Гласъ вопіющаго въ пустынѣ“ умолкъ [4]) 284
Іисусъ Христосъ—Добрый Пастырь [5]). 292
Неизреченное милосердіе Спасителя [6]). 301
Преображеніе Господне [7]) 315
Первый исповѣдникъ [8]) 331
Слезы Христовы [9]) 348
Воскрешеніе Лазаря [10]) 354

Часть III.

Входъ Господень въ Іерусалимъ [11]). 366
Безплодная смоковница 377
Бесѣды Христовы въ страстной вторникъ [12]) 384
Іуда предатель 393
Омовеніе ногъ на тайной вечери [13]) 401
Тайная вечеря [14]) 413
Прощальная бесѣда Іисуса Христа съ учениками [15]) 419
Преданіе [16]) 431
Судъ надъ Іисусомъ Христомъ [17]) 441
Крестный путь) [18]. 456

---

[1]) Изъ „Воскреснаго Чтенія“ 1882 г.

[2]) Изъ проповѣди Вине „Кто мой ближній“.

[3]) Изъ журнала „Радость Христіанина“ 1893 г. VII кн., с. 34—44.

[4]) Изъ журнала „Радость Христіанина“ 1896 г. IX, с. 32—40.

[5]) Изъ проповѣди Пикара „Добрый Пастырь“.

[6]) „Радость Христіанина“ 1896 г. IV и свящ. Г. Петровъ. Зерна добра, с. 130—41.

[7]) „Радость Христіанина“.

[8]) Изъ журнала „Воскресная Бесѣда“.

[9]) и [10]) Изъ книгъ: — свящ. Н. Успенскій „Христіанскія разсужденія и размышленія“ и „Семейство Виганіи“ (перев. съ французскаго).

[11]) Павелъ, арх. Казанскій. Слова и рѣчи. 1889 г. 115—26.

[12]) Никаноръ, арх. Одесскій и Херсонскій. Т. II, 37—45.

[13]) Изъ проповѣди Берсье „Тайная вечеря“ (Правосл. Обозрѣніе 1888 г. Мартъ).

[14]) Изъ Воскреснаго Чтенія 1879 г. № 13.

[15]) Рязанскія Епархіал. Вѣд. 1903 г. № 7—8.

[16]) Иннокентій, еп. Херсонскій. Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа.

[17]) Костромскія Епарх. Вѣдом. 1903 г.

[18]) Изъ книги „Размышленія о страданіяхъ Іисуса Христа“.

Стр.
На Голгоѳѣ [1] 461
Погребеніе Христово [2] 470
Спаситель во гробѣ [3] 477
Воскресеніе Христово [4] 483
Еммаусскіе путники [5] 503
„Не буди невѣренъ, но вѣренъ“ [6] 516
На берегу озера 529
Вознесеніе Господне [7] 539

[1]) Изъ книгъ: арх. Сергій „Подъ впечатлѣніями жизни“ и прот. М. И. Хитровъ „Голосъ пастырскаго сердца“, т. I.

[2]) Изъ книги „Размышленія о страданіяхъ Іисуса Христа“.

[3]) Изъ книги „Праздники Господни“.

[4]) Изъ книгъ: прот. М. И. Хитрова „Голосъ пастырскаго сердца“, т. I, и А. В. Круглова „Дневникъ православнаго мірянина“, с. 91—99.

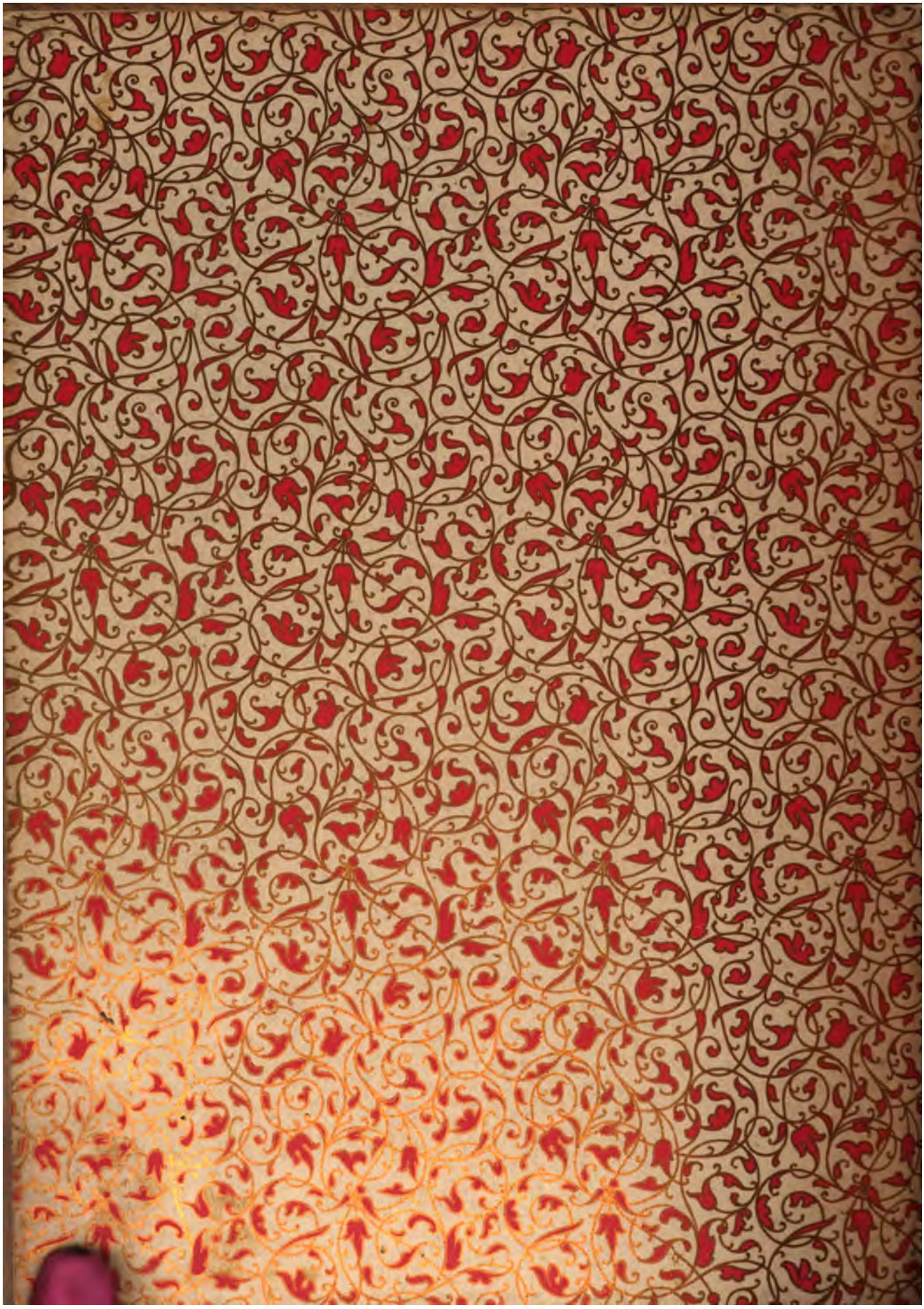
[5]) Христіанское Чтеніе. 1855 г., ч. I.

[6]) Труды Кіев. Дух. Ак.

[7]) Духовныя Бесѣды 1874 г., т. I.

Stanford University Libraries
3 6105 023 693 703

13



CECIL H. GREEN LIBRAR
STANFORD UNIVERSITY LIBR
STANFORD, CALIFORNIA 943
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE